

ANNALES CONTEMPORAINES

СОВРЕМЕННАЯ ЗАПИСКИ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ

при ближайшемъ участіи:

Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка,
В. В. Руднева

XLIII

1930
ПАРИЖЪ

Imprimerie «Union», 13, rue Méchain, Paris

ОГЛАВЛЕНІЕ

1. М. Алдановъ. — БѢГСТВО (Романъ).	5
2. М. Осоргинъ. — ПОВѢСТЬ О СЕСТРѢ.	77
3. Н. Берберова. — ПОСЛѢДНІЕ И ПЕРВЫЕ.	145
4. В. Сиринъ. — ПИЛЬГРАМЪ (Разсказъ).	191
5. З. Гиппиусъ. — СТИХОТВОРЕНІЯ.	208
6. Ант. Ладинскій. — ТАМЪ, * (Стих.).	211
7. Д. Мережковскій. — ОТЧЕГО ПОГИБЛА АТЛАНТИДА?	213
8. В. Ходасевичъ. — ДЕРЖАВИНЪ.	247
9. В. Маклаковъ. — ИЗЪ ПРОШЛАГО.	288
10. Л. Шестовъ. — О ВТОРОМЪ ИЗМѢРЕНІИ МЫШЛЕНІЯ. . . .	311
11. М. Ростовцевъ. — О БЛИЖНЕМЪ ВОСТОКѢ.	353
12. Н. Лосскій. — ЭТИЧЕСКІЯ И РЕЛИГІОЗНЫЯ УЧЕНІЯ Т. Г. МАСАРИКА.	376
13. М. Вишнякъ. — ЗАРУБЕЖНЫЯ ИСКАНІЯ.	387
14. Г. Федотовъ. — ПРОБЛЕМЫ БУДУЩЕЙ РОССИИ.	406
15. М. Кроль. — «ГЕНЕРАЛЬНАЯ ЛИНІЯ».	438

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ.

16. И. Голенищевъ-Кутузовъ. — ЛИРИКА ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА. . . .	463
17. П. Прокофьевъ. — КРИЗИСЪ СОВѢТСКОЙ ФИЛОСОФИИ.	471
18. К. Гулькевичъ. — ПАМЯТИ ФРИДТЬОФА НАНСЕНА.	488

19. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

М. Алдановъ. — Алексѣй Толстой: Петръ I	493
М. Цетлинъ. — О. Савицъ: Воображаемый Собесѣдникъ.	494
М. Цетлинъ. — А. Высоцкій: Суббота и Воскресенье	496
М. Цетлинъ. — Catalogue des Périodiques Slaves par Boris Unbegaun.	497
Мих. Осоргинъ. — Ф. Ф. Даниленко: Оторванный (Повѣсть).	498
Георгій Адамовичъ. — Кнуть Гамсунъ: Бродяги (Романъ).	499
П. Биццли. — Андрей Бѣлый: Ритмъ какъ діалектика.	501
С. I. Гессенъ. — О Достоевскомъ. Сборн. ст. подъ ред. А. Бема.	503

Еж. Кусова. — «Московский Университетъ 1755-1930».	506
В. Мякотинъ. — П. Миллюковъ: Очерки по исторіи русской культуры. Томъ третій. Национализмъ и европеизмъ.	510
А. Кизеветтеръ. — Проф. С. В. Бахрушинъ: Очерки по исторіи колонизаціи Сибири въ 16 и 17 в. в.	514
Сергій Завадскій. — Законъ и судъ. Вѣстникъ русскаго юридическаго общества въ Латвіи. № № 1 - 8.	518
М. Брайкевичъ. — In the land of communist dictatorship by A. V. Baikalov.	520
П. Брудкусъ. — Arthur Feiler. Das Experiment of Bolschewismus.	523
Д. Чижевскій. — Б. Вышеславцевъ: Сердце въ христіанской и индійской мистикѣ.	525
С. I Гессенъ. — G. D. H. Cole. The Next Ten Years in British Social and Economic Policy.	527
С. I Гессенъ. — S. N. Harper. Civic training in Soviet Russia.	531
Списокъ новыхъ книгъ, поступившихъ для отзыва въ редакцію « Современныхъ Записокъ ».	534
Семинаріи имени Н. П. Кондакова въ Прагѣ.	535
Объявленія.	540

Б ъ г с т в о

I

Между двойными стеклами оконъ осенью не положили ваты, не поставили стаканчиковъ съ сѣрной кислотой. Паркетовъ не натирали три мѣсяца, субботнихъ уборокъ не дѣлали. Но работы у Маруси было больше, чѣмъ прежде. Послѣ смерти барыни горничная ушла, и Маруся осталась у Яценко одной прислугой. Доходы ея отъ этого не увеличились; начай теперь почти никто не оставлялъ: въ передней, уходя, гости надѣвали шубы безъ помощи Маруси и, стараясь на нее не глядѣть, смущенно выходили на улицу. Маруся у дверей строго-пристально на нихъ смотрѣла, впрочемъ больше потому, что этого требовалъ профессиональный долгъ. Въ дѣйствительности чувства ея были сложные: ей и жалко было господъ, но было и пріятно, что всѣ они раззорились. Такое же чувство, только еще болѣе тонкое, Маруся испытывала и въ отношеніи Николая Петровича. Соболѣзнованіе въ ней преобладало: она искренно любила барина, Витю, и заливалась непритворными слезами, когда отъ новой болѣзни, называвшейся испанкой, скоропостижно умерла Наталья Михайловна (хоть ее прислуга любила значительно меньше). Тѣмъ не менѣе Маруся говорила теперь съ Николаемъ Петровичемъ грубовато-фамильярнымъ тономъ, который прежде былъ бы невозможно. Жалованья ей давно не платили. Питались они все хуже. Съѣстные припасы трудно было доставать въ Пе-

---

*) Этотъ романъ связанъ фабулой и общими дѣйствующими лицами съ романомъ «Ключь».

тербургѣ и за большія деньги, а у нихъ въ домѣ денегъ было очень мало. Витя завтракалъ въ училищѣ, обѣдалъ и жилъ у Кременецкихъ, которые на время взяли его къ себѣ послѣ смерти Натальи Михайловны. Николай Петровичъ былъ теперь ко всему равнодушень. Видъ у него былъ ужасный, — всѣ къ нему приходившіе говорили это въ одинъ голосъ, чувствуя, что эти слова пріятны Николаю Петровичу.

Объ ужасномъ видѣ Яценко въ этотъ темный зимній день сказалъ съ силой, точно требуя какихъ-то выводовъ изъ своихъ словъ и соотвѣтственныхъ дѣйствій, Владиміръ Ивановичъ Артамоновъ, забѣжавшій къ нимъ на минуту. Въ ту зиму 1917 - 18 г. г. люди не просто приходили другъ къ другу въ гости, а забѣгали на минуту, о чемъ тотчасъ, еще въ передней, предупреждали, какъ бы успокаивая хозяевъ. Это нисколько не мѣшало оставаться долго, до поздняго вечера: дѣлать всѣмъ было нечего. Впрочемъ, и поздній вечеръ теперь наступалъ въ десять или въ одиннадцать. Прежде въ эти часы настоящіе петербуржцы еще подумывали у себя дома, не пойти ли попозднѣе куда-нибудь, скоротать вечерокъ. Теперь послѣ полуночи выходить на улицу было непріятно: изъ устъ въ уста ежедневно передавались рассказы о ночныхъ нападеніяхъ и грабежахъ въ лучшихъ частяхъ города.

Пріятели часто бывали у Яценко. Дома никому не сидѣлось, а къ Николаю Петровичу ходить было естественно, никакого предлога не требовалось: приходили его развлекать послѣ случившагося съ нимъ тяжкаго несчастья «Да, доброе дѣло посидѣть съ нимъ, хотя, знаете, бываетъ и тяжело», — говорили друзья, — «вѣдь совсѣмъ разбитый, ковченый человекъ»... Развлекали Яценко по разному: одни старались разговаривать о постороннихъ предметахъ, другіе, напротивъ, умышленно говорили о покойной Натальѣ Михайловнѣ и, въ отсутствіе Николая Петровича, доказывали, что именно такъ и нужно поступать: «Что-жь съ нимъ о политикѣ разговаривать, это фальшь:

у него вѣдь только покойница на умѣ и, навѣрное, ему гораздо пріятнѣе, когда говорятъ о ней»...

Впрочемъ и тѣ, которые такъ думали, скоро съ воспоминаній о Натальѣ Михайловнѣ переходили на другой предметъ, единственно всѣхъ тогда занимавшій: говорили о томъ, что надо уѣзжать, что «быть Петербургу пусту» (кто-то разыскалъ и пустилъ это старинное предсказаніе), и сообщали новые слухи о нихъ, объ ихъ дѣлахъ и намѣреньяхъ (большевиковъ въ столицѣ называли не иначе, какъ о ни). Маруся, подавъ чай безъ сахара и хрустальную вазочку съ вареньемъ, оставшимся отъ барыни въ большомъ количествѣ, у порога открыто прислушивалась къ разговорамъ господъ, что, конечно, такъ же было бы невозможно прежде.

— А вотъ, помяните мое слово, дражайшій Семень Сидоровичъ, больше двухъ мѣсяцевъ они не продержатся, — горячо говорилъ Артамоновъ Кременецкому, тоже зашедшему провѣдать Николая Петровича. — Два мѣсяца, и каюкъ, попомните мои слова!

— Попомнить попомню и, разумѣется, все это мыльный пузырь и препоганый мыльный пузырь, — озабоченно отвѣчалъ Кременецкій, — а все-таки пора, пора, батенька, на югъ. Вѣдь и два мѣсяца надо какъ-нибудь прожить... Что-жъ дѣлать? Боленъ, боленъ народъ...

Артамоновъ и Кременецкій прежде никакъ не стали бы называть другъ друга «дражайшій» и «батенька». Они и знакомы были далеко не близко.

— На югъ! — воскликнулъ Владиміръ Ивановичъ и сгоряча взялъ еще варенья изъ вазочки, на которую онъ давно поглядывалъ (ему и хотѣлось сладкаго, и совѣстно было въ голодномъ Петербургѣ объѣдать Николая Петровича). — Чѣмъ же на югъ лучше?

Завязался споръ. Артамоновъ признавалъ, что народъ боленъ, но не могъ понять, почему онъ боленъ только на сѣверѣ. Семень Исидоровичъ объяснялъ это историческими причинами, разницей въ характерѣ землевладѣнія въ

Великороссіи и на Украинѣ. Спорилъ Кременецкій очень учтиво, съ оговорками въ пользу противника, развѣ только чуть-иронически, — такъ, опытный ораторъ, отвѣчая въ заключительномъ словѣ оппонентамъ, вѣжливо оговаривается: «вѣроятно, я выразился недостаточно ясно», давая однако понять интонаціей, что дѣло отнюдь не въ неясности его выраженій, а въ глупости его оппонентовъ.

— Я старый строй не защищаю, — кричалъ не совсѣмъ кстати Владиміръ Ивановичъ, — многое у насъ было худо, но такого, такого у насъ съ сотворенія міра не было!..

— Да кто же говоритъ? — удивлялся Семень Исидоровичъ. — Я говорю не о старомъ строѣ, а о проблемѣ дня.

— И я о проблемѣ дня!

— Фактъ на-лицо: югъ сытъ, а сѣверъ голодаетъ. Марфуша покушай, а Макавей поговѣй!.. И ужъ одно я твердо знаю — это то, что полтавскіе дядьки ни о какихъ рачьихъ и собачьихъ депутатахъ слышать не хотятъ. Повѣрьте мнѣ, оздоровленіе придетъ оттуда, въ результатѣ сначала дезинтегрирующаго, а потомъ интегрирующаго процесса...

— Да что вашъ югъ, его и вообще, увидите, не сегодня-завтра цѣликомъ оккупируютъ ваши нѣмцы! — кричалъ Владиміръ Ивановичъ. Онъ все еще ненавидѣлъ нѣмцевъ, но гораздо менѣе остро, чѣмъ прежде, и уже не называлъ ихъ швабами.

— Югъ, если хотите, мой, — съ достоинствомъ отвѣчалъ Кременецкій, — а нѣмцы такъ же мои, какъ ваши.

— Вы какъ знаете, а я подъ защиту нѣмецкихъ штыковъ становиться не желаю!

— И я, повѣрьте, не желаю, но что-жъ теперь дѣлать?.. Развѣ я не говорилъ съ перваго дня революціи, что этотъ человѣкъ погубитъ Россію?..

Николай Петровичъ не разъ слышалъ такіе споры съ разными вариантами. Онъ устало слушалъ и иногда для приличія вставлялъ нѣсколько словъ.

Защитивъ свой взглядъ, Семень Исидоровичъ взглянулъ на часы и поднялся.

— Однако, пора, девятый часъ, — сказалъ онъ и простился съ хозяиномъ, особенно крѣпко пожавъ ему руку. Николай Петровичъ проводилъ гостя въ переднюю и тамъ еще разъ сердечно поблагодарилъ Кременецкаго за Витю.

— Вѣрно онъ вамъ въ тягость...

— Да что вы, какъ вамъ не стыдно! — съ чувствомъ сказалъ Семень Исидоровичъ. — Мы всё съ нимъ такъ сжились, онъ у насъ теперь какъ родной. И вы знаете, онъ полезень въ домъ: бываетъ, Муся уходитъ подь вечеръ, такъ намъ спокойнѣе, когда онъ ее провожаетъ: все-таки не одна, вдвоемъ не такъ жутко.

— Ну, спасибо... Поблагодарите, пожалуйста, и Тамару Матвѣвну. А милая невѣста ваша какъ?... Когда же свадьба? — спросилъ устало, съ видимымъ усилиемъ, Николай Петровичъ. Семень Исидоровичъ развелъ руками.

— А я знаю, когда? — недовольно отвѣтилъ онъ. — За погодьемъ перевозу нѣтъ. Когда война кончится, тогда и свадьба... Если она когда-нибудь кончится, проклятая... Ну, прощайте, дорогой... Ахъ, да, — добавилъ онъ, не совсѣмъ естественно заторопившись и поднимая со стула изъ-подъ мѣховой шапки что-то завязанное въ бумагу. — Имѣю порученіе, впрочемъ не къ вамъ, а къ Марусѣ... Жена велѣла вамъ сіе передать. Мы съ оказіей получили отъ родныхъ съ юга цѣлое сокровище, — смѣясь, сказалъ онъ, — такъ вотъ малую толику Тамара Матвѣвна проситъ васъ принять въ презентъ... Возьмите, Маруся.

— Спасибо большое... Но, право, это лишнее, у насъ все есть...

— Какъ же все? Что вы! Сахара во всемъ домѣ ни кусочка, — вмѣшалась Маруся, съ удовлетвореніемъ принимаемая объемистый пакетъ.

— Не знаю, право, какъ васъ благодарить за вашу любезность.

— Неужели вамъ не совѣстно?.. Я вамъ-говорю, мы цѣ-

люю Голконду получили... Хотимъ даже по сему случаю устроить пиръ на весь мiръ, т. е. позвать на обѣдъ васъ и еще двухъ-трехъ друзей... Предупреждаю, сбѣдъ и съ Голкондой будетъ скверный: минули дни счастливые Аранжуэца! Попили ихъ кровушки, правда, Маруся?.. Очень, очень васъ просимъ... И Витѣ будетъ такъ прiятно.

— Спасибо...

— Значить, придете... Что-жъ, дорогой Николай Петровичъ, надо крѣпиться и взять себя въ руки, — застегиваясь, сказалъ вполголоса Кременецкiй. Онъ подумалъ, что въ этотъ день ни разу въ разговорѣ не вспомнилъ о Натальѣ Михайловнѣ (Семень Исидоровичъ доказывалъ, что надо о ней говорить съ Яценко). — Близкiе уходятъ, а намъ приказываютъ долго жить. Я увѣренъ, и покойница хотѣла бы, чтобъ вы бодро перенесли это ужасное испытанiе... Берите примѣръ съ Вити. А ужъ какъ онъ ее любилъ! — сказалъ Кременецкiй тѣмъ книжно-плаксивымъ тономъ, которымъ теперь обычно говорили съ Яценко. — Такъ до скораго свиданья...

Онъ вынулъ заложенную въ лѣвую перчатку ассигнацію и сунулъ ее Марусѣ, которая очень его выдѣляла изъ числа гостей.

— До свиданья, Маруся... Если что нужно, протелефоньте...

Семень Исидоровичъ поднялъ воротникъ, вышелъ, тутъ же забывъ о Николаѣ Петровичѣ, и кликнулъ извозчика. Экипажа у него съ октября не было.

Яценко вернулся въ столовую. Артамоновъ тоже съ нимъ простился. Онъ и задержался для того, чтобы не выходить съ Кременецкимъ, котораго все-таки недолго любилъ, несмотря на сблизившую ихъ общую петербургскую бѣду.

— И вы уходите? Спасибо, что зашли, Владимiръ Ивановичъ, — безучастнымъ голосомъ сказала Яценко. Артамоновъ взглянулъ на него и вдругъ вспомнилъ Наталью Михайловну, прежнiй милый домъ, гдѣ такъ были рады

гостямъ. «Да, здѣсь кончено», — тоскливо подумалъ онъ. — «А можетъ, вездѣ кончено и старое никогда не вернется»...

— Ну, прощайте, дорогой другъ, — сказала онъ крѣпко стиснувъ руку Николаю Петровичу.

На кухнѣ Маруся развернула пакетъ. Тамъ было два фунта прекраснаго сахара-рафинада, кофе, конденсированное молоко. Она съ особымъ удовольствіемъ разложила все такъ, какъ лежало при Натальѣ Михайловнѣ, когда были полны стоявшія на полкахъ фаянсовыя коробки съ надписанными названіями продуктовъ. Маруся собиралась уходить, но, не удержавшись, тутъ же поставила на огонь воду, насыпала кофе въ мельницу и привычнымъ движеніемъ принялась вертѣть ручку. Это доставило ей такое удовольствіе, что она нарочно медленно вертѣла, то открывая, то закрывая полукруглую крышку, подъ которой понемногу опускалось зерно. Когда ручка пошла легко, впустую, Маруся вытащила изъ мельницы ящикъ, съ наслажденіемъ понюхала ароматный коричневый порошокъ и сварила кофе. Она налила себѣ стаканъ, выпила, улыбаясь отъ радости, горячаго кофе съ двумя кусками сахара, съ полной ложкой конденсированнаго молока. Затѣмъ поставила другой стаканъ съ сахарницей на поднось и торжественно понесла въ кабинетъ барина.

Николай Петровичъ лежалъ на диванѣ. Онъ теперь и спалъ въ кабинетѣ. Вмѣсто ночнаго столика у дивана стоялъ табуретъ, покрытый газетнымъ листомъ, который никогда не мѣнялся.

— Кофе принесла, — сказала Маруся радостнымъ и гордымъ тономъ.

— Спасибо... Поставьте сюда...

— Сейчасъ бы выпили... Горячій...

— Да, я сейчасъ выпью... Вамъ нужно что-нибудь?

— Денегъ на завтра дайте... Въ лавкѣ будутъ съ утра давать сало, если не врутъ, — взволнованно сообщила Ма-

руся. — Свиное топленое по четыре двадцать, скотское по два пятьдесятъ.

Яценко вынулъ желтую ассигнацію.

— Хватить?

— Какъ же можетъ на все хватить? — кисло сказала Маруся. — Ну, да я скотское куплю, самую малость.

— Да, скотское. Больше ничего? — «Прежде не говорили скотское сало» — подумалъ онъ. — «Все и въ мелочахъ стало грубѣе»...

— Больше ничего... А я сейчасъ уйду, Николай Петровичъ, — сообщила для свѣдѣнія Маруся и удалилась въ свою комнату, не дожидаясь отвѣта. Яценко навѣрное разрѣшилъ бы Марусѣ уйти, но она не прочь была показать, что теперь никакихъ разрѣшеній не требуется.

Въ своей комнатѣ Маруся принарядилась, затѣмъ достала изъ ящика листокъ сѣрвовой плотной бумаги: приглашеніе на балъ. Наверху листка было отъ руки написано: «Развеселая танцулька», а внизу: «Цена пять рублей». Но Маруся не платила: ей въ подарокъ прислалъ билетъ знакомый матросъ. Одѣвшись, осмотрѣвъ себя въ зеркало, припудрившись лудрой барыни, она потушила свѣтъ и обошла квартиру. Вездѣ все было благополучно. Маруся спустилась по черной лѣстницѣ и вышла изъ дому, вздрагивая отъ холода и волненія: на улицѣ было жутко.

II.

Николай Петровичъ тотчасъ послѣ февральской революціи былъ назначенъ по своему вѣдомству на видную должность четвертаго класса. Быстрый скачокъ по службѣ его смутилъ, — особенно неловко было передъ старыми сослуживцами. Но въ ту пору посыпалось очень много самыхъ неожиданныхъ назначеній, и скрытое раздраженіе противъ адвокатовъ, сразу захватившихъ самые видные посты, было столь велико среди дѣятелей суда, что

свой человекъ, хотя бы получившій необычное повышение, почти не вызывалъ недовольства. Никто вдобавокъ не могъ обвинить Яценко въ подлаживаньи къ новому правительству: его давняя репутація либерала была всѣмъ извѣстна.

Октябрьскій переворотъ положилъ конецъ службѣ Яценко. Съ этимъ событіемъ почти совпала по времени смерть Натальи Михайловны. Такимъ образомъ сразу разбилась и личная жизнь Николая Петровича, и жизнь внѣшняя, налаженная двадцатипятилѣтней привычкой.

Яценко проводилъ дома почти весь день. Хуже всего было по утрамъ: онъ просыпался въ восьмомъ часу съ чувствомъ нестерпимой, смертельной тоски. Днемъ, послѣ обѣда, приходилъ Витя, потомъ являлись гости. Длинное утро было нечѣмъ заполнить. Николай Петровичъ много читалъ, преимущественно философскія книги.

Вскорѣ послѣ октябрьской революціи ему пришлось продать часть библіотеки: книжный кооперативъ любителей взялся ее продать на выгодныхъ условіяхъ. Прежде разстаться съ книгами было бы для Николая Петровича дѣломъ немислимымъ. Теперь это сошло много легче, --- чуть неловко было передъ Марусей и передъ тѣми знакомыми, которые находились въ лучшихъ условіяхъ. Откладывая въ ящикъ толстые томы Чичерина, Градовскаго, Соловьева, Николай Петровичъ припоминалъ, когда и гдѣ онъ пріобрѣталъ эти книги, какъ заботливо отдавалъ ихъ въ прочный полукожаный «съ углами» переплетъ; онъ прежде надѣялся, что книги эти будутъ когда-либо читать и Витя. Николай Петровичъ снималъ книги съ полки и заботливо укладывалъ ихъ въ ящикъ, подбирая сходные по формату томы. Въ правомъ углу ящика между двумя горками образовался глубокой провалъ, пригодный для книгъ большого формата. Яценко разсѣянно окинулъ взоромъ полки, подыскивая, что бы такое сюда положить. По размѣру очень подходили томы «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», стоявшіе на третьей

полкъ. Вдругъ воспоминаніе полоснуло болью Николая Петровича: словарь былъ подаренъ ему Наташей ко дню его рожденія. Онъ страстно хотѣлъ купить это изданіе, но стоило оно дорого, и Николай Петровичъ все не рѣшался на покупку. Наталья Михайловна изо дня въ день въ теченіе мѣсяцевъ копила деньги и, собравъ нужную сумму, тайкомъ выписала словарь, названіе котораго едва ли могла произнести. «Изъ тѣхъ грошей, что я ей давалъ на туалеты... И это для того, чтобы какъ-нибудь меня порадовать», — сказалъ себѣ Николай Петровичъ. Рыданія подступили у него къ горлу. — «Да, такова была вся ея жизнь: я и Витя, Витя и я, никогда ничего, ничего для себя... Какія у нея были свои радости?...» Николай Петровичъ вдругъ беззвучно заплакалъ, склонившись надъ ящикомъ и опустивъ голову на руки.

За книгами подъ вечеръ пришелъ бородатый человѣкъ въ никкелевыхъ очкахъ. Сконфуженно потирая руки — совершенно такъ, какъ актеры изображаютъ застѣнчивыхъ ученыхъ, — онъ назвалъ себя представителемъ кооператива и тотчасъ сталъ рассказывать, какіе люди, — князья, сенаторы, профессора, — теперь должны продавать библіотеки. «Я, вѣдь, понимаю, съ библіотечкой часть души уходитъ», — книжной фразой выразилъ онъ чувства вполнѣ искреннія. По этимъ словамъ, по сконфуженному виду представителя кооператива Николай Петровичъ понялъ глубину своего соціальнаго паденія.

О томъ, что придется дѣлать, когда разойдутся деньги, вырученныя отъ продажи книгъ, Яценко старался не думать. Они и такъ берегли каждый грошъ и жили чуть-только не впроголодь. Это было одной изъ причинъ, почему Николай Петровичъ согласился на временный (теперь все было временное) переѣздъ Вити къ Кременецкимъ. Ему было неловко и совѣстно, но онъ понималъ, что въ домѣ Тамары Матвѣевны мальчику будетъ во всѣхъ отношеніяхъ гораздо лучше. Николай Петровичъ

не безъ горечи думаль, что Витя сравнительно легко перенесъ ихъ несчастье. «Да, юность, юность», — говорилъ себѣ со вздохомъ Яценко.

Кременецкіе, особенно Тамара Матвѣевна, приняли живѣйшее участіе въ горѣ Николая Петровича. Витя былъ принятъ у нихъ какъ родной сынъ. Семень Исидоровичъ, тоже почти не занятый теперь, пріѣзжалъ къ Яценко два-три раза въ недѣлю. Тамара Матвѣевна безпрестанно завала къ себѣ Марусю и давала ей то бѣлую муку, то колбасу, то консервы. Изъ деликатности она часто брала за эти продукты деньги, «по своей цѣнѣ», но всегда выходило такъ, что стоили они баснословно дешево.

Другіе пріятели тоже очень тепло отнеслись къ горю Николая Петровича. Ему казалось, что въ общей бѣдѣ люди стали добрѣе. Съ визитами приходили даже мало знакомые люди. Такъ, однажды пришелъ Александръ Браунъ. Этотъ неожиданный гость былъ чрезвычайно непріятенъ Яценко, — онъ самъ не вполнѣ понималъ, почему именно. Видъ у Брауна былъ впрочемъ въ самомъ дѣлѣ жуткій, и немногочисленные слова его дышали злобой. Въ тотъ вечеръ, когда онъ зашелъ, вскорѣ послѣ кончины Натальи Михайловны, у Николая Петровича было нѣсколько человѣкъ гостей. Говорили о новой болѣзни, пронесшейся въ то время по всей Европѣ. Кто-то замѣтилъ, что процентъ смертности отъ испанки ничтоженъ.

— Если бы болѣзнь эта была смертельной, — сказала съ усмѣшкой Браунъ, — въ ней по крайней мѣрѣ было бы возможно увидѣть «персть карающей судьбы». Но какъ-то трудно допустить, что за грѣхи небывалой войны Providѣніе покарало насъ — инфлюэнцей.

Гости замолчали. Это замѣчаніе показалось имъ безтактнымъ и неуважительнымъ въ отношеніи Николая Петровича, у котораго испанка унесла жену.

— Ахъ, невѣріе, невѣріе, — сказалъ со вздохомъ Кременецкій, — пора все это пересмотрѣть. Вѣдь современная наука не стоитъ на точкѣ зрѣнія матеріализма и пози-

тивизма, это давно пройденная человечествомъ ступень. Будущее мыслится мнѣ какъ своеобразный высшій синтезъ научнаго и религіознаго мышленія... Лично я давно пришелъ къ вѣрѣ въ Бога, — сказалъ Семень Исидоровичъ, ободряя Николая Петровича и какъ бы свидѣтельствуя, что вѣра въ Бога отнынѣ не можетъ считаться признакомъ отсталости, если лично онъ къ ней пришелъ.

— При видѣ того, что творится... — началъ было Яценко и не докончилъ. — А вы? — быстро спросилъ онъ Брауна.

— Пока Господь Богъ меня не лишитъ разсудка, я въ Него не повѣрю, — отвѣтилъ, засмѣявшись, Браунъ. И опять рѣзкость, безтактность этихъ словъ, и особенно этотъ непріятный, почти грубый смѣхъ рѣзнули всѣхъ гостей. «Атензмъ съ остротами, очень дешевая вещь», — подумалъ съ тоской Яценко. Браунъ тотчасъ всталъ и простился.

Николай Петровичъ выпилъ кофе, затѣмъ снялъ бархатное покрывало съ дивана и сѣлъ на постель въ раздумьи, безжизненно опустивъ голову на грудь. «Гдѣ же люди, съ которыми прошла моя жизнь?» — спросилъ себя онъ. — «Тотъ говорилъ: «часть души»... Да что же осталось теперь отъ моей души?.. Умеръ отецъ, умерла мать, сестра. Съ Наташей исчезло остальное, главное... Что осталось? Политика, служба... Выдуманный міръ... Друзья дѣтства?» — Онъ вспомнилъ кievскую гимназію, радости, жгучіе интересы тѣхъ дней, катящіеся внизъ по улицамъ весенніе потоки, залитый майскимъ солнцемъ Царскій Садъ... — «Кажется, никого больше нѣтъ... Можетъ быть, иные гдѣ-либо и доживаютъ свой вѣкъ, какъ я. Для меня и они умерли... Кромѣ Вити никого и ничего нѣтъ... Да и ему я больше не нуженъ»... Николай Петровичъ припоминалъ все то тяжелое, что выпадало въ жизни на его долю, служебныя неудачи, личныя обиды, разочарованія въ людяхъ, которыхъ онъ считалъ пріятелями,

клевету, мерзкія сплетни, пускавшіяся о немъ, какъ обо всѣхъ, — это казалось ему теперь совершенно ничтожнымъ. Но почти столь же ничтожнымъ казалось ему теперь и все, что еще могло ждать его въ жизни. «Ничего, ничего нѣтъ, ничего не осталось», — думалъ онъ и холоды все росъ въ его душѣ. «Кажется, ужъ и недолго ждать.. Пора, пора», — сказалъ себѣ Яценко, взглянувъ на фотографію Натальи Михайловны, стоявшую на табуретѣ у дивана. Николай Петровичъ подумалъ, что именно тогда, когда онъ смотрѣлъ на портретъ жены, да еще на кладбищѣ у ея могилы; ему всего труднѣе было обратить свои мысли къ Натальѣ Михайловнѣ: самыя скорбныя, щемлящія душу воспоминанія всегда приходили случайно.

— Да, пора, — повторилъ онъ вслухъ и, вздрогнувъ, принялся раздѣваться. На табуретѣ, вокругъ лампы, уже были привычныя мѣста для часовъ, ключей, бумажника. Слѣва въ углу оставалось ничѣмъ не занятое мѣсто, и тамъ, въ старомъ номерѣ газеты, Николаю Петровичу неизмѣнно бросались въ глаза однѣ и тѣ же строки:

«По требованію гласнаго Левина, предложеніе о томъ, чтобы вся дума пошла въ Зимній Дворецъ, подвергнуто было поименному голосованію. Всѣ безъ исключенія гласные, фамиліи которыхъ назывались, отвѣчали: «Да, иду умирать» и т. п.».

III.

.....
.....
.....

IV.

Семень Исидоровичъ съ нѣкоторой растерянностью отнесся къ помолвкѣ своей дочери: ужь очень было странно, что Муся выходитъ замужъ за англійскаго офицера. Осложнялось дѣло еще и денежнымъ вопросомъ. О приданомъ Муси теперь говорить было затруднительно. Состояніе Кременецкаго было вложено въ государственныя бумаги и въ акціи надежныхъ частныхъ предпріятій. Еще годъ тому назадъ близкіе люди знали, что Мусѣ назначено въ приданое не менѣе ста тысячъ рублей, скорѣе сто пятьдесятъ тысячъ, а если потребуется, то и всѣ двѣсти. Въ 1917 году эти цифры потеряли прежнюю внушительность. За американскій долларъ приходилось платить пять думскихъ рублей. Никто не сомнѣвался, что столь чудовищный курсъ не можетъ продержаться долго. Однако именно теперь, какъ разъ тогда, когда было нужно, приданое Муси выражалось въ иностранной валютѣ невзрачной, непріятно звучащей суммой, — какъ на зло, въ Англии была такая крупная валютная единица. Послѣ октябрьскаго переворота дѣло стало еще сложнѣе. Правда, Семену Исидоровичу незадолго до возстанія большевиковъ удалось, при любезномъ посредствѣ Нецшеретова, перевести часть состоянія въ Швецію.

Жизнь Семена Исидоровича шла (хоть онъ объ этомъ никогда не думалъ) по двумъ главнымъ линіямъ: по линіи идейно-общественной и по линіи матеріальныхъ интересовъ. Кременецкій пользовался въ дѣлахъ репутаціей человека безукоризненнаго. Однако свои интересы онъ всегда умѣлъ отстаивать и ограждать превосходно. Такъ, разговаривая съ богатыми кліентами, изъ которыхъ иные были связаны съ нимъ и по общественной работѣ, Семень Исидоровичъ очень легко, безъ всякаго видимаго усилія, даже почти безсознательно переходилъ съ одной линіи на другую, если бесѣда вдругъ перескакивала съ общихъ во-

просовъ на дѣла. Линіи эти скреститься не могли: то, что Кременецкій иногда со вздохомъ называлъ своимъ «общественно-политическимъ служеніемъ», никакъ не могло помѣшать ему взять съ богатаго кліента максимальный гонораръ, который кліентъ могъ заплатить по роду дѣла, по своему состоянію и по своему характеру. Не мѣшало оно Семену Исидоровичу и получать по льготной цѣнѣ разныя учредительскіе или другіе пай въ предпріятіяхъ его богатыхъ кліентовъ. Въ связи съ войной прежде строго параллельныя линіи грозили скреститься. Въ первые годы войны въ обществѣ относились несочувственно къ переводу денегъ въ нейтральныя страны. Да это было и запрещено. Однако, по мѣрѣ того, какъ шли событія, Семень Исидоровичъ задумывался: переводить деньги за границу было неловко (впрочемъ, дѣлалось это въ секретѣ); но и остаться безъ средствъ до той поры, пока долларъ не будетъ снова стоить два рубля, Семену Исидоровичу не улыбалось. Лѣтомъ 1917 года Нещеретовъ предложилъ ему комбинацію, при помощи которой, безъ серьезнаго нарушенія закона, можно было перевести деньги въ шведскій банкъ. Семень Исидоровичъ высказалъ сомнѣніе, — допустимо ли это по соображеніямъ политическимъ. Нещеретовъ вытаращилъ глаза и съ безпокойнымъ любопытствомъ подумалъ, что, вѣроятно, Кременецкій имѣетъ возможность переводить деньги за границу по лучшему курсу.

Въ сентябрѣ сомнѣнія Семена Исидоровича разсѣялись: у него была семья. Сумму денегъ онъ перевелъ довольно порядочную, однако выкроить изъ нея приданое для Муси было трудно. Семень Исидоровичъ вздохнулъ свободнѣе, когда женихъ его дочери какъ-то въ разговорѣ далъ понять, что ему ничего не нужно. Изъ того-же разговора выяснилось, что Клервилль, будучи лично человекомъ не очень богатымъ, долженъ со временемъ получить наслѣдство отъ чудачки-тетки, у которой было восемь тысячъ фунтовъ годового дохода. Это сообщеніе

чрезвычайно порадовало Кременецкихъ. Семень Исидоровичъ увидѣлъ въ немъ что-то англійское: въ его кругу никто не получалъ наслѣдства отъ тетокъ, — всѣ имѣли дѣтей, женъ, мужей. Нѣчто пріятно-англійское было и въ опредѣленности самой цифры, — восемь тысячъ фунтовъ въ годъ: въ Петербургѣ большинство богатыхъ людей никакъ не могло бы назвать цифру своего дохода: одинъ годъ — шальные деньги, другой — сидишь съ чистымъ убыткомъ. Кременецкіе съ ласково-сочувственными улыбками слушали рассказы майора о причудахъ старой тетки. Выяснилось, что ей семьдесятъ два года: это тоже было пріятно. Былъ разговоръ о деньгахъ и вечеромъ въ спальной Кременецкихъ.

— Онъ прекрасно понимаетъ, что ты не обидишь Мусю, — говорила мужу Тамара Матвѣевна, зная, какъ ему непріятно отсутствіе приданого у дочери. — Рано или поздно все ей достанется, мы съ собой не унесемъ... Всѣ говорятъ, что ужъ за Заемъ Свободы всякое правительство заплатитъ полнымъ рублемъ. И потомъ акціи банковъ, вѣдь это все равно что золото.

— Конечно... Нѣтъ, это прекраснѣйшій человѣкъ, изъ самаго лучшаго общества, и джентльменъ съ головы до пятъ! — бодро говорилъ Семень Исидоровичъ. — Муся будетъ съ нимъ очень счастлива...

Тамара Матвѣевна поддакивала и вздыхала.

Нещеретовъ бывалъ въ домѣ Кременецкихъ очень рѣдко. Говорили, что его увлеченье госпожей Фишеръ превратилось въ связь, довольно дорого стоившую Аркадію Николаевичу: спорное наслѣдство Фишера находилось подъ секвестромъ, и его вдова нуждалась въ деньгахъ. А послѣ октябрьскаго переворота ея права и вообще стали представлять собой довольно сомнительную цѣнность. Несмотря на помолвку Муси, Кременецкіе въ душѣ не прощали Нещеретову того, что онъ не оправдалъ ихъ надеждъ. Но они поддерживали съ нимъ добрыя отношенія,

чтобы никто и подумать не могъ, будто они хотѣли выдать Мусю за «этого толстосума».

Общественное положеніе Семена Исидоровича не выросло въ послѣдній годъ. Онъ не сдѣлалъ политической карьеры въ пору Временнаго Правительства. Несмотря на его связи и популярность, еще увеличившуюся въ связи съ юбилеемъ, никакого поста Семену Исидоровичу не предложили. Друзья настойчиво намекали въ правительственныхъ кругахъ, что Кременецкій, вѣроятно, согласился бы помочь правительству личнымъ трудомъ. Однако изъ этого ничего не вышло. Семенъ Исидоровичъ небрежно говорилъ, что никакой должности не принялъ бы, такъ какъ настоящій адвокатъ долженъ оставаться на своемъ посту. Онъ иронически отзывался о своихъ коллегахъ, ставшихъ сенаторами или товарищами министра, и охотно, со всякими расписываньями, передавалъ анекдоты о новыхъ сановникахъ, объ интригахъ, ходатайствахъ, забѣганьяхъ съ задняго крыльца, предшествовавшихъ ихъ назначенію. О самомъ Временномъ Правительствѣ Кременецкій уже лѣтомъ отзывался съ большой горечью, а съ осени называлъ его «преждевременнымъ правительствомъ».

Октябрьская революція выбила Кременецкаго изъ колеи, какъ всѣхъ. Семенъ Исидоровичъ старался бодриться, однако очень нервничалъ, оставшись безъ дѣла. Нервничала и Тамара Матвѣвна, поддаваясь, какъ всегда, настроеніямъ мужа. Правда, имъ было гораздо лучше, чѣмъ большинству ихъ знакомыхъ. Нѣкоторые прямо голодали. По добротѣ своей и по общему съ мужемъ радушію, Тамара Матвѣвна подкармливала друзей, находившихся въ особенно трудномъ положеніи. Дѣлали это Кременецкіе незамѣтно, со всей возможной деликатностью, — деликатность такъ ихъ самихъ умиляла, что они даже ее преувеличивали, какъ въ обращеніи съ Витей. Тамара Матвѣвна видѣла, что имъ живется много лучше, чѣмъ другимъ; по

она чувствовала, что Семень Исидоровичъ такъ жить долго не можетъ: работа, судебныя рѣчи, общественная жизнь, отзывы въ газетахъ ему были необходимы какъ воздухъ.

Въ эту пору одно небольшое обстоятельство, случившееся годъ тому назадъ, странно сказалось въ жизни Кременецкаго. Незадолго до своего 25-лѣтняго юбилея, Семень Исидоровичъ получилъ билеты на концертъ, устроенный украинской организаціей, и, находясь въ особенно добромъ настроеніи духа, послалъ тогда устроителямъ пятьдесятъ рублей. Въ этой щедрости организація усмотрѣла сочувствіе Кременецкаго. Съ тѣхъ поръ ему посылались разные билеты, приглашенія, брошюры. У Семени Исидоровича понемногу завязались украинскія связи. Самъ онъ родился въ Вильнѣ, но родители его были родомъ изъ Малороссіи и гимназію Семень Исидоровичъ окончилъ въ Харьковѣ. Прежде Кременецкій въ разговорахъ объ украинскомъ движеніи обычно со смѣхомъ рассказывалъ, что въ малороссійскомъ переводѣ монологъ Гамлета начинается словами: «буты чи не буты, отъ то заковыка». Теперь онъ избѣгалъ шутокъ на эту тему.

Въ ноябрѣ одинъ изъ новыхъ знакомыхъ принесъ Семену Исидоровичу съ таинственнымъ видомъ какую-то бумагу и долго съ нимъ послѣ того бесѣдовалъ. Въ этой бумагѣ, называвшейся третьимъ универсаломъ, говорилось: «Народъ украинскій и всѣ народы Украины! На Сѣверѣ и въ столицахъ идетъ междоусобная и кровавая борьба. Центральной власти нѣтъ. И по всему государству растутъ безволіе, анархія и разруха. Не отдѣляясь отъ республики Россійской и сохраняя единство ея, мы твердо станемъ на нашей землѣ, чтобы силами нашими оказать помощь всей Россіи. До созыва Украинскаго учредительнаго собранія вся власть принадлежитъ намъ, Украинской центральной радѣ, и правительству нашему — Генеральному секретаріату Украины»...

Съ этого дня въ разговорахъ съ пріятелями Семень Исидоровичъ часто, съ озабоченнымъ видомъ, обращалъ

ихъ вниманіе на «чрезвычайно любопытный документикъ, Трестій универсалъ Центральной Рады». Пріятели изумленно его переспрашивали: никто не зналъ ни что такое Рада, ни что такое универсалъ, ни какіе были два первые универсаза. Семень Исидоровичъ отвѣчалъ на эти вопросы быстро и сбивчиво.

- Это не суть важно, — говорилъ онъ, показывая документъ, — и не въ словахъ дѣло. А вотъ обратите, дражайшій, вниманіе: «не отдѣляясь отъ республики Россійской»... и «силами нашими оказать помощь всей Россіи». Это не фунтъ изюма...

V.

Свадьба Муси была отложена на неопредѣленное время и эта неопредѣленность очень мучила Мусю. Она по прежнему была влюблена въ Клервилля. Тѣмъ не менѣе ей порою было съ нимъ трудно и даже скучно. Приходилось подыскивать темы для разговора. Этого съ Мусей никогда не бывало: она со всѣми говорила какъ Богъ на душу положить и всегда выходило отлично, — по крайней мѣрѣ такъ казалось и ей, и ея друзьямъ.

Въ мірѣ внѣшнемъ отъ того, что всѣ называли блестящей побѣдой Муси, оставались уже привычныя радости: такъ, Глафира Генриховна лишній разъ пожелтѣла, когда ей сказали, что Клервилль единственный наследникъ 72-лѣтней богачки-тетки. «Это, конечно, пріятно, но я все-таки не могу прожить жизнь на зло Глашѣ», — говорила себѣ Муся. Изъ-за войны и политическихъ событій почти не было приготовленій къ свадьбѣ, подарковъ, заказовъ, скрашивающихъ жизнь и убивающихъ время. Въ мірѣ же внутреннемъ надъ основой влюбленности (часто не менѣе страстной, чѣмъ прежде) у Муси росли неожиданныя чувства. Спокойнаго увѣреннаго счастья не было. Ей трудно было бы себѣ сознаться, что въ ея сложныхъ чувствахъ

надъ всѣмъ преобладалъ страхъ, — страхъ передъ тѣмъ неизвѣстнымъ, что ее ждало.

— Когда же «enfin seuls»? — ядовито спрашивала Глаша.

Муся смущенно смѣялась.

— На слѣдующій день приходи за интервью, — говорила она какъ бы небрежно и тотчасъ мѣняла разговоръ. Объ «enfin seuls» Муся думала дни и ночи. Бывали минуты, когда ей хотѣлось, чтобы бракъ ея разстроился, но разстроился самъ собою, лишь бы не по ея собственной волѣ. «Пусть все будетъ и дальше какъ было до сихъ поръ!» — иногда со страхомъ и отчаяньемъ говорила себѣ Муся, забывая, какъ прежде тяготилась своей беззаботной жизнью. Это настроеніе быстро проходило — Муся сама себя ругала «неврастеничкой» и «психопаткой». «Но вѣдь я была влюблена?» — спрашивала себя Муся и съ ужасомъ себя ловила на этомъ «была». «Да нѣтъ же, и теперь все какъ раньше», — рѣшительно твердила она. Все и въ самомъ дѣлѣ было какъ раньше, однако не совсѣмъ какъ раньше. Сомнѣнія въ успѣхѣ разсѣялись, дѣло было закрѣплено, Клервилль сталъ какъ бы ея собственностью. Теперь надо было научиться тому, какъ съ этой собственностью обращаться.

Больше всего Муся боялась за Клервилля, боялась, что онъ въ чемъ-либо поступитъ не такъ: «сразу разрушить все», — тревожно думала она. Порою, когда они оставались вдвоемъ, ей стыдно было смотрѣть въ лицо жениху, — она боялась тѣхъ мыслей и чувствъ, которыя ему приписывала, боялась и того, что онъ прочтетъ ея собственные мысли и чувства. Иногда этотъ страхъ и стыдъ сказывались съ такою силой, что Муся, отправляясь съ женихомъ въ ресторанъ, въ театръ, на выставку, къ удивленію и легкому неудовольствію Клервилля, приглашала кого-либо изъ своего кружка.

Говорить съ полной откровенностью Муся не могла ни съ кѣмъ. Мысль объ откровенной бесѣдѣ съ матерью при-

шла бы Мусѣ послѣдней. Съ Глашей, съ которой ее связывала многолѣтняя дружба-ненависть, въ теоріи, «вообще», все было обсуждено также и на тему «enfin seuls», со всѣми деталями, не исключая довольно грубыхъ. Теперь, когда Муся стала невѣстой, пришлось бы говорить ужъ не «вообще», а о Клервиллѣ. Это было бы неловко и неделикатно, тѣмъ болѣе, что у самой Глафиры Генриховны совершенно не удался романъ съ молодымъ адвокатомъ, которымъ она очень интересовалась. По словамъ Никонова, атака Глаши на адвоката, какъ наше наступленіе въ Галиціи, была отбита съ урономъ благодаря широко развитой сѣти желѣзныхъ дорогъ въ тылу у противника: адвокатъ уѣхалъ изъ Петербурга. Муся весело смѣялась этой шуткѣ, уже почти забывъ, что недавно она сама была въ такомъ же положеніи, какъ Глаша, въ трудной роли барышни, съ беззаботнымъ видомъ ловящей жениха.

— То ли дѣло, Мусенька, вы! Экой Перемышль штурмомъ взяли! — сказалъ Никоновъ.

— Перемышль очень доволенъ.

— Объ этомъ мы его спросимъ годика черезъ два... Что быть ему съ легкимъ украшеніемъ на головѣ — съ маленькимъ, — это, Мусенька, вѣрно.

— Григорій Ивановичъ!..

— Ну, что «Григорій Ивановичъ»? Правду я говорю, Мусенька, мнѣ ли васъ не знать? Такъ ему, разумѣется, и надо, Gott, strafe England! — ужасно произнося нѣмецкія слова, сказалъ со свирѣпымъ лицомъ Никоновъ. Онъ обращалъ въ шутку накопившееся въ немъ раздраженіе. Это раздраженіе льстило Мусѣ, какъ ей льстили душевныя страданія Вити.

Съ Витей, особенно послѣ его несчастья, она была чрезвычайно ласкова и нѣжна. Въ сравненіи съ той жизнью, которая передъ ней открывалась, будущее Вити представлялось бѣднымъ и тоскливымъ. Мусѣ было очень его жалко: она искренно любила Витю. «Въ сущности я ихъ всѣхъ люблю», — думала Муся въ лучшія свои минуты (настрое-

ніе мѣнялось у нея безпрестанно) — «все-таки жизнь прошла съ ними, и, надо признать, прошла не такъ плохо». Мысль о томъ, что она покидаетъ свое общество навсегда, угнетала Мусю. Она хорошо знала своихъ друзей, по природѣ лучше замѣчала въ людяхъ дурное и особенно смѣшное, чѣмъ хорошее. Прежде Мусю раздражали снобизмъ Фомина, неискренность Березина, мрачная ограниченность Беневоленскаго. Теперь даже они казались ей людьми хорошими, вполнѣ порядочными. «Никоновъ, князь, эти просто прекраснѣйшіе, благородные люди, а Витя и Сонечка — очаровательныя дѣти. Но и тѣ, право, милы, хоть не безъ слабостей, конечно, какъ всѣ мы, грѣшныя»... Только Глаша продолжала раздражать Мусю, — напоследокъ, быть можетъ, еще больше, чѣмъ прежде.

Витя жилъ у Кременецкихъ уже довольно долго. Для него революція пришла какъ разъ во время. Онъ самъ себя говорилъ, что «цѣлкомъ ушелъ въ общественную жизнь для того, чтобы забытья отъ жизни личной». Къ политической свободѣ очень кстати присоединилась собственная свобода Вити, какъ разъ въ ту пору имъ завоеванная. Витя состоялъ въ разныхъ комитетахъ и вошелъ въ школьную комиссію по изученію военно-дипломатическихъ вопросовъ. Въ этой комиссіи онъ прочелъ докладъ Полемизируя съ «крайностями Милюкова», Витя доказывалъ необходимость довести войну до побѣднаго конца въ полномъ единеніи съ союзными демократіями, однако борясь съ чужими и собственными аннексіонистскими тенденціями (отъ Дарданеллъ Витѣ отказаться было нелегко). Его докладъ имѣлъ большой успѣхъ, принята была резолюція Вити, — правда, съ существенной поправкой оппозиціи, — и онъ былъ избранъ для связи въ центръ по объединенію всѣхъ учащихя средне-учебныхъ заведеній, — предполагался Всероссийскій съѣздъ. Ни въ какой политической партіи Витя не состоялъ. Онъ смущенно го-

ворилъ товарищамъ, что примыкаетъ къ правымъ эсъ-эрамъ, не во всемъ однако съ ними сходясь. Вопросъ о необходимости вступить въ партію очень беспокоилъ Витю. Къ концу лѣта онъ было рѣшилъ формально примкнуть къ правымъ эсъ-эрамъ. Но какъ разъ въ училищѣ прошелъ слухъ, что Александръ Блокъ «задѣлался лѣвымъ эсъ-эромъ». Это смутило Витю: онъ боготворилъ Блока. А потомъ стало уже не до партій.

Октябрьскаго переворота Витя вначалѣ почти не почувствовалъ, — такъ все у нихъ въ домѣ было въ тѣ дни захвачено и раздавлено скоропостижной смертью Натальи Михайловны. Когда Кременецкіе предложили Николаю Петровичу отпустить сына къ нимъ, Витя слабо протестовалъ, не желая оставлять отца, однако быстро уступилъ настоянію старшихъ. Втайнѣ ему страстно хотѣлось поселиться у Кременецкихъ: мысль о томъ, что онъ будетъ жить въ одной квартирѣ съ Мусей, очень его волновала. Это волненіе стало почти мучительнымъ, когда ему отвели комнату рядомъ со спальней Муси.

Кременецкіе отнеслись къ Витѣ съ необыкновенной заботливостью и вниманіемъ. Въ его комнату поставили большой письменный столъ, кресла, диванъ. Тамара Матвѣевна все беспокоилась, не будетъ ли ему неудобно, — Витя отроду не имѣлъ такихъ удобствъ. Вначалѣ предполагалось, что онъ переѣзжаетъ къ Кременецкимъ «на время». Но прошель мѣсяць-другой, и не видно было, когда и почему это «на время» должно кончиться: жизнь нисколько не налаживалась; все хуже и мрачнѣе становилось и существованіе Николая Петровича. Витя никого не стѣснялъ у Кременецкихъ, ему всѣ были рады. Муся же прямо говорила, когда онъ заикался объ отѣздѣ: «Это еще что? Ни для чего вы не нужны Николаю Петровичу, ему съ вами было бы еще тяжелѣе. Пожалуйста, выберите глупости изъ головы, никуда васъ не отпускаютъ...»

У Вити отъ этихъ словъ Муси сладко замирало сердце. Послѣ октябрьской революціи общественная жизнь осла-

бѣла, и его любовь зажглась съ новой силой. Тенишевское училище начинало пустѣть, товарищи и соперники Вити развѣхались. Сообщенія въ городѣ стали труднѣе. Витя выходилъ гораздо меньше.

Съ Клервиллемъ ему было тяжело встрѣчаться. Въ обществѣ англичанина Витя бывалъ мраченъ и молчаливъ, что доставляло наслажденіе Мусѣ. Особенно задѣвало Витю то, что Клервилль совершенно не замѣчалъ его ревности и былъ съ нимъ очень любезенъ.

Зато, когда женихъ Муси уѣзжалъ (онъ уѣзжалъ изъ Петербурга очень часто), Витя оживалъ. Кременецкіе теперь ложились спать рано. Муся съ Витей часто подолгу вдвоемъ засиживались въ гостиной. Съ нимъ Мусѣ всегда было и легко, и пріятно, и интересно. Она небрежно ему говорила, что онъ, конечно, мальчикъ, но мальчикъ очень умный. Съ той поры, какъ репутація ума была Мусей за нимъ признана, Витя больше не старался быть умнымъ, отъ чего очень выигрывалъ.

Какъ-то, вечеромъ, Муся, жалуясь на холодъ въ гостиной, предложила перейти въ ея комнату. Постель тамъ уже была послана. Входя въ комнату Муси, Витя изъ всѣхъ силъ старался не покраснѣть и потому покраснѣлъ особенно густо. Это тоже доставило Мусѣ наслажденіе. Кутаясь въ шаль, она сѣла у піанино.

— Ну-съ, а вы тутъ садитесь на коверъ, — приказала Муся, чувствуя свою безграничную власть надъ мальчикомъ. Было совсѣмъ какъ въ театрѣ, — любимое ощущеніе Муси. Разговоръ не завязывался. Но это ее не тяготило; съ Клервиллемъ молчаніе всегда выходило неловкимъ.

— Такъ вы въ самомъ дѣлѣ поѣдете потомъ въ Индію? — спросилъ тихо Витя.

Муся, не отвѣчая, задумчиво на него смотрѣла. И его тихій голосъ, и ея задумчивое молчаніе тоже были какъ въ театрѣ.

— Ну, что-жь, вы скоро поступите въ университетъ,

станете большой, у васъ начнется новая, интересная жизнь, — сказала она какъ будто некстати, а въ сущности отвѣчая на его мысли. Муся вдругъ подняла крышку пианино.

— Скажите, вы не знаете, что теперь дѣлаетъ этотъ Браунъ? — будто такъ же некстати, безъ всякой связи въ мысляхъ, спросила она и, не ожидая отвѣта, заиграла «Заклинаніе цвѣтовъ»: «E voi—o fiori—dall' ollezzo sottile». . — едва слышно, точно про себя, пѣла Муся. Окончивъ музыкальную фразу, она взглянула на Витю, улыбнулась и рѣзко захлопнула крышку пианино, — только зазвенѣлъ хрусталь на бронзовыхъ подсвѣчникахъ. Муся сама уже почти не чувствовала, гдѣ у нея начинается театръ. Витя сидѣлъ на коврѣ, съ лицомъ измученнымъ и блѣднымъ. Муся быстрымъ ласковымъ движеніемъ погладила его по головѣ.

— Что, милый? Взгрустнулось?.. О Натальѣ Михайловнѣ вспомнили? — спросила она.

Муся знала, что Витя совершенно не думалъ въ эту минуту о матери, и Витя понималъ, что она это знаетъ. Но эта комедія его не оскорбила и, невольно ей поддаваясь, онъ сдѣлалъ видъ, будто Муся вѣрно угадала его чувство

VI.

Особнякъ Горенскаго на Галерной улицѣ былъ вскорѣ послѣ октябрьскаго переворота захваченъ для какого-то народнаго клуба, и князь остался безъ квартиры. Такая-же участь постигла доктора Брауна: гостиница «Паласъ» была реквизирована большевиками. По случайности, Браунъ и Горенскій очутились въ одномъ домѣ: имъ обоимъ предложилъ гостепріимство Аркадій Нещеретовъ. По столицѣ ходили слухи, что во всѣ слишкомъ просторныя квартиры будутъ вселены большевики, и богатые петербуржцы старались заблаговременно поселить у себя приличныхъ людей.

Домъ Нещеретова былъ вначалѣ только взятъ на учетъ. Контора въ первомъ этажѣ продолжала работать, но работала она очень плохо, — «на холостомъ ходу», какъ говорилъ хозяинъ. Поддерживались нѣкоторыя старыя дѣла, однако и они чахли съ каждымъ днемъ. Большинство служащихъ уже было уволено.

Нещеретовъ при Временномъ Правительствѣ сталъ ликвидировать свои многочисленныя предпріятія. Дѣла тогда еще кое-какъ можно было вести, но они больше не доставляли ему удовольствія. Все стало непрочно. Хозяинъ не былъ хозяиномъ, законъ не былъ закономъ, контрактъ не былъ контрактомъ, рубль не былъ рублемъ. Не доставляла прежняго удовольствія и самая нажива. Исчезло все то, о чемъ прежде мало думалъ заваленный работой Нещеретовъ и что само собой должно было къ нему прійти рано или поздно: чины, ордена, придворное званіе, Государственный Совѣтъ. Въ мартѣ люди, захлебываясь отъ искренняго или дѣланнаго восторга, повторяли, что жизнь стала сказочно-прекрасной. Для Нещеретова же она съ первыхъ дней революціи стала сѣрой и неинтересной. Тонкій инстинктъ подсказывалъ ему, что надо возможно скорѣе переводить капиталы за границу, -- и онъ это дѣлалъ. Имѣлъ онъ возможность уѣхать за границу и самъ. Но Нещеретовъ кровной любовью любилъ Россію, не представлялъ себѣ жизни на чужой землѣ, и въ глубинѣ души предполагалъ, что все поправится. Какъ все могло бы поправиться, объ этомъ онъ не думалъ, и ужъ совсѣмъ не находилъ, что улучшение дѣлъ въ какой-бы то ни было мѣстѣ могло зависѣть отъ него самого. Наведеніе порядка было чужимъ дѣломъ. А такъ какъ люди, имъ занимавшіеся, явно его не выполняли, то Нещеретовъ съ лѣта 1917 года усвоилъ весело-безнадежный ироническій тонъ, точно все происходившее доставляло ему большое удовольствіе. Онъ любилъ рассказывать о происходившихъ событіяхъ. Говорилъ онъ хорошо, но, какъ большинство хорошихъ рассказчиковъ, слишкомъ пространно

и потому нѣсколько утомительно. Вѣжливый князь слушалъ его съ повисшей на лицѣ слабой улыбкой усталости. Браунъ обычно вовсе не слушалъ.

Деньги Неццеровъ переводилъ за границу безостановочно на свое имя. Собственно, деньги эти принадлежали не ему, а банку и акціонернымъ предпріятіямъ, которыми онъ руководилъ. Люди, освѣдомленные о переводныхъ операціяхъ Неццерова, въ недоумѣніи пожимали плечами, а старый финансистъ, его давній недоброжелатель, съ подчеркнутымъ, преувеличеннымъ негодованіемъ говорилъ всѣмъ по секрету, что этотъ блефферъ долженъ неминуемо кончить арестантскими отдѣленіями. Однако при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывалось, что Неццеровъ ничего явно противозаконнаго не дѣлалъ. «Комаръ носу не подточить», — энергично утверждалъ одинъ изъ ближайшихъ помощниковъ Аркадія Николаевича.

Вскорѣ послѣ октябрьскаго переворота въ контору Неццерова явились комиссары для ревизіи дѣлъ. Въ отличіе отъ другихъ банкировъ, онъ встрѣтилъ комиссаровъ очень любезно, съ тѣмъ же весело-безнадежнымъ видомъ, самъ предложилъ взглянуть на книги и показалъ цѣлую гору книгъ, въ которыхъ разобраться было очевидно невозможно. Въ теченіе двухъ часовъ, угощая гостей чаемъ и напиросоми, онъ объяснялъ имъ значеніе своихъ дѣлъ, и, подъ конецъ бесѣды получилъ отъ комиссаровъ свидѣтельство о томъ, что въ дѣлахъ гражданина Неццерова все оказалось въ полномъ порядкѣ. Въ конторѣ послѣ этого почти ничего не измѣнилось; лишь процессъ перевода денегъ въ Швецію еще нѣсколько ускорился.

Почти ничего не измѣнилось и во второмъ этажѣ дома. Неццеровъ продолжалъ жить богато, доставая за большія деньги все, вплоть до свѣжей икры и шампанскаго. Но онъ и шампанское пилъ съ весело-безнадежнымъ видомъ. Говорилъ онъ теперь зачѣмъ-то дѣланно-прикащичьимъ языкомъ, и своихъ новыхъ жильцовъ называлъ тоже какъ-то странно: «сэръ» или «пане». Особенно

иронически относился Нещеретовъ къ Горенскому, — быть можетъ, потому, что князь, человекъ очень богатый, остался послѣ октябрьской революціи безъ гроша: онъ денегъ за границу не переводилъ, да и въ Россіи ничего не догадался припрятать.

Хозяинъ и гости не стѣсняли другъ друга и обычно встрѣчались только по утрамъ, въ столовой.

— Вчера проѣзжалъ я, сэръ, по Галерной улицѣ, — ласково сказалъ Горенскому Нещеретовъ, наливая себѣ чаю. — Славный у васъ былъ домикъ, а? Совсѣмъ хорошъ домикъ...

— Мда, — неопредѣленно отвѣтилъ князь.

— Кажется, товарищи имъ довольны... Ну, и вамъ вѣрно очень даже пріятно, что ваше добро досталось народу...

— Если-бъ мое добро дѣйствительно досталось народу, — сказалъ, вспыхивая, Горенскій, — я, повѣрьте, нисколько не возмущался бы. Но дѣло идетъ не о народѣ русскомъ, а о насильникахъ, о захватчикахъ, о разныхъ псевдонимахъ, которые...

— Да я ничего и не говорю, — тотчасъ согласился Нещеретовъ. — Хотя, правду сказать, мнѣ и невдомекъ, отчего же вы сами, сэръ, до революціи не отдали домикъ русскому народу? Ну, пріютъ бы какой устроили для дѣтокъ, а? И садикъ вѣдь есть... Премилый бы вышелъ пріютъ...

— Мой домъ дѣдовскій... А вы почему своего не отдали?

— Я? — изумленно переспросилъ Нещеретовъ, поднимая брови чуть не до края лба. — Помилте, зачѣмъ-же я отдамъ хамью свое добро? У меня не дѣдовское... Горбомъ наживалъ, да вдругъ возьму и этой сволочи отдамъ!.. Развѣ это я хотѣлъ революціи, сэръ? Развѣ это я у Семы на банкетѣ говорилъ такую распрекраснѣйшую рѣчь?...

— Вотъ, вотъ!.. Позвольте вамъ сказать, что тѣ самые люди, которые считали народъ хамьемъ и сволочью, которые держали его въ невѣжествѣ и въ рабствѣ, тѣ и довели Россію до нынѣшняго состоянія... И они же теперь валяютъ съ больной головы на здоровую! Временное Правительство виновато? Да?

— Помилте, князь, кто же валить? Хоть, конечно, не важнецкое было правительство... И названіе экое выбрали глупое: «временное правительство»... Точно не всѣ правительства временныя! Ну, естественно, и оказалось оно ужъ очень временное... Что?.. Масла не угодно ли, князь? — ласково предлагалъ Нещеретовъ. — А вотъ кого, правда, жаль, это N... N... (онъ назвалъ фамиліи богатыхъ министровъ Временнаго Правительства). N., говорятъ, отвалилъ два милліона на революцію. Теперь сидитъ, горемычный, въ крѣпости... Въ крѣпость при проклятомъ царскомъ строѣ и дешевле можно было попасть, а? Жаль малаго... Правда, пане профессорже?

— Совершенная правда, — подтвердилъ Браунъ, допивая чай.

— Профессоръ съ нами и спорить никогда не изволилъ, потому зналъ, что придетъ Учредительное Собраніе и ужъ оно все какъ слѣдуетъ разсудитъ. И большевиковъ прогонитъ, и нѣмцевъ прогонитъ... Такая ужъ, почитай, силища!..

— Одно я чувствую, — сказалъ съ жаромъ Горенскій, обращаясь къ Брауну, — это то, что стыдно глядѣть въ глаза союзникамъ. Теперь намъ двадцать пять лѣтъ нельзя будетъ носа показать въ Парижъ: разорвутъ на улицѣ, услышавъ русскую рѣчь!

— Если побѣдятъ нѣмцы?..

— Увы, не надо быть пророкомъ, чтобы теперь это предвидѣть съ увѣренностью... Подумайте, когда освободилась вся ихъ сила и тиски блокады разжались, съ отрывающейся для нѣмцевъ богатой житницей Украины,

они неминуемо должны задавить союзниковъ, какъ задавили насъ.

— На союзниковъ мнѣ въ высокой степени начхать, — вмѣшаяся снова Нещеретовъ. — А насъ какъ же было не задавить? У нихъ Вильгельмъ, малый совсѣмъ неглупый, а у насъ батрацкіе депутаты... Но позвольте, я что-то не пойму, — опять началъ онъ, изображая на лицѣ крайнее изумленіе. — Въдь вы сэръ, хотѣли революціи?... Вы Бога должны благодарить, что все такъ хорошо, по справедливости, вышло...

— Баринъ, васъ спрашиваютъ, — доложилъ Брауну вошедшій лакей.

— Кто?

— Дама. Фамиліи не сказали... Сказали, что вы ихъ знаете.

— Не иначе, какъ знаете, — игриво произнесъ Нещеретовъ. — Пане профессорже, и зала, и гостиная къ вашимъ услугамъ.

— Благодарю васъ... Что-жь, попросите эту даму въ гостиную.

— Слушаю-съ.

Въ распорядкѣ дома Нещеретова ничего не измѣнилось. Лакеи ходили во фракахъ и выражались такъ же, какъ въ былыя времена.

Дама была на видѣ лѣтъ тридцати, худая, невысокая, некрасивая. Съ улыбкой на желтоватомъ лицѣ она повернулась къ входившему Брауну и особенно-энергичнымъ быстрымъ движеніемъ протянула ему руку.

— Ахъ, это вы? — до невѣжливости равнодушно сказала Браунъ.

— Не ждали?

— Вратъ не стану, не ждалъ...

— И неприятно удивлены? — полушутливо спросила дама, видимо нѣсколько смущенная пріемомъ.

— Отчего же неприятно? — не слишкомъ возражая,

переспросилъ Браунъ. — Садитесь, пожалуйста, Ксенія Карловна.

Они сѣли.

— Вы какъ узнали, гдѣ я теперь живу?

— Случайно. Въ нашей Коллегіи работаетъ одинъ субъектъ, который, кажется, вашъ пріятель...

— Какой субъектъ и въ какой коллегіи?

— По охранѣ памятниковъ искусства и исторіи... Нѣкто Фомищъ.

— Онъ мой пріятель?.. Такъ вы охраняете памятники искусства и исторіи?

— Какъ видите... Мы не такіе ужъ вандалы.

— Много работаете?

— Очень много... Какъ мы всѣ.

— Вы всѣ — это коллегія или партія?

— Партія... Александръ Михайловичъ, — сказавъ дама, — позвольте обратиться къ вамъ съ просьбой...

— Сдѣлайте одолженіе.

— Я прошу васъ, ну, очень прошу, оставьте вы вашъ враждебный тонъ. Къ чему это? Вѣдь вы знаете, какъ я васъ цѣню и люблю...

— Покорнѣйше благодарю.

— Вы знаменитый ученый, мыслитель съ широкимъ кругозоромъ, ну, пристало ли вамъ относиться по обывательствамъ къ намъ, къ партіи, къ ея огромному историческому дѣлу...

Лицо Брауна дернулось отъ злобы.

— Вы, Ксенія Карловна, быть можетъ, пришли обрадовать меня въ большевистскую вѣру? Такъ, зашли въ гости, поговорили четверть часа съ «мыслителемъ», вотъ онъ и сталъ большевикомъ, да?

— Нѣтъ, столь далеко мои иллюзіи не идутъ... Хотя какъ бы я была счастлива, если-бъ вы вступили въ наши ряды!.. Александръ Михайловичъ, давайте разъ поговоримъ по душамъ, — съ жаромъ сказала Ксенія Карловна.

— Нѣтъ, ужъ, пожалуйста, мою душу оставьте. Давайте безъ душъ говорить... У васъ ко мнѣ дѣло?

Дама невесело улыбнулась.

— Я думала, что въ память нашихъ давнихъ добрыхъ отношеній вы меня примете лучше... Есть ли у меня къ вамъ дѣло? И да, и нѣтъ...

— Вотъ слова, которыя я часто слышу, — съ возраставшимъ раздраженіемъ сказалъ Браунъ. — «И да, и нѣтъ»... По моему, да или нѣтъ.

— Ну, да, есть дѣло... Мнѣ поручено сказать вамъ, что если вы захотите, мы предоставимъ вамъ самыя широкія возможности научной работы, такія, которыхъ вы, быть можетъ, не будете имѣть нигдѣ на западѣ. Мы вамъ дадимъ средства, инструменты, выстроимъ для васъ лабораторію по вашимъ указаніямъ, по послѣднему слову науки... Однимъ словомъ...

— А не можете ли вы вмѣсто всего этого дать мнѣ заграничный паспортъ?

— Вы хотите уѣхать изъ Россіи? Почему же?

— Да ужъ такъ... Знаете, въ Писаніи сказано: «вотъ чего не можетъ носить земля: раба, когда онъ царствуетъ, и глупца, когда онъ насытится хлѣбомъ»... Жизнь меня слишкомъ часто баловала вторымъ: зрѣлищемъ самодовольныхъ дураковъ. Но, оказалось, первое гораздо ужаснѣе: «Видѣлъ я рабовъ на коняхъ, и князей, ходящихъ пѣшкомъ»...

— Вамъ не совѣстно это говорить? — изволнованнымъ голосомъ сказала Ксенія Карловна. — Мы положили конецъ рабству, а вы насъ этимъ попрекаете! Вы вдобавокъ и не князь и никакой не аристократъ, что-жъ вамъ умиляться надъ обѣднѣвшими князьями?...

Браунъ засмѣялся.

— Очень хорошо, — сказалъ онъ, — очень хорошо. Вы, очевидно, къ моимъ словамъ подошли съ классовой точки зрѣнія. Самое характерное для большевиковъ — плоскость (Ксенія Карловна вспыхнула). Среди васъ есть

люди очень неглупые, но загляни имъ въ умъ, — въ трехъ верхкахъ дно; загляни имъ въ душу, — въ двухъ верхкахъ дно. А если еще добавить глубокое ваше убѣжденіе въ томъ, что вы соль земли и мозгъ человѣчества!.. — Браунъ махнулъ рукой. — Спорить съ вами совершенно бесполезно и такъ скучно!.. Большевицкая мысль опощляетъ и тѣхъ кто съ ней спорить...

— Какъ же мнѣ было васъ понять? — сказала, видимо сдерживаясь, Ксенія Карловна. — Рабство категорія экономическая... Не скрываю, я отъ васъ ждала все-таки другого. Вашъ хозяинъ, выстроившій эти хоромы, можетъ такъ говорить, но не вы!

— Мой хозяинъ — «глупешъ, насытившійся хлѣбомъ», но онъ тутъ ни при чемъ. Онъ по крайней мѣрѣ свою глупость никому насильно не навязываетъ. Вашей же партіи я предсказываю безсмертіе: такой школы всеобщаго опощленія никто въ исторіи никогда не создавалъ и не создастъ... Людямъ свойственно творить гнусныя дѣла во имя идеи, — здѣсь и вы, быть можетъ, не побьете рекорда. Но иногда идея бывала грандіозной или хоть занимательной. А у васъ и самой идеѣ мѣдный грошъ цѣна.

— Это идея раскрѣпощенія человѣчества, не больше и не меньше! Какъ же не мѣдный грошъ цѣна! «Занимательнаго», разумѣется, не много, но мы...

— Полноте, всѣ политическіе дѣятели работаютъ на человѣчество, ужъ тутъ вы торговой монополіи не получите... Ваши идеи, вотъ онѣ, — Браунъ взялъ со стола газету. — Нѣтъ, и не трудитесь выбирать: загляните въ любой столбецъ, ваша идея вездѣ. Ее пойметъ безъ всякаго труда и обезьяна. А ужъ пуделю она покажется, быть можетъ, слишкомъ элементарной... Почитайте, почитайте, — сказалъ онъ, нервно тыча рукой въ газету. — Я когда-то въ Парижѣ, въ минуты мрачнаго настроенія, останавливался передъ кіосками на бульварахъ: газеты всѣхъ направлений, газеты на всѣхъ языкахъ, тутъ и серьезное, тутъ и юморъ, тутъ и политика, тутъ и литература. — «Какой

ужась!»—думалъ я:—«девять десятыхъ ложь, и все духовная отравка!»... Теперь, по сравненію съ вашей печатью, мнѣ передовикъ «Petit Parisien» кажется Шопенгауэромъ, а репортеръ «Daily Mail» — Декартомъ... Глупое есть такое слово, которому очень повезло въ нашей литературѣ: «мѣщанство». Господи, какое мѣщанство вы породите въ «самой революціонной странѣ міра»! Ну, просто европейскимъ лавочникамъ смотрѣть будетъ любо и завидно. А тогда вы все свалите на перспективу: посмотримъ, моль, что люди скажутъ черезъ пятьсотъ лѣтъ? Это очень удобно, и вы вдобавокъ будете правы, ибо и черезъ пятьсотъ лѣтъ много будетъ дураковъ на свѣтѣ.

— Я вижу только, что вы очень раздражены, — сказала сухо Ксенія Карловна, — и, если на то пошло, добавляю, что это характерно: безстрашіе философской мысли и отвращеніе къ политическому дѣйствию. Безошибочный признакъ житейскаго диллетантизма, забвеніе всего того, чему вы служили...

— Чему я служилъ, — перебилъ ее Браунъ, — это вопросъ другой и довольно сложный. Во всякомъ случаѣ вашимъ сослуживцемъ я никогда не былъ и мнѣ, слава Богу, въ отставку подавать не надо. А вашей партіи, — продолжалъ онъ (лицо его было бѣло отъ злобы), — вашей партіи я въ сущности могу быть только благодаренъ. Я не имѣлъ больше никакихъ почти интересовъ въ жизни. Вы, какъ юношамъ у насъ въ провинціи учителя гимназій, вы дали мнѣ жизненную цѣль. Плохенькую, но дади!..

— Бороться съ нами будете? Тогда, пожалуй, не очень конспиративно мнѣ объ этомъ заранѣе заявлять, — сказала со слабой усмѣшкой Ксенія Карловна.

— Обязаны донести?

— Обязана, но не донесу, хотя бы потому, что не очень мы боимся диллетантовъ.

— Ну, вотъ, все сказано. Бросимъ въ самомъ дѣлѣ этотъ разговоръ.

— Хорошо, бросимъ... Какъ же вы живете?

— Ничего, слава Богу. Угла своего, благодаря вашему правительству, не имѣю. Какъ видите, живу въ гостяхъ.

— На недостатокъ комфорта, кажется, вы пожаловаться не можете? — сказала Ксенія Карловна, обводя пренебрежительнымъ взглядомъ богатую гостиную.

— Да, да... А вы какъ устроились?.. Вѣдь я васъ только два раза видѣлъ мелькомъ со времени вашего возвращенія изъ-за границы...

— Мы такъ съ вами разошлись въ политическомъ отношеніи, что я не рѣшалась васъ тревожить.

— Помнится, мы никогда не были близки въ политическомъ отношеніи. Вы всегда были большевичкой.

— Съ самаго основанія партіи, — съ гордостью подтвердила Ксенія Карловна. — А вы всегда были «озлобленный умъ»... Кажется, такъ кто-то шутитъ у Тургенева?.. Я однако посѣщала въ Парижѣ ваши лекціи не только съ удовольствіемъ, но и съ пользой.

— Еще разъ благодарю... А знаете, съ кѣмъ я здѣсь познакомился? Съ вашей... Съ госпожей Фишеръ, женой вашего отца.

— Она меня весьма мало интересуеъ, — холодно-презрительно сказала Ксенія Карловна.

— А самъ вашъ отецъ васъ интересовалъ?

— Я его принимала, какъ существующій фактъ.

— А деньги существующаго факта васъ интересовали?

— Однако это ужъ... Вы очень не любезны!

«Если вы только теперь это замѣтили», — хотѣлъ было отвѣтить Браунъ, но удержался. Онъ смотрѣлъ на Ксенію Фишеръ со злобой и съ насмѣшкой. «И весь твой большевизмъ отъ безобразной наружности», — подумалъ онъ.

— Любезность никогда моей спеціальностью не была, а теперь, я думаю, она и вообще отмѣнена, — сказала Браунъ. — Когда вы освободите человѣчество, постарайтесь его еще немного и облагородить. Очень повысятся другія цѣнности. Скажемъ, на примѣръ, умъ или хотя бы

наружность? Съ этимъ вѣдь и ваша партія ничего не подѣлаетъ. Сытые захотятъ стать красавцами, всего не нивелируешь, правда?

— Это замѣчаніе, извините меня, сдѣлало бы честь Кузьмѣ Пруткову, — сказала, вставая, Ксенія Карловна.

— А то все, все фальшь, — продолжалъ Браунъ, тоже вставая. — О красотѣ говорятъ уроды, о любви къ людямъ злодѣи, объ освобожденіи челоуѣчества деспоты, объ охранѣ искусства люди, ничего въ искусствѣ не понимающіе. Неудачники и посредственности построятъ новую жизнь на пошлости и на обманѣ... Такъ вы уже уходите, Ксенія Карловна? Очень радъ былъ васъ повидать...

Ксенія Карловна взглянула на него, наклонила голову и быстро направилась къ выходу.

«Вотъ и конецъ ея платоническаго романа», — подумалъ Браунъ.

VII.

Кружокъ Муси скучалъ. Развлеченій въ Петербургѣ оставалось все меньше. Въ театры никто не ходилъ. Говорить было не о чемъ: писатели не писали книгъ, художники не выставляли картинъ, никто не заказывалъ туалетовъ, новыхъ сплетенъ было мало; какъ старыми туалетами, кое-какъ перебивались старыми сплетнями, да и то безъ оживленія, — почти всѣ подобрѣли. Старшіе говорили только о большевикахъ, но такъ какъ относительно большевиковъ всѣ въ общемъ сходились, то и это было скучновато. Муся кое-какъ переносила скуку, чувствуя себя отрѣзаннымъ ломтемъ. Другіе же участники кружка упали духомъ. Князь Горенскій больше не вносилъ съ собою обычнаго оживленія. Онъ, какъ говорилъ Никоновъ, быстро скисъ подъ живительными лучами свѣтлага февраля. У не подобрѣвшей Глафиры Генриховны забота о замужествѣ, теперъ все менѣе вѣроятномъ, превратилась въ

навязчивую идею. Никоновъ обыкновенно бывалъ мраченъ, когда оставался безъ копѣйки. Вздыхала даже Сонечка Михальская. Она впрочемъ то вздыхала, то щебетала по прежнему. Была она и немного влюблена, — не то въ Витю, не то въ Клервилля, не то въ Березина, — скорѣе всего въ Березина. Березинъ теперь бывалъ у Кременецкихъ рѣже, отговариваясь тѣмъ, что живетъ онъ далеко.

Веселѣе другихъ былъ Фоминъ. Онъ послѣ революціи вошелъ въ составъ коллегіи по охранѣ памятниковъ искусства и на этомъ основаніи поселился въ Зимнемъ Дворцѣ. Дворцомъ Фоминъ очень охотно угощалъ добрыхъ знакомыхъ, при чемъ показывалъ его такъ, точно прожилъ въ немъ всю жизнь или по крайней мѣрѣ всегда былъ тамъ своимъ человѣкомъ. Жилъ онъ сначала въ третьемъ этажѣ, въ одной изъ квартиръ, выходившихъ во фрейлинскій корридоръ (эти квартиры Фоминъ называлъ «сютами»). Тамъ онъ свелъ знакомство со старыми фрейлинами, которыя еще не успѣли выѣхать изъ дворца, ибо дѣться имъ было некуда. Съ ними Фоминъ тоже разговаривалъ такъ, точно вся ихъ жизнь прошла въ одномъ тѣсномъ кругу. Фрейлины лишь пріятно удивлялись неожиданной любезности, прекрасному воспитанію этого молодого человѣка, появленіе котораго было однако въ ихъ памяти связано съ потопомъ, обрушившимся на нихъ, на дворецъ, на Россію. Понемногу эта ассоціація изгладилась у старыхъ фрейлинъ изъ памяти; нѣкоторыя изъ нихъ стали даже думать, что, быть можетъ, Фоминъ вправду былъ своимъ человѣкомъ и какъ-то случайно лишь послѣ революціи появился въ Зимнемъ Дворцѣ: теперь вѣдь все было такъ странно и необычайно. Позднѣе, фрейлины разѣхались, а послѣ октябрьскаго переворота помѣщенія третьяго этажа были заколочены и самому Фомину пришлось съѣхать. Однако, какъ чуждый политикъ человѣкъ и незамѣнимый специалистъ, онъ поладилъ съ новымъ начальствомъ коллегіи. Интересы искусства это

оправдывали. Фомину предоставили уже не «сюють», а просто комнату въ первомъ этажѣ дворца.

— Кто не видѣлъ того, что краса и гордость революціи продѣлала съ покаями второго этажа, тотъ ничего не видѣлъ, — говорилъ Фоминь за чаемъ у Кременецкихъ. Чай былъ поданъ въ будуарѣ Тамары Матвѣевны, которая теперь часто, къ большому своему удовольствію, проводила время съ молодежью. Прежде Муся этого не потерпѣла бы; но она напоследокъ была гораздо внимательнѣе и ласковѣй съ матерью, зная, какимъ горемъ будетъ разлука съ ней для Тамары Матвѣевны. Впрочемъ, порывы нѣжности безпрестанно смѣнялись у Муси раздраженіемъ. «Бѣдная дѣвочка, какъ она нервна!» — думала огорченно Тамара Матвѣевна.

— Когда же вы намъ все это покажете? — спросила Глафира Генриховна.

— Ахъ, да, Платонъ Михайловичъ, миленькій, покажите же намъ дворець, — тотчасъ взмолилась Сонечка.

— Съ наслажденіемъ...

— Когда? Когда?

— Когда вамъ будетъ угодно.

— Знаемъ мы это «когда вамъ будетъ угодно»... Вы сто лѣтъ намъ обѣщали и танцулькѣ показать, когда намъ будетъ угодно. Намъ угодно завтра, вотъ что!

— Съ наслажденіемъ.

— Что съ наслажденіемъ: дворець или танцулькѣ?

— Странное сочетаніе, Сонечка. Но, si vous у tenez, и то, и другое.

— Что вы, Сонечка! Побойтесь Бога! — вмѣшалась Тамара Матвѣевна. — Про дворець я ничего не говорю, если Платонъ Михайловичъ беретъ васъ показать, но какъ же вамъ идти на какую-то ихнюю танцулькѣ? Тамъ все эти матросы и хулиганы... Говорятъ, что тамъ дѣлаются ужасныя вещи!..

У Сонечки глаза такъ и загорѣлись

— Да нѣтъ, Тамара Матвѣевна, вы совершенно ошибаетесь, увѣрю васъ.

— Тамара Матвѣевна, жальтесь надъ Сонечкой, ей такъ хочется посмотрѣть танцульку

— Но вѣдь это поздно вечеромъ! Помилуйте, господа, развѣ теперь можно возвращаться ночью... Это безуміе! Позавчера старика Майкевича ограбили въ двухъ шагахъ отъ Невскаго.

— Ну, что вы, мама, — сказала Муся чуть раздраженнымъ тономъ (Тамара Матвѣевна тотчасъ испуганно на нее взглянула). — То старикъ Майкевичъ, а то мы. Кто же нападетъ на компанію изъ десяти человѣкъ?

— Могу васъ увѣрить, Тамара Матвѣевна, никакой опасности нѣтъ, — вмѣшался авторитетно Березинъ. — Слухи объ ограбленіяхъ очень раздуваются. Развѣ прежде не было уличныхъ нападеній? Развѣ не грабятъ людей каждый день въ Парижѣ или въ Чикаго? Въ одномъ ужъ надо отдать полную справедливость нынѣшнему правительству: съ уголовными преступниками оно не церемонится и справляется съ ними безпощадно

Въ словахъ Березина не было ничего особеннаго, тѣмъ не менѣе они вызвали легкій холодокъ. Всѣ замолчали, Сонечка измѣнилась въ лицѣ. Березинъ, по слухамъ, разговаривалъ съ ними о какихъ-то гигантскихъ театральныхъ планахъ и въ послѣднее время настойчиво твердилъ, что искусство по природѣ своей вполне аполитично.

— Разумѣется, никакой опасности нѣтъ, — прервала молчанье Муся — Итакъ, рѣшено, вы намъ устраиваете это на завтра, Платонъ Михайловичъ?

— Нѣтъ, право, это неудачная мысль, — продолжала слабо протестовать Тамара Матвѣевна. — Гораздо лучше соберитесь завтра всѣ у насъ. Сидите за чаемъ хоть до поздней ночи. — предложила она, сразу забывъ объ опасности позднихъ возвращеній домой: возвращаться надо было не Мусѣ. — А мы съ Семеномъ Исидоровичемъ вамъ

мѣшать не будемъ, мы теперь рано ложимся, — поспѣшно добавила Тамара Матвѣвна.

— Что вы, Тамара Матвѣвна, вы насъ обижаете! Намъ будетъ гораздо пріятнѣе, если вы пробудете съ нами весь вечеръ, — любезно возразилъ Фоминъ. Муся на него покосилась.

— Одно другому не мѣшаетъ, — сказала она. — Мы придемъ сюда послѣ танцульки... Мама, готовьте для насъ ужинъ.

— *Ça, c'est fort!* Развѣ можно, Марья Семеновна, въ такое время взваливать на милую хозяйку такое бремя?

— Беневоленскій, слышите? Онъ отъ волненья заговорилъ стихами: такое время, такое бремя.

— Какъ *monsieur Jourdain faisait de la prose*.

— Это можно было предвидѣть, Платонъ Михайловичъ, что вы сейчасъ скажете о *monsieur Jourdain*, — вставила Глафира Генриховна.

— Господа, я очень рада. Намъ будетъ очень пріятно, а не бремя, — сказала Тамара Матвѣвна. — Непремѣнно всѣ приходите возможно раньше, поужинаете, чѣмъ Богъ послалъ.

— Ахъ, это будетъ мило!

— Но право, вамъ слишкомъ много безпокойства.

— Зачѣмъ вы себя мучите?

Тамара Матвѣвна увѣряла, что ей никакого безпокойства не будетъ. Она только, къ сожалѣнію, не обѣщаетъ роскошнаго ужина.

— Недавно одинъ господинъ пріѣхалъ изъ Кіева, — со вздохомъ добавила Тамара Матвѣвна, — и, представьте, онъ рассказывалъ Семену Исидоровичу, что тамъ лавки ломаются отъ птицы, отъ сливокъ, отъ пирожныхъ!

— Не можетъ быть!

— Сонъ какой-то!

— Господа, тогда я предлагаю слѣдующее, — сказалъ Фоминъ. — Встрѣча у меня, во дворцѣ, завтра въ восемь часовъ. Я вамъ покажу, что можно, затѣмъ отправимся

на танцульку, а оттуда къ этимъ милымъ расточителямъ и безумцамъ.

— А какъ же васъ искать во дворцѣ?

— На Дѣтской Половинѣ, развѣ вы не знаете? Входя съ Салтыковскаго подъѣзда.

— Это, кажется, со стороны сада?

— Ну да, ну да, — снисходительно пояснилъ Фоминь. — Кого же еще надо предупредить? Мосье Клервилль въ Москвѣ, значить только Никонова и князя?

— Никоновъ обѣщаль сегодня къ намъ зайти, я ему скажу. А вотъ Горенскій... Господа, кто дастъ знать князю?

— Если хотите, я могу, — послѣшно сказала Глафира Генриховна. — Я буду въ тѣхъ мѣстахъ завтра утромъ, могу сказать Алексѣю Андреевичу или забросить ему записочку.

— Вотъ и отлично, — отвѣтила Муся, улыбнувшись чуть замѣтно, но все же улыбнувшись (это отъ Глаши не могло скрыться). Муся догадывалась, что Глафира Генриховна стала съ нѣкоторыхъ поръ подумывать о князѣ Горенскомъ: въ общей катастрофѣ начинали сглаживаться социальныя различія. Муся желала, чтобъ Глаша вышла замужъ, и даже искренно (почти совсѣмъ искренно) сожалѣла о неудачѣ ея замысловъ, связанныхъ съ адвокатомъ. Но Муся не могла желать, чтобы Глаша вышла за князя Горенскаго, — это было бы слишкомъ блестящимъ дѣломъ. «Она заѣла бы Алексѣя Андреевича... Ну, да ничего изъ этого, разумѣется, не выйдетъ: Глаша — княгиня!» — думала Муся. — «Пусть она сдѣлаетъ среднюю приличную партію»...

— А вы какъ, милый Витя? — спросила она.

— Я не пойду, — отвѣтилъ, скрывъ вздохъ, Витя. Ему очень хотѣлось пойти со всѣми, но трауръ этого не позволялъ.

— Разумѣется, онъ не можетъ, что-жъ и спрашивать? Было бы по меньшей мѣрѣ странно, если-бъ онъ пошелъ, — сказала Глафира Генриховна.

— Собственно почему? Въ сущности это такъ условно, — начала Тамара Матвѣвна, которой очень хотѣлось развлечь мальчика. — Я Семену Исидоровичу и Мусенькѣ всегда говорила и говорю: когда я умру, умоляю никакого траура не соблюдать...

— Мама, перестаньте, пожалуйста... Что-жъ, если Витѣ тяжело идти съ нами... Ну, хоть ужинать будемъ всѣ вмѣстѣ, — утѣшила Витю Муся.

— Ради Бога! — глубокимъ груднымъ голосомъ сказалъ взволнованно Витѣ Березинъ, складывая у груди ладони. — Вѣдь я еще не выразилъ вамъ сочувствія въ этой ужасной утратѣ. Ради Бога, простите!.. Я былъ такъ тогда пораженъ кончиной Надежды Максимовны...

— Натальи Михайловны, — быстро поправила Муся

— Натальи Михайловны, виновать, я обмолвился... Надѣюсь, вашъ батюшка бодро перенесъ это тяжелое испытаніе?... Всѣмъ, всѣмъ тяжело, — замѣтилъ съ глубокимъ вздохомъ актеръ. — А все-таки жизнь обольстительно-прекрасна! Въ какое необыкновенное время мы живемъ! Александръ Блокъ, я слышала, говорить о таинственной музыкѣ революціи. Какъ я его понимаю! — съ силой сказала Березинъ и опять за столомъ почувствовался холодокъ.

— Значить, рѣшено, завтра въ восемь всѣ у васъ, Платонъ Михайловичъ, — сказала Муся. — Господа, и, пожалуйста, хоть разъ въ жизни не опаздывать.

— А можеть быть, и Нещеретова пригласить? — въ отместку Мусѣ за улыбку, предложила Глафира Генриховна. — Алексѣй Андреевичъ вѣдь живетъ у него въ домѣ.

— Ахъ, лучше безъ Нещеретова, — сказала пренебрежительно Тамара Матвѣвна. — Зачѣмъ онъ вамъ? Это вѣдь малоинтеллигентный человѣкъ. Теперь надо оставаться въ своемъ кругу.

— Но вѣдь онъ у васъ, кажется, часто бывалъ, дорогая Тамара Матвѣвна... Впрочемъ, я нисколько не настаиваю...

— Платонъ Михайловичъ, билеты на танцульку и все прочее вы, значитъ, берете на себя? — спросила Муся.

— Беру на себя, какъ вашъ вѣрный слуга.

— Что такое «все прочее»? -- съ глубокомысленной усмѣшкой вмѣшался молчавшій все время Беневоленскій.

— Я говорю: билеты.

— Вы сказали «билеты и все прочее». Что такое «все прочее»? Ну-съ?

— *Nuss heisst deutsch* орѣхъ... Теперь уже разрѣшаются нѣмецкіе каламбуры.

— Но желательны все-таки нѣсколько болѣе новые, -- сказала Глафира Генриховна.

VIII.

Фоминъ исполнилъ свое обѣщаніе добросовѣстно и чуть ли не два часа водилъ своихъ гостей по Зимнему Дворцу, называя безошибочно залы, указывая главныя ихъ особенности. Первое впечатлѣніе было сильное; потомъ всѣ немного утомились и уже безъ прежняго оживленія слѣдовали за Фоминымъ: онъ шель впереди, зажигая и гася у дверей свѣтъ въ пустынныхъ залахъ:

— А я бы не хотѣла здѣсь жить, неуютно, — сказала Сонечка.

— Какъ, милая Сонечка, вы не хотѣли бы быть царицей? — спросилъ Фоминъ. — Ну, что-жь, тогда мы не настаиваемъ. Но, помните все-же, такихъ огромныхъ залъ, какъ главныя залы Зимняго Дворца, въ мірѣ найдется немного.

-- Будто? — усомнился Никоновъ.

— Ужь вы мнѣ повѣрьте, Григорій Ивановичъ. Конечно, Зеркальная галлерей въ Версалѣ, Тронный Залъ въ Дольма-Бахче... И, разумѣется, Большой Царскосельскій, тотъ я ставлю въ художественномъ отношеніи выше... Вы не устали, mesdames?

— Какъ не устали? Очень устали.
 — Еще бы не устать!. И у меня въ головѣ всѣ ваши залы спутались.
 — Немудрено: во дворцѣ больше тысячи комнатъ.
 — Не можетъ быть!
 — Какъ пусто и мрачно! Заколдованный замокъ.
 — А гдѣ мы сейчасъ?
 — Уже забыли, Сонечка? Это Концертная.
 — Мнѣ больше всего нравится Малахитовый залъ, — сказалъ Горенскій.

— Гдѣ это Малахитовая Зала? Я забыла.
 — Рядомъ съ Арапской.
 — А Арапская это рядомъ съ Малахитовой.
 — Вотъ, я вижу, что надо кончать осмотръ, — сказалъ Фоминъ. — Итакъ, пройдемъ еще черезъ Николаевскій залъ, затѣмъ внизъ ко мнѣ — и hinaus, ins Freie.

Гости послушно пошли за Фоминымъ. Проходившій сѣдой лакей въ сѣрой тужуркѣ окинулъ ихъ укоризненнымъ взглядомъ и, отвернувшись, сердито поправилъ загнутую грязную дорожку.

— Вотъ они, мученики новыхъ порядковъ! — сказалъ, смѣясь, Фоминъ. — Я въ аристократической средѣ не встрѣчалъ такихъ убѣжденных монархистовъ, какъ дворцовые лакеи.

Они вошли въ Николаевскій залъ. Фоминъ повернулъ выключатель. Гости остановились, подавленные сверхъестественными размѣрами зала.

— Холодомъ вѣть, — произнесъ Березинъ.

— Я бывалъ здѣсь на балахъ въ ранней молодости, когда былъ пажемъ, — сказалъ съ легкимъ вздохомъ князь Горенскій.

— Ахъ, я и не знала, что вы воспитывались въ Пажескомъ корпусѣ, князь, — замѣтила томно Глафира Генриховна, закатывая глаза.

— Да, въ Пажескомъ. Но затѣмъ поступилъ въ Университетъ, на естественный факультетъ.

- Такъ вы и естественникъ?
- Такъ точно. Окончилъ университетъ въ 1902-мъ году.
- А я въ 1904-мъ, но не университетъ, я выдержалъ государственный экзамень при Демидовскомъ лицѣѣ, — сообщилъ Никоновъ.
- Разумѣется. Тамъ, кажется, было правило: ничего не дѣлать.
- Правила не было, но я ничего не дѣлалъ и горжусь этимъ.
- Кто не трудится, тотъ не ѣстъ.
- Можеть быть поэтому я и жилъ студентомъ впроголодь, рублей на двадцать пять въ мѣсяцъ. Но зная учащейся молодежи всегда держалъ высоко... Меня изъ двухъ гимназій выгнали.
- Господи! За что?
- За лѣнь и за дерзости.
- Узнаю васъ, Григорій Ивановичъ, — сказала ласково Муся.
- Мерси. Затѣмъ выгнали меня и изъ Петербургскаго университета, но это уже за политическіе безпорядки.
- Такъ вамъ и надо. Очень хорошо сдѣлали, что васъ выгнали, — пропѣла Сонечка. — У нея съ Никоновымъ была на словахъ кровная вражда.
- Господа, автобіографіи рекомендую отложить на другое время, какъ онѣ ни интересны, — сказалъ Фоминъ.
- Лучше полюбуйтесь тѣмъ, что видите.
- Великолѣпіе несомнѣнное, но есть и нѣкоторое безвкусіе, — сказалъ Березинъ.
- Муся смотрѣла на огромный залъ, съ любопытствомъ представляя себѣ картину придворнаго бала. «И все это такъ и прошло мимо меня... Вивіанъ представлялся королю, но это не то... Гдѣ у королей нѣтъ настоящей власти, тамъ дворъ тотъ же театръ или маскарадъ. Этого больше нигдѣ не будетъ»...
- Муся чуть ли не съ первыхъ дней революціи стала со-

жалѣть о монархіи, о дворѣ, и съ вызывающимъ видомъ говорила это друзьямъ. Фоминъ съ ней соглашался, не то шутливо, не то серьезно. Горенскій сердился, — особенно вначалѣ. Никоновъ былъ по правилу республиканцемъ среди монархистовъ и монархистомъ среди республиканцевъ. «Нашъ милѣйшій парадоксалистъ Григорій Ивановичъ», — снисходительно говорилъ о немъ Кременецкій.

— Если бы вы пришли ко мнѣ въ гости въ первые дни послѣ переворота, — сказалъ Фоминъ, — я прежде всего показалъ бы вамъ царскіе покои, въ которыхъ похозяйничала въ октябрѣ краса и гордость революціи. Теперь многое тамъ приведено въ порядокъ. Надо было это видѣть тогда! Все было разбито, полъ былъ устланъ стекломъ, хрусталемъ, фарфоромъ, окна выбиты, шкафы взломаны, картины загажены, бумаги разорваны, — быть можетъ, документы огромной цѣнности. Я поднялъ рукоятку шпата, изъ нея они выковыряли брилліанты! Въ комнатахъ Николая I отъ сквозного вѣтра носился тучами пухъ: краса и гордость, видите ли, сочла нужнымъ сорвать матерію съ подушекъ, имъ на онучи пригодится... Господи, что они тамъ выдѣлывали! Я самъ видѣлъ икону съ выколотыми глазами...

Всѣ замолчали.

— Да, очень еще много злобы въ людяхъ, — съ мягкимъ вздохомъ произнесъ Березинъ. Князь холодно на него посмотрѣлъ.

— Мерзавцы! — сказалъ онъ. — Несчастливая родина наша... Я не отрицаю и нашей доли вины, — продолжалъ Горенскій, обращаясь преимущественно къ Глашѣ, которая слушала его съ восторженнымъ вниманіемъ. — Народная дикость — историческій грѣхъ Россіи, въ которомъ мы повинны меньше, чѣмъ другіе, однако повинны и мы, я этого не отрицаю...

— Виноваты, я никакой вины за собой не чувствую, — отвѣтилъ Никоновъ. — Я дворца не громилъ и никого не призывалъ громить.

— Ахъ, ради Бога, перестаньте! — морщась отъ его ироническаго тона, сказала князь. — И я, какъ вы догадываетесь, не призывалъ, а вы думаете, мнѣ легко?.. Особенно здѣсь, гдѣ видишь передъ собой бывшее великолѣпіе Россіи. Какъ ни какъ, въ этомъ заколдованномъ замкѣ прошло два столѣтія нашей исторіи.

— Это кинематографическій эффектъ: дворецъ до васъ, дворецъ послѣ васъ... Я говорю о нашей интеллигенціи, вотъ символъ ея кратковременнаго владычества.

— Тогда позвольте васъ спросить, началъ, блѣднѣя, Горенскій. Но Муся тотчасъ прервала разговоръ, принявшій непріятный характеръ.

— А вы знаете, друзья мои, — сказала она, — въ сущности то, что мы дѣлаемъ, очень неделикатно. Зашли въ чужой домъ и безцеремонно глазѣемъ, какъ жили хозяева... Сонечка, что вы дѣлаете? Вы съ ума сошли!

Сонечка вдругъ повернула выключатель. Все потонуло въ темнотѣ. Глафира Генриховна испуганно вскрикнула и схватила за руку князя. Фоминь зажегъ снова свѣтъ и погрозилъ Сонечкѣ пальцемъ.

— Вотъ я мамѣ скажу.

Почему чужой домъ? — возразилъ Мусѣ Никоновъ. Онъ возражалъ всѣмъ по привычкѣ и немедленно забывалъ то, что говорилъ четверть часа тому назадъ. — Почему чужой домъ? Все это принадлежало и принадлежитъ русскому народу.

Князь махнулъ рукой. Фоминь засмѣялся.

— Разумѣется... «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь», — саркастически сказалъ онъ.

Фоминь повелъ ихъ боковыми ходами и корридорами, все время гася и зажигая свѣтъ. Открывались таинственные лѣсенки, двери полускрытыя въ стѣнахъ. Муся все время представляла себѣ дамъ въ пышныхъ туалетахъ изъ «Пиковою дамы», мужчинъ въ великолѣпныхъ мундирахъ...

— Это все Растреллиевскихъ временъ? — спросила она. Фоминъ улыбнулся.

— Нѣтъ, увы! отъ Растрелли осталось послѣ пожара немного, — отвѣтилъ онъ. — Это теперь ихъ царство... Днемъ здѣсь хозяйничаютъ они. Тутъ разныя канцеляріи.

Онъ остановился возлѣ одной изъ дверей и, тихо засмѣявшись, показалъ на висѣвшій листъ бумаги. На немъ очень большими красивыми буквами, старательно выведенными писарскою рукою, было написано: *Предизіумъ*. Дальше слѣдовало что-то еще, съ новой строки и буквами поменьше.

— Этотъ предизіумъ я надѣюсь какъ нибудь пополучить въ свою коллекцію. Для нашего будущаго *Carnavalet*...

— Такъ у нихъ все... Какой-то сплошной предизіумъ! — сказала князь. — Но чего намъ будетъ стоить этотъ опытъ въ живомъ тѣлѣ страны!

— Господа, ради Бога! Мы изнемогаемъ.

— Подцарства за стулъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, теперь уже два шага.

Въ комнатѣ Фомина все было въ образцовомъ порядкѣ. За ширмами стояла постель. На столѣ были аккуратно разложены книги, портфели, папки. Уютно горѣла подъ абажуромъ маленькая лампа на столѣ.

— Ахъ, какъ у васъ хорошо!

— Первая жилая комната.

— Душой отдыхаешь послѣ этихъ залъ, отъ которыхъ отлетѣла жизнь, — подтвердилъ Березинъ.

— Ужасно мило, не уйду отъ васъ! — воскликнула Со-нечка, падая въ мягкое кресло. — Нѣтъ, просто прелесть... Кто это, Платонъ Михайловичъ? — спросила она, показывая на стоявшій на столѣ портретъ старой дамы.

— Это моя покойная мать.

— Красивая какая... Какъ ее звали?

— Анастасія Михайловна.

— А дѣвичья фамилія?

— Она была рожденная Иванчукъ... Ея прадѣдъ былъ извѣстнымъ сановникомъ, сподвижникомъ Александра Перваго... Господа, вы меня извините, я скроюсь за ширмы и приведу себя въ надлежащій видъ.

— То-есть, что это значить? Смокингъ, что ли, напялите или фракъ?

— Напялю, какъ вы изволите выражаться, князь, самый старый до-военный пиджачишко.

— А вѣдь, правда, на танцульку надо одѣться возможно демократичнѣе.

— Ну да, я такъ демократически и одѣлась, — сказала Муся, — взяла у мамы старую каракулевою кофту.

— Я тоже, разумѣется... Я въ блузкѣ и въ шерстяныхъ чулкахъ! — стыдливо смѣясь, пояснила князю Глафира Генриховна. «Какой ужасъ: она — и шерстяные чулки!» — съ раздраженіемъ подумала Муся.

Горенскій за письменнымъ столомъ начертилъ на клочкѣ бумаги планъ западнаго фронта. Онъ доказывалъ Никонову и Березину, что союзныя арміи находятся въ западнѣ.

— Очень боюсь, что къ лѣту англичане будутъ сброшены въ море, — горячо говорилъ князь, тыча карандашомъ въ бумажку. — Здѣсь у нихъ смычка, и ударъ Людендорфа, безспорно, будетъ направленъ въ этотъ узелъ, скорѣе всего съ диверсіей у Реймса...

— Ништо. Нивелль подведетъ какую-нибудь контрминуту. Я его знаю!

— Какой Нивелль? Нивелль давно уволенъ!

— Что вы говорите? Ну, такъ другой геніальный генераль, — согласился Никоновъ. — Не наша съ вами печаль, а вотъ мнѣ бы хозяйкѣ за квартиру заплатить, а то пристаётъ, мелкобуржуазная пьявка...

— Ну, господа, теперь я сознаюсь вамъ въ крайней безтактности, — сказала, выходя изъ-за ширмы, Фоминъ. — Князь, заранѣе умоляю о прощеньи.

— Что такое?

— Въ чемъ дѣло?

— Господа, вы были въ гостяхъ у меня. Отсюда мы идемъ въ гости къ князю.

— Какъ такъ?

— Въ домѣ Алексѣя Андреевича теперь одна изъ самыхъ фешенебельныхъ танцулекъ столицы. Принимая весь Петербургъ, князь не можетъ отказать въ гостепримствѣ своимъ ближайшимъ друзьямъ.

Всѣ покатались со смѣху.

— Какъ? Вы ведете насъ въ домъ князя?

— Нѣтъ, это неподобно!

— Господа, нехорошо... Князю, можетъ быть, это неприятно, — говорила Глафира Генриховна.

— Ничего, ничего, — съ трудомъ сдерживая смѣхъ, сказала Муся. — То Зимній Дворецъ, а то вашъ домъ... Алексѣй Андреевичъ, ради Бога, извините наше непристойное веселье!..

Горенскій натянуто улыбался.

— Господа, я очень радъ, — не совсѣмъ естественно говорилъ онъ.

Голыя деревья незнакомаго петербуржцамъ сада были покрыты снѣгомъ. Муся безпокойно оглядывалась по сторонамъ. Огромная тѣнь падала на бѣлую рѣку. Они вышли на площадь, еле освѣщенную рѣдкими фонарями. Черный дворецъ былъ величественъ и страшенъ. Вдали, освѣщая пасть подъ аркой, оранжевымъ свѣтомъ горѣлъ костеръ. Около него стояли милиціонеры. Больше никого не было видно.

— Однако, и въ самомъ дѣлѣ жутко, — сказала Муся.

— А вы думаете, Тамара Матвѣевна не была права, что не хотѣла васъ пустить?

— Богъ дастъ, ничего не случится. Что вы дамъ пугаете?

— Намъ не страшно.

— Не таковскія.

— Какъ поидемъ, господа?

— Князь, какъ къ вамъ всего ближе?

— Положительно, господа, мы побиваемъ всѣ рекорды безтактности.

— Ахъ, какой жалкій песикъ, — сказала Сонечка, поровнявшись съ фонаремъ, у котораго, вытянувъ голову, лежала собака. — Вѣрно съ голоду подыхаетъ. Какъ жаль, что у насъ ничего нѣтъ... Цуць, цуць...

— Людей бы, Сонечка, жалѣли, а не цуцовъ. Стыдно!

— Отстаньте, Григорій Ивановичъ, я не съ вами говорю...

— А если я за такія за слова да уши надеру?

— Посмѣйте!

— И посмѣю. Хотите сейчасъ?

— Посмѣйте!

— Еще какъ посмѣю...

— Такъ можно долго разговаривать... Господи, какъ имъ не надоѣло! — смѣясь, сказала Муся. Вдругъ впереди сверкнули ацетиленовые огни. Съ нарастающимъ страшнымъ трескомъ пронеслась мотоциклетка. Два человѣка въ пальто поверхъ кожаныхъ куртокъ успѣли окинуть взглядомъ пѣшеходовъ.

— Видѣть не могу! — съ чисто физическимъ отвращеніемъ произнесъ князь. На этотъ разъ Никоновъ съ нимъ не поспорилъ: онъ испытывалъ такое же чувство.

— Но и работаютъ же эти люди!.. Какая все-таки бѣшеная энергія! — сказалъ Березинъ. Муся съ упрекомъ и сожалѣніемъ на него взглянула.

«Нѣтъ, онъ къ нимъ не перейдетъ, — подумала она. — Онъ славный... Ему просто нуженъ свой театръ, нуженъ шумъ, нужно поклоненіе публики, какъ мнѣ нужны ощущенія, любовь Вивіана, власть надъ Витей...» — Въ памяти Муси вдругъ, совершенно неожиданно, появился Александръ Браунъ. — «Ну, этотъ мнѣ не нуженъ... Березинъ милый... Онъ только ничего не понимаетъ въ политикѣ...

Какъ бы ему посовѣтовать, чтобъ онъ не говорилъ глупостей и не дѣлалъ... Онъ и безъ нихъ сумѣетъ создать свой театръ... Онъ не продажный человѣкъ, онъ очень милый, и съ нимъ тоже тяжело будетъ разстаться... Такъ жаль, что Вивіана нѣтъ съ нами... Что то онъ сейчасъ дѣлаетъ въ Москвѣ? Вѣрно, гдѣ-нибудь сидитъ со своими англичанами, куритъ Gold Flake и думаетъ обо мнѣ... Нѣтъ, я страстно, безумно люблю его, не такъ какъ прежде, а еще больше... Лишь бы только его не послали на фронтъ! Что, если его пошлютъ во Францію?.. — съ ужасомъ думала Муся. — Тамъ убиваютъ людей тысячами. Я умру отъ страха... Нѣтъ, этого не можетъ быть!..» Она заставила себя прислушаться къ разговорамъ своихъ спутниковъ.

— Какъ мѣтко и справедливо то, что вы говорите, князь... Я совершенно съ вами согласна.

— Только ужъ тамъ, пожалуйста, Глафира Генриховна, не называйте Алексѣя Андреевича княземъ, — сказалъ Фоминъ.

— А что? За это могутъ убить? Могутъ разстрѣлять? На мѣстѣ? — округляя глаза, жадно спрашивала Сонечка.

— Убить не убить, *quelle idée!* А только это ни къ чему.

IX.

Слѣва отъ парадныхъ дверей стараго барскаго особняка висѣла сѣрая афиша. «Грандіозный демократическій балъ... Мобилизація всѣхъ танцующихъ силъ... Первѣйшіе»... — началъ было выразительно читать вслухъ Никонъ. Фоминъ сердито на него зашикалъ. Они вошли въ вестибюль. Дамы вздохнули съ облегченіемъ: ничего жуткаго не было. Князь Горенскій, вошедшій послѣднимъ, выругался про себя непристойными словами. Сверху доносились звуки «Катеньки». У стола продавала билеты милостивая дѣвица; рядомъ съ ней сидѣлъ обыкновенный, не страшный матросъ, — въ синей блузѣ съ отворотами,

въ фуражкѣ съ бѣлой лентой. Фоминъ вѣжливо поклонился и спросилъ о цѣнѣ билетовъ, назвавъ дѣвицу товарищемъ.

— Входи пять рублей, — любезно отвѣтила дѣвица. — И за «Почту Амура», если желаете, особо три рубля.

— Да, пожалуйста, съ «Почтой Амура», товарищъ, — поспѣшно сказалъ Фоминъ, окидывая взглядомъ своихъ спутниковъ. — Семь билетовъ, пожалуйста, товарищъ.

Дѣвица отдала билеты, затѣмъ взяла изъ коробки семь картонныхъ кружковъ съ продѣтыми въ нихъ красными шнурками. Обмакнувъ перо въ чернильницу, она стала писать красными чернилами номера. Матросъ старательно чистилъ ногти другимъ перомъ. Гости переглядывались.

— Вы тринадцатаго номера не боитесь? — освѣдомилась предупредительно дѣвица.

— Нисколько, товарищъ, это предрассудокъ, — тотчасъ отвѣтилъ Фоминъ.

— Есть которые не любятъ... Бумагу имѣете?

— Бумагу? О да, все въ порядкѣ, — нѣсколько растерянно началъ Фоминъ.

— Бумагу-конверты. Имѣете?.. Тогда пятьдесятъ шесть рублей.

Фоминъ расплатился и взялъ кружки.

— Когда польты снимете, привяжите номера къ пуговицѣ. А то на шею повѣсите, — объяснила имъ дѣвица.

— Благодарю васъ, товарищъ, — набравшись храбрости, сказала Муся. Дѣвица кивнула и ей, однако нѣсколько менѣе привѣтливо, чѣмъ Фомину. Матросъ лѣниво всталъ, проводилъ посѣтителей въ маленькую прихожую и взялъ у нихъ подъ номерокъ шубы. Глаша толкнула Сонечку и показала ей глазами на уголь: тамъ стояло нѣсколько ружей. Сонечка округлила глаза. Дамы по привычкѣ стали оправляться передъ зеркаломъ.

— Что такое «Почта Амура»? — вполголоса спросила Муся Фомина.

— Si je le savais! — такъ же отвѣтилъ Фоминъ, пожимая плечами.

— По лѣстницѣ наверхъ пойдете, а тамъ сейчасъ направо будетъ зала, — сказала дѣвица.

— Покорно благодарю. Найдемъ, — беззаботно отвѣтилъ князь.

Они поднялись по лѣстницѣ и вошли въ ярко освѣщенную залу. Рядомъ съ остатками богатой мебели стояли простые некрашенные столы. — «О, Господи!» — сказалъ вполголоса князь. На эстрадѣ играли музыканты. На стѣнѣ висѣла надпись огромными буквами: «Да здравствуетъ Третья Международная Коммуна». У стѣнъ на атласныхъ стульяхъ сидѣли дѣвицы, солдаты, штатскіе. Около десяти паръ танцовало польку. Осторожно обходя танцующихъ, Фоминъ, вдвинувъ голову въ плечи, быстрыми короткими шажками, направился къ концу зала, гдѣ находился буфетъ. Сбоку отъ буфета стояло нѣсколько столиковъ, покрытыхъ грязными скатертями. Изъ нихъ былъ занятъ только одинъ. Фоминъ усадилъ дамъ за другой столикъ подальше.

— Тутъ и разговаривать можно, если не очень громко, — сказалъ онъ, пододвигая дамамъ атласные стулья. Публика смотрѣла на новыхъ гостей съ любопытствомъ, однако безъ недоброжелательства, а скоро и смотрѣть перестала. Видно всѣ были увлечены баломъ. Смущеніе гостей стало проходить. По требованію Фомина, всѣ прицѣпили кружочки такъ, какъ указывала дѣвица. Такіе же картонные кружки были на большинствѣ гостей. Березинъ потребовалъ себѣ тринадцатый номеръ.

— Авось не пропаду, вывезетъ кривая... Вѣрю, вѣрю въ свою звѣздочку, — говорилъ онъ.

— Все-таки, что могутъ означать эти номера?

— Порядокъ, въ которомъ будутъ разстрѣливать буржуевъ... Однако до того я закажу чай, — сказалъ Фоминъ, вошедшій въ роль предводителя какой-то охотничьей экспедиціи.

— То-есть, вы не заказывайте, а честью попросите, чтобъ намъ дали, — проворчалъ Никоновъ.

— Я съ удовольствіемъ выпью чайку.

— Я тоже... Право, господа, здѣсь все очень прилично.

— Да... Я даже никакъ не ожидала, — нѣсколько разочарованно сказала Глафира Генриховна.

— Не печальтесь, гражданочка, васъ изнасилуютъ въ концѣ вечера, — любезно утѣшилъ ее Никоновъ.

— Григорій Ивановичъ! Есть мѣра и пошлостямъ, и дерзостямъ!

— Господа, господа!..

— Товарищи, чего вы хотите къ чаю? — спросилъ Фоминъ. — Я вижу на буфетѣ бутерброды.

— Принесите намъ ихъ поскорѣе.. И Григорія Ивановича возьмите съ собой, пусть и онъ потрудится, — сказала Муся. Но какой ударъ майѣ, если мы здѣсь закусимъ! Вѣдь, по секрету скажу вамъ, дома у насъ готовится настоящій пиръ.

— Одно другому не помѣшаетъ, — отвѣтили повеселѣвшей Никоновъ. — Идемъ, товарищи мѣшечники.

— Въ самомъ дѣлѣ что они сдѣлали съ вашимъ домомъ, Алексѣй Андреевичъ! — сказала Муся.

— Да, хорошаго мало...

— Вы не очень сердитесь, что мы васъ сюда привели?

— Нѣтъ, что-жъ сердиться? Непріятно, конечно, смотрѣть, но... Какъ вы думаете, можно ли заглянуть въ другія комнаты? У меня были цѣнныя вещи... Были и семейные портреты...

— Платонъ Михайловичъ сказалъ, что тамъ живутъ матросы... Я думаю, лучше не пытаться.

— Господа, въ буфетѣ продаютъ водку! Говорятъ, изъ погребовъ Зимняго Дворца, --- взволнованно сказалъ вернувшійся Никоновъ.

— Это очень возможно, — замѣтилъ князь. — Въ дни пьяныхъ погромовъ мнѣ на Невскомъ солдатъ предла-

галь дворцовый Шато-Икемъ, по пять рублей за бутылку. Я не купилъ, хоть тогда еще были деньги: совѣстно было

— Буржуазные предрасудки... Да, можетъ, здѣсь и не изъ Дворца, но только водка, понимаете ли? Водка-мачочка!.. Правда, не пять, а восемьдесятъ рублей бутылка, что значительно хуже...

— Тащите! — сказалъ князь, махнувъ рукой.

— Тащите! — рѣшительно присоединился и Березинъ.

— Безумцы, подумайте! Восемьдесятъ рублей бутылка, — слабо возразилъ Фоминъ, вернувшійся съ тарелкой бутербродовъ. — Денегъ у насъ теперь у всѣхъ какъ котъ заплакалъ... Съ текущихъ счетовъ, какъ вы знаете, выдаютъ по семьсотъ пятьдесятъ рублей на душу, — добавилъ Фоминъ, у котораго врядъ ли былъ гдѣ-либо текущій счетъ.

— Господа, одно слово, но зато очень оригинальное, — сказала, улыбаясь, Муся. — Я знаю, оно васъ удивитъ, оскорбитъ, возмутитъ, но вамъ ничто не поможетъ! Сегодня за всѣхъ и за все плачу я, да!

— Это въ самомъ дѣлѣ было бы оригинально!

— Какой вздоръ!

— Гордая англичанка хочетъ насъ унижить!

— Господа, я изъ этого дѣлаю кабинетскій вопросъ. Мало того, что я все это затѣяла, но сегодня, быть можетъ, нашъ послѣдній общій выходъ... А вы всѣ меня достаточно вывозили, кормили и поили, въ частности вы, Алексѣй Андреевичъ...

— Муся устраиваетъ въ танцуюлькѣ свой мальчишникъ.

— Именно... Если же вы не согласитесь, то, даю вамъ слово, я сейчасъ встаю и ухожу. И меня убьютъ на улицѣ, и это будетъ на вашей совѣсти, и мама на васъ за мою смерть почти навѣрное обидится.

— Не считая того, что я безъ Муси умру съ горя, — сказала Сонечка.

— Развѣ согласиться, граждане и товарищи? — спросилъ Никоновъ.

— У васъ нѣтъ другого выхода.

— C'est le monde renversé! Идетъ...

— Но, ужъ если унижаться, то, давайте, на ейные стерлинги закажемъ три бутылки водки, -- потребоваль Никоновъ.

— Я согласна.

— А я нѣтъ... Посади кого-то за столъ... — сказала Глаша. — А потомъ еще и отвози васъ пьянаго домой, да? На извозчика теперь и будущихъ Мусиныхъ стерлинговъ не хватить.

Водку принесли. Никоновъ радостно разливалъ ее по рюмкамъ.

— Она, мамочка! Смотрѣть любо.

— Я тоже, каюсь, соскучился...

— Веселіе Руси есть пити... Водка препоганая, господа!.. Закусить поскорѣе...

— Ничего. Денатурать какъ денатурать.

— Отъ этого, говорятъ, слѣбнуть... Господа, полька кончилась...

— Нѣтъ, рожи, рожи каковы!.. Ваше здорвье, товарищи текстильщики.

— За ваше, Григорій Ивановичъ. Это что-жь будетъ, кадрили?

— Похоже на то... На душѣ веселѣе стало!..

— Ничего, князь, не ѣужите... Мы еще у васъ здѣсь потанцуемъ.

— Послѣ основательной чистки.

— Ей Богу, хорошо играютъ... «Кума, шень, кума, крестъ»...

— Григорій Ивановичъ, перестаньте подпѣвать.

— «Кума, дальше отъ порога... Кума, чашку разобьешь»... Хочу пѣть и пою, товарищъ Глафира!.. Кончилось буржуазное засиліе!

— Но хоть не такъ громко.

— «Что ты, что ты, что ты врешь, самъ ты чашку разобьешь»... Это моя няня пѣла, покойница. Товарищи пере-

плечики, ей Богу, та маленькая брюнетка, что танцуетъ съ матросомъ, недурна!

— Какая? — переспросила Глафира Генриховна. — Фр, горяшка!

— Герцогини, товарищъ Глафира, не по сегодняшнему абонементу танцуйки. Всѣ маркизы остались дома... Князь, еще по рюмочкѣ?

— Валяйте.

— Я васъ очень люблю, князь... Вотъ только къ политикѣ я бы васъ за версту не подпустилъ.

— Ради Бога, Григорій Ивановичъ, оставьте мою политику въ покоѣ. Ваше здоровье...

— Давайте, и со мной чокнемся, Григорій Ивановичъ. Вы страшно милый.

— Чокнемся, Мусенька, на прощанье.

— Это онъ милый? Онъ очень гадкй, Мусенька, вы его не знаете!

— Онъ прелесть, Сонечка.

— Сонечка, уважайте мои сѣдины. За ваше здоровье, гражданки.

— Еще бутылочку прикажете, товарищъ? ... наклоняясь къ Никонову, негромко спросилъ подошедшій буфетчикъ.

— Не много ли будетъ? — усомнился опять Фоминъ.

— На семь человекъ одной бутылки мало, — рѣшительно сказала Муся. — Дайте намъ, товарищъ, еще бутылку.

— Сю минуту...

— Спасибо, товарищъ... Да здравствуетъ свобода! — восторженнымъ голосомъ сказалъ Никоновъ. Буфетчикъ засмѣялся и побѣждалъ за водкой. Публика съ завистью слѣдила за кутящей компаніей.

— Интересно, за кого они насъ принимаютъ?

— За совѣтскихъ сановниковъ второго сорта.

— Только этого не хватало!

— Господа, это мнѣ напоминаетъ нашу поѣздку на острова въ день юбилея папы.

— Хорошее было время!

— Какую рѣчь вы тогда произнесли, Алексѣй Андреевичъ! — сказала Глафира Генриховна. — Я до сихъ поръ помню каждое слово.

Князь, смущенно улыбнувшись, поспѣшно взялъ съ тарелки бутербродъ изъ чернаго съ соломой хлѣба съ крещенымъ кусочкомъ колбасы.

— Славно мы тогда на островахъ кутили, товарищъ князь, — сказала Никоновъ. — Впрочемъ васъ съ нами тогда не было.

— Да, правда, васъ не было. А сегодня кого изъ тѣхъ нѣтъ?

— Мосье Клервилля, Вити и Беневоленскаго.

— Бѣдный Витя!

— Господа, несутъ денатурать!

— Несутъ, несутъ, несутъ!..

— Говорятъ, его отцу совсѣмъ туго приходится?

— Да, очень.

— Отцу денатурата?

— Не остроумно... Мнѣ одну каплю... Довольно, довольно!..

— Ништо, пейте, товарищъ Глафира... Эхъ, перемелется, мука будетъ...

— Что вы хотите сказать?

— Пей, пока пьется, все позабуди, товарищъ Глафира Генриховна.

— Что вы хотите сказать, Григорій Ивановичъ? А?

— Глаша, да онъ ничего не хочетъ сказать, что это тебѣ все въ голову приходитъ?.. Господа, а почему не явился Беневоленскій?

— Кто его разберетъ? Сказалъ, что голова болитъ.

— Интересничаетъ...

— Сонечка, выпьемъ на ты.

— Вотъ еще! И не подумаю.

— Положительно демось ведетъ себя образцово. Гдѣ же оргія?

— Потребуемъ деньги обратно!

— Между этой танцулькой и любимъ баломъ по существу нѣтъ никакой разницы, — сказалъ вдругъ серьезно Никоновъ. — Вы говорите: демось. Эти люди самые обыкновенные мѣщане, добравшіеся наконецъ до нашихъ радостей и теперь отдающіеся имъ съ упоеніемъ. Взгляните на ихъ самодовольныя, счастливыя лица!.. И какъ чинно они танцуютъ! Вся революція была сдѣлана для танцульки... Какая тамъ оргія, они больше всего на свѣтѣ хотятъ походить на насъ!.. Правду я говорю, Мусенька?

— Доля правды есть, — подтвердилъ князь.

— Но, значить, и мы мѣщане?

— Нѣтъ, не значить, но... Впрочемъ, а кто же мы?

— Кланяйтесь, князь Горенскій, — сказалъ Фоминъ.

— Все это, такъ сказать, если взглянуть въ корень вещей. А если безъ корня вещей, то достаточно и того, что кавалеры не дерутся и не хватаютъ дамъ за ноги.

— Эхъ, колорита, колорита этого, понимаете ли, нѣтъ, господа. Не красочно все это!.. — говорилъ актеръ.

— Вотъ идетъ колорить, Сергѣй Сергѣевичъ.

Буфетчикъ хлопнулъ въ ладоши и закричалъ: «Почтальонъ! Почтальонъ!» Въ залу вошелъ тотъ матросъ, который сидѣлъ внизу съ дѣвицей. Въ рукахъ у него была сумка. Онъ лѣниво вытащилъ изъ нея рядъ конвертовъ съ надписанными номерами и сталъ разносить ихъ гостямъ, вглядываясь въ картонные кружки. Гости разрывали конверты и медленно, съ нахмуреннымъ видомъ, разбирали написанное. Затѣмъ по залу началась сигнализация улыбками, кивками, воздушными поцѣлуями.

— Ахъ, вотъ что такое «Почта Амура»! — сказала Сонечка, съ жаднымъ интересомъ слѣдившая за публикой.

— Значить, та дѣвица предлагала бумагу для почты. Я думала, она спрашиваетъ документы.

— Вдругъ, Сонечка, вамъ подадутъ записку? Что вы сдѣлаете?

— Это будетъ зависѣть отъ того, что въ ней написано...

— Смотрите, ей Богу, онъ несетъ что-то намъ!

— Нѣтъ, правда!..

— Какой ужасъ!

Почтальонъ дѣйствительно шелъ къ ихъ столу.

— Вамъ письмо, — сказалъ онъ Горенскому, подавая ему конвертъ.

— Спасибо, товарищъ, — поспѣшно сказалъ Фоминъ.

Почтальонъ отошелъ, Горенскій разорвалъ конвертъ. На клочкѣ бумаги карандашомъ были выведены каракули:

— «Какъ вы и налетчики... можно... пройтись»... — разбиралъ князь. — Господа, поздравляю! Насъ принимаютъ за налетчиковъ.

Никоновъ захохоталъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, кто же другой, кромѣ налетчиковъ, теперь задаетъ пиры?

— Подѣломъ намъ.

— Напротивъ, за то намъ и почтеніе.

— Отъ кого письмо?

— Что вы отвѣтите, Алексѣй Андреевичъ?

— Вы, значить, и есть главный налетчикъ-атаманъ.

— Вы знаете, господа, это не очень мнѣ нравится, — озабоченно сказалъ Фоминъ. — Еще за милиціей пошлютъ.

— Полноте! Здѣсь половина публики — налетчики.

— А тогда тѣмъ болѣе пора во-свояси. Не хочу васъ пугать, mesdames, но если въ насъ подозрѣваютъ богачей, то лучше намъ убраться, подальше отъ грѣха. И, право, мнѣ кажется, что на насъ начинаютъ косо поглядывать...

Дамы поблѣднѣли. Березинъ и Горенскій согласились съ Фоминымъ. Только Никоновъ рѣшительно запротестовалъ:

— Что онъ дичь поретъ, Фоминъ! Самъ насъ сюда привелъ и теперь на утекъ. Никакой опасности нѣтъ, ерунда!

— Опасности, разумѣется, большой нѣтъ, — сказалъ

разсудительно Березинъ. — Но согласитесь, что и не такъ ужь здѣсь интересно.

— Вѣриѣ, все интересное мы уже видѣли.

— Батюшки, двадцать минутъ двѣнадцатаго. — сказала Фомишъ, взглянувъ на часы. — Мы обѣщали Тamarѣ Матвѣевнѣ быть не позже одиннадцати дома.

— Тогда, въ самомъ дѣлѣ, надо бѣжать. Мама будетъ очень беспокоиться, — сказала Муся. — Платонъ Михайловичъ, будьте моимъ кассиромъ.

— Уже за все заплачено, мы можемъ идти.

— Что за ерунда! — ворчалъ Никоновъ. — Я какъ разъ хотѣлъ послать письмо той брюнеточкѣ...

— А того матроса съ серьгой въ ухѣ видѣли? Ему можетъ не понравиться вашъ слогъ, — сказала Глаша.

— Еще посмотримъ ки-ки: же тю у тю же, — бормоталъ Никоновъ. — Дайте хоть водку допить.

— Доливайте живѣе.

— Да и не осталось ничего.

— А они на насъ не нападутъ при выходѣ? — озираясь, спросила Сочечка. — Взгляните, какъ тотъ высокий у стѣны на насъ смотритъ!.. Онъ вѣрно кокаиnistъ?.. Правда?..

— Зачѣмъ кокаиnistъ? Просто лакей, Сонечка.

— Господа, мы отрѣзаны!

— Ничего, пробьемся.

— Ахъ, если-бъ опять увидѣть городского!.. Бравого статнаго фараона!

— Ахъ, какое было прелестное зрѣлище!

— Дивное невозвратное видѣнье!

— Позоръ!

— Господа, серьезно, я очень боюсь...

— Но вѣдь вы сами жаждали приключеній, Сонечка.

— А теперь больше не жажду... Теперь я жажду быть въ столовой Тamarы Матвѣевны.

— Идемъ, господа, — сказала Муся, вставая.

Они направились къ выходу. Сонечка, замирая, жалась къ Березину, Глафира Генриховна къ князю. Фоминъ шель увѣренно впереди. «Что если въ самомъ дѣлѣ набросятся?» — подумаль онъ, учтиво кланяясь буфетчику, который смотрѣль на нихъ не безъ насмѣшки. Никоновъ съ порога послаль воздушный пошльлуй брюнеткѣ. «С-сумасшедшій!» — прошинѣла Глаша. «Трусншки!.. Буржуи!» — бормоталь быстро охмѣлѣвшій Никоновъ: онъ очень долго не пиль водки. Князь остановился въ корридорѣ. осмотрѣлся и, махнувъ рукой, пошель внизъ.

Дѣвицы въ вестибюлѣ уже не было: она тоже пошла танцовать. Матросъ разбираль за столикомъ новый пакетъ «Почты Амура». Онъ неторопливо всталъ и аккуратно, какъ театральннй капельдинеръ, выдалъ по номерку шубы гостямъ.

— Прощайте, товарищи. Пока, — сказалъ онъ, открывая дверь. — Завтра балъ будетъ еще лучше, милости просимъ.

— Непремѣнно, неpremѣнно, — отвѣтилъ Фоминъ. — Пока, товарищъ.

— Вы что здѣсь, владѣлецъ? — не удержавшись, спросиль матроса Горенскнй.

Матросъ окинулъ его подозрительнымъ взглядомъ и пробурчаль что-то невнятное. Въ это время кто-то вошель въ вестибюль изъ маленькой задней двери. Увидѣвъ Горенскаго, вошедшнй остановился у порога и выпученными глазами уставился на князя. Горенскнй надвинуль мѣховую шапку и послѣшно вышелъ на улицу вслѣдъ за Мусей.

— Только этого не хватало! Мой бывшнй кучеръ, — сказалъ онъ.

Въ квартирѣ Кременецкихъ не сразу отперли дверь на звонокъ. Теперь по вечерамъ — прислуга рано уходила — обычно открываль двери Витя, который, какъ могъ, старался быть полезнымъ въ домѣ. Послѣ второго звонка по-

слышались поспѣшные шаркающіе шаги. Дверь открыла — сначала на цѣлочку — сама Тамара Матвѣевна.

— Господи! Что случилось, мама? — воскликнула Муся. У Тамары Матвѣевны лицо было въ красныхъ пятнахъ, глаза заплаканы. Гости растерянно остановились въ передней.

Сбивчиво и путанно Тамара Матвѣевна рассказала, что полчаса тому назадъ къ нимъ прибѣжала Маруся, прислуга Яценко. Николая Петровича вечеромъ арестовали люди изъ этой новой Комиссіи. Къ нему въ домъ ворвался отрядъ солдатъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ, все перерыли, кажется, искали оружія... Затѣмъ Николая Петровича увезли неизвѣстно куда. Витя, самъ не свой, поѣхалъ наводить справки. Съ нимъ отправился и Семень Исидоровичъ.

— Я такъ за папу боюсь!.. Онъ рѣшилъ поѣхать прямо туда, въ эту Чрезвычайную Комиссію... Это очень опасно!.. Ахъ, что вы, развѣ я не понимаю?... Но нельзя же было отпустить мальчика одного, въ такомъ состояніи!.. Что это за изверги такіе, что онъ имъ сдѣлалъ?.. Она, Маруся, плакала навзрыдь... Кажется, Николай Петровичъ не оставилъ ей ни гроша... Тебя не было, я думала, что съ ума сойду одна!.. Я хотѣла ѣхать съ папой, но онъ меня не пустилъ, и я думала, что когда ты пріѣдешь и никого не найдешь, ты одна съ ума сойдешь!.. — говорила, вытирая слезы, Тамара Матвѣевна. Ее впрочемъ очень утѣшилъ приходъ Муси и друзей. Гости озабоченно слушали и переспрашивали довольно безтолково. «Вотъ тебѣ и дирь!.. Все-таки хорошо, что чуть-чуть перекусили на танцуйкѣ», — печально думалъ Березинъ.

X.

Николая Петровича предупреждали, что его могутъ арестовать: онъ занималъ видную должность, не выпол-

нилъ приказа о регистраціи и числился «саботажникомъ». Въ дѣйствительности Яценко было не до саботажа. Но и ходить на службу послѣ большевистскаго переворота очевидно не имѣло смысла. Некому было и сдать оставшіяся немногочисленныя дѣла.

Николай Петровичъ, считавшій себя теперь ко всему въ мірѣ равнодушнымъ, самъ не ожидалъ, что неожиданное грубое вторженіе чужихъ людей такъ его взволнуетъ. Обыскъ былъ произведенъ въ десятомъ часу вечера. Въ квартиру вошелъ молодой человѣкъ въ кожаной курткѣ, два солдата съ ружьями и дворникъ, «представитель домоваго комитета». Молодой человѣкъ даже не вошелъ, а какъ-то ворвался, съ такимъ угрожающимъ видомъ, точно ожидалъ самага отчаяннаго сопротивленія. Въ рукахъ у него былъ револьверъ. Убѣдившись въ томъ, что сопротивленія не будетъ, онъ быстро подошелъ къ Яценко вплотную, посмотрѣлъ ему прямо въ глаза и, отступивъ на шагъ, предъявилъ приказъ объ обыскѣ и арестѣ. Назвался онъ помощникомъ комиссара. Въ приказѣ, надъ точками въ графѣ имени, за печатными буквами «гражданин», были написаны отъ руки слова: «ина Николая Петрова Яценко». Почеркъ показался Николаю Петровичу знакомымъ, но неразборчивая подпись съ рѣзкимъ росчеркомъ не походила ни на какую извѣстную ему фамилію.

— Ну, что-жъ, — сказалъ, пробѣжавъ бумагу, Яценко. Руки у него дрожали отъ нервнаго волненія и зубы чуть стучали. Больше онъ ничего не нашелся сказать, да и «Ну, что-жъ» показалось ему глупымъ. Молодой человѣкъ, наклонивъ голову, пристально смотрѣлъ на него исподлобья. У дверей ахала Маруся, хватаясь за сердце, какъ настоящая дама. Солдаты, потоптавшись въ кабинетѣ, усѣлись рядомъ въ столовой, неловко держа передъ собой ружья и поглядывая на остатки скуднаго ужина.

— Они ничего, жильцы исправные, — растерянно го-

вориль, ни къ кому не обращаясь, дворникъ. — Барыня недавно умерла...

— Теперь нѣтъ никакихъ барынь... Пошлякъ! — сказалъ съ силой помощникъ комиссара. Онъ быстро осмотрѣлся въ квартирѣ, потребовалъ всѣ ключи и съ рѣшительнымъ видомъ направился къ письменному столу въ кабинетѣ. Молодой человѣкъ видимо не зналъ, какъ производятся обыски и чего именно слѣдуетъ искать. Онъ сразу озабоченно выдвинулъ средній ящикъ стола, точно ему было извѣстно, что именно здѣсь находятся самые важные документы, затѣмъ сталъ съ усмѣшкой выбирать бумаги, быстро ихъ проглядывая и бормоча что-то невнятное. Въ остальные ящики онъ только заглянулъ, всталъ, осмотрѣлъ, хмуро-неодобрительно кивая головой, книги, стоявшія въ шкафу на уровнѣ его роста, и попробовалъ, открывається ли дверь шкафа, — опять съ такимъ видомъ, будто отъ этого движенія могъ послѣдовать взрывъ адской машины. Николай Петровичъ, немного успокоившись, сѣлъ на диванъ и молча смотрѣлъ на комиссара. Молодой человѣкъ еще разъ обошелъ квартиру, требуя разъясненій отъ блѣдной перепуганной Маруси, передъ которой снова, какъ при продажѣ книгъ, чувствовалъ неловкость Николай Петровичъ. Выяснивъ назначеніе всѣхъ комнатъ, помощникъ комиссара заглянулъ въ платяной шкафъ и велѣлъ солдатамъ отодвинуть буфетъ. Солдаты, оставивъ ружья, хмуро исполнили приказаніе. Подъ буфетомъ ничего опаснаго не оказалось.

- Полгода, кажется, полоторовъ не было, — безсмысленно говорила Маруся, сдувая у карниза пыль взятой со стола салфеткой.

— Потрудитесь собрать вещи, — отрывисто приказалъ помощникъ комиссара, вернувшись въ кабинетъ. — Только предметы первой и основной необходимости. Другихъ своей властью не разрѣшаю. Повторяю, первой и основной необходимости.

— Маруся, сложите, пожалуйста... Ну, платье, бѣлье,

— нерѣшительно сказала Яценко. Онь будто не зная, можетъ ли еще теперь отдавать распоряженія прислугѣ. Маруся, ахая, побѣжала доставать семейный чемоданъ. Помощникъ комиссара зажегъ свѣчу, растопилъ сургучъ и, доставъ веревочку, сталъ съ очень озабоченнымъ видомъ пропечатывать ея концы надъ щелями ящиковъ. Печати у него однако не оказалось, и онъ, немного подумавъ, воспользовался печатью, лежавшей на столѣ у Николая Петровича, при чемъ сначала неодобрительно попробовалъ эту печать на клочкѣ бумаги.

— Вы почему меня арестуете? — спросилъ Николай Петровичъ.

— На этотъ конкретный вопросъ, гражданинъ Яценко, я не обязанъ вамъ отвѣчать. Это безусловно выяснится на допросѣ, — отвѣтилъ помощникъ комиссара. Однако тотчасъ разъяснилъ, что Яценко арестуется, какъ сотрудникъ стараго строя и саботажникъ.

— Мы вправѣ примѣнять драконовскія мѣры предосторожности противъ людей, бывшихъ опорой царскаго самодержавія. — добавилъ онъ. — Драконовскія мѣры предосторожности, — повторилъ помощникъ комиссара. Видимо онъ не прочь былъ завязать политическій споръ. «Какая у нихъ рѣчь неестественная», — подумалъ Николай Петровичъ. — «А эта кожаная куртка съ Наганомъ, прямо мундиръ себѣ завели... Смѣшной юноша!» На лицѣ помощника комиссара, довольно невзрачномъ, скорѣе благодушномъ, повисло выраженіе мрачной и вмѣстѣ восторженной рѣшительности: лицо было безстрастное, каменное, но глаза горѣли огнемъ. Яценко догадался, что молодой человѣкъ игралъ большевистскаго «фанатика». — «И все у нихъ, кажется, поддѣлка... Что-жъ теперь будетъ?» — подумалъ Яценко и вдругъ вспомнилъ о Витѣ. — «Господи, какъ онъ перепугается!» Николай Петровичъ подошелъ къ Марусѣ, стоявшей въ передней на колѣняхъ передъ чемоданомъ, и, наклонившись, вплотную попросилъ ее тотчасъ предупредить Кременецкихъ.

-- Это, конечно, пустяки, я скоро вернусь... Скажите Виктору Николаевичу, чтобъ не думалъ беспокоиться.

Маруся, ахая и дрожа, укладывала въ чемоданъ вещи, казавшіяся ей наиболѣе нужными: позже Николай Петровичъ нашелъ тамъ свои орденъ, лакъ для ботинокъ, бѣлыя фланелевыя брюки, оставшіяся отъ поѣздки на море. Онъ впрочемъ и самъ не зналъ, что слѣдуетъ брать съ собой въ тюрьму. «Да, книги», — вспомнилъ Николай Петровичъ. Книжный шкафъ уже былъ запечатанъ. Яценко взялъ «Кругъ чтенія» Толстого, лежавшій на табуретѣ у дивана, и успѣлъ положить его въ чемоданъ поверхъ завернутыхъ въ газету ботинокъ, мыльницы и футляра запасной бритвы. «Жиллетъ, кажется, только одинъ запасной остался», — подумалъ онъ, — «гдѣ же я потомъ возьму?..» Оживленная энергичной работой Маруся опустила крышку. Чемоданъ кое-какъ закрылся, но бородачка верхней пластинки не входила въ отверстіе замка. Маруся съ остервенѣніемъ нажала на крышку и ключъ удалось повернуть.

— Ключъ, ключъ не потеряйте, — говорила взволнованно Маруся.

— Постараюсь, — отвѣтилъ, слабо улыбаясь, Яценко. Такъ, бывало, напутствовала его при отъѣздахъ Наталья Михайловна. Онъ вернулся въ кабинетъ. Помощникъ комиссара писалъ протоколъ. Николай Петровичъ сѣлъ на диванъ и, нервно зѣвая, оперся обѣими руками на табуретъ. На газетномъ листѣ, слѣва отъ лампы, ему попались знакомыя строки:

«По требованію гласнаго Левина, предложеніе о томъ, чтобы вся дума пошла въ Зимній Дворецъ, подвергнуто было поименному голосованію. Всѣ безъ исключенія гласные, фамиліи которыхъ назывались, отвѣчали: «Да, иду умирать» и т. п.»

— Теперь потрудитесь слѣдовать за мной, — сказала, вставая, помощникъ комиссара. — Гражданка, вы пока безусловно отвѣчаете за квартиру передъ рабоче-кресть-

янскимъ правительствомъ. Объявляю вамъ это во всеуслышаніе.

Маруся неожиданно заплакала. Николай Петровичъ съ недоумѣніемъ на нее посмотрѣлъ, совершенно не зная, что ей сказать. Солдаты, выпучивъ глаза, глядѣли на Марусю. Дворникъ, суетясь, растерянно оттянулъ вверхъ нижнюю задвижку и открылъ вторую половину выходной двери, точно надо было выносить буфетъ или диванъ. Помощникъ комиссара холодно окинулъ взглядомъ Марусю, свидѣтельствуя всѣмъ своимъ видомъ, что ничьи слезы не помѣшаютъ ему исполнить долгъ, затѣмъ, снова вынулъ изъ кобуры Наганъ и вышелъ на площадку. На слабо освѣщенной лѣстницѣ, несмотря на поздній часъ, стояли люди, жена дворника, еще какія-то женщины, тотчасъ шаркнувшіяся къ стѣнѣ. Онѣ съ ужасомъ смотрѣли на Яценко, на солдатъ съ ружьями, особенно на помощника комиссара въ кожаной курткѣ, который съ револьверомъ въ рукѣ энергичнымъ шагомъ спустился по лѣстницѣ. Теперь видъ его показывалъ, что онъ не дастъ толпѣ отбить арестанта. Въ дверяхъ квартиры перваго этажа мелькнула и тотчасъ скрылась испуганная фигура нотариуса въ темномъ не завязанномъ халатѣ. Дворникъ съ чемоданомъ, забѣжавъ впередъ, открылъ настежь парадную дверь и низко поклонился не то властямъ, не то Николаю Петровичу. У крыльца ждалъ автомобиль. Помощникъ комиссара быстро осмотрѣлся на улицѣ.

— Потрудитесь сѣсть, гражданинъ, — холодно-безстрастно сказалъ онъ.

Автомобиль свернулъ раза два, прежде чѣмъ Яценко сталъ соображать, куда именно его везутъ. Окна были завѣшены. «Кажется, по Невскому?» — спросилъ себя Николай Петровичъ. — «Нѣтъ, это не Невскій... Или мы ѣдемъ къ рѣкѣ?... Куда же тогда? Да не въ крѣпость ли?..» Эта догадка вызвала въ немъ странное чувство, включившее и нѣкоторую гордость. Помощникъ комиссара

ра строго молчалъ, недовольный тѣмъ, что Яценко не поддерживалъ политическаго разговора. Молчали и солдаты на передней скамейкѣ. «Да, конечно, въ крѣпость везутъ», — подумалъ Яценко, увидѣвъ при поворотѣ сквозь щель занавѣски рѣдкіе фонари на огромномъ просторѣ Невы. Автомобиль, замедливъ ходъ, перешелъ черезъ мостъ, протрубилъ два раза и остановился. Яценко неловко вылезъ вслѣдъ за комиссаромъ и оглянулся. Передъ нимъ были крѣпостныя ворота. Увязая въ снѣгу, они быстро пошли впередъ.

Николай Петровичъ зналъ въ Петропавловской крѣпости только Соборъ, ориентироваться въ темнотѣ было трудно. Онъ смутно помнилъ, что въ крѣпости есть старый оберъ-комендантскій домъ, нѣсколько бастіоновъ и Алексѣевскій рavelинъ. «Нѣтъ, кажется, ravelинъ давно скрытъ... Еще куртины есть... Что такое куртина?..» Идти было трудно. Все было занесено давно несчищавшимся снѣгомъ. Вдругъ сбоку въ двухэтажномъ строеніи сверкнули длинными рядами огни. Яценко догадался, что это и есть оберъ-комендантскій домъ... «Что же у нихъ здѣсь помѣщается?» — подумалъ онъ у крыльца. Помощникъ комиссара ввелъ его въ большую, грязную, просто убранную комнату. Солдаты вошли вслѣдъ за Николаемъ Петровичемъ, положили чемоданъ и тотчасъ сѣли на скамью. Помощникъ комиссара удалился. Яценко осмотрѣлся въ комнатѣ. Запахъ керосина вдругъ напомнилъ раннюю молодость Николаю Петровичу... На полу валялись окурки, клочки бумаги. На столѣ стояла лампа. Пламя, дрожа, вытягивалось вверхъ, оставляя полоску на стеклѣ.

«Прикрутить? Лопнетъ стекло», — подумалъ Яценко. — «Но развѣ здѣсь нѣтъ электрическаго освѣщенія?.. Кажется, въ этомъ домѣ допрашивали и судили декабристовъ... Неужели они здѣсь ждали вопроса?.. Пестель, Рыльевъ»... Николай Петровичъ зачѣмъ-то сталъ припоминать имена казненныхъ декабристовъ и пятого не могъ вспомнить. «Сейчасъ и меня вѣрно будутъ допрашивать...

О чемъ? Что за ерунда!.. Вѣрно Витя уже знаетъ... Нѣтъ, такъ быстро Маруся не могла добѣжать... Минуту черезъ десять... Бѣдный мальчикъ остался одинъ... За мѣглой Наташи кто будетъ слѣдить?.. Сейчасъ лопнетъ стекло... Да, какъ же его звали, пятого декабриста?.. Вотъ на этомъ табуретѣ, прислонившись къ этой стѣнкѣ, быть можетъ, сидѣлъ Пестель»...

Въ комнату, въ сопровожденіи помощника комиссара и еще кого-то, вошелъ человекъ въ мундирѣ безъ погонь. Солдаты неторопливо поднялись съ мѣсть, но не вытянулись. Вошедшій оглянулъ солдатъ, Николая Петровича.

— Этотъ? — спросилъ онъ.

— Этотъ, товарищъ замѣститель коменданта. Яценко, бывший царскій бюрократъ, — отвѣтилъ помощникъ комиссара. Стекло въ лампѣ треснуло. Замѣститель коменданта выругался ужасной бранью и потушилъ огонь.

— Въ двадцать седьмую его отведите, — сказалъ онъ — Сидоренко, проводи.. Книгу возьми... Нѣтъ, въ двадцать седьмой, кажется, какая-то сволочь сидитъ... Ну, тамъ у зрителя спросите, въ Трубецкомъ бастіонѣ.

— Такъ и сдѣлаю, товарищъ, — сказалъ помощникъ комиссара, видимо нѣсколько смущенный. Николаю Петровичу вдругъ стало смѣшно — отъ темноты, отъ этого начальства, отъ тѣхъ новыхъ формулъ, которыя старался придумать помощникъ комиссара: «Такъ и сдѣлаю», очевидно, вмѣсто «слушаю-съ»...

Они вышли изъ комендантскаго дома и снова зашагали: впереди помощникъ комиссара, затѣмъ Яценко, за ними провожатый съ фонаремъ и съ книгой. Впереди снова показались огни, освѣтившіе высокую рѣшетку съ остріями, ворота, длинное зданіе. «Такъ это Трубецкой бастіонъ». «Пока ничего страшнаго»... У воротъ электрической звонокъ былъ сорванъ, болтались концы проволоки. Помощникъ комиссара громко постучалъ. Минуты черезъ двѣ кто-то вышелъ и приложилъ изнутри глазъ къ щели воротъ. Затѣмъ ворота открылись.

Въ комнатѣ, въ которую ввели Николая Петровича, было совершенно темно. Провожатый поставилъ фонарь на столъ. Впустившій ихъ человѣкъ, шурясь и мигая, робко вглядывался въ вошедшихъ.

— Товарищъ смотритель, потрудитесь принять новаго арестованнаго, — сказалъ помощникъ комиссара. — Товарищъ Сидоренко, вы сдадите книгу товарищу замѣстителю коменданта.

Смотритель, наклонившись надъ фонаремъ, прочелъ ордеръ.

— Слушаю-съ, — такъ же робко сказалъ онъ и при свѣтѣ фонаря бросилъ испуганный взглядъ на Николая Петровича.

— Прощайте, гражданинъ. Пока, — холодно-учтиво сказалъ, выходя, помощникъ комиссара. Смотритель вздохнулъ съ облегченіемъ.

— Сюда пожалуйста, — очень вѣжливо, даже почти-тельно, пригласилъ онъ Николая Петровича. — Вы можете идти, — предложилъ смотритель провожатому съ фонаремъ, открывая другую дверь. За ней было свѣтлѣе.

— Книгу велѣно сдать, — сердито сказалъ Сидоренко.

— Я сейчасъ принесу. Вотъ только ихъ отведу и распишусь, — послѣшно отвѣтилъ смотритель.

М. Алдановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Повѣсть о сестрѣ

МИНЬОНЪ

Иногда мы съ сестрой «выѣзжали въ свѣтъ»; это значить, что изъ сокольничьей дали мы отправлялись на выставку, въ концертъ, въ театръ, рѣже на одинъ изъ студенческихъ баловъ, въ то время отличавшихся пышностью, многолюдіемъ и молодымъ весельемъ.

Я очень любилъ бывать съ сестрой на-людяхъ, — я ею гордился. Бѣлобрысый, худой, некрасивый и неказистый студентикъ, я привыкъ, что меня въ обществѣ не замѣчали; но рядомъ съ сестрой, какъ ея кавалеръ, я сразу вырасталъ и дѣлался предметомъ зависти. При всей молодости и моложавости, въ Катѣ женщина преобладала надъ дѣвочкой. Гдѣ бы мы ни появлялись — она привлекала общее вниманіе. Мнѣ кажется, что я помогаль ей въ этомъ, отбѣняя невзрачностью своей фигуры ея рѣдкую красоту и исключительную миловидность. Признать насъ за брата и сестру было трудно. Мы всюду появлялись подъ-руку, при чемъ я надѣвалъ на лицо маску усталости и равнодушія и иронически кривилъ губы навстрѣчу любопытнымъ взглядамъ.

Вѣроятно это выходило у меня достаточно глупо и врядъ ли кого-нибудь поражало. Напротивъ, Катя, съ ея страстной жадной жизни и непривычкой быть въ большемъ обществѣ, осматривалась кругомъ съ нескрываемымъ интересомъ и не замѣчала, что она сама — всѣхъ

---

*) «Современ. Записки» № 42.

лучше и интереснѣе. Только иногда ее смущали пристальные и пытливые взоры, особенно мужскіе, и она, какъ бы догадываясь, краснѣла и спѣшила поскорѣе смѣшаться съ толпой.

Застѣнчивой Катя не была. Тамъ, гдѣ она чувствовала себя сильной и увѣренной, она выступала смѣло, какъ на сценѣ. Однимъ изъ любимыхъ номеровъ нашихъ «выступленийъ» были танцы, и, я думаю, рѣдко можно было видѣть такую странную пару.

Въ то время не танцовали потной, трясущейся толпой, какъ сейчасъ танцуютъ фокстроты и танго. Модными танцами были па-де-катръ, па-де-патинеръ, миньонъ, — танцы трудные и степенные, въ которыхъ выступало немного паръ. Мы съ Катей специализировались на миньонъ, танцуя его съ такой преувеличенной фигурностью, часто собственнаго изобрѣтенія, что постепенно все вниманіе сосредоточивалось на насъ. Я и тутъ былъ для Кати рамкой — какъ для брилліанта изумительной воды, вставленнаго въ грубоватую и топорную оправу. Взоры публики на минуту задерживались на мнѣ, чтобы восхищенно замереть на Катѣ. Она танцовала съ такой увѣренностью и съ такой пластической скромностью движеній, что подчеркнутая фигурность танца дѣлалась убѣдительной. Намъ нерѣдко случалось оставаться единственной танцующей парой въ большомъ залѣ. Я дрожалъ отъ волненія и ужаса, путая фигуры, но Катя ничего не замѣчала и улыбалась мнѣ ободряюще. Иногда намъ, вѣрнѣе — ей, аплодировалъ весь залъ, — и только тогда она, вспыхнувъ, увлекала меня къ выходу.

Никогда и ни съ кѣмъ, кромѣ меня, Катя миньонъ не танцовала, и вообще мы рѣдко оставались дольше полуночи на балахъ, затягивавшихся до самаго разсвѣта.

Иногда нашъ отъѣздъ былъ настоящимъ бѣгствомъ. Помню, какъ на одномъ изъ обычныхъ благотворительныхъ баловъ въ Благородномъ Собраніи Катю преслѣдовалъ какой то военный, очевидно совершенно потерявшій

голову. Пользуясь простотой обычаевъ на студенческомъ балу, онъ представился мнѣ и просилъ меня представить его моей «дамѣ». Если бы это былъ студентъ, я бы, вѣроятно, не умѣлъ ему отказать; но къ офицерамъ въ тѣ довоенныя времена въ нашихъ интеллигентскихъ кругахъ относились полунрезрительно даже женщины. Я отвѣтилъ, что спрошу разрѣшенія «дамы», и мы, отойдя, постыжились скрыться. Но онъ разыскалъ насъ у выхода на улицу и оставовился у самой двери въ выжидающей позѣ.

Мы были въ тотъ вечеръ очень весело настроены, и Катѣ хотѣлось мальчишествовать. Когда мы поравнялись съ офицеромъ и онъ сдѣлалъ шагъ по направленію къ намъ, Катя скривила лицо и показала ему языкъ. Офицеръ поблѣднѣлъ и остолбенѣлъ. Мы успѣли выбѣжать и взять у самага подвѣзда извозчика. Когда нашъ возница тронулся, изъ дверей вылетѣла разсвирѣпѣвшая фигура безъ пальто и фуражки. Къ счастью извозчикъ намъ попался бойкій, изъ тѣхъ, что умѣли лихо подкатывать къ панели и предлагать московскимъ говоркомъ:

— Рѣзую, баринъ! Саночки-самокатки!

Однажды мы поѣхали слушать концертъ московскихъ цыганъ. Выступала вошедшая въ то время въ моду Варя Панина. Наши мѣста были у прохода въ третьемъ ряду. Едва мы ихъ заняли, какъ мимо насъ прошла во второй рядъ пара: безукоризненно одѣтый господинъ и довольно вульгарная, очень полная дама. Я не вглядѣлся въ нихъ, а Катя, наклонившись ко мнѣ, шопотомъ сказала:

— Костя, уѣдемъ отсюда. Я хочу уѣхать.

— Почему?

— Я скажу тебѣ послѣ.

— Но почему, Катя? Что за секретъ?

— Мнѣ нездоровится. Встанемъ тихо и пойдемъ. Только ты не оглядывайся.

Мы встали и вышли. Мнѣ очень хотѣлось послушать знаменитую цыганскую звѣзду, но Катя меня встревожи-

ла. Когда мы прошли въ гардеробную и отдали наши номерки, я спросилъ Катю:

— Хочешь я добуду стаканъ воды?

Она разсмѣялась:

— Да нѣтъ, Костя, я совсѣмъ здорова. Я только не хотѣла здѣсь оставаться. Жалко, что пропадаютъ билеты.

И, обратившись къ старой гардеробщицѣ, она сказала:

— Вотъ возьмите наши билеты; можетъ быть вы ихъ кому-нибудь дадите; это — хорошія мѣста, крайнія въ третьемъ ряду.

Видя мое недоумѣніе, Катя сжала мой локоть и, на ходу, со спокойной усмѣшкой и нѣкоторой брезгливостью, сказала:

— Я не ожидала отъ него такого постоянства. Это тянется, кажется, уже второй годъ. Но я думала, что у него больше вкуса.

— У кого, Катя?

— Да у Евгенія Карловича, конечно. Развѣ ты его не узналъ?

— Съ этой полной дамой, впереди насъ?

— Ну да.

— Я не разсмотрѣлъ. А кто она, ваша знакомая?

— Костя, ты ужасный мальчикъ! Я не знаю ея біографіи и не интересуюсь. Но я уже видала ее однажды, такъ же нечаянно, какъ и сегодня. Она... ну какъ это говорится, ну словомъ... замѣстительница твоей сестры. И бросимъ о ней разговаривать.

НЕ МАЛЪ ЛИ ПРОСТЪНОКЪ?

На лѣтніе каникулы я обычно уѣзжалъ въ свой родной прикамскій городъ, къ моей матери. Жить тамъ было дешево, при томъ я давалъ уроки и еще подрабатывалъ, посылая въ московскія газеты статейки о провинціальной жизни.

Прекрасенъ былъ трехдневный путь туда по текущему простору нашихъ рѣкъ! И тамъ ждали меня хвойные лѣса, которыхъ я никогда не могъ забыть даже среди звенигородской лиственной ласки и красоты и которымъ никогда не найду даже близкаго подобія здѣсь, въ Европѣ. Удастся ли мнѣ когда-нибудь... не говорю — увидеть ихъ вновь, нѣтъ, — но лишь воскресить ихъ въ памяти своей и рассказать о нихъ другимъ то и такъ, что и какъ хотѣлось бы? Сказать о нихъ не такъ, какъ сейчасъ, не мимоходомъ, не сдерживая слова и чувства, — а словоохотливо, съ радостью, захлебываясь, дополняя междометіями тамъ, гдѣ словъ красочныхъ не хватаетъ, широко разводя руками, чтобы объяснить профанамъ средней и южной Россіи и наши пространства, и наши просторы, и рѣчную гладь, и ароматы заливныхъ луговъ, и сладость смоляного дыханья!

Въ Москву я возвращался неторопливо, когда лекціи уже давно читались и студенты успѣвали похудѣть и поблѣднѣть отъ бѣготни и скудной пищи въ столовкахъ. Пріѣзжать такъ поздно было невыгоднымъ лишь въ смыслѣ поисковъ удобной и дешевой комнаты, — всѣ лучшія оказывались уже занятыми, а на иныхъ подъѣздахъ и воротахъ висѣла записка:

«Сдаеца светлая комната студентамъ не являца».

Записка обидная, вывѣшенная оскорбленной въ лучшихъ чувствахъ и надеждахъ хозяйкой.

Впрочемъ на первое время я всегда имѣлъ пристанище у одной изъ сестеръ.

Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ — уже на третьемъ курсѣ — я засталъ сестру Катю за неожиданнымъ занятіемъ. Одна изъ ея комнатъ оказалась превращенной въ студию чертежника. На мольбертѣ стоялъ огромный проектъ фасада, широкій и длинный столъ бѣлаго дерева былъ заваленъ бумагами, бумажками, картонами, свертками и калькой. По стѣнамъ висѣли на кнопкахъ какіе то чертежные наброски, таблицы и фотографіи зданій.

Когда я постучалъ въ дверь и пріоткрылъ ее, я услышалъ недовольный голосъ Кати, которая стояла у большого стола спиной ко мнѣ:

— Въ чемъ дѣло? Я просила до четырехъ часовъ меня не беспокоить.

— Катя, это я.

— Костя? Ты пріѣхалъ?

Она повернулась ко мнѣ и обняла меня, не выпуская изъ рукъ циркуля.

— Наконецъ то ты вернулся! Ну, ради тебя я, кажется, устрою себѣ праздникъ. Или вотъ что, Костя, присядь и помолчи только пять минутъ. Я сейчасъ кончу, и потомъ мы будемъ разговаривать.

— Что ты дѣлаешь, Катя?

— Молчи, молчи.

Я съ любопытствомъ смотрѣлъ, какъ Катя, шепча про себя и вымѣряя циркулемъ, наносила на чертежъ аккуратненькія точки. Минуть черезъ пять, бѣгло взглянувъ на меня, она сказала «сейчасъ!» — и опять зашептала свои вычисления. Я уже думалъ обидѣться и уйти, когда Катя, откинувшись и подбоченившись по-мужски, сжала губы, въ послѣдній разъ внимательно оглядѣла свой чертежъ и сказала:

— Ну хорошо. А не малъ ли простѣнокъ? Какъ ты думаешь?

Съ возможной серьезностью я отвѣтилъ:

— Нѣтъ. Достаточно. Въ самый разъ.

Она недовѣрчиво покачала головой и вдругъ весело разсмѣялась:

— Не сердись, Костя! Я вымою руки, и мы пойдемъ внизъ.

— Но что все это означаетъ, Катя?

— Какъ что? Ты не знаешь? Я — архитекторъ; то есть я буду архитекторомъ. И это, Костя, совсѣмъ серьезно! Я все тебѣ расскажу.

Я узналъ, что она поступила на архитектурные курсы и

такъ увлеклась, что ни о чемъ больше не можетъ думать. Завалила себя работой, и все время, остающееся отъ лекцій, проводить въ своей мастерской. За два мѣсяца она сдѣлала больше, чѣмъ инымъ удастся сдѣлать за годъ. Не довольствуясь курсами, она работала чертежникомъ у одного изъ своихъ профессоровъ, сразу занялась собственными сложными проектами и не хотѣла признавать трудностей. Не безъ гордости она рассказывала, что ее считают нѣкоторымъ чудомъ и сулятъ ей въ будущемъ необыкновенный успѣхъ. Зато работать приходится весь день и часть ночи.

— А сегодня — пусть будетъ праздникъ. Это, Костя, только для тебя.

Я могъ бы гордиться, если бы Катя сдержала слово. Но среди разговора, она что то вспомнила, обезпокоилась, побѣжала наверхъ и снова вышла только черезъ два часа съ виноватымъ видомъ:

— Прости, что я оставила тебя одного; я чуть было не сдѣлала такой ошибки, что могла все испортить. Теперь, до завтра, я совсѣмъ свободна, и вечеръ мы проведемъ вмѣстѣ. Я, признаться, очень устала. Это — какое-то сумасшествіе. Но если бы ты зналъ, Костя, какъ это интересно!

Она разспрашивала меня о матери, о нашихъ провинціальныхъ новостяхъ, и слушала, думая о своемъ. Послѣ ужина я даже не заикнулся о картахъ. Мы разошлись рано и, засыная, я слышалъ въ Катиной студіи шаги и бормотанье. Она работала часовъ до трехъ ночи, а утромъ, вставши, я уже нашелъ ее одѣтой въ бѣлый рабочій халатъ. Я не хотѣлъ ей мѣшать и уѣхалъ въ городъ.

Въ этотъ годъ я рѣдко бывалъ въ Сокольникахъ у старшей сестры, а воскресенья проводилъ у Лизы, объѣдаясь ея превосходными пирожками и увозя десятка два домой въ сверточкѣ: этимъ я избавлялъ себя въ понедѣльникъ отъ расхода на обѣдъ.

Былъ этотъ годъ бурнымъ для студенчества: мы занимали «честь студенческаго мундира», почти не учились,

и на родину мнѣ пришлось выѣхать передъ Пасхой, вынужденно, въ веселой компаніи высылаемыхъ студентовъ-забастовщиковъ. Мы заняли два вагона, выходили и по долгу задерживались въ буфетахъ, и начальники станцій, не рѣшаясь отправить безъ насъ поѣздъ, а можетъ быть втайнѣ намъ сочувствуя, ласково называли насъ «проклятыми сицилистами».

Въ Москву я вернулся только къ слѣдующей осени, когда снова былъ принятъ въ университетъ, съ потерей года.

КАКЪ ВСѢ...

Говоря о себѣ, нужно быть особенно правдивымъ; и правдивымъ и откровеннымъ.

Свои университетскіе годы я могъ бы использовать гораздо плодотворнѣе: они не принесли мнѣ ни большой радости для памяти, ни большой пользы для послѣдующей жизни. Они не были для меня и лучшимъ временемъ въ жизни, какъ для большинства. Пусть я найду оправданье. Но если бы вернуть эти годы, если бы начать жить снова, зная, что все будущее строится въ молодости, я не бросалъ бы минутъ, часовъ и дней, а вѣрнѣе сказать — большую часть времени, на то, что имѣло слишкомъ мало отношенія къ наукѣ. И тогда — навѣрное — не окончилъ бы годы ученія полунечемъ съ дипломомъ. И тогда — можетъ быть — иначе сложилась бы моя жизнь, была бы она нужнѣе, богаче впечатлѣніями, осуществленіемъ въ мечтахъ. Сейчасъ за моими плечами лишь жизнь рядового чиновника и обывателя, рано понявшаго тщету замысловъ и легко отъ нихъ отказавшагося.

Въ этихъ словахъ нѣтъ запоздалаго раскаянія; они только правдивы.

Учиться, то есть слушать лекціи и сдавать зачеты и экзамены, было не трудно. Но интересъ къ наукѣ пони-

жался тѣмъ, что насъ, студентовъ, постепенно лишали нашихъ лучшихъ профессоровъ, подозрительныхъ по неблагонадежности, и наука наша дѣлалась казенной. Поэтому мы больше увлекались своей ролью «общественнаго барометра». За это насъ загоняли въ манежъ, умѣренно били нагайками, исключали и ссылали. Тогда, отъ довольно невинныхъ мечтаній объ университетской автономіи, мы перешли къ слишкомъ ранней политической дѣятельности.

Посредствующей порой былъ для меня годъ разочарованія. Мнѣ не улыбалось стать непременно марксистомъ или народникомъ и не хотѣлось быть только «учащимся», готовить себя въ адвокаты или прокуроры. Поэтому, не избѣгая никакихъ вліяній, безъ большого жара, лишь слѣдуя модѣ, работалъ урывками въ студенческихъ кружкахъ, хотя читалъ въ «Русскомъ Богатствѣ» Михайловскаго, записался въ Румянцевкѣ въ очередь на Бельтова и Николая-она, ходилъ смотрѣть, какъ трясетъ длинной шевелюрой, тогда еще не бѣлой, Петръ Струве, оппонируя диссертациі Тугана-Барановскаго; и, будучи юристомъ, я слушалъ лекціи по естествознанію Тимирязева и бродилъ съ группой медиковъ по клиникамъ Дѣвичьяго поля. То, что не входило прямо въ учебныя обязанности, было всегда наиболѣе занимательнымъ.

На стѣнѣ моей комнаты висѣла фотографія прекрасной, испуганной и негодующей дѣвушки, изъ рукъ которой двуглавый орелъ вырываетъ книгу законовъ, — олицетвореніе Финляндіи, — на другой стѣнѣ картинка, изображающая сожженіе на кострѣ похожаго на Христа челоуѣка, надъ головой котораго значились буквы «С. Р.». Я пытался читать по-польски Мицкевича и имѣлъ въ подлинникѣ «Кобзаря», хотя оба эти языка казались мнѣ ужасно смѣшными. Относительно самодержавія у меня не было сомнѣній, но было мало сомнѣній и въ томъ, что за сверженіемъ его должно послѣдовать царство безоблачной свободы. Былъ такимъ, какимъ насъ тогда крои-

ла и шила жизнь: не лучше другихъ, но и не слишкомъ хуже.

Все это не мѣшало мнѣ слоняться съ пріятелями по Тверскому Бульвару и студенческимъ пивнушкамъ, мечтать о высокой и идеальной любви и робко знакомиться съ бытомъ сговорчивыхъ дѣвушекъ.

Внѣшне жизнь была заполнена, внутренне ощущалась ея пустота. Не было настоящаго увлеченія ни наукой, ни случайными радостями жизни. Пробовалъ писать «что-то большое», но очень скоро убѣдился, что таланта у меня нѣтъ, какъ нѣтъ и знанія жизни, и что моя литературная карьера исчерпается нѣсколькими случайными газетными замѣтками, да статейкой въ юридическомъ журналѣ, и что придетъ время, когда я, держа впереди себя университетскій дипломъ, поплетусь по протоптанной дорожкѣ средняго юриста къ небыстрымъ чинамъ.

Такъ оно и случилось, и только память о сестрѣ побудила меня на склонѣ лѣтъ взяться за перо, но уже не ради художественныхъ вымысловъ, а ради простого разсказа о женщинѣ моего времени.

Отъ многихъ юныхъ мечтаній мы отказываемся, иногда легко, иногда съ сердечной болью. Но развѣ прожитая жизнь, какъ бы ни была она проста и мизерна, — не лучшее наше произведеніе? Не облеченная въ словесную форму повѣствованія, она все же для каждаго изъ насъ дороже самаго прекраснаго романа. И да будетъ она благословенна на всѣхъ этапахъ нашихъ странствій, въ увлеченіяхъ молодости, въ долгой скромной работѣ провинціального дѣятеля, въ маленькихъ личныхъ приключеніяхъ и въ вихревыхъ воронкахъ революціи, случайно втянувшей и мое существованіе и выбросившей меня на чужіе берега.

.....

Какъ у всякаго рядового юноши, бреющаго бороду, носителя студенческой фуражки, былъ и у меня о ту по-

ру небольшой и очень обыкновенный романъ съ женщиной, которая была старше и опытнѣе меня. Описывать его не стоитъ: онъ не осложненъ ни страстью, ни событіями, ни любопытной развязкой. Но такъ какъ «она» была замужней, а связь наша не ограничилась разговорами о Достоевскомъ и русской общинѣ, то въ глазахъ товарищей я былъ нѣкоторымъ образомъ героемъ. Полугодомъ спустя отъ этого романа остались у меня и, конечно, у «нея» лишь болѣе комическія, чѣмъ глубокія воспоминанья.

Вѣроятно нескромности товарищей я и обязанъ тѣмъ, что о моемъ любовномъ приключеніи узнала Катя, впрочемъ уже тогда, когда все было кончено.

Однажды Катя сказала мнѣ:

— Какъ странно, Костя, я такъ привыкла считать тебя мальчикомъ... И вдругъ оказывается, что ты уже совсѣмъ взрослый. И, главное, что ты — какъ всѣ.

Я предпочелъ промолчать.

— Обидно, что про тебя болтаютъ. Хотя я знаю, что среди мужчинъ это не считается зазорнымъ, даже, кажется, наоборотъ...

— Болтать?

— Нѣтъ. Быть такимъ.

— Да чѣмъ же я ужъ такой особенный?

— Я не говорю, что ты особенный. Напротивъ, я не ожидала, что ты такой же, какъ всѣ. Ты, Костя, на меня не обижайся.

— Я не обижаюсь, Катя.

Она продолжала:

— Женщина, даже самая маленькая и простая, самая ничѣмъ не замѣчательная, вотъ хоть бы какъ я, непременно ждетъ героя. Впрочемъ я то, конечно, не жду, я уже дождалась. И вотъ приходитъ этотъ герой, и оказывается, что онъ въ лучшемъ случаѣ просто — Иванъ-Иванычъ. Неужели это всегда такъ?

— Я думаю, Катя, что и не всѣ женщины ищутъ геро-

евъ, и не всё мужчины — Иванъ-Иванычи. Просто — нужно какънибудь жить.

— Ты думаешь, что нужно? Ну, а я не увѣрена. Развѣ ужь непремѣнно нужно въ половинѣ одиннадцатаго ѣсть кашку?

— Какую кашку?

— А вотъ Лялька иногда рѣшительно не хочетъ кашки. И я не хочу. Впрочемъ все это — пустяки. А главное — все это не то.

Я замѣтилъ, что Катя ко мнѣ перемѣнилась. Не то, чтобы она меня строго осудила или перестала любить во мнѣ брата и друга. Напротивъ, мнѣ казалось даже, что теперь она относится ко мнѣ какъ бы съ большимъ уваженіемъ, какъ ко взрослому человѣку, а не какъ къ наивному мальчику. Но прежде она всегда ласково обнимала и цѣловала меня, иногда называла дѣтскимъ именемъ — Котикъ, не стѣснялась выходить ко мнѣ прямо изъ ванной, запахнувшись въ купальный халатъ и вообще не считала меня за мужчину. Теперь я сталъ мужчиной, хотя и оставался братомъ. Мужчиной, значитъ — существомъ не совсемъ чистымъ, носящимъ на себѣ слѣды не оправданныхъ любовью прикосновеній, случайныхъ «романовъ», вызванныхъ просто тѣмъ, что «какъ-нибудь нужно жить».

Мы больше не возвращались къ нашему разговору. Только разъ какъ-то Катя мимоходомъ сказала мнѣ:

— Въ послѣднее время я многое поняла лучше. Я думала о тебѣ, Костя, я вѣдь тебя очень люблю. И вотъ теперь я, пожалуй, могла бы не такъ строго отнестись и къ другимъ, то есть къ тому, что мнѣ въ нихъ непріятно, даже противно. Но, конечно, я тебя не сравниваю, потому что ты — не лицемеръ и не прикидываешься святымъ, а просто — такой. Хуже всего, когда обманываютъ, читаютъ мораль, а сами дѣлаютъ все, что захочется, и даже не понимаютъ, какъ это гадко. Можетъ быть, впрочемъ, я слишкомъ требовательна, нельзя быть такой. И все-таки — какъ все это печально и несносно!

— А ты не думай, Катя.

Она удивленно подняла брови:

— Какъ же не думать? Развѣ я не живой человѣкъ...

И вдругъ она вспыхнула густымъ румянцемъ:

— ...и развѣ я не женщина? Или ты считаешь меня уже старухой?

Я не могъ считать сестру, молодую, красивую, полную жизни, — старухой. Но о томъ, что такое женщина, мой сомнительный любовный опытъ не могъ дать мнѣ глубокаго познанія.

Какъ всякій преданный и любящій братъ, я былъ близорукъ. Если бы кто-нибудь сказалъ мнѣ, что источникъ Катиныхъ страданій и ея неумѣнія найти «цѣль жизни» — въ томъ, что она живетъ безъ любви, что ей некому отдать неистощенный запасъ женскаго чувства, — я бы не только удивился, но и обидѣлся за Катю.

Это я могу быть, какъ всѣ. Но Катя, сестра моя — она особенная, и къ ней общая мѣрка неприменима.

Я не зналъ, что этимъ отрицаніемъ въ ней простой и настоящей женщины я принижалъ ея образъ, столь мнѣ дорогой.

ДОКЛАДЪ

Она уже не проводила, какъ прежде, ночныхъ часовъ за работой, не лишала себя прогулокъ и маленькихъ нашихъ развлеченій, но она — вопреки моему ожиданію, не бросила лекцій и своихъ чертежныхъ занятій. Къ концу второго года она должна была окончить курсъ и попытаться стать заправскимъ, самостоятельнымъ работникомъ. Бурное увлеченіе смѣнилось спокойной увѣренностью, какъ у человѣка дѣловаго. О своихъ архитектурныхъ работахъ Катя говорила охотно, но всего на свѣтъ ради нихъ не забывала.

Въ этотъ годъ мы опять сблизились, и какъ то серьез-

нѣе прежняго, не въ карточномъ азартѣ и не въ совмѣстныхъ полетахъ молодой фантазіи. Мы оба стали замѣтно старше: мнѣ шель двадцать третій годъ, ей было подѣ тридцать. Я какъ бы окончательно вступалъ во взрослую жизнь, она входила въ возрастъ, для женщины рѣшительный.

Наши встрѣчи стали менѣе одинокими. Я привозилъ къ Катѣ своихъ университетскихъ товарищей, у нея завелись пріятельницы и пріятели съ ея курсовъ, и въ домѣ ея создалось нѣкоторое общество, молодое и пріятное. Старшимъ въ нашей компаніи былъ архитекторъ Власевъ, одинъ изъ учителей Кати, челоувѣкъ на возрастъ, очень воспитанный, старавшійся сойтись съ нами и не слишкомъ выдѣляться. Съ Катей онъ всегда говорилъ почтительно, но я съ самаго начала заподозрилъ, что не однимъ почтеніемъ къ способной ученицѣ вызваны его частые визиты.

Мы устраивали прогулки вглубь Сокольниковъ и Погонно-Лосинаго острова, весной — подыпнать соснами, зимой — побродить на лыжахъ. Этотъ годъ былъ пріятнымъ, Катя ожила и стала еще красивѣе; но дѣвочка въ ней исчезла, была только женщина, иногда — мать. Она теперь гораздо чаще говорила о дѣтяхъ, больше ими занималась и, повидимому, искала ихъ дружбы.

Этотъ періодъ мнѣ памятенъ и тѣмъ, что, подчиняясь духу времени, мы отдавали дань политическимъ вопросамъ, бывали на докладахъ, и не только легальныхъ, читали литературу подпольныхъ и заграничныхъ организацій, затѣвали безконечныя споры, даже пытались устроить свой кружокъ самообразованія. Во всемъ этомъ Катя участвовала довольно дѣятельно, хотя рѣшительно отстаивала свое право не имѣть обязательныхъ политическихъ взглядовъ. Она говорила:

— Если бы я могла твердо вѣрить, что нужно вотъ то-то и то-то, я бы немедленно пошла это дѣлать, ужъ не знаю куда и какъ, но пошла бы. Иначе — какая же цѣна

моей вѣрѣ? И кому нужны мои слова? Что такое я — жена фабриканта!

То, что она была «женой фабриканта», видимо ее безпокоило, но она никакъ не могла убѣдиться въ своей преступности. Гораздо больше ее угнетало, что она — жена своего мужа, что живетъ на его средства, все равно, каковъ ихъ источникъ. Иногда, посаф нашихъ кружковыхъ бесѣдъ, она говорила:

— Ну, теперь идемъ въ столовую закусить «прибавочной стоимостью».

Нашъ «кружокъ самообразованія» очень быстро распался. Но Катя все же успѣла насъ поразить. Мы по очереди читали маленькіе доклады, главнымъ образомъ политико-экономическіе. Катю мы считали лишь «присутствующей», то — гостьей, то — хозяйкой, въ зависимости отъ того, гдѣ мы собирались; все-таки она была старшей среди насъ, и все-таки выдѣлялась. Поэтому мы, лишь ради формы и во имя равенства, однажды предложили ей, если она хочетъ, что нибудь подготовить для доклада. Катя отшучивалась, сказала, что подумаетъ, и совѣмъ неожиданно сдѣлала намъ превосходный докладъ, совершенно насъ поразившій; было видно, что она отлично, основательно и какъ то не по-нашему, не по-ученически къ нему приготовилась. Но, закончивъ его, — докладъ былъ устный, — она покраснѣла на наши похвалы и даже не приняла участія въ дальнѣйшей нашей бесѣдѣ.

Все-таки было видно, что наше общее и какъ бы обязательное увлеченіе политикой и экономическими вопросами было ей чуждо. Она была съ нами, потому что искала людей, жаждала жизни новой, не похожей на ея прежнюю, замкнутую, домашнюю. Но и тутъ она искала жизни, дѣятельности, а не разговоры въ табачномъ дыму. Возможно даже, что она искала не людей вообще, а хотя бы одного живого человѣка, но только большого, настоящаго, въ котораго она могла бы увѣровать, зная, что не разочаруется. Она недаромъ говорила:

— Женщина, даже самая маленькая, простая и ничѣмъ не замѣчательная, непременно ищетъ героя.

Но героя среди насъ не было; не было даже законченныхъ Иванъ-Иванычей. Въ большинствѣ своемъ мы были юношами, себя еще не нашедшими, одинаково способными стать ничѣмъ. Мы ее любили, ею гордились, многіе были тайно въ нее влюблены, — но мы были обществомъ, слишкомъ для нея случайнымъ и мало подходящимъ.

И, думается мнѣ, ей было гораздо лучше и проще среди насъ, особенно среди личныхъ моихъ друзей-студентовъ, когда не подымалось рѣчи о высокихъ матеріяхъ, а просто Катя появлялась въ нашемъ кругу въ качествѣ женщины и королевы. О такихъ пріемахъ, которые мы устраивали Катѣ въ мизерности и неуютности моей студенческой каморки, я сохраняю лучшія и пріятнѣйшія воспоминанія.

КОРОЛЕВА НА ПРИЕМЪ

Бронная улица съ переулками — «латинскій кварталъ» Москвы — была перенаселена студентами; еще осенью — да, а въ серединѣ учебнаго года было трудно найти дешевую комнату. Поэтому, съ однимъ изъ друзей, студентомъ Мартыновымъ, математикомъ, мы рѣшили поселиться на Грачевкѣ, улицѣ очень печальной репутаціи, но зато дешевой. Позже она была переименована въ Трубную.

Тамъ, въ глубинѣ одного изъ большихъ дворовъ, мы облюбовали крошечный флигелекъ въ три комнаты, изъ которыхъ двѣ сдавались помѣсячно, а въ третьей жила семья мизернаго чиновника Флора Аполлоновича: онъ самъ, его жена Марья Ивановна и двое дѣтей, послѣдній — грудной.

На нашу долю пришлись комнаты большія, довольно свѣтлыя, а главное — каждому отдѣльная, и дешево.

Марья Ивановна обязалась дважды въ день давать намъ самоваръ и покупать намъ молоко и хлѣбъ. Ходить отсюда въ университетъ было не близко, но мы оба не отличались ни прилежаніемъ, ни боязнью разстояній.

Мартыновъ былъ удобнымъ сожителемъ, хотя имѣлъ крупный недостатокъ: онъ время-отъ-времени запивалъ горькую. Онъ былъ изъ семинаристовъ, года на три старше меня, а на видъ - и совсѣмъ пожившимъ; онъ носилъ бороду, очки, и интересовался только свойствами простыхъ чиселъ. Въ трезвые дни онъ не отрывался отъ клочка бумаги, на которомъ писалъ столбики чиселъ, складывалъ, вычиталъ — и загадочно улыбался. Иногда онъ и мнѣ давалъ какую нибудь курьезную задачу, которая должна была поразить меня чудодѣйственными свойствами цифры 9. Со своей стороны я пробовалъ увлечь его задачами изъ римскаго права:

— Ты представь себѣ, что во время кораблекрушенія утонули двое родственниковъ, А и В. Если раньше утонулъ А, то В, прежде чѣмъ утонуть, былъ хоть нѣскольکو минутъ его наслѣдникомъ, и дальше, значитъ, наслѣдуютъ дѣти В. А если В утонулъ раньше, то его дѣти не наслѣдуютъ послѣ А.

— Почему не наслѣдуютъ?

— Да ужъ однимъ словомъ не наслѣдуютъ, къ другимъ переходить. Какъ узнать, кто утонулъ первымъ?

— Ну, спросить, кто видѣлъ.

— Никто не видѣлъ, всѣ утонули.

— Челуха!

— Вовсе не челуха. Какъ нибудь рѣшить нужно.

— Оба сразу.

— Сразу не бываетъ; кто нибудь хоть на секунду да дольше держался. А ты сообрази: одному было 50 лѣтъ, а другому 49. Кто раньше?

— А чортъ его знаетъ.

— Нѣтъ, не чортъ его знаетъ, а это предусмотрѣно

римскимъ правомъ. Раньше долженъ утонуть А, потому что онъ старше.

— Вотъ ерунда!

— Не ерунда. В. моложе и можетъ дольше продержаться на водѣ. Кто старше, тотъ раньше потонетъ.

— Чушь! А если В. только одинъ годъ, и онъ не только плавать, а и подъ столомъ ходить не умѣетъ. Что же, ты думаешь, онъ будетъ ждать, пока А. утонетъ? Чепуха твое римское право.

— Нѣтъ, ты подожди, относительно дѣтей...

Тутъ мнѣ приходится сивариться въ курсѣ лекцій. Пока я перелистываю литографированныя страницы, Мартыновъ презрительно говорить:

— Чепуха! Право — не наука. Только математика наука. А вотъ скажи лучше, что мы сегодня ѣсть будемъ? У тебя сколько?

— У меня четыре пятака. А у тебя?

— У меня ...вчера были.

— Это плохо, Мартыновъ.

— Плохо. Купимъ воблы и хлѣба.

— Ъсть хочется.

— Сказалъ новость! Мнѣ выпить хочется, да я молчу. Тутъ тебѣ не римское право, а безошибочная математика: двѣ воблы, если икряныя, восемь копѣекъ, булка — пять, итого — тринадцать. Значить на пятакъ — рассыпныхъ папиросъ, да двѣ копѣйки — нищему. Итого въ остаткѣ — ноль. И все ясно.

Но иногда мы внезапно богатѣли: приходили деньги изъ дому. Мнѣ аккуратно маленькую сумму посылала мать, ему — старшій братъ, священникъ. Тогда мы не только шли обѣдать въ столовую Троицкой у Никитскихъ воротъ, по сорокъ копѣекъ съ человѣка, включая хлѣбъ и квасъ по желанію, но еще и дома устраивали приемы для друзей. Случалось, что на эти приемы пріѣзжала, по моему зову, и моя сестра Катя.

Странно было видѣть Катю на этой подозрительной

улицѣ, въ труппѣ грязныхъ дворовъ и бѣдныхъ флигельковъ, на нищенской студенческой пирушкѣ. Но она умѣла превращать наши пирушки въ праздникъ. Женщинъ, кромѣ Кати, никогда у насъ не было. Собиралось человѣкъ пять безусыхъ студентовъ, среди которыхъ борода-тый и мрачный Мартыновъ былъ уже старикомъ. Ради Кати мы ограничивались полудюжиной пива и бутылкой удѣльнаго вина, совсѣмъ не допуская водки; особенно на этомъ настаивала Мартыновъ, боявшійся своей слабости. Вокругъ самовара разставляли на хозяйкиныхъ тарелкахъ блестящее угощенье: чайную колбасу, воблу (для пива), кильки (для впечатлѣнья), много орѣховъ и дешевые леденцы. Катя неизмѣнно привозила отъ Елисеева фрукты и сладкій тортъ.

Въ нашу лачугу Катя вносила свѣтъ и особое, сдержанное и напряженное веселье. У насъ она была королевой. Для нея ставилось особое кресло, изъ приданого чиновницы, покрытое чистымъ чехломъ, подъ которымъ исчезала грязная и рваная обивка. Хозяйка Марья Ивановна давала намъ лучшую свою скатерть и начищала до блеска слегка помятую мѣдь самовара. Обѣ наши комнаты мы старались разукрасить чѣмъ только возможно. За полнымъ отсутствіемъ декоративныхъ предметовъ, мы особенно напирали на оригинальность.

— Знаешь, Мартыновъ, давай, навѣшаемъ цвѣтныхъ фонариковъ. На полтину можно купить четыре-пять штукъ маленькихъ.

— Лучше два большихъ, по обѣ стороны кресла повѣсимъ.

— Ладно. А вотъ гдѣ бы достать цвѣтной матеріи?

— У Марьи Ивановны попросить.

— Я спрашивалъ. Она предлагаетъ двѣ юбки, только чтобы не рѣзать и не протыкать. Я смотрѣлъ, юбки грязныя.

— Нѣтъ, юбки нехорошо. Это — чепуха.

И одновременно намъ обоимъ приходитъ въ голову поистинѣ гениальная мысль: обить косяки двери цвѣтными носками! Небывало и очень оригинально.

Изъ ящика моего комода извлекается куча вязаныхъ носковъ всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ — работа моей матери. Иные заштопанные, другіе рваные, но такъ еще лучше. Главное — чистота и яркость. У Мартынова запасъ немногимъ хуже. Кнопками и гвоздиками мы прикалываемъ носки къ косякамъ двери, и получается какъ бы триумфальная арка. Надъ дверью водружается вензель Кати: большая коробка изъ-подъ гильзы Катыка (на пятьсотъ штукъ), въ прорѣзахъ буквъ красная бумага, внутри свѣчка. Мартыновъ дѣлаетъ это съ замѣчательнымъ искусствомъ. Просто и эффектно.

Во всемъ, что относится къ чествованію нашей королевы, Мартыновъ принимаетъ живѣйшее участіе и проявляетъ рѣдкую изобрѣтательность. На время работы исчезаетъ его обычная мрачность. Имъ организованъ и прорепетированъ тушь на гребешкахъ съ папиросной бумагой, имъ же написанъ ритуаль пріема, который присутствующіе должны разучить. Долго приспособливалъ онъ добытые на дворѣ плоскіе ящики, чтобы кресло королевы стояло на легкомъ возвышеніи, — но изъ этого ничего не получилось, очень ужъ выходило неудобно королевѣ пить чай. Катѣ полагался особый приборъ: вилка, ножикъ и салфетка; для всѣхъ остальныхъ вмѣстѣ — такой же одинъ общій приборъ, только безъ салфетки. Ради Кати Мартыновъ затратилъ два часа, чтобы вымыть водкой, карта за картой, засаленную колоду: послѣ чаю мы навѣрное сядемъ играть въ винтъ, кстати — королева обычно проигрываетъ, такъ что часть нашихъ расходовъ по пріему окупится.

Въ день пріема королевы мы всѣ въ сборѣ: Мартыновъ, я, медикъ Ушаковъ, второкурсникъ-юристъ Стигматовъ, мой землякъ Павликъ — студентъ Лѣснаго института, большой весельчакъ, иногда еще кто-нибудь изъ тѣхъ,

кого я возилъ къ Катѣ знакомить. Ушаковъ уходилъ раньше другихъ, Павликъ, страшный картежникъ, оставался обычно ночевать, и пять партнеровъ для винта были обезпечены. Послѣ полуночи всѣ мы проводимъ королеву до извозчика.

Въ нашу студенческую труппу Катя вливалась, какъ лучъ солнца. Если бы она, въ своемъ самомъ простомъ платьѣ и со своей самой лучшей, всегда нѣсколько смущенной улыбкой, — если бы она только сіяла — мы бы исчезали, какъ разсѣянные тѣни и погашенныя свѣчки. Но она не только сіяла — она освѣщала. Комната становилась шире, потолокъ чище и выше, самоварная мѣдь дѣлалась такимъ же чистымъ золотомъ, какъ орленья пуговицы франтоватаго Стигматова. Марья Ивановна, квартирная наша хозяйка, женщина бѣднѣйшая, кротчайшая и затрапезная, казалась теперь благородной фрейлиной, а всѣ мы — совѣтомъ мудрыхъ вельможъ и вѣрнопопданнхъ.

Когда въ дверяхъ показывалась Катя, я подходилъ къ ней первымъ и цѣловалъ ее, зная, что всѣ эти юноши, мои гости, всматриваются и вслушиваются въ поцѣлуй. Затѣмъ Катя, снявъ длинную перчатку, очень привѣтливо здоровалась съ Марьей Ивановной за руку, которую та спѣшно вытирала фартукомъ. Съ нею она задерживалась въ нашей крошечной передней, спрашивала ее о здоровьи дѣтей, кивала, слушая ея подробный докладъ, давала совѣты: непременно промывать Ванюшкѣ глаза борной кислотой и не позволять ему ихъ тереть, а Анюту поить рыбьимъ жиромъ. Потомъ Катя повертывалась къ моимъ многочисленнымъ гостямъ, толпившимся у двери, по-мужски пожимала имъ руки и не знала, что нужно говорить, замѣняя слова своей чудесной улыбкой. Они подходили къ ней въ строгой очереди, Мартыновъ всегда послѣднимъ, не глядя въ глаза и мѣшковато шаркая ногой.

Въ эту минуту они не казались бѣдными студентами въ поношенныхъ тужуркахъ, а были рыцарями въ латахъ: грудь колесомъ, ноги стройны, головы съ изящнымъ наги-

бомъ. Впрочемъ къ Мартынову это не относится: онъ былъ, скорѣе, нашимъ дядькой.

Рыцари отнимали у Кати зонтикъ, перчатки, шляпу. Если шляпа доставалась Мартынову, онъ уносилъ ее обѣими руками, какъ стеклянную, разставивъ локти, чтобы не задѣть за стулъ, за косякъ двери, украшенной носками, за когонибудь изъ насъ. Съ момента прихода Кати, Мартыновъ дѣлался невмѣняемымъ и старался смотрѣть на самоваръ или на коробку килекъ, чтобы невзначай не встрѣтиться съ Катей глазами; если это все-таки случалось ... онъ мрачно краснѣлъ и еще пристальнѣе впивался взоромъ въ неодушевленные предметы.

Мой бѣдный Мартыновъ! Я думаю, что въ этомъ мірѣ только одна любовь могла соперничать съ моей любовью къ сестрѣ: его безкорыстная и безнадежная любовь.

.....

Пока Катя еще бесѣдовала съ хозяйкой, Мартыновъ успѣвалъ зажечь надъ дверью въ моей комнатѣ щитъ съ инициалами и цвѣтные фонарики по обѣ стороны престола королевы. Бородатый и неуклюжій, онъ дѣлалъ это съ озабоченнымъ и взволнованнымъ лицомъ.

Затѣмъ мы усаживали Катю за столъ, становились на нѣкоторомъ разстояніи, и Павликъ, торжественнымъ и мощнымъ голосомъ, начиналъ выработанный на этотъ день «ритуаль пріема королевы»:

— Всѣ ли вельможи, здѣсь предстоящіе, признають себя подданными Екатерины?

Мы отвѣчали хоромъ:

— Всѣ!

— Каковы обязанности перваго вельможи?

Я былъ «первымъ вельможей» и отвѣчалъ нараспѣвъ по мартыновской шпаргалкѣ:

— Не братъ, а рабъ!

— Каковы обязанности вельможи-хлѣбодара?

Тѣмъ же тономъ отвѣчалъ медикъ Ушаковъ:

— Чаю ли возжаждеть — чаю налей; кильку ли возалчеть — препарируй.

— Каковы обязанности вельможи-кавалера?

Второкурсникъ Стигматовъ, очень красивый юноша, слегка рисуясь, произносилъ:

— Сознать свое физическое безобразіе и лежать коврикомъ на царственныхъ путяхъ.

— Каковы обязанности вельможи-звѣздочета?

Въ свою очередь Мартыновъ, застѣнчиво и съ тоской, бормоталъ библейскій стихъ, имъ самимъ извлеченный изъ книги Судей Израилевыхъ:

— Къ ногамъ ея онъ склонился, палъ, лежалъ, къ ногамъ ея склонился, палъ, гдѣ склонился, тамъ и палъ пораженный.

— Клянутся ли вельможи исполнить свои обязанности?

Мы протягивали руки и опять хоромъ восклицали:

— Не намъ, не намъ, а имени твоему!

Катя весело смѣялась; ей было пріятно наше поклоненіе. Изобразивъ на гребешкахъ тушь или маршъ изъ «Анды», мы вручали королевѣ знаки ея власти: чисто вымытый на этотъ случай мячикъ хозяйкиной дѣвочки и огромный синій карандашъ Мартынова: державу и скипетръ.

Подъ вліяніемъ ритуала, мы долго болтали стилемъ напыщеннымъ, священнодѣйствуя надъ кильками и отдавая должное чайной колбасѣ. Хотя мы всегда усердно приглашали Марью Ивановну посидѣть съ нами, но она отговаривалась хлопотами съ самоваромъ и только иногда присаживалась на стулъ у самой двери и пристально смотрѣла на Катю, которая казалась ей, какъ была и для насъ, подлинной королевой, посѣтившей лачугу бѣдности.

И, конечно, ей никогда не могло бы прійти въ голову, что эта королева въ иную минуту жизни можетъ завидовать ея бѣдности, миру и простотѣ ея семейной жизни.

РЮМКА ВОДЫ

Что мнѣ дѣлать съ Мартыновымъ? Онъ пьетъ вторую недѣлю; какъ на грѣхъ получилъ отъ брата деньги сразу на два мѣсяца впередъ.

Пьетъ Мартыновъ водку, и пьетъ дома; никакой закуски ему не требуется. Нагрузившись, онъ поетъ «Благообразнаго Іосифа» или самъ съ собой разговариваетъ. Ночью трезвѣетъ и въ одной рубашкѣ выходитъ во дворъ, гуляетъ, хотя по ночамъ холодно и сыро.

Уговаривать его бесполезно. Когда Мартыновъ пьянъ, онъ преисполненъ презрѣнія ко всѣмъ и ко всему. Презрѣніе ко мнѣ онъ выражаетъ тѣмъ, что, отворивъ дверь въ мою комнату, показываетъ мнѣ распухшій языкъ, затѣмъ захлопываетъ дверь съ нехорошимъ ругательствомъ. Марья Ивановна боится показываться ему на глаза, хотя Мартыновъ очень рѣдко скандалитъ «по-настоящему». Марья Ивановна его не осуждаетъ, и даже не протестуетъ противъ такого поведенія жильца: на нашей улицѣ, полной притоновъ, смотрятъ на пьянство не какъ на порокъ, а какъ на несчастье, людямъ судьбою ниспосланное.

Какъ то разъ я задумалъ принять мѣры, отнявъ у Мартынова водку и деньги. Заглянувъ въ его комнату, я увидалъ, что онъ спитъ лицомъ къ стѣнѣ. Я на цыпочкахъ подобрался къ его тужуркѣ, но въ ея карманахъ нашелъ только мѣдную мелочь. Тогда я протянулъ руку къ стоявшей на столѣ еще полной бутылкѣ водки.

И вдругъ онъ вскочилъ, будто этого только и ждалъ. Вскочилъ встрепанный и такой страшный, что я едва не уронилъ бутылки.

— Поставь обратно!

— Брось, Мартыновъ, не пей. На кого ты сталъ похожь!

— Поставь бутылку!

Я, конечно, поставилъ.

Онъ взялъ бутылку и, смотря на меня пристально воспаленными глазами, сталъ пить изъ горлышка. Нужно было для этого запрокинуть голову, но онъ хотѣлъ смотрѣть на меня, на производимое впечатлѣніе; поэтому, булькая водкой, онъ постепенно присядалъ на корточки. Отпивъ нѣсколько полныхъ глотковъ, онъ обтерся рукавомъ рубашки и, сдѣлавъ хитрое-хитрое лицо, очень трезвымъ, только хриплымъ голосомъ сказалъ:

— Красавецъ, ужели я вамъ не нравлюсь?

— Не нравишься, Мартыновъ.

— Тогда, красавецъ, пойдите вонъ.

Я двинулся къ двери, но на ходу спросилъ:

— Зачѣмъ ты пьешь, Мартыновъ?

Лицо его стало внезапно искренне удивленнымъ, и по прежнему трезвымъ голосомъ онъ отвѣтилъ:

— Какъ же иначе быть? Вѣдь положеніе безвыходное!

— Какое положеніе?

И опять, вставъ и внезапно измѣнивъ лицо, онъ отвѣтилъ хриплымъ голосомъ:

— Какъ сказано выше — ступайте вонъ. Можете ѣхать въ Сок-кольники къ к-королевѣ.

Сразу опьянѣлъ, забормоталъ непонятное и повалился на постель.

Дождавшись первой свѣтлой минуты, я рѣшилъ провѣтрить Мартынова, а кстати и устыдить его, свозивъ къ Катѣ. Онъ былъ очень жалокъ, видимо самъ себя боялся, и довольно легко согласился:

— Только ты королевѣ-то не рассказывай.

Въ то время, за отсутствіемъ трамваевъ, поѣздка въ Сокольники занимала добрый часъ времени. Мы въобразились на имперіаль конки, гдѣ за станцію брали три копѣйки, и наслаждались воздухомъ и разсматриваніемъ вереницы пѣшеходовъ, шедшихъ толпой съ Сухаревки и на Сухаревку. На подъемѣ къ Краснымъ Воротамъ къ конкѣ пристягнули пару рыженькихъ лошадокъ, на одной изъ которыхъ сидѣлъ мальчишка, неистово махалъ руками и

подстегивала припряжку. Кондукторъ для бодрости ударялъ лѣвымъ локтемъ по цѣпи, на которой висѣлъ звонокъ, лошади рвались, и мы ѣхали съ гиканьемъ и веселымъ звономъ. Мартынова я привезъ, дѣйствительно, провѣтреннымъ, хотя лицо его еще оставалось опухшимъ.

Мы пріѣхали за часъ до обѣда, и было пріятно узнать, что Евгенийъ Карловичъ уѣхалъ въ городъ, — значить мы обѣдаемъ втроемъ.

Мартыновъ держался бодро, шутилъ и предупреждалъ, что у него сегодня волчій аппетитъ.

Передъ тѣмъ, какъ сѣсть за столъ, Катя вызвала меня и спросила, подавать ли къ столу водку. Я зналъ, что Мартыновъ, когда его запой кончается, сразу дѣлается выдержаннымъ, но что рюмки двѣ ему за обѣдомъ необходимы для равновѣсія, иначе онъ затоскуетъ и впадетъ въ мрачность.

Не знаю, почему мнѣ пришла въ голову необычайно глупая мысль — подшутить надъ Мартыновымъ. Когда Катя вышла изъ столовой, я убралъ со стола графинчикъ водки и замѣнилъ его другимъ, въ который налилъ воды.

Мы сѣли, и я налилъ намъ обоимъ по рюмкѣ, выпилъ свою, нарочно крикнулъ и закусилъ. Затѣмъ сталъ внимательно наблюдать, какъ выпьетъ свою Мартыновъ.

У него послѣ запой сильно дрожали руки. Онъ это зналъ и дѣлалъ всѣ движенія медленно и сосредоточенно: положилъ себѣ на тарелочку закуски, надломилъ кусокъ хлѣба, наконецъ протянулъ руку къ рюмкѣ.

Когда я увидалъ его дрожащую руку, его глаза, устремленные на рюмку, его заранѣе выпятившіяся губы, какъ это бываетъ у привычныхъ пьяницъ, — я понялъ, что поступилъ плохо; но было уже поздно.

Медленно, слегка стуча стекломъ о зубы, Мартыновъ вытянулъ воду — и проглотилъ. Затѣмъ онъ внезапно поблѣднѣлъ, уронилъ руку съ рюмкой и откинулся. Я думалъ, что онъ въ обморокъ — и дѣйствительно глаза его на минуту закатились. Вдругъ онъ взглянулъ на Катю почти

объшенимъ взглядомъ, пошатнулся на стулѣ и хотѣлъ встать.

Я перепугался:

— Мартыновъ, прости, голубчикъ, это я хотѣлъ подшутить надъ тобой. Прости меня!

Катя ничего не понимала. Я объяснилъ ей:

— Я налилъ ему воды. Ужасно глупо!

Мартынова трясло; зубы стучали, лицо краснѣло, блѣднѣло, и онъ сидѣлъ, не мѣняя позы. Наконецъ онъ овладѣлъ собой и пробурчалъ:

— Ничего... Это не отъ того...

И заковырялъ вилкой закуску на тарелкѣ.

Я досталъ графинчикъ водки и валилъ Мартынову. Не подымая глазъ, онъ выпилъ. Ему очень хотѣлось пошутить и показать, что это «ничего», но, хорошо зная его, я видѣлъ, что ему плохо и что моя шутка можетъ имѣть печальныя послѣдствія.

Катя старалась поддерживать разговоръ, журила меня, говорила, что она бы страшно разсердилась, если бы ей подсунули, напримѣръ, соли вмѣсто сахара. Мартыновъ молчалъ и такъ же молча наливалъ себѣ за рюмкой рюмку. Катя смотрѣла на меня умоляющими глазами, но я не смѣлъ остановить его, хотя видѣлъ, что уже съ первыхъ трехъ рюмокъ онъ былъ пьянъ. Опять на лицѣ его появлялось знакомое мнѣ выраженіе пьяной ироніи и настороженности; попробуй я убрать водку — выйдетъ, пожалуй, хуже.

Обѣдъ кончался въ молчаніи. Когда подали сладкое, Мартыновъ, опершись на локоть, на минуту задремалъ. Мы переглянулись, — но онъ внезапно открылъ глаза и поймалъ наши взгляды. И вдругъ онъ засмѣялся своимъ тяжелымъ смѣшкомъ, прищурился на Катю, одобрительно кивнулъ и сказалъ заплетающимся языкомъ:

— Ага, к-кор-ролева!

Вслѣдъ затѣмъ графинъ, тарелки, солонки, хлѣбъ — все посыпалось на Мартынова. Одной рукой онъ ухватить

и стянулъ на себя скатерть, затѣмъ другой рукой съ силой оттолкнулъ длинный и тяжелый столъ.

Катя вскрикнула. Мартыновъ хмуро и грузно всталъ, поднялъ руки надъ головой и грохнулся на осколки посуды. У него былъ припадокъ, и не моими слабыми руками было съ нимъ справиться. Онъ отбивался, расшвыривалъ ногами и руками стулья, столики, упавшія вазы съ цвѣтами. Онъ не кричалъ, только напряженно стоналъ. Руки его были порѣзаны осколками посуды, сѣрая тужурка перепачкана кремомъ.

Мы уже хотѣли послать за кѣмъ нибудь изъ рабочихъ, когда такъ же внезапно Мартыновъ затихъ. Катя выслала прислугу изъ столовой, и мы съ ней осторожно приподняли Мартынова и повели его въ гостиную, гдѣ уложили на диванъ. Онъ старался передвигать ногами и смотрѣлъ виновато и испуганно, какъ больной. Когда мы его уложили, онъ сразу уснулъ мертвымъ сномъ.

Чтобы не будить Мартынова, мы притворили двери и ушли наверхъ къ Катѣ. Иногда я спускался и слушалъ: Мартыновъ спалъ.

— Какъ это ужасно, Костя!

— Да; и это я виновать. У него запой кончился, я знаю. Если бы я не выдумалъ этой глупости...

— Можетъ быть теперь онъ выспится, и все пройдетъ. Но онъ такой самолюбивый, будетъ мучиться.

— Онъ въ тебя влюбленъ, Катя, и это хуже всего. Я боюсь, что онъ опять запьетъ, просто ужъ — отъ обиды. Какъ его удержать — право не пойму.

Катя сказала задумчиво:

— Странная любовь... Развѣ отъ любви пьютъ?

— Пьютъ не отъ любви, а отъ... какъ это сказать... отъ безнадежности. Впрочемъ Мартыновъ и раньше пилъ.

... Вотъ го-то. А все-таки что же съ нимъ дѣлать?

— Попробуй, когда онъ проснется, съ нимъ поговорить, утѣшь его, скажи, что это все пустяки, что онъ боленъ.

— Я попробую...

Мартыновъ спать уже часа три-четыре. Мы не знали, нужно ли его будить, уложить въ постель, или оставить такъ. Пожалуй, будетъ лучше, если я увезу его домой, -- воздухъ можетъ оказаться ему полезнымъ.

Я еще разъ спустился внизъ и заглянулъ въ комнату.

Диванъ былъ пустъ. Мартыновъ исчезъ. Въ передней я нашель его фуражку, но пальто не было.

Я остался у сестры до поздняго вечера, думая, что Мартыновъ можетъ вернуться. Къ ночи, захвативъ его фуражку, я уѣхалъ домой. Отворила мнѣ заспанная Марья Ивановна. Отъ нея я узналъ, что Мартыновъ домой не возвращался.

ВЕЧЕРОМЪ, ДОМА

Я сижу у стола, зубрю курсъ гражданского права и думаю о томъ, какой я, все-таки, хорошій: не пьяница, давно не игралъ на билліардѣ, во второй половинѣ мѣсяца еще имѣю въ карманѣ семь рублей и прочиталъ сегодня двадцать страницъ гражданского права. Пересчитываю: ну, не двадцать, а все-таки шестнадцать.

Мартыновъ лежитъ въ своей комнатѣ на постели совершенно трезвый. Послѣ печальнаго путешествія въ Сокольники онъ пропадалъ два дня, и гдѣ онъ былъ — я такъ и не знаю. Онъ явился домой поутру, усталый, блѣдный, пришибленный, въ чужой потасканной штатской шляпѣ съ большими полями; теперь вторыя сутки онъ отлеживается и со мной не разговариваетъ, только говоритъ «спасибо, Костя» — когда я ставлю передъ нимъ стаканъ чая и тарелочку съ хлѣбомъ и колбасой. Да еще, когда я попробовалъ спросить: «ну что, Мартыновъ, плохо?» — онъ посмотрѣлъ удивленно и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, почему же? Ничего.

Но пора бы и заговорить Мартынову!

Вообще пора бы остепениться. Учебный годъ кончается, скоро экзамены, на улицахъ уже появились лотки съ мочеными яблоками. Лично я побаиваюсь гражданского права — у насъ Кассо!

Начинаеть смеркаться. Слышу, какъ Мартыновъ встать и умывается.

— Погулять не пойдёмъ, Мартыновъ?

Онъ входитъ, садится на мою постель и смотритъ на меня молчаливо и задумчиво, какъ нездѣшній. Положительно — пора Мартынову заговорить!

Пока я думаю, какъ ему помочь въ этомъ, онъ заговариваетъ самъ, отведя глаза въ сторону:

— Скажи, Костя, очень гадко это вышло?

— Что?

— Ну, ты знаешь что. Тамъ, у королевы...

— Да, нехорошо, конечно.

Онъ, помолчавъ, продолжаетъ:

— Больше ужъ не увижу ея.

— Вотъ чепуха. Какъ не увидишь? Поѣдемъ къ ней въ воскресенье — и все.

— Нѣтъ, больше не увижу.

— Это я былъ виноватъ, Мартыновъ, ты меня прости.

— Чѣмъ ты виноватъ? Нѣтъ, братъ, тутъ дѣло сложное... то есть не сложное, а совсѣмъ простое.

Хорошо все-таки, что Мартыновъ заговорилъ! Теперь понемногу неприятное забудется.

Мы вышли вмѣстѣ, друзьями, чтобы прогуляться по улицамъ, посмотреть, какъ опускается вечеръ и зажигаются фонари. На нашей улицѣ, на знаменитой Грачевкѣ, пусто; ея жизнь оживляется къ ночи: начинаютъ работать притоны, появляются бойкія дѣвицы и молодые люди съ шарфами на шеѣ. Прошли Срѣтенку и Лубянку, миновали Китай-городъ, вошли въ Кремлевскія ворота — нечаянно какъ то, не условившись. Было сумеречно, вечеръ предвесенній, воздухъ въ Кремлѣ чистъ, холодокъ пріятенъ.

Остановились взглянуть, какъ зажигаются огни въ Замо-скворѣчьѣ. И тутъ Мартыновъ сказалъ мнѣ:

— Вотъ вѣдь какъ тутъ хорошо и красиво. И на душѣ миръ, и умирать не хочется.

Никогда не говорилъ Мартыновъ такихъ словъ и такимъ особеннымъ тономъ! Я покосился на него съ удивленіемъ. А онъ продолжалъ:

— Одно слово — Москва! Какъ я бывало мечталъ о Москвѣ, да о Кремлѣ, когда жилъ въ нашей глуши. Вотъ, думаю, только бы попасть въ Москву — а тамъ ужъ все само станется. И буду я не таковъ, какимъ былъ. Ты, вѣрно, тоже о Москвѣ мечталъ?

— Ну, еще бы!

— Вотъ и попали въ Москву. Вотъ и въ Москвѣ.

Помолчали. И опять онъ заговорилъ:

— Мой батька, когда живъ былъ... онъ былъ священникомъ въ селѣ, и былъ у него дьяконъ, оба тоже выпивали... бывало сидятъ вечеромъ передъ бутылкой, закусываютъ только огурцами и все считаютъ: пристань такая то, пересадка, опять пристань... это они будто ѣдутъ въ Москву и на каждой остановкѣ пьютъ. И какъ доѣзжали до Пьянаго Бора — сразу по три рюмки, и дальше ужъ, бывало, и не ѣдутъ. Оба отъ вина сгорѣли. А вотъ мой братъ, онъ совсѣмъ не пьетъ, удержался; и все отцовское наслѣдье мнѣ досталось.

— Ты тоже удержишься, Мартыновъ.

— Что? Да... А видишь Костя, вонъ тамъ, правѣ моста, загорѣлся зеленый огонекъ... Аптека тамъ, что ли? И въ водѣ отражается. Хороша наша Москва, Богъ съ ней! Ты любишь ее?

— Люблю, какъ же ее не любить?

— Да, какъ ее не любить, ежели она — Москва! Ну, Костя, пойдёмъ.

Когда шли мы обратно, Мартыновъ смотрѣлъ по сторонамъ — и на маковки храмовъ, и на всѣ зданія, въ сумеркахъ сѣрыя, и на царь-лушку, и на темнѣющее небо

— точно видѣть все впервые по-настоящему, то ли здоровался, то ли прощался. Разстались мы съ нимъ на Лубянской площади: мнѣ нужно было пройти на Покровку къ знакомымъ. Когда разставались, онъ сказалъ какъ то смущенно и будто равнодушно:

— Сестру-то, королеву нашу, скоро увидишь?

— Думаю, на дняхъ; а что?

— Да такъ. Увидишь — кланяйся.

— Поклонюсь.

— Ну, прощай, Костя.

— Прощай, Мартыновъ. Ты домой?

— Домой.

— Я вернусь поздно, только къ ночи.

— Ладно.

Странный сегодня Мартыновъ! Совсѣмъ не какъ всегда. Такой тихій.

Я вернулся домой послѣ двѣнадцати. Дверь мнѣ открыла Марья Ивановна, въ ночной кофтѣ, возбужденная — и зашептала:

— Что было то! Страху то было у насъ!

— А что такое?

— Да вѣдь вотъ счастье, что я зашла! И Фролъ Аполлоновичъ дома былъ. Только спать легли. Онъ и сръзаль веревку.

— Да что случилось, Марья Ивановна?

— Какъ что случилось? Повѣсился товарищъ вашъ! Повѣсился на крюкъ.

И рассказала мнѣ взволнованнымъ шопотомъ и точно бы съ радостью, какъ она прислушалась, будто стонеть и будто все возится, и какъ у нея екнуло сердце, что не все ладно, какъ попробовала окликнуть, сперва тихонько, потомъ громче, потомъ постучала въ комнату, а ужъ потомъ вмѣстѣ съ Фроломъ Аполлоновичемъ налегли на дверь — и задвижку сбили.

— А онъ уже виситъ, только еще качается. Я закричала голосомъ, а Фролъ Аполлоновичъ побѣждалъ за кожи-

комъ, а ножикъ тупой, я поддерживаю, а онъ рѣжетъ, едва перепилилъ. Я и удержать не могла — такъ онъ и на полъ рухнулъ.

— И что же теперь?

— Лежить. Да ничего, живъ, совсѣмъ очнулся и на постель легъ. Не велѣлъ намъ приходить. А мы не спимъ, васъ ждемъ, слушаемъ — опять бы чего не вышло. Шею то онъ стеръ себѣ. Не знали, бѣжать ли за полиціей, или какъ...

Я на ципочкахъ прошелъ въ комнату Мартынова. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами, и на столѣ горѣла свѣча, оставленная Марьей Ивановной.

Я не зналъ, что спросить. Спросилъ:

— Ну, ты какъ, Мартыновъ, ничего?

Онъ открылъ глаза, улыбнулся мнѣ грустно и сказалъ:

— Ничего. Ты уйди, Костя. Ты не бойся, я это такъ. Больше не буду. Это чепуха, глупости.

— А зачѣмъ ты, Мартыновъ?

— Иди, иди, говорю — чепуха. Разъ говорю — не буду, значитъ не буду.

— Даешь слово?

— Даю слово. Ты иди, спи.

Часа два я лежалъ, прислушиваясь. Изъ комнаты Мартынова, дверь въ которую я оставилъ открытой, доносилось ровное дыханіе. Разъ онъ тихо застоялъ, очевидно во снѣ.

Заснулъ и я.

Я НЕ ВСЕ ПОНИМАЮ

Катя окончила свои двухгодичные архитектурные курсы. То, о чемъ она нѣкогда мечтала съ сіяющими глазами, и чему мы не очень вѣрили, — случилось просто и естественно. Она — одна изъ первыхъ женщинъ-архитек-

торовъ въ Россіи. И она — на виду, ей обещають карьеру, къ ней очень почтительно относятся ея профессора.

Я не замѣчаю въ Катѣ никакой особенной радости. Она довольна — и только.

— Планы будущаго? Ну, тамъ увидится...

Она устроила обѣдъ своимъ профессорамъ и однокурсницамъ. Всѣ они не показались мнѣ людьми интересными. Пріятнѣе другихъ архитекторъ Власьевъ, и раньше бывавшій у Кати. На обѣдѣ я замѣтилъ, что къ нему съ особымъ, подчеркнутымъ вниманіемъ относится Евгений Карловичъ и что Катю это не то чтобы беспокоить, а немного удивляетъ. Зато Викторъ Германовичъ, родственникъ Катинаго мужа и нашъ партнеръ по винту, смотритъ на Власьева враждебно и былъ бы не прочь съ нимъ сѣсть, конечно — въ коррективѣшемъ спорѣ. Сама Катя выдѣляетъ Власьева простотой къ нему отношенія, какъ къ своему въ домѣ человѣку, — хотя частымъ гостемъ Власьевъ никогда не былъ.

Я, какъ то же «свой», но только въ значительной мѣрѣ чуждый этой новой компаніи, невольно приглядываюсь. И довольно скоро я прихожу къ убѣжденію, что Власьевъ влюбленъ въ Катю и не умѣетъ этого скрыть, что это замѣчаю не одинъ я, и что знаетъ это и Катя. Ей непріятно? Нѣтъ, я этого не вижу. Но ее это стѣсняетъ.

Къ вечеру большинство гостей уѣхало въ городъ, а мы, оставшіеся, пошли на Сокольничій «кругъ», гдѣ уже начались концерты. Къ моему удивленію пошелъ съ нами и Евгений Карловичъ. Онъ — въ на-рѣдкость хорошемъ настроеніи духа и особенно любезенъ со мной: разспрашиваетъ объ университетѣ и даже высказываетъ либеральныя мысли, совсѣмъ ему не свойственныя. Мнѣ начинаетъ казаться, что вотъ-вотъ онъ расскажетъ мнѣ легкомысленный анекдотъ или предложитъ мнѣ вѣчную дружбу: еще никогда такимъ я его не видалъ.

Какъ полагается, мы гуляемъ по кругу. Катя съ Власьевымъ впереди. Иногда она повертываетъ къ нему голову

и смотреть на него съ внимательнымъ изумленіемъ. Власевъ часто оглядывается, будто случайно, и говоритъ безостановочно. Я чувствую, что мужъ Кати, не отставая отъ меня и продолжая меня занимать, самъ наблюдаетъ за Катей и Власевымъ. И я не могу понять, почему на лицѣ Евгенія Карловича плохо скрытая радость, даже какое-то, довольно противное, торжество.

Пріятно, что Викторъ Германовичъ не пошелъ съ нами. Онъ остался подремать и общался, если составится винтъ, быть вечеромъ партнеромъ.

Все это мнѣ не нравится. Братское чувство мнѣ подсказываетъ, что сестру подстерегаетъ какая то опасность, о которой она не догадывается. Но вѣдь возможно, что мнѣ это только кажется.

Обратно я иду съ Катей и ея сокурсницей, а Евгеній Карловичъ и Власевъ съ двумя другими дамами. Но дамъ занимается только Евгеній Карловичъ, который сегодня исключительно милъ и галантенъ. Власевъ идетъ вмѣстѣ съ ними, но молчитъ или разсѣянно улыбается, когда это ему кажется необходимымъ.

Сейчасъ неудобно, но послѣ я съ Катей поговорю. Только о чемъ же?

Гости, кромѣ одной изъ дамъ, прощаются и уѣзжаютъ въ городъ; въ ихъ числѣ и Власевъ. Евгеній Карловичъ долго и сердечно трясетъ руку Власева и проситъ бывать почаще, а по уходѣ его немедленно дѣлается солиднымъ и скучающимъ; очевидно теперь онъ предоставитъ насъ самимъ себѣ и запретъ въ кабинетъ или уѣдетъ въ городъ.

Когда Катя прощается съ Власевымъ, она громко отвѣчаетъ на его тихій вопросъ:

— Я подумаю и скажу вамъ.

Затѣмъ, когда Власевъ отходитъ, она говоритъ, обращаясь ко мнѣ:

— Знаешь, Костя, онъ предложилъ мнѣ работать вмѣстѣ. У него сейчасъ три постройки на ходу, въ томъ чис-

лѣ одна очень для меня интересная: зданіе Народнаго Дома.

— Ты согласишься?

— Я хочу подумать. Это не совсѣмъ просто, тѣмъ болѣе, что не все въ Москвѣ, придется иногда уѣзжать.

Евгеній Карловичъ, конечно, слышитъ, но смотритъ въ сторону, гдѣ его заинтересовала собака. Впрочемъ вѣдь Катя говорить не съ нимъ, а со мною. И я отвѣчаю Катѣ:

— По-моему — это очень интересно. Я бы на твоемъ мѣстѣ согласился. Тѣмъ болѣе, что Власьевъ — очень видный архитекторъ; и человѣкъ пріятный.

— Даже слишкомъ видный, чтобы работать съ нимъ, какъ онъ мнѣ предложилъ, на равныхъ началахъ. Я что то даже не совсѣмъ поняла его. Но мы еще поговоримъ съ нимъ.

Евгеній Карловичъ не нашелъ собаку достаточно породистой, и теперь идетъ домой впереди насъ, хотя это не деликатно, такъ какъ съ нами дама. Но онъ уже не хочетъ быть обаятельнымъ.

Дама, наша спутница, поздравляетъ Катю:

— Вы сдѣлаете блестящую карьеру! Сколько мужчинъ вамъ позавидуютъ.

По глазамъ дамы, впрочемъ довольно добродушной, я вижу, что позавидуютъ Катѣ не одни мужчины.

Что то такое произошло, чего я еще не усвоилъ и не разобралъ. Я вижу одно: Катя тоже не все понимаетъ и явно обезпечена. Казалось — она должна бы радоваться и окончанію курсовъ и своему успѣху, а этой радости я въ ней не вижу. Что то ее тревожитъ. Что?

Мы проводимъ довольно скучный вечеръ. Дама плохо играетъ въ винтъ, Викторъ Германовичъ едва сдерживается, и послѣ трехъ роберовъ мы съ удовольствіемъ покидаемъ столикъ.

Я охотно остался бы переночевать у сестры, но на носу экзамены — нужно съ утра засѣсть за лекціи. Даже Мартыновъ, который въ послѣднее время очень остепенился,

— даже онъ зубрить по цѣлымъ днямъ и никуда не выходитъ. Два экзамена онъ уже сдалъ; а у меня первый на этой недѣлѣ.

И это весной! Развѣ для того весна, чтобы гнуть спину надъ книгами? Какая нелѣпость!

КЪ МАМѢ

Когда весна только-только начинается, — первыми вянуть мѣховыя шапки и шалочки, за ними старѣютъ, линяютъ и дѣлаются смѣшными и неумѣстными шубы, пальто и теплыя перчатки, пальцы которыхъ къ этому времени уже не переносятъ дальнѣйшей починки. Затѣмъ внезапно всѣ дѣвушки хорошеютъ, и не потому, что ихъ красить весенній нарядъ, а просто потому, что онѣ въ это вѣрять. Что касается до насъ, студентовъ, то мы раньше всѣхъ выходимъ гулять безъ пальто.

И небо уже не просвѣчиваетъ сквозь вѣтки деревьевъ Тверского Бульвара. Акварель кончилась — начинается масло лѣтнихъ красокъ. Городская весна приходитъ быстро, сразу распускается, но держится подолгу, потому что она и въ городѣ, какъ въ деревнѣ, все-таки медлительна, все-таки она русская весна, а не какая нибудь.

И когда экзаменамъ подходитъ конецъ — уже все цвѣтеть давно, а иной листъ-скороспѣлка успѣлъ пожелтѣть и лежить на дорожкѣ, плохо усыпанной пескомъ. Можетъ быть, впрочемъ, это былъ больной листикъ. Почтальонъ принесъ деньги, — и это деньги на дорогу, ихъ не истраишь, ихъ убережешь. Еще недѣля, только одна недѣля. Уже заранѣе дѣлается жаль Москвы — скоро разстанемся.

Впереди идетъ стройная и высокая дама, одѣтая съ особымъ изяществомъ, подъ руку съ господиномъ въ сѣромъ пальто. Сѣрое пальто знакомо мнѣ по походкѣ. И усы. И профиль. Это — архитекторъ Власевъ. А съ нимъ

— да вѣдь это Катя въ новомъ весеннемъ костюмѣ, котораго я еще не видалъ!

Я догоняю ихъ не сразу. Мнѣ пріятно неожиданно встрѣтить въ городѣ сестру. Но я чувствую, что Власевъ будетъ не очень доволенъ нашей встрѣчей. Вѣроятно онъ провожаетъ Катю послѣ работы и хотѣлъ бы подольше остаться съ ней вдвоемъ. Какъ хорошъ сейчасъ воздухъ, какъ пріятно пройтись подъ-руку съ красивой женщиной. Завидую Власеву! Завидую, что Катя ему не сестра.

Я подхожу сзади со стороны Кати и слышу ея голосъ:

— Я-то понимаю... Я отлично все понимаю, вѣдь я не малый ребенокъ. И сердиться мнѣ не за что, я вамъ вѣрю. Но неужели вы не можете...

И Катя внезапно обертывается: она услышала и узнала мои шаги.

— Костя?

Она высвобождаетъ руку, прижатую Власевымъ, и бросается ко мнѣ съ настоящей радостью:

— Какъ хорошо, что я тебя встрѣтила! Ты изъ университета? Я хотѣла сейчасъ къ тебѣ заѣхать, но боялась не застать дома. У меня къ тебѣ дѣло, и такое... ты никогда не догадаешься.

Власевъ здоровается и старается быть привѣтливымъ; но видъ у него немного убитый. Во всякомъ случаѣ я ему больше не завидую.

— Ты можешь, Костя, поѣхать сейчасъ ко мнѣ?

— У меня экзаменъ, Катя.

— Завтра?

— Нѣтъ, черезъ три дня. Послѣдній. Впрочемъ — пустяковый, готовится почти не нужно. Всѣ важные я сдалъ.

— Ну вотъ что, Костя, мы дойдемъ вмѣстѣ до Страстного, а тамъ возьмемъ извозчика и поѣдемъ къ тебѣ, только на полчаса. Нужно рѣшить одно дѣло.

— Я съ вами распрошаюсь здѣсь, -- говоритъ Власевъ.

евъ. И видѣ у него совсѣмъ несчастливый. Почему то мнѣ это пріятно.

Катя протягиваетъ ему руку:

— Завтра мы увидимся въ студіи.

— Слушаю.

— Я боюсь, что работу сегодня не подготовлю. Ничего?

— Пожалуйста.

— А дня черезъ два — непременно сдамъ вамъ все, и тогда...

Власевъ приподымаетъ голову въ ожиданіи, а Катя продолжаетъ:

— ...и тогда вы дадите мнѣ отпускъ на мѣсяцъ, а то и немножко больше.

— Отпускъ? Дѣло ваше — но почему?

— Я вамъ послѣ скажу. Я, кажется, уѣду.

Онъ молча кланяется, слишкомъ рыцарски и почтительно, и мы уходимъ.

— Куда ты хочешь уѣхать, Катя?

Она смѣется возбужденно и весело:

— Никуда не собиралась, а вотъ сейчасъ, какъ тебя увидала, нечаянно рѣшила. И я, Костя, ужасно рада! Я поѣду съ тобой къ мамѣ.

— Нѣтъ — правда, Катя?

— Ну да. Мнѣ хочется видѣть Волгу и Каму, и я соскучилась по мамѣ.

— Мама будетъ такъ счастлива!

— И я буду счастлива.

— И я!

— Мы всѣ, Костя. И это мнѣ необходимо, уѣхать. Какъ это удивительно вышло, что я тебя встрѣтила на бульварѣ. Точно судьба! Ты былъ мнѣ въ эту минуту всѣмъ нужнѣе.

— Какое же у тебя ко мнѣ дѣло?

— Дѣло? Да никакого. Вотъ только это. Хочешь —

поѣдемъ на Воробьевы горы или куда вздумается? Я не хочу домой. Сегодня чудесный день.

— Ты хотѣла ко мнѣ?

— Нѣтъ, я просто хотѣла побыть съ тобой подольше, если ты только можешь, если твои лекціи подождутъ. Я, кстати, голодна. Ты не обѣдалъ еще? Хочешь — поѣдемъ въ «Прагу»?

— Лучше пройдемъ пѣшкомъ, это вѣдь почти рядомъ.

— Ну вотъ и чудесно. Дай мнѣ руку. Я тебя сегодня угощаю обѣдомъ. А скоро, Костя, мы будемъ ѣсть пьяноборскихъ раковъ и стерлядь кольчикомъ — на пароходѣ. Какая прелесть!

Мы обѣдали въ «Прагѣ» и даже пили вино. Катя была такъ весела и казалась такой счастливой, что я не могъ приписать это только весеннему воздуху. Что то съ ней произошло.

Когда мы въ третій разъ чокнулись стаканами, она мнѣ сказала:

— Я вѣрю въ судьбу. Мнѣ сегодня очень нужно было немножко семьи, а здѣсь, въ Москвѣ, моя семья — только ты. Не къ Лизѣ же итти мнѣ съ моими горестями! А дѣтямъ не расскажешь. Мама далеко...

— Какія у тебя горести?

— Горестей, пожалуй, никакихъ нѣтъ, т. е. новыхъ. А могло бы случиться многое. Ну, теперь мы поѣдемъ къ мамѣ. Вотъ чудесно!

— Ты думаешь надолго поѣхать?

— Ну, на мѣсяць, на два, пока поживется. Мнѣ не хочется быть сейчасъ въ Москвѣ.

— Тутъ при чемъ то Власевъ?

— Онъ тебѣ не нравится?

— Почему же, онъ пріятный человѣкъ.

— Да, онъ хорошій человѣкъ. Онъ мнѣ нравится очень. Но, конечно, онъ такой же, какъ всѣ.

— Онъ объяснился тебѣ въ любви?

Она отвѣтила задумчиво:

— Это то ничего. Можетъ быть онъ и дѣйствительно меня любитъ. Это то ничего...

— А что же?

Катя отчетливо сказала фразу, которая, должно быть, давно въ ней сложилась и которую она часто мысленно повторяла:

— Видишь, Костя, нигдѣ и никогда ничего нельзя найти, никакой нельзя придумать себѣ жизни, чтобы сейчасъ же передъ тобой не оказался человекъ, который смотритъ поверхъ твоихъ желаній и интересовъ, и который ждетъ отъ тебя одного и того же... Будь онъ самый хорошій... Сначала ему нужна ты, а твоя жизнь дѣло второе. И сразу все рушится. И такъ всегда.

Мнѣ было пріятно, что сестра такъ откровенна со мной. Я казался себѣ какъ бы старшимъ братомъ, призваннымъ обсудить съ «дѣло» и дать ей мудрый совѣтъ.

— Ты странная, Катя. Но вѣдь такъ ужъ міръ устроенъ, и ничего въ этомъ дурного нѣтъ. По-моему, если тебѣ, напримѣръ, нравится Власевъ, ты могла бы развестись съ Евгениемъ Карловичемъ и выйти за Власева замужъ.

Она посмотрѣла на меня удивленно, но спокойно отвѣтила:

— Да, конечно.

— Или... значитъ ты его не такъ любишь.

— Не знаю, вѣроятно.

— Такъ въ чемъ же дѣло, Катя?

Она отвѣчала разсѣянно:

— Дѣло въ томъ, что... я вѣдь говорю: такъ всегда и будетъ. Это очень трудно объяснить, Костя, и понять трудно. Нужно быть женщиной... Вотъ поэтому мнѣ такъ хочется къ мамѣ. Мы поѣдемъ, правда?

— Конечно, поѣдемъ.

— Ну — вотъ и все. Вотъ и хорошо...

ВЪ ПРЕДУТРИИ

Въ юности, когда я еще всерьезъ мечталъ сдѣлаться заправскимъ писателемъ и еще не угадывалъ, что жизнь моя незамѣтно протечетъ въ работѣ, можетъ быть и полезной, но далекой отъ области литературы, — я нерѣдко, любуясь картинами природы, мысленно пытался возсоздать ихъ въ словѣ. Никто тогда не сказалъ мнѣ, что перо, даже въ рукахъ человѣка, всю жизнь посвятившаго искусству слова, безсильно изобразить неизмѣримую и поистинѣ земную, близкую намъ, почти домашнюю красоту тѣхъ мѣстъ, по которымъ лежалъ нашъ съ сестрой путь изъ Москвы на нашу пріуральскую родину.

Теперь, лучше зная безсиліе искусства и полную безпомощность собственнаго пера, — я отсылаю къ ихъ воспоминаніямъ тѣхъ моихъ читателей, которымъ есть что вспомнить, и изъ памяти которыхъ картины чахлой европейской природы не вытѣснили очарованья Камы, Волги, Урала, нашего сѣвера и нашей Сибири. Милостью судьбы, не скрывшей отъ меня ни одного уголка Европы — ни лазурныхъ береговъ ея Юга, ни ея скандинавскихъ красотъ — я могъ провѣрить свои давнія впечатлѣнія, могъ сравнить, и могу теперь сказать со спокойной увѣренностью:

— Все, что есть прекраснаго здѣсь — есть и у насъ; но и средняго нашего не найти нигдѣ въ Европѣ.

И я не буду лицемѣрить: это сознаніе вновь до краевъ наполняетъ русской гордостью мою душу, опустошенную рядомъ иныхъ, слишкомъ невыгодныхъ для насъ сравненій. Затерянный, затолканный въ толпѣ чужихъ, самоувѣренныхъ, презрительныхъ людей, — я снова чувствую себя сыномъ и гражданиномъ великой, богатѣйшей и прекраснѣйшей изъ странъ. И, страдая ея сегодняшними бѣдами, я радостно улыбаюсь ея будущему.

Я въ него крѣпко вѣрю. Это дѣлаетъ меня счастливымъ.

.....

Въ тѣ дни цвѣла липа, и нашъ пароходъ разомъ разсѣкалъ и воды Камы и воздухъ, густо напитанный цвѣтеньемъ этого милаго и ласковаго дерева. По ночамъ не спалось въ каютѣ, хотѣлось дышать сладкой свѣжестью рѣки и любоваться отраженьемъ въ спокойной водѣ высокаго берега, освѣщеннаго луной.

Гудѣль шедшій сверху встрѣчный пароходъ, короткимъ басомъ отвѣчалъ нашъ, матросъ выходилъ изъ будки и размахивалъ фонаремъ — и тамъ мелькалъ такой же фонарь на лѣвомъ борту.

А иногда на насъ надвигался едва видный ночью длинный плотъ съ горящимъ на немъ костромъ, намъ кричали въ рупоръ: «Лег-ше-е!», мы задерживали ходъ, и все-таки голоса на плоту провожали насъ очень сложной бранью. Это была особая водяная жизнь, и плыли мы въ объятяхъ трехъ стихій, очарованные музыкой ночи.

Когда луна скрылась, мы разошлись по каютамъ; какъ ни прекрасна ночь, но вѣдь и утро прекрасно, и его было бы стыдно проспять. Мы встанемъ завтра пораньше и будемъ пить чай на палубѣ.

Эти трехдневныя прогулки на пароходѣ, въ концѣ и въ началѣ учебнаго года, были для меня не только наслажденіемъ, но и днями итоговъ прожитого и плановъ будущаго. Сейчасъ я въ послѣдній разъ ѣхалъ на родину студентомъ; будущимъ лѣтомъ я вступлю въ жизнь уже какъ взрослый человѣкъ, — и въ этой жизни долженъ буду ясно опредѣлить свое мѣсто. И какъ ни былъ я молодъ и самоувѣренъ, я все же понималъ, что будущій путь моей жизни, весь путь, опредѣлится послѣднимъ годомъ студенчества. Обдумать и намѣтить его — осталось не такъ много времени. А что я знаю? Куда я хочу пойти? Не выйду ли я на бездорожье въ чистое поле?

Въ каютѣ, гдѣ всегда немного пахнетъ краской и мя-

тымъ паромъ, было душно, и я долго не могъ заснуть. Занавѣска на окнѣ посвѣтлѣла — близилось утро. Я одѣлся, не забывъ и теплаго пальто, и вышелъ на палубу.

Рѣка и ночью и днемъ постоянно мѣняетъ цвѣтъ и отѣнки — въ томъ ея главное очарованье. Былъ первый свѣтъ утра, которое рождалось въ легчайшемъ туманѣ и неясныхъ очертаніяхъ. Я прошелъ на носъ парохода, дивясь безвѣтрію и любуясь борьбой ночи и утра.

И тамъ я увидѣлъ сестру, которая тоже не спала и вышла въ тепломъ капотѣ и оренбургской шали. Она сидѣла на палубной скамейкѣ, подобравъ ноги и сгорбившись. Когда я подошелъ, она не удивилась, что я не сплю, не двинулась и только взглянула на меня мутно глазами, полными слезъ, которыхъ она не вытирала.

Я не спросилъ, почему сестра плачетъ, — почувствовалъ, что спрашивать нельзя. Въ полусумракѣ ранняго утра лицо Кати показалось мнѣ некрасивымъ, осунувшимся, постарѣвшимъ. Можетъ быть мнѣ не слѣдовало подсаживаться къ ней, но теперь уйти было уже нельзя.

Мы сидѣли рядомъ не менѣе получаса — и слезы Кати все лились, ровно и безудержно. Если бы она рыдала, билась въ истерикѣ, ломала руки, — было бы понятнѣе и легче. Но я видѣлъ, что у нея нѣтъ силъ даже пошевелиться. Слезы не смачивали шерсти ея шали и скатывались на колѣни.

Стало свѣтлѣе, сидѣть было холодно. Я не зналъ, что дѣлать, и смотрѣлъ на бѣгушій берегъ, чтобы не смотрѣть на Катю.

Наконецъ она пошевелилась, и я рѣшился сказать:

— Холодно. Ты не пойдешь въ каюту?

Она не отвѣтила, но сдѣлала попытку встать. Я помогъ ей, и она оперлась на мою руку. Я довелъ ее до двери каюты, какъ больную или старую женщину, и слышалъ, какъ она опустилась на диванъ. Я подождалъ у двери, — ничего не было слышно.

Помню, — я не задалъ себѣ вопроса, почему сестра пла-

четь, что могло вдругъ такъ сломить ее, всегда такую бодрую и выдержанную? Я увидалъ ее горе — и принялъ его, какъ естественное. Оно меня огорчило, но какъ то не поразило неожиданностью; можетъ быть потому, что я увидалъ его нечаянно, въ часъ, когда всѣ, кто не спятъ, живутъ своимъ -- не ожидая свидѣтелей. Можетъ быть это была не первая Катина ночь въ слезахъ, — только раньше я не видалъ ее. Вѣдь и я не всегда былъ наединѣ такимъ, какъ на людяхъ.

Я очень озябъ и утомился. Закутавшись потеплѣе, я не успѣлъ задуматься надъ Катиной жизнью, еще одна страничка которой мнѣ только что открылась. Ровный стукъ пароходной машины хорошо убаюкиваетъ.

О ЧЕМЪ ПЛАКАЛА КОРОЛЕВА?

Въ послѣднй день нашей чудесной прогулки мы много говорили, и сестра впервые была со мной до конца откровенна. Она сказала мнѣ:

— Ты не подумай, что я тогда плакала изъ-за разлуки что ли... Тутъ, Костя, совсѣмъ другое. Мнѣ очень нравится Власевъ, очень, я тебѣ говорила. Вѣдь онъ отличный человѣкъ, и талантливый. И онъ меня любитъ, я знаю. Но онъ любитъ меня по своему, а не такъ, какъ мнѣ нужно. Я не осуждаю, но я такъ не могу. Ты понимаешь?

— Нѣтъ, Катя. Какъ же ты хочешь, чтобы тебя любили?

— Это такъ трудно объяснить... Ну вотъ мы работаемъ вмѣстѣ — планы тамъ, чертежи, вычисления. Меня это увлекаетъ. И въ каждую минуту я чувствую на себѣ его взглядъ, если даже онъ въ дѣйствительности и не смотритъ на меня. И взглядъ особенный, какъ смотреть мужчины на красивую женщину.

— Это такъ естественно.

— Можетъ быть — но я не хочу. Онъ здоровается со

мною за руку — и въ его пожатіѣ нѣтъ простоты; иногда онъ передаетъ мнѣ какую нибудь бумажку, серьезно, безъ улыбки, — а я вижу и чувствую, что онъ не просто на меня смотритъ, а точно дотрагивается до меня глазами, воровски и очень не хорошо. Онъ очень выдержанъ, я ни въ чемъ его не могу упрекнуть, — но я передъ нимъ стою... ты меня, Костя, прости... точно неодѣтая, и мнѣ хочется закрыться и отстраниться. И это такъ неприятно, такъ мучительно.

— Я думаю, это оттого, что ты его не любишь. Если бы любила — тебѣ бы это было даже пріятно.

— Пріятно? Нѣтъ, никогда! Я, Костя, женщина, я очень женщина, и чувствую, какъ женщина, и все я знаю. Но, понимаешь, есть моменты... нельзя такъ подходить къ женщинѣ, это обидно! Можно потомъ, когда уже близость... въ какой то особой обстановкѣ. Но съ этого начинать... очень трудно тебѣ объяснить. Стыдное я тоже могу любить — но тайно, не говоря объ этомъ во всякую минуту, не убивая этимъ другое. Нужно приблизиться понемногу, можетъ быть даже что то скрыть, я не знаю...

— Оцѣнить въ женщинѣ человѣка?

— Да, хотя это, конечно, звучитъ слишкомъ сухо и торжественно, или казенно, какъ формула. Оцѣни или недооцѣнивай, только подойди просто, безъ этой... чувствительной дрожи. Я бы простила даже невѣжливость и грубость, а вотъ съ этимъ помириться не могу. Вотъ твой Мартыновъ — онъ взялъ да и опрокинулъ столъ.

— Ну, онъ былъ пьянъ.

— Пьянъ, а не позволилъ себѣ того, что позволяетъ иной трезвый и разумный человѣкъ. Никогда Мартыновъ не смотрѣлъ на меня дурно или обидно! И я его очень уважаю.

Я улыбнулся: стоитъ ли говорить о Мартыновѣ!

Потомъ она говорила:

— Вотъ и у твоей сестры былъ романъ; правда — довольно смѣшной. Ты знаешь, тогда на бульварѣ, когда я

тебя встрѣтила, онъ мнѣ «объяснился». То есть объясняться то было, конечно, нечего, и такъ ясно было, но онъ считалъ нужнымъ изложить все это на словахъ, въ соответствующихъ выраженіяхъ. Это было немножко смѣшно и настолько трогательно, что я въ него почти влюбилась. Онъ понялъ, и сразу сталъ говорить о какихъ то своихъ надеждахъ, хотя, повторяю, онъ очень хорошій и порядочный человѣкъ.

— И что же ты отвѣтила?

— Я хотѣла отвѣтить, что слова его излишни, что я и безъ нихъ все знаю и понимаю. Но я не успѣла сказать, какъ подошелъ ты, и я внезапно рѣшила, что уѣду съ тобой и тѣмъ кончатся всѣ возможные объясненія.

— Ты назначила ему встрѣчу на другой день?

— Да, но я не была. Я написала ему письмо, очень коротенькое, и отослала свою работу.

— И вы больше не видались?

— Нѣтъ. Я бы могла, конечно, но мнѣ не хотѣлось.

— Вы еще встрѣтитесь.

— Нѣтъ, Костя. То есть встрѣтиться мы, конечно, можемъ, но тотъ разговоръ не вернется. И я не позволю, и онъ не захочетъ.

— Какой же это тогда романъ! И какіе вы не живые люди!

Катя разсмѣялась. Она уже успокоилась совершенно.

— Да, это не романъ. Это — попытка твоей сестры имѣть свой романъ. Неудачная попытка.

— Тебѣ не жаль, Катя?

— Да, мнѣ жаль. Но иначе не могло быть. И мнѣ кажется, что мама меня одобритъ.

— Ты все ей расскажешь?

— Да, все. И про домъ, и про это. Я затѣмъ и ѣду къ мамѣ. Костя, ты не думай, что я трусливая или холодная. О, я на все могла бы пойти! Но я такъ трудно жила — и столько лѣтъ! — что ни на какой дешевый выходъ уже не способна.

— Ты — наша королева!

— Вотъ. Я — королева, которая плачетъ о томъ, что она не пастушка. Плачетъ подь утро на палубѣ парохода...

ВОЛОСЪ

Мнѣ очень памятно лѣто, которое мы съ сестрой провели у матери въ провинціи. Никакихъ событій не было, и памятно мнѣ оно только тѣмъ, что вотъ опять я видѣлъ Катю-прежнюю, какою жила она когда то съ нами. Хоть и не та дѣвочка, что, ожидая ребенка, играла въ куклы и обижалась, когда надъ ней подсмѣивались, — а все-таки прежняя, домашняя, какъ будто бы она и не покидала нашего дома, всегда жила съ мамой и не была отрѣзаннымъ ломтемъ. Такъ было намъ хорошо съ нею, что и мнѣ начинало казаться, будто и я не студентъ на выпускѣ, не почти готовый мужчина, а недавній «старый директоръ», Котикъ во фланелевомъ костюмчикѣ, азартный игрокъ въ бабки, котораго за эту страсть садятъ вмѣстѣ со старшей сестрой въ темный чуланъ.

У мамы въ маленькой ея квартирѣ было намъ тѣсно-важно, но хотѣлось оставаться вмѣстѣ. Я днемъ пропадалъ, болтался со старыми друзьями, особенно усердно катался на лодкѣ, удилъ, иногда уѣзжалъ съ ружьемъ на охоту въ лѣсъ, который начинался сейчасъ же за городомъ. Рѣка притягивала и Катю, и нѣсколько разъ мы катались вмѣстѣ: плыли обычно до острова, тамъ высаживались, лежали на пескѣ на отмели или забредали въ густой кустарникъ, просто такъ, чтобы крѣпче обняться съ природой и отдохнуть душой. Но чаще Катя оставалась съ матерью. И никакъ я не думалъ, что такъ много у нихъ темъ для разговоровъ. Дня не хватало — и онѣ, какъ и прежде бывало, шептались по ночамъ. Шепчутся-шепчутся, а на утро Катя ходитъ по комнатѣ на цыпочкахъ, — значитъ свершается въ ней что то важное. Мама къ ней

добрая, ласкаетъ ее, думаетъ о ней, помогаетъ. Все это я видѣла, и я понималъ, что материнскіе совѣты Катѣ важнѣе и нужнѣе, чѣмъ моя дружеская и братская болтовня.

Сестра прожила съ нами два мѣсяца, все время съ матерью, не заводя знакомствъ и не возобновляя старыхъ. Помню, только одна гимназическая подруга навѣстила ее — и онѣ проговорили до вечера. А когда она ушла, Катя сказала:

— Странно, вотъ я живу въ Москвѣ, а она въ провинціи. Обѣ мы замужемъ, у обѣихъ дѣти. Но выходитъ, что я — ужасная провинціалка и отсталая женщина. То, что она мнѣ рассказала про свою жизнь, просто невозможно. Какъ она можетъ, ну какъ она можетъ! И, главное, она себя чувствуетъ довольной и счастливой. Я бы... не знаю... да просто я такъ не могла бы. А когда то мы, гимназистками, были очень близки и дружны, вмѣстѣ мечтали. Ни у меня, ни у нея изъ этихъ мечтаній ничего не вышло. Но она нашла совсѣмъ другое — и утѣшилась, а я...

— Ты все еще мечтаешь?

— Нѣтъ... Но только я ничего не нашла.

Ночью сестра и мать опять долго-долго шептались. Маминъ шопотъ былъ, какъ всегда, ровенъ и спокоенъ, а Катя шептала взволнованно, такъ что иногда доносились до меня отдѣльные слова. Она говорила что то о домѣ и о дѣтяхъ. Были ея жалобы водопадомъ, а мамины слова — тихимъ ручейкомъ. И побѣждалъ, конечно, ручеекъ.

Когда Катя уѣзжала въ Москву, я поѣхалъ проводить ее до ближайшей пристани — часахъ въ трехъ воднаго пути. Былъ дождливый день, и мы сидѣли въ рубкѣ парохода. Катя подошла къ зеркалу поправить волосы и потомъ подозвала меня:

— Хочешь взглянуть?

— Что такое?

— Вотъ — сѣдой волосъ; первый снѣгъ.

— Просто больной. Рано тебѣ сѣдѣть.

— Нѣтъ, онъ сѣдой, и не одинъ.

— Ты очень огорчена?

— Чѣмъ? Что я посѣдѣю? Нѣтъ, Костя. Вонъ мама совсѣмъ сѣдая, и ты когданибудь посѣдѣешь. Все это не важно.

— А что, Катя, важно?

— Что важно? Важно — во время это замѣтить. И очень важно помнить, что это неизбежно. Тогда не будешь такъ огорчаться и легче опредѣлишь свое мѣсто.

— Тебѣ мама внушила такія мысли?

— Мама сказала мнѣ много хорошаго. Только бы найти въ себѣ достаточно силы...

Мы обнялись. Съ парохода сестра долго махала мнѣ бѣлымъ шарфомъ. Было грустно съ ней разставаться. Пароходъ прощался съ берегомъ свистками. Дождь продолжалъ моросить.

Около часу я ждалъ на пристани встрѣчный пароходъ. На берегу была непролазная грязь; ея зашлепаны были мостки и полъ въ комнатѣ, гдѣ нѣсколько человѣкъ ждали парохода. На окнахъ — большія сонныя мухи. Я вспомнилъ, какъ мальчикомъ на такихъ мухъ ловилъ съ пристаней рыбу: только опустишь лесу съ приманкой, — бросается на нее цѣлая толпа рыбешекъ. Среди ожидавшихъ парохода была семья богатаго татарина. Самъ онъ былъ уже довольно старъ, а жена его молода и должно быть хороша собой; но она прятала лицо — только черные глаза поблескивали. Подсѣлъ къ нимъ сельскій батюшка. Разговаривали мирно, солидно.

— Вотъ — живутъ люди! Будемъ жить и мы.

Лѣто быстро пройдетъ. Прощусь съ матерью — и опять въ Москву, заканчивать свою науку. Дальше — видно будетъ. Мать стала совсѣмъ старенькая. Можетъ быть вернуться къ ней, найду себѣ службу въ провинціи. Женюсь. А можетъ быть потокомъ жизни унесетъ меня далеко, совсѣмъ въ новые края. Этотъ годъ долженъ рѣшить многое.

О чемъ сейчасъ думаетъ Катя? О своемъ сѣдомъ волосѣ? О «неудачномъ романѣ»? Или она плачетъ? Или смо-

трить, сквозь сѣтку мелкаго дождя, на высокій берегъ рѣки?

Татаринъ вышелъ наружу, потомъ вернулся и сказалъ:

— Идетъ снизу нашъ!

Батюшка радостно закивалъ, татарка покосилась на меня чернымъ глазомъ, и мнѣ стало веселѣе. Всѣ стали готовить вещи. Мухи на окнахъ не проявили никакого волненія: онѣ привыкли къ тому, что жизнь проходитъ мимо нихъ.

БЕСѢДА

Въ одинъ изъ первыхъ дней по прїѣздѣ въ Москву я встрѣтился на Тверской съ Власьевымъ.

— Здравствуйте.

— Ахъ, здравствуйте!

Мы пожали другъ другу руки и не знали, о чемъ говорить.

— Гуляете?

— Да, такъ, дѣлать нечего.

— Я приблизительно тоже. Не зайдемъ ли къ Филиппову выпить кофе?

Власьевъ показался мнѣ сѣренькимъ, — а обычно онъ былъ бодрымъ и элегантнымъ. Можетъ быть дѣйствительно скучастъ, или хочетъ такимъ казаться.

— Вы вѣдь въ этомъ году кончаете?

— Да.

— И что же дальше? Останетесь въ Москвѣ?

Всѣ эти вопросы — лишь для разговора. А оба мы въ эту минуту думаемъ о Катѣ. Я знаю, что она съ Власьевымъ не встрѣчалась. Ему, конечно, хочется разспросить меня о ней. Мнѣ какъ то жалко Власьева — прїятный человекъ, дѣльный. Разъ ужъ онъ правился Катѣ — значить онъ этого заслуживалъ. Ощущаю въ душѣ снисходительную къ нему ласковость.

— Бываете часто въ Сокольникахъ?

— Нѣтъ, у насъ начались лекціи.

Онъ рѣшается сказать:

— Очень обидно, что ваша сестрица бросила архитектуру. Она такъ талантлива, могла сдѣлать большую карьеру.

— Да. Она точно такъ же бросила и музыку. А ей судили успѣхъ.

Туго подвигается наша бесѣда. Я вижу, что Власьеву не хочется со мной разстаться. Изъ кофейной Филиппова мы проходимъ на бульваръ. Онъ интересуется, пью ли я пиво. Въ его время студенты любили собираться въ пивнушкѣ вонъ тамъ на углу. Хотите?

Пивнушка довольно грязна. Бильярдъ накрытъ равнымъ зеленымъ коленкоромъ, маркеръ дремлетъ. За бутылкой дурного и крѣпкаго пива, къ которому намъ подали мятныхъ пряничковъ и кусочки воблы, разговориться легче. Оказывается, что мы съ Власьевымъ давно чувствуемъ другъ къ другу большую симпатію. Мы чокаемся и ласково смотримъ другъ другу въ глаза. У него глаза большіе, сѣрые и, дѣйствительно, немного грустные.

— Ваша сестра какъ то говорила, что вы — ея единственный другъ, что она къ вамъ очень привязана.

— Да. Это съ дѣтства. Я мальчикомъ любилъ ее, пожалуй, больше, чѣмъ мать. Насъ въ чуланъ вмѣстѣ сажали.

— За что же это?

— Меня такъ, за шалости, а ее со мной, чтобы мнѣ не было страшно. Мы и подружались.

Мнѣ пріятно хвастаться дружбой съ Катей. Власьевъ пьетъ горькое пиво и, кажется, немного хмелѣетъ. Смотря въ сторону, онъ говоритъ:

— Для васъ, вѣроятно, не новость, что я отношусь къ вашей сестрѣ съ исключительной... съ исключительнымъ..

Онъ не можетъ придумать слова. Я молчу.

— Или, скажемъ проще, я очень былъ... и есть... увле-

чень ею. Она объ этомъ знаетъ. Я могъ бы сказать, что я ее любилъ.

Я все-таки молчу. Пусть исповѣдуются, вѣроятно это ему нужно. Онъ продолжаетъ:

— Удивительная она женщина! Другой такой не можетъ быть. И не думаю, чтобы она была счастлива въ жизни.

И все-таки я молчу. Я самъ знаю, что такой женщины, какъ Катя, больше на свѣтѣ нѣтъ. А Власьевъ говоритъ:

— Я тоже несчастливъ. Вотъ я работаю по прежнему, и на курсахъ, и частнымъ образомъ. И все-таки — чортъ знаетъ, чѣмъ все это кончится! Можетъ быть удеру за границу года на два.

За третьей бутылкой онъ гладитъ меня по рукаву и нетвердо говоритъ:

— Когда испытаете съ мое — поймете. Меня поймете. А ее — ея никто не пойметъ. И я не понимаю; люблю — а не понимаю. За что меня такъ отталкивать? Развѣ я — дерзкій человѣкъ? Или развѣ я что позволилъ себѣ? Вотъ клянусь — никогда! Если бы она хотѣла, только бы одно слово сказала — вы понимаете, вѣдь я — человѣкъ свободный, и я молодой, у меня хорошее положеніе. Если бы я ей былъ противень, что ли, а вѣдь нѣтъ, я знаю. Она мнѣ сама говорила: вы мнѣ нравитесь, а только... А что только? Семья! Эхъ, какая тамъ семья! Мужъ ея — вѣдь всѣ про него знаютъ, да онъ ужъ и старъ. Вотъ вы — юноша и правдивый человѣкъ, и сестру любите — скажите: развѣ ея жизнь сладка? Развѣ ей такая жизнь нужна? Ну?

— Ей жить не легко.

— Вотъ! Какое пиво дрянное, въ голову бросается. Вы простите меня, что я такъ откровененъ. Мнѣ очень скучно, радъ, что васъ встрѣтилъ. Я на васъ, понимаете, переносу это чувство.

— Спасибо.

— Тутъ не опасиво, а... Вы вотъ скажите, что же мнѣ дѣлать?

— Не знаю.

— Не знаете... И я не знаю. Надо намъ еще спросить бутылку, хотя ужасная дрянь. Отвыкъ я отъ пива, что ли... Мнѣ, дорогой мой, такъ плохо, такъ плохо, что и сказать трудно.

Оказывается — я крѣпче Власьева, или больше привыкъ къ дрянному пиву. И такъ какъ я трезвѣе его, то я его немного презираю: тряпка! И эта тряпка, этотъ нытикъ несчастный, смѣлъ думать о Катѣ! А Катѣ нуженъ герой — если ей нуженъ ктонибудь.

— Эхъ, — говоритъ Власьевъ, — закатиться что ли. Хотите, закатимся куда-нибудь?

— Нѣтъ, я не хочу закатываться.

— Отчего? А впрочемъ — я вѣдь тоже не хочу, я только такъ, отъ тоски...

Мы выходимъ, и онъ говоритъ:

— Вы ей скажите, что я, Власьевъ, какъ былъ, такъ и теперь...

— Ничего я ей не скажу.

— Что? Вы не хотите?

Я зло и грубо отвѣчаю:

— Я не почтальонъ. Хотите — скажите сами.

Онъ трезвѣть:

— Ну, зачѣмъ же такъ. Вы меня простите, я не хотѣлъ. Только вѣдь какъ же я могу сказать. Ъхать къ ней я не смѣю, и писать нельзя — она мнѣ запретила. Случайно?

— Ну и не смѣйте. А меня это не касается.

— Вонъ вы какой...

— Да ужъ такой.

Мы идемъ молча. На перекресткѣ я подаю руку и говорю:

— Мнѣ здѣсь направо, до свиданья.

Власьевъ молча прощается. Онъ, повидимому, смущень, или раскаивается, что былъ такъ откровененъ. Я

же не очень понимаю, почему я ему нагрубилъ. Но онъ сталъ мнѣ противенъ. Какъ онъ смѣлъ думать о Катѣ? Катя — королева, а онъ кто? Пусть закатывается, куда хочеть, или пусть ѣдетъ за границу. Да не поѣдетъ — и такъ пройдетъ! А я считалъ его раньше сильнымъ человѣкомъ... «Не смѣю!» Еще бы осмѣлился!

Въ душѣ у меня растетъ гордость Катей. Люблю ее до слезъ — и чту ее, какъ святую. Никто не достоинъ Кати, нѣтъ такого человѣка! Всѣ -- Иваны Иванычи. Развѣ мы можемъ понять ее?

А можетъ быть я потому разсердился на Власьева, что я самъ виноватъ: позволилъ произносить имя Кати въ грязной студенческой пивнушкѣ!

ПОСЛѢДНИЙ ГОДЪ

Если вдуматься хорошенько, то вѣдь всѣ эти впечатлѣнія, которыя я стараюсь сейчасъ выдвинуть на первый планъ, въ дѣйствительности были для меня, по тому времени, второстепенными. Въ центрѣ жизни стоялъ я самъ, и для меня смѣнялась ночь днемъ, и для меня листки календаря мелькали черными и красными цифрами. Есть ли такой маленькій человѣкъ, для котораго ось міра не проходитъ черезъ его бытіе? А ужъ въ молодости — и говорить нечего!

Удивительно, какъ быстро и незамѣтно пришла и ушла моя сознательная, взрослая жизнь. Каждому есть что вспомнить и чѣмъ похвастаться, -- а мнѣ, пожалуй, нечѣмъ. Необычны и сложны были въ ней только послѣдніе годы — пора революціи и бѣженства. Но они для всѣхъ были сложными и необычными. Такихъ біографій — десятки тысячъ, это даже не тема для разсказа. И, кажется, я поступаю правильно, не осложняя моей повѣсти о сестрѣ собственными своими переживаніями: они ни въ комъ-не пробудятъ любопытства.

Наступилъ послѣдній годъ моего студенчества. Я не жилъ больше съ Мартыновымъ и даже почти съ нимъ не встрѣчался. Не удалось бѣдному Мартынову изжить отцовское наслѣдіе: онъ опустился окончательно, пилъ безъ просыла и кончилъ, какъ кончало немало способныхъ русскихъ людей: сгорѣлъ отъ вина. Онъ, кажется, и университета не кончилъ, хотя точно не помню, настолько рѣзко разошлись наши пути. И въ послѣдній годъ я жилъ одинъ, много занимался и у сестеръ бывалъ рѣдко, больше у Лизы, жизнь которой ни въ чемъ не измѣнилась: пирожки, салфеточки, «мой мужъ», маленькій кругъ знакомыхъ, солидныхъ, удовлетворенныхъ своимъ бытомъ. Къ двадцати пяти-шести годамъ Лиза была уже совсѣмъ почтенной женщиной, ни въ чемъ не усомнившейся, нашедшей свою линію разъ навсегда.

Въ Сокольникахъ, у Кати, внѣшнихъ перемѣнъ тоже не было; только случилось, что какъ то сразу выросли ея дѣти. Володя заговорилъ скрипучимъ баскомъ, Леночка неуклюже вытянулась. Раньше дѣтей не было видно — теперь они появились за обѣдомъ и даже сидѣли съ нами по вечерамъ. И еще обнаружилось, что между ними и матерью существуютъ какія-то сложныя, словно бы таинственныя отношенія, что Лелечка, у которой теперь уже не было больше ея важной няни, старается во всемъ подражать матери, а Володя относится ко мнѣ покровительственно, а къ матери съ отгѣнкомъ рыцарства: пододвигаетъ ей за обѣдомъ солонку, слѣдитъ за ея желаніями, приносить оренбургскій платокъ — если мать дѣлаетъ нервное движеніе плечами. Евгенийъ Карловичъ по прежнему исчезалъ по вечерамъ и рѣдко достаивалъ насъ бесѣды. Но и съ нимъ произошла перемѣна: онъ постарѣлъ и полинялъ. Можетъ быть все это произошло постепенно, но для меня было внезапнымъ открытіемъ. Вѣдь я и самъ въ этотъ годъ сразу выросъ и сталъ совсѣмъ взрослымъ человекомъ.

Исчезла — какъ не бывала — Катина мастерская: чер-

тежи, фотографіи, калька, свертки плановъ и проектовъ. Даже огромный столъ переѣхалъ въ комнату Володи и былъ теперь заваленъ его книжками. Цѣлый кусокъ Катиной жизни — лучшаго ея увлеченія — исчезъ безъ слѣда. Объ архитектурѣ она больше не упоминала. За то ожилъ рояль, но не для музыкальныхъ ея фантазій: Лелечка, подъ руководствомъ матери, играла гаммы и различивала легонькія сонатины Бетховена.

Однажды въ воскресный день я засталъ Катю въ необычной компаніи: за серьезной бесѣдой съ подростками, гимназическими товарищами Володи. Мой приходъ всѣхъ ихъ смутилъ; очевидно, со мной они не могли говорить такъ просто, какъ съ Катей. Сестра, тоже смущенная, сказала:

— Мы тутъ разсуждаемъ о высокіхъ матеріяхъ; можетъ быть ты къ намъ присоедилишься?

— А о чемъ именно?

— Да вотъ говорили объ Ибсенѣ — о «Норѣ» и о «Строителѣ Сольнесѣ».

Мнѣ было стыдно признаться, что я читалъ только «Нору» — и не могъ бы поразить мальчиковъ своей студенческой мудростью. Поэтому я уклонился, сказавъ, что это «не по моей части» и что я пройду пока наверхъ. Повидимому я все-таки помѣшалъ бесѣдѣ, такъ какъ скоро сестра пришла ко мнѣ.

— Очень славно съ ними! Они такъ увлекаются и говорятъ столько милыхъ и наивныхъ словъ.

— Они тебя не стѣсняются?

— По-моему -- нѣтъ. Мы такъ подружились съ Володей, а онъ среди нихъ — авторитетъ. Я ничего имъ не проповѣдую, больше слушаю.

— У тебя педагогическія способности.

— Нѣтъ, Костя, ты это не такъ понимаешь. Мы дѣйствительно дружны. Разумѣется я среди нихъ -- старуха; но меня эти разговоры увлекаютъ. Ты подумай: вѣдь мальчики, а какъ они серьезны и какъ все понимаютъ!

Разумѣется — они прямолинейны, даже немножко беспощадны. Сегодня одинъ изъ нихъ, ты замѣтилъ — бѣлокурый, онъ постарше другихъ — сказалъ, что «Нора» — порядочная мѣщанка, и что тутъ настоящей драмы нѣтъ. По-моему — не глупо. Но особенно ихъ увлекаетъ «Строитель Сольнесъ». Стоитъ послушать ихъ разговоры.

— Ты, Катя, очень подружилась со своими ребятами.

— Да. Особенно съ Володей. Лялька еще мала. Но знаешь, что я замѣчаю? Лялька къ десяти годамъ будетъ гораздо мудрѣе, чѣмъ я была въ семнадцать, когда кончала гимназію. Откуда это у нея — не понимаю. Она какъ то и къ кукламъ равнодушна.

— А ты играла, уже выйдя замужъ.

— Да, помню, для меня куклы были особымъ чудеснымъ міромъ. Лучшаго міра у меня и не было.

— А міръ музыки?

— Да, пожалуй, и это. Но я въ звукахъ жила, а вотъ Лялька, какъ ни мала, а смотритъ на музыку, какъ на работу. Можетъ быть это и нехорошо. Но у нея прекрасный слухъ, и она очень прилежна. Не бывало случая, чтобы она плохо приготовила урокъ.

— Ну что-жъ, Катя, можетъ быть твои дѣти будутъ больше приспособлены къ жизни, чѣмъ мы съ тобой.

— Чѣмъ я — конечно. Твоя жизнь, Костя, только начинается.

— Начнется она скучно. Вотъ закупюрюсь въ провинціи, службу возьму — и все.

— Ты когда то мечталъ о писательской карьерѣ.

— Когда то мечталъ. Мечтать, Катя, не возбраняется. Развѣ ты не мечтала о самостоятельной работѣ, объ архитектурѣ, а то раньше объ оперѣ?

Катя отвѣтила испуганно:

— Да, но это было... съ этимъ, Костя, покончено.

— Навсегда?

— Навсегда.

Она подумала — и еще разъ увѣренно повторила:

... Навсегда!

Дѣти... О нихъ сестра говорила теперь постоянно: Не знаю, былъ ли это завѣтъ нашей матери; или сестра сама открыла для себя новую страницу жизни и новый интересъ, — но въ послѣдній годъ моей московской жизни я заставлялъ ее всегда съ Лелечкой или Володей. Съ Лелечкой онѣ что то шили, кроили, серьезно обсуждали или играли на роялѣ, съ Володей они казались заговорщиками. Къ Володѣ я даже нѣсколько ревновалъ сестру, она нашла въ немъ друга, на смѣну мнѣ.

Въ концѣ зимы серьезно заболѣлъ Евгений Карловичъ. Онъ лежалъ недѣли три, и вдругъ оказалось, что этотъ холодный и какъ бы чужой въ семьѣ человекъ, — такой же беспомощный ребенокъ, какимъ была Лелечка, не хотѣвшая ѣсть каши.

Онъ стоналъ, жаловался, его комнаты перестали быть святилищемъ, къ нему приносили подносы съ куринымъ бульономъ и пузырь съ горячей водой. Сестра проводила ночи у его постели — и было странно думать, что вотъ все-таки она, а не какая другая женщина, на примѣръ, не та, которую мы встрѣтили на цыганскомъ концертѣ, поправляетъ ему подушки, ставитъ ему компрессы и отмѣчаетъ его температуру. Я видѣлъ, что сестрѣ тяжело и что больной капризенъ и порою грубъ съ нею. Совсѣмъ случайно, ночуя у нихъ, я подслушалъ однажды его больной и рѣзкій окрикъ. Не знаю, каковъ былъ поводъ — вѣроятно и не было никакого — но до меня ясно донеслась его фраза, визгливая и истерическая:

— Ну и оставь меня въ покоѣ, и ступай къ своему Власеву!

Я замеръ отъ ужаса и отвращенія. Если бы Евгений Карловичъ не былъ боленъ, я, вѣроятно, бросился бы на него съ кулаками. Голосъ его умолкъ, затѣмъ я слышалъ, какъ сестра ушла къ себѣ въ комнату, сосѣдную съ моей, и какъ все въ домѣ умерло.

Пусть больной — но какъ онъ смѣетъ! Я дрожалъ отъ

волненія и рисоваль себѣ картину какой то страшной мести, придумываль рѣзкія, обличающія слова, которыя я крикну этому противному старику, изломавшему жизнь моей сестры.

Не постучавъ, вошла Катя.

— Костя...

— Я не сплю, Катя. Что ты?

— Ты не спишь... Костя, я сейчасъ уѣду, мнѣ нужно немедленно уѣхать. Ты поѣдешь со мной?

— Куда?

— Я не знаю. Я не могу больше здѣсь жить. Я тебѣ потомъ скажу...

Катя старалась говорить спокойнымъ голосомъ, но я видѣлъ, что она дрожитъ отъ волненія. Я сказалъ:

— Я ѣду съ тобой, куда хочешь. Можно пока поѣхать ко мнѣ, а потомъ... я не знаю... вѣрно ты поѣдешь къ мамѣ? Я сейчасъ встану, Катя.

Она вышла, а я сталъ поспѣшно одѣваться. Куда намъ ѣхать ночью? Даже и извозчика въ Сокольникахъ ночью не найти. И вообще — что же это такое будетъ! И въ то же время непременно нужно рѣшительно отвѣтить на грубость, на эту дикую выходку Евгенія Карловича. А какъ же онъ останется одинъ, больной? Ну, это ужъ его дѣло! Катя знаетъ лучше.

Я слышалъ, какъ въ Катиной комнатѣ выдвигались ящики комода и шуршали по полу ремни чемодана. Потомъ сразу все стихло. Одѣтый, я ждалъ. Прошло съ полчаса. Тогда я рѣшился войти къ Катѣ. Она сидѣла на постели и смотрѣла на вещи, лежавшія на полу. Когда я вошелъ, она улыбнулась и сказала ласково и виновато:

— Прости меня, Костя. Конечно, я никуда не поѣду. И некуда. Прости меня! Я не сдержалась, и это очень худо.

— Я вѣдь все слышалъ, Катя. То есть я слышалъ одну фразу.

— Ну, и все... Ложись, милый, и прости меня.

— Но можетъ быть, Катя, и правда лучше тебѣ уйти совсѣмъ?

— Нѣтъ, Костя. Какіе пустяки! И онъ больной. У меня уже прошло...

Въ глубинѣ души и я думалъ, что такъ лучше. Главное, — думалъ я, — извощика нѣтъ, какъ же безъ извощика? Сейчасъ мнѣ это казалось самымъ важнымъ. Если бы днемъ — тогда гораздо проще...

Катя вышла, потомъ на минуту вернулась что-то взять, потомъ я услыхалъ въ комнатѣ мужа ея обычный, спокойный и ровный голосъ. Вотъ она сошла внизъ — за горячей водой для пузыря. Мнѣ остается пойти къ себѣ и лечь спать. Какая сильная Катя! А можетъ быть наоборотъ — она слишкомъ слаба для такого рѣшительнаго шага? Какъ ей трудно...

Онъ всталъ худымъ и постарѣвшимъ. Въ ихъ отношеніяхъ ничто не измѣнилось. Поправившись, онъ опять сталъ проводить свои вечера въ городѣ.

Наступила весна — пора моихъ государственныхъ экзаменовъ. Они не были мнѣ страшны, — но все же о визитахъ къ сестрѣ нельзя было и думать. Я приближался къ преддверію самостоятельной жизни.

Я думаю, что наши души съ сестрой были связаны невидимыми нитями. Въ тѣ дни, когда она рвалась куда то и требовала отъ жизни многого, — и я былъ мечтателемъ, и мнѣ хотѣлось перегнуть судьбу и овладѣть ея путями. Но вотъ Катя успокоилась — нашла что то, или надумала; и странный, неожиданный покой вошелъ въ мою жизнь. Изъ многихъ юношей, бывшихъ моими сверстниками, я могъ бы назваться тогда самымъ уравновѣшеннымъ и самымъ увѣреннымъ въ томъ, что звѣзды на небѣ свѣтятъ для всѣхъ, но не всѣмъ суждены полеты. Я сознательно готовилъ себѣ маленькую жизнь — и уже занесъ ногу на первую ея ступеньку.

КОНЕЦЪ

Какъ будто бы мы долго гуляли вдвоемъ въ горахъ, и вотъ, на склонѣ дня, простились на высококомъ холмѣ, откуда на двѣ стороны видны двѣ долины: тажъ — кучка домиковъ, здѣсь — городокъ твоего бытія. Прощай!

Разойдясь, мы аукаемся, пока эхо горъ доносить звукъ. Затѣмъ наши голоса замираютъ, и мы молча спускаемся каждый по своему склону — къ своей судьбѣ. День гаснетъ, въ домикахъ зажглись огни. Дружба не забыта, но умъ каждаго изъ насъ уже занятъ заботами своей долины.

Прощаясь, мы не могли думать, что больше не увидимся никогда. Это просто какъ то не приходило въ голову. Мы были молоды, и мы привыкли къ встрѣчамъ и разставаньямъ. Сестра пріѣхала на вокзалъ проводить меня, мы обнялись и пожелали другъ другу лучшаго. Она увѣряла:

— Ну, ты долго не засидишься у мамы: затоскуешь по Москвѣ!

И я думалъ, махая ей изъ окна вагона шляпой:

— Безъ Москвы трудно! Здѣсь много осталось милаго.

Я засталъ мать больною; за послѣдній годъ она очень ослабѣла и почти ослѣпла, уже не могла писать писемъ и поручала это мнѣ. Она мечтала объ одномъ: чтобы я пожилъ съ нею до ея смерти. А что дни ея не будутъ долги — мать хорошо сознавала. И еще она хотѣла, чтобы я женился.

— Ты мой послѣдній. Повидать бы и отъ тебя внука — да и на покой!

Я не буду рассказывать о своей жизни. Только скажу, что я оказался послушнымъ сыномъ и что мечта моей матери исполнилась: она умерла вскорѣ послѣ того, какъ я сталъ отцомъ.

Изъ многихъ смертей, которыя мнѣ довелось оплакивать, смерть матери была самой легкой и самой понятной. Когда, много позже, я потерялъ жену, съ которой прожилъ долгіе годы мирно и любовно, и почти тогда же потерялъ сына, убитаго въ гражданской войнѣ, — я и ихъ смерти принялъ, какъ тяжкое, но возможное, оправданное жизнью. Вспоминая о нихъ, я не задаю себѣ вопроса: «зачѣмъ они жили и за что погибли?» Моя жена умерла въ тягчайшій годъ Россіи, -- и быть можетъ для нея лучше, что ей не пришлось скитаться по чужимъ землямъ, какъ приходится мнѣ. Сынъ мой знаетъ, на что идетъ; его не удерживалъ — да и не могъ бы. Ихъ судьба мнѣ понятна.

Но не понятной и ничѣмъ не оправданной кажется мнѣ судьба моей сестры.

Разставшись, мы рѣдко переписывались, особенно съ тѣхъ поръ, какъ выяснилось, что я останусь въ провинціи, гдѣ уже нашелъ службу, и что я женюсь. Въ этихъ рѣдкихъ письмахъ сестра писала мнѣ только о своихъ дѣтяхъ — ничего о себѣ. Когда у меня начались свои заботы — перениска наша невольно оборвалась. Такъ прошло года три.

И вотъ однажды я получилъ письмо отъ своего племянника, Володи, который уже кончалъ гимназію, — письмо коротенькое, хорошее, умное и почтительное. Онъ писалъ между прочимъ, что мама его очень больна, что она часто вспоминаетъ обо мнѣ и просила его мнѣ написать. Скоро ей будутъ дѣлать серьезную операцію, исходъ которой трудно предвидѣть.

Письмо Володи очень меня опечалило, и я просилъ его написать мнѣ о томъ, какъ сойдетъ операція и что это за болѣзнь. Онъ вскорѣ отвѣтилъ, что все пока сошло благополучно, если не будетъ рецидива, и что предполагають ракъ.

Я съ удивленіемъ вспоминаю, какъ мало мѣста въ моихъ мысляхъ заняла болѣзнь сестры. Моя личная жизнь

текла ровно и однообразно, въ маленькихъ заботахъ, въ такихъ же маленькихъ радостяхъ; дни тянулись долго, — мѣсяцы же мелькали незамѣтно. Да какъ то и умъ не мирился съ мыслью, что болѣзнь Кати можетъ имѣть роковой исходъ, что смерть не всегда ждетъ старости, а косить и молодыхъ, — да не такъ ужъ и молода моя сестра, уже ушли ея лучшіе годы. И мнѣ казалось, что вотъ все это разъяснится, а можетъ быть уже и прошло. Въ тихой жизни всегда охотно гонишь тревожащія думы. День прошелъ — и прекрасно; пусть и завтрашній пройдетъ такъ же тихо и безболѣзненно, а тамъ еще день. Довлѣтъ дней злорада его!

И я долго не могъ понять весь смыслъ новаго письма Володи, которое принесъ почтальонъ вмѣстѣ съ газетами и обычными повѣстками:

— «Дорогой дядя! Мама умерла вчера послѣ повторной операціи. Послѣдніе мѣсяцы она очень страдала, и смерть была для нея избавленіемъ. Мы въ большомъ горѣ. Подробнѣе написать тебѣ пока не могу».

Это было весной. А весна въ нашихъ краяхъ такъ хороша. Весна у насъ долгая, ласковая, душистая. Рѣка вскрывается, потомъ теплые дожди, потомъ цвѣты, бѣлые, лиловые, всякіе, и много ихъ. Цвѣтетъ сначала черемуха, послѣ сирень, и еще позже липа. Потихоньку наступаетъ лѣто, тоже прекрасное, осторожное — не сразу жара. У насъ и осень хороша, и даже зима — сухая, чистая, морозная. Въ нашихъ краяхъ и смерть не кажется зломъ и обидой, а кажется сномъ, неизбѣжнымъ, когда гѣло устало жить. Хотъ и непонятно: зачѣмъ нужно судьбѣ, чтобы иные люди проходили мимо счастья — прямо къ вѣчному покою...

.....

Такъ умерла моя любимая сестра.

Если бы я былъ заправскимъ писателемъ и хотѣлъ создать художественный образъ, — я бы, вѣроятно, постѣс-

нялся такъ подробно повѣствовать о женщинѣ, ничего въ своей жизни не сотворившей, не угадавшей своего пути, даже не сумѣвшей выковать свою долю счастья. Я хорошо знаю, что моя сестра — не героиня романа, не только современнаго, но и по тогдашнимъ временамъ. Но эти записки — не выдумка, а только дань памяти, братскій долгъ, — безъ попытки забавить читателя занимательнымъ чтеніемъ.

И я знаю: то, что раньше порождало сомнѣнія и создавало неразрѣшимыя душевныя драмы, — то сейчасъ едва вызываетъ улыбку. Жизнь такъ измѣнилась: внѣшне стала гораздо сложнѣе, а внутренне — много проще. Сейчасъ женщинѣ все открыто и доступно; ей не къ чему ломать свою жизнь только изъ-за того, что ей не вѣренъ нелюбимый мужъ, или что человекъ, который ей нравится, не похожъ на созданнаго мечтою героя.

И только одного я не знаю: точно ли нынѣшняя, духовно-упрощенная и независимая женщина счастливѣе прежней, сжимавшей свою волю обручемъ семейныхъ обычаевъ и обязанностей, боявшейся продешевить себя и свою жизнь? Наблюдаю, приглядываюсь — а не знаю, не увѣренъ, не могу рѣшить... Мнѣ все кажется, что въ образѣ жены и матери, болѣе способной на жертву, чѣмъ на сопротивленіе, есть какая то своя особая цѣнность, какъ въ картинѣ стараго мастера. Правда, эта чистота и эта цѣльность сейчасъ на житейской биржѣ не въ спросѣ.

Но вѣдь и всѣ мы, люди старые, люди прошлаго, теперь не въ спросѣ и никому не нужны. Намъ пора въ исторію, если въ ней найдется для насъ мѣсто. И только одинъ упрекъ я могъ бы сдѣлать современности: она не угодовала для насъ спокойнаго ухода, она заставляетъ насъ — въ послѣдніе наши дни — переживать непосильное. Въ сто мирнаго ухода — она сдѣлала насъ участниками трагедіи, которая не по плечу и многимъ молодымъ. Это жестоко — но что же дѣлать!

ЛИСТВЕННИЦА

Моя повѣсть о сестрѣ кончена.

Я разсказаль о ней то, что зналь и что видѣль. Видѣль я и зналь, конечно, не все, только очень малое. Какъ ни были мы съ нею дружны и близки, — а въ душу къ ней я заглянуть не могъ. Я и слезы ея видѣль только разъ — на рѣкѣ, въ предразсвѣтѣ, когда она не ждала свидѣтелей. Сколько ихъ пролито — не знаю. И я, плохой другъ и мечуткій братъ, не знаю, бушевали ли бури въ душѣ бѣдной моей сестры, или она умѣла сдерживать ихъ, какъ не всегда удается и сильному мужчинѣ. Она для меня во многомъ осталась загадкой, моя бѣдная Катя.

Часто, особенно теперь, когда я совсѣмъ одинъ и старъ, — думая о сестрѣ, я вижу ее ясно, и дѣвочкой, и взрослой, и такой, какою самъ ее наблюдаль, и даже такой, о какой зналь только по семейнымъ разсказамъ особенно материнскимъ.

Бойкій ребенокъ, все перенимающій у взрослыхъ, дѣвочка съ рано проснувшимся чувствомъ материнства, подростокъ, зачарованный поклоненіемъ настоящаго большаго человѣка и отдавшій ему жизнь, оскорбленная женщина, себя же и покаравшая за это оскорбленіе, даровитый человѣкъ, бросившій вѣтру свои дарованія, подвижница, принявшая посвященіе и ушедшая въ заботы о дѣтяхъ и о нелюбимомъ мужѣ. Такъ я о ней думаю — но развѣ я зналь ее по-настоящему? Трудно понять цѣликомъ русскую женщину!

Вотъ она плачетъ на сундукѣ, сидя со мной въ чуланѣ. Вотъ она крутитъ локонь на вискѣ, упрямо повторяя фразу изъ учебника Иловайскаго. А вотъ — таинственно ходитъ на цыпочкахъ, рѣшаетъ что то очень важное. Вотъ она, уже замужня дама, грозитъ пальцемъ куклѣ:

— Ага, ты не хочешь слушаться мамы? Тебѣ не нравится красный бантикъ?

А вотъ она въ моей студенческой комнатукѣ, среди юныхъ своихъ поклонниковъ, общій кумирь, королева въ бумажной коронѣ. И вотъ — лѣвица божьей милостью, будущій архитекторъ, слабья женщина, испугавшаяся любовной тѣни. И опять — безудержныя слезы въ утреннемъ туманѣ, первый сѣдой волосъ, разговоръ о «Норѣ» съ товарищами сына. И такая ранняя, такая жестокая смерть, послѣ столькихъ страданій — за что?

Въ годъ смерти сестры, поздней весной, мы съ женой уѣхали въ деревню. Жена была такъ ласкова ко мнѣ, такъ помогала мнѣ изжить горе, — а было на ней немало заботъ о первомъ ребенкѣ. Мы прожили три мѣсяца въ крестьянской избѣ, отдыхая душой, никого не видя изъ людей городскихъ. Мнѣ не легко было выговорить себѣ такой длительный отпускъ, и мы рѣшили использовать его хорошенько. Жили, какъ лѣсные люди, питаюсь ягодами, огородными овощами, да немного моей охотой. И мы, дѣйствительно, нашли въ природѣ и утѣху, и новый запасъ здоровья для будущаго. Лѣто удалось прекрасное.

Однажды, помню, я ушелъ поутру съ ружьемъ въ лѣсъ, объщавъ женѣ принести если не какую дичину, то хоть корзину смородины и малины; она, какъ обычно, осталась дома съ ребенкомъ и по хозяйственнымъ хлопотамъ: прополоть гряды, починить бѣлье, приготовить завтракъ. Я забрелъ далеко и вышелъ на небольшую незнакомую поляну. Посреди поляны росла лиственница, раскидистая, ясная, свѣтлая; и трава была здѣсь не тронута ни челомъ, ни звѣремъ. Я остановился въ восхищеніи — и прислушался: къ такой картинѣ нужна особая музыка. И вотъ изъ лѣса донеслась до меня эта музыка — голосъ тоскующей горлинки. Иныя птицы щебечутъ, другія насвистываютъ, третьи просто поютъ, — и только про горлинку народъ говоритъ ласково и трогательно: она тоскуетъ.

И то ли въ свѣтлой красотѣ одинокой лиственницы, то

ли въ жалобѣ горлинки я почувствовалъ близкое вѣянье души моей сестры Кати. И хоть я не суевѣрный человекъ, попросту — невѣрующій, а въ ту минуту готовъ былъ повѣрить, что ея душа здѣсь, совѣмъ рядомъ, порхаетъ надъ травой или яснится въ зеленомъ нарядѣ свѣтлаго дерева. И я стоялъ долго, не смѣя пошевелиться, и горюя по ней, и радуясь нашей солнечной встрѣчѣ.

Послѣ, возвращаясь домой по лѣсной тропѣ, и безъ дичи и съ пустой корзинкой, я искалъ словъ, чтобы объяснить, почему жизнь моей сестры не удалась, и почему на ея долю не досталось того, что къ другимъ само приходитъ, безъ зова и безъ мучительныхъ ожиданій?

Но такихъ словъ — чтобы ими на всѣ думы отвѣтить — я найти не могъ. Только до одного я тогда додумался уже у самой опушки лѣса, за минуту до того, какъ завидѣлъ нашъ деревенскій домикъ; додумался — и сказалъ себѣ вслухъ, какъ любилъ говорить въ лѣсу:

— Не всякій, рожденный для любви, любовь свою находитъ, потому что время не ждетъ, а усталость подкрадывается къ намъ незамѣтно.

Мих. Осоргинъ.

Послѣдніе и Первые

(Главы изъ романа).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

20 сентября 1928 года, утромъ, между девятью и десятью часами, случились три событія, положившія начало этой повѣсти: Алексѣй Ивановичъ Шайбинъ, одинъ изъ многочисленныхъ героевъ ея, появился у Горбатовыхъ; Вася, горбатовскій сынъ, дѣтище Степана Васильевича и Вѣры Кирилловны и сводный братъ Ильи Степановича, получилъ письмо изъ Парижа, отъ пріятеля своего Адольфа Келлермана, съ важными извѣстіями объ отцѣ; и, наконецъ, на ферму Горбатовыхъ, въ широкую долину департамента Воклюзъ, пришелъ нищій странникъ съ поводыркой.

Имени этого человѣка никто не зналъ. Кто онъ былъ? Какой дорогою пришелъ къ нынѣшнимъ своимъ странствованіямъ? Въ прошломъ году, весной, проходилъ онъ здѣсь, и его уже знали въ окрестности; тогда еще былъ онъ зрячъ, шелъ одинъ, надвинувъ на глаза старую кубанку, пыля бѣлой пылью и кланяясь встрѣчнымъ. Онъ долго бесѣдовалъ съ Ильей и съ самой Вѣрой Кирилловной, пѣлъ, ужиналъ, заночевалъ. Но по утру ни Вася, ни сестра его Марьянна странника уже не видѣли. Онъ ушелъ на зарѣ, благословивъ домъ, садъ, хлѣвъ, гдѣ стояли волы, и чердакъ, гдѣ спалъ Илья. Говорили потомъ, что ушелъ онъ на западъ, а вѣрнѣе, что и на юго-западъ, за Тулузу, къ казакамъ, осѣвшимъ въ тѣхъ краяхъ.

Теперь онъ былъ слѣпъ, и та же кубанка сползала ему на косматыя брови. Сивій рубецъ шелъ поперекъ лица, борода не росла на щекахъ; видно было, что нѣкогда полковой врачъ зашилъ ему лицо наслѣхъ, кое-какъ приладивъ оборванные куски немолодой, смуглой кожи. Былъ онъ высокъ, грозно худъ, его штаны военного образца во многихъ мѣстахъ были въ красныхъ заплаткахъ — возможно, что то были куски чьихъ-то тоже военныхъ штановъ, но французскихъ, нѣкогда знавшихъ защиту Вердена. Странникъ шелъ, положивъ сухую, жесткую руку на плечо поводырки. Это была черноглазая дѣвочка лѣтъ двѣнадцати и звали ее Анята.

Они остановились у воротъ и старикъ снялъ шапку. Дѣвочка заглянула за низкую каменную ограду. Тамъ увидѣла она фруктовый садъ, гряды, домъ съ пристройками, частью закрытый коренастыми ивами. Въ тишинѣ и прохладѣ утра стоялъ онъ низкій, выжженный солнцемъ за долгое лѣто, съ крыльцомъ, обращеннымъ на сѣверъ, съ приземистымъ окномъ кухни. Вправо отъ дома шелъ огородъ съ тусклымъ стекломъ парниковъ, съ таинственными зарослями спаржи, а дальше, за синею тѣнью неживыхъ кипарисовъ, простирались вспаханныя поля, готовые къ озимымъ.

Это было человѣческое жилье, созданное какъ бы не въ борьбѣ съ природой, а за одно съ ней. Солнце было уже высоко въ безмятежномъ небѣ и птицы быстро пролетали въ его блескѣ, словно прошивали его мгновенной, краткой иглой.

Вася и Марьянна подошли къ самымъ воротамъ, хотя дѣла у обоихъ было по горло; круглыя соломенные шляпы, твердыя, какъ жость, сдвинули они на затылокъ, руки ихъ были въ землѣ.

-- Вы бы спѣли чтонибудь, — сказала Марьянна, откуда вы? -- И она стала разглядывать Аняту, ея длинную пеструю юбку, тонкую ленточку, завязанную вокругъ головы.

. Странникъ поклонился низко, неторопливо.

— Съ Дордони, милая барышня, — сказала онъ, — съ Дордони идемъ на югъ, на Сіань-рѣку, въ жаркія мѣста, къ добрымъ людямъ, а весною обратно, къ своимъ, дѣтывать. А тамъ — что Богъ пошлетъ. Намъ знаютъ.

Вася подошелъ еще ближе, лицо его было въ поту.

. А зачѣмъ это вы ходите? — спросилъ онъ.

Анюта испуганно взглянула на него. Сердце ея забилося отъ страху, что придется уйти и не увидѣть того, къ кому шли, ради кого сдѣлали крюкъ въ сторону отъ шоссе, мимо рѣки и мельницы. «Какъ могутъ эти люди спрашивать! Какъ смѣютъ!» — подумала она.

— Ходимъ мы, голубчикъ мой молодой, — отвѣтилъ странникъ, — потому что стары да слѣпы работать. Добрымъ людямъ поемъ, съ добрыми людьми бесѣду всдемъ и на Господа Бога своего не жалуемся.

Марьянна слегка пожала плечами и усмѣхнулась.

— Почему вы такъ странно говорите? Намъ говорили, что вы образованный человѣкъ. не то священникъ.

Анюта въ тоскѣ бросилась къ старику.

— Дѣдушка, пойдѣмъ, дѣдушка! — зашептала она, дергая его за рукавъ. — Пойдемъ, дѣдушка милый, въ другой разъ придѣмъ!

Нишій взялъ ее за плечо, но не пошелъ, куда она его тянула, — онъ сдѣлалъ два шага къ оградѣ, проводя палкой глубокую борозду въ придорожной пыли.

— Неправду сказали вамъ, добрая барышня, — отвѣтилъ онъ, и слюдяные глаза его заблестѣли, — я не священникъ. И ни докторомъ, ни инженеромъ не былъ тоже. Впустите насъ посидѣть на вашемъ крылечкѣ; въ вашихъ мѣстахъ, я знаю, крылечки всегда въ тѣнь смотреть, а если у Веры Кирилловны найдется для насъ водица, очень мы ей съ Анютой благодарны будемъ.

И онъ внезапно поклонился въ поясъ.

Марьянна открыла ворота, странникъ прошелъ между ней и Васей, Анюта вела его. Онъ шелъ величественно,

безъ той мрачной суетливости, которая столь часто при-
суща слѣпымъ. Медленно пошли они между грядами къ
дому; время отъ времени нищей поднималъ правую руку
съ худенькаго плеча Аниюты и крестилъ плавнымъ кре-
стомъ и гряды, и домъ, и кривые, обмазанные стволы
грушъ. Мъшокъ за его плечомъ висѣлъ неподвижно, мѣ-
шокъ былъ военный, какъ и штаны. Имени этого человѣ-
ка никто не зналъ.

Марьянна поглядѣла ему вслѣдъ, снова усмѣхнулась и
наклонилась къ торчащимъ изъ земли росткамъ.

— Что-жъ, поидемъ, послушаемъ, — сказалъ Вася, —
или тебя больше ничто ужъ и не касается?

Онъ вытеръ рукавомъ мокрое лицо и выжидательно
посмотрѣлъ на нее.

— Нѣтъ, не касается, — отвѣтила Марьянна неохотно.
— Миѣ нечего слушать. А ты иди.

Въ сонномъ лицѣ Васи что-то шевельнулось; онъ взгля-
домъ скользнулъ по марьянниной широкой спинѣ, по
сборчатой черной юбкѣ, деревяннымъ башмакамъ.

— А я письмо пынче отъ Адольфа получилъ, — ска-
залъ онъ угрюмо, — оно тоже тебя не касается?

Марьянна повернула къ нему скуластое, веселое лицо.

— Что-жъ онъ, зоветъ тебя?

— Зоветъ. Онъ объ отцѣ пишетъ. Приѣхалъ старый
Келлерманъ и хочетъ со мной свиданья. Отыскался отецъ,
большую должность занимаетъ.

Марьянна всплеснула руками и испуганно взглянула на
брата.

— Ай да Горбатовъ! — вскричала она. — Черезъ Кел-
лермана намъ вѣсть подаетъ, тебя сманить хочетъ!

Вася сѣлъ съ ней рядомъ, обхватилъ колѣни рукой.

— Пора мнѣ ѣхать, — сказалъ онъ твердо, — отецъ
зоветъ, требуетъ, чтобы хоть кто-нибудь изъ насъ вер-
нулся. Старый Келлерманъ сначала сталъ было Илью отъ
Адольфа требовать, да тотъ ему прямо сказалъ, что объ
этомъ и рѣчи быть не можетъ. А я... вѣдь я уже цѣлый

годъ какъ хочу туда, и Адольфъ меня зоветъ. Пишетъ, что въ два дня всѣ бумаги справятъ.

— Цѣлый годъ! — протянула Марьянна.

— Я и не обманывалъ. Мама это знаетъ, Илья знаетъ тоже. Не могу я здѣсь, мой путь домой, къ отцу, и здѣсь наши общія цѣли съ Келлерманомъ. — Онъ опустилъ голову. — Знаю, что Келлерману хочется отцу угодить, но не все ли равно, Марьянна? Я, можетъ быть, и безъ него бы поѣхалъ.

— Не поѣхалъ бы!

— Не знаю. Мнѣ здѣсь невозможно. Отецъ тамъ съ Келлерманомъ за одно работаетъ и сидѣнье наше здѣсь презираетъ. Поѣду — будутъ деньги, будетъ жизнь, какая захочу. Я эту не выбиралъ. И, знаешь, мнѣ необходимы, то есть совершенно необходимы корни.

— Илья говоритъ, что у насъ должны быть воздушные корни.

— Илья всегда скажетъ такъ, что не знаешь, что ему отвѣтить. А отецъ тамъ шишка, прислалъ Келлермана въ Парижъ торговать, черезъ мѣсяцъ обратно. Ты пойми, что я цѣлый годъ ждалъ этого, ждалъ, что отыщется Горбатовъ, позоветъ. Сколько Адольфъ меня томилъ!

— Это онъ и обработалъ тебя, онъ и посылаетъ за корнями. Подлецъ онъ, твой Адольфъ, да и Горбатовъ хорошъ! Выманиваетъ, соблазняетъ... Эхъ, Васька, автоматъ ты какой то, ей Богу! Я бы на мѣстѣ Ильи заперла тебя на чердакъ, да сама въ Парижъ бы отправилась, требовать, чтобы Келлерманы отступились. Если не оставятъ тебя въ покоѣ — жаловаться надо. Тутъ навозъ возить, а ты ѣхать!

Вася помолчалъ.

— И вправду, Вася, дай Ильѣ въ Парижъ съѣздить, дождись его. Все дѣло въ твоей безвольности. Тебя прельщаетъ, что въ два дня паспортъ готовъ, что, не смѣйся, прямой вагонъ до Негорѣлага ходитъ, я знаю. Старый Келлерманъ, видно, выслужиться передъ Горбатовымъ хо-

четь, сына ему сулить вернуть, сынку корни обѣщаетъ... Да лучше бы ужъ Горбатовъ пропалъ совсѣмъ, больше бы отъ него осталось. И неужели мама не говорила съ тобой?

— Мамѣ что говорить? Все, что она скажетъ, будетъ меньше того, что она дѣлаетъ. Если, говорить, ты не видишь, къ чему вся наша жизнь, не могу тебѣ помочь; если не понялъ, для чего мы такъ живемъ, — Бѣгъ съ тобой, когда поймешь — вернешься. А Горбатова, говорить, я проклинаю.

Вася всталъ и въ тоскѣ заломилъ руки.

— Уходи, — сказала Марьянна, пригибаясь къ землѣ, — права она. И починъ-то не твой, а мерзавцевъ, съ которыми Горбатовъ за одно. Уходи.

Вася подождалъ, но Марьянна не выпрямилась, и онъ медленно отошелъ отъ нея. Земля облѣпила ему деревянные башмаки. Онъ заложилъ руки за спину. Колебался, куда бы пойти, и неувѣренно пошелъ къ дому. Дверь кухни была широко раскрыта, Анюта сидѣла на порогѣ и тонкими пальчиками перебирала кисть темнаго, пыльнаго винограда. Изъ кухни доносился мѣрный, негромкій гулъ странника.

.....

Нищій сидѣлъ спиной къ окну за столомъ, положивъ на грубую скатерть вытянутыя руки ладонями внизъ. Онъ только что кончилъ ѣсть, посуда была убрана, хлѣбъ и сыръ были еще на столѣ. Анюта сидѣла на скамеечкѣ у двери, подпершись обѣими руками, то и дѣло взглядывая въ окно, словно поджидая кого-то. А напротивъ гостя, сложивъ руки и чуть склонивъ голову, сидѣла и слушала Вѣра Кирилловна Горбатова.

Ей было полныхъ сорокъ лѣтъ. Ранній бракъ, дѣти, сильная тайная страсть и крушеніе Россіи сдѣлали изъ нея то, чѣмъ она стала: высокая, темноволосая, съ темными сѣрыми глазами (у Марьянны эти же глаза были

отяжелены мохнатыми отцовскими бровями, у Васи они выцвѣли до отцовской мутной голубизны) — Вѣра Кирилловна все еще была прекрасна. Ни одного сѣдого волоса не было въ ея гладкой, простой прическѣ; руки ея, вотъ уже десять лѣтъ въ постоянной, тяжелой и жестокой работѣ, потеряли гибкость свою и нѣжный цвѣтъ и тотъ необычайный «материнскій» запахъ, который въ молодости распространяла она вся. Не запретная страсть отняла это необъяснимое благоуханіе; трудъ, не женскій — человѣческій трудъ и вотъ теперь — черная провансальская земля — лишили ея мягкія ладони молодости, которая еще такъ полно удержалась въ тѣлѣ. По воскресеніямъ въ городѣ многіе заглядывались на нее, когда шла она въ складчатомъ черномъ коленкоровомъ платьѣ, въ соломенной шляпѣ и городскихъ туфляхъ и чулкахъ, когда проходила она по главной улицѣ мимо табачной лавки, парикмахера, мясной и другой, конской, сопровождаемая высокимъ, свѣтловолосымъ юношей, въ нездѣшнимъ портнымъ сшитой пиджачной парѣ, съ лицомъ румянымъ, глазами синими, широкоплечимъ и длиннорукимъ. По воскресеніямъ, о, многіе смотрѣли на нее, любуясь ею и говоря:

— Смотрите, вотъ идетъ русская съ фермы. Она красива и молода. Этотъ юноша — пасынокъ ея, но у нея самой уже взрослые дѣти: дочку сватаетъ сынъ мясника, не того, а другого, конскаго, а сыну скоро двадцать лѣтъ, онъ образованъ, вѣжливъ и лицомъ похожъ на нее.

И многіе кланялись ей, узнавая ее, и она улыбалась имъ глазами, а свѣтловолосый юноша снималъ свою шляпу и надѣвалъ ее, или просто несъ въ рукѣ, и тихій воскресный вѣтеръ обдувалъ ему ясное лицо.

Вѣра Кирилловна сидѣла у стола въ широкомъ передникѣ, сложивъ руки, и слушала странника. Въ кухнѣ ставни были полуоткрыты, лучъ свѣта шелъ изъ окна, падалъ на очагъ, скамьи, шкафъ, на чисто выскобленную утварь и незадѣланный боченокъ помидоровъ. Паръ стоялъ надъ

плитой, въ высокомъ чанѣ варилось бѣлье, изъ подъ крышки кастрюли вырывался сладкій запахъ рѣлы и порея. Нищій говорилъ, и казалось, что охотнѣе всего поворачиваетъ онъ черное, слѣпое лицо съ неровной зеленоватой бородой къ Васѣ, стоящему у притолоки. И Вася, съ прилипшей къ губѣ папиросой, съ ранней морщиной между бровей, невольно ловилъ этотъ холодный, бессмысленный взглядъ, такъ не вязавшійся съ печальнымъ голосомъ слѣпого.

— Да благословить васъ Богъ, дорогіе друзья мои. Къ Пасхѣ мнѣ быть обратно. Не забуду я вашу доброту и найду къ вамъ на послѣднемъ моемъ пути проститься: не переживу я весны, пора мнѣ на долгій покой, на безслезное отдохновеніе. Вѣра Кирилловна, послѣдняя моя забота въ этой жизни — Анюта. Кто она, откуда, сказать не время и поручать ее кому либо сейчасъ рано: пусть походить со мной, поузнаетъ, какъ русскіе люди живутъ. А живутъ они сурово, чудно живутъ, — въ ветхозавѣтномъ трудѣ и христіанской мысли. Господи, благослови и помилуй!

Онъ перекрестился.

— О васъ же, Вѣра Кирилловна, особая молитва Богу: не ожидалъ я съ весны, что такъ окрѣпнете въ жизни своей, такъ обобьетесь. Пѣсню бы я вамъ спѣлъ, что на Дордони поютъ, по душѣ бы она вамъ пришлась. Ну прямо будто для васъ пѣсня.

— Спойте, — сказала Марьянна, садясь рядомъ съ Анютой.

— Для васъ, для васъ, милая барышня и для васъ, дорогой юноша, — обратился старикъ къ Васѣ. — Пѣсня эта отвѣтъ намъ даетъ, отвѣтъ русскимъ людямъ самый понятный, самый скромный. Держись, говоритъ она, держись, русскій человѣкъ!.. Пѣсня, вамъ я скажу втайнѣ, вродѣ какъ бы про Илью Степановича.

Вася усмѣхнулся.

-- Послушаемъ, — сказалъ онъ, складывая руки на груди.

Въ это самое время чья-то тѣнь прошла по окну, чья-то не слишкомъ быстро шагающая тѣнь, похожая на мужчину въ шляпѣ съ полями, высокаго, но сутулаго и словно бы съ недостаткомъ въ походкѣ. Вѣра Кирилловна подняла глаза. На крыльцѣ за Марьянной послышались чужіе шаги, — это былъ несомнѣнно мужчина, съ походкой неровной и даже усталой; это былъ Алексѣй Ивановичъ Шайбинъ, пріѣзжій изъ Африки.

Блѣдное лицо его было въ легкой испаринѣ, видно было по всему, что онъ пѣшкомъ изъ самого города и не первый день въ пути.

— Алеша! — вскрикнула Вѣра Кирилловна, — привставъ отъ стола. — Боже мой, Алеша!

— Здравствуйте, — сказалъ Шайбинъ, снимая шляпу и обнаруживая наполовину съдую голову, — такъ случилось, я пріѣхалъ раньше, чѣмъ хотѣлъ.

Наступила тишина. Анята пугливо метнулась къ нищему. Вѣра Кирилловна все стояла у стола, она чувствовала на себѣ взгляды Васи и Марьянны — они оба не могли не смотрѣть на нее въ эту минуту. Прошло сколько-то времени, Шайбинъ все еще стоялъ въ дверяхъ. Потомъ въ одно и то же мгновеніе они кинулись другъ къ другу. Онъ схватилъ ея руки и прильнулъ къ нимъ, и она съ внезапной осторожною мягкостью кротко и нѣжно поцѣловала его въ високъ.

— Кто это? — сказалъ вдругъ слѣпой, вставая.

Марьянна, стоявшая всѣхъ ближе къ старику, шепнула ему имя пріѣзжаго. Голова нищаго высоко запрокинулась, онъ нашелъ рукою плечо Аняты; она испуганная, печальная, прижималась къ нему.

— Куда вы? --- громко и твердо спросилъ вдругъ Вася, — куда уходите? Вы спѣть хотѣли. — Онъ сдѣлалъ два шага. Глаза его блестѣли.

— Вы должны спѣть, что хотѣли, я знаю, вы затѣмъ

и пришли. Марьянна, не пускай его, онъ долженъ слѣть.
— Вася былъ возбужденъ, всѣ это замѣтили.

Анюта бросилась къ дверямъ.

— На обратномъ пути нашемъ, Василій Степановичъ, дружокъ, нынче инья у вашего семейства заботы. Черезъ срокъ пройдемъ вашими мѣстами лѣтовать на Дордонъ, тогда исполнимъ долгъ нашъ, тогда много о чемъ поговоримъ и съ Ильей Степановичемъ встрѣтимся.

Марьянна отступила отъ двери.

— Черезъ срокъ! — вскричалъ Вася, — а до того столъкому бытъ! Время наше течетъ не по-вашему.

Но нищій уходилъ.

— Не тревожьтесь, нынче я къ вамъ не ко времени. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Анюта молча вывела его.

Пахли сухія осеннія травы; груши, румяныя и грубыя, качались надъ Анютиной головой.

— Нѣтъ его, дѣдушка, — шепнула она не оборачиваясь. — Дѣдушка, зря мы пришли, зря на шумъ попали. Не повидали мы Илью Степановича, дѣдушка.

Мягкая пыль дороги легла передъ ними; молча пошли они вдоль ограды. Здѣсь бѣжала Марьянна, здѣсь утромъ проѣзжалъ почтальонъ съ толстымъ письмомъ въ кожаной сумкѣ, здѣсь шелъ со станціи Алексѣй Ивановичъ Шайбинъ, человекъ пріѣзжій изъ Африки.

Въ это-то самое время Илья Горбатовъ и нагналъ ихъ.

Онъ выбѣжалъ откуда-то изъ-за огорода. Перепрыгнувъ черезъ ограду, онъ вынесся на дорогу. У него было обросшее свѣтлой шерстью лицо и синіе глаза, какіе бываютъ у дѣтей, глаза, которыми бредили дѣвушки всей округи.

— Стойте! — закричалъ онъ, — эй, стойте!

Странникъ остановился, Илья обѣими руками сжалъ его руку.

— Голубчикъ мой дорогой, дай мнѣ прижать тебя къ моему сердцу, — воскликнулъ слѣпой. — Не вижу тебя

больше, Ильюша мой родной, сталъ слѣлѣ и старѣ. И жить мнѣ не долго осталось — пули во мнѣ болятъ.

Илья, пораженный, молча стоялъ передъ старикомъ.

— Уходимъ мы, слѣшимъ, причина на то есть. Вотъ дѣвочка, о которой писали тебѣ. Анюта, глядь-ко, нагналъ онъ насъ, Ильюшечка нашъ. Не зря, значить, свернули мы съ тобой!

— Да куда же вы уходите? — вскричалъ, опомнившись, Илья. — Неужто на день остаться не можете? Да Вѣра-то Кирилловна видѣла васъ?

— Къ Вѣрѣ Кирилловнѣ гость, — ототого и ушли мы
Что за гость, откуда?

— Алексѣй Ивановичъ Шайбинъ, года четыре тому назадъ въ Парижѣ знать его пришлось.

— Шайбинъ пріѣхалъ! — вскричалъ Илья все болѣе волнуясь. — Постойте... А про письмо она вамъ не говорила?

— Нѣтъ, дружокъ дорогой, ничего не сказала, пообѣщала сказать, да видно не успѣла.

Илья схватилъ нищаго за рукавъ.

— Прошу васъ, вернитесь, вы и не знаете, что у насъ за событія: мнѣ, вѣрно, завтра въ Парижъ ѣхать, Горбатовъ отыскался, Васю сманивають.

Странникъ тихо качнулъ головой и положилъ руку на плечо Анюты.

— Не можемъ, — сказалъ онъ торжественно и вѣско, — оба не можемъ. Съ Алексѣемъ Шайбинымъ намъ никакъ невозможно.

Илья провелъ рукой по лицу и здѣсь словно въ первый разъ замѣтилъ Анюту.

— Здравствуй, дѣвочка, — сказалъ онъ, — такъ это ты мнѣ писала?

Анюта молча опустила голову, отъ волненія она ничего не могла отвѣтить.

— Ну что жъ ты, довольна теперь? — спросилъ онъ еще.

Она подняла на него темные, сияющіе глаза.

— Да, — сказала она, — но дѣдушка скоро умретъ, и тогда я работать буду.

Нишій погладилъ Анюту по головѣ.

— Когда я умру, Ильюша, Анюта до васъ доберется, — сказалъ онъ въ раздумьи, — только ты никому ее не давай.

Илья не посмѣлъ спросить, что значили эти слова.

— А Горбатовъ нашелся, — продолжалъ странникъ, — борись съ нимъ, борись за брата. Умень ты, Ильюша, о тебѣ у насъ на Дордони слава ходитъ.

Илья покраснѣлъ.

— О тебѣ тамъ пѣсня одна ходитъ, весной спою. Вѣрѣ Кирилловнѣ передай мой поклонъ. А что сестра?

— Замужъ выходить за француза.

— Ну? На землѣ будутъ?

— На землѣ.

— Тогда не страшно. Благословеніе Господне, земля одна.

— Брата береги, — сказалъ еще странникъ, — Шайбинъ помѣшалъ, я бы спѣлъ ему. Его тѣшить, что онъ въ игру попалъ, это видно. Судьбы своей боится.

— Многіе они своей судьбы боятся, — сказалъ Илья, — перепуганы нашей русской жизнью.

Илья въ внезапномъ безпокойствѣ нагнулся къ нищему.

— Я не могу простить Горбатову, — сказалъ онъ съ мукой, — не могу и не хочу простить ни прошлаго, ни настоящаго.

Лицо странника сразу стало суровымъ, носъ заострился, вздрогнули темные вѣки надъ слѣпыми глазами.

— И не прощай, — шелнулъ онъ едва слышно, — не надо. Будь суровъ, всего простить нельзя.

Илья никогда не видѣлъ его такимъ. Анюта испуганно смотрѣла на нихъ обоихъ.

— Чего ты боишься, дѣвочка? сказалъ Илья, и лег-

костью наполнилось его сердце: — разговоръ нашихъ не бойся.

— Она робкая, — и суровость все не сходила съ его лица. — Тебѣ писали о ней — сирота.

Они обнялись, и нищій пошелъ своей дорогой. Солнце было горячо и ярко, земля пустынна и тиха. И Ильч пошелъ къ дому. «Пріѣзжій изъ Африки, — повторилъ онъ про себя, — бывшій прекрасный человѣкъ», и страшная тревога прошла по сердцу его, когда онъ припомнилъ лицо Шайбина, четыре года тому назадъ мелькнувшее въ Москвѣ за окномъ вагона.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Было время, — да мало кто его помнитъ, — широкая долина между тремя старыми городами, изъ которыхъ одинъ назовемъ мы Сентъ-Дидье, было время, долина эта, какъ впрочемъ и многія другія мѣста въ округѣ, ходила за безцѣнокъ. Въ 1907 году, напримѣръ, на землѣ въ сѣверномъ Провансѣ не хватало рабочихъ рукъ. За гектаръ въ эти годы платили двѣ трети ϵ го настоящей цѣны — триста франковъ, въ то самое время, какъ рядомъ, въ сторону М., гектаръ приносилъ полторы, а то и двѣ тысячи въ годъ доходу. Не слишкомъ ли много сажали тогда картофеля и свеклы? Мѣстныя газеты первыя подняли этотъ важный вопросъ, за ними послѣдовало общество любителей сельскаго хозяйства департамента Воклюзъ, за нимъ подали голосъ содружество ревнителѣй скотоводства и союзъ провансальскихъ винодѣловъ. Свѣдушіе люди, въ нарочно для того издаваемыхъ книгахъ, обращали благосклонное вниманіе какъ владѣтелей земель, такъ и людей, землю арендовавшихъ, на исключительно выгодное расположеніе полузаброшенной долины. Писали о чудномъ ея климатѣ, о влажности ея, рѣдкой для тѣхъ мѣстъ, объ унижительной роли, предназначенной въ этомъ мѣрѣ

картофелю и свеклѣ. Тамъ, гдѣ сейчасъ наблюдаемъ мы одинъ изъ самыхъ благодатныхъ угловъ Прованса, гдѣ уже на нашихъ глазахъ процвѣла особая высокополезная промышленность — фабрика спаржевыхъ консервовъ — въ 1907 году не было ничего, что могло бы насъ обрѣдовать. И свѣдущіе люди въ книгахъ обращали вниманіе читателей на слѣдующія возможности:

виноградъ,
табакъ,
оливки,
шелкопряды,
трюфеля,
земляника,
духи,
спаржа,
фрукты,
сахаръ,
медъ,
лѣсъ,
скоть,
сыръ,
овесъ и
пшеница.

Все это давно было знакомо счастливымъ жителямъ по ту сторону М.

И вотъ земля внезапно стала дорожать. Изъ округи пріѣхали члены агрономическаго общества. Та часть долины, что лежала ближе къ П., стремительно и прочно ушла подъ спаржу. Спаржа была трехъ сортовъ: ганноверская, голландская и зеленая воклюзская; землю (не малую площадь) вспахали плугомъ на глубину около десяти вершковъ, навезли удобренія, разсадили однолѣтніе сѣянцы, заказанные предварительно въ садовомъ питомникѣ близъ Тараскона. Ихъ разсадили въ узкихъ канавахъ, шириною и глубиною никакъ не болѣе восьми вершковъ. Черезъ

годъ появились первые побѣги — стебли срѣзали, землю перекопали. На третій годъ, послѣ конной пропажки, въ мартъ мѣсяцѣ, сняли первый урожай. Къ этому времени консервная фабрика была уже готова.

А вокругъ Сенъ-Дидье заселялись фермы, застѣвались поля, разводились шелкопряды.

Мы не даромъ начали исторію этой долины съ 1907 года: въ этомъ году Вѣра Кирилловна вышла замужъ за Степана Горбатова, всего четыре мѣсяца назадъ похоронившаго первую жену свою, сибирячку, и проживавшаго съ малолѣтнимъ сыномъ Ильей въ собственномъ домѣ на Выборгской сторонѣ города Петербурга.

Степанъ Васильевичъ былъ не старъ и не молодъ, онъ былъ человѣкъ начала нашего вѣка. Въ седьмомъ году, когда Вѣрѣ Кирилловнѣ было двадцать, ему шелъ тридцать шестой годъ. Былъ ли онъ петербуржцемъ въ томъ смыслѣ, какъ теперь намъ открылось это слово? И да, и нѣтъ. Онъ былъ петербуржцемъ съ Выборгской стороны, жилъ въ деньгахъ и дѣлахъ о нихъ и при темномъ происхожденіи своемъ крупно торговалъ пушниной. Торговалъ онъ преимущественно съ заграницей. И теперь еще есть, вѣрно, оптовики на улицѣ Риволи, помнящіе Горбатова передъ войной и его лучшей воды шкуры.

О Вѣрѣ Кирилловнѣ никогда, нигдѣ, никто не слыхалъ.

Отдавъ Горбатову нѣжную руку свою и дѣвичье сердце, она оборвала разомъ всѣ нити, связывавшія ее съ прежней жизнью — съ благолѣпіемъ печальнаго Васильевскаго Острова, гдѣ оставалось все, что когда то было единственно дорого ея сердцу: милое зданіе Бестужевскихъ курсовъ, гдѣ въ пустынныхъ корридорахъ билось ласточкой сердце отъ шаговъ Николая Ивановича Лазаревского, и маленькій домъ отца, учителя въ школѣ Насоновой, домъ, откуда выпорхнула она, какъ выпархивали въ то время русскія дѣвушки — за чиновника, за купца, за судейскаго...

Вася родился на второй годъ послѣ замужества, Марь-

янна — за годъ до войны. Но съ перваго дня не было для Вѣры Кирилловны большей радости, какъ знать и любить Илью, — великія силы хранились въ ея сердцѣ, она никогда не задумывалась надъ ними. Вмѣстѣ съ Ильей научилась она любить и покойную жену Горбатова, сибирячку, о которой никто толкомъ не зналъ, кто была она, отчего умерла, и о которой въ домъ на Выборгской сторонѣ сохранилась зыбкая, но свѣтлая память.

Нити съ дѣвической жизнью были оборваны, когда въ Петербургѣ появился Алексѣй Ивановичъ Шайбинъ. Онъ и раньше, бывало, пріѣзжалъ изъ Москвы, гдѣ кончалъ университетъ, но сейчасъ онъ переселялся сюда окончательно: у него въ Петербургѣ были нѣкоторыя связи, онъ готовился поступить на государственную службу.

Поздно вечеромъ, въ первый же день пріѣзда, онъ остановилъ извозчика у дверей деревяннаго дома. Два обручальныхъ кольца лежали у него въ карманѣ. Его провели въ тѣсную столовую, гдѣ пахло стариннымъ запахомъ табака и капусты. Какъ! Она замужемъ? У нея двое дѣтей?... Онъ вышелъ, оставивъ дверь настежь. Октябрьскій вѣтеръ, сырой, тоскливый, ворвался въ домъ, шелохнулъ гардины, тронулъ листы ученическихъ тетрадей, и старый учитель закашлялся.

Алексѣй Ивановичъ Шайбинъ самъ себѣ показался ужасно смѣшонъ. Онъ бросилъ кольца въ Неву, сильно выпилъ и вернулся въ меблированныя комнаты на Троицкой, гдѣ имѣлъ счастье остановиться. На слѣдующее утро онъ написалъ Вѣрѣ Кирилловнѣ, кратко, прося свиданія. Она пришла къ нему, корридорный провелъ ее. Она много любила въ своей жизни: любила отца, любила Васю, Марьянну, любила Ильюшу и покойную Ильюшину мать. Одного человѣка не любила она вовсе — Степана Васильевича Горбатова.

Годъ прошелъ въ непрестанной близости Алексѣя Ивановича къ Вѣрѣ Кирилловнѣ, потомъ началась война. Шайбинъ ушелъ на Кавказскій фронтъ и долго не отвѣчалъ на

письма; Вѣра Кирилловна нераздѣльно досталась Горбатову.

Это время долгаго, одинокаго ожиданія писемъ, вѣстей, прїѣздовъ, ушло изъ памяти Вѣры Кирилловны, вытѣсненное семнадцатымъ годомъ и послѣдующими событіями. Въ семнадцатомъ году Шайбинъ вернулся полукалѣкой. Горбатовъ раззорялся. Вѣра Кирилловна съ дѣтьми ушла отъ него, уѣхала въ Москву вмѣстѣ съ Шайбинымъ. Они прожили три мѣсяца все въ той же возобновленной, тайной близости, и снова онъ исчезъ, какъ три года назадъ, снова заметался по темнымъ прироссійскимъ фронтамъ, задыхался въ провинціальныхъ углахъ бушевавшей Россіи, былъ, какъ говорили, даже однажды женатъ, и наконецъ, въ двадцать четвертомъ году появился въ Москвѣ, за нѣсколько дней до отъѣзда Вѣры Кирилловны за границу. Теперь уже она была совсѣмъ другой, съ душою, измученною любовью и воспоминаніями, наученная лишеніямъ и страху. Ильѣ шелъ двадцать первый годъ. Пять лѣтъ, какъ ни онъ, ни она ничего не слыхали о Горбатовѣ.

Шайбинъ стоялъ у вагона безъ шапки. Была поздняя осень. Вася и Марьянна возились въ окнѣ. Ихъ надо было чему то учить, ихъ надо было одѣть, обуть. Что сдѣлалъ россійскій ураганъ со слабымъ сердцемъ Алексѣя Ивановича? Неужели и въ самомъ дѣлѣ не сумѣлъ онъ разогнать страсть къ этой женщинѣ, столько разъ брошенной, не далъ Шайбину ее забыть? Такъ стоялъ онъ, въ который разъ молча прощаясь съ нею. Поѣздъ свистѣлъ, поѣздъ трогался. И тогда онъ спросилъ, уже на ходу:

— Гдѣ мнѣ найти васъ... если...

Онъ никогда не задавалъ подобнаго вопроса. Она отвѣтила дружески, поблѣднѣвъ немного:

— Парижъ... Или нѣтъ, не знаю. Рѣшить Ильѣ.

И вотъ, спустя четыре года, Шайбинъ появился на фермѣ, и появился прямикомъ изъ Африки.

Марьянна подошла къ нему, красная отъ жара плиты: она успѣла помѣшать бѣлье, паръ изъ котла вырвался къ потолку.

— Алексѣй Ивановичъ, — сказала она, — правда ли, что вы сюда къ намъ на совѣтъ? Я потому спрашиваю, что работы больно много, а Вася удирать хочетъ.

Вася отвелъ глаза, Шайбинъ слегка потерялся.

— Я еще не думалъ объ этомъ, я еще не рѣшилъ. А Вася уѣзжаетъ?

— Вы, можетъ быть, не знаете условій? — безпокойно воскликнулъ Вася. — Условія самыя гуманныя. Но жизнь, сама жизнь!.. Кто можетъ вынести — тому честь и слава, другимъ не подь силу.

— Про Горбатова слышали? — оянтъ сказала Марьянна. — Съ того свѣта вѣсть подаетъ, трестомъ управляетъ.

Шайбинъ взглянулъ на Вѣру Кирилловну, она звала его къ дверямъ.

— Не къ нему ли вы бѣжите? — спросилъ Шайбинъ, повернувшись къ Васѣ.

Тотъ не отвѣтилъ ему. Мгновеніе Шайбинъ еще стоялъ посреди кухни, потомъ быстро, насколько позволяла ему легкая хромота, прошелъ въ комнату Вѣры Кирилловны. Дверь за нимъ захлопнулась.

Въ этой просторной деревенской комнатѣ Шайбинъ въ одинъ мигъ ощутилъ то единственное, сладкое, невыразимое волненіе, которое охватываетъ, когда остаешься наединѣ съ женщиной, когда-то безумно и горячо любимой, съ которой ничто и никогда не можетъ больше повториться. Шайбинъ многое зналъ о себѣ, можно даже сказать, что, какъ человѣкъ тѣхъ поколѣній, онъ зналъ о себѣ почти все. Онъ умѣлъ, какъ и многіе изъ тѣхъ, быть немного собственною своею тѣнью: оживлять мечтою прошлое, двигать настоящимъ, находить въ жестокости отчаянія сладострастіе, доступное многимъ изъ тѣхъ людей, что, какъ и онъ, были выбиты изъ колеи лѣтъ пятнадцать тому назадъ, и между восторгамъ и про-

клятіями не жили, а горѣли всѣ эти годы. Онъ зналъ, что ни раздвоенность души, которая его такъ сладостно мучила всю жизнь, ни вѣчная трезвость въ самомъ удушливомъ хмелю, не отличаютъ его отъ людей его судьбы, и понемногу гордость уступила въ немъ мѣсто постоянному сознанию совершаемыхъ ошибокъ.

Эти первые мгновенія наединѣ съ Вѣрой Кирилловной Шайбинъ воспринялъ, какъ большую и незаслуженную радость; ему захотѣлось продлить ее, но онъ увидѣлъ, что это уже не зависитъ отъ него одного. Онъ подошелъ къ Вѣрѣ Кирилловнѣ, съ нѣжной, но вполне безтрепетной увѣренностью взялъ ея руки и сжалъ ихъ. Это были тѣ самыя руки, у которыхъ онъ когда то отнялъ ихъ единственный, материнскій покой.

— Что жь, располагайте мною, располагайте мною, — повторилъ онъ дважды и ему захотѣлось неудержимо броситься къ ея ногамъ. — Я кажется не могу быть больше хозяиномъ собственной жизни. Научите меня жить такъ, какъ живете вы. Научите, что мнѣ дѣлать?. Я бросилъ Африку по вашему письму, но вы всего не знаете: мнѣ надо въ Парижъ... Ахъ, Вѣра, если бы вы могли по прежнему заглянуть въ меня!

— Я кажется никогда не могла этого, Алеша.

— Не отнимайте рукъ. Какъ я любилъ васъ! Вы вызвали меня — вамъ и располагать мною. Ну, скажите скорѣе, что вы обо мнѣ думаете, зачѣмъ вы писали мнѣ?

— Я писала вамъ, — начала Вѣра Кирилловна, вынимая руки изъ горячихъ ладоней Шайбина, — чтобы предложить вамъ жить у насъ. Я хотѣла, чтобы вы ушли изъ Иностраннаго Легіона, — право, Алеша, стоило всю жизнь любить себя, какъ вы любили, чтобы, наконецъ, очутиться въ одномъ изъ самыхъ страшныхъ мѣсть, гдѣ только можетъ очутиться русскій, а страшныхъ мѣсть не мало! Вы слышали меня, вы поняли меня, правда? Я зову васъ жить здѣсь, у насъ, вы останетесь, сколько хотите, будете работать, сколько сможете. Илья затѣваетъ большое дѣ-

ло — пока мы не въ Россіи, мѣсто наше на землѣ. Вы сохраните свою свободу; я знаю, первый годъ вамъ все покажется очень труднымъ, очень скучнымъ... Но будущее ваше въ объединеніи съ такими же, какъ вы. Сохраните себя. Больше ничего.

Шайбинъ слушалъ ее, присѣвъ на Марьяннину постель. Въ комнатѣ пахло лавандой изъ неплотно задвинутаго ящика стараго комода.

— Вы, кажется, и правда хотите научить меня чему то, — сказалъ онъ. — Но ваши письма.. я долженъ предупредить васъ, что это была не единственная причина моего приѣзда во Францію.

Вѣра Кирилловна сжала подъ передникомъ руки.

— Алеша, не тревожьтесь, я вѣдь знаю, вы думаете, что я позвала васъ, чтобы... (какъ все-таки трудно мнѣ выговорить это старое слово!), чтобы опять любить васъ. Нѣтъ, это не такъ, не вѣрьте этой лукавой мысли. Я сейчасъ дѣлаю вамъ предложеніе, — она еще крѣпче сжала руки, — останьтесь, работайте у насъ. Я, такая, какую вы знали и любили, здѣсь не при чемъ.

— Вы сразу же обѣщаете мнѣ рай земной и не хотите даже узнать, хочу ли я рая, — медленно сказалъ Шайбинъ. — Я и васъ думалъ найти другою, то есть прежней, а вы — о покоѣ и свободѣ...

— Вы ждали, что я васъ все еще люблю, Алеша, — тихо произнесла она, встрѣтись съ нимъ глазами, — вы ошиблись.

Съ минуту оба молчали.

— Вы все тотъ же, Алеша, — опять сказала Вѣра Кирилловна, — вы по прежнему безжалостно усложняете свою жизнь. Я не знаю, какія у васъ были мысли часъ тому назадъ: вы, можетъ быть, надѣялись, что я вамъ предлагаться начну, — чтобы только оттолкнуть меня. Или — не прерывайте!—ждали, что я спрошу васъ раньше всего о томъ, почему вамъ въ Парижъ надо, и готовились замучить меня загадками. Поймите, что я мужественно и со-

вершенно по новому дѣлаю вамъ предложеніе и хочу, чтобы вы согласились спасти себя.

— Отъ чего?

— Отъ гибели, Алеша.

— Зачѣмъ, когда погибла Россія?

— А вы не Россія?

Шайбинъ поднялъ голову.

— Это кругъ какой то, и нужно долго думать, чтобы разобраться, — сказалъ онъ сурово. — Да, я Россія и я тону вмѣстѣ съ ней.

— Такъ удержитесь. Она то бессмертна, она то вынырнетъ, а вы гдѣ тогда будете?

Вѣра Кирилловна была въ волненіи. Шайбинъ, удивленный, слушалъ ея живой, нѣжный голосъ.

— Вы необыкновенно искусно маните меня въ рай земной, — сказалъ онъ. — Я подозрѣвалъ, что вы захотите показать мнѣ какой то путь, но я не ожидалъ, что этотъ путь будетъ такимъ короткимъ. На него нужны большія силы, Вѣра, чтобы не сдѣлать это такъ, просто, размякнувъ душой и пожелавъ «лона природы». А откуда эти силы возьмешь?

Онъ задумался на минуту.

— Какую власть имѣетъ надъ нами прошлое! — сказалъ онъ. — Самое ужасное то, что мы безсильны бороться съ этой властью и понемногу даже начинаемъ находить въ ней какую то сладость, любить ее. Правда, Вѣра?

— Да.

— Вотъ и вы въ чемъ то согласились со мною. И вы, значить, любите то, что было?

— То, что было, — тихо отвѣтила Вѣра Кирилловна, — это вся моя жизнь.

— Повторите.

— Вы — вся моя жизнь.

Шайбинъ почувствовалъ знакомое ощущеніе почти физическаго раздвоенія. Онъ не могъ пересилить себя, онъ начиналъ слушать одному ему слышимые голоса. Кинься

къ ея ногамъ! — прошло въ немъ, какъ дыханіе. — Бѣги, бѣги! — закричало гдѣ то внутри него, — она завораживаетъ тебя!

Шайбинъ всталъ и сдѣлалъ два шага, чтобы какънибудь умѣрить сердцебіеніе.

— Завтра я скажу вамъ свое рѣшеніе, — сказалъ онъ, не глядя на нее. — Если бы вы только знали, какъ мнѣ необходимо въ Парижъ!

Вѣра Кирилловна молчала.

— Вы не спросите, почему? Вы всегда были такая. Я скажу вамъ самъ: мнѣ надо ѣхать потому, что меня тамъ не ждутъ, не хотятъ меня, не любятъ. Вы не ошиблись, я прежній, да, да, я все прежній, я тотъ же. И вотъ, вы возвращаете меня изъ смерти въ жизнь для того, чтобы я ѣхалъ на униженіе и ужъ конечно на полную несвободу.

— Васъ тамъ помнятъ, но крайней мѣрѣ? — гордо спросила Вѣра Кирилловна.

— Помнятъ ли? Да, помнятъ. Это единственное, что мнѣ доподлинно извѣстно, — безпомощно улыбнулся вдругъ Шайбинъ. — Я получилъ три письма, но изъ нихъ явствуетъ, что меня во всякомъ случаѣ замѣнили.

Вѣра Кирилловна встала.

— Знаете, Алеша, можно съ отвѣтомъ до завтра не ждать, — сказала она, — вы, конечно, не останетесь здѣсь. Завтра Илья поѣдетъ въ Парижъ, и вы поѣдете вмѣстѣ съ нимъ.

Шайбинъ провелъ по лицу рукой.

— Завтра? Да, хорошо, я поѣду завтра, — повторилъ онъ. — Спасибо. Съ Ильей? Вотъ это немного странно, но что же, ничего. Это, можетъ быть, даже хорошо. Знаете, я не видѣлъ ее давно, съ тѣхъ поръ, какъ былъ въ Парижѣ; я пріѣхалъ, едва вы уѣхали на югъ. Вы не замѣтили, Вѣра, я всегда почему-то немного опаздываю?... Я познакомился съ нею случайно, она не Богъ вѣсть какого была поведенія; но у нея была сестра. Я полюбилъ обѣихъ.

Сестра была замужемъ, у нея была дочка... Я не зналъ, на что рѣшиться, и уѣхалъ. Той, можетъ быть, было все равно, а можетъ быть и нѣтъ, а съ сестрой случилось несчастье: она отравилась.

Шайбинъ тихо сѣлъ, едва договоривъ послѣднія слова. Глаза его закрывались.

— Я усталъ съ дороги, Вѣра; — покачнулся онъ вдругъ, — я удивительно быстро сталъ уставать. Кромѣ того я твусь: мужъ той, которая отравилась, умеръ всего два мѣсяца тому назадъ. До того я не смѣлъ вернуться.

Онъ говорилъ съ трудомъ. Лицо его, немного женственное, нѣжное и сухое, слегка потемнѣло.

— Вамъ нехорошо? — спросила Вѣра Кирилловна, до-трагиваясь до него дрожащими руками.

— Нѣтъ, ничего, — отвѣтилъ онъ, — но что случилось съ дѣвочкой, дочкой ея? И потомъ я хочу видѣть ту, понимаете, которая не Богъ вѣсть какого поведенія. Я люблю ее.

Онъ взялъ руку Вѣры Кирилловны и прижалъ къ глазамъ. Прошла минута, и Вѣра Кирилловна медленно наклонилась къ нему. Губы ея коснулись его виска. Шайбинъ не шевельнулся. Она едва успѣла выпрямиться, какъ въ комнату вошелъ Илья.

Шайбинъ открылъ глаза, выронилъ руку Вѣры Кирилловны, но остался сидѣть.

— Здравствуйте, Алексѣй Ивановичъ, — сказала Илья, — вотъ когда мы увидѣлись съ вами.

Лицо Шайбина дернулось улыбкой, глаза блеснули, онъ съ силой сжалъ протянутую къ нему руку Ильи.

— Здравствуйте, — сказалъ онъ, и видно было, что онъ едва владѣетъ собой. — Ну, какъ вы? Что хорошенькаго пишеть вамъ Анна Мартыновна?

Лицо Ильи стало темно-краснымъ отъ прихлынувшей крови, онъ сдѣлалъ неловкій шагъ назадъ.

— Вы знаете Ньюшу? — прошепталъ онъ.

Вѣра Кирилловна смотрѣла на нихъ обоихъ. Шайбиня встала.

— Знаю ли я ее? Да. Я и васъ знаю черезъ нее... Ну, кажется, надо итти обѣдать?

Илья неподвижно стоялъ въ дверяхъ. Шайбиня подошелъ къ нему, какъ сквозь сонъ, отстранилъ его отъ двери и вышелъ на кухню.

Столъ былъ накрытъ на три прибора, ни Васи, ни Марьянны не было. Шайбиня сѣлъ первый, спиной къ окну, какъ показалось ему — на хозяйское, просторное и почетное мѣсто. Ему дали жирнаго мясного супу и ломоть хлѣба. Илья сѣлъ насупротивъ. Широкая кастрюля съ вареной зеленью стояла посреди стола. Вѣра Кирилловна то и дѣло вставала и прислуживала имъ.

Столъ былъ выскобленъ Марьянной поутру, и отъ него шелъ влажный запахъ чистаго дерева. Старая парижская газета была разостлана на низкомъ кухонномъ шкапчикѣ, она пожелтѣла отъ времени и знакомыя слова, прмелькавшіяся Ильѣ, поблѣднѣли. Въ этой газетѣ когда то было написано и о немъ — такъ просто, упомянули его фамилію по одному дѣлу — это Х. писалъ о колоніи въ Нижнихъ Пиренеяхъ.

Илья крупной солью посыпалъ свой хлѣбъ. Зубы его, немного тупые съ краевъ, были бѣлы и сверкали на темномъ отъ загара лицѣ, пыльные волосы были легки и торчали въ разныя стороны. Онъ былъ одѣтъ въ холщевую рубашку и широкіе штаны, засученные, какъ и рукава. На ногахъ онъ носилъ зеленыя парусиновыя туфли.

Онъ ѣлъ не спѣша. Не то, чтобы онъ вообще жилъ неспѣша, — нѣтъ, этого о немъ нельзя было сказать, — но жизнь и работа требовали отъ него постояннаго, хоть и вполнѣ безсознательнаго, соблюденія нѣкоторыхъ законовъ: онъ ѣлъ не спѣша и спалъ очень крѣпко, а когда приходилось ему размышлять, какъ на примѣръ сейчасъ, лицо его нѣсколько мѣнялось, и трудно было со стороны

сказать, въ чемъ именно была перемена, — въ неподвижномъ ли ртѣ, въ потемнѣвшихъ ли глазахъ или во лбу, широкомъ и гладкомъ, выдававшемъ всю молодость Ильи.

Долго молчали они, чувствуя, что каждый думаетъ о другомъ, и обоихъ мучили сомнѣнія. О, совершенно различныя, и даже мучили по разному — вѣдь оба они были такіе разные! Шайбинъ стоялъ душой на порогѣ своего вѣчнаго ада и испытывалъ какъ бы даже нѣкоторое блаженство отъ вопросовъ, раздиравшихъ его умъ на части. Илья застылъ душой надъ одной единственной тайной, словно надъ раскрытой книгой, гдѣ ни одинъ знакъ не былъ ему понятенъ. Шайбинъ не отрываясь, забывъ всякій стыдъ, потерявъ всякое самосохраненіе, смотрѣлъ на Илью, словно въ его внѣшности уже могла таиться разгадка, нужная Шайбину. «Вотъ онъ, этотъ первый изъ первыхъ, — думалось ему. — Первый, шагнувшій отъ насъ, и отъ нашего времени въ иное, куда доступна намъ нѣтъ. Первый изъ тѣхъ, что живутъ по другому, чѣмъ жили когда то мы. На насъ кончилось, съ нихъ начинается. И между нами — разрывъ двухъ эпохъ. Лучшее ли они насъ, хуже ли — разсудятъ третьи... Время разорвалось, мгновеніе, когда это произошло, никому прослѣдить не удалось, и оказались мы — здѣсь, по одну сторону разрыва, а они — тамъ, по другую. И вотъ онъ передо мной, вотъ его глаза, плечи, руки, голосъ... Какъ бы раскрыть его и посмотрѣть, что тамъ внутри, раскрыть на мигъ и потомъ захлопнуть, но чтобы уже знать навѣрное.. Ахъ, за это можно отдать и не одинъ годъ жизни. И это съ нимъ я завтра поѣду въ Парижъ? Невѣроятно! Съ нимъ пробуду двѣнадцать часовъ кряду наединѣ, — а не страшно ли это? Вдругъ онъ, не дожидаясь моихъ вопросовъ, да самъ и объявитъ мнѣ нѣчто такое, изъ чего мнѣ все станетъ ясно? Нѣтъ, нѣтъ, лучше, кажется, ничего не знать и вотъ такъ сомнѣваться (не послѣднія ли сутки?), какъ я сомнѣвался весь этотъ годъ. Лучше длить эти со-

миѣнія и не торопить судьбу, не нарушать эту тайну. Боже мой, неужели она въ его рукахъ?»

Такъ думалъ Шайбинъ, а Илья все сидѣлъ, какъ надъ раскрытой книгой, не умѣя разобраться въ написанномъ. Этотъ человѣкъ зналъ Ньюшу, онъ былъ тѣмъ самымъ африканцемъ, о которомъ она столько писала, никогда не называя его. Но что ихъ связывало? Что онъ вообще за человѣкъ? Онъ «последній», какъ говорила Ньюша. О немъ что-то жестокое сказалъ на дорогѣ нищій. Вѣра Кирилловна не разъ называла его «бывшимъ прекраснымъ человѣкомъ». И онъ зналъ Ньюшу. Часть ея жизни, печальной и лукавой, пріоткрывалась Ильѣ, но полного отвѣта своимъ догадкамъ онъ не находилъ.

— Вы довольны, Илья? — спросилъ Шайбинъ, подперевшись рукой. — Я хочу сказать: вотъ этой своей жизнью вы довольны?

— Да, — отвѣтилъ Илья, — мама предлагала вамъ остаться?

— Я не могу остаться, — сказалъ Шайбинъ, — я еще не могу. Вы слышите, Вѣра, я сказалъ «еще». Но неужели, Илья, вы справляетесь со всѣмъ этимъ каторжнымъ трудомъ? Вы простите, я можетъ быть, задаю глупѣйшій, обывательскій вопросъ?

— Я работаю, работаетъ Марьянна — она не хуже любого мужчины; лѣтомъ былъ батракъ, Терентій Федотовъ, но онъ выдѣлился, соединился съ другими русскими и образовалъ свое хозяйство. У насъ будетъ Габріель, это Марьяннинъ женихъ, и, если Вася уѣдетъ, я найду людей въ колоніи.

— Въ колоніи?

— Да, въ Нижнихъ Пиренеяхъ. Тамъ насъ много. Кромѣ того у меня связь съ цѣлымъ кругомъ въ Парижѣ, — тамъ человѣкъ сорокъ хотятъ устроиться не далеко отсюда.

— Но сама работа?

— То есть вы хотите знать, тяжела ли она? Да, очень. Особенно первый годъ.

— Вы здѣсь три года?

— Три года здѣсь мама и дѣти. Я пріѣхалъ на полгода раньше, работалъ батракомъ на фермѣ, недалеко отсюда, научился кое-чему. Особенно важно знать ремесла. На первый взглядъ кажется: къ чему бы онѣ? Но на самомъ дѣлѣ это очень помогаетъ, а то изъ-за каждаго пустяка приходилось беспокоить сосѣдей. Я проработалъ полгода батракомъ, узналъ многихъ, нашелъ въ городѣ людей, которые сочувствуютъ расселенію русскихъ. Кое-кто въ Сень-Дидье хлопочетъ сейчасъ, чтобы сдать въ аренду не только свободныя фермы, но и лѣсъ. Вотъ видите тамъ, — показалъ Илья въ окно, — тамъ сейчасъ работаютъ землемѣры. Прошлой весной мы удачно перешли на фермажъ, это конечно, совсѣмъ другое дѣло, чѣмъ испольщина; вы почти полный хозяинъ, ни отъ кого не зависите, не боитесь никакихъ сроковъ, не считаетесь съ хозяиномъ. Но и въ аренду землю сдаютъ здѣсь съ удовольствіемъ и на большіе сроки.

...Конечно, трудно. И прежде, чѣмъ что-нибудь начать, надо многому научиться: узнать время посѣвовъ и сообразить, что именно и какъ сѣять, научиться пахать на волахъ, если кто не умѣетъ, и даже узнать упряжку ихъ и порядокъ кормленія. Тутъ много всякихъ отраслей сельскаго хозяйства, но мы, русскіе, пожалуй, больше всего пригодны для большихъ культуръ и боимся трюфелей, оливокъ и винограда. О насъ такъ и говорятъ, что мы боимся винограда, и немного смѣются надъ нами. Разводятъ здѣсь и особыхъ рабочихъ коровъ, сыръ дѣлаютъ. Много разнаго дѣлаютъ. Сейчасъ очень интересуются спаржей.

...У насъ пока двадцать пять гектаровъ, немного, правда? Но и то вся жизнь на нихъ уходитъ, прибавьте къ этому птицъ и свиней. Но, конечно, этого мало, чтобы увлечься, тутъ дѣло въ смыслѣ того, что дѣлаешь.

— Въ какомъ же смыслѣ?

Но объѣдъ былъ конченъ, Илья всталъ.

— О смыслѣ въ другой разъ, простите, — улыбнулся онъ; — долженъ итти. Это я не нарочно до смысла довелъ, чтобы васъ заинтересовать, это нечаянно. Да онъ, можетъ быть, вамъ и не интересенъ, вотъ Васѣ онъ, напримѣръ, и вовсе враждебенъ.

— Вы думаете, что между мною и Васей есть общее?

— Да, — сказалъ Илья, на мгновение задумавшись, — но жизнь его еще труднѣе вашей, у него упора нѣтъ.

Шайбинъ всталъ тоже.

— Вы какъ бы пятками упираетесь въ довоенное время, — продолжалъ Илья, — и тянетесь изо всѣхъ силъ, а ему упереться не во что, подъ ногами хлипкая военно-революционная пора. И вы, со всѣмъ своимъ упоромъ — отъ упора то вамъ вѣдь въ общемъ радостно? — не прочь и погибнуть, не такъ ли? Вообще, хотите одной судьбы съ Россіей, хотя судьба Россіи, а слѣдовательно и ваше будущее, очень темны. Ну, а Вася безъ всякаго упора и безъ всякой Россіи, — и въ этомъ непоправимый ужасъ, — ищетъ себѣ корней и погибать ни въ коемъ случаѣ не хочетъ.

— Но въ чемъ же сходство? — спросилъ Шайбинъ, словно хотѣлъ на чемъ то поймать Илью.

— Сходство огромное: у васъ съ нимъ одно внутреннее лицо, вы оба не знаете, въ чемъ счастье.

Илья произнесъ эти слова уже въ дверяхъ, но Шайбинъ успѣлъ настичь его.

— А вы, вы знаете, въ чемъ счастье? — глухо спросилъ онъ, схвативъ Илью за рукавъ.

Илья взглянулъ мелькомъ на эту тонкую, большую руку.

— Да, — сказалъ онъ, — но вы слишкомъ горды для него.

И внезапно покраснѣвъ, онъ сбѣжалъ съ крыльца, прошлепалъ парусиновыми туфлями прямо по навозу, разостланному здѣсь со вчерашняго дня, и скрылся.

Шайбинъ сошелъ въ садъ. Тамъ онъ показался себѣ самому совершенно не къ мѣсту. На огородѣ было пусто, куски земли были укрыты навозомъ; рядомъ, видимо, шла пересадка капусты, салата, лука и порея. Въ это бѣдное время конца сентября на грядкахъ торчали одни остатки былой прелести баклажанъ, огурцовъ, капусты красной, брюссельской и цвѣтной (но особаго, осенняго сорта). Зато фруктовые деревья развѣсили плоды свои по всему саду: груши, яблоки, сливы и персики сіяли на прочныхъ вѣтвяхъ, золотые, розовые, мутно-лиловые, душистые. Шайбинъ спустился, но не въ сторону дороги, а въ другую, куда, какъ ему казалось, пошелъ Илья. Здѣсь стояли два каменныхъ сарая, изъ дверей одного изъ нихъ, тупо и мудро заразъ, выглянула огромная воловья морда. Крикомъ кричала въ курятникѣ птица. Здѣсь медленно передвигала ноги мохнатая собака, едва взглянувшая на Шайбину. Онъ прошелъ мимо, миновалъ жидкую изгородь, гдѣ подъ ноги ему попался заблудившійся съ утра цыпленокъ, и вышелъ по тропинкѣ въ поле.

Сколько лѣтъ не бывалъ онъ въ поляхъ? Онъ старался объ этомъ не думать. Голова его кружилась, когда онъ смотрѣлъ на летящихъ навстрѣчу птицъ. Дойдя до вѣтвистаго клена, одиноко росшаго у межи, онъ внезапно растянулся подъ нимъ на теплой, осенней землѣ. Передъ нимъ было то самое мѣсто, которое столь неожиданно для всей округи было отведено Ильей подъ пшеницу.

Октябрь, мѣсяцъ великихъ постѣвовъ, еще не наступилъ, и въ ожиданіи озимыхъ земля лежала ровной полосою подъ поташомъ и сульфатомъ. Воздухъ былъ синь и ясенъ. Шайбинъ растянулся на животѣ. Онъ увидѣлъ вздрагивающія травинки, буйнаго муравья... Внезапно онъ раскинулъ руки и коснулся щекой и лбомъ этой жесткой, шершавой земли. И тогда странная судорога, которой онъ такъ стыдился, наслѣдіе давняго и проиграннаго похода, свела ему лицо.

Придя въ себя, онъ услышалъ, какъ пѣла Марьянна.

Она пѣла провансальскую пѣсню, такую длинную, что конца ея никто не зналъ. Въ пѣснѣ рассказывалось о простой крестьянской дѣвушкѣ; ее полюбилъ богатый пріѣзжій; она прижила отъ него ребенка и ушла въ городъ и тамъ измѣнила ему съ бѣднымъ кровельщикомъ изъ своего села.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Уѣзжающіе должны были перехватить скорый поѣздъ въ девять тридцать.

Солнце садилось, и птицы рѣяли надъ полями. Вѣра Кирилловна, однако, не сошла къ воротамъ; Шайбинъ на крыльцѣ наклонился къ ней и спросилъ о чемъ-то.

— Отвѣчу вамъ, если напишете, — сказала она спокойно.

Отойдя шаговъ десять, онъ внезапно повернулъ и побѣжалъ къ дому. Возможно было, что онъ забылъ на столѣ африканскую трубку. Онъ оставался въ домѣ минуты двѣ, не больше. Когда онъ вышелъ, лицо его было мокро. Шайбинъ плакалъ? О, нѣтъ! Это были слезы Вѣры Кирилловны.

Вася проводилъ обоихъ до шоссе. Навстрѣчу попался имъ шатучій автобусъ. Илья сдѣлалъ знакъ, съ визгомъ остановились колеса; оба сѣли. Старуха держала двухъ пѣтуховъ у низкихъ, сухихъ грудей, трое мужчинъ въ машикахъ возвращались въ городъ со свадьбы, у каждого былъ въ петличкѣ цвѣтокъ. Автобусъ, по всей вѣроятности, тоже какимъ то образомъ былъ причастенъ къ свадьбѣ: на дрожащемъ полу его валялись обрывки серпантинца.

Когда Илья и Шайбинъ сѣли въ поѣздъ, было почти

темно, а когда въ А. они пересѣли, — подъ фонарями, въ дыму вокзала, уже наступила ночь.

Они очутились одни въ прокуренномъ, узкомъ отдѣленіи третьяго класса. Въ этомъ мѣстѣ и до самого Люна, поѣздъ мчится съ бѣшеной скоростью, подъ окномъ изрѣдка, въ черной мглѣ ночи, мелькаетъ будто мертвая рѣка, за нею смутно плаваютъ огни селъ и городовъ. А въ вагонѣ поютъ арабы, кричатъ матросы, играя въ кости; плачутъ дѣти. Скрипитъ ночникъ.

Шайбинъ сѣлъ въ уголь и тотчасъ же ощутилъ то физическое чувство поѣзда, которое любилъ съ дѣтства: пока бѣгутъ колеса — хочется соскочить, обманчивая тревога щемитъ душу, тянетъ прыгнуть и грудью удариться о землю. Но лишь только замрешь на станціи — стопудовая лѣнь обхлестнетъ тебѣ ноги, оплететъ всего тебя, и ты не двинешься, даже чтобы выпить пива, даже чтобы послушать, о чемъ тамъ кричитъ мальчишка со столичной газетой въ рукѣ.

Онъ сѣлъ въ уголь напротивъ Ильи — Илья принадлежалъ ему на всю ночь. Не объ этой ли встрѣчѣ мечталъ онъ въ африканскія ночи? Онъ ѣхалъ въ Парижъ, чтобы увидѣть Ньюшу Слѣтову, остановился у Горбатовыхъ, чтобы видѣть Вѣру Кирилловну. Но скрытая цѣль всего не былъ ли самъ Илья? Тутъ, когда начиналъ онъ думать, открывался какой-то бредъ.

Вчера еще Илья былъ для него тайной, связанной съ Ньюшей, и только. Онъ видѣлъ въ Ильѣ соперника, человека, котораго она любитъ, къмъ въ сердцѣ своемъ замѣнила его самого. Сейчасъ Илья сталъ для него больше соперника, сейчасъ онъ сталъ врагомъ, но какимъ врагомъ! У Шайбина никогда не бывало такихъ враговъ.

Этотъ человекъ хранилъ въ себѣ ключи того, чего всю жизнь искалъ Шайбинъ. Но ключи эти были изъ тѣхъ, что нельзя украсть, — въ рукахъ Шайбина они потеряли бы всѣ свои драгоценныя свойства. Самъ Илья долженъ былъ отпереть Шайбину желанныя двери, самъ

Илья собственной рукой — провести куда-то. Но для этого онъ долженъ былъ превратиться изъ врага въ друга, — можетъ быть, больше, чѣмъ въ друга, можетъ быть, въ брата...

Онъ смотрѣлъ на Илью, какъ тогда за столомъ, и опять ему хотѣлось раскрыть его, и заглянуть въ него, и прочесть всѣ отвѣты. Но онъ чувствовалъ, какъ Нюшина загадка становится только частью той огромной загадки, которую задаетъ ему Илья всѣмъ своимъ существованіемъ. Да, и въ Алексѣѣ Ивановичѣ Шайбинѣ, несмотря на всю его страстность, мысль объ Ильѣ порою безъ борьбы побѣждала мысль о Нюшѣ.

Онъ хотѣлъ раскрыть Илью и заглянуть въ него, но въ немъ исчезъ смѣшной, малодушный страхъ, что Илья самъ нечаянно откроетъ ему то важное, что измѣнить вдругъ всю Шайбинскую жизнь. «Длить надежду» — нѣтъ, этого унижительнаго желанія больше въ немъ не было. Въ немъ даже появилась рѣдкая для него и всегда сопряженная со страданіемъ жажда борьбы.

Но тѣмъ труднѣе было начаться разговору.

— Вы будете спать? — спросилъ Илья, все время молча курившій.

— Нѣтъ, я бы послушалъ васъ, если бы вы мнѣ что-нибудь рассказали, — отвѣтилъ Шайбинъ и поднялъ воротникъ пальто.

Илья невольно улыбнулся ему, и Шайбину захотѣлось найти въ этой улыбкѣ иронию или превосходство. Но ни того, ни другого въ ней не было.

— Вамъ бы хотѣлось послушать все, какъ было? — просто сказалъ Илья. — Извольте, Алексѣѣ Ивановичъ, но вы будете разочарованы, вы вѣроятно все уже знаете по ея письмамъ, да и всего то было такъ мало!

Шайбинъ почувствовалъ внутреннюю дрожь, — возможно, она происходила оттого, что въ этомъ мѣстѣ, сейчасъ же за Монтелимаромъ, рѣзко мѣняется погода. Ему, три года прожившему въ Африкѣ, забытый сѣверъ вдругъ

показался подозрителенъ. Онъ всталъ, захлопнулъ дверь въ корридоръ, откуда шла пагубная свѣжесть, и снова сѣлъ, сунувъ руки въ карманы.

— Я узналъ ее въ Парижѣ, — продолжалъ Илья, — я видѣлъ ее разъ пять-шесть. Потомъ я уѣхалъ, потомъ мама и дѣти пріѣхали ко мнѣ. Черезъ мѣсяць, приблизительно, она написала мнѣ. Съ тѣхъ поръ мы продолжаемъ перелисываться. И это все.

Илья замолчалъ. Вагонъ кидало изъ стороны въ сторону.

— И это все? Да я знаю гораздо больше, — усмѣхнулся Шайбинъ. — Вы однако же вовсе не такой простачокъ, Илья, какимъ кажется. Вы очень ловко умѣете молчать.

Илья зорко взглянулъ ему въ глаза.

— О, нѣтъ, Алексѣй Ивановичъ, я совсѣмъ не простачокъ, и пока не поздно предупреждаю васъ объ этомъ. Оттого, что я «сѣлъ на землю», я еще не сталъ милымъ и наивнымъ простакомъ. Ради Бога не ошибитесь.

— И больше вы мнѣ ничего не скажете? — спросилъ Шайбинъ спокойнѣе.

— Нѣтъ, Алексѣй Ивановичъ, больше я ничего не могу вамъ сказать. Но о васъ я знаю тоже очень мало: начать съ того, хотя бы, что Нюша мнѣ ни разу васъ не назвала по имени. Теперь только я понялъ, что это были вы.

— Что же она вамъ обо мнѣ писала?

— Что знала васъ не долго, что вы за разъ любили и ее, и сестру ея, что сестра ея послѣ вашего отъѣзда отравилась, что тогда Нюша за вами на край свѣта пошла бы. А теперь...

— Ну, кончайте!

— А теперь — нѣтъ.

Въ полутьмѣ вагона Шайбинъ поблѣднѣлъ.

— Мнѣ холодно, — сказалъ онъ, — это вамъ не Африка.

Объ Африкѣ напомнилъ ему арабъ. Онъ стоялъ въ

корридорѣ у окна, его было видно сквозь стекло двери. Вѣтеръ трепалъ его бѣлую одежду, издали казавшуюся ангельски чистой; онъ ѣлъ сливы и выплевывалъ скользкія косточки въ черный, бѣгущій навстрѣчу лѣсъ. Громадный ангель ѣлъ ночью сливы, ему тоже былъ страшенъ сѣверъ, какъ Шайбину.

— А Марьяна? — спросилъ вдругъ Шайбинъ. — Она выходитъ замужъ?

Илья кивнулъ головой.

— Да. Могу вамъ рассказать и про Марьянну. Она выходитъ замужъ за сына хозяина «Конскаго рая», Габріеля Жолифлера.

— Вы въ этомъ тоже видите какой-нибудь смыслъ?

— Теперь вижу. Раньше я этого боялся, я боролся съ этимъ: ассимиляція — страшный вредъ, второй послѣ возвращенчества, но въ этомъ случаѣ, — мнѣ это трудно объяснить, это еще не улеглось во мнѣ, — въ этомъ случаѣ она, можетъ быть, и благо. И знаете, кто меня въ этомъ убѣдилъ? Самъ Жолифлеръ и еще одинъ человекъ. Жолифлеръ меня понялъ сразу, онъ сказалъ, что сначала боялся, какъ и я, но что теперь онъ знаетъ, что такъ надо. Ахъ, если бы вы знали, что за странный человекъ! Весь день среди конскихъ тушъ, кровь каплетъ, а въ воскресенье придешь — разговариваетъ о самомъ настоящемъ. Мой бывший хозяинъ съ нимъ пріятель. Хозяинъ мой — мэръ Сень-Дидье, Жолифлеръ -- тоже въ муниципалитетѣ, и оба вѣрятъ въ нѣкоторыя возможности. Но это секретъ.

— Что за секретъ?

— Не могу, не мой. Это касается свободныхъ фермъ по ту сторону Сень-Дидье и расширенія консервной фабрики. По правдѣ сказать — все дѣло въ спаржѣ.

— Въ спаржѣ? — пораженный, воскликнулъ Шайбинъ, и ему внезапно захотѣлось расхохотаться.

— Да, но я ужъ и такъ выболталъ слишкомъ много.

— Выболтали? Ваше счастье, Илья, а мое несчастье,

что вы никакъ ничего не можете выболтать. Но подождите, дайте мнѣ еще васъ послушать. Отъ этой самой спаржи вашъ собственный братъ въ Россію бѣжить?

— Онъ — въ Россію, а вы — въ Парижъ, — сказалъ Илья сухо. — Я сказалъ вамъ, что вы съ нимъ схожи. Только онъ опоздалъ, ему бы нельзя походить на васъ, вѣдь онъ нашего поколѣнія. За что же онъ обреченъ мучиться, какъ вы мучитесь?

Шайбинъ передернулъ плечами.

— И однако вы думаете, что его можно удержать? Вотъ, вы ѣдете въ Парижъ: вы, значитъ, надѣетесь?

— Я ни на что не надѣюсь, Алексѣй Ивановичъ. Надо сдѣлать все, я и дѣлаю.

— Только за тѣмъ и ѣдете?

— Нѣтъ, не только.

Илья покраснѣлъ.

— Я ѣду, чтобы увидѣться съ Нюшей, но и это еще не все.

Какая-то женщина прошла по корридору, пошатываясь отъ движенія вагона, и зеленое лицо съ черными губами заглянуло къ нимъ въ отдѣленіе. Они долго молчали — женщина успѣла пройти обратно.

— Значитъ, Вася тоже «послѣдній»? — спросилъ вдругъ Шайбинъ, наклонившись къ Ильѣ.

— Это слово въ вашихъ устахъ, какъ пароль, Алексѣй Ивановичъ.

— Отвѣчайте мнѣ.

— Да, «послѣдній».

— И вы все-таки хотите для него сдѣлать все? Но подождите, можетъ быть, вы и для меня готовы сдѣлать все? Можетъ быть, вы еще вчера все это рѣшили, и путешествіе это не случайно? И разговоры эти — ваша тактика?

— Я ни на что не надѣюсь, Алексѣй Ивановичъ, это время научило меня дѣйствовать безъ надежды. Раньше, вѣроятно, людямъ казалось это невозможнымъ, и само дѣйствіе должно было отъ этого страдать. Теперь все из-

мѣнилось. Да, и для васъ тоже... надо сдѣлать все. Но въ этомъ, какъ, впрочемъ, и въ дѣлѣ съ Васей, вы знаете, я не одинъ.

И Ильѣ вспомнилось, какъ стояли они съ Вѣрой Кирилловной вчера ночью при лунѣ и какъ онъ дважды поцѣловалъ ее въ шелковый проборъ.

Онъ не видѣлъ теперь лица Алексѣя Ивановича. Прошло нѣсколько минутъ.

— Вы, Илья, дѣйствительно, необыкновенно хорошій человекъ, какъ васъ называетъ Нюша, — съ волненіемъ, наконецъ, сказала Шайбинъ. — И я не знаю, благодарить васъ или корить за то, что вы сегодня столького мнѣ не договорили.

Онъ всталъ, запахнулъ пальто. Мысль о забытомъ сѣверномъ разсвѣтѣ, который черезъ нѣсколько часовъ зашевелится въ окнѣ, пронзила его тоскливымъ чувствомъ. Онъ прошелъ до двери. Какъ грохотали колеса! Какъ протяжно звенѣли ночные рельсы!

— Алексѣй Ивановичъ, что такое Африка? — спросилъ вдругъ Илья.

— Это мѣсто, куда въ любое время можетъ поѣхать каждый человекъ.

— Вы не хотите мнѣ рассказать о своей жизни?

— Нѣтъ.

— Вы были въ Иностранномъ Легионѣ?

— Да.

— Какъ же вы оттуда выбрались?

— Меня освободили по болѣзни...

— Какая у васъ болѣзнь?

— Сердце.

— Вамъ было плохо?

— Я уже сказала, что не хочу рассказывать.

— Тогда отвѣйте, есть возможность выписать откуда людей на работы, изъ тѣхъ, что кончаютъ срокъ?

Шайбинъ стремительно оглянулся.

— О чемъ вы спрашиваете! Вы маньякъ!

Онъ вернулся на свое мѣсто. Онъ хотѣлъ дать себѣ отчетъ: о чемъ же собственно они все это время говорили? Что узналъ онъ такого, что какъ будто измѣнило его? Нюша? Да, и Нюша, и еще что то.

— Вы, значитъ, думаете, что меня можно спасти? — спросилъ онъ въ пространство.

Илья не былъ пріученъ къ подобнымъ разговорамъ, Шайбинъ изнурялъ его.

— Вы давно догадались объ этомъ, — сказалъ онъ жестко. — Зачѣмъ вы спрашиваете?

— А что вы сдѣлаете съ Нюшей? — спросилъ Шайбинъ, чувствуя, что уже не можетъ остановиться.

Но Илья не умѣлъ и не хотѣлъ сдаваться. Онъ видѣлъ, какъ внутренняя дрожь Шайбина постепенно проступаетъ наружу — у него начали стучать зубы. И внезапно завтрашній день представился Ильѣ вихремъ темныхъ событий — они были какъ бы за одно съ этимъ ночнымъ грохотомъ вагоновъ, съ ревомъ паровоза. Онъ увидѣлъ смутныя улицы, гдѣ предстояло ему бродить, дома, гдѣ живутъ и не свои, и не чужіе люди, и такъ ясно сердцемъ почувствовалъ онъ приближеніе этой сложной жизни, что одно мгновеніе былъ близокъ къ тому, чтобы схватить Шайбина за руку, безразсудно открыть ему то, чего открывать нельзя, и просить его о невозможномъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Шайбинъ открылъ кранъ: кипятокъ съ силой хлынулъ въ умывальникъ. Паръ поднялся въ пыльной маленькой комнатѣ, замутилъ зеркало и окно такъ, что нѣсколько минутъ ничего не было видно. Шайбинъ открылъ другой кранъ, холодный, подождать, пока вода станетъ теплой, вымылъ лицо, руки, шею и вытерся суровымъ полотенцемъ. Надо было спѣшить, надо было во что бы то ни стало поспѣть.

•

Онъ едва пригладилъ мокрой щеткой рѣдкіе, сѣдѣющіе волосы. Какъ ненавидѣлъ онъ всѣ эти необходимыя движенія! Онъ перемѣнилъ воротникъ, вытеръ, чѣмъ Богъ послалъ, свои страшные саногы. Времени у него было мало.

Но Илья не выходилъ. Дверь его, сосѣдняя съ дверью Шайбина, была закрыта, и за ней было тихо. Шайбинъ поднялся этажомъ выше. Никто не нагналъ его. Здѣсь корридоръ былъ нѣсколько темнѣе, въ дальнемъ концѣ горѣлъ рожокъ. Шайбинъ едва не споткнулся о груды грязныхъ простынь, вынесенныхъ изъ открытаго номера. Онъ два раза прошелъ до конца корридора, отыскивая нужную дверь. Этой дверью кончались его прежнія странствованія и начинались новыя. Онъ постучалъ, но никто не отвѣтилъ ему.

Онъ постучалъ еще разъ, стараясь не думать, какъ войти, что сказать, — слишкомъ много объ этомъ было передуmano. «Она не одна!» — промелькнула въ немъ отвратительная мысль.

— Кто тамъ? — спросилъ женскій голосъ.

И Шайбинъ вошелъ, потянулъ дверь и повернулъ за собою ключъ.

Много позже онъ вспоминалъ эту минуту и ничего кромѣ счастья и ужаса не могъ припомнить. И еще: край красной, шелковой юбки, выбившійся изъ неплотно закрытаго зеркальнаго шкафа.

Нюша лежала, укрытая высокой периной; въ комнатѣ былъ полумракъ, и она не сразу повернула голову къ двери.

— Шайбинъ? — сказала она, взглянувъ въ вошедшаго. — А который часъ?

Онъ молчалъ. Въ комнатѣ было жарко, пахло духами и папиросоми, и повсюду были разбросаны Нюшины вещи: бѣлье, чулки, сумка, даже шляпа, даже шуба.

— Я спрашиваю, который часъ? Ты оглохъ, Алеша?

Потомъ уже Шайбинъ замѣтилъ, что часы стояли у нея на ночномъ столикѣ.

Она откинула перину, но осталась лежать, и тогда только онъ увидѣлъ ее: она остриглась, она похудѣла, она стала совсѣмъ другой.

— Ты, я вижу, въ волненіи, — сказала она, поднимая бровь, — повѣсь шубу на гвоздь, а сумку дай мнѣ; вотъ тебѣ и кресло.

Онъ подаль ей сумку. Она нарисовала губы, закурила и легла повыше. У нея были свѣтлыя волосы, выщипанные за ушами, а самыя уши — маленькія, ровныя, — словно чайныя розы: свѣтлыя у краевъ, густо розовыя въ серединѣ.

— Надолго, Алеша? — спросила она, неспѣшно разглядывая его, покуда онъ не съѣлъ. — Ты прямо изъ Марселя?

— Нѣтъ, я заѣзжалъ къ Горбатовымъ.

— Къ Горбатовымъ? Ну, и что же?

— Ничего. Марьянна замужъ выходитъ.

— За маркиза?

— Нѣтъ, за мясника.

— А Илья? — спросила она простодушно.

— Илья здѣсь.

— Здѣсь! — вскрикнула она, садясь на кровати, роняя папиросу на коверъ. — Съ какихъ поръ?

Шайбинъ молчалъ.

— Я пошутилъ, — сказалъ онъ, блѣднѣя: — онъ собирается, велѣлъ кланяться.. Можетъ быть, на будущей недѣлѣ...

— Какъ ты состарился! -- сказала она холодно. — А по письмамъ мнѣ казалось, что ты все тотъ же.

Комната была настолько тѣсна, что сидя въ креслѣ, Шайбинъ могъ одной рукой дотянуться до стола, другой до кровати. Куда выходило окно? Тамъ, за нимъ, было такъ тихо и темно, что это начинало его тревожить. Но Ньюшины вещи были здѣсь, подлѣ него, вещи, которыя

для него значили слишкомъ много, которыя имѣли такую власть надъ нимъ и унижали его такъ, какъ никогда ни одно живое существо не унижало.

Здѣсь были ея перчатки, дорогія, лайковыя, съ рисункомъ у запястья, маленькія и вѣроятно всегда теплыя и немножко живыя; здѣсь были ея кривыя ножницы, безъ которыхъ она дня не могла прожить и которыя вѣчно терялись; здѣсь лежалъ пестрый шелковый платокъ въ крупную клѣтку, книга въ желтой обложкѣ, чья-то записка; со стула свисали блѣдныя чулки, прямо въ подставленные туфли, а надъ грудой лентъ, подвязокъ и шелка хотѣлось плакать, хотѣлось дышать этимъ шелкомъ, спрятавъ въ него лицо.

— Какъ ты рано пришелъ, — сказала Нюша, — я еще спала.

Онъ на мгновеніе опустилъ голову.

— Дай мнѣ руку, — сказалъ онъ, — ты еще не поздоровалась со мной.

Она протянула ему нѣжную, теплую руку съ короткими, розовыми ногтями.

— Ты знаешь, зачѣмъ я пріѣхалъ? — спросилъ онъ, цѣлуя ее въ ладонь. — Я пріѣхалъ жениться на тебѣ.

Она отняла руку и закрыла глаза.

— Алеша, — сказала она, — я тебя слишкомъ знаю: мнѣ скучно съ тобою. Если я скажу, что я не согласна, ты поблѣднѣешь и начнешь цѣловать мнѣ ноги. Если я скажу, что согласна, — ты... ты, можетъ быть, все-таки не женишься на мнѣ.

— Молчи, молчи!

— Но я все-таки тебѣ скажу «нѣтъ». И не потому, что не могу тебѣ простить смерть Любы — вѣдь послѣ нея дѣвочка осталась, ты подумай, это въ наше то время! И не потому, что ты бросилъ меня три года назадъ. Я скажу тебѣ «нѣтъ» оттого, что я совсѣмъ не могу больше съ такими, какъ ты, я слишкомъ сама такая, какъ ты. Оставь меня въ покоѣ.

Шайбинъ пересѣлъ къ ней на постель. Она отодвинулась отъ него, натянула одѣяло.

— Всякой тревогѣ долженъ быть конецъ, — сказала она, — не обнимай меня.

— Я противенъ тебѣ?

— Ты не понимаешь меня; ты не противенъ мнѣ. Ты моей душѣ братъ, и мнѣ неловко, мнѣ тяжело съ тобой. Я больше не могу.

— Другого любишь?

— Да.

Она угрюмо отвернулась, рѣсницы ея скрипнули по подушкѣ.

— Илью?

Шайбинъ нагнулся къ ея лицу. Онъ снова узнавалъ эти губы, этотъ сильный круглый подбородокъ, эти глаза.

— Илью, — сказала она.

Въ то же мгновеніе онъ коснулся ея губъ. Она забилась у него въ рукахъ, но ея собственныя руки были подъ одѣяломъ, и онъ крѣпко держалъ ее. Онъ жестоко раздвинулъ ея прохладныя зубы, и она затихла.

О времени въ комнатѣ можно было только догадываться: окно выходило въ стѣну. Оттого и было такъ тихо, улица была далеко. Шайбинъ выпустилъ Нюшу и снова сѣлъ въ кресло; руки его дрожали.

— Нѣтъ у тебя любопытства ко мнѣ, — сказалъ онъ, — а безъ любопытства нѣтъ любви.

Нюша не двигалась.

— Нѣжность есть, — сказала она тихо, — такая, какъ къ себѣ самой. Но больше насильно меня не цѣлуй, Алеша, — развѣ можно цѣловать насильно послѣ того, какъ мы цѣловались когда-то?

И она посмотрѣла на него такъ, словно хотѣла въ памяти его воскресить дорогія и грозныя мгновенія.

— Дай мнѣ увидѣть тебя, — сказалъ онъ глухо.

Она покачала головой.

— Алеша, ничего этого не будетъ: мнѣ своей тревоги довольно, намъ нельзя вмѣстѣ быть, мы оба пропадемъ.

— А ты что-жъ, спастись хочешь? — спросилъ онъ грубо. Она съ минуту грустно смотрѣла на него.

— Хочу спастись.

— Тебѣ не спастись надо, а на содержаніе итти, — сказалъ онъ.

Она не потерялась. Она сдѣлала движеніе головой, и волосы упали ей на глаза. Потомъ она долго не двигалась. Можно было подумать, что она не дышетъ, такъ неподвижно было ея тѣло подъ грубымъ голубымъ одѣяломъ.

Зачѣмъ теперь было Алексѣю Ивановичу оставаться здѣсь? Ему пора было итти. Куда? Обратнo на вокзалъ, ловить тотъ же поѣздъ на тотъ же югъ. Но не смѣшны ли, вообще говоря, подобные человѣческіе поступки? И Шайбинъ, взявъ одну изъ перчатокъ, прижалъ ее къ лицу. Неужели это было единственное, что оставалось ему?

— Нюша, — позвалъ онъ.

Она медленно повернула къ нему голову.

— Нѣтъ, Алеша, — сказала она нѣсколько гордо. — Будь «последнимъ», если хочешь, а я не хочу. Авось уцѣплюсь за чтонибудь, не погибну. Только — прежней жизни конецъ.

— Не надо тебѣ меня? — спросилъ онъ съ мукой.

Она помотала головой.

— Мнѣ отвѣтъ надобенъ, — сказала она тихо, — а ты въ такой же тѣмѣ, какъ и я.

Тогда дикая тоска взяла Шайбина. Онъ всталъ съ кресла, кинулъ перчатку на столъ, сдѣлалъ шагъ къ кровати.

— Отвѣтъ твой внизу, — сказалъ онъ съ яростью, — комната тридцать четыре. Сегодня со мною изволилъ прибить и до сихъ поръ, какъ видишь, къ тебѣ не пожаловалъ.

Послѣднія слова слились у него во рту въ кашу. Онъ повернулся, ударился колѣномъ о стулъ, отперъ дверь и вышелъ. Нюша побѣжала за нимъ въ одной рубашкѣ, высунула голову въ корридоръ.

— Алеша! — выкрикнула она. Шайбинъ не оглянулся. Онъ сошелъ внизъ всѣ три этажа, сердце его отчаянно билось. До сихъ поръ онъ еще не примѣтилъ ни города, ни улицъ. Онъ спустился къ нимъ, какъ спускается пьяный на дно своего пьянаго омута.

День былъ, какимъ обѣщаль быть. Ранній туманъ висѣлъ между домовъ. Асфальтъ блестѣлъ. Хоть дождя и не было, но все было влажно: скамейки бульвара, фонари и холодные камни. Шайбинъ прошелъ мимо двухъ-трехъ лавокъ, пересѣкъ широкую улицу, надъ которой стоялъ стонъ автомобильныхъ рожковъ, и пошелъ незнакомыми переулками туда, гдѣ по его представленію должно было находиться кладбище.

Здѣсь надъ покойническими склепами висѣлъ мостъ, по которому тяжело взбирались автобусы, со звономъ и грохотомъ проходили трамваи. Воздушная улица перерѣзала кладбище на двое. Эти, въ различныхъ плоскостяхъ города прорубленные улицы до сихъ поръ казались Шайбину чѣмъ-то чудовищнымъ. Въ Парижѣ онъ зналъ ихъ въ самыхъ идиллическихъ кварталахъ, но когда то видѣнный Лондонъ и гдѣ то неподалеку отъ царственнаго моста черныя двухэтажныя улицы Уайтчепла до сихъ поръ оставались въ памяти его, какъ тѣснящій душу кошмаръ.

Отравленная зелень подъ мостомъ не шевелилась, переполненные склепы были глухи. Шайбинъ прошелъ обратно, спустился по покатоу мостовой и вошелъ въ ограду. У воротъ стояли дроги, и присѣвъ на ихъ край, волосатые факельщики, съ утра во хмелю отъ выпитаго натошакъ бѣлаго бордо, переговаривались о неинтересномъ.

Шайбинъ прошелъ въ первую попавшуюся аллею. Пахло гнилью городскихъ садовъ, гдѣ земля на два вершка

издавна пропитана окурками, гдѣ лѣтомъ молча задыхаются птицы. Маленькая дѣвочка шла по дорожкѣ въ круглыхъ очкахъ и короткомъ бурнусикѣ. Шайбинъ постоялъ, поглядѣлъ ей вслѣдъ. Онъ искалъ въ себѣ уязвленную гордость, — нѣтъ, ся не было. Въ отсутствіи гордости, какъ и въ раздвоенности его, тоже была печать времени. Все, все было печатью времени: и то, что онъ оскорбилъ ее, и то, что не оглянулся, и то, что сейчасъ оказался на кладбищѣ... А время было хорошее, благословенное время, такъ по крайней мѣрѣ говорилъ Илья... Но онъ-то, онъ, Алексѣй Шайбинъ, задыхался въ немъ! Когда-то съ радостной безнадежностью задыхалась въ немъ и Нюша, но она больше не хотѣла задыхаться, она искала спасенія: кто-то издали наводилъ на нее стеклышкомъ новые горячіе лучи, кто-то уже обдалъ ее слабой волной невѣдомаго кислорода.

Она вернулась отъ двери, зажгла въ комнатѣ свѣтъ, и боясь и не вѣря, начала одѣваться. Шелковый чулокъ, тотъ самый, надъ которымъ Шайбинъ только что готовъ былъ плакать, разорвался, петля побѣжала. Нюша перерыла шкафъ, нашла другой. Она надѣла короткое шерстяное платье, зачесала волосы съ круглаго лба за уши, — тамъ, подъ гребнемъ, они густо вились — Нюша не такъ давно стала носить эту прическу, — потомъ нашла коричневые низкія туфли, застегнула ихъ крючкомъ. Нѣтъ, Илья и вправду не шель!

Эта комната, въ искусственномъ свѣтѣ въ одиннадцатомъ часу утра, была безпорядкомъ своимъ нестерпима. Нюша двигалась немного рѣзко, она была высока и худа, съ слишкомъ тонкими ногами и, можетъ быть, хрупкими плечами. Раза два она глянула въ зеркало. Было въ ней что-то неизъяснимо простое, скромное и ясное, несмотря на красный, припухлый ротъ и длинныя, крашенныя рѣсницы. Или она зря поторопилась одѣться? Безсознательно протягивая время, она перечла записку, лежащую съ вечера на столѣ:

«Быль въ полъ десятаго, какъ назначили. Буду ждать звонка. Считаю, что всякому вранью долженъ быть конецъ. Если не могли вчера быть дома, нечего было морочить голову.

А. К.»

Илья все не шелъ.

Тогда она вдругъ заметалась по комнатѣ, накинула шубу на плечи, потушила свѣтъ и раздвинула шторы — безнадѣжный день глянулъ въ комнату. Она прошла до двери, вернулась, взяла съ ночного столика носовой платокъ и сжала въ комочекъ. Взглянувъ разсѣянно на неубранную постель, она, наконецъ, вышла. Нѣтъ, и на лѣстницѣ никого не было.

Остатокъ сомнѣнія еще былъ въ ея душѣ, когда она спускалась. Послѣ нея въ темномъ корридорѣ остался запахъ духовъ. Она прошла по пустынной площадкѣ, не таясь: она знала, что въ этотъ часъ не встрѣтитъ никого изъ живущихъ здѣсь: Берта, Наташа и Меричка все еще спали. Но горничная услышала ся шаги. Она вышла изъ номера, который занялъ Шайбинъ, и увидѣвъ, что въ соседнюю дверь стучать, сказала:

— Мосье нѣтъ дома.

За дверью было слишкомъ тихо — такъ, по крайней мѣрѣ, показалось Нюшѣ.

— Онъ ушелъ? — спросила она, и шуба поползла у нея съ плеча.

— Мосье нѣтъ дома, — повторила горничная. — Онъ даже чемодана не раскрылъ.

Онѣ смотрѣли другъ на друга еще съ полъ минуты. Потомъ горничная поправила платокъ на головѣ, и метла засвистала по бобрику.

Ключъ торчалъ въ замкѣ; не помня себя, Нюша повернула его и вошла. Илья ни до чего не дотронулся. Лишь одно изъ полотенецъ было смято и лежало на полу, на постель былъ брошенъ чемоданъ. Нюша, не закрывая двери, сдѣлала два шага къ нему, онъ былъ не залергъ. Она

открыла его. Сверху лежала записка Марьянны: «Ильюша! Привези мнѣ въ подарокъ лиловое мыло, какимъ моятся въ Парижѣ». Нюша уронила крышку. Ей пришло въ голову, что можно бы подождать Илью здѣсь, сидя на столѣ, упершись ногами въ кресло. Но она испугалась, что онъ не вернется раньше вечера. По правдѣ сказать, она сама не очень поняла свой испугъ, она просто почувствовала сильную, тайную тоску.

И тогда она, все придерживая шубу, вышла изъ номера и спустилась внизъ, къ телефону. Тамъ по вчерашнему двигались люди, пахло ѣдой. Нюша подошла къ телефону и взялась за трубку: у нея были дѣла, которыя никакъ долѣе нельзя было откладывать, ей необходимо было отвѣтить Адольфу Келлерману на его вчерашнюю записку.

.....

Н. Берберова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

П и л ь г р а м ь

Разскаъ.

Улица, увлекающая въ сторону одинъ изъ номеровъ трамвая, начиналась съ угла люднаго проспекта, долго тянулась въ темнотѣ, безъ витринъ, безъ всякихъ радостей, и, какъ бы рѣшивъ зажить по новому, мѣняла емя послѣ круглаго сквера, который трамвай обходилъ съ неодобрительнымъ скрежетомъ; далѣе она становилась значительно оживленнѣе; по правой рукѣ появлялись: фруктовая лавка съ пирамидами ярко освѣщенныхъ апельсиновъ, табачная съ фигурой арапченка въ чалмѣ, колбасная, полная жирныхъ коричневыхъ удавовъ, аптека, москательная и вдругъ — магазинъ бабочекъ. Ночью, особенно дождливой ночью, когда асфальтъ подернуть тюленьимъ лоскомъ, рѣдко кто не останавливался на мгновение передъ этимъ символомъ прекрасной погоды. Бабочки, выставленныя напоказъ, были огромныя, яркія. Прохожій думалъ про себя: «какія краски, — невѣроятно!» — и шелъ своей дорогой. Бабочки на короткое время задерживались у него въ памяти. Крылья съ большими удивленными глазами, лазурныя крылья, черныя крылья съ изумрудной искрой, плыли передъ нимъ до тѣхъ поръ, пока не приходилось перевести вниманіе на приближавшійся къ остановкѣ трамвай. И еще запоминались мелькомъ: глобусъ, какіе то инструменты и черепъ на пьедесталѣ изъ толстыхъ книгъ.

Затѣмъ шли опять обыкновенныя лавки, — галантерейная, угольный складъ, булочная, — а на углу былъ небольшой трактиръ. Хозяинъ, тощій человекъ съ ущемленной дряблою кожей между углами воротничка, очень

ловко умѣлъ выплескивать въ рюмки изъ клювастой бутылки дешевый коньякъ и былъ большой мастеръ на остроумныя реплики. За круглымъ столомъ у окна почти каждый вечеръ фруктовщикъ, булочникъ, монтеръ и двоюродный братъ хозяина дулись въ карты: выигравшій очередную ставку тотчасъ заказывалъ четыре пива, такъ что въ концѣ концовъ никто не могъ особенно разбогатѣть. По субботамъ къ другому столу рядомъ садился грузный розовый человѣкъ съ сѣдоватыми усами, неровно подстриженными, заказывалъ ромъ, набивалъ трубку и равнодушными, слезящимися глазами, изъ которыхъ правый былъ открытъ чуть пошире лѣваго, глядѣлъ на игроковъ. Когда онъ входилъ, они привѣтствовали его, не сводя взгляда съ картъ. Монтеръ слюнилъ палецъ и ходилъ. «Разъ, два и три», — приговаривалъ булочникъ, высоко поднимая карту за картой и съ размаху хлопая каждой объ столъ. Послѣ чего появлялась новая партія пива.

Иногда кто-нибудь обращался къ грузному человѣку, спрашивалъ, какъ торгуетъ его лавочка; тотъ медлилъ прежде, чѣмъ отвѣтить, и часто не отвѣчалъ вовсе. Если близко проходила хозяйская дочь, крупная дѣвица въ клѣтчатомъ шерстяномъ платьѣ, онъ норовилъ хлопнуть ее по увертливому бедру, совершенно не мѣняя при этомъ своего угрюмаго выраженія, а только наливаясь кровью. Острякъ хозяинъ называлъ его «господинъ профессоръ», присаживался, бывало, къ его столу, говорилъ: «Ну-съ, какъ поживаетъ господинъ профессоръ?» — и тотъ, пыхтя трубкой, долго смотрѣлъ на него прежде, чѣмъ отвѣтить, и затѣмъ, выпятивъ изъ-подъ мундштука мокрую губу лодочкой — вродѣ слона, собирающагося вобратъ то, что несетъ ему хоботь, — говорилъ что-нибудь грубое и несмѣшное, хозяинъ бойко возражалъ, и тогда люди рядомъ, глядя въ карты, тряско гоготали.

На немъ былъ просторный сѣрый костюмъ съ большимъ преобладаніемъ жилетной части, и, когда кукушка на мигъ покидала иѣдра трактирныхъ часовъ, онъ мед-

леннымъ жестомъ, морщась отъ дыма, вынимать изъ жилетнаго кармана серебряную луковницу и глядѣль на нее, держа на ладони и ладонь слегка отставя. Ровно въ полночь онъ выбивалъ трубку въ пепельницу, расплачивался и, сунувъ безкостную руку поочередно хозяину, дочкѣ его и четыремъ игрокамъ, молча уходилъ.

Шелъ онъ по панели чуть прихрамывая, неловко двигая ногами, слишкомъ слабыми и худыми для его тяжелаго тѣла, и, миновавъ витрину своей лавки, сворачивалъ сразу за ней въ подворотню, гдѣ въ правой стѣнѣ была дверь съ латунной дощечкой, прикрѣпленной посрединѣ: Пильграмъ. Квартира была маленькая, тусклая, съ невеселыми окнами во дворъ; днемъ можно было выходить на улицу черезъ магазинъ, куда вслѣ — прямо изъ тѣсной гостиной съ буромалиновымъ диваномъ и старой швейной машиной, украшенной инкрустаціями, — темный проходъ, полный хлама. Когда, въ субботнюю ночь, Пильграмъ входилъ къ себѣ въ спальню, гдѣ надъ широкой постелью было нѣсколько увядшихъ фотографій одного и того же корабля, Элеонора обыкновенно уже почивала. Онъ бормоталъ себѣ подъ носъ, шаркалъ куда-то съ зажженной свѣчей, возвращался, громко запиралъ дверь, кряхтѣлъ, снимая сапоги, и потомъ долго сидѣлъ на краю постели, и жена, проснувшись, начинала стонать въ подушку, предлагая ему помочь раздѣться, и тогда онъ, съ урчащей угрозой въ голосѣ, велѣлъ ей утихнуть и повторялъ слово «тихо» нѣсколько разъ сряду, все болѣе свирѣпо. Послѣ удара, когда онъ чуть не умеръ отъ удущья и долго не могъ говорить, — удара, случившагося съ нимъ въ прошломъ году, какъ разъ когда онъ снималъ сапоги, — Пильграмъ ложился спать нехотя, съ опаской, и потомъ, уже лежа подъ периной, рядомъ съ женой, приходилъ въ бѣшенство, если въ сосѣдней кухнѣ капалъ кранъ. Онъ будилъ жену, и она шлепала въ кухню, — низенькая, въ унылой ночной рубашкѣ, съ толстыми волосатыми икрами, съ маленькимъ лицомъ, лоснившимся отъ периннаго тепла. Они бы-

ли женаты уже четверть вѣка и были бездѣтны. Дѣтей Пильграмъ никогда не хотѣлъ, дѣти служили бы только лишней помѣхой къ воплощенію той страстной, неизмѣнной, изнурительной и блаженной мечты, которой онъ болѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ себя помнилъ.

Онъ спалъ всегда на спинѣ, низко надвинувъ на лобъ ночной колпакъ, — это былъ сонъ по шаблону, прочный и шумный сонъ лавочника, добраго бюргера, и, глядя на него, можно было предположить, что сонъ съ такой пристойной внѣшностью совершенно лишень видѣній. На самомъ же дѣлѣ этотъ сорокапятилѣтній, тяжелый, грубый человѣкъ, питавшійся гороховой колбасой да варенымъ картофелемъ, мирно довѣрившій своей газетѣ, благополучно невѣжественный во всемъ, что не касалось его одинокой бессмысленной страсти, видѣлъ — безъ вѣдома жены и сосѣдей — необыкновенные сны. По воскресеньямъ онъ вставалъ поздно, въ нѣсколько приѣмовъ пилъ кофе, потомъ выходилъ гулять съ женой, — молчаливая, медленная прогулка, которую Элеонора всю недѣлю прилежно предвкушала. Въ будни же онъ открывалъ лавку какъ можно пораньше, рассчитывая на дѣтей, мимо идущихъ въ школу, — ибо послѣднее время онъ держалъ въ придачу къ основному товару кое-какія школьныя принадлежности. Бывало, мальчикъ лѣниво плетется въ школу, раскачивая сумкой и жуя на ходу, — мимо табачной, гдѣ въ папиросныхъ коробочкахъ нѣкоторыхъ фирмъ имѣются цвѣтныя картиночки, которыя очень выгодно собирать, мимо колбасной, напоминавшей, что слишкомъ рано съѣденъ бутербродъ, мимо аптеки, мимо москательной, — и, вспомнивъ, что нужно купить резинку, входитъ въ слѣдующій магазинъ. Пильграмъ мычалъ, выдвинувъ нижнюю губу изъ-подъ мундштука трубки, и, вяло порывшись, выкладывалъ на прилавокъ открытую картонку, послѣ чего безучастно глядѣлъ передъ собой, пуская частыя струйки дешеваго дыма. Мальчикъ щупалъ блѣдныя аккуратныя резинки, не находилъ излюбленнаго сорта и удалялся, ни-

чего не купивъ. Главный товаръ въ магазинѣ оставался незамѣченнымъ, — такіе ужъ пошли дѣти, съ горечью думалъ Пильграмъ и мелькомъ вспоминалъ собственное дѣтство. Его покойный отецъ, — морякъ, шатунъ, пройдоха, — женился, уже подъ старость, на желтой свѣтлоглазой голландкѣ, которую онъ вывезъ съ Борнео, и, покончивъ со странствіями, открылъ лавку экзотическихъ вещей. Жена вскорѣ умерла, сынъ ходилъ въ школу, а потомъ сталъ помогать въ лавкѣ. Онъ теперь не помнилъ точно, какъ и когда стали появляться въ ней ящики съ бабочками, но помнилъ, что любилъ бабочекъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ. Очень постепенно бабочки стали вытѣснять сушеныхъ морскихъ коньковъ, чучела колибри, дикарскіе талисманы, вѣера съ драконами и прочую пыльную дрянь. Когда умеръ отецъ, бабочки окончательно завладѣли магазиномъ, хотя еще долго доживали свой вѣкъ, тамъ и сямъ, парчевыя туфли, бумерангъ, коралловое ожерелье, — потомъ и эти остатки исчезли. бабочки царствовали самодержавно, и только очень недавно онъ въ свою очередь начали сдавать: пришлось пойти на уступки, появились учебныя пособія, естественнымъ переходомъ къ которымъ служилъ стеклянный ящичекъ съ наглядной біографіей тутоваго шелкопряда. Торговля шла все хуже и хуже. Учебныя пособія, а изъ бабочекъ все то, что могло придтись по вкусу обывателю, — наиболѣе крупные, привлекательные виды, да яркія крылья на гипсѣ въ багетовыхъ рамочкахъ, украшеніе для комнаты, а не гордость ученаго, — выставлены были въ витринѣ, межъ тѣмъ какъ въ самой лавкѣ, пропитанной миндальнымъ запахомъ глоболя, хранились драгоцѣннѣйшія коллекціи, все было заставлено разнообразными ящиками, картонками, коробками изъ подъ сигаръ съ торфяными подстилками, — стеклянные ящики стояли на полкахъ, лежали на прилавкѣ или же были вставлены въ высокіе, темныя шкапы, — и всѣ они были наполнены ровными рядами безупречно свѣжихъ, безупречно расправленныхъ ба-

бочекъ. Иногда появлялась живность: тяжелыя коричневыя куколки, съ симметрично сходящимися бороздками на грудкѣ, показывающими, какъ упакованы зачаточныя крылья, лапки, сяжки, хоботокъ между ними, и съ членистымъ остроконечнымъ брюшкомъ, которое вдругъ начинало судорожно сгибаться вправо и влѣво, если такую куколку тронуть. Лежали онѣ во мху и стояли недорого, — и со временемъ изъ нихъ вылуплялась сморщенная, чудесно растущая бабочка. А иногда появлялись для продажи другія, случайныя, твари — маленькія черепахи ювелирнаго образа или дюжина ящерицъ, уроженокъ Маіорки, холодныхъ, черныхъ, синебрюхихъ, которыхъ Пильграмъ кормилъ мучными личинками на жаркое и виноградадинами на сладкое.

Всю жизнь онъ прожилъ въ Пруссіи, всю жизнь, безвыѣздно. Энтомологъ онъ былъ превосходный, вѣнецъ Ребель назвалъ его именемъ одну рѣдкую бабочку, да и самъ онъ кое-что открылъ, описалъ. Въ его ящикахъ были всѣ страны міра, но самъ онъ нигдѣ не побывалъ и только иногда, по воскресеньямъ, лѣтомъ, уѣзжалъ за городъ, въ скучныя, песчано-сосновыя окрестности Берлина, вспоминалъ дѣтство, поимки, казавшіяся тогда такими необыкновенными, и съ грустью смотрѣлъ на бабочекъ, всѣ виды которыхъ ему были давнымъ-давно извѣстны, прочно, безнадежно соотвѣтствовали пейзажу, — или же на ивовомъ кустѣ отыскивалъ большую, голубовато-зеленую, шероховатую на оцупь гусеницу съ маленькимъ фарфоровымъ рогомъ на задкѣ. Онъ держалъ ее, оцѣпенѣвшую, на ладони, вспоминалъ такую же находку въ дѣтствѣ, — замираніе, приговорки восторга, — и, какъ вещь, ставилъ ее обратно на сучекъ. Да, всю жизнь онъ прожилъ на родинѣ, и, хотя два-три раза подвернулась возможность начать болѣе выгодное дѣло — торговать сукномъ, — онъ крѣпко держался за свою лавку, какъ за единственную связь между его берлинскимъ прозябаніемъ и призракомъ пронзительнаго счастья: счастье заключа-

лось въ томъ, чтобы самому, вотъ этими руками, вотъ этимъ свѣтлымъ кисейнымъ мѣшкомъ, натянутымъ на обручъ, самому, самому, ловить рѣдчайшихъ бабочекъ далекихъ странъ, собственными глазами видѣть ихъ полеть, взмахивать сачкомъ, стоя по поясъ въ травѣ, ощущать бурное бѣненіе сквозь кисею. Деньги на это счастье онъ собиралъ, какъ человѣкъ, который подставляетъ чашу подъ драгоценную, скупо капающую влагу и всякій разъ, когда хоть немного собрано, роняетъ ее, и все выливается, и нужно начать сначала. Онъ женился, сильно рассчитывая на приданое, но тестъ черезъ недѣлю померъ, оставивъ наслѣдство изъ однихъ долговъ. Затѣмъ, наканунѣ войны, послѣ упорнаго труда все у него было готово къ отъѣзду, — онъ даже приобрѣлъ тропическій шлемъ; когда же это рухнуло, его еще нѣкоторое время утѣшала надежда, что теперь то онъ попадетъ кое-куда, — какъ попадали прежде на востокъ или въ колоніи молодые лейтенанты, которые, томясь походной скукой, принимались составлять коллекціи бабочекъ и жуковъ, чтобы потомъ на всю жизнь пристраститься къ нимъ. Слабый, рыхлый, больной, онъ былъ оставленъ въ тылу и иностранныхъ чешуекрылыхъ не увидѣлъ. Но самое страшное, — то, что случается только въ кошмарахъ, — произошло черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ войны: сумма денегъ, которую онъ опять съ трудомъ набралъ, сумма денегъ, которую онъ держалъ въ рукахъ, — эта вполне реальная сгущенная возможность счастья вдругъ превратилась въ бессмысленныя бумажки. Онъ чуть не погибъ, до сихъ поръ не оправился...

Покупатели были сравнительно не рѣдки, но приобретали только мелочь, скупались, жаловались на бѣдность. Послѣдніе годы, чтобы слишкомъ не волноваться, онъ избѣгалъ посѣщать энтомологическій клубъ, членомъ котораго давно состоялъ. Иногда къ нему заходилъ коллега, и Пильграма бѣсило, когда тотъ, любуясь цѣнной бабочкой, рассказывалъ, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ

онъ ее ловилъ; Пильграму казалось, что рассказчикъ совершенно равнодушенъ, пресыщенъ дальними странствіями и должно быть не испытывалъ ничего, когда утромъ, въ первый день пріѣзда, выходилъ съ сачкомъ въ степь. Въ магазинъ тускло пахло миндалемъ, ящики, надъ которыми онъ и знакомый тихо наклонялись, постепенно занимали весь прилавокъ, трубка въ сосущихъ губахъ Пильграма издавала грустный пискъ. Задумчиво онъ глядѣлъ на тѣсные ряды маленькихъ бабочекъ, совершенно одинаковыхъ для непосвященныхъ, и иногда, молча, стучалъ толстымъ пальцемъ по стеклу, указывая рѣдкость, или, мучительно сопя трубкой, поднималъ ящикъ къ свѣту, опять опускалъ на прилавокъ и, вонзая ногтями подъ тугіе края крышки, расшатывалъ ее легкимъ рывкомъ и плавно снималъ. «Да, это самочка», — говорилъ коллега, наклоняясь тоже надъ открытымъ ящикомъ. Пильграмъ, мыча, брался двумя пальцами за головку черной булавки, на которой было распято крохотное бархатное существо, и долго смотрѣлъ на крылья, на тѣльце, поворачивалъ, глядѣлъ на исподъ и, выдохнувъ вмѣстѣ съ дымомъ латинское названіе, втыкалъ бабочку обратно. Его движенія были какъ будто небрежны, но это была особая, безошибочная небрежность опытнаго хирурга. Хрупкую бабочку, чьи сухіе сяжки отломались бы при малѣйшемъ толчкѣ, — или такъ по крайней мѣрѣ казалось, — и которая легко могла выскользнуть, когда онъ ее вертѣлъ, держа за булавку, эту много стоящую бабочку, этотъ, быть можетъ, единственный экземпляръ, Пильграмъ бралъ такъ же просто, какъ если бы его пальцы и булавка были согласованныя части одной и той же непогрѣшимой машины. Но случалось, что какая-нибудь открытая коробка, тронутая обшлагомъ увлекшагося коллеги, начинала съѣзжать съ прилавка; Пильграмъ, замѣтивъ, во время останавливалъ ее и, только черезъ нѣсколько минутъ, занимаясь другимъ, издавалъ страдальческій стонъ.

Погода коллега, поднявъ шляпу съ пола, уходилъ, но

Пильграмъ, бормоча, еще долго возился съ ящиками, отыскивалъ что-то. Его огромное знаніе въ области чешуекрылыхъ тяготило, дразнило его, искало выхода. Всякая чужая страна представлялась ему исключительно, какъ родина той или иной бабочки, — и томленіе, которое онъ при этомъ испытывалъ, можно только сравнить съ тоской по родинѣ. Міръ онъ зналъ совершенно по своему, въ особомъ разрѣзѣ, удивительно отчетливомъ и другимъ недоступномъ. Если бъ онъ побывалъ въ какой-нибудь прославленной мѣстности, Пильграмъ замѣтилъ бы только то, что относилось къ его добычѣ, служило для нея естественнымъ фономъ, — и только тогда запомнилъ бы Эректонъ, если бы съ листа оливы, растущей въ глубинѣ святилища, слетѣла и была подхвачена свистящимъ сачкомъ греческая достопримѣчательность, которую лишь онъ, специалистъ, могъ оцѣнить. Географическій образъ міра, подробнѣйшій путеводитель (гдѣ игорные дома и старыя церкви отсутствовали) онъ безсознательно составилъ себѣ изъ всего того, что нашелъ въ энтомологическихъ трудахъ, въ ученыхъ журналахъ и книгахъ, — а прочелъ онъ необыкновенно много и обладалъ отличной памятью. Динь въ южной Франціи, Рагуза въ Далмаціи, Сарепта на Волгѣ, — знаменитыя, всякому энтомологу дорогія мѣста, гдѣ ловили мелкую нечисть, на удивленіе и страхъ аборигенамъ, странные люди, пріѣхавшіе издалека, — эти мѣста, славныя своей фауной, Пильграмъ видѣлъ столь же ясно, словно самъ туда съѣздилъ, словно самъ въ поздній часъ пугалъ содержателя скверной гостиницы грохотомъ, толпотомъ, прыжками по комнатамъ, въ открытое окно которой, изъ черной, щедрой ночи, влетѣла и стремительно закружилась, стучаясь о потолокъ, сѣренькая бабочка. Онъ посѣщалъ Teneriffu, окрестности Оротавы, гдѣ въ жаркихъ, цвѣтущихъ овражкахъ, которыми изрѣзаны нижніе склоны горъ, поросшихъ каштаномъ и лавромъ, летаетъ диковинная разновидность капустницы, и тотъ другой островъ — давнюю любовь охотниковъ,

— гдѣ на желѣзнодорожномъ скатѣ, около Виццавоны, и повыше, въ сосновыхъ лѣсахъ, водится смуглый, коренастый, корсиканскій махаонъ. Онъ посѣщаль и сѣверъ — болота Лапландіи, гдѣ мохъ, гонобобель и карликовая ива, богатый мохнатыми бабочками полярный край, — и высокія альпійскія пастбища, съ плоскими камнями, лежащими тамъ и сямъ среди старой, скользкой, колтунной травы, — и, кажется, нѣтъ большаго наслажденія, чѣмъ приподнять такой камень, подъ которымъ и муравьи, и синій скарабей, и толстенная сонная ночница, еще, быть можетъ, никѣмъ не названная; и тамъ же, въ горахъ, онъ видѣлъ полупрозрачныхъ, красноглазыхъ аполлоновъ, которые плывутъ по вѣтру черезъ горный трактъ, идущій вдоль отвѣсной скалы и отдѣленный широкой каменной оградой отъ пропасти, гдѣ бурно бѣлѣетъ вода. Въ итальянскихъ садахъ лѣтнимъ вечеромъ гравій таинственно скрипѣлъ подъ ногой, и Пильграмъ долго смотрѣлъ сквозь смутную темноту на цвѣтушій кустъ, и вотъ появился, нивѣсть откуда, съ жужжаніемъ на низкой нотѣ, олеандровый бражникъ, переходилъ отъ цвѣтка къ цвѣтку, останавливаясь въ воздухѣ передъ вѣнчикомъ и такъ быстро трепеща на мѣстѣ, что виденъ былъ только прозрачный ореолъ вокругъ торпедообразнаго тѣла. Онъ зналъ бѣлые вересковые холмы подъ Мадридомъ, долины Андалузіи, скалы и солнце, большія горы, плодородный и лѣсистый Альбарацинъ, куда довозилъ его по витой дорогѣ маленькій автобусъ. Забирался онъ и на востокъ, въ волшебный Уссурійскій край, и далеко на югъ, въ Алжиръ, въ кедровые лѣса, и черезъ пески въ оазисъ, орошенный горячимъ источникомъ, гдѣ пустыня кругомъ тверда, плотна, въ мелкихъ левкояхъ и въ лиловыхъ ирисахъ.

Занимаясь преимущественно палеарктической фауной, онъ съ трудомъ воображалъ тропики, — и попытка туда проникнуть мечтой вызывала сердцебіеніе и чувство, почти нестерпимое, сладкое, обморочное. Онъ ловилъ са-

фирныхъ амазонскихъ бабочекъ, такихъ сіяющихъ, что отъ нихъ просторныхъ крыльевъ ложился на руку или на бумагу голубой отсвѣтъ. Въ Конго на жирной, черной землѣ плотно сидѣли, сложивъ крылья, желтыя и оранжевыя бабочки, будто воткнутыя въ грязь, — и взлетали яркой тучей, когда онъ приближался, и опускались опять на то же мѣсто. И на Суматрѣ, въ саду, среди джунглей, апельсиновые деревья въ цвѣту привлекали одну изъ крупнѣйшихъ денницъ, съ великолѣпными тюлевыми крыльями, съ пятнистымъ загнутымъ брюшкомъ толщиною въ палецъ.

«Да, да, да», — бормоталъ онъ, держа передъ собой, какъ картину, драгоценный ящикъ. Тренькалъ звоночекъ надъ дверью, входила жена съ мокрымъ зонтикомъ, съ сѣткой для провизіи, — и онъ медленно, какъ на шарнирахъ, поворачивался къ ней спиной, вдвигая ящикъ въ одинъ изъ шкаповъ. И вотъ однажды, въ сѣрый и сырой апрѣльскій день, когда онъ размечтался, и вдругъ дернулся звоночекъ, пахнуло дождемъ, вошла Элеонора и дѣловито просѣменила въ комнаты, — Пильграмъ ясно почувствовалъ, что онъ никогда никуда не уѣдетъ, подумалъ, что ему скоро пятьдесятъ, что онъ долженъ всѣмъ сосѣдямъ, что нечѣмъ платить налогъ, — и ему показалось дикою выдумкой, невозможнымъ бредомъ, что сейчасъ, вотъ въ этотъ мигъ, садится южная бабочка на базальтовый осколокъ и дышитъ крыльями.

Уже больше года хранилась у него отданная ему на комиссію вдовой собирателя, съ которымъ онъ прежде имѣлъ дѣла, превосходная, очень представительная коллекція мелкихъ стекляннстыхъ видовъ замѣчательной породы, подражающей комарамъ, осамъ, наѣздникамъ. Вдовѣ онъ сразу сказалъ, что больше семидесяти пяти марокъ не выручить, на самомъ же дѣлѣ отлично зналъ, что цѣнность коллекціи составляетъ нѣсколько тысячъ, и что любитель, которому онъ уступить ее тысячи за двѣ, почитать, что купилъ дешево. Любитель однако не появлял-

ся, на письма, разосланныя тремъ-четыремъ. извѣстнымъ коллекціонерамъ, онъ получилъ уклончивые отвѣты, — и тогда Пильграмъ заперъ шкафъ съ коллекціей, и пересталъ о ней думать. И вотъ, въ апрѣлѣ, — какъ разъ въ тѣ дни, когда онъ впалъ въ вялое отчаяніе, мычалъ на жену, много пилъ и ѣлъ и страдалъ отъ головокруженій, — явился въ лавку господинъ, очень по модѣ одѣтый, и, бѣгая глазами по лавкѣ, попросилъ почтовую марку въ восемь пфенниговъ. Мелкія монеты, которыми онъ заплатилъ, Пильграмъ сунулъ въ глиняную копилку, стоявшую на полкѣ, и уставился въ пустоту, сося трубку. Господинъ же съ разсѣяннымъ видомъ оглянулъ ящики съ бабочками и, кивнувъ по направленію изумрудной со многими хвостиками, сказалъ, что она очень красива. Пильграмъ промямлилъ что-то о Мадагаскарѣ и вышелъ изъ-за прилавка. «А вотъ эти, — неужели тоже бабочки?» — спросилъ господинъ, ткнувъ пальцемъ въ другой ящикъ. Пильграмъ межъ тѣмъ вынулъ изумрудную съ хвостиками и, поворачивая ее такъ и сякъ, смотрѣлъ на этикетку, наколотую на булавку подъ самой грудкой. Господинъ повторилъ свой вопросъ, Пильграмъ взглянулъ по направленію его пальца, пробормоталъ, что у него есть цѣлая коллекція такихъ, — пять тысячъ экземпляровъ, — и, воткнувъ мадагаскарскую обратно, закрылъ ящикъ. «Вродѣ комаровъ», — сказалъ господинъ. Пильграмъ почесалъ небритый подбородокъ и, подумавъ, удалился въ глубину лавки. Онъ вернулся съ ящикомъ, который, крикнувъ, положилъ на прилавокъ. Господинъ сталъ разглядывать стеклянистыхъ мотыльковъ съ извѣтными тѣльцами. Пильграмъ указалъ концомъ трубки на одинъ изъ рядовъ, и одновременно господинъ произнесъ «*polaris*», тѣмъ и выдалъ себя. Пильграмъ принесъ еще ящикъ, потомъ третій, четвертый, и постепенно ему становилось ясно, что господинъ отлично зналъ о существованіи этой коллекціи, нарочно за этимъ и пришелъ, и наконецъ, когда былъ произнесенъ небрежный вопросъ — «Сколько же это все сто-

ить, — вѣроятно недорого?» — Пильграмъ пожалъ плечами и усмѣхнулся. И на слѣдующій день господинъ явился опять, и выяснилось, что Пильграмъ ему писалъ, что фамилія его Зоммеръ, — да-да, знаменитый Зоммеръ... И тогда онъ понялъ, что совершится сдѣлка.

Послѣдній разъ, что онъ однимъ махомъ заработалъ крупную сумму, было наканунѣ инфляціи, когда удалось продать тоже шкапъ съ опредѣленнымъ родомъ, — видамъ котораго, пушистымъ, съ яркими задними крыльями, даны названія, относящіяся къ любви: избранница, нареченная, супруга, прелюбодѣйка... И теперь, тонко торгуясь съ Зоммеромъ, онъ ощущалъ волненіе, тяжесть въ вискахъ, черныя пятна плыли передъ глазами, — и предчувствіе счастья, предчувствіе отъѣзда было едва выносимо. Онъ зналъ отлично, что это безуміе, зналъ, что оставляетъ нищую жену, долги, магазинъ, который и продать нельзя, зналъ, что двѣ-три тысячи, которыя онъ выручитъ за коллекцію, позволяютъ ему странствовать не больше года, — и все же онъ шелъ на это, какъ человѣкъ, чувствующій, что завтра — старость, и что счастье, пославшее за нимъ, уже больше никогда не повторитъ приглашенія.

Когда наконецъ Зоммеръ сказалъ, что черезъ три дня дастъ окончательный отвѣтъ, Пильграмъ рѣшилъ, что мента вотъ сейчасъ, сейчасъ изъ куколки вылупится. Онъ подолгу разглядывалъ карту, висѣвшую на стѣнѣ въ лавкѣ, выбиралъ маршрутъ, прикидывалъ, въ какомъ мѣсяцѣ водится тотъ или иной видъ, куда поѣхать весной, и куда лѣтомъ, — и вдругъ увидѣлъ что-зеленое, ослѣпительное и грузно присѣлъ на табуретъ. Наступилъ третій день, Зоммеръ долженъ былъ явиться ровно въ одиннадцать, — и Пильграмъ напрасно прождалъ его до поздняго вечера, — и затѣмъ, волоча ногу, багровый, съ перекошеннымъ ртомъ, пошелъ къ себѣ въ спальню и легъ на скрипящую постель. Онъ отказался отъ ужина и очень долго, закрывъ глаза, брюзжалъ на жену, думая, что она стоитъ

у постели, но потомъ, прислушавшись, услышала, какъ она тихо плачетъ въ кухнѣ, и стала думать о томъ, что хорошо бы взять топоръ и шмякнуть ее по темени. Утромъ онъ не всталъ, и Элеонора за него торговала, продала коробку акварельныхъ красокъ и чету недорогихъ бабочекъ. И еще черезъ день, когда воспоминаніе о покупателѣ стало уже совсѣмъ призрачно, какъ нѣчто, случившееся давнымъ давно, или даже не бывшее вовсе, а такъ, погостившее случайно въ мозгу, — вдругъ рано утромъ вошелъ въ лавку Зоммеръ. «Ладно, Богъ съ вами, — сказалъ онъ, — доставьте ко мнѣ нынче же...» И когда, вынувъ конвертъ, онъ зашуршалъ тысячными бумажками, у Пильграма сильно пошла кровь носомъ.

Перевозка шкапа и визитъ къ дофѣрчивой старухѣ, которой онъ, скрѣпя сердце, отдалъ пятьдесятъ марокъ, были его послѣднія берлинскія дѣла. Покупка билета, въ видѣ тетрадошки съ разноцвѣтными, отрывными листами, относилась уже къ бабочкамъ. Элеонора не замѣчала ничего, улыбалась, была счастлива, чуя, что онъ хорошо заработалъ, но боясь спросить, сколько именно. Стояла прекрасная погода, Пильграмъ ни разу за день не повысилъ голоса, а вечеромъ зашла госпожа Фангеръ, владѣлица прачешной, чтобы напомнить, что завтра свадьба ее дочери. Утромъ на слѣдующій день Элеонора кое-что выгладила, кое-что вычистила и хорошенько осмотрѣла мужнинъ сюртукъ. Она рассчитывала, что отправится къ пяти, а мужъ придетъ погода, послѣ закрытія магазина. Когда онъ, съ недоумѣніемъ на нее взглянувъ, отказался пойти вообще, — это ее не удивило, такъ какъ она давно привыкла ко всякаго рода разочарованіямъ. «Шампанское», — сказала она, уже стоя въ дверяхъ. Мужъ, возившійся въ глубинѣ съ ящиками, ничего не отвѣтилъ, она задумчиво посмотрѣла на свои руки въ чистыхъ перчаткахъ и вышла. Пильграмъ привелъ въ порядокъ наиболѣе цѣнныя коллекціи, стараясь все дѣлать аккуратно, хотя волновался ужасно, — и, посмотрѣвъ на часы, увидѣлъ, что пора укла-

дываться: скорый на Кельнь отходилъ въ восемь двадцать. Онъ заперъ лавку, приволокъ старый кляѣтчатый чемоданъ, принадлежавшій отцу, и прежде всего уложилъ охотничьи принадлежности, — складной сачекъ, морилки съ цѣанистымъ калиемъ въ гипсѣ, целуллоидовыя коробочки, фонарь для ночной ловли въ лѣсу и нѣсколько пачекъ булавокъ, — хотя вообще онъ предполагалъ поимокъ не расправлять, а держать сложенными въ конвертикахъ, какъ это всегда дѣлается во время путешествій. Упаковавъ это все въ чемоданъ, онъ перенесъ его въ спальню и сталъ думать, что взять изъ носильныхъ вещей. Побольше плотныхъ носковъ и натѣльныхъ фуфаекъ, — остальное неважно. Порывшись въ комодахъ, онъ уложилъ и нѣкоторые предметы, которые въ крайнемъ случаѣ можно было продать, — какъ, на примѣръ, серебряный подстаканникъ и бронзовую медаль въ футлярѣ, оставшуюся отъ тестя. Затѣмъ онъ съ ногъ до головы переодѣлся, сунулъ въ карманъ трубку, посмотрѣлъ въ десятый разъ на часы и рѣшилъ, что пора собираться на вокзалъ. «Элеонора», — позвалъ онъ громко, влѣзая въ пальто. Она не откликнулась, онъ заглянулъ въ кухню, ея тамъ не было, и онъ смутно вспомнилъ про какую-то свадьбу. Тогда онъ досталъ клочекъ бумаги и написалъ для нея карандашомъ нѣсколько словъ. Залиску и ключи онъ оставилъ на видномъ мѣстѣ, и, чувствуя ознобъ отъ волненія, журчащую пустоту въ животѣ, въ послѣдній разъ провѣрилъ, всѣ ли деньги въ бумажникѣ. «Пора, — сказалъ Пильграмъ, — пора», — и, подхвативъ чемоданъ, на ватныхъ ногахъ направился къ двери. Но, какъ человекъ, пускающійся впервые въ дальній путь, онъ мучительно соображалъ, все ли онъ взялъ, все ли сдѣлалъ, — и тутъ онъ спохватился, что совершенно нѣтъ у него мелочи, и, вспомнивъ копилку, пошелъ въ лавку, кряхтя отъ тяжести чемодана. Въ полутьмѣ лавки со всѣхъ сторонъ его обступили душныя бабочки, и Пильграму показалось, что есть даже что-то страшное въ его счасти, — это изумительное счастье на-

валивалось, какъ тяжелая гора, и, взглянувъ въ предестыне, что-то знающіе глаза, которыми на него глядѣли безчисленные крылья, онъ затрясъ головой, и, стараясь не поддаться напору счастья, снялъ шляпу, вытеръ лобъ и, увидѣвъ копилку, быстро къ ней потянулся. Копилка выскочила изъ его руки и разбилась на полу, монеты рассыпались, и Пильграмъ нагнулся, чтобы ихъ собрать.

Подошла ночь, скользкая, отполированная луна безъ малѣйшаго тренія неслась промежъ облаковъ, и Элеонора, возвращаясь за-полночь со свадебнаго ужина домой, чуть-чуть пьяная отъ вина, отъ ядреныхъ шуточекъ, отъ блеска сервиза, подареннаго молодоженамъ, шла неспѣша и вспоминала со щемящей нѣжностью то платье невесты, то далекій день собственной свадьбы, — и ей казалось, что, будь жизнь немного подешевле, все было бы въ мѣрѣ хорошо, и можно было бы прикупить малиновый молочникъ къ малиновымъ чашкамъ. Звонъ вина въ вискахъ, и теплая ночь съ бѣгущей луной, и разнообразныя мысли, которыя все норовили повернуться такъ, чтобы показать привлекательную, лицевую сторону, все это смутно веселило ее, — и, когда она вошла въ подворотню и отперла дверь, Элеонора подумала, что все-таки это большое счастье имѣть квартиру, хоть тѣсную, темную, да свою. Она, улыбаясь, зажгла свѣтъ въ спальнѣ и сразу увидѣла, что всѣ ящики открыты, вещи разбросаны, но едва ли успѣла въ ней возникнуть мысль о грабежѣ, ибо она замѣтила на столѣ ключи и прислоненную къ будильнику записку. Записка была очень краткая: «Я уѣхалъ въ Испанію. Ящиковъ съ алжирскими не трогать. Кормить ящерицъ».

На кухнѣ капалъ кранъ. Она открыла глаза, подняла сумку и опять присѣла на постель, держа руки на колянкахъ, какъ у фотографа. Изрѣдка вяло проплывала мысль, что нужно что-то сдѣлать, разбудить сосѣдей, спросить совѣта, быть можетъ поѣхать вдогонку... Кто то всталъ, прошелся по комнатѣ, открылъ окно, закрылъ его опять.

и она равнодушно наблюдала, не понимая, что это она сама дѣлаетъ. На кухнѣ капалъ кранъ, — и, прислушавшись къ шлепанію капель, она почувствовала ужасъ, что одна, что нѣтъ въ домѣ мужчины... Мысль, что мужъ дѣйствительно уѣхалъ, не умѣщалась у нея въ мозгу, ей все здавалось, что онъ сейчасъ войдетъ, мучительно закричитъ, снимая сапоги, ляжетъ, будетъ сердиться на кранъ. Она стала качать головой и, постепенно разгоняясь, тихо всхлипывать. Случилось нѣчто невѣроятное, непоправимое, — человекъ, котораго она любила за солидную грубость, за положительность, за молчаливое упорство въ трудѣ, бросилъ ее, забралъ деньги, укатилъ Богъ знаетъ куда. Ей захотѣлось кричать, бѣжать въ полицію, показывать брачное свидѣтельство, требовать, умолять, — но она все продолжала сидѣть неподвижно, — растрепанная, въ свѣтлыхъ перчаткахъ.

Да, Пильграмъ уѣхалъ далеко. Онъ вѣроятно посѣтилъ и Гранаду, и Мурцію, и Альбарацинъ, — вѣроятно увидѣлъ, какъ вокругъ высокихъ, ослѣпительно бѣлыхъ фонарей на севильскомъ бульварѣ кружатся блѣдныя ночныя бабочки; вѣроятно онъ попалъ и въ Конго, и въ Суринамъ, и увидѣлъ всѣхъ тѣхъ бабочекъ, которыхъ мечталъ увидѣть, — бархатно черныхъ съ пурпурными пятнами между крѣпкихъ жилокъ, густо синихъ и маленькихъ слюдяныхъ съ сажками, какъ черныя перья. И въ нѣкоторомъ смыслѣ совершенно неважно, что утромъ, войдя въ лавку, Элеонора увидѣла чемоданъ, а затѣмъ мужа, сидящаго на полу, среди разсыпанныхъ монетъ, спиной къ прилавку, съ посинѣвшимъ, кривымъ лицомъ, давно мертваго.

В. Сиринъ.

ОПРОЩЕНИЕ

Армякъ и лапти... да, надѣнь, надѣнь
На Душу-Мысль свою, коварно-сложную,
И пусть, какъ странница, и ночь и день,
Несетъ сермяжную суму дорожную.

Въ избѣ изъ милости подъ лавкой спитъ,
Пускай наплачется, пускай намается,
Слезами ѣдкими свой хлѣбъ солить, —
Пусть тяжесть зѣмная ей открывается...

Тогда опять ее прими, прими
Всепобѣдившую, смиренно-смѣлую...
Она, крылатая, жила съ людьми,
И жизнь вернула ей одежду бѣлую.

НА — КРЕСТЬ

Стѣны бѣлы въ полуночный часъ.
Вась-ли бояться, — отмѣны, измѣны?
Мило мнѣ жизни моей движенье,
Бьенье, — забвенье того, что было,
Знакъ перелета... Сойдутся-ль, вѣтъ-ли
Петли опять — но будетъ не такъ.
Тають мгновенья, пройти не хотятъ...
Радъ я смѣнѣ, пусть умирають.
Словъ не надо — хотѣнія смѣлы.
Бѣлы стѣны позднихъ часовъ.

МІРЪ СЕИ...

Прости мнѣ за тѣхъ, кого я
отнялъ у жизни сей,
отнялъ у сна и покоя,
у женъ и у матерей.

Вѣдь если я отнимаю,
въ это иду, любя;
вѣрю, иду и знаю:
такъ дѣлаю — для Тебя.

ЗВѢЗДОУБИЦА

Все, что бываетъ, не исчезаетъ.
Пусть миновало, но не прошло.
Лунное небо тайны не знаетъ,
Лунное небо праздно-свѣтло.

Все, что мелькнуло, — новымъ вернется.
Осень сегодня — завтра весна...
Звѣздоубійца съ неба смѣется,
Звѣздоубійца, злая луна.

Въ явь превращу я волей моею
Все, что мерцаетъ въ тающемъ снѣ.
Сердцу-ль не вѣрить? Я-ль не посмѣю?
Только не надо вѣрить лунѣ.

ГОРНОЕ

Освѣщена послѣдняя сосна,
Подъ нею темный кряжъ пушится...
Сейчасъ погаснетъ и она.
День конченный — не повторится.

День кончился. Что было въ немъ?
 Не знаю, пролетѣлъ, какъ птица.
 Онъ былъ обыкновеннымъ днемъ...
 А все-таки — не повторится.

ВЪ СТАРОМЪ ЗАМКѢ

Птичій вскрикъ зеленой ночью,
 отрывисто-строгий,
 лунный сверкъ зеленой ночью
 креста при дорогѣ...

Древнее молчанье
 башенъ тяжелыхъ.
 Тѣнь и молчанье
 въ бойницахъ полыхъ.

И только
 не ищетъ покоя.
 Слышу, какъ бьется сердце
 еще живое...

СМОТРЮ

Я сужень на единой Мысли,
 Одно я вижу остріе...
 Ну что-жь! Смотри, гадай и числи,
 Не отступай, — смотри въ нее.

Я на единой Мысли сужень.
 Смотрю въ блистательную тьму...
 И мнѣ давно никто не нуженъ,
 Какъ я не нуженъ никому.

ТАМЪ

Ты живешь, можетъ быть, за стѣною,
Или на отдаленной звѣздѣ,
Или бабочкою голубою
Въ Эфіопіи бьешься въ трудѣ.

Но нигдѣ — даже и на мгновенье —
Я не встрѣтилъ тебя подъ луной
Въ этомъ горькомъ и темномъ томленьи,
Что зовется любовью земной.

Только смутные сны на разсвѣтѣ
Мнѣ напоминаютъ порой о другомъ,
О какой-то туманной планетѣ,
Гдѣ мы жили и пѣли вдвоемъ,

Гдѣ подъ бархатными небесами
Мы летали въ прекрасномъ бреду,
И печальное небо надъ нами
Осыпалось, какъ непель въ аду.

*
**

Міръ непрочень, какъ туманъ,
Рифма — горестный обманъ,
Эхо съ береговъ иныхъ,
Ангельскій отвѣтъ на стихъ.
Замираетъ сладкій звукъ,
Падаетъ перо изъ рукъ,
Черный вѣтеръ къ намъ летитъ,
Прядь волосъ онъ шевелитъ
Надъ высокимъ смертнымъ лбомъ —
Будетъ тишина потомъ,
Пепломъ замететъ нашъ путь,
И замерзнетъ въ трубкѣ ртуть.
Тучи снѣжныхъ мотыльковъ
Прилетаютъ съ облаковъ,
Голубѣтъ вѣчный ледъ,
Роза, гдѣ твой лѣтній медъ?

Ант. Ладинскій.

Отчего погибла Атлантида?

(Изъ книги «Тайна Запада»).

БѢЛАЯ И ЧЕРНАЯ МАГІЯ.

I

Мысль «Атлантиды» очень проста у Платона, а если кажется намъ непонятной, то, можетъ быть, только потому, что слишкомъ противоположна всѣмъ нашимъ мыслямъ объ исторіи. Это мысль Бытія и всей до-христіанской, языческой древности; тутъ, впрочемъ, язычники къ христіанству ближе нашего.

Мы живемъ въ «божественной» или «не-божественной комедіи», они живутъ въ трагедіи; рай для насъ будетъ, для нихъ—былъ; грѣхопаденія для насъ не было, для нихъ — было; мы знаемъ, что все хорошо кончится, этого они не знаютъ; мы движемся впередъ — «прогрессируемъ» — по прямой и непрерывной линіи, они — по ломанной и прерванной: прерывъ и есть «Атлантида».

II

Атлантида — рай на землѣ, но какой, бывший или будущій, этого Платонъ не знаетъ, не смѣетъ знать, можетъ быть, потому, что слишкомъ хорошо знаетъ, что рѣчь идетъ не о пустякахъ, а о самомъ для него святомъ и великомъ — о Градѣ человѣческомъ — Градѣ Божьемъ: тутъ сказать, значить сдѣлать, а сдѣлать, значить «измѣниться физически», уже не въ «идеѣ-образѣ», не въ миѣѣ, «измышленной баснѣ, а въ сущей истинѣ», что сдѣлать не такъ-то легко.

III

Манить насъ всѣхъ Океанъ, обтекающій Островъ
блаженныхъ,

вспоминаетъ Гораций Гомера:

Ты не умрешь и не встрѣтишь судьбы въ многоко-
номъ Аргосѣ;
Ты за предѣлы земли, на поля Елисейскія будешь
Посланъ богами, туда, гдѣ живетъ Радамантъ зла-
товласый,
Гдѣ пробѣгаютъ свѣтло безнечальные дни человѣка,
Гдѣ ни метелей, ни ливней, ни хладовъ зимы не
бываетъ.
Гдѣ сладко-шумно летающій вѣетъ Зефиръ,
Океаномъ
Съ легкой прохладой туда посылаемый людямъ
блаженнымъ.

Это такъ хорошо, что забыть нельзя: это золотой вѣкъ,
золотой сонъ человѣчества.

«Вся эта часть Острова (около столицы Атлантовъ),
обращенная къ югу, защищена была горами отъ сѣвер-
ныхъ вѣтровъ, — сообщаетъ Платонъ. — Горы же тѣ сла-
вились тогда красотой и величьемъ больше всѣхъ нынѣш-
нихъ горъ на землѣ». Падая въ море отвѣсными кручами
скаль, усидняли онѣ райски-уютныя долины Острова.

«И такое было тамъ изобиліе всего, что корму хватало
не только на всякую тварь въ озерахъ, болотахъ и рѣ-
кахъ, а также на горахъ и въ долинахъ, но даже слоны,
которыхъ было на Островѣ множество, — самая большая
и прожорливая тварь — нажиралась до-сыта. И всѣ благо-
воныя, какія только рождаетъ земля, и цѣлебныя корни,
и злаки, и деревья, источающія смолы, и плоды, и цвѣты...
чудесныя, волшебныя священные... все это Островъ, тогда
еще озаряемый солнцемъ, рождалъ въ изобиліи неизсякае-
момъ».

Что за грусть въ этихъ словахъ, точно тѣнь смерти въ сіяніи рая: «Островъ, тогда еще озаряемый солнцемъ!» Можетъ быть, та же тѣнь проходитъ и по лицу Платона: вдругъ понимаетъ онъ, что Острова Блаженныхъ самъ никогда не увидитъ, потому что Мрачное море, *mare tenebrosum* — Смерть — отдѣляетъ его отъ живыхъ.

IV

Иногда, какъ будто нарочно, онъ спускаетъ мнѣ, чтобы прохладнымъ облакомъ скрыть слишкомъ жгущій огонь мистеріи: «измѣниться физически» — сгорѣть, умереть, оставаясь въ тѣлѣ, не такъ-то легко. Уже въ самомъ началѣ разсказа такое сгущеніе.

Богъ Посейдонъ, получивъ при дѣлежѣ міра между богами островъ Атлантиду, полюбилъ живущую на немъ смертную дѣвушку Клито (Kleito), и оградилъ, ревнивый любовникъ, жилище возлюбленной, приморскій холмъ, заключивъ его въ концентрическія кольца рвовъ и валовъ, чтобы никто не могъ проникнуть въ него, ибо люди тогда еще мореходства не знали. Этотъ новообразованный островъ, малый въ большемъ, онъ украсилъ чудесно: «высѣкъ изъ земли два источника, холодный и горячій, бившіе вмѣстѣ изъ одного отверстія, и произрастилъ обильно злаки, потребныя къ пищѣ». Это напоминаетъ рай Бытія: «произрастилъ Господь Богъ всякое дерево, пріятное на видъ и хорошее для пищи, и Дерево Жизни среди рая».

Десять сыновъ-близнецовъ, рожденныхъ отъ Клито, богъ вскормилъ самъ и, раздѣливъ между ними Островъ, первенцу, Атласу, далъ въ удѣлъ жилище матери, съ окрестной, лучшей и обширнѣйшей областью, и поставилъ его царемъ надъ братьями, а тѣхъ — князьями-архонтами, каждого надъ обширною и многолюдною областью. «И другими островами того Океана, а также областями до сю сторону Геркулесовыхъ Столповъ, до Египта и Тирреніи, владѣли они и потомки ихъ, ибо отъ царя Атласа произошелъ многочисленный и славный родъ; царская же власть переходила всегда къ старшему въ родѣ, и такъ сохранялась въ теченіе многихъ родовъ», по «закону, данному самимъ богомъ и начертанному первыми царями на орихалковомъ столбѣ въ храмѣ Посейдона, въ серединѣ Острова».

V

Кажется, Платонъ не глупѣе нашего: онъ хорошо понимаетъ, что все это сказка, даже не для взрослыхъ, а для маленькихъ дѣтей; понимаетъ и то, что настоящій богъ Атлантиды — не Посейдонъ.

«Греческимъ именамъ варваровъ не удивляйтесь, — предупреждаетъ слушателей Критій. — Первые, записавшіе повѣсть, египтяне перевели эти имена на свой языкъ, а Солонъ перевелъ ихъ на греческій».

Перваго царя Атлантиды Платонъ называетъ «Атласомъ»; Атласъ — титанъ, богъ; и это похоже на исторію: основатели великихъ государствъ и благодѣтели народовъ сльвуть у нихъ «богами»: *divus Caesar*, Александръ — *theos*.

Богъ Средиземнаго моря — Посейдонъ, а богъ Атлантики — Атласъ: можетъ быть, въ этихъ двухъ именахъ — расторжмая связь мифа-мистеріи съ исторіей.

VI

Атласъ — древній богъ-титанъ, низвергнутый новыми богами Олимпа.

Одного мы прежде знали
Бога, скованнаго цѣлью, —
Знали Атласа-титана,
Что, раздавленный, согнувшись,
На плечахъ могучихъ держитъ
Безпредѣльный сводъ небесъ,

плачеть хоръ Океанидъ въ «Скованномъ Прометей» Эсхила. Прежде знали одного, а теперь узнали и другого: Прометей — на востокъ, Атласъ — на западъ. Оба — «страдальцы»: *πάθω* — корень имени *Atlas*, значитъ «терплю», «страдаю»; можетъ быть, и всей мистеріи корень: тайна страданія — уже не олимпійская, а титаническая тайна Атласа и Атлантиды — Атлантики.

Волны падаютъ на волны,
Плачеть море, стонуть бездны;

Подъ землей, въ пещерахъ темныхъ,
Содрогается Аидъ,
И свѣтло текутъ, какъ слезы,
Родники священныхъ рѣкъ.

Этихъ слезъ не знаетъ Олимпъ, но всѣхъ мистерій сладость сладчайшая — въ нихъ. «Человѣкъ любить страдать», вотъ что хочеть и не смѣетъ сказать Платонъ: если бы онъ это сказалъ — открылъ тайну мистерій, — греки казнили бы его такъ же, какъ едва не казнили Эсхила за «Прометей».

VII

Огонь

Я смертнымъ далъ, и вотъ за что наказанъ,

говорить Прометей и могъ бы сказать Атласъ; тотъ — создатель второго человѣчества, этотъ — перваго; оба — человѣколюбцы: страдаютъ за то, что любятъ людей больше боговъ. Тайна страданія — тайна любви: вотъ огонь титановъ, которымъ сожженъ будетъ міръ боговъ.

Съ первымъ человѣчествомъ страдаетъ Атласъ въ Атлантидѣ — прѣисторіи, со вторымъ — Прометей — въ исторіи.

VIII

Древне-вавилонскій богъ Эа, богъ бездны морской и бездны премудрости, тоже человѣколюбецъ, тоже открываетъ людямъ тайны боговъ и возстаетъ на Ану, бога Отца, чтобы спасти человѣчскій родъ отъ совершеннаго истребленія потопомъ. Первый міръ спасаетъ или хотѣлъ бы спасти Эа, а сынъ его, Страдалецъ Таммузъ спасаетъ міръ второй.

Эти три мѣта-мистеріи — вавилонскій, египетскій, греческій — можетъ быть, три луча одного свѣта, идущаго изъ бездны вѣковъ: что-то видятъ въ ней древніе, чего мы уже не видимъ.

IX

Мать-Вода древнѣ Матери-Земли. «Все отъ воды», учить физикъ Фалесъ; это знаетъ и метафизикъ Платонъ, но болѣе глубокимъ знаніемъ.

Духъ Земли ужасаетъ Фауста:

Weh! ich ertrag dich nicht.
Горе! я не могу тебя вынести.

Духъ Воды ужаснулъ Платона.

Атласомъ — духомъ Атлантики — рождена Атлантида. Сто Океанидъ, сидящихъ на дельфинахъ, — тотъ самый хоръ, который будетъ нѣкогда плакать у ногъ Прометей, — окружаетъ въ столицѣ Атлантовъ, въ храмѣ Посейдона-Океана, его исполницкій кумирь.

Вѣянье соленой свѣжести сквозь всѣ благовоныя райскихъ долинъ — и теплыя смолы горныхъ лѣсовъ уже обвѣзаетъ грознымъ дыханіемъ безднъ Островъ, «пока еще озаряемый солнцемъ».

X

Твой образъ былъ на всеъ означенъ,
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ.
Какъ ты, могучъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ,

можно бы сказать Океану о двухъ его созданіяхъ — древнемъ и новомъ: Западъ — Атлантидъ и Европъ.

Рабствомъ Атлантида кончила — начала свободой; можетъ быть, и участь Европы та же. Духъ Океана есть духъ свободы скованной, духъ мятежа — «революціи», какъ мы говоримъ. — духъ безмѣрности. Греки, люди мѣры, явно бѣгутъ отъ него, тайно влекутся къ нему. *Hybris* — этимъ непереводаемымъ словомъ называють его Платонъ.

Hybris — гордыня титановъ, больше гордости человѣческой. «Человѣкъ возвеличится духомъ божеской, титанической гордости, и явится Человѣкобогъ» (Достоевскій).

Вотъ какія глубины озарять сквозь облако миеа огонь мистеріи однимъ только словомъ: «*ethrepsato*, вскормиль»; «десять сыновъ-близнецовъ богъ отъ смертной родиль и вскормиль». Вскормиль чѣмъ? Магіей, знаніемъ глубинъ.

Атласу вѣдомы всѣ глубины Океана,

сообщаетъ Гомеръ. Другъ Олимпійцевъ, врагъ Титановъ, называетъ онъ Атласа «злымъ хитрецомъ», «кознодѣемъ», *oloophronos*, потому что «знаніе глубинъ» для Гомера тоже «гордыня», злая сила, или, какъ сказали бы христіане, «сила нечистая» — «черная магія».

Дочь Атласа, нимфа Калипсо — колдунья-волшебница: тамъ, въ Океанѣ Кромѣшномъ, на своемъ пустынномъ островѣ Огигіи, можетъ быть, однимъ изъ острововъ Атлантиды, держитъ она Одиссея въ плѣну «волшебствомъ». Дочь въ отца: «козни» Атласа — тайны магическихкихъ знаній: ими-то онъ и «вскормиль» сыновъ своихъ, Атлантовъ.

Вся ихъ теократія есть теургія, магія. Мы сейчасъ увидимъ, что вся Атлантида зиждется на одномъ магическомъ дѣйстви — таинствѣ.

XI

Магія, душа Атлантиды — «ночная душа» всего чело-
вѣчества.

Ахъ, двѣ души живутъ въ моей груди!

Можетъ быть, мы все еще не понимаемъ, какъ слѣдуетъ, трагическаго значенія для насъ этихъ двухъ душъ.

Двѣ души — два сознанія: бодрствующее, дневное, поверхностное, и ночное, спящее, глубокое. Первое — движется по закону тождества, въ силлогизмахъ, индукціяхъ, и, доведенное до крайности, даетъ всему строенію культуры тотъ мертвый, механической обликъ, который такъ хорошо намъ знакомъ; второе — движется по законамъ какой-то невѣдомой намъ логики, въ прозрѣнiahъ, ясно-видѣнiahъ, интуиціяхъ, и даетъ культурѣ обликъ живой, органической, или, какъ сказали бы древніе, «магической».

Наблюдая рядъ нисходящихъ отъ насъ въ глубину древности, великихъ культуръ, мы замѣчаемъ, что, по мѣ-

рѣ нисхожденія, механичность дневнаго сознанія въ нихъ убываетъ, и возростааетъ органичность сознанія ночнаго, — та для насъ темная область его, которую древніе называютъ «магіей», «теургіей»; если же довести этотъ рядъ до конца, то получится нашъ крайній антиподъ, противоположно-подобный двойникъ — противоположный въ путяхъ, подобный въ дѣли — въ безконечной власти надъ природою, — та совершенно-органическая, «магическая» культура, которую миѡ Платона называетъ «Атлантидой».

Судя по исполинскому зодчеству Атлантовъ, о которомъ сообщаетъ Платонъ, «механика» ихъ была не менѣе, а можетъ быть и болѣе совершенна, чѣмъ наша; судя по нашей религіи, христіанству, интуиція наша не менѣе, а можетъ быть и болѣе глубока, чѣмъ интуиція Атлантовъ. Въ чемъ же наша разница съ ними? Въ волѣ, въ сознаніи: мы только и дѣлаемъ, что подчиняемъ нашу интуицію механикѣ, — покрываемъ наше ночное сознаніе дневнымъ; Атланты наоборотъ, свое дневное сознаніе покрываютъ ночнымъ, свою механику подчиняютъ магіи; для насъ механика — крылья, для нихъ тяжесть, которую поднимаютъ они на крыльяхъ магіи.

XII

Меньше всего Платону можно говорить о магіи, теургіи — душѣ мистеріи, чьи тайны для него хранимы не только человѣческимъ, но и болѣе грознымъ судомъ.

Магію скрываетъ онъ подъ математикой: холодно, сухо, почти скучно, описываетъ страну Атлантовъ, но съ такою точностью, что, по этимъ описаніямъ, можно бы составить карту Атлантиды. Математическою точностью онъ, можетъ быть, хочетъ насъ увѣрить въ дѣйствительности того, что описываетъ; но это плохо ему удастся: миѡмъ пахнетъ отъ его математики.

Говоря о каналахъ, соединяющихъ столицу Атлантовъ съ моремъ, сообщаетъ: «ширина ихъ въ три плѣтра, глубина во сто футовъ, длина въ пятьдесятъ стадій»; и о вѣшнихъ, окружающихъ внутренней островъ съ Акрополемъ, концентрическихъ кольцахъ-островахъ, выведенныхъ самимъ богомъ, правильно, какъ по циркулю: въ первомъ, самомъ большемъ кольцѣ, водяной ровъ и земляной валъ

имѣли въ ширину три стадіа, во второмъ — двѣ, въ третьемъ — одну. «Одинъ, два, три», — та же игра пифагорейскихъ чиселъ и здѣсь, какъ въ началѣ бесѣды; въ числахъ земныхъ — небесная «музыка сферъ». Эти концентрическія кольца острововъ — земные круги — можетъ быть, изображаютъ круговороты свѣтилъ, ибо Атласу «вѣдомы всѣ глубины», не только Океана, но и неба.

«Атласъ (человѣкъ, первый царь Атлантовъ) постигъ и открылъ людямъ движеніе небесныхъ свѣтилъ, отчего и произошло сказаніе, будто бы онъ держитъ небо на плечахъ», сообщаетъ Діодоръ.

Можетъ быть, чертя магическіе круги на землѣ — кольца острововъ и каналовъ, онъ учитъ Атлантовъ небесной механикѣ-магін.

ХІІІ

Такъ въ ледяныхъ кристаллахъ геометріи закипаетъ у Платона огненное вино мистеріи; проступаетъ сквозь математику страшно-огромный сонъ самого титана, небодержца Атласа.

Сѣтъ исполинскихъ, оросительныхъ и судоходныхъ каналовъ, пересѣкающихъ вдоль и поперекъ великую равнину за Городомъ, напоминаеть «систему каналовъ» на планетѣ Марсѣ. «Трудно повѣрить, чтобы онъ могъ быть созданъемъ человѣческихъ рукъ», говоритъ Платонъ о самомъ большемъ изъ нихъ, въ 10.000 стадій длины, котормъ обведена вся равнина.

Столь же неимовѣрны циклопическія стѣны городскихъ валовъ и Акрополя — одна, обитая мѣдью, другая — оловомъ, третья — орихалкомъ, *oreichalkos*, «горною мѣдью» съ огневидными жилками, *marmorygas pyrôdeis*, можетъ быть, особымъ, атлантическимъ, исчезнувшимъ потомъ изъ природы, металломъ — не первымъ ли Веществомъ въ состояніи «магическомъ»? Неимовѣрны мосты съ крѣпостными воротами и башнями, перекинутые черезъ каналы на такой высотѣ, что самыя большія триремы проходятъ подъ ними, не опуская мачтъ. Неимовѣрны прорытые сквозь земляныя насыпи окружныхъ валовъ подземные каналы и вырубленныя въ толщѣ скалъ, въ бывшихъ каменоломняхъ, подземныя, для цѣлыхъ флотовъ, гавани — свѣтомъ какихъ искусственныхъ солнцъ освѣ-

ценныя? Неимовѣрны титаническія верфи, орудіиные заводы, арсеналы, казармы, ристалища, водопроводы, бани, школы, дворцы, сады, священные роши съ «деревьями красоты и высоты божественной, *daimonion*»; и царственная тишина Акрополя, гдѣ живетъ царь Атлантиды, сынъ Атласа, «человѣкъ-богъ»; и въ торговой части города, съ домами изъ бѣлаго, чернаго и краснаго камня, въ тѣсныхъ улицахъ надъ главною гаванью, переполненною кораблями со всѣхъ концовъ міра, отъ Гипербореи до Африки, — оглушительный грохотъ, скрежетъ, лязгъ мѣдныхъ машинъ — мѣдь Атлантовъ крѣпче стали — и въ многоязычной толпѣ, «несмолкаемый ни днемъ, ни ночью гулъ голосовъ».

Все это такъ живо, что кажется, Платонъ видѣлъ это самъ на яву или въ пророческомъ снѣ:

Болѣзненно-яркій, волшебнo-нѣмой,
Онъ вѣялъ легко надъ гремящею тьмой.
Въ лучахъ огневицы развилъ онъ свой міръ;
Земля зеленѣла, свѣтился эфиръ...
Сады, лабиринты, чертоги, столпы...
И чудился шорохъ несмѣтной толпы.
Я много узналъ мнѣ невѣдомыхъ лицъ,
Зрѣлъ тварсей волшебныхъ, таинственныхъ птицъ.
По высямъ творенья я гордо шагалъ,
И міръ подо мною недвижно сіялъ...
Сквозь грёзы, какъ дикій волшебника вой,
Лишь слышался грохотъ пучины морской, —

Атласа-волшебника или Атлантики вой.

И въ тихую область видѣній и сновъ
Врывалася пѣна ревущихъ валовъ.

Одинъ изъ валовъ и смететь Атлантиду, какъ сонъ:
«кто ее создалъ, тотъ и разрушилъ».

XIV

Но пока еще Островъ Блаженныхъ «озаряется солнцемъ». Солнце Атлантиды -- магическое дѣйствіе — таинство.

«Разъ въ пять или шесть лѣтъ, соблюдая четъ и нечетъ (опять игра пифагорейскихъ чиселъ) — десять царей Атлантиды сходились въ Посейдоновомъ храмѣ, гдѣ воздвигнутъ былъ орихалковый столбъ съ письменами закона, чтобы совѣщаться о дѣлахъ правленія, а также испытывать другъ друга, не преступилъ ли кто изъ нихъ закона, и, если преступилъ, того судить. «Но до суда клялись они другъ другу въ вѣрности такъ: вышустивъ на волю Посейдоновыхъ быковъ изъ ограды святилища и оставшись одни, молили бога, чтобы далъ имъ изловить ему угодную жертву, выходили на ловъ безъ желѣза, съ одними сѣтями и колями; изловивъ же быка, приводили его къ столбу и закалывали на самыхъ письменахъ закона. Была же на столбѣ, кромѣ закона, и великая на ослушниковъ клятва. Освятивъ всѣ жертвенныя части быка и очистивъ столбъ отъ крови, наполняли ею кратеръ и окропляли другъ друга, все же остальное сжигали въ огнѣ. Послѣ того, черпая золотыми фіалами кровь изъ кратера и возливая ее на огонь, клялись судить по начертанному на столбѣ закону, кто преступитъ его, — того казнить, самимъ же вольно не преступать ни въ чемъ, не властвовать, ни подчиняться власти ничьей, кромѣ того, кто хранить отчій законъ. Въ этомъ каждый клялся за себя и за свой родъ. И пили кровь, и посвящали фіалы въ даръ богу».

«Послѣ же вечери, все совершивъ, когда уже смеркалось, и жаръ углей остывалъ на жертвенникѣ, всѣ облакались въ прекраснѣйшія, темносинія, какъ синева Океана, одежды *kyanên stolên* и, потушивъ всѣ огни во святилищѣ, сажались на пепель жертвы и, во мракѣ ночи, судили и были судимы, если кто что преступилъ. Когда же свѣтало, записывали судъ и приговоръ на золотой доскѣ и посвящали ее вмѣстѣ съ одеждами богу».

«Много и другихъ законовъ было у нихъ, главный же и святѣйшій — никогда не подымать другъ на друга оружія и помогать другъ другу во всемъ... войну и другія дѣла рѣшать по общему согласью, какъ рѣшали отцы ихъ, отдавая всегда верховную власть Атлантову роду».

XV

«Пили кровь» закланной жертвы, — что это значить, поняли бы всё посвященные въ Діонисовы таинства. Главное въ нихъ — о м о ф а г і я, вкушеніе отъ сырого жертвеннаго мяса, какъ отъ божеской плоти и крови, ибо теургическая сила таинства заключается въ «преосуществленіи» заколаемой жертвы въ плоть и кровь самого бога: вкушая отъ нихъ вакхи алкали «исполниться богомъ», сдѣлаться «богоодержимыми», *entheoi*. Омофагія есть теофагія — «боговкушеніе».

Поняли бы, что это значить, и всё, посвященные въ таинства Озириса, Таммуза, Адониса, Аттиса, Митры, — всёхъ страдающихъ боговъ.

«Бога должно заклать», читаемъ мы на одной шумерійской глиняной дощечкѣ бездонной древности — можетъ быть, то самое, что на орихалковомъ столбѣ Атлантиды. Кажется, той же древности миѳъ сообщаетъ Бэрозъ, вавилонскій жрецъ III вѣка до Р. Х.: «видя, что земля плодородна и необитаема, Бэль (богъ солнца) отрубилъ себѣ голову, и прочіе боги, смѣшавъ текущую кровь съ землею, вылѣпили человѣковъ; потому и обладаютъ они разумомъ и естеству боговъ причастны».

Въ книгѣ Бытія, Богъ создастъ человѣка изъ «красной глины», *afar*, лѣпитъ его, какъ горшечникъ глину. Можетъ быть, земля — «красная», потому что смѣшана тоже съ кровью, но чьею, здѣсь уже не сказано.

Древній, шумерійскій подлинникъ вавилонскаго миѳа о твореніи міра, *enûma elis*, подтверждаетъ сказаніе Бэроза:

Боги призвали богиню,
Мудрую Мами, Помощницу:
«Ты, единая плоть материнская,
«Можешь создать человѣковъ,
«Да иго боговъ понесутъ».
Открываетъ уста свои Мами,
Великимъ богамъ говорить:
«Я одна не могу»...

Далѣе клинопись стерта, только въ концѣ можно прочесть:

Открываетъ уста свои Эа,
 Великимъ богамъ говорить:
 «Бога должно заклатъ...
 «Съ божеской плотью и кровью
 «Мами глину смѣсить...»

Эа, человѣколюбецъ, отецъ Таммуза Страдальца, -- тотъ же Атласъ: оба, выходя изъ Океана, открываютъ людямъ тайны боговъ, — и эту, еще богамъ неизвѣстную, главную тайну: страдать — любить; *tlad* — страдаю — корень имени «Атласъ» — всей Атлантиды корень.

XVI

Вотъ какимъ солнцемъ озаряется Островъ Блаженныхъ; вотъ какой «механикой-магіей» держитъ Атласъ на могучихъ плечахъ, какъ легкое бремя,

громаду
 Длинно-огромныхъ столбовъ, раздвигающихъ небо
 и землю,

землю и небо соединяющихъ; вотъ на какой оси движется мѣръ:

Любовь, что движетъ солнце и другія звѣзды,
 Amor che move il sol e l'altre stelle,

по слову Данте — Виргилия — Орфея, сходявшихъ въ Адъ, къ тѣмъ самымъ «корнямъ земли», къ которымъ сходилъ и древній титанъ, небодержецъ Атласъ.

Если эта «бѣлая магія» сдѣлается «черною», то мировая ось поколеблется, небо рухнетъ на землю, и «конецъ землѣ, конецъ всему». Это знаетъ Платонъ и этого боится такъ, что языкъ прилипаетъ къ гортани: «пили», говорить, но не смѣетъ сказать «кровь», что, впрочемъ, понятно и такъ: пьютъ изъ тѣхъ самыхъ фіаловъ, которыми черпали только что кровь изъ кратэра.

XVII

Страшно Платону — страшно и намъ: хотимъ не хотимъ, мы не можемъ не видѣть, что жертвенный быкъ Атлантиды — первая тѣнь Агнца, закланнаго отъ созданія міра. Громы Атлантики отвѣчаютъ громамъ Евхаристіи:

Да молчитъ всякая плоть человѣча
и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ,
Царь бо царствующихъ
и Господь господствующихъ
приходитъ заклатися
и датися въ снѣдь вѣрнымъ.

А если намъ уже не страшно, то это, можетъ быть, еще страшнѣе: значить, ось міра уже колеблется на плечахъ и нашего Атласа, солнце уже и надъ нашей Атлантидой меркнетъ, черною становится и наша бѣлая магія.

КРЕСТЬ ВЪ АТЛАНТИДѢ.

I

Богъ Кветцалькоатль, тотъ самый, что изображается на древне-мексиканскихъ рисункахъ небодержцемъ Атласомъ, родился человѣкомъ, смертнымъ отъ смертной, чтобы спасти людей. Богъ — человѣкъ; воистину, богъ, и человѣкъ, воистину: таковъ главный догматъ новой или древней, вѣчной, только забытой, религіи.

Въ Агуанакъ, Страну Озеръ, на Мексиканскомъ плоскогорьи Нижнихъ Кордильеръ, — колыбель всѣхъ древнихъ американскихъ племенъ — «людей Умирающаго Свѣта», приходитъ Кветцалькоатль изъ страны Свѣта Воскресающаго, Тлапаллана (Таралан), гдѣ-то на востокъ, за Океаномъ, можетъ быть, на материкѣ, лежащемъ между двумя Свѣтами — Новымъ и Старымъ.

Вождь, пророкъ и законодатель Тольтекскаго племени, въ священномъ городѣ *Tulla*, онъ учитъ людей всѣмъ наукамъ, искусствамъ и промысламъ, какъ титанъ Прометей и древне-вавилонскій богъ-рыба, Оаннесъ, выходящій тоже изъ Океана. Люди любятъ его, потому что онъ любить ихъ самъ. *Itzamli* — имя его въ царствѣ Мач. «Итцамна -- Звѣзда Утренняя, Роса Небесная. Онъ всѣхъ насъ любилъ: лейтесь же слезы, какъ дождь, изъ очей при имени его святомъ!» сказано въ Паленкской надписи.

Какъ любятъ его, видно по тому, какъ помнятъ: помнятъ, что онъ похожъ былъ на пришельца изъ чужой земли, бѣлъ лицомъ среди краснокожихъ, боролатъ, среди безбородыхъ; помнятъ бѣлую одежду его и даже тонкій узоръ на ней — «красные, по бѣлому полю, крестики», и высокую, какъ бы царскую, тиару на головѣ, и грубую, какъ у бѣднаго странника, обувь; помнятъ голосъ его, го тихій, какъ щебетъ колибри, то грозный, какъ шумъ океана, и глаза, такіе свѣтлые, что въ нихъ страшно было смотрѣть.

Сердцемъ былъ чистъ, какъ дитя; женщинъ не зналъ, самъ похожъ на женщину-дѣвушку, несмотря на длинную, какъ у Атласа, бороду; подобно Діонису, Адонису, Таммузу, Аттису, Митрѣ, — всѣмъ страдающимъ богамъ мистерій, соединялъ въ себѣ двѣ природы, мужскую и женскую.

II

«Нагого одѣнь, голоднаго накорми; помни, плоть ихъ подобна твоей, люди и они такіе же, какъ ты; слабago люби, потому что и онъ -- образъ Божій», учитъ Кветцалькоатль.

«Слабago да не обидитъ сильный», какъ будто отвѣчаетъ пророку тольтекскому вавилонскій царь Гаммураби, законодатель, жившій за тысячу лѣтъ до Моисея. — «Тому, кто сдѣлалъ зло тебѣ, плати добромъ», отвѣчаетъ шумерійская, можетъ быть, еще древнѣйшая, клинописи, какъ бы нагорная проповѣдь до Авраама: «прежде нежели былъ Авраамъ, Я есмь».

III

Богу любви учить Кветцалькоатль приносить не кровавыя жертвы, животныя и человѣческія, а оиміамъ, цвѣты и плоды, молитвы и чистое сердце.

Дикимъ людямъ Орфей, святой боговъ прорицатель,
Ужась внушилъ къ убійствамъ и мерзостной пищѣ.
Silvestros homines saccr interpretsque deorum,
Cacibus et victo foedo deterruit Orpheus,

это можно бы сказать и о тольтекскомъ пророкѣ.

«Если же хочешь принести Богу человѣческую жертву, будь ею самъ, себя самого принести въ жертву, а не другого, плоть и кровь свою, а не чужую», учить Кветцалькоатль. Кажется, и ножъ Авраама, занесенный надъ Исаакомъ, не святѣе этого.

IV

Вѣчный миръ, конецъ всѣхъ войнъ, возвѣщаль людямъ пророкъ. «Когда же говорили ему о войнѣ, онъ заткалъ уши». Люди и это запомнили и хорошо сдѣлали: стоятъ человѣческой памяти больше многого, что сохранилось въ ней, эти заткнутыя уши Кветцалькоатля Мирнаго. «Онъ всѣхъ насъ любилъ; лейтесь же, слезы, какъ дождь, изъ очей, при имени его святомъ!»

V

Въ древнемъ городѣ Тулла, наступилъ золотой вѣкъ, земной рай, потому что много рая на землѣ и не будетъ, кроме этого, — вѣчнаго мира.

Но счастье длилось недолго. Богъ войны Витцилопохтль, видя, что царству его приходитъ конецъ, сошелъ на землю, чтобы сразиться съ Кветцалькоатлемъ.

Въ ярмарочный день собралась на площади толпа. Въ срединѣ ея, старичокъ, неизвѣстно откуда взявшійся, дер-

жа на ладони восковую куколку въ видѣ скѣмороха-пласуна, забормоталъ себѣ что-то подь носъ, и куколка начала плясать, какъ живая, — можетъ быть, просто заводилась машинкою. Что тогда произошло въ толпѣ, никто хорошенько не помнитъ: люди точно вдругъ осатанѣли отъ чуда, ринулись впередъ, чтобы лучше видѣть его, напирая, давя и толча другъ друга такъ, что, когда предствленіе кончилось, вся площадь залита была кровью и усѣяна тѣлами убитыхъ, какъ поле сраженія. Надо было убить старичка, — и убивали, но онъ все оживалъ. Поняли, наконецъ, что это колдунъ, посланецъ бога Вишилопохтля, а можетъ быть, и онъ самъ, и покорились. А колдунъ продолжалъ морочить людей черной магіей или механикой, убѣждая ихъ, въ чемъ легко убѣдить, — что широкій путь лучше узкаго: жертвовать надо не собой, а другимъ, платить за зло не добромъ, а зломъ, не щадить, а убивать врага на войнѣ, — такъ Богъ велѣлъ, а кто противъ Бога, тотъ съ дьяволомъ, какъ этотъ обманщикъ, Кветцалькоатль, морочащій ихъ дьявольскимъ морокомъ; если они его не прогонятъ, то онъ погубитъ ихъ всѣхъ. И люди колдуну повѣрили больше, чѣмъ пророку, такъ же естественнѣ, какъ вода течетъ внизъ, и заводная куколка движется. Кветцалькоатля не изгнали, не убили, а только забыли, ушли отъ него. И онъ ушелъ отъ нихъ туда, откуда пришелъ, — въ Тлапалланъ, страну Восходящаго Солнца, за Океаномъ.

Бога мира побѣдилъ богъ войны, и все пошло по старому — вѣчному: снова началась война, полилась кровь человѣческихъ жертвъ, и будетъ литься, пока Ушедшій не вернется. Люди сначала забыли его, но потомъ вспомнили, что онъ сказалъ, уходя: «я къ вамъ вернусь!» И ждали его, вѣрили, что онъ снова придетъ. Вотъ почему, когда увидѣли бѣлыхъ, бородатыхъ людей, Колумбовыхъ спутниковъ, то подумали, что это отъ него, Ушедшаго, вѣстники — существа «богоподобныя», *teul*, — «люди-боги», *andres theioi*, сказалъ бы Платонъ, «сыны Божіи», *ben elohim*, сказалъ бы Енохъ.

Когда же христіанская сволочь Фернандо Кортеса начала ихъ грабить, убивать и жечь на кострахъ Святѣйшей Инквизиціи, то поняли, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и, можетъ быть, ужаснулись христіанскому кресту не менѣе, чѣмъ христіане ужасались ихъ крестамъ, языческимъ.

VI

Атланствомъ можно бы назвать религію Кветцалькоатля-Атласа, по древнему корню этихъ двухъ именъ: *atl*, - можетъ быть, всей Атлантиды корню.

Что «атланство» здѣсь, на древнемъ Западѣ, то «христіанство до Христа» въ языческихъ мистеріяхъ страдающаго бога-человѣка, на древнемъ Востокѣ. Тайна Востока и Запада — Крестъ. Можетъ ли быть Крестъ до Голгоѣы? Для маловѣрныхъ тутъ «соблазнъ креста», тотъ самый, о которомъ говоритъ Павелъ: «мы проповѣдуемъ Христа распятаго, для Иудеевъ соблазнъ, а для Эллиновъ безуміе». О, конечно, для некрещенныхъ или отъ креста отступившихъ, крестъ и на Голгоѣѣ такъ же мало значить, какъ на Юкатанѣ: тамъ позорное орудье римской пытки, здѣсь — магическій знакъ дождя или солнца. Но знающіе знаютъ: Словомъ, на крестъ распятымъ, сотворена вся тварь, — какъ же ей не быть запечатлѣнной Крестомъ? Вотъ почему въ двухъ мірахъ — погибающемъ и спасаемомъ, въ Атлантидѣ и въ Исторіи — одинъ и тотъ же Крестъ.

VII

Ангелы Апокалипсиса говорятъ голосами громовъ небесныхъ, а Кветцалькоатль Тишайшій заимствуетъ голосъ подземныхъ громовъ у «Ревущей Горы», *Tzalzi-tepetl*, — вулкана въ изверженіи. Что это значить? Островъ Ацтланъ погибъ отъ воды и огня — вулканическихъ силъ. Чтобы спасти людей отъ второй Атлантиды, Кветцалькоатль напоминаетъ имъ первую, ся же громами: «если не покаетесь, всё такъ же погибнете».

Можетъ быть, и страна Восходящаго Солнца, Тлапалланъ, материкъ или островъ за Океаномъ, куда уходитъ и откуда снова придетъ страдающій богъ-человѣкъ, Кветцалькоатль-Атласъ, есть не что иное, какъ Ацтланъ — Атлантида.

Это и значить: чѣмъ была и отчего погибла Атлантида первая, мы можемъ судить по второй, — Атлантидѣ-Америкѣ.

VIII

Что произошло въ Странѣ Озеръ, Анагуакъ, незапамятно-древней колыбели всѣхъ американскихъ племенъ, — какой геологическій переворотъ, изверженіе одного или многихъ вулкановъ, Ревущихъ Горъ, — малая «Атлантида», повтореніе большой, — мы не знаемъ, но знаемъ, что единственно-общая всѣмъ древне-американскимъ племенамъ, мистерія-миѳъ о страдающемъ богѣ Кветцалькоатль связываетъ этотъ геологическій переворотъ съ переворотомъ духовнымъ — съ какой-то побѣдой одной религіи-магіи надъ другой, «черной» — надъ «бѣлою».

Такъ же точно связываетъ ихъ вавилонское сказанье о потоцѣ — клинопись III-го тысячелѣтя, кажется, повторяющая подлинникъ неизмѣримо-большей древности, V-VI-го тысячелѣтя; связываетъ ихъ и бытіе Моисеево, и Апокалипсисъ Еноха, и египетскій миѳъ у Платона. Азія, Африка, Европа, Америка говорятъ о погибшемъ чело-вѣчествѣ одно и то же: гибель его была не только физической, но и духовной.

IX

Чтобы не выпасть изъ миѳа-исторіи въ голый миѳъ, какъ это часто бываетъ, когда рѣчь идетъ объ Атлантидѣ, надо говорить о ней очень условно, не уставая повторять «если».

Если въ концѣ Ледниковаго періода, въ Атлантическомъ океанѣ, существовалъ какой-то огромный островъ-материкъ, и если онъ погибъ отъ одного внезапнаго или многихъ постепенныхъ, геологическихъ переворотовъ, какъ это подтверждается памятью земли и всей земной твари, то, вѣроятно, физическая гибель эта была не случайной, бессмысленной, а предрѣшенной чѣмъ-то въ самихъ гибнущихъ, -- казнью за что-то.

X

Что погубило Атлантиду? Это мы могли бы понять, если бы поняли, что столь напугавшее Колумбовыхъ спутниковъ множество древне-мексиканскихъ крестовъ связа-

но религіозно-дѣйствительною, нерасторжимою связью съ нашимъ христіанскимъ Крестомъ.

Явленъ былъ Крестъ, орудье спасенія, но люди сдѣлали его орудьемъ гибели; свѣтъ былъ показанъ во тьмѣ, но люди возлюбили тьму больше свѣта; противоядіе было дано, но люди выбрали ядь.

Участь Бенъ-Элогимовъ (въ «Книгѣ Еноха») постигла и Атлантовъ: «вы были на небѣ, но вамъ еще не были открыты всѣ тайны небесъ; только тщетную тайну познали вы... и умножили ею зло на землѣ», — крайнее зло, неземное, какого еще не было въ нашемъ второмъ человѣчествѣ и не будетъ до конца міра.

Явленъ Крестъ и поруганъ. «Такъ надругаться надъ Крестомъ Господнимъ могъ только дьяволъ», въ этомъ простодушномъ ужасѣ Колумбовыхъ спутниковъ что-то вѣрно угадано.

Какъ бы весь міръ сошелъ съ ума, но не похожъ въ безумьи на того бѣсноватаго, который бьется съ пѣною у рта, у ногъ Господнихъ, и можетъ быть исцѣленъ; нѣтъ, холодно, спокойно, безстрашно, какъ бы разумно, безумствуетъ міръ; людямъ кажется на самомъ краю гибели, что они достигли вершины мудрости, знанія, силы, величья, красоты; «всепрекрасными», «всеблаженными», — «людьми-богами», по слову Платона считаютъ себя эти несчастные. Богомъ считаетъ себя каждый изъ нихъ и готовъ принести въ жертву себѣ одному всѣхъ.

Эта великая «культура демоновъ» блудница сладострастно-кровавая подъ знаменемъ Креста, — какъ бы «черная обѣдня», сатанинскій шабашъ, справляемый не кучкой людей во мракѣ ночи, а цѣлымъ народомъ или даже всѣми народами -- всѣмъ человѣчествомъ.

Чтобы скрыть этотъ ужасъ и мерзость отъ лица Божьяго, нужны были всѣ воды Атлантики.

XI

Что погубило Атлантиду? Можно бы отвѣтить на этотъ вопросъ однимъ словомъ, самымъ для насъ понятнымъ и близкимъ, вчерашнимъ и, можетъ быть, завтрашнимъ. Стоитъ только поднять глаза, чтобы на грозно-черномъ и все чернѣющемъ, грознѣющемъ небѣ нашей, второй, Атлантиды — Европы прочесть это слово, написанное огненными буквами: В о й н а.

XII

«Миръ или война?» рѣшаютъ десять царей Атлантиды, бога-жертву зажавъ, божьей крови испивъ, сидя на стынущемъ пеплѣ жертвы, въ Посейдоновомъ святилищѣ, гдѣ всѣ огни потушены, и только рдѣнный отблескъ отъ углей на жертвенникѣ да звѣздный свѣтъ мерцаютъ на орихалковомъ столбѣ Закона. «Миръ или война?» рѣшаютъ они судьбы двухъ челоѣчествъ, своего и нашего. Рѣшили: «война». Но, если былъ среди безумныхъ мудрый, онъ зналъ, сидя на стынущемъ пеплѣ жертвы, что вся Атлантида будетъ пепломъ и жертвой.

XIII

«Въ мирѣ конца не будетъ войнъ», по Сибиллиному пророчеству, и по древне-вавилонскому: «всѣ будутъ убивать другъ друга».

Въ мирѣ жить, «никогда не подымать другъ на друга оружья» — главный законъ, самимъ Богомъ начертанный не только на орихалковомъ столбѣ Закона, но и въ сердцахъ челоѣческихъ, люди нарушили: вѣчный миръ кончили, начали вѣчную войну, — вотъ преступленіе Атлантовъ.

XIV

«Пили кровь», говоритъ Платонъ объ Атлантахъ; «пили кровь», говоритъ Енохъ о Нефелимахъ. Божью кровь пили, божью плоть ѣли, а потомъ, истребляя, пожирая другъ друга, будутъ ѣсть свою собственную плоть, пить свою собственную кровь. Бѣлая магія сдѣлается черною, солнце померкнетъ, ось міра поколеблется, небо упадетъ на землю, и «конецъ землѣ, конецъ всему».

«Я разрушу, что создалъ; потоплю землю, и земля снова будетъ водою», этотъ приговоръ египетскаго бога Ату-ма, можетъ быть, написанъ былъ въ Саисскомъ святилищѣ, рядомъ съ мифомъ-исторіей о концѣ Атлантиды.

XV

«Старья, глупья сказки! Какое намъ дѣло до нихъ -- до всѣхъ Содомовъ и Гоморрь, погибшихъ великихъ культуръ -- малыхъ Атлантидъ? Развѣ мы такіе?» говоритъ объ этихъ язычникахъ наша «христіанская», объ этихъ грѣшникахъ -- наша «святая» Европа.

«Буду чуть слышнымъ шопотомъ жизни я, жизнь всемогущая, -- говоритъ царица Майя въ Паленкской надписи. -- Позднихъ вѣковъ пришелецъ, хочешь ли узнать, кто мы? Спроси о томъ зарю, спроси лѣса, бурю спроси, спроси Океанъ, спроси любовь; узнаешь: мы -- Земля». Земля, до неба вознесенная, до ада низвергнутая. Будемъ же помнить: прежде чѣмъ сдѣлаться адомъ, земля была или казалась раемъ. Сколько тысячелѣтій, прежде чѣмъ начать войну, Атлантида хранила миръ, сколько золотыхъ вѣковъ озаряло солнце мира! Люди пали такъ низко, потому что были на такой высотѣ. Такъ ли мы о себѣ увѣрены, что наша высота большая, и что намъ съ нея трудно упасть?

Будемъ помнить, что нашъ христіанскій Крестъ, можетъ быть, болѣе поруганъ, чѣмъ тѣ, древне-мексиканскіе, и что Святѣйшая Инквизиція, тутъ же, въ Мексикѣ, принесшая столько человѣческихъ жертвъ подъ знаменемъ Креста Господня, -- изъ этихъ поруганій не наибольшее.

XVI

Чѣмъ была религія Атлантовъ, намъ такъ же трудно судить по «атланскимъ» обломкамъ ея, какъ, не зная Евангелія, трудно судить о христіанствѣ по рассказамъ неокрещенныхъ дикарей-людоѣдовъ.

Бога своего назвать не умѣютъ по-человѣчески, -- какъ птицы щебечуть «Кветцалькоатля», но помнятъ то, что мы уже почти забыли: Богъ есть миръ; для того и родился человѣкъ, чтобы возвѣстить миръ людямъ, въ темныхъ сердцахъ человѣческихъ взойти Звѣздой Утреннею, пасть на нихъ Рососою Небесною.

Помнить, что Богъ есть Духъ: самое святое, тайное имя Кветцалькоатля -- *Ehekatl* -- Вѣтеръ, Дыханіе, Духъ;

помнить, что второе пришествіе его будетъ царствомъ Духа.

Помнить, что природа человѣка божественна: «боги испугались, что создали человѣка слишкомъ совершеннымъ, и наложили на духъ его облако — лицо», — смертное лицо Адама.

Помнить, что Кветцалькоатль родился человѣкомъ во истину, смертнымъ отъ смертной, но былъ уже до созданія міра: «въ началѣ было только море, — ни человѣка, ни звѣря, ни птицы, ни злака, и Пернатый Змѣй, Жизнедавецъ, ползъ по водѣ, какъ рдяный свѣтъ». — «Духъ Божій носился надъ водою», — рѣялъ голубемъ: такъ въ Бытіи мисеевомъ, а въ древне-тольтекскомъ, — образъ Кветцалькоатля — «Змѣй Пернатый» съ лицомъ человѣка — «Птица-Змѣй», *Kukulkan*. Это значитъ: въ богѣ-человѣкѣ — два естества, — земное и небесное: птица въ небѣ, змѣй въ землѣ; мудръ, какъ змѣй, простъ, какъ голубь. Кветцалькоатль — свившійся въ кольца, спящій Змѣй, какимъ онъ изображается въ безчисленныхъ изваяніяхъ: спитъ, но прснется; ушелъ, но придетъ.

Змѣй для насъ дьяволъ. Что же значитъ: «какъ Моисей вознесъ змѣя въ пустынѣ, такъ должно вознесену быть Сыну Человѣческому»? Мы и это забыли, а они помнятъ: въ древне-тольтекскомъ рисункѣ райское Дерево Жизни, *Tamoachan*, съ надломленнымъ по-серединѣ стволемъ, источающимъ кровь, обвиваетъ кольцами Змѣй съ лицомъ Мужеженщины, *arsénothêlys*, какъ опредѣляютъ Гностики-Офиты существо «второго Адама», «Сына Человѣческаго».

XVII

«Мѣднаго Змѣя» на крестѣ какъ будто предчувствуютъ теотигуанакскіе ваятели, сплетая кольца базальтовыхъ змѣй въ подобія крестовъ.

Надо было сдѣлать выборъ между двумя Змѣями — губящимъ, на Древлѣ Познанія, и спасающимъ, на Древлѣ Жизни; выбора сдѣлать не сумѣли Атланты и погибли. Сумѣемъ ли мы? Наше бывшее христіанство — уже почти «атланство» — умирающій свѣтъ Атлантиды. Это очень страшно — страшно, какъ то «зерцало гаданій», о которомъ говоритъ апостоль Павелъ. Чье лицо въ зеркалѣ? Вглядываемся и узнаемъ себя — Атлантиду-Европу.

XVIII

Жуткое чувство воспоминанья-узнаванья,
бесконечно-далекаго-близкаго:

Все это ужь было когда-то,
Но только не помню, когда...

египетскій *nem-masi*, «повтореніе бывшаго», орфическій *apokatastasis*, «возстановленіе бывшаго», — смутное, какъ бы сонное, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень ясное, трансцендентно-физическое чувство «дурной бесконечности» овладѣваетъ нами, по мѣрѣ того, какъ мы узнаемъ — вспоминаемъ Атлантиду.

Все это ужь было когда-то...

Былъ и Онъ? Нѣтъ, Сынъ Человѣческій былъ только разъ на землѣ, а это лишь тѣнь Его, простирающаяся отъ начала міра до конца. Если же мы смѣшиваемъ Тѣло съ тѣнью, то, можетъ быть, потому, что мы сами уже только тѣнь.

XIX

Все это ужь было когда-то...

«Миръ или война?» снова будутъ рѣшать десять царей Атлантиды, сидя на жертвенномъ пеплѣ, во святилищѣ, гдѣ всѣ огни потушены; снова рѣшать: «война», и снова мудрый среди безумныхъ узнаетъ—вспомнить, что вся Атлантида-Европа будетъ непломъ и жертвой.

XX

Очень далеко отъ насъ Атлантида, если очень далеко война, а если война, то и Атлантида очень близко.

XXI

Мы не такіе, какъ Атланты? Нѣтъ, такіе же.

Когда Фернандо Кортесъ, готовясь принести двѣнадцать милліоновъ человѣческихъ жертвъ для завоеванія Мексики, стыдилъ ея послѣдняго царя, Монтезуму, человѣческими жертвами, тотъ ему отвѣчалъ:

— «Вы, христіане, на войнѣ дѣлаете то же самое!»

Такъ могла бы отвѣтить и Атлантида грѣшная «святой» Европѣ. Если же есть разница, то едва ли въ нашу пользу. Судя по ученикамъ своимъ въ древней Америкѣ, Атланты приносили въ жертву только враговъ своихъ — военно-плѣнныхъ; мы же — враговъ и друзей, чужихъ и своихъ, потому что наша вторая всемірная война, международная, тотчасъ же обернется гражданской, убійство — братоубійствомъ. «И приносили сыновей своихъ и дочерей своихъ въ жертву бѣсамъ; проливали кровь неповинную... и осквернилась земля кровью».

Все это ужъ было когда-то,
Но только не помню, когда, —

тысячу или десять тысячъ или десять лѣтъ назадъ? Было вчера — будетъ завтра.

XXII

И еще разница: тѣ приносили человѣческія жертвы богу-дьяволу, а мы — себѣ, потому что каждый изъ насъ — самъ себѣ Богъ. Но выводъ изъ обѣихъ религій одинъ:

Жертвы падаютъ здѣсь,
Не волъ, не овца,
А люди, люди безъ конца.
*Opfer fallen hier,
Weder Lamm noch Stier,
Aber Menschenopfer unerhört.*

Вѣчная война — война всѣхъ противъ всѣхъ, до послѣдней четы братоубійць Каиновъ.

XXIII

Чѣмъ же мы лучше тѣхъ жалкихъ и страшныхъ атлантическихъ вырожденъ, сладострастно-жестокихъ пауковъ Анагуакскихъ? Можетъ быть, не лучше, а хуже, потому что намъ больше было дано и спастись было легче: наше противоядіе было сильнѣе, нашъ свѣтъ ярче. Но солнца такъ же не захотѣли и мы, какъ люди Умирающаго Свѣта, лунные титаны; такъ же, какъ Атланты, мы считаемъ себя въ безумьи мудрыми, въ слѣпотѣ — зрячими, «всеблаженными» — на краю гибели; та же и у насъ «культура демоновъ»; тотъ же будущій, а кое-гдѣ уже настоящій, «военный коммунизмъ» благополучныхъ Инка; тотъ же ядъ и въ нашихъ костяхъ — половая проказа, духовный сифилисъ; тотъ же путь къ той же цѣли — міровая война за міровое владычество; тѣ же человѣческія жертвы богу-дьяволу.

XXIV

Какъ же мы не видимъ, что бичъ Божій уже занесенъ, что наша Атлантида не гдѣ-то далеко, извнѣ, а близко, въ насъ самихъ; что сердце наше зрѣетъ для нея, — подъ страшнымъ солнцемъ, страшный плодъ Гесперидъ?

«Буду чуть слышнымъ шопотомъ жизни я, жизнь всемогущая», могла бы сказать и Европа, какъ древняя царица Майя.

XXV

Кажется, никогда еще такъ близко не заглядывало въ лицо будущему бывшее; никогда еще такъ не вопіяли древніе камни среди нѣмоты человѣческой: «было и будетъ!»

Слышитъ ли хоть кто-нибудь изъ насъ этотъ вопль? Понялъ ли хоть кто-нибудь, чему усмѣхается, глядя въ наши глаза пустыми глазницами, тотъ древне-мексиканскій черепъ изъ горнаго хрусталя — прозрачный ужасъ; о чемъ плачетъ тотъ Маянскій сфинксъ — «Вечерняя Звѣзда», съ лицомъ дѣвы-отрока: судорогой слезъ опущены углы навѣки замолчавшихъ губъ, слезы какъ будто за-

стыли въ широко раскрытыхъ глазахъ, но не прольются — сохнутъ на сердцѣ, какъ вода на раскаленномъ камнѣ; или тотъ другой Копанскій сфинксъ — можетъ быть, самое тихое, мудрое и скорбное изъ всѣхъ человѣческихъ лицъ, — лицо того, кто видитъ гибель міра и знаетъ, что можно бы міръ спасти, но также знаетъ, что спасти нельзя, потому что міръ хочетъ погибнуть.

Слышитъ ли хоть кто-нибудь изъ насъ, что говорить этотъ погибшій братъ нашъ, Атлантъ: «если не покаетесь, всѣ такъ же погибнете»?

СОШЕСТВІЕ ВЪ АДЪ.

I

Богъ есть Миръ, Богъ есть Война, — между этими двумя утвержденьями — такой же переворотъ духовный, какъ тотъ, геологическій, истребившій Атлантиду, гдѣ духовный предшествовалъ геологическому; Богъ, Жертва за человѣка, сдѣлался богомъ человѣческихъ жертвъ; «бѣлая магія» сдѣлалась «черною», солнце померкло, ось міра поколебалась, небо упало на землю, и «конецъ землѣ, конецъ всему».

II

Что такое «черная магія», мы могли бы знать, по собственному опыту. Что заставило вчера и заставить, можетъ быть, завтра десятки миллионъ людей умирать, убивать другъ друга, въ двадцатомъ вѣкѣ по Р. Х., такъ же, какъ въ сотомъ до Р. Х.? Что заставляетъ сто двадцать миллионъ людей въ Россіи мучиться столько лѣтъ подъ игомъ новыхъ Стражей, *phylakes* («Атлантида» Платона), Бдящихъ, *egrégoroi*? («Книга Еноха»). Что, если не колдовское «внушеніе», «усыпленіе», «гипнозъ» человѣка «дневного», *Homo Sapiens*; пробужденіе «ночного», *Homo Musteriensis*, — «черная магія»?

III

Двѣнадцать милліоновъ убитыхъ на войнѣ и сто двадцать милліоновъ мертвыхъ за-живо въ Россіи намъ такъ же ничего не говорятъ, какъ найденныя кости человѣческихъ жертвъ въ Ледниковыхъ стоянкахъ. Крестъ на челѣ Исторіи намъ такъ же ничего не говоритъ, какъ на челѣ Прѣисторіи.

IV

Наша механика становится «черною магіей» въ войнѣ — титаническомъ разрушеніи; черная магія Атлантовъ становится «механикой», сначала въ титаническомъ зодчествѣ, а затѣмъ, тоже въ войнѣ — разрушеніи.

Вспомнимъ Дедала, Крито-миносскаго — можетъ быть, Атлантскаго «мага-механика», творца трехъ чудесъ — Лабиринта, человѣческихъ крыльевъ и человѣка-автомата; вспомнимъ пляшущую заводную куколку на ладони стараго колдуна, посланнаго противъ бога мира, Кветцалькоатля, богомъ войны, Витцилопохтлемъ; вспомнимъ «икону Звѣря», *eikon tou thèriou*, въ Апокалипсисѣ: «сдѣлала икону Звѣря... и говорила она и дѣйствовала такъ, чтобы убиваемъ былъ всякій, кто не поклонится ей».

Всѣ мы — жертвы этого исполинскаго Робота, Автомата войны — человѣкообразной и человѣкоубійственной «иконы Звѣря».

Всѣ мы блуждаемъ въ лабиринтѣ нашихъ великихъ родовъ, какъ Ледниковые праотцы — въ лабиринтѣ пещеръ, гдѣ стережетъ ихъ и насъ Минотавръ, богъ человѣческихъ жертвъ.

V

Разъ уже погубилъ Атлантиду-Европу духъ «титанической, божеской гордости», *hybris*. «Въ день паденья твоего, все множество народа въ тебѣ упадетъ въ сердце морей... за то что ты говоришь: «я — Богъ».

Древній титанъ, *Homo Musteriensis*, укралъ огонь у боговъ и сказалъ: «я — Богъ», а долженъ бы сказать: «я

— воръ». То же воровское — во всей «культурѣ демоновъ», культурѣ вмѣсто религіи, пеплѣ вмѣсто огня, — томъ стынущемъ пеплѣ, на которомъ цари Атлантиды сидятъ, рѣшая: «миръ или война?»

VI

«Ты — печать совершенства, полнота мудрости и вѣнецъ красоты. Ты находился въ Эдемѣ, саду Божиѣмъ... Ты былъ херувимомъ помазаннымъ... ходилъ среди огнистыхъ камней... Ты совершенъ былъ въ путяхъ твоихъ... доколѣ не нашлось въ тебѣ беззаконія... Внутреннее твое исполнилось неправды, и ты согрѣшилъ... За то Я повергну тебя на землю... извлеку изнутри тебя огонь и превращу тебя въ пепель... Ты сдѣлаешься ужасомъ, и не будетъ тебя во вѣки». Только ли о первой Атлантидѣ это сказано?

E.

VII

Атлантида была — Апокалипсисъ будетъ.

«Въ одинъ день придутъ на нее казни... и будетъ сожжена огнемъ. И восплачутъ и возрыдають о ней цари земные... И всѣ кормчіе, и всѣ плывущіе на корабляхъ, и всѣ корабельщики, и всѣ торгующіе на морѣ стали вдали. И, видя дымъ отъ пожара ея... посыпали пепломъ головы свои, и вопили, плача и рыдая: горе, горе тебѣ, городъ великій... ибо опустѣлъ въ одинъ часъ! — И одинъ сильный Ангелъ взялъ камень, подобный большому жернову, и повергъ въ море, говоря: съ такимъ стремленіемъ поверженъ будетъ... великій городъ, и уже не будетъ его».

Это и значить: вторая Атлантида погибнетъ такъ же, какъ первая.

VIII

«Бездна правосудія Божьяго равна безднѣ милосердія», по грозному слову Данте. Будемъ же помнить его, думая не только объ Атлантидѣ бывшей, но и будущей.

IX

«Вышли персты руки челоуѣческой и писали противъ лампы на извести стѣны: мене, мене, текелъ, у пар си нъ... Исчислилъ Богъ царство твое и положилъ ему конецъ; ты взвѣшенъ на вѣсахъ и найденъ очень легкимъ».

«Послѣ той ужасной катастрофы (конца Атлантиды), равновѣсье было скоро возстаювлено: такъ точны вѣсы, взвѣшивающіе бездны, съ одной стороны, и горы, съ другой», говоритъ современный геологъ.

Миръ и война — тоже двѣ чаши вѣсовъ.

X

Что погубило Атлантиду, мы знаемъ; но мы должны знать, и что ее спасетъ. Можетъ ли спастись Атлантида, — какъ будто безумный вопросъ, но вотъ, онъ поставленъ Божественной мудростью: «тварь съ надеждою ожидаетъ откровенія сыновъ Божіихъ... ибо вся тварь совокупно стенаетъ и мучится доннѣ».

«Вся тварь», отъ начала творенія, — значить, и Атлантида.

«Христось... находящимся въ темницѣ духамъ, сошедши проповѣдывалъ, нѣкогда непокорнымъ ожидавшему ихъ Божию долготерпѣнію, во дни Ноя, во время строенія ковчега, въ которомъ многіе... спаслись отъ воды». Это и значить: погибшимъ братьямъ нашимъ, Атлантамъ проповѣдуетъ Господь спасенье, такъ же какъ намъ, погибающимъ.

XI

Поль-челоуѣка нельзя спасти, можно — только всего; и поль-челоуѣчества — нельзя, можно — только все.

Странное занятіе спасать Атлантавъ? Не болѣе странное, чѣмъ спасать себя.

XII

Атлантида — жертва, пусть невольная, но все-таки жертва за насъ. Мы должны и можемъ сдѣлать ее не тщетною. Спасая Атлантовъ, спасаемъ себя. Богъ Горъ въ египетскихъ таинствахъ воскрешаетъ отца своего, Озириса: такъ мы, второе человѣчество, воскрешаемъ первое.

XIII

«Лучшее племя людей обитало на вашей землѣ (до потопа), и вы произошли отъ его уцѣлѣвшаго малаго сѣмени». — «Если сѣмя не умретъ, то не оживетъ». Сѣмя Атлантовъ умерло, чтобы ожить въ насъ. Смертью Атлантовъ мы живемъ, ихъ гибелью спасаемся.

XIV

Древне-авилонскому Ною-Атрахазису боги велятъ передъ потопомъ зарыть въ землю, въ Шуриппакъ, Городъ Книгъ, клинописныя скрижали допотопныхъ мудрецовъ, и, послѣ потопа, все опять начинается отъ этого «уцѣлѣвшаго малаго сѣмени». Все наше «знаніе-воспоминаніе», *anamnesis* — наслѣдіе второго человѣчества отъ первого.

Гильгамешъ, посѣтивъ Атрахазиса,

Взоромъ проникъ въ глубочайшія тайны,
Съ сокровеннѣйшей мудрости поднялъ покровъ...
Вѣсть намъ принеси о вѣкахъ допотопныхъ.

XV

«Ной остатокъ вашъ», говоритъ Атласъ-Енохъ. Спасшійся духъ Атлантиды, послѣдній Атлантъ, «Ной утѣшитъ землю». Это и значитъ: не только мы спасаемъ Атлантовъ, но и они спасаютъ насъ.

XVI

Древней мудрости «малое сѣмя», зарытое въ землю передъ потопомъ — сѣмя будущаго рая, царства Божьяго на землѣ, какъ на небѣ: — «да придетъ царствіе Твое» — вѣчный миръ.

XVII

«Сѣмя Жены сотретъ главу Змія», сказано первому чело-
вѣку, Адаму, и осталось въ памяти перваго чело-
вѣчества. Это слово Бытія — первое Евангеліе: «прежде неже-
ли былъ Авраамъ, Я есмь».

XVIII

«Тщетною тайною» соблазнили чело-
вѣчество Бень-Элогимы, падшіе Ангелы (въ «Книгѣ Еноха»), тѣ же Атланты.
Можетъ быть, одну изъ этихъ тайнъ сообщаетъ Куть-Ами
(Qut-âmi), пророкъ Набатейнъ, іудео-вавилонскихъ гно-
стиковъ, въ сѣверо-западной Аравіи.

Вѣчность состоитъ изъ ряда космическихъ вѣковъ-
эоновъ. «Въ каждомъ вѣкѣ сохраняется нетлѣннымъ тѣ-
ло одного чело-
вѣка-бога; когда же наступаетъ новый эонъ,
Богъ воскрешаетъ его, вдыхая духъ въ него, подобный
Духу Своему, и чело-
вѣкъ тотъ становится богомъ для лю-
дей того эона, а потомъ опять умираетъ и сохраняется въ
нетлѣннѣи, чтобы воскреснуть въ новомъ эонѣ, и такъ во
вѣки вѣковъ».

Это очень похоже на «безконечный прогрессъ» — са-
мую «дурную» изъ всѣхъ безконечностей. Съ чѣмъ ее
сравнить — съ верчениемъ бѣлки въ колесѣ или метань-
емъ сумасшедшаго въ камерѣ для буйныхъ, который хо-
четъ и не можетъ разбить себѣ голову о мягко-обитую
стѣну?

«И такъ во вѣки вѣковъ»? Нѣтъ, не такъ: Богъ Чело-
вѣкъ жилъ, умеръ и воскресъ только разъ въ вѣчности.
Много тѣней — Тѣло одно. Люди-боги всѣхъ погибшихъ
міровъ, Атлантидъ, — только тѣни единого Солнца-Сына.

XIX

Очень хорошо говорить объ этомъ бл. Августинъ: «тѣ,
что мы называемъ христіанствомъ, было отъ начала міра,
пока не пришелъ Христосъ во плоти, и бывшая отъ нача-
ла, истинная религія не получила названія: Христіанство»
Лучше, точнѣе нельзя сказать. Это и значитъ: тѣни къ Тѣ-
лу ведутъ; боги всѣхъ погибшихъ міровъ, заходящія солн-
ца всѣхъ Атлантидъ, ведутъ къ незакатному Солнцу-Хри-
сту.

XX

Связь второго человечества съ первымъ порвана въ исторіи, но уцѣлѣла въ мистеріи — въ томъ, что Шеллингъ называетъ «перворелигіей чело в ѣ ч е с т в а», *Ursystem der Menschheit*. Боги мистерій, страдающіе вмѣстѣ со своими мірами — Озирисъ, Таммузъ, Адонисъ, Атисъ, Митра, Діонисъ на Востокъ, Кветцалькоатль на Западъ — въ обѣихъ половинахъ расколотившагося міра, суть боги этой перворелигіи — горы затонувшаго материка, — Атлантиды.

XXI

Если наше второе человечество погибнетъ, такъ же какъ первое, не исполнивъ своего назначенія, то его исполнить — третье.

Жизнь міра — Божественная трилогія: Атлантида, Исторія, Апокалипсисъ — три человечества.

XXII

Съ тою же божественно-математическою точностью, съ какою Херувимы движуть солнцами, ев. Іоаннъ говоритъ:

Три свидѣтельствуютъ на небѣ:
 Отецъ, Слово и Святой Духъ,
 и сіи Три суть Едино;
 и Три свидѣтельствуютъ на землѣ:
 Духъ, Вода и Кровь,
 и сіи Три объ одномъ.

Чтобы это понять, надо увидѣть три человечества: первое — Атлантиду — крещенное водою потопа; второе — Исторію — крестящееся Кровью Голговы; третье — Апокалипсисъ — которое будетъ крещено Духомъ — Огнемъ.

XXIII

Первый міръ — Отца, второй — Сына, третій — Духа, ибо въ трехъ мірахъ совершается тайна Трехъ.

XXIV

Если бы физическое тѣло двигалось отъ земли къ лунѣ, то достигло бы точки въ пространствѣ, гдѣ кончается земное притяженіе, начинается — душевое: такъ человечество, двигаясь отъ начала міра къ его концу, достигаетъ точки во времени, гдѣ кончается Исторія, начинается Эсхатологія.

Конецъ міра можетъ быть спасеньемъ и гибелью, «новымъ небомъ и новой землей, гдѣ обитаетъ правда», или хаосомъ.

Хочетъ ли человечество жить, какъ «бессмертное животное»? Хочетъ, но не всегда. Вдругъ начинаетъ томиться, сходить съ ума отъ «дурной безконечности» и, чтобы вырваться изъ нея, готово разбить себѣ голову объ стѣну. Первый припадокъ такого безумья мы только-что видѣли въ мировой войнѣ; можетъ быть, скоро увидимъ и второй. «Всѣ будутъ убивать другъ друга». — «Тѣ, кто угнетаетъ и напугаетъ, воюетъ и убиваетъ, и разрушаетъ все на землѣ... обратились на людей, чтобъ ихъ пожирать»... А потомъ и на самихъ себя: «и ѣли плоть свою, пили кровь свою» («Книга Еноха»). — «Люди убивали другъ друга въ какой то бессмысленной злобѣ... бросались другъ на друга, кололи и рѣзались, кусали и ѣли другъ друга. Всѣ и все погибло» (Достоевскій).

Только сейчасъ, послѣ первой всемірной войны и наканунѣ — второй, мы начинаемъ понимать, что возможная цѣль «безконечнаго прогресса» — безконечная война, самоистребленіе человечества.

XXV

«Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ; не такъ, какъ миръ даетъ, Я даю вамъ». Вотъ, въ нашей «христіанской» Европѣ самая забытая слова Забытаго, самая неизвѣстная — Неизвѣстнаго.

Если же, на краю гибели, Европа все-таки вспомнить о Немъ и захочетъ вернуться къ Нему, то боги Атлантиды укажутъ ей путь къ Неизвѣстному.

Д. Мережковскій.

Державинъ

VI.

Рухнуло все, чѣмъ была одушевлена жизнь Державина цѣлыхъ двадцать лѣтъ. Теперь предстояло жить безъ вѣры въ Екатерину и безъ Пльниры. Сама судьба ясно подсказывала, что одновременно со второю женитьбой пора перестроить на новый ладъ и всю жизнь, и самую лиру. Пора было, наконецъ, если не вовсе «оставить отечество», какъ иногда помышлялъ онъ въ отчаяніи, то хотя бы оставить службу. Державинъ не разъ просился въ отставку. Конечно, по существу такая отставка значила бы, что нѣвѣщу Фелицы нѣтъ мѣста возлѣ Екатерины. Державинъ съ великою горечью сознавалъ это. Но душа человѣческая извилиста: онъ втайнѣ мечталъ, что, утративъ надежды, вдали отъ государственныхъ дѣлъ можетъ еще сохранить и ллюзіи.

Къ несчастію, Екатерина и теперь не понимала его, какъ не понимала прежде. Державинъ въ ея глазахъ былъ чиновникъ, въ свободное время пишущій стихи, полезные ея славі, одобряемые знатоками и любезные ей самой, когда они выходятъ вродѣ «Фелицы». О служебной его неуживчивости она была наслышана, а затѣмъ и лично въ томъ убѣдилась. Казалось бы, надлежитъ дать чиновнику отставку, вполнѣ почетную, — и тѣмъ самымъ избавить поэта отъ неприятностей, сохранивъ его выгодное расположеніе. Но бѣда была въ томъ, что, не догадываясь объ истинной связи между поэзіей Державина и его службой, Екатерина все же ихъ связывала (межъ тѣмъ, какъ онъ самъ былъ не прочь теперь эту связь нарушить). Она считала, что званіе поэта и даже «ея собственнаго автора» само по себѣ очень не велико и должно быть подкрѣплено положеніемъ въ службѣ, орденами, чинами. «Пусть пишетъ стихи»: это была бы величайшая милость.

---

*) См. «Современныя Записки», кн. 39, 40, 41 и 42.

которую, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, она могла бы оказать Державину съ величайшей выгодой для себя. Но это она говорила, когда бывала въ сердцахъ. Когда же хотѣла Державина поощрить, то «*on peut lui trouver une place*». Мысль о томъ, что теперь онъ безъ поощреній вѣрнѣе сохранитъ остатки поэтическаго благоволенія къ ней, не приходила ей въ голову, потому что вообще не вязалась съ ея представленіемъ о людяхъ. Отставка Державина означала бы въ ея глазахъ разрывъ, ссору. Она же по обычаю своему избѣгала ссоры; поэтому и не отпускала его, медлила, оттягивала, надѣясь, что рано или поздно Державинъ перебѣсится и смирится.

Онъ же, напротивъ, ожесточался — и было съ чего. Крылья его все равно уже были подрѣзаны. Уже вѣдь и раньше онъ, какъ алхимикъ, подкидывалъ золота въ свои колбы; уже и раньше, осторожно вводя поученія въ свои оды, пѣлъ онъ Екатерину лучшею, нежели она была: все надѣялся, что оригиналь захочетъ походить на портретъ. Теперь онъ, поклонникъ прямоты, шелъ на величайшую жертву: просилъ, чтобъ ему было дозволено, удалая себя отъ дѣлъ, еще разъ, послѣдній, обмануть самого себя: не видя дѣйствительности, пѣть мечту, вѣрнѣе — остатки мечты, которую самъ онъ звалъ суетною, напрасной. Уже это была бы ложь. Но онъ шелъ на это — ради былой любви, ради живущаго въ его душѣ идеала, наконецъ — ради гордости и упрямства, чтобы не показать себя побѣжденнымъ, а вѣру свою смѣшной. Но отъ него требовали жи полной, грубой, придворной: чтобъ онъ неизмѣнно видѣлъ одно — и все-таки пѣлъ другое. Чтобъ онъ пѣлъ богиню, не сводя глазъ съ императрицы, которая изо дня въ день, нарочно, упорно показываетъ ему, что она не богиня и быть богиней не хочетъ — развѣ только въ его стихахъ.

Не получая отставки добромъ, онъ постепенно пришелъ къ тому, что не прочь былъ ее добыть, разгнѣвать Екатерину. Но она себя сдерживала. Это раздражало его еще болѣе. Однако, и ему должно было дѣйствовать съ умомъ, такъ, чтобы гнѣвъ государыни вышелъ какъ бы и незаслуженнымъ, — иначе сочувствіе общества будетъ на сторонѣ Екатерины, онъ же хотѣлъ поймать ее на несправедливости. Злоба сдѣлала его осторожнымъ.

24 октября 1794 г. Суворовъ взялъ Варшаву. Державинъ по этому случаю написалъ четверостишіе, которое

затѣмъ развернулъ въ оду, гиперболическую до крайности, съ самыми рѣдкостными словами, съ умопомрачительными перестановками, съ превеликимъ «лирическимъ беспорядкомъ», который по правиламъ описанія долженъ былъ выражать бурный приливъ чувствъ, но, кажется, чаще выражалъ обратное. Екатерина просмотрѣла рукопись, ничего не поняла, но, полагая, что все обстоитъ какъ должно и клонится къ ея славѣ, велѣла оду отпечатать, чтобы затѣмъ продавать въ пользу какихъ-то вдовъ. Когда печатаніе было кончено, она призвала Попова и велѣла прочитать стихи вслухъ, — должно быть, надѣясь, что съ голоса они будутъ понятнѣе. Но Поповъ тоже ничего не понялъ. А какъ не смыслилъ онъ и въ поэтикѣ, то, читая, неумышленно перевиралъ. вмѣсто:

Безсмертная Екатерина!
Куда? и что еще? Уже полна
Великихъ нашихъ дѣлъ вселенна, —

прочиталъ онъ:

Безсмертная Екатерина!
Куда? и что еще? Ужъ полно!

Это не понравилось, императрица насторожилась.
Дойдя до обращенія къ Суворову:

Тронъ подъ тобой, корона у ногъ,
Царь въ полону! —

рѣшили общими силами, что это ужъ чистое якобинство. Всѣ 3000 отпечатанныхъ экземпляровъ были «заперты въ кабинетѣ», такъ что и авторъ не получилъ ни одного. Екатерина была недовольна. Державинъ зналъ обстоятельство да дѣла и могъ безъ труда оправдаться, но оправдываться не сталъ: досада Екатерины, пусть даже не основательная, входила въ его расчеты. Вскорѣ къ этой досадѣ прибавилась новая.

Еще когда Державинъ въ бытность кабинетскимъ секретаремъ огорчался своимъ безсиліемъ писать въ честь Екатерины, покойная жена ему присовѣтовала поднести государынѣ просто собраніе лучшихъ его стиховъ, отчасти ей неизвѣстныхъ. Державину эта мысль понравилась.

Предположено было кстати, что подносимая тетрадь зѣтѣмъ будетъ издана и положить начало печатному собранію державинскихъ стиховъ. Державинъ принялся выбирать и исправлять пьесы, при чемъ совѣшался съ друзьями. Совѣщанія были бурныя. Львовъ, Капнистъ, Дмитріевъ наперебой предлагали свои поправки, Державинъ то соглашался, то упрямился. Къ каждой пьесѣ, въ началѣ и въ концѣ, рѣшено было сдѣлать рисунки, но большей части аллегорическіе, прекрасно придуманные Оленинымъ (исполнены они были плохо). Въ общемъ, работа оказалась громоздкой, и на нее ушло много времени. Началась она еще въ 1793 году, а кончилась только въ октябрѣ 1795. Державинъ приступилъ къ ней въ самую пору разочарованія въ Екатеринѣ (чѣмъ, въ сущности, она и была вызвана). Но раздраженія и злобы въ немъ тогда еще не было. Во всякомъ случаѣ, обозрѣвая старые стихи, онъ еще нашель въ душѣ силу воскресить прежній образъ Фелицы, съ твердостью признать, что обязанъ ему лучшими влохисненіями, и съ грустію, но безъ досады проститься съ нимъ. Движимый уже не чувствомъ, но воспоминаніемъ о чувствѣ, онъ написалъ посвященіе, или, по тогдашнему, «Приношеніе Монархинѣ»:

Что смѣлая рука Поэзіи писала,
 Какъ Бога, истину, Фелицу во плоти
 И добродѣтели твои изображала,
 Дерзаю къ твоему престолу принести,
 Не по достоинству изящнѣйшаго слога,
 Но по усердію къ тебѣ души моей.
 Какъ жертву чистую, возженную для Бога,
 Прими съ небесною улыбкою твоей,
 Прими и освѣти твоимъ благоволеньемъ,
 И Музой будь моей подпорой и щитомъ.
 Какъ мнѣ была и есть ты отъ клеветъ спасеньемъ.
 Да веселись она и съ бодрственнымъ челомъ
 Пройдетъ сквозь тьму временъ и станетъ средь потомковъ,

Суда ихъ не страшась, твои хвалы вѣщать;
 И алчный червь когда межъ гробовыхъ обтомковъ,
 Оставшій будетъ прахъ моихъ костей глотать:
 Забудется во мнѣ послѣдній родъ Багрика,
 Мой вросшій въ землю домъ никто не посѣтитъ;
 Но лира коль моя въ пыли гдѣ будетъ зрима

И древнихъ струнъ ея гдѣ голосъ прозвѣнить,
 Подъ именемъ твоимъ громка она пребудеть;
 Ты славою, — твоимъ я эхомъ буду жить.
 Героевъ и пѣвцовъ вселенна не забудеть:
 Въ могилѣ буду я, но буду говорить.

Послѣ этихъ стиховъ прошло больше года. За это время Державинъ еще разъ просился въ отставку или даже хотя бы въ продолжительный отпускъ, но вновь получилъ отказъ. Когда изготовленіе тетради подходило къ концу, пѣвецъ Фелицы уже почти ненавидѣлъ прежній свой идеалъ. Отъ поднесенія рукописи онъ не отказался, но, подъ влияніемъ ядовитыхъ чувствъ, включилъ въ нее не только «Властителямъ и судіямъ», но и недавно конченнаго «Великому», въ которомъ были прямыя колкости по адресу императрицы, и даже стихи о Суворовѣ, только что вызвавшіе неудовольствіе.

6 ноября 1795 г. тетрадь, переплетенная въ красный сафьянъ, была, наконецъ, представлена. По словамъ камердинера Тюльпина, государыня читала стихи «двое сутки». Но и двѣ недѣли прошло — молчаніе. Пріѣзжая по воскресеніямъ на выходы, Державинъ «примѣтилъ въ императрицѣ къ себѣ холодность, а окружающіе ее бѣгали его, какъ бы боясь съ нимъ встрѣтиться, не токмо говорить». Въ числѣ послѣднихъ былъ и недавній другъ — Безбородко. Наконецъ, все объяснилось: Екатерина прочла впервые «Властителямъ и судіямъ». Одинъ пріятель спросилъ Державина: «Что ты, братецъ, пишешь за яковинскіе стихи?» — «Какіе?» — «Ты переложилъ псаломъ 81-й, который не можетъ быть двору пріятенъ». — «Царь Давидъ, — сказалъ Державинъ, — не былъ яковинцемъ, слѣдовательно пѣсни его не могутъ быть никому противными».

Чтобы оправдаться передъ Екатериной, Державину было достаточно развить это безспорное положеніе и самое большее — объяснить отступленія отъ библейскаго текста причинами поэтическими. Онъ же не только не спрятался за псалмопѣвца, но и представилъ Екатерину «Анекдотъ», въ которомъ неприкрасно высказать, что въ стихахъ дѣйствительно подразумѣвается она и ея правленіе. «Спросили нѣкоего стихотворца, — писалъ Державинъ, — какъ онъ смѣетъ и съ какимъ намѣреніемъ писать въ стихахъ своихъ толь разительныя истины, ко-

торыя вельможамъ и двору не могутъ быть пріятны. Онѣ отвѣтствовали: Александръ Великій, будучи боленъ, получилъ извѣстіе, что придворный докторъ отравить его намѣренъ. Въ то же время вступилъ къ нему медикъ, принесшій кубокъ, наполненный крѣпкаго зедія. Придворные отъ ужаса поблѣднѣли. Но великодушный монархъ, презря низкія чувствованія ласкателей, бросилъ пронидательный свой взоръ на очи врача и, увидѣвъ въ нихъ непорочность души его, безъ робости выпилъ питье, ему принесенное, и получилъ здравіе. Такъ и мои стихи, промолвилъ пить, ежели кому кажутся крѣпкими, какъ полынковое вино, то они однако такъ же здоровы и спасительны... Истина одна только творить героевъ безсмертными, и зеркало красавицъ не можетъ быть противно».

Державинъ явно старался вызвать Екатерину на рѣзкія дѣйствія. Она находилась въ той порѣ жизни и царствованія, когда зеркало ни въ коемъ смыслѣ не могло быть ей пріятно. Но она держала себя въ рукахъ, отчасти можетъ быть, потому, что проникла въ замыслы Державина и не хотѣла сдѣлать его жертвою въ глазахъ общества. Именно съ этой цѣлью она иногда давала ему порученія, съ виду почетныя, на дѣлѣ же маловажныя. Но вскорѣ Державинъ и тутъ сумѣлъ показать себя. Сама судьба помогла ему уязвить Екатерину глубоко и чувствительно.

Открылись мошенничества въ Заемномъ банкѣ. Комиссія для разслѣдованія этого дѣла была образована подъ предсѣдательствомъ Петра Васильевича Завадовскаго, главнаго директора банка. Императрица назначила въ нее и Державина, благо дѣло было пустячное: предполагалось только установить виновность кассира и нѣсколькихъ служащихъ, которые, впрочемъ, не думали отпираться. Но Державину повезло. Вскрывъ дѣло глубже, онъ съ удовольствіемъ обнаружилъ, что главный мошенникъ ... самъ Завадовскій, одинъ изъ приближеннѣйшихъ къ Екатеринѣ людей, ея бывшій фаворитъ. Комиссія волей-неволей пришлось доложить объ этомъ императрицѣ, а вельможа занемогъ съ горя. На сей разъ коварное усердіе Державина едва не достигло цѣли: поручивъ Зубову съ Безбородкой пересмотрѣть слѣдствіе и замѣять дѣло, Екатерина съ негодованіемъ назвала Державина «слѣдователемъ жестокосердымъ» и пребывала по отношенію къ нему «нарочито въ неблагопріятномъ расположеніи». Державинъ со своей стороны не собирался уступать. Предвидя рѣши-

тельный бой, онъ его жаждалъ, но втайнѣ, можетъ быть, и страшился. Иногда воспаленное воображеніе нечувствительно уводило его далеко отъ дѣйствительности, грядущее паденіе рисовалось ему въ самыхъ трагико-ироническихъ образахъ, и онъ, какъ на театрѣ, умилялся предъ зрѣлищемъ благородной, но горестной своей участи. Однажды, въ задумчивости, на оборотѣ полученнаго письма, начерталъ онъ себѣ эпитафію:

Здѣсь лежитъ Державинъ,
который поддерживалъ правосудіе;
но, подавленный неправдою,
паль, защищая законы.

Между тѣмъ, хотя обѣ стороны были раздражены до крайности, силою вещей рѣшительное сраженіе все откладывалось. Ему и вовсе не суждено было состояться. Заботы и потрясенія несравненно болѣе важныя поглотили Екатерину и подкосили ея здоровье. Ей было не до Державина. Со своей стороны и Державинъ почти не бывалъ при дворѣ, и къ нему избѣгали ѣздить. Случилось такъ, что обѣ ударѣ апоплексическомъ, поразившемъ императрицу утромъ 5 ноября 1796 года, узналъ онъ лишь вечеромъ на другой день — и поспѣшилъ во дворецъ. Екатерина только что отошла. Пораженный Державинъ нашелъ ея трупъ посреди спальни, подъ бѣлою простыней, и «облобызавъ по обычаю тѣло, простился съ нею, съ пролитіемъ источниковъ слезъ». Но то не были еще слезы примиренія.

*
**

За тридцать четыре года, протекшіе со дня петергофскаго переворота, успѣлъ сложиться тотъ особый укладъ, который отчасти зовется вѣкомъ Екатерины. Чѣмъ ближе къ особѣ императрицы (слѣдовательно — при дворѣ, въ гвардіи, въ высшемъ чиновничествѣ), тѣмъ онъ былъ ощутительнѣй, крѣпче, привычнѣе. Съ нимъ сжились, его любили. Однако жъ, по силѣ многихъ причинъ наиболѣе чуждъ и прямо враждебенъ ему былъ сорокадвухлѣтній сынъ и преемникъ императрицы. Она никогда не любила Павла, но постепенно этотъ костистый, угловатый чело-

вѣкъ, въ плохо сидящемъ мундирѣ, съ короткимъ носомъ на сѣромъ, скуластомъ, широкооротомъ лицѣ, порывистый плотью и духомъ, становился ей все несноснѣе. Онъ возбуждалъ въ ней тонкую злобу, презрѣніе и брезгливость. Она же въ его глазахъ была убійцею человѣка, котораго онъ не успѣлъ узнать, но котораго (искренне или нѣтъ) почиталъ своимъ отцемъ. Еще полагалъ онъ, что она насильственно завладѣла его короной, и (справедливо ли, нѣтъ ли) привыкъ отъ нея и ея приближенныхъ ждать себѣ заточенія, а то и смерти. Онъ ненавидѣлъ ее, и едва ли не всѣхъ и все, что съ ней было связано, — можетъ быть, даже включая двухъ старшихъ своихъ сыновей, которыми она завладѣла. Въ своей мрачной Гатчинѣ жилъ онъ особымъ дворомъ, съ собственными своими войсками, какъ бы въ мірѣ, который не былъ и не долженъ былъ быть ни въ чемъ схожъ съ міромъ Екатерины. Люди екатерининскаго міра рѣдко заглядывали въ міръ Павла, и онъ имъ чудился какъ бы потустороннимъ, какъ бы тѣмъ свѣтомъ, въ которомъ среди солдатъ витаетъ окровавленный призракъ солдата — Петра Третьяго. И не успѣли еще вписать въ камеръ-фурьерскій журналъ, что императрица Екатерина Алексѣевна къ сѣтованію всея Россіи въ сей временной жизни скончалась, — какъ вмѣстѣ съ новымъ царемъ существа того свѣта ворвались въ это тѣ. «Насталъ иной вѣкъ, иная жизнь, иное бытіе, — говоритъ современникъ. — Перемѣна сія была такъ велика, что не иначе показалась мнѣ, какъ бы непріятельскимъ нашествіемъ». Съ нимъ не сговариваясь, Державинъ пишетъ: «Тотчасъ во дворѣ пріяло все другой видъ, загремѣли шпоры, ботфорты, тесаки, и, будто по завоеваніи города, ворвались въ покои вездѣ военные люди съ великимъ шумомъ». Дипломатъ-иностранецъ вторитъ обонимъ: «Le palais eut un moment l'apparence d'une place enlevée d'assaut par des troupes étrangères».

Глубокія преобразованія еще только предносились воображенію новаго императора. Но ихъ предшественники и предвѣстники — новые порядки — вводимые круто, «погатчински», тотчасъ появились всюду: въ войскахъ, при дворѣ и просто на улицѣ. Екатерина скончалась 6-го, а утромъ 8-го ноября уже человѣкъ двѣсти полицейскихъ и солдатъ срывали съ проходящихъ круглыя шляпы и истребляли ихъ до основанія; у фраковъ обрѣзывали отложные воротники, жилеты рвали по произволу и благо-

усмотрѣнію начальника партіи... Въ двѣнадцать часовъ утромъ не видали уже на улицахъ круглыхъ шляпъ, фраки и жилеты приведены въ несостояніе дѣйствовать, и тысяча жителей Петрополя брели въ дома ихъ жительства съ непокрытыми головами и въ раздранномъ одѣяніи». Не то, чтобы крутость этихъ мѣропріятій исходила прямо отъ императора: усердствовала полиція. Но дѣйствительно, во всемъ, отъ причесокъ до умовъ и отъ воинскій команды до основныхъ законовъ, новый царь готовился повытрясти и повыколотить изъ Россіи екатерининскій духъ, какъ пыль и мошь выколачиваютъ изъ лежалой одежды. Въ его глазахъ то былъ духъ своеволія, изнѣженности и всяческаго разврата. Гвардія, отъ солдатъ до фельдмаршаловъ, ужаснулась суровымъ новшествомъ гатчинской экзерциціи, и самый дворець, казалось, преобразился. «Знаменитѣйшія особы, первостепеннѣйшіе чиновники, управляющіе государственными дѣлами, стояли, какъ бы лишённые должностей своихъ и званій, съ поникнутою головою, не примѣтны въ толпѣ народной. Люди малыхъ чиновъ, о которыхъ день тому назадъ никто не помышлялъ, никто почти не зналъ ихъ, — бѣгали, повелѣвали, учреждали».

Ломка началась: Люди, связанные съ минувшимъ царствованіемъ, ждали рѣшенія своей участи. «Сія минута для нихъ всѣхъ была тѣмъ, что страшный судъ для грѣшныхъ». Одни (въ томъ числѣ Платонъ Зубовъ) были застигнуты ужасомъ и отчаяніемъ, другіе (какъ Безбородко), оживленные надеждою и расчетомъ, спѣшили застраховать себя услугами новому повелителю; третьи впади въ оцѣпенѣніе.

Набальзамированное тѣло Екатерины долго оставалось безъ погребенія. Нѣсколько разъ стоя подлѣ него на почетномъ дежурствѣ, въ числѣ прочихъ особъ первыхъ четырехъ классовъ, Державинъ съ неодолимою холодностію взиралъ на лицо, которому, говорятъ, вернулась улыбка. И религія, и разумъ ему подсказывали, что теперь надобно душой примириться съ покойницею. Но это не удавалось. Мало того, что судьба разлучила его съ государыней слишкомъ внезапно, въ минуту взаимнаго гнѣба и раздраженія; изъ всѣхъ обидъ сердце человѣческое труднѣе всего прощаетъ разувѣреніе. Поэтому какъ ни старался Державинъ, живого, сердечнаго примиренія съ Екатериной онъ въ тѣ дни не обрѣлъ. Правда, онъ заста-

виль себя написать ей «Надгробную» и «Эпитафію». Но хотя въ «Надгробной» послѣ каждой строфы повторялось:

Се въ гробъ образецъ царей!
Рыдай... рыдай... рыдай о ней —

именно рыданія-то и не получилось. Стихи вышли холодны. Лишь тогда вдохновеніе посѣтило его, когда, сознавая, что вмѣстѣ съ Екатериной закончилась великая часть его собственной жизни, онъ сталъ подводить итоги и самому себѣ искать права на безсмертіе. Вослѣдъ Горацию, онъ написалъ себѣ «Памятникъ»: воспоминаніе не объ Екатеринѣ, а лишь о своей поэтической связи съ ней:

Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифей леть Уралъ;
Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,

Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ смиренной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить.

За послѣдніе мѣсяцы его гражданское одушевленіе съ болью оторвалось отъ образа Екатерины и жило уже собственной, отдѣльной и — надо прямо сказать — ослабленной жизнью. Не то, чтобы разочарованіе въ Екатеринѣ повлекло за собой разочарованіе въ идеѣ; но все же идея утратила часть своего сіянія; она не помрачилась сама въ себѣ, но прозрачная тѣнь разочарованія какъ бы пала и на нее. Прежней горячности въ Державинѣ больше не было, прямое рвеніе становилось привычкою къ рвенію (упрямство, гордость и сознаніе долга ее поддерживали). Ужъ если напрасною оказалась вѣра въ Фелицу, то, разумѣется, ни въ какого идеальнаго царя нельзя вѣрить. Идеальнымъ царемъ не будетъ и Павелъ. Но гдѣ доказательства, что онъ будетъ хуже Екатерины? Обольщаться не надо, какъ и прежде не слѣдовало, но кое-какія упованія можно на него возлагать. Что онъ уиметъ

распущенность, подрѣжетъ крылья корысти, пособьетъ слѣси дворянской, не станетъ во всемъ потакать своимъ царедворцамъ — можно быть увѣреннымъ. И то уже благо. Что онъ кое-чему обучить невѣждъ — надо надѣяться: вѣдь вонъ какъ военныхъ-то принялся обучать! Что онъ подтянетъ бездѣльниковъ — это навѣрняка: неутомимую заботливость въ отправленіи дѣлъ проявляетъ самъ, и недаромъ уже теперь въ департаментахъ и канцеляріяхъ съ пяти часовъ утра горять свѣчи. Правда, крутовать: однако жъ, оно и къ лучшему — Екатерина была слабовата. А что прямъ — это и по всему видать. Прямоту Державинъ цѣнилъ въ особенности; Екатерина была уклончива.

Въ понедѣльникъ, 17 ноября, подъ утро, придворный лакей привезъ Державину повелѣніе тотчасъ ѣхать во дворецъ. Было еще темно, когда Державинъ явился и далъ знать о себѣ камердинеру Ивану Павловичу Кутайсову, котораго горбоносое, смуглое лицо въ лудреномъ парикѣ сияло прониливою веселостію: Кутайсовъ ногъ лодъ собою не чуялъ отъ радости по случаю воцаренія своего благодѣтеля. На разсвѣтѣ Кутайсовъ ввелъ Державина въ кабинетъ государя.

Мужа покойной молочной сестры своей Павелъ принялъ съ нарочитымъ радушіемъ. «Наговоривъ множество похвалъ, сказалъ, что онъ знаетъ его со стороны честнаго, умнаго, безынтереснаго и дѣльнаго человѣка, то и хочетъ его сдѣлать правителемъ своего Верховнаго Совѣта, дозволивъ ему входить къ себѣ во всякое время». Державинъ остался вѣренъ себѣ: «поблагодаря его, отозвался, что онъ радъ ему служить со всюю ревностію, сжали его величеству угодно будетъ любить правду, какъ любилъ ее Петръ Великій». Павлу это понравилось чрезвычайно. воть слуга, который ему впрямъ необходимъ. Онъ взглянулъ на Державина пламеннымъ взоромъ и весьма милостиво раскланялся.

Въ великой радости вернулся домой Державинъ. Шутка-ли стать правителемъ Верховнаго Совѣта? Въ немъ засѣдали гр. К. Г. Разумовскій, гр. Румянцовъ-Задунайскій, гр. Чернышевъ, гр. Н. И. Салтыковъ, врагъ Державина Завадовскій и другіе. Павелъ сюда прибавилъ двоихъ князей Куракиныхъ, Соймонова, Васильева, гр. Сиверса. И надо всѣми ними Державинъ будетъ поставленъ правителемъ, какъ генераль-прокуроръ надъ сенаторами.

Должности такой до сихъ поръ еще не было — онъ первый ее займетъ. Вотъ когда признана его добродѣтель! Вотъ когда заскрежещеть порокъ въ лицѣ враговъ его!

Все это было чистѣйшее заблужденіе. Во вторникъ вышелъ указъ объ опредѣленіи Державина, но не въ правители Совѣта, а въ правители канцеляріи Совѣта: разница превсликая, а для сенатора, каковымъ былъ Державинъ, и униженіе. Обезкураженный, онъ рѣшился просить у государя инструкціи, т. е. разъясненія, въ чемъ должна состоять его должность. Во вторникъ и въ среду онъ дѣлалъ визиты членамъ Совѣта и не скрылъ отъ нихъ своего смущенія. Его весьма поддержали — кажется, не безъ злого умысла.

Насталъ четвергъ, день совѣтскій. Не имѣя права сѣсть за столъ членовъ, Державинъ не сѣлъ и за столъ правителя канцеляріи: такъ и слушалъ дѣла, стоя или ходя вокругъ присутствующихъ. Всѣ эти дни (тѣ самые, когда было извлечено изъ гроба тѣло Петра III и Павелъ съ семьей каждодневно ѣздили въ Лавру на панихиды) Державинъ обѣдалъ и ужиналъ во дворцѣ. Но аудіенцію у государя удалось ему получить лишь въ субботу, 22 числа. Императоръ, занятый мрачными мыслями, все же встрѣтилъ его довольно ласково и спросилъ, что надобно.

— По волѣ вашей, государь, былъ въ Совѣтѣ, но не знаю, что мнѣ дѣлать.

— Какъ не знаете? Дѣляйте, что Самойловъ дѣлалъ

(Самойловъ былъ при Екатеринѣ правителемъ канцеляріи Совѣта).

— Я не знаю, дѣлалъ ли что онъ: въ Совѣтѣ никакихъ его бумагъ нѣтъ, а сказываютъ, что онъ носилъ только государынѣ протоколы Совѣта, почему осмѣливаюсь просить инструкціи.

— Хорошо, предоставьте мнѣ.

На этомъ слѣдовало бы кончить. Но Державинъ не во время вспомнилъ свободу, которую имѣлъ при докладахъ у покойной императрицы, и прибавилъ, что въ Совѣтѣ не можетъ онъ сидѣть съ членами онаго, ибо къ тому не назначень, а сидѣть за столомъ канцелярскимъ ему невмѣстно. Такъ вотъ — не стоять ли ему между столами?

«Съ симъ словомъ вспыхнулъ императоръ; глаза его, какъ молнии, засверкали». Въ бѣшенствѣ подбѣжалъ онъ къ дверямъ, распахнулъ ихъ — предъ кабинетомъ стояли люди: Трошинскій, Архаровъ и прочіе.

— Слушайте, — закричалъ Павелъ, — онъ почитаетъ быть въ Совѣтѣ себя лишнимъ!

И оборотясь къ Державину:

— Поди назадъ въ Сенатъ и седи у меня тамъ смирно, а не то я тебя проучу.

Тогда, свѣту не взвидѣвъ, и Державинъ въ свою очередь обратился къ слушателямъ, указуя на государя:

— Ждите, будетъ отъ этого . . . толкъ!

Какъ въ безмятествѣ, выбѣжалъ онъ изъ дворца, и дико смѣялся, и дома «не могъ удержаться отъ горестнаго смѣха, разсказывая женѣ съ нимъ случившееся».

Слухи полетѣли по городу. Слова Державина пересказывались на всѣ лады и даже приукрашались, хотя довольно было и правды. Для Державина ждали великихъ бѣдъ, вспоминали пословицу: погибла птичка отъ своего язычка. Все однако же ограничилось краткимъ указомъ: «Тайный совѣтникъ Гаврило Державинъ, опредѣленный правителемъ канцелярїи Совѣта Нашего, за непристойный отвѣтъ, имъ предъ Нами учиненный, отсылается къ прежнему его мѣсту. 22 ноября 1796.»

Фаворъ, начавшійся въ понедѣльникъ, въ субботу кончился. Павелъ оказалъ по жесточе Екатеривы. Но на сей разъ Державинъ и дома почувствовалъ, что Дарья Алексѣевна — не Плѣнира. Она съ нимъ не стала смѣяться, а учинила ему нагоняй и немедленно созвала семейный совѣтъ изъ Капнистовъ и Львовыхъ, благо всѣ три поэта были женаты теперь на трехъ сестрахъ. Капнисть опять жилъ въ Петербургѣ, вель трудную тяжбу съ сосѣдомъ своимъ Тарновскимъ и дописывалъ комедію; съ какой стороны ни взгляни — ему нужны были покровители; державинская бѣда приходилась ему некстати. Львовъ и при новыхъ порядкахъ чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ, и не понималъ, чего еще надобно Гаврилѣ. Словомъ, «осыпавъ его со всѣхъ сторонъ журьбою, что онъ бранится съ царями и не можетъ ни съ кѣмъ ужиться, принудили его искать средство преклонить на милость монарха». Державинъ сунулся было туда-сюда, но нигдѣ помощи не нашелъ. Онъ бы и бросилъ все это дѣло, сталъ бы писать стихи. Его тянуло къ перу. Онъ дописалъ «Безсмертіе души», начатое одиннадцать лѣтъ тому назадъ вслѣдъ за «Богомъ»:

Отколѣ, чувствъ по насыщенѣ,
Объемлетъ душу пустота?

Не оттого ль, что наслажденье
 Для ней благъ здѣшнихъ — суета,
 Что есть для насъ другой міръ, краше,
 Есть вѣчныхъ радостей чертогъ?
 Безсмертіе — стихія наша,
 Покой и верхъ желаній — Бсгъ!

Но верхъ желаній Дарьи Алексѣевны не въ томъ заключался, ея стихіей были дѣла житейскія. Женою полуопального сановника она никакъ не желала быть. Покою Державину не стало. «По ропоту домашнихъ былъ въ крайнемъ огорченіи и наконецъ вздумалъ онъ, безъ всякой посторонней помощи, возвратитъ къ себѣ благоволеніе монарха посредствомъ своего таланта». Явилась «Ода на новый 1797 годъ» - въ сущности на воцареніе Павла I. За нее Державина ославили льстецомъ, — обвиненіе незаслуженное. Державинъ видѣлъ еще лишь начало царствованія, ознаменованное, при всѣхъ рѣзкостяхъ, рядомъ великодушныхъ поступковъ и благихъ начинаній. Правда, суровыя кары тотчасъ обрушились на нѣкоторыхъ приближенныхъ Екатерины, особенно на причастныхъ къ перевороту 1762 года. За то другіе были обласканы съ исключительной щедростью. За то Костюшко, Потоцкій и Нѣмцевичъ выпущены на волю и даровано прощаніе всѣмъ вообще полякамъ, «подпавшимъ подъ наказаніе, заточеніе и ссылку по случаю бывшихъ въ Польшѣ замѣшательствъ». Изъ Илимска былъ возвращенъ Радищевъ, изъ Шлиссельбурга освобожденъ Новиковъ; масонъ Лопухинъ вызванъ въ Петербургъ и обласканъ; по его ходатайству выпущены всѣ заключенные въ тайной канцеляріи, кромѣ повредившихся въ умѣ. Съ первыхъ дней царствованія Павелъ повелъ борьбу съ судебной и канцелярскою волокитой — Капнистъ недаромъ посвятилъ ему «Ябеду». Далѣе, императоръ выразилъ твердое намѣреніе прекратитъ войны: рекрутъ, набранныхъ по указу Екатерины, онъ распустилъ по домамъ; хлѣбъ, забранный для провіантскаго департамента въ казну, приказалъ вернуть — и т. д. Все это и было отмѣчено Державинимъ. Поэтъ слѣдовалъ только истинѣ и давнему воспитательному правилу своей поэзіи — по возможности не бичевать пороки, но поощрять добродѣтели, возбуждая ее къ новымъ подвигамъ. Онъ и теперь считалъ, что чѣмъ прекраснѣе портретъ, тѣмъ болѣе оригиналу захочется быть

на него похожимъ. Наконецъ, не могъ онъ не сознавать великодушія, проявленнаго императоромъ къ нему лично: за оскорбленіе неслыханное и незаслуженное (въ которомъ должно бы извиниться, будь даже Павелъ не императоръ, а простой смертный), заплатилъ онъ всего только отчисленіемъ къ прежней должности.

Можно сказать, однако, что не подчинившись голосу лести, лира Державина все же была на сей разъ унижена подчиненіемъ домашнему натиску. И она за себя отомстила: ода вышла холодная, натянутая, безкрылая. Эти поэтическіе недостатки не помѣшали ей, впрочемъ, возымѣть свое дѣйствіе: Павелъ велѣлъ генераль-адъютанту представить Державина и обошелся съ нимъ милостиво. Тѣмъ самымъ былъ восстановленъ и миръ семейный въ домѣ Державина.

*
**

Обвинять Державина въ лести не только несправедливо, но и непроницательно. Лѣстить государю какъ разъ не входило въ его расчеты. Помириться онъ былъ не прочь, но искать близости, домогаться новыхъ благъ или должностей ему уже не хотѣлось (на это обстоятельство онъ едва осмѣлился бы намекнуть Дашѣ, и то развѣ только обиняками). Въ возможность ужиться съ Павломъ такъ, чтобы дѣйствительно вліять на дѣла, онъ больше не вѣрилъ, а безъ того служба грозила лишь новыми неприятностями. Конечно, сидѣть сложа руки онъ не умѣлъ. Въ немъ не остыла еще потребность или привычка дѣйствовать, кипятиться, рыться въ законахъ. Но эта привычка находила себѣ утоленіе и помимо службы. Слава строптиваго чиновника и плохого царедворца постепенно создала ему въ обществѣ славу особо честнаго и безпристрастнаго человѣка. Все чаще къ нему обращались съ просьбами быть третейскимъ судьей въ разныхъ дѣлахъ, когда стороны не хотѣли довѣриться казенному правосудію; сверхъ того многіе люди, дѣла которыхъ были разстроены, просили Державина о принятіи опеки надъ ихъ имуществомъ. Эти суды, которыхъ онъ провелъ около сотни, и опеки, которыхъ при Павлѣ онъ имѣлъ въ своемъ управленіи цѣлыхъ восемь, требовали немалыхъ трудовъ и создавали ему почетное общественное положеніе. Поэтому, примирившись съ царемъ и тѣмъ снявъ съ себя тѣнь опа-

лы, Державинъ отнюдь не просилъ новой должности; радъ былъ остаться всего лишь сенаторомъ. Да и въ Сенатѣ пріучалъ онъ себя относиться къ дѣламъ спокойнѣе: понималъ, что плетью обуха не перешибешь. Когда возникали шумныя пренія, онъ не безъ яду повторялъ слова государя:

— Мнѣ вѣлѣно сидѣть смирно, то дѣлайте вы какъ хотите, а я сказалъ уже мою резолюцію.

Къ мечтаніямъ объ отстраненіи отъ службы подготовлялъ онъ Дарью Алексѣевну осторожно, подъ покровомъ поэзіи, даже легонько льстя ей:

Къ богамъ земнымъ сближаться
Ничуть я не ищу
И больше возвышаться
Никакъ я не хочу.

Душѣ моей покою
Желаю только я:
Лишь будь всегда со мною
Ты, Дашенька моя!

Это желаніе все болѣе укрѣплялось. Новое царствованіе едва ли не каждый день давало къ тому поводы. Опала, постигшая Суворова, была однимъ изъ наиболѣе разительныхъ.

Будучи вполне убѣжденный противникъ войны, «проповѣдующа миръ міру» и въ томъ почитая одну изъ своихъ заслугъ, Державинъ по чувству патриотическому съ великимъ уваженіемъ относился къ екатерининскимъ полководцамъ. Недавно умершаго Румянцова, котораго не довольно зналъ, онъ прямо идеализировалъ; Суворову прощалъ человѣческія слабости, высоко чтилъ въ немъ пабожность и сумѣлъ понять тонкій смыслъ его символическихъ чудачествъ. Со своей стороны и Суворовъ, питавшій слабость къ поэзіи, оцѣнилъ автора «Бога» и «Фелицы». Въ толпѣ екатерининскихъ вельможъ прямой и ни съ кѣмъ не схожій Державинъ не безъ основаній казался ему чѣмъ-то вродѣ того, что Суворовъ былъ самъ среди полководцевъ. Онъ звалъ Державина Аристидомъ. Въ свое время ода на взятіе Измаила не могла ему не польстить. Вслѣдъ за тѣмъ Державинъ прислалъ ему первое четверостишіе на взятіе Варшавы. Полководецъ былъ покоренъ вполне и отвѣтилъ поэту стихами, довольно ви-

тѣватями, о коихъ, впрочемъ, писалъ, что они сложны «въ простотѣ солдатскаго сердца»:

Царица, съверомъ владѣя,
Предписываетъ всѣмъ законъ:
Въ десницѣ жезлъ судьбы имѣя,
Вращаетъ сферу безъ препонъ — и проч.

Въ концѣ 1795 г. Суворовъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Екатерина ему отвела домъ князя Таврическаго, гдѣ онъ спалъ на соломѣ и ходилъ почти нагишомъ. На второй день его тамъ пребыванія, многія знатныя особы съ утра устремились къ нему съ визитами, но не были приняты. Перваго принялъ онъ Державина въ своей спальнѣ, долго бесѣдовалъ и не отпускаялъ. Въ 10 часовъ пріѣхалъ Платонъ Зубовъ. Суворовъ съ нимъ говорилъ стоя и не впускалъ дальше порога; немного спустя онъ его сроводилъ, Державина же оставилъ обѣдать. Во время обѣда пріѣхалъ вице-канцлеръ графъ Остерманъ. Суворовъ, вскочивъ изъ-за стола, выбѣжалъ на подѣздъ; гайдуки открываютъ для Остермана карету, но тотъ не успѣлъ и привстать, какъ Суворовъ скакнулъ къ нему, сѣлъ рядомъ, поздоровался, поблагодарилъ за посѣщеніе и выпрыгнулъ обратно. Остерманъ уѣхалъ, Суворовъ вернулся въ столовую и со смѣхомъ сказалъ Державину:

— Этотъ контръ-визитъ самый скорый, лучшій и взаимно неотяготительный.

Съ той поры они подружились. Когда въ февралѣ 1797 года Павелъ грубо отставилъ Суворова, а затѣмъ сослалъ въ Боровицкую глушь, подъ присмотръ земской полиціи Державинъ столько былъ пораженъ, что словъ у него не нашлось. Между тѣмъ, успѣлъ уже пострадать и Валеріанъ Зубовъ. Конечно, военныя заслуги Зубова никакъ не сравнимы съ суворовскими, но его опала была еще болѣе незаслуженна. Суворовъ хотъ прогнѣвилъ императора явными рѣчами: Зубовъ палъ жертвою необузданнаго павловскаго миролюбія. Онъ командовалъ арміей, которую Екатерина отравила противъ Персіи. Войска были отозваны вдругъ, безъ вѣдома Зубова, самъ же онъ брошенъ на произволъ судьбы въ краю непріятеля. Державинъ нѣкогда поэтически сравнивалъ его прежнія побѣды надъ персами съ подвигомъ Александра Великаго. По этому поводу кн. С. Ѡ. Голицынъ, встрѣтивъ Державина при дворѣ, замѣтилъ, что въ нынѣшнихъ обстоятельст-

вахъ онъ уже не посмѣетъ писать въ честь Зубова. «Вы увидите», отвѣчалъ Державинъ, и пріѣхавъ домой, написалъ оду «На возвращеніе графа Зубова изъ Персіи», которую не могъ, разумѣется, напечатать, но въ спискахъ пустилъ по городу. Намекая на прежніе свои стихи, онъ въ ней говоритъ:

По быстромъ Персовъ покореньи
Въ тебѣ я Александра чтить!
О! вспомни, какъ въ томъ восхищеньи,
Пророча, я тебя хвалилъ:
Смотри, — я рекъ: — триумфъ минуто,
А добродѣтель вѣкъ живетъ.
Сбылось! — Игру днесъ Счастья люто
И какъ оно къ тебѣ хребетъ
Свой съ грознымъ смѣхомъ повернуло,
Ты видишь; видишь, какъ мечты
Сіянье вкругъ тебя заснуло,
Прошло, — остался только ты.

Онъ съ каждымъ днемъ убѣждался, что на мѣсто екатерининскихъ золъ являются новыя, павловскія, а старыя блага, уничтожаясь, новыми не замѣщаются. Понемногу онъ научился вздыхать о прошломъ. Онъ посѣтилъ Царское Село — оно показалось ему горестными развалинами. Онъ понялъ, что екатерининская слава умерла, павловской же не будетъ. Житейскимъ отсюда выводомъ было желаніе стать въ сторонѣ отъ государственныхъ дѣлъ, во всякомъ случаѣ — подалѣе отъ кормила, а выводы поэтическіе изложилъ онъ въ стихотвореніи «Къ лирѣ»:

Пѣть Румянцова собирался,
Пѣть Суворова хотѣлъ;
Громъ отъ лиры раздавался
И со струнъ огонь летѣлъ .

Но завистливой судьбою
Задунайскій кончилъ вѣкъ,
А Рымникскій скрылся тмою,
Какъ неславный человѣкъ.

Что жъ? Пріятна ли имъ будетъ,
Лира, днесъ твоя хвала?

Миръ безъ насъ не позабудеть
Ихъ безсмертныя дѣла.

Такъ не надо звучныхъ строевъ:
Переладимъ струны вновь;
Гнѣть откажемся героевъ,
А начнемъ мы пѣть любовь.

*
**

Начнемъ — сказано не совѣтъ точно: любовная лирика присутствовала въ поэзіи Державина и раньше; эта поэзія съ нея даже и началась — въ ту казарменную пору, когда юный поэтъ еще не рѣшался «гнаться за Пиндаромъ». Но постепенно она была и количественно, и качественно заслонена музой гражданской и исторіографической (то же, но въ меньшей степени случилось съ религиозной поэзіей Державина). Кромѣ общественныхъ, были тому и другія немаловажныя причины, личныя и литературныя: даже именно сочетаніе личныхъ съ литературными.

Державинъ во всемъ начиналъ съ подражаній, исходилъ изъ готовыхъ формъ, вмѣстѣ съ ними заимствуя у другихъ поэтовъ оттѣнки мыслей и чувствъ. Для его поэзіи то былъ неизмѣнный ходъ развитія. Такъ началась и его любовная лирика, и все шло гладко, пока для его солдатскихъ шашней и офицерскихъ интригъ хватало сердечнаго и стихотворнаго опыта, черпаемаго изъ условной и легковѣсной эротической поэзіи, которая была ему открыта. Но этого опыта сразу оказалось недостаточно, лишь только Державинъ охваченъ былъ подлиннымъ и глубокимъ чувствомъ къ Екатеринѣ Яковлевнѣ. Образцы, которымъ онъ могъ бы слѣдовать, выражали нѣчто вовсе пустое въ сравненіи съ его любовью. Передъ этой любовью очутился онъ столь беспомощенъ, что когда, по законамъ ухаживанія, понадобилось ему посвятить невестѣ стихи, онъ ничего не могъ написать и поднесъ старую, вовсе не къ Катенькѣ обращенную пьеску, которую кое-какъ докончилъ. Прибѣгнуть къ маленькому обману ему было легче, нежели говорить о предметѣ своей любви суетнымъ и жеманнымъ языкомъ тогдашней поэзіи.

Этому несоотвѣтствію чувства и способовъ выраженія

суждено было не сглаживаться, а углубляться по мѣрѣ того, какъ любовь къ Плѣнирѣ становилась полнѣй и строже. Какъ разъ въ то время, когда въ иныхъ областяхъ поэзія Державина созидалась, то есть когда онъ все болѣе обрѣталъ силу высвободить, вырастить свое изъ чужого, — именно въ области любовной лирики онъ ничего не могъ сдѣлать, ибо ему не съ чего было начать. Правда, читая Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Эмина (бывшаго своего подчиненнаго и спутника по олонцкому путешествію), обращаясь къ нѣмецкимъ поэтамъ и особенно — бесѣдуя съ Львовымъ, весьма оцѣнилъ онъ прелесть Анакреона, точнѣе — того своеобразнаго силава, который къ XVIII столѣтію образовался изъ подлинныхъ нѣсенъ античнаго лирика и многолѣтнихъ поддѣлокъ, переводовъ и подражаній. Но разсудительное сладострастіе анакреонтической поэзіи ничего не имѣло общаго съ любовью къ Плѣнирѣ. Рано усвоивъ анакреонтическіе образы и приемы, Державинъ все же не примѣнялъ ихъ для изображенія своей любви. Въ концѣ концовъ она такъ и осталась невоспѣтой, неизъяснимой. У Державина есть нѣсколько трогательныхъ, нѣжнѣйшихъ упоминаній о Плѣнирѣ, но прямо любовныхъ стиховъ, всецѣло ей посвященныхъ — нѣтъ.

На Плѣниру Державинъ истратилъ всю любовную силу души своей. Послѣ нея онъ уже никого по настоящему не любилъ. «Половина души», опустѣвшая со смертью Плѣниры, Миленою не была заполнена. Именно поэтому Державинъ, который при жизни Екатерины Яковлевны не смотрѣлъ на другихъ женщинъ, женившись на Дарьѣ Алексѣевнѣ сталъ на нихъ даже очень заглядываться. У Плѣниры не было поводовъ къ ревности — у Милены ихъ было вполне достаточно. Начиная примѣрно съ 1797 года старость Державина овѣяна любовными мыслями и исканіями. Особы, вѣнчавшія ему вѣтшія чувства, чаще всего сокрыты подъ условными поэтическими прозвищами или вовсе не названы. Исторія сохранила лишь небольшую часть именъ достовѣрныхъ. Среди нихъ въ разные годы встрѣчаемъ мы Варю и Парашу Бакуниныхъ (двоюродныхъ сестеръ Дарьи Алексѣевны, сиротъ, которыхъ она у себя пріютила); молоденькую плясунью Люси Штернбергъ, воспитанницу графини Стейнбокъ: юную и проказливую графиню Соллогубъ; семнадцатилѣтнюю Дуню Жегулину. Были и другія — мы еще съ ними встрѣтимся.

Совсѣмъ молоденькія дѣвушки привлекали Державина въ особенности. Онъ между ними почти не дѣлалъ различія — всѣ были хороши; вотъ каково было его «Шуточное желаніе»:

Если бѣ милыя дѣвицы
 Такъ могли летать, какъ птицы,
 И садились на сучкахъ:
 Я желалъ бы быть сучочкомъ,
 Чтобы тысячамъ дѣвочкамъ
 На моихъ сидѣть вѣтвяхъ.
 Пусть сидѣли бы и пѣли,
 Вили гитъза и свистѣли,
 Выводили и шенцовъ;
 Никогда бѣ я не сгибался,
 Вѣчно бѣ ими любовался,
 Былъ счастливѣй всѣхъ сучковъ.

О каждомъ отдѣльномъ случаѣ невозможно сказать, какъ далеко заходили ухаживанія Державина, всегда однако же дѣятельныя. Иногда, вѣроятно, приходилось довольствоваться полу-насиленно сорваннымъ поцѣлуемъ. Впрочемъ, дѣвическіе обычаи той поры были довольно свободны.

Преданіе рисуеъ Анакреона беззаботнымъ старцемъ въ кругу юныхъ грацій. Анакреонтическая личина какъ нельзя лучше подошла старѣющему Державину. Памятникомъ его неизъяснимой любви къ Пльнирѣ осталось молчаніе. Его нынѣшнія увлеченія было легко и кстати выразить въ вольныхъ переводахъ и подражаніяхъ теоскому пѣвцу. Державинъ въ анакреонтическихъ своихъ пѣсняхъ кажетъ себя веселымъ, находчивымъ старикомъ, окруженнымъ дѣвушками. Онъ ими любитъся, нашептываетъ имъ нѣжности, порою слегка безстыдныя, радуется любовнымъ удачамъ, а въ случаѣ неудачи не унываетъ и самъ не прочь пошутить насчетъ своей старости.

Совмѣщеніе остатковъ античности съ наслоеніями послѣдующихъ столѣтій (особенно XVII и XVIII) составляетъ не только признакъ того анакреонтическаго сплава, о коемъ уже говорено, но и его своеобразную прелесть. Анакреонъ бесѣдуетъ съ Хлоями и Калистами, въ которыхъ пріятно узнавать милыхъ модницъ на французскихъ остренькихъ каблучкахъ; эллискіе Эроты и латинскіе Ку-

пидоны цѣлать своими стрѣлами въ ихъ сердца; сатиры и фавны пляшутъ средь вышвѣтающихъ декорацій пастушескаго балета. Державинъ еще усложнилъ эти изящныя несоотвѣтствія, придавъ имъ неожиданный третій слой: Анакреона онъ нѣсколько обрусилъ, но съ тончайшимъ вкусомъ, не во всемъ и не сплошь, но какъ разъ настолькоъ, чтобы всѣ три слоя слегка просвѣчивали.

Это вышло само собою. На деньги, полученныя въ приданое, Дарья Алексѣевна купила въ 1797 году сельцо Званку, на берегу Волхова, въ 55 верстахъ отъ Новгорода. Тамъ чаще всего и протекали романическія исторіи Гавриила Романовича; крестьянскія и дворовыя красавицы играли въ нихъ, можетъ быть, еще болѣе важную роль, чѣмъ пріѣзжія барышни. И вотъ — пейзажъ Званки ворвался въ чужеземную поэзію, зазвучала не книжная, но селянская рѣчь, русскія дали раскинулись подъ искусственнымъ небомъ Анакреона, засвистала пѣночка, славянской Лель порхнулъ межъ Амурами, Лада соперничаетъ съ Венерой, охотнички пострѣливаютъ дичину, скрипятъ жернова на мельницахъ — для Державина только тотъ міръ прекрасенъ, который похожъ на Россію. И вотъ — среди эллинскихъ нимфъ и французскихъ пастушекъ, развѣвая одежды античными складками, заплясали въ кокошникахъ крѣпкія русскія дѣвушки, «сребророзовыя лицомъ» Варюши, Параша, Любушки: для Державина дѣвушка не прекрасна, если она не русская. И онъ съ гордостью вопрошаетъ Анакреона:

Зрѣлъ ли ты, пѣвецъ тійскій,
 Какъ въ дугу весной бычка
 Пляшутъ дѣвушки россійски
 Подъ свирѣлью пастушка:
 Какъ, склонясь главами, ходятъ.
 Башмачками въ лады стучать.
 Тихо руки, взоръ поводятъ
 И плечами говорятъ;
 Какъ ихъ лентами златыми
 Чела бѣлыя блестятъ,
 Подъ жемчугами драгими
 Груды нѣжныя дышâtъ;
 Какъ сквозь жилки голубыя
 Льетса розовая кровь,
 На ланитахъ огневая

Ямки врѣзала любовь;
 Какъ ихъ брови соболины,
 Полный искръ соколій взглядъ,
 Ихъ усмѣшка — души львины
 И сердца орловъ разять?
 Коль бы видѣлъ дѣвъ сихъ красныхъ,
 Ты бь Гречанокъ позабылъ
 И на крыльяхъ сладострастныхъ
 Твой Эротъ прикованъ былъ.

Обдумывая рисунки для будущей книги, Державинъ сочинилъ къ этимъ стихамъ концовку: «многокрылатый Эротъ привязанъ къ простой русской пряслицѣ, на коей видна кудель». Въ этомъ смѣшеніи стилей не должно видѣть ни наивности, ни нечаянности. Смыслъ и прелесть своего русскаго анакреонтизма Державинъ понималъ и его созданіе ставилъ себѣ въ заслугу. Изображая самого Анакреона (и намѣренно придавая ему собственныя свои черты), онъ говоритъ:

Цари къ себѣ его просили
 Поѣсть, полить и погостить;
 Таланты злата подносили, —
 Хотѣли съ нимъ друзьями быть.

Но онъ покой, любовь, свободу
 Чинамъ, богатству предпочель;
 Средь игръ, веселій, хороводу
 Съ красавицами вѣкъ провелъ.

Бесѣдовалъ, рѣзвился съ ними,
 Шутилъ, пѣлъ нѣсни и вздыхалъ,
 И шутками себѣ такими
 Вѣнецъ безсмертія снискалъ.

Посмѣйтесь, красоты россійски,
 Что я въ морозъ, у камелька,
 Такъ вами, какъ пѣвецъ тинскій
 Дерзнулъ себѣ искать вѣнка.

Пѣвецъ Сѣверной Минервы мечталъ теперь стать Сѣвернымъ Анакреономъ. Но удалиться отъ царей ему еще не было суждено.

*
**

Почти два съ половиною года Державину удавалось сидѣть въ Сенатѣ, словно въ норѣ. Наконецъ, интрига довольно сложная выманила его оттуда. Зоричу, бывшему своему любимцу, Екатерина пожаловала огромное, такъ называемое Шкловское, имѣніе въ Могилевской губерніи. Тамъ Зоричъ и жилъ почти что на положеніи феодалъ-номъ, какъ вдругъ весной 1799 г. поступила отъ шкловскихъ евреевъ жалоба на утѣсненія, имъ чинимыя. Еврейскія горести особенно близко принялъ къ сердцу Кутайсовъ (возможно, что самая жалоба была подана не безъ его участія). Онъ разсчитывалъ, что въ случаѣ изобличенія Зорича великолѣпное имѣніе можетъ быть взято въ казну, а затѣмъ куплено имъ, Кутайсовымъ, за дешевую цѣну. Надобно было произвести въ Шкловѣ слѣдствіе, и Кутайсовъ старался придумать, кого бы туда послать. Межъ тѣмъ, въ Сенатѣ должно было рѣшиться старое, двѣнадцатилѣтнее дѣло о взысканіи въ казну 300.000 рублей съ тамбовскаго купца Бородина, того самага, изъ-за котораго Державинъ лишился своего губернаторства. Дѣло возникло еще по жалобѣ Державина. Чтобы рѣшить его въ пользу отвѣтчика, покровители Бородина Гудовичъ, Завадовскій и Васильевъ (нынѣ уже баронъ) мечтали на это время удалить Державина изъ столицы. Они-то и присовѣтовали Кутайсову отправить его въ Бѣлоруссію: Завадовскій по личному опыту зналъ, что Державинъ «слѣдователь жестокосердый». Словомъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ государь, по просьбѣ Кутайсова, послалъ Державина въ Шкловъ. Но Державинъ, прибывъ на мѣсто (и кстати сказать — дорогою заведя небольшой романъ), установилъ, что и Зоричъ имѣетъ столько же оснований жаловаться на евреевъ, какъ они на него. Такой исходъ слѣдствія Кутайсову оказался не на руку. Послѣдовало высочайшее повелѣніе Державину вернуться въ Петербургъ.

На судьбу Державина эта командировка сама по себѣ не оказала вліянія. Она примѣчательна лишь какъ первая попытка вывести его вновь на сцену изъ-за кулисъ. Вскорѣ послѣдовала вторая — хотѣли послать его на ревизію въ Вятку. Ему однако же удалось отвертѣться, и до поры онъ снова обрѣлъ покой. Какъ разъ въ это время произошли событія, о которыхъ должно сказать, хотя къ службѣ Державина они прямого касательства не имѣли.

Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до поѣздки Державина въ Бѣлоруссію сбылось его предсказаніе, что звѣздѣ Суворова суждено взойти вновь. Въ концѣ февраля полководецъ, прощенный Павломъ по настоянію вѣнскаго двора, отправился въ знаменитый итальянскій походъ. Когда появились извѣстія о первыхъ его успѣхахъ — о переходѣ черезъ Аббу и о вступленіи въ Миланъ — Державинъ написалъ оду «На побѣды въ Италіи». Едва упомянувъ имя императора, назвалъ онъ Суворова «лучемъ, возсіявшимъ изъ-подъ спуда». Затѣмъ, уже послѣ возвращенія изъ Бѣлоруссіи, въ самомъ началѣ слѣдующей зимы, за первой одой послѣдовала вторая — «На переходъ Альпійскихъ горъ», одна изъ самыхъ мощныхъ въ мощной исторіографической лирикѣ Державина. Великою для него радостью было вновь воспѣть славу русскихъ полковъ, предводимыхъ къ тому же не павловскимъ, а екатерининскимъ вождемъ. Впрочемъ, самое главное, можетъ быть, было то, что въ торжествѣ Суворова воспѣвалъ онъ и торжество справедливости. Правда, онъ сдѣлалъ два-три комплимента Павлу, но были тому основанія: во-первыхъ, стихи, посвященные русской славѣ передъ лицомъ Европы, не кста-ти было бы омрачать отголосками грустныхъ россійскихъ дѣлъ; во-вторыхъ, Державинъ искренно былъ увѣренъ, что на ссорѣ Павла съ Суворовымъ нынѣ поставленъ крестъ, и не хотѣлъ бередить старыя раны. Но ода писана была въ октябрѣ 1799 г., при первомъ извѣстіи о суворовскомъ подвигѣ, издана же въ началѣ 1800-го, когда прсстарѣлый полководецъ, уже больной, вернулся въ Россію — и вновь было замѣчено тайное къ нему недоброжелательство государя. Тогда-то на оборотѣ заглавнаго листа Державинъ велѣлъ припечатать лестный по вѣшно-сти, но внутренне очень колкій эпитафъ: «Великій духъ чтитъ похвалы достоинствамъ, ревнуя къ подобнымъ; малая душа, не видя ихъ въ себѣ, помрачается завистию. Ты, Павелъ! равняешься солнцу въ Суворовѣ; удѣляя ему свой блескъ, великолѣпнѣе сіяешь». Изъ этихъ словъ «Павелъ позналъ, что примѣчено публикою его недоброжелательство къ Суворову изъ зависти». Естественно, что послѣ такого познанія ода была принята имъ х о л о д н о.

Между тѣмъ самому Суворову суждено было кончать свои дни въ болѣзни. Державинъ не разъ посѣщалъ его. Свиданія были исполнены той простоты, которая приличествовала обоимъ. Суворовъ передъ Державинимъ оста-

влялъ чудачества, Державинъ въ присутствіи умирающаго Суворова становился спокойнѣе, учился чувствовать приближеніе старости, мудрѣе вспоминать прошлое, судить о немъ снисходительнѣй и любовнѣй. Имъ было что вспомнить — отъ дугачевскихъ степенъ до янтарныхъ теремовъ Царскаго Села. Казалось — исторія и Фелица незримо присутствовали среди ихъ бесѣды. Суворовъ спросилъ однажды:

— Какую же ты мнѣ напишешь эпитафію?

— По моему, много словъ не нужно, — отвѣтилъ Державинъ. — Довольно сказать: здѣсь лежитъ Суворовъ.

6 мая Суворовъ при немъ скончался. Державинъ, вернувшись домой, прошелъ въ кабинетъ. Ученый снигирь трепыхнулся въ клѣткѣ и по привычкѣ тотчасъ проиѣлъ все, что зналъ: одно колѣно военнаго марша. Державинъ плотнѣй прикрылъ дверь, подошелъ къ конторкѣ, провель рукой по глазамъ, взялъ перо:

Что ты заводишь пѣсню военну,
Флейтѣ подобно, милый Снигирь?
Съ кѣмъ мы пойдемъ войной на гіену?
Кто теперъ вождь нашъ? кто богатырь?..

**

«Сидя смирно» въ Сенатѣ, Державинъ только однажды вызвалъ неудовольствіе государя, когда, вступаясь за мелкихъ шляхтичей и ксендзовъ, обвиняемыхъ въ государственной измѣнѣ, высказалъ мысли, по тому времени замѣчательныя. «Придетъ время, — сказалъ онъ, — узнаете: чтобы сдѣлать истинно вѣрнопопданными завоеванный народъ, надобно его привлечь прежде сердце правосудіемъ и благодѣянїями, а тогда уже и наказывать его за преступленія, какъ и коренныхъ подданныхъ, по національнымъ законамъ». На другой день ему передали, что государь приказалъ не умничать.

Зато стихами, исполненными то язвительныхъ намековъ, то непрїятныхъ нравоученій, вызывалъ онъ гнѣвъ Павла довольно часто. За одой на возвращеніе Зубова слѣдовала двусмысленная ода «На новый 1798 годъ», за нею стихи «Къ самому себѣ», послѣ которыхъ Павелъ.

увидѣвъ Державина при дворѣ, «съ яростнымъ взоромъ, по обыкновенію его, раздувъ ноздри, такъ фыркнувъ, что многіе то примѣтили и думали, что вѣрно отошлетъ Державина въ ссылку или по крайней мѣрѣ вышлетъ изъ города въ деревню». Ссылку пророчили и за колкости въ одѣ на рожденіе великаго князя Михаила Павловича. Правда, государь вмѣсто ссылки прислалъ Державину табакерку, но это былъ лишь минутный жестъ — одинъ изъ безчисленныхъ жестовъ той постоянной драматической импровизаціи, которая давно замѣнила Павлу дѣйствительность, была его отрадою и мученіемъ и рѣшила его судьбу. Въ общемъ Державинъ былъ ему непріятенъ. Онъ прямо жаловался генераль-прокурору Лопухину, что Державинъ все колкіе какіе-то пишетъ стихи. Эпиграфъ къ альпійской одѣ тоже, конечно, ему запомнился.

Казалось бы, если Павелъ не любитъ Державина, а Державинъ не хочетъ служить при Павлѣ, то имъ встрѣтиться вовсе не суждено. Однако, въ придворныхъ дѣлахъ (а въ тѣ времена всѣ дѣла государственныя силою вещей становились придворными) имѣлась особая, своя логика. Вѣрнѣе, логика была обычная: слѣдствія, какъ всегда, вызывались причинами. Но сами причины, попадая въ придворный міръ, вызывали совсѣмъ не тѣ слѣдствія, которыя онѣ вызывали бы въ иной сферѣ. Державинъ и Павелъ встрѣтились — и какъ разъ потому, что избѣгали другъ друга. И даже именно при Павлѣ, неожиданно для обѣихъ сторонъ, вопреки ихъ желаніямъ и характерамъ, Державину было суждено служебное возвышеніе почти стремительное.

Въ былые годы Державинъ судилъ людей строго, и какъ дурныхъ встрѣчалось болѣе, чѣмъ хорошихъ, то и было у него при дворѣ и въ правительствѣ болѣе враговъ, чѣмъ друзей. Среди сильныхъ людей новаго царствованія не было у него ни тѣхъ, ни другихъ, потому что на всѣхъ онъ взиралъ съ одинаковою холодною. Прежде онъ очертя голову кидался на борьбу съ беззаконіемъ, плутовствомъ, пронырствомъ. Нынѣ довольствовался тѣмъ, что самъ поступалъ по закону и совѣсти, а выводить на чистую воду, обличать и карать ему болѣе не хотѣлось. Теперь съ нимъ уживались тѣ, кому ранѣе отъ него житья не было бы.

При Екатеринѣ онъ ставилъ себѣ высокія цѣли и ра-

ди нихъ искалъ власти. Теперь, когда онъ рѣшилъ, что борьба бесполезна, уже и самая власть была ему не нужна. Ничего онъ не проповѣдывалъ, ни за чѣмъ не гнался. По законамъ придворной логики это тѣмъ болѣе открывало ему карьеру, ибо никто уже не страшился ни его мыслей, ни его соперничества.

Безъ друзей, безъ враговъ, безъ цѣлей, очутился онъ и внѣ партій — то-есть какъ если бы и во всѣхъ партіяхъ сразу, потому что теперь люди всѣхъ партій равно могли искать у него содѣйствія. Въ то же время никто не боялся, что онъ слишкомъ возвысится: его личные отношенія съ государемъ заранѣе ставили возвышенію такому извѣстный предѣлъ. Никто не боялся, что Павелъ слишкомъ полюбитъ Державина, да и Державинъ никакъ не годился во временщики.

Итакъ, ни передъ кѣмъ не заискивая, но и не проявляя слишкомъ открыто свой нравъ, единственно благодаря сложнѣйшему ходу придворныхъ дѣлъ, для себя самого неожиданно, Державинъ сталъ возвышаться. Лѣтомъ 1800 г. снова послали его въ Бѣлоруссію. Цѣль была вродѣ той, что и при первой командировкѣ: надѣялись, что онъ изобличитъ временныхъ владѣльцевъ казенныхъ земель въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами, и тогда земли будутъ отобраны въ казну, чтобы попасть въ руки Кутайсова и другихъ. Державинъ опять не исполнилъ того, что отъ него требовалось, но въ его отсутствіе хитрыя придворныя обстоятельства такъ сложились, что онъ вдругъ былъ пожалованъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, получилъ почетный командорскій крестъ Мальтійскаго ордена и былъ заочно назначенъ президентомъ возстановленной коммерцъ-коллегіи. Примѣчательно, что узнавъ объ этомъ, онъ писалъ женѣ: «Ты радуешься, но я не очень». Со своей стороны государь, когда Державинъ пріѣхалъ въ Петербургъ, не пожелалъ принять его и сказалъ генераль-прокурору Оболянинову:

— Онъ горячъ, да и я: такъ мы, пожалуй, опять поссоримся: пусть доклады его идутъ ко мнѣ черезъ тебя.

Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ Державинъ, никакихъ подвиговъ не сверша, пошелъ въ гору еще быстрѣе: повелѣно ему «быть вторымъ министромъ при государственномъ казначействѣ и управлять дѣлами обще съ государственнымъ казначеемъ». Это повелѣніе состоялось 21 ноября, а 22-го государственный казначей бар. Василь-

евъ смѣщенъ вовсе и Державинъ назначенъ на его мѣсто. 23 числа онъ уже сдѣланъ членомъ того самаго Верховнаго Совѣта, изъ-за котораго нѣкогда поссорился съ государемъ, 25-го переведенъ изъ межевого департамента Сената въ 1-ый, а 27-го пожаловано ему 6.000 рублей столовыхъ ежегодно. Тогда же назначенъ онъ засѣдать въ совѣтахъ Смольнаго монастыря и Екатерининскаго института.

Человѣкъ слабъ. Легкіе служебные успѣхи, которыхъ Державинъ не знавалъ раньше, начинали ему нравиться. Пріятно было, что ордена сами собою сыплются на грудь, а деньги въ карманъ. Порой ему даже казалось, что государь научился его цѣнить. Но государь хмурился по прежнему. Въ самое Крещеніе 1801 года онъ было разсвирѣпѣлъ, узнавъ, что Державинъ обѣдалъ у Платона Зубова. Призвалъ къ себѣ въ кабинетъ, самъ сѣлъ на софу, а Державину велѣлъ сѣсть напротивъ. Говорилъ, прилежно глядя ему въ глаза, и отпустилъ съ грознымъ видомъ.

Стремительное возвышеніе Державина съ самаго начала обьяснялось не благоволеніемъ государя, а происками Кутайсова и генераль-прокурора Оболянинова. Кутайсовъ хотѣлъ погубить Васильева — у нихъ были старые счеты; генераль-прокуроръ подольщался къ Кутайсову. Вотъ и спихнули они Васильева и посадили на его мѣсто безопаснаго Державина, котораго старались задобрить и задарить, внушая, чтобъ онъ, при вступленіи въ должность, настойчивѣй провѣрялъ денежную отчетность. Кутайсовъ надѣялся, что удастся представить Васильева воромъ.

Но Державинъ былъ непослушнымъ орудіемъ; онъ сталъ дѣйствовать добросовѣстно и не спѣша. Кутайсовъ и Оболяниновъ на него ворчали, такъ что Державинъ побивался, какъ бы, «снисходя къ Васильеву, самого себя вмѣсто его не упрятать въ крѣпость». Наконецъ, уже въ мартѣ 1801 года онъ представилъ рапортъ, изъ коего слѣдовало, что въ отчетности казначейства имѣются недостатки, но въ общемъ счеты между собой согласны. Этотъ рапортъ разсматривался въ Совѣтѣ 11 марта, въ присутствіи великаго князя Александра Павловича, недавно туда назначеннаго. Оболяниновъ нападалъ на Васильева, обвиняя его въ преступленіяхъ; наследникъ, напротивъ, съ горячію вступался, отрицая даже и неисправности; Державинъ «балансируетъ на ту и другую сторону», под-

тверждая наличность ошибокъ, но отрицая злой умыселъ. На другой день ему предстояло докладывать императору для окончательнаго рѣшенія. Вечеръ провелъ онъ у генераль-прокурора, трактую о соляныхъ подрядахъ. Къ полуночи возвратился домой. Завтрашній докладъ его безпокоилъ: Кутайсовъ, навѣрно, успѣлъ ужъ пожаловаться. Но поутру, часовъ въ восемь, вбѣжала Параша Бакунина (теперь уже, впрочемъ, г-жа Нилова) и объявила, что государь убитъ. Державинъ кинулся во дворецъ.

VIII *).

.....

IX.

.....

Большой четырехэтажный флигель царскосельскаго дворца, тотъ, что высокою аркой соединяется съ хорами пятиглавой придворной церкви, былъ отведенъ учрежденію, нѣкогда составлявшему предметъ особыхъ и нѣжныхъ заботъ императора. То былъ Лицей, основанный съ цѣлью «образованія юношества, особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы государственной и составленнаго изъ отличнѣйшихъ воспитанниковъ знатныхъ фамилій». Еще съ осени 1811 года тридцать мальчиковъ вступили въ Лицей, готовясь безвыѣздно прожить въ немъ шесть лѣтъ и пройти обученіе, раздѣленное на два трехлѣтія или курса. Нынѣ меньшей курсъ былъ оконченъ, и лицеисты держали экзамены при переходѣ въ старшій.

Лицей оказался на дѣлѣ довольно далекомъ отъ того, какимъ онъ когда-то мерещился Александръ Павловичу.

*) Здѣсь опускается служба Державина при Александрѣ I его отставка, деревенская жизнь, дѣятельность въ эпоху Отечественной войны, составленіе «Записокъ», участіе въ Бесѣдѣ и проч (1801-1816). Полностью «Державинъ» выходитъ осенью въ изд «Современныхъ Записокъ».

Ученіе шло безпорядочно. Однако, высокая лихорадка умовъ и сердець, вызванная грозными и чудесными событіями Отечественной войны, передалась царскосельскимъ затворникамъ. Исторія была ихъ воспитательницею, и не имѣя глубокихъ знаній, они развивались быстро. Нашлись между ними такіе, что еще изъ дому занесли охоту къ литературнымъ упражненіямъ, и поэзія вскорѣ сдѣлалась настоящею страстью многихъ. Изъ рукописныхъ лицейскихъ журналовъ произведенія неопытныхъ перьевъ перенеслись въ печатные. На важныхъ страницахъ «Вѣстника Европы», «Россійскаго Музеума», «Сына Отечества», «Сѣвернаго Наблюдателя» являлись стихи пятнадцатилѣтнихъ поэтовъ. (Шишковъ былъ бы весьма опечаленъ, когда бы узналъ, что сія юная поросль чуть не сплошь состоитъ изъ завзятыхъ карамзинистовъ).

Начальство лицейское сперва поощряло авторство, потомъ запрещало, потомъ стало поощрять съзнава. Поэтому-то въ программѣ публичнаго испытанія изъ Россійскаго языка пунктомъ 4-мъ значилось: «Чтеніе собственныхъ сочиненій». Экзаменъ назначенъ былъ на 8 января, а наканунѣ разнеслась вѣсть, что Державинъ будетъ въ числѣ гостей. Поэты лицейскіе взволновались, особенно Александръ Пушкинъ. Онъ не былъ изъ числа первыхъ учениковъ, но считался едва ли не первымъ среди тамошнихъ стихотворцевъ: Илличевского, Кюхельбекера, Яковлева, барона Дельвига. Ему-то и предстояло читать стихи свои на экзаменѣ и слѣдственно предъ самимъ ветераномъ Россійской поэзіи.

Александръ Пушкинъ (помянутому Василию Львовичу онъ приходился племянникомъ) не былъ столь пламеннымъ обожателемъ Державина, какъ на примѣръ его другъ баронъ Дельвигъ. Но пьеса, имъ сочиненная для экзамена, посвящалась военной славѣ Россіи подъ скиптромъ Екатерины и Александра; сообразуясь съ высокостію предмета, Пушкинъ ее написалъ совершенно въ духѣ Державина, который и самъ былъ въ ней торжественно именованъ. Много въ ней было прямыхъ отголосковъ державинской лиры — начиная съ заглавія «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ», напоминавшего «Прогулку въ Царскомъ Селѣ». Теперь все это приходилось какъ нельзя болѣе кстати. Однако же, возникало и важное затрудненіе. Пьеса кончалась обращеніемъ къ Жуковскому — автору «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ»: признавая свое безсиліе, Пуш-

кинъ вызывалъ Жуковского, какъ самаго громкаго изъ поэтовъ новой поры, воспѣть Александра. Въ присутствіи Державина такое обращеніе могло стать неучтивостію. Какъ быть? Проказливый сочинитель рѣшилъ слухавить, на одинъ только разъ, ради завтрашняго чтенія, замѣнить Жуковского Державинимъ. Для этого лишь въ одномъ стихѣ:

Какъ нашихъ дней пѣвецъ, Славянской Барды
дружины, —

явный намекъ на Жуковского надо было превратить въ намекъ на Державина. Тогда и все прочее становилось обращеніемъ къ нему же.

Дѣло оказалось не такъ просто. Всему мѣшала непремѣнная рима на -и ны. Кончилось тѣмъ, что Пушкинъ, отчаявшись съ честью выйти изъ затрудненія, написалъ:

Какъ древнихъ лѣтъ пѣвецъ, какъ лебедь странъ
Еллина.

Что значить Еллина, онъ самъ не зналъ; ея никогда не существовало. Ежели даже честь ее за Эллэду, то почему же Державинъ — лебедь Эллэды? Допустимъ, это намекъ на анакреонтическіе стихи. Но кстатѣ ли обращаться къ Державину-Анакреону, когда рѣчь идетъ о военныхъ подвигахъ? Но выхода не было, Пушкинъ рѣшилъ, что сойдетъ и такъ. Вся строфа была вообще довольно тумачна. Предстояло еще переписать стихи для поднесенія Державину. Они были длинныя, вышло восемь страницъ, Пушкинъ надъ ними трудился весь вечеръ, писалъ старательно, слѣдя больше за почеркомъ, — и сдѣлалъ много описокъ.

Тотъ вечеръ въ домѣ Державина проходилъ, какъ обычно. Дарья Алексѣевна, должно быть, не доглядѣла, и Гавриилъ Романовичъ за ужиномъ опять съѣлъ лишнее. Въ 11 часовъ она проводила его наверхъ, уложила, ушла. Державинъ тотчасъ уснулъ, но спалъ безпокойно. Въ шестомъ часу утра, какъ всегда, онъ проснулся и кликнулъ Кондратія Тотъ вошелъ со свѣчами и мундиромъ, приготовленнымъ съ вечера. Одѣвшись, Державинъ спустился въ столовую, въ ночномъ колпакѣ и мундирѣ. Парика онъ терпѣть не могъ и надѣвалъ его лишь въ послѣднюю ми-

нугу. Въ столовой горѣли канделябры. Семень Васильевичъ встрѣтилъ дяденьку и пожелалъ добраго утра. Они сѣли пить чай. Дарья Алексѣевна почивала.

На конюшнѣ чистили лошадей, заложили, подали. Лицейскій экзамень не очень былъ любопытенъ Державину, но ему всегда не сидѣлось, когда предстояло куда-нибудь ѣхать; онъ всюду являлся первымъ. Кондратій принесъ парикъ и красную ленту. Державинъ надѣлъ ихъ предъ зеркаломъ въ круглой гостинной, среди обоевъ, расшитыхъ рукой Пльниры. Въ подъѣздѣ подали ему шубу и бобровую шапку.

Было еще темно. Выѣхавъ изъ воротъ на Фонтанку, везокъ свернулъ влѣво, къ Московской заставѣ, и хоть дорога въ Царское была хорошо наѣзжена, послѣ заставы Державина стало укачивать. Онъ жалѣлъ, что передъ отъѣздомъ не разбудилъ Максима Фомича, доктора, и не принялъ рвотнаго. Когда, уже бѣлымъ днемъ, мичовичи чистые дома Царскаго и въѣхали подъ лицейскую арку, Державину сдѣлалось невтерпежь.

Круглый, подслѣповатый лиценстъ съ бѣлобрысой круглою головой, баронъ Дельвигъ, заранѣе «вышелъ на лѣстницу, чтобы дожидаться Державина и поцѣловать ему руку, руку, написавшую «Водопадъ». Державинъ пріѣхалъ. Онъ вошелъ въ сѣни, и Дельвигъ услышалъ, какъ онъ спросилъ у швейцара:

— Гдѣ, братецъ, здѣсь нужникъ?

Этотъ прозаическій вопросъ разочаровалъ Дельвига. Онъ отмѣнилъ свое намѣреніе, возвратился въ залу, и съ простодушіемъ и веселостію разсказалъ Пушкину свое приключеніе. Зала наполнилась царскоесельскою публикой, лиценстами, ихъ родными, впрочемъ немногочисленными. Съѣхались и почетные гости: ректоръ С.-Петербургской духовной академіи архимандритъ Филаретъ, министръ народнаго просвѣщенія гр Разумовскій, попечитель учебнаго округа Сергѣй Семеновичъ Уваровъ (почетный членъ Бесѣды), генеральъ Саблуковъ, котораго покойный государь прогналъ съ караула въ ночь на 12 марта. Средь нихъ, въ первомъ ряду кресель, усадили Державина. Начальство лицейское размѣстилось у стола сбоку.

Экзамень очень утомилъ Державина. Въ зеленомъ мундирѣ, украшенномъ орденами, сіяя брилліантовымъ орденомъ и брилліантовою короной Мальтійскаго креста, сидѣлъ онъ, подперши рукою голову и разставивъ ноги въ

мягкихъ плисовыхъ сапогахъ. «Лицо его было безмысленно, глаза мутны, губы отвислы». Онъ дремалъ все время, пока лицестовъ спрашивали изъ латинскаго языка, изъ французскаго, изъ математики и физики. Послѣднимъ начался экзамень русской словесности. «Тутъ онъ оживился: глаза заблестали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостію необыкновенной». Наконецъ, вызвали Пушкина.

Лицеистъ небольшого роста, въ синемъ мундирѣ съ краснымъ воротникомъ, стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина, началъ свои стихи. Никто никогда не могъ бы описать состояніе души его. Когда дошелъ онъ до стиха, гдѣ упоминалъ имя Державина, голосъ его отроческій зазвенѣлъ, а сердце забилось съ упительнымъ восторгомъ...

Безсмертны вы вовѣкъ, о Росски Исполины,
Въ бояхъ воспитанны средь бранныхъ непогодъ;
О васъ, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдетъ молва изъ рода въ родъ.

О громкій вѣкъ военныхъ споровъ.
Свидѣтель славы Россіянъ!
Ты видѣлъ, какъ Орловъ, Румянцовъ и Суворовъ,
Потомки грозные Славянъ,
Перуномъ Зевсовымъ побѣду похищали.
Ихъ смѣлымъ подвигамъ страшась дивился міръ;
Державинъ и Петровъ Героямъ пѣснь бряцали
Струнами громозвучныхъ лиръ.

Сердце его было такъ полно, что самый обманъ, совершенный имъ, какъ бы исчезъ, растворился, и читая послѣднюю строфу, онъ уже во истину обращался къ сидящему предъ нимъ старцу:

О Скальдъ Россіи вдохновенный,
Воспѣвшій ратныхъ грозный строй!
Въ кругу друзей твоихъ, съ душой воспламенной
Взгреми на арфѣ золотой;
Да снова стройный гласъ Герою въ честь прольется,
И струны трепетны посыплють огонь въ сердца,
И ратникъ молодой вскипитъ и содрогнется
При звукахъ браннаго пѣвца!

И Державинъ вдругъ всталъ. На глазахъ его были слезы, руки его поднялись надъ кудрявою головою мальчика, онъ хотѣлъ обнять его — не успѣлъ: тотъ уже убѣжалъ, его не было. Подъ какимъ-то невѣдомымъ влїяніемъ всѣ молчали. Державинъ требовалъ Пушкина. Его искали, но не нашли.

Послѣ обѣда у Разумовскаго, гдѣ много важнаго вздору было говорено, усталый Державинъ уже ввечеру прїѣхалъ домой, досталъ изъ кармана тоненькую тетрадку, писанную летучимъ и острымъ почеркомъ, и для памяти надписалъ на ней: «Пушкинъ на лицейскомъ экзаменѣ».

**

.....

**

Високосные годы — несчастные, незадачливые. Видно, вышелъ таковъ и шестнадцатый. Отъ всей его весны, съ недомоганїями, съ безпокойными аксаковскими чтенїями, съ обидой на Карамзина, съ неуспѣхомъ пятаго тома вышла одна доука. Петербургъ сдѣлался въ тягость, хотѣлось скорѣй на Званку. Державинъ сердился, ворчалъ, и съ самага понедѣльника Ѳоминой недѣли принялся за укладку рукописей и книгъ: собирался въ путь. Наконецъ, они тронулись. Ѳхали, не считая слугъ, вшестеромъ: двое Державиныхъ, Параша Львова, Александра Николаевна Дьякова (тоже племянница Дарьи Алексѣевны), неизмѣнный Аврамовъ и докторъ Максимъ Ѳомичъ. Тайка была седьмая.

30 мая, въ 5 часовъ утра, увидѣли милый домъ на горѣ, вылѣзли изъ кареты и по лѣстницѣ поднялись въ садъ. Чудное было утро, Волховъ синѣлъ внизу, пѣли птицы. Сирень подъ окнами кабинета всѣхъ поразила пышностью. Долго ей любовались, потомъ пошли въ комнаты, а вернувшись — ахнули: цѣлая туча жуковъ, откуда-то налетѣвъ, уничтожила весь пышный цвѣтъ; листья поблекли и приняли красноватый оттѣнокъ; сирень стояла, какъ опаленная. Державинъ сказалъ:

— Видно сглазили!

Позавтракали. Державинъ съ Дарьей Алексѣвной пошли отдохнуть, слуги еще убрали со стола, — внезапно поднялся вихрь, Волховъ вздулся и почернѣлъ, началась гроза, хлынулъ ливень. Въ пять часовъ управляющій пришелъ доложить, что у Вѣрочкина вяза молнія обожгла трехъ женщинъ, а четвертую убила. Ее внесли въ домъ, она вся была черная.

— Какъ нынѣшній годъ нашъ прїѣздъ несчастливъ! — сказала Дарья Алексѣвна.

Но уже небо расчистилось, солнце глянуло, ступени крыльца обсохли; Державинъ, сѣвши на нихъ, любовался, какъ парусныя суда идутъ мимо, твердилъ:

— Какъ здѣсь хорошо! Не налюбуюсь на твою Званку, Дарья Алексѣвна! Прекрасна, прекрасна!

И припѣвалъ вполголоса свой любимый маршъ Безбородки.

Жизнь Званская потекла привычнымъ порядкомъ, съ утренними прогулками по саду, съ отчетами управляющаго, съ раздачею кределей ребятамъ. Порой прїѣзжали сосѣди. Порой сами катались по Волхову. Флотилія державинская теперь состояла изъ стараго бота и маленькой лодочки; ходили они всегда неразлучно; боть Державинъ назвалъ «Гаврииломъ», а лодочку «Тайкой».

Только для самыхъ мелкихъ шрифтовъ Державинъ употреблялъ лупу. Однако, любилъ, чтобы ему читали вслухъ, особенно когда просто хотѣлъ убить время. Можетъ быть, думалъ при этомъ совсѣмъ о другомъ — свою, особую думу. Каждый день часъ поутру и часа два послѣ обѣда Параша читала вслухъ дядѣ. Ей шелъ двадцать третій годъ, она стала взрослою барышней; была хороша собой, тиха, разсудительна; сестры повыходили замужъ — она съ замужествомъ не спѣшила; лишившись отца десяти лѣтъ, а матери четырнадцати, къ Державинимъ была глубоко привязана и стала во многомъ походить на Дарью Алексѣвну, только сердцемъ была помягче. Во время чтеній Державинъ, сунувъ Тайку за пазуху, садился на красный диванъ подъ «Рѣкой времени». Читали газеты, журналы, иногда — «Исторію» Родленя въ переводѣ Тредьяковскаго; слушая это чтеніе, Державинъ посмѣивался и пожималъ плечами: подумать — сколько воды утекло! Когда-то знавалъ онъ Василья Кирилыча, а нынче вотъ — Карамзинъ что дѣлаетъ!.. Послѣ обѣда для разнообразія принимались за «Бахаріану» Хераскова — довольно не-

дѣльную смѣсь всякой всячины изъ русскихъ и не русскихъ сказокъ, съ привидѣніями, превращеніями, похищеніями. «Экой бредъ!» говорилъ Державинъ, «однако забавно...» Впрочемъ, больше одной пѣсни въ день не могли осилить. Когда вовсе другого чтенія не было — дѣлать нечего, вырuchалъ «Всемирный путешественатель» аббата Де ла Порта, благо было въ немъ двадцать семь томовъ.

Иногда вмѣсто чтенія Державинъ просто раскладывалъ свой пасьянсъ — «блокаду» иль «пирамиду». Иногда, расхаживая по комнатѣ, объяснялъ тексты священнаго писанія, сличалъ мнѣнія толкователей. Тогда сіяли глаза его, и цвѣтъ лица оживлялся; говорилъ онъ краснорѣчиво и ясно. Также любилъ вспоминать время Екатерины и то, какъ былъ ей представленъ послѣ «Фелицы», какъ она на него взглянула:

— Я вѣкъ этого взгляда не забуду; я былъ молодъ; ея появленіе, величіе ея окружавшее, этотъ царственный взглядъ, все такъ меня поразило, что она мнѣ показалась существомъ сверхъестественнымъ. Но теперь, когда все поразмыслию, долженъ сознаться, что она... мастерски играла свою роль и знала, какъ людямъ пылъ въ глаза бросать.

Вздумалъ онъ продолжать «Объясненія» къ своимъ стихамъ, которыя нѣкогда диктовалъ Лизѣ. Велѣлъ читать вслухъ пятый томъ, но скоро соскучился и сказалъ:

— Эта часть какъ-то скукой пахнетъ и напоминаетъ то время, въ которое она писана была, или, попросту сказать, оттого что я старъ сталъ.

Часто, прельстясь хорошей погодой, они прерывали занятія. Державинъ садился на ступеняхъ крыльца. Параша приносила арфу, и онъ съ Александрой Николаевной пѣли дуэтомъ его стихи: «Вошедъ въ шалашъ мой торопливо». Пѣсню эту онъ написалъ въ ту самую пору, когда умерла Плѣнира и онъ сватался къ Дашѣ. Далеко съ высоты холма неслись звуки арфы и пѣнія; славное званское эхо подхватывало конецъ куплета:

Тоскуеть сердце, дай мнѣ руку;
Почувствуй пламень сей мечты.
Виновна ль я? Прерви мнѣ муку:
Любезень, милъ мнѣ ты!

Однажды, гуляя по саду съ Парашей, встрѣтили у бесѣдки Дарью Алексѣевну. Она указала Державину, какъ

всѣ посаженныя при нихъ деревья хорошо принялись, такъ что даже и баню совсѣмъ закрыли. — Все это хорошо, прекрасно, — отвѣчалъ онъ, — но все это меня что-то не веселитъ.

Когда же Дарья Алексѣевна отошла, онъ прибавилъ:

— Я старъ сталъ и кое-какъ остальные деньки дотаскиваю.

**

Ночью на 5 июля случились у него легкіе спазмы въ груди, послѣ которыхъ сдѣлался жаръ и пульсъ участился. День прошелъ какъ обычно. Только уже подъ вечеръ, раскладывая пасьянсъ, Державинъ вдругъ измѣнился въ лицѣ, легъ на спину и сталъ тереть себѣ грудь. Отъ боли онъ громко стоналъ, но затѣмъ успокоился и уснулъ. Вечеромъ, за бостономъ, стали его уговаривать ѣхать въ Петербургъ, къ извѣстному доктору Роману Ивановичу Симпсону. Но онъ наотрѣзъ объявилъ, что ни въ коемъ случаѣ не поѣдетъ, а пошлетъ только подробное описаніе болѣзни съ запросомъ, какъ поступать и что дѣлать.

Онъ, однако жъ, не написалъ и письма, потому что два дня чувствовалъ себя отлѣнно, гулялъ, работалъ въ кабинетѣ, слушалъ Парашино чтеніе, жаловался, что понапрасну его морять голодомъ.

8 числа къ ужину заказалъ онъ себѣ уху, ждалъ ее съ нетерпѣніемъ и съѣлъ двѣ тарелки. Немного спустя ему сдѣлалось дурно. Побѣжали за Максимомъ Ѳомичемъ. Державинъ прошелъ въ кабинетъ, раздѣлся и легъ на диванъ. Призвавъ Аврамова, сталъ онъ ему диктовать письмо въ Петербургъ, къ молодому Капнисту:

«Пожалуй увѣдомъ, братецъ Семень Васильевичъ, Романа Ивановича, что сегодня, то есть въ субботу, часу по утру въ седьмомъ, я принималъ обыкновенное мое рвотное, которое подѣйствовало очень хорошо... я думалъ, что болѣзнь моя совсѣмъ прошла; но послѣ полудни часу въ 6-мъ мнѣ захотѣлось сильно ѣсть. Я поѣлъ ухи... мнѣ было очень хорошо; но черезъ четверть часа опять поднялись пары... Когда поднимаются сіи пары, то вступаетъ жаръ въ виски, сильно жилы бьются и я нѣкоторое время какъ опьянѣваю; но спасибо, все это бываетъ весьма коротко: я получаю прежнее положеніе, — кажется, здоровъ, но употреблять не могу пищу, и довольно строгій содер-

жу діють. Боюсь, чтобъ какъ не усилилась эта болѣзнь, хотя не очень большая, но меня, а особливо домашнихъ много безпокоющая. А теперь почувствовалъ лихорадку, то есть маленькій ознобъ, и сдѣлались сини ногти. Расскажи ему все подробно и попроси средства, что бы избавиться. Впрочемъ мы, слава Богу, находимся по прежнему въ хорошемъ состояніи».

Далѣе собственною рукой приписалъ онъ: «Кланяйся всѣмъ. Покорнѣйшій вашъ Державинъ». И еще велѣлъ сдѣлать постскриптумъ: «Пожалуй доставь немедленно приложенную записочку Петру Ивановичу Соколову».

Послѣ диктовки начались у него сильныя боли. Онъ стоналъ и по временамъ приговаривалъ:

— Охъ, тяжело! охъ, тошно!.. Господи, помоги мнѣ. грѣшному... Не зналъ, что будетъ такъ тяжело; такъ надо! Господи, помилуй меня, прости меня!.. Такъ надо, такъ надо!

Такъ онъ долго стоналъ и жаловался, порой съ укоризною прибавляя еще одно слово, которое относилось, должно быть, къ сѣденной ухъ:

— Не послушался!

Однако, и эта боль миновалась, онъ пересталъ стонать, пріободрился.

— Вы отужинали? — спросилъ онъ: — больно мнѣ, что всѣхъ васъ такъ взбудоражилъ; безъ меня давно бы спали.

Тутъ опять поднялся разговоръ о поѣздкѣ въ Петербургъ. Державинъ противился, но потомъ уступилъ и часовъ въ одиннадцать приказалъ Аврамову сдѣлать второй постскриптумъ:

«Послѣ сего часу въ десятомъ вечера я почувствовалъ настоящую лихорадку, а въ постелю ложившись напьюсь бузины; завтра же тетенька думаетъ, коль скоро лучше послѣ того не будетъ, то ѣхать въ Петербургъ».

Въ самомъ дѣлѣ, напился онъ бузины и перешелъ изъ кабинета въ спальню. Тамъ вскорѣ страданія возобновились, и черезъ нѣсколько времени Аврамовъ уже продолжалъ письмо отъ своего имени:

«Въ постелѣ послѣ бузины сдѣлался жаръ и бредъ. Наконецъ Дарья Алексѣевна приказала вамъ написать, что они рѣшились завтрашній день ѣхать въ Петербургъ; если жъ Богъ дастъ дяденькѣ облегченіе, и они во вторникъ въ Петербургъ не будутъ; то тетенька васъ просить при-

слать нарочнаго сюды на Званку съ подробнымъ наставленіемъ Романа Ивановича Симпсона. Вашъ покорнѣйшій слуга Евстафій Аврамовъ».

Но странному письму и на этомъ не суждено было кончиться. Державинъ лежалъ безъ памяти, Дарья Алексѣевна велѣла сдѣлать еще приписку:

«P. S. Тетенька еще приказала вамъ написать, что дяденькѣ нѣтъ лучше, и просить васъ, что бы вы, или кто нибудь изъ братцевъ вашихъ, по полученіи сего письма, поспѣшили пріѣхать на Званку, какъ можно поскорѣе».

Въ исходѣ второго часа, когда Дарья Алексѣевна удалась на время и въ спальнѣ остались только Параша съ докторомъ (который совсѣмъ растерялся и не зналъ, что дѣлать), Державинъ вдругъ захрипѣлъ, пересталъ стонать, и все смолкло. Параша долго прислушивалась, не издастъ ли онъ еще вздоха. Дѣйствительно, вскорѣ онъ приподнялся и глубоко, протяжно вздохнулъ. Опять наступила тишина, и Параша спросила:

— Дышитъ ли онъ еще?

— Посмотрите сами, — отвѣтилъ Максимъ Ѳомичъ и протянулъ ей руку Державина. Пульса не было. Параша приблизила губы къ его губамъ и уже не почувствовала дыханія.

*

**

10 іюля пріѣхали изъ Петербурга племянники: Семень Капнистъ съ Александромъ Николаевичемъ Львовымъ. Они-то и взяли на себя всѣ заботы о похоронахъ. Замѣчательно, что неизмѣнная твердость Дарьи Алексѣевны на сей разъ ее покинула. Кажется, она даже не имѣла мужества взглянуть на покойника. Во всякомъ случаѣ, она не присутствовала ни на панихидахъ, ни при выносѣ. Отъ потрясенія она слегла, ее перевели во второй этажъ. Племянницы находились при ней почти безотлучно.

Рѣшено было хоронить Державина въ Хутынскомъ монастырѣ, который такъ ему нравился, куда онъ ѣзжалъ къ Евгенію. 11 числа вечеромъ привезли изъ Новгорода все необходимое. Тѣло было положено въ гробъ и тогда же отслужена послѣдняя панихида.

Параша хотѣла проводить печальное шествіе хоть до

лодки, которая повезетъ тѣло въ Хутынь, но Дарья Алексѣевна взяла съ нея обѣщаніе остаться въ комнатахъ. Была уже полночь, когда Параша пришла съ панихиды. Вдругъ внизу раздалось похоронное пѣніе. Гробъ только что понесли, и это пѣніе вполголоса походило скорѣе на протяжные стоны, которыхъ, можетъ быть, не было бы и слышно, если бъ не тишина, наступившая во всемъ домѣ. Параша бросилась запирать двери, чтобъ Дарья Алексѣевна ничего не услышала. Потомъ, подойдя къ окну, она увидала внизу толпу людей съ фонарями. Неся гробъ на головахъ, они стали спускаться съ горы. Ясно свѣтились широкіе серебряные галуны на гробѣ, который все удалялся и наконецъ донесенъ былъ до лодки. Въ черномъ Волховѣ отражались звѣзды июльскаго неба.

На носу помѣстились пѣвчіе, на кормѣ предъ налоемъ псаломщикъ читалъ молитвы. Малиновый гробъ былъ поставленъ на катафалкѣ, воздвигнутомъ посерединѣ лодки; черный балдахинъ колыхался надъ катафалкомъ. По угламъ стояли четыре тяжелыхъ свѣчи въ церковныхъ подсвѣчникахъ. Лодка шла бечевою, за ней слѣдовала другая съ провожатыми. Ночь была такъ тиха, что свѣчи горѣли во все время плаванія.

Владиславъ Ходасевичъ.

И з ъ п р о ш л а г о

Освободительное движеніе *).

VIII.

Какъ ни волновали страну проявленія недовольства верховъ, пока глубины народа оставались спокойными, власть могла не бояться. Паденіе Самодержавія произошло оттого, что два самыхъ многочисленныхъ социальныхъ класса, рабочіе и крестьяне, оба имѣли основаніе быть недовольны и что въ критическій моментъ Самодержавіе нашло ихъ противъ себя. Освободительное движеніе поэтому было логично, когда поставило ставку на нихъ, понимая, что при однихъ политическихъ лозунгахъ оно рискуетъ остаться интеллигентскимъ, т. е. безсильнымъ. Только эта тактика даромъ ему не прошла.

Я не хочу излагать исторію рабочаго вопроса въ Россіи. Она была интересна какъ проба Самодержавія. Въ идеальномъ своемъ пониманіи и при своемъ всемогуществѣ Самодержавіе, казалось, могло бы легче всѣхъ разрѣшить этотъ вопросъ и преодолѣть всякое сопротивление. Сумѣло же оно въ шестидесятихъ годахъ распутать несравненно болѣе сложный и трудный вопросъ крестьянскій, при этомъ такъ полно и безболѣзненно, какъ его не смогъ бы разрѣшить ни одинъ режимъ управляемый общественнымъ мнѣніемъ, при любомъ избирательномъ правѣ — цензовомъ или всеобщемъ. Но на этомъ примѣрѣ можно такъ же увидѣть, въ чемъ сила и слабость абсолютизма. Онъ болѣе приспособленъ для разрубанія Гордіевыхъ узловъ, для хирургической операціи, т. е. для единовременной мѣры, которая нарушаетъ сложившіяся давно отношенія и требуетъ жертвъ. Абсолютизмъ дѣйствуетъ какъ Революція и имѣетъ передъ ней всѣ преимущества. Но ни абсолютизмъ, ни революція не годятся для нор-

---

*) См. № 42 «Соврем Записокъ».

мальныхъ порядковъ, для длительныхъ отношеній. Рабочій вопросъ въ Россіи не былъ похожъ на крестьянскій; онъ не былъ наслѣдіемъ вѣкового порядка, исторически запутаннымъ, какимъ было крѣпостное состояніе, требовавшее одной рѣшительной и по существу неповторимой мѣры — освобожденія. Съ момента оживленія промышленной жизни въ Россіи, вступленія ея на капиталистическій путь, рабочій вопросъ долженъ былъ встать, какъ онъ всталъ во всѣхъ странахъ. Онъ не требовалъ никакихъ исключительныхъ мѣръ, а только установленія такого порядка, въ которомъ конфликты труда и капитала могли бы разрѣшаться легальнымъ путемъ, проще сказать требовалъ только разумнаго и осторожнаго участія государственной власти въ разрѣшеніи этихъ неизбежныхъ конфликтовъ. Такая задача для Самодержавія казалась тѣмъ благодарнѣе, что Самодержавіе было отъ обѣихъ враждующихъ сторонъ независимо и что къ его вмѣшательству во всѣ отношенія жизни давно всѣ привыкли въ Россіи. Нельзя сказать, чтобы Самодержавіе этого не понимало и ничего въ этомъ направленіи и не дѣлало бы. И тѣмъ не менѣе по самой природѣ своей Самодержавіе не только не сумѣло разрѣшить этого вопроса, но своимъ вмѣшательствомъ его обострило и привело къ одному результату — къ преждевременному завоеванію рабочаго класса социаль-демократіей.

Самодержавіе — и въ этомъ сказалась причина его гибели — плохо мирилось съ общественной самодѣятельностью. Оно въ ней усматривало опасную претензію на коллективныя выступленія, покушеніе на свои прерогативы и непослушаніе своей волѣ. Потому и въ рабочемъ вопросѣ защиту рабочихъ оно взяло на себя. Оно накладывало на предпринимателей обязательства въ интересахъ рабочихъ часто тяжелѣе, чѣмъ тѣ, которыя въ аналогичныхъ случаяхъ бывали на Западѣ; но зато всей силой государственнаго аппарата мѣшало рабочимъ организоваться и сообща самимъ отстаивать свои интересы. Выступая въ роли единаго всемогущаго устройства жизни, оно тѣмъ самымъ брало на себя отвѣтственность за все, чѣмъ рабочіе могли быть недовольны. Такъ оно само направило противъ себя орудіе пропаганды и экономическія претензіи рабочихъ противъ хозяевъ превращало въ политическія обличенія. Вотъ почему рабочее движеніе началось въ Россіи раньше освободительнаго и

оживленіе общества въ девяностыхъ годахъ сказалось раньше всего въ формѣ марксистскаго увлеченія. Соціально-демократическая пропаганда, т. е. ученіе о захватѣ рабочими политической власти для разрѣшенія рабочаго вопроса со всѣхъ концовъ проникала въ рабочую среду; она ею овладѣла такъ глубоко, что уже въ 1898 году, въ 50-лѣтнюю годовщину коммунистическаго манифеста, отдѣльныя рабочія организациі слились воедино, конституировавшись въ соціально-демократическую рабочую партію и выступили со своимъ Манифестомъ, который по ироніи судьбы принадлежалъ перу П. Б. Струве.

Когда въ 1903 г. освободительное движеніе сознало необходимость высказаться немедленно по рабочему вопросу, съ тѣмъ, чтобы привлечь рабочій классъ на свою сторону, оно дѣлало это съ большимъ опозданіемъ. Ему приходилось имѣть дѣло не со стихійнымъ некультурнымъ Ахеронтомъ, а въ значительной мѣрѣ съ его интеллигентными руководителями. А эти руководители, хотя и признавали въ своемъ Манифестѣ, что политическая свобода нужна имъ какъ воздухъ, но приносили съ собой взгляды своихъ европейскихъ товарищей о томъ, что политическія свободы далеко недостаточны и что онѣ пойдутъ на пользу не имъ. Они проповѣдывали идеологию классовой борьбы съ исключительной ролью рабочаго класса, съ необходимостью для рабочихъ сложиться въ самостоятельную рабочую партію, которая противостояла бы всѣмъ буржуазнымъ, хотя бы демократическимъ политическимъ направленіямъ. Эта идеологія приносила предубѣжденіе противъ демократическаго радикализма, т. е. противъ того идеала, около котораго объединялось «освободительное движеніе».

Не будь освободительнаго движенія, отношенія между этими партіями сложились бы иначе. Радикальная демократія противопоставила бы соціально-демократіи свой идеалъ и за него съ нею боролась бы. Но общая война противъ Самодержавія запрещала пререканія въ средѣ коалиціи. На конференціи оппозиціонныхъ и революціонныхъ партій 904 г. было признано необходимымъ согласовать дѣйствія различныхъ группъ «при сохраненіи неприкосновенными всѣхъ пунктовъ программы и тактики принятыхъ каждой отдѣльной партіей». Это было равносильно взаимному обязательству другъ съ другомъ не спорить. И такъ какъ соціально-демократія считала и не безъ

основанія рабочій классъ сферой своего вліянія, то Союзу Освобожденія оставалось одно — съ социаль-демократіей не состязаться и ея вліянія на рабочій классъ не оспаривать.

Въ Освобожденіи есть отголоски любопытныхъ сомнѣній этой эпохи. Въ № 69 въ письмѣ къ редактору, подъ заглавіемъ «какъ не потерять себя» анонимный авторъ съ недоумѣніемъ спрашиваетъ: «какъ намъ найти доступъ къ народу, не превратившись въ привѣсокъ социаль-демократіи и социаль-революціонной партіи? Въ современной русской политической атмосферѣ имѣеть наибольшій успѣхъ тотъ, кто больше всего обѣщаетъ». Этотъ роковой вопросъ тяготѣлъ надъ тѣми, кто хотѣлъ создать партію государственную, могущую быть властью и оберегать порядокъ, но кто въ то-же время принужденъ былъ ставить ставку на незрѣлыя и невоспитанныя народныя массы, доступныя демагогіи. И эта трудность ощущалась гораздо острѣе рядовыми членами партіи, сталкивавшимися съ дѣйствительной жизнью, чѣмъ руководителями, ведущими журнальную полемику между собою. Это лишній разъ показываетъ, насколько воспріятіе событій руководителями и рядовыми бойцами бываетъ различно. П. Б. Струве могло показаться, какъ онъ и замѣтилъ въ примѣчаніи, будто недоумѣніе автора уже удовлетворительно разрѣшено статьями журнала по вопросамъ тактики и программы. Не ограничиваясь этимъ, онъ все-таки обѣщаль заняться этимъ вопросомъ, но безъ успѣха. Въ № 71 появилась пространная отвѣтная статья Струве: «Какъ найти себя». Несмотря на необычайную длину статьи, признаваемую самимъ авторомъ, вопросъ не былъ исчерпанъ; «но, неожиданно заявляетъ авторъ, продолжать письмо въ настоящий моментъ я не могу; къ тому же мои мысли, какъ человѣка, живущаго за границей, имѣютъ мало цѣны». Такъ большой острый вопросъ былъ только затронутъ и остался неразрѣшеннымъ.

Это замѣшательство характерно. Въ лицѣ Струве мы имѣемъ человѣка исключительной чѣстности; онъ не могъ успокоить себя ссылкой на партійную «тактику». Ему нужно было сознавать себя правымъ; онъ выставилъ противъ автора обратный тезисъ, будто революціонизмъ нашихъ крайнихъ партій составляетъ не силу, а слабость ихъ, не облегчаетъ, а затрудняетъ имъ доступъ къ народнымъ мас-

самъ; будто напротивъ, освобожденская программа по своей разумности имѣеть всѣ шансы на успѣхъ.

Эта мысль достойна идеалиста. Наши интеллигенты судили о всѣхъ по себѣ, и даже не по себѣ, а по лучшимъ своимъ представителямъ. Мы не разъ ссылались на примѣръ Германіи, гдѣ рабочая среда не была завоевана социаль-демократами, несмотря на исключительную организованность и талантъ этой партіи. При этомъ не видѣли, что успѣхъ крайнихъ партій объясняется какъ разъ некультурностью и политической неподготовленностью народа. Самодержавный режимъ, относившійся безъ уваженія къ личности и личному праву, считавшій ихъ льготами, даруемыми государственной властью, идеологически былъ ближе къ социализму, чѣмъ къ либерализму. Для того, чтобы излѣчить рабочій классъ отъ революціонизма, отбить его отъ социаль-демократіи, радикальной демократіи, надлежало вести съ ней упорную борьбу въ рабочей средѣ, разоблачать ея слабыя стороны и противопоставлять социаль-демократической программѣ свои болѣе умѣренные и разумные взгляды. Въ этомъ и должно было быть истинное призваніе радикальныхъ кадетъ, какъ государственной, министеріабельной партіи. Это свое призваніе кадеты дѣйствительно иногда исполняли; во время Второй Думы, во время войны и въ 1917 г. И во всѣхъ этихъ случаяхъ кадетамъ фатально приходилось сталкиваться съ революціонными партіями. Если кадетской партіи и взаправду было легче найти доступъ къ пониманію массъ и если революціонизмъ крайнихъ партій эти партіи въ глазахъ массъ ослаблялъ, то чтобы использовать это преимущество кадетамъ все-таки надлежало нести на себѣ тяжесть идейной борьбы съ ними. Это было ихъ назначеніемъ, какъ позднѣе назначеніемъ октябристовъ было вести борьбу съ отжившими правыми настроеніями. Изъ этихъ двухъ теченій и долженъ былъ образоваться культурный русскій консерватизмъ и либерализмъ, тѣ двѣ тенденціи, которыя существуютъ повсюду, даже тамъ, гдѣ система двухъ партій затемняется многочисленностью самостоятельныхъ фракцій. Борьба этихъ двухъ основныхъ направленій могла бы дать возможность проявиться и третьей, уже классовою партіи, которая, становясь на сторону то одной, то другой, оказывала бы вліяніе на развитіе государственной жизни и получила бы въ этомъ свое воспитаніе.

Такъ должна была бы нормально идти дифференціація нашей общественности. Наличие «освободительнаго движенія» спутала эти карты. Того долга, на который указывалъ Струве, т. е. отвоеванія народныхъ массъ отъ крайнихъ революціонныхъ теченій, Союзъ Освобожденія въ этихъ условіяхъ исполнять не могъ. Пока общій фронтъ былъ еще обращенъ противъ Самодержавія идейная борьба съ революціонными партіями была невозможна. А такъ какъ доступъ къ рабочимъ шелъ черезъ социаль-демократію, то оставалось заключить соглашеніе съ ней и укрѣплять ея вліяніе среди рабочихъ позиціей дружественнаго нейтралитета. Рабочій классъ былъ отданъ безъ боя социаль-демократіи, ея программѣ и ея идеологіи.

Стоитъ пересмотрѣть «Освобожденіе», чтобы убѣдиться, что ни малѣйшей борьбы съ социаль-демократіей оно не вело и не совѣтовало. Оно тщательно избѣгало обнаруживать въ чемъ-либо свое несогласіе съ рабочими руководителями. Общее явленіе не только Россіи и не только этой эпохи; въ періодъ всякаго «попутничества», когда болѣе умѣренныя прогрессивныя партіи ищутъ союзниковъ слѣва, они безотвѣтно сносятъ оскорбленія, которыми ихъ не стѣсняясь осыпаютъ эти союзники, а сами на нихъ не нападаютъ. Болѣе того: они не упускаютъ случая заявлять о всѣхъ пунктахъ своей солидарности съ ними. Если бы рабочіе читали «Освобожденіе», они въ немъ не нашли бы матерьяловъ для своего вразумленія. Послѣ 9-го января «Освобожденіе» не только съ недопустимой рѣзкостью обрушилось на личность Государя, хотя Союзъ Освобожденія не былъ республиканскимъ. Оно сочувственно относилось къ демагогу Гапону, назвавъ «замѣчательнымъ» его письмо къ Государю и даже къ самой программѣ, которую руководители вложили тогда въ руки рабочихъ, съ такими перлами, какъ «отмѣна всѣхъ косвенныхъ налоговъ и замѣна ихъ прямымъ прогрессивнымъ, подоходнымъ налогомъ». Пусть со стороны Освобожденія это не было даже «тактикой». Пролитая кровь, къ которой еще не привыкли, могла, конечно, вывести изъ душевнаго равновѣсія, помѣшать найти слова осужденія. Но та-же полная солидарность съ рабочими, за которыми стояла социаль-демократія, со своими крайними лозунгами, съ мечтой о социальномъ переворотѣ, оставалась обязательной для либерализма позиціей, въ условіяхъ менѣе

трагическихъ, но зато и болѣе отвѣтственныхъ. Возьмемъ послѣдній актъ «Освободительнаго движенія». Въ дни октябрьской забастовки 1905 г., одновременно съ кадетскимъ Учредительнымъ съѣздомъ, состоялось въ Московской Городской Думѣ засѣданіе гласныхъ съ представителями разнообразныхъ общественныхъ группъ. Это было проявленіемъ уже не только правительственнаго безсилія, но и общественной паники; наступала анархія. Я помню съ какой самоувѣренностью выступали тамъ представители революціонныхъ партій и Стачечнаго Комитета, руководившіе забастовкой; они требовали отъ Городской Думы немедленно сдать все управленіе и имѣвшіеся въ ея распоряженіи капиталы Стачечному Комитету. Это нелѣпое требованіе должно было быть урокомъ для общества, показать, что его ждетъ при побѣдѣ Революціи. На буржуазныхъ гласныхъ свое впечатаніе эти заявленія произвели. Многіе поняли тогда, что Самодержавіе при всѣхъ своихъ грѣхахъ имъ ближе, чѣмъ диктатура пролетаріата. Но дѣятели Союза Освобожденія смотрѣли не такъ; въ полемикѣ съ этими требованіями они не вступали и своей солидарности съ рабочимъ движеніемъ не отклоняли. Напротивъ. Я помню страстную рѣчь Д. И. Шаховского на этомъ собраніи, который съ обычной искренностью заявлялъ, что покуда Самодержавіе не низвергнуто, порядокъ невымыслимъ; что надо въ этотъ моментъ только еще громче кричать «долой самодержавіе». И Кадетскій учредительный съѣздъ уже не въ атмосферѣ обезумѣвшей злѣды, а хладнокровно обсудивъ положеніе нашелъ нужнымъ въ своей резолюціи не только рабочихъ привѣтствовать; онъ называлъ ихъ выступленіе «могучимъ и политически зрѣлымъ»; заключительныя слова его резолюціи говорили: «кадеты считаютъ своимъ долгомъ заявить съ забастовочнымъ движеніемъ свою полнѣйшую солидарность». Вотъ отношеніе, которое военная тактика логически послѣдовательно диктовала кадетской партіи, по отношенію къ социаль-демократіи. И, конечно, въ эти минуты расколъ спасъ бы Самодержавіе. Поэтому все складывалось такъ, что рабочій классъ, какъ таковой, социальный вѣсъ котораго въ отсталой Россіи былъ меньше, чѣмъ гдѣ либо, могъ счесть себя призваннымъ быть руководителемъ всего общества и пойти въ руслѣ той социаль-демократической тактики, которая создалась въ странахъ насквозь индустриализованныхъ и къ политич-

ческой свободѣ привыкшихъ давно. Специальная позиція социаль-демократіи могла имѣть въ этихъ странахъ тотъ *raison d'être*, для котораго въ Россіи не было еще никакихъ основаній. Въ этихъ странахъ можно было говорить и о чрезмѣрности индивидуализма и о пережившемъ свое время засиліи капитала и даже о роковой необходимости *vacances de la légalité*. Напротивъ, въ отсталой Россіи очередной прогрессъ былъ въ этихъ буржуазныхъ понятіяхъ. Но рабочихъ все сбивало съ разумной дороги; и прежняя политика Самодержавія и демагогія социаль-демократіи и дружелюбный нейтралететъ радикализма. Въ ихъ средѣ противовѣсомъ социаль-демократіи явилась только другая демагогія — крайняя левая. Единственными защитниками болѣе разумныхъ и реальныхъ понятій стали меньшевики — социаль-демократы, поскольку конечно они находили нужнымъ иногда сражаться съ большевиками, не только на партійныхъ собраніяхъ. Но хотя меньшевики не развращали рабочей среды лестью и игрою на струнахъ привитыхъ ей жандармскимъ режимомъ, они все же приносили съ собой то учене о классовой борьбѣ, о непримиримости интересовъ рабочаго класса всѣмъ другимъ интересамъ, о необходимости революціоннаго социальнаго переворота, которое мѣшало мирному и постепенному переходу Россіи въ «конституціонное государство». Въмѣсто идейной борьбы на этихъ позиціяхъ освобожденцы, какъ позднѣ кадеты, предлагали только тѣ оговорки о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ «по возможности», которыя на рабочихъ собраніяхъ становились предметомъ насмѣшки. Любопытно, что позднѣ и избирательный законъ какъ 11 декабря, такъ и 3 іюня, выдѣляя рабочихъ въ особую курію и не позволяя имъ смѣшиваться съ прочими избирателями, укрѣпилъ это же положеніе вещей. Такъ рабочей классъ былъ уступленъ социаль-демократіи и самимъ государствомъ. Кадеты послѣ первыхъ опытовъ не покушались идти въ эту курію, отвоевывать въ ней голоса у рабочихъ. Они сталкивались съ социаль-демократіей только тогда, когда она сама выходила за предѣлы рабочаго класса и шла «разоблачать» кадетъ на общіе митинги. Такая своеобразная обработка рабочаго класса подъ руководствомъ социаль-демократіи сыграла роковую роль послѣ 17-го октября; роковую, конечно, если считать, что въ Россіи было полезно установить

нормальную жизнь, а не вести къ Революціи съ ея «завоеваніями». Такъ «Освободительное движеніе», само не поднявъ Ахеронта, подготовляло тотъ опытъ «соціалистическаго» управления отсталой Россіей, воспользовались которымъ одни коммунисты. Вода была пролита на ихъ мельницу.

Но былъ Ахеронтъ еще страшнѣе рабочаго; это — крестьянство.

IX.

Я могу лишь очень кратко напомнить основныя черты крестьянскаго вопроса въ Россіи.

Нельзя оспаривать двухъ положеній. Крестьянами опредѣлялось состояніе всей Россіи; отъ ихъ благосостоянія зависѣло ея національное богатство, промышленность и финансы; отъ ихъ настроенія устойчивость ея строя. Во всѣхъ странахъ есть крестьяне т. е. мелкіе земельные собственники; это — консервативный классъ *rag excellence*, какъ по справедливому утвержденію Маркса пролетаріатъ — классъ «революціонный». Революціонный переворотъ можетъ случиться и безъ крестьянъ; но онъ глубоко не идетъ, ибо крестьянство его останавливаетъ, какъ оно остановило революцію и 48-го и 70-го года во Франціи. Роковой ходъ русской революціи зависѣлъ болѣе всего отъ того, что крестьянство оказалось революціонно настроеннымъ. Это, во-первыхъ. А, во-вторыхъ, неоспоримо, что въ эпоху Освободительнаго Движенія положеніе крестьянства въ Россіи было глубоко ненормально; гораздо болѣе, чѣмъ это думало и интеллигентское общество и само крестьянство, слишкомъ привыкшія къ такой ненормальности. Положеніе крестьянъ отражало старый порядокъ, когда помѣщикъ былъ какъ бы феодальнымъ владѣльцемъ, а крестьяне не то его подчиненными, не то его собственностью, отчасти тѣмъ и другимъ. Пусть нашъ помѣщикъ изъ феодальнаго князя самъ превратился въ холопа государственной власти; для своихъ крестьянъ онъ оставался, чѣмъ былъ. Весь строй крестьянской жизни безъ признаковъ индивидуальнаго крестьянскаго права стоялъ внѣ общихъ законовъ, писанныхъ для свободныхъ людей; въ основѣ его лежалъ принудительный трудъ, объединеніе крестьянъ въ коллективы для удобства помѣщиковъ, а также и фи-

ска. Этотъ строй при крѣпостномъ правѣ имѣлъ свой *raison d'être*, но онъ сохранился тогда, когда крестьяне стали свободными. Крестьянство и тогда осталось сословіемъ замкнутымъ, жившимъ по законамъ, которыхъ другіе не знали; оно имѣло свою сословную власть въ лицѣ всемогущаго надъ отдѣльнымъ крестьяниномъ крестьянскаго общества. Даже въ основномъ промыслѣ земледѣліи, крестьянинъ зависѣлъ отъ «общества»; не говоря объ общинной Россіи, гдѣ его земля могла пойти въ передѣлъ, но и въ подворномъ владѣніи крестьяне оставались въ черезполосицѣ, вынуждавшей ихъ къ общей съ другими системѣ хозяйства. Условія жизни воспитывали въ крестьянахъ сознание своей солидарности, необходимости идти нога въ ногу съ другими. Отсюда деспотическая власть надъ отдѣльною личностью общества настроенія, приводившая къ массовымъ выступленіямъ. При глубокой некультурности крестьянской массы, изъ которой не могла ее такъ скоро вывести одна начальная школа, крестьянская психологія развивалась своими путями, непохожими на интеллигентскія, представлявшими амальгаму белой покорности и анархизма, страха Божія и бунтарства. Какъ глубоко сказалъ однажды Н. Н. Львовъ въ Государственной Думѣ, жизнь выработала изъ крестьянъ «безправную личность и самоуправную толпу». И это крестьянство было истиннымъ хозяиномъ сельской жизни, было главнымъ аппаратомъ самой государственной власти. Въ деревнѣ почти не было общей администраціи; агентами власти были выборныя крестьянскія должности, крестьянами оплачиваемыя и поставляемыя ими по очереди на эти повинности. Стоило раскаться крестьянству и получались стихійныя движенія, погромы, аграрныя безпорядки, остановить которые можно было только запоздалой присылкой войскъ въ формѣ карательныхъ экспедицій. Порядокъ въ сельской Россіи держался только привычкой, да престижемъ исторической власти.

Понимало ли крестьянство свое положеніе? Чтобы его понимать всегда нужно смотрѣть на себя со стороны. Въ своей массѣ крестьянство такъ смотрѣть не могло. Чтобы сознавать вопіющую «принципіальную» неправду натуральныхъ повинностей, на первомъ мѣстѣ повинности крестьянской сословной администраціи, чувствовать недопустимость деспотизма сословнаго міра, возмутительное безправіе отдѣльной личности передъ нимъ, для всего это-

го нужно было дышать другимъ воздухомъ. Большинство крестьянъ, которымъ удавалось подняться надъ крестьянскимъ уровнемъ, образованіемъ или службой, механически изъ своего сословія исключались. Деревенская масса, которая продолжала жить въ вѣковыхъ привычныхъ условіяхъ, думала поэтому не о своемъ правовомъ положеніи, а о томъ, что ей было виднѣй и доступнѣй; у нея была одна страсть — земля.

Жадность земледѣльца къ землѣ — чувство нормальное и здоровое. Одна изъ великихъ социальныхъ опасностей Франціи — ослабленіе этого чувства. Въ Россіи оно не ослабло; при этомъ оно несравненно острѣе было направлено на пріобрѣтеніе новыхъ земель, чѣмъ на улучшеніе хозяйствъ на прежнихъ. Этой примитивной тенденціи способствовали различныя обстоятельства; историческая колонизаціонная практика Россіи, некультурность и бѣдность ея населенія и, наконецъ, больше всего отсутствіе правовой обезпеченности на своей участкѣ земли у крестьянъ, что заставляло экстенсивное хозяйство предпочитать интенсивному и вело къ мечтамъ о захватѣ новыхъ земель. Самая структура крѣпостного хозяйства, при которомъ помѣщикъ долженъ былъ предоставлять крестьянамъ землю или кормить ихъ какъ дворовыхъ, укрѣпляла въ крестьянахъ сознание своего особаго права на землю помѣщиковъ. Реформа 61 года должна была бы уничтожить основаніе этой претензіи. Но то правовое положеніе, которое было сохранено за крестьянами, насильственное поддержаніе земельного и сословнаго общества, крестьянской замкнутости и обособленности, въ которыхъ стали усматривать драгоценные устои Россіи, питали крѣпостныя воспоминанія. А быстрое размноженіе населенія за 40 лѣтъ дѣлало тягу къ помѣщичьей землѣ еще болѣе острой. Отрицать наличность у крестьянъ этой тяги, павѣянной не подстрекательствомъ злоумышленниковъ, а самымъ ихъ правовымъ положеніемъ, значило бы отрицать очевидность. Крестьяне, и самые лучшіе, жадно стремились къ землѣ; и это стремленіе выражалось въ сознаніи ихъ права отобрать въ свою пользу землю ихъ прежнихъ помѣщиковъ. Если бы все рѣшалось одною крестьянскою волей, помѣщики были бы давно уничтожены и земля ихъ взята. Въ этомъ стихійномъ порывѣ таилась величайшая опасность. Исполнить это желаніе въ порядкѣ, въ какомъ была сдѣлана реформа 61 года, было

бы несравненно труднѣе. Аграрная реформа тогда сопро-вождала другую, отмѣну личной зависимости. Въ этомъ было правовое ея оправданіе. Для новой экспроприаціи одного класса въ пользу другого, такого оправданія те-перь быть не могло; на лицо была бы только народная воля, мотивъ недостаточный и опасный.

Аппаратъ государственной власти, пока онъ не былъ ослабленъ, могъ не давать хода такимъ опаснымъ желаніямъ. Но, чтобы не только съ ними бороться, но ихъ устранить, надо было устранить тѣ причины, кото-рыя ихъ создали и питали; надо было искоре-нить крѣпостническіе пережитки въ странѣ. Уничтожить сословную замкнутость и обособ-ленность, освободить крестьянъ отъ власти сословнаго мі-ра, помогать его тягѣ къ помѣщичьей землѣ, увеличені-емъ законныхъ способовъ ея пріобрѣтенія; поощ-рять естественный переходъ помѣщичьихъ земель въ ру-ки крестьянства; устранить хотя бы экстраординарнымъ пріемомъ ту зависимость крестьянскаго хозяйства отъ барской земли, въ которую во время эмансипаціи были иногда умышленно поставлены крестьяне въ формѣ че-резполосицы и подобныхъ ловушекъ; защитить аренда-торовъ отъ произвола землевладѣльцевъ, экономически оправдать существованіе крупнаго землевладѣнія игрой прогрессивнаго налога на землю; наконецъ, использовать тягу на землю для усиленія колонизаціи на свободныя зем-ли. Благодаря такимъ мѣрамъ сословный крестьянскій во-просъ долженъ былъ бы вовсе исчезнуть. Остаться могъ одинъ аграрный вопросъ въ чистомъ видѣ, одина-ковый для всѣхъ сословій и состояній.

Здѣсь лежалъ путь, которымъ надо было идти еще въ восьмидесятыхъ годахъ. Такая политика для успѣха тре-бовала многихъ временъ. Но самодержавная власть была то-гда достаточно сильна, чтобы ее проводить даже среди крестьянскаго нетерпѣнія. Что она поступала, наоборотъ — грѣхъ ея и правящихъ классовъ. Что черезъ 40 лѣтъ послѣ освобожденія тяга къ землѣ пріобрѣла опасную форму, угрожая порядку и спокойствію въ государствѣ, было ихъ Немезидой. Она была уже въ разгарѣ тогда, ко-гда началось «освободительное движеніе» противъ режи-ма; но это уже е го грѣхъ, что изъ-за демагогіи оно ста-ло это опасное настроеніе раздувать.

Имѣю ли я право говорить: изъ демагогіи? Понятіе зе-

мельной собственности вообще такъ своеобразно, что вызываетъ оригинальныя построения, утопіи и эксперименты. Принципіальные отрицатели личной земельной собственности, сторонники націонализаціи земли, ученики Генри Джорджа, поклонники трудового землевладѣнія, всѣ эти разновидности могли быть честными утопистами и никто не имѣлъ бы права ихъ упрекнуть въ демагогію; убѣжденные въ своей правотѣ, даже когда никто за ними не слѣдовалъ, они могли одинаково противъ всѣхъ бороться за свои убѣждения. Ихъ я не назову демагогами. Но подходъ къ этому вопросу и у «освободительнаго движенія» былъ иной.

Аграрная программа, какъ это было указано въ «Освобожденіи» *), была выставлена еще во время войны съ Самодержавіемъ, съ цѣлью привлеченія на свою сторону крестьянства. Не аграрные мечтатели, вѣрившіе, что ихъ идеи вѣрны и полезны, стали объединять своихъ аграрныхъ единомышленниковъ и проповѣдывать свои убѣждения; аграрную программу сочинили политики, всецѣло поглощенные войной съ Самодержавіемъ. Они на свою аграрную программу смотрѣли съ точки зрѣнія интересовъ этой войны, думая этой программой завоевать у крестьянъ сочувствіе къ конституціи. И такъ какъ тяга крестьянства къ захвату помѣщичьей земли была несомнѣнна, то отъ дѣятелей ищущихъ доступа къ крестьянской душѣ нельзя было ждать сопротивленія этой тягѣ. Имъ ее нужно было использовать; такъ самая постановка вопроса заключала въ себѣ элементъ демагогіи.

Конечно, среди дѣятелей движенія были отдѣльные убѣжденные люди, которые безъ демагогіи, по совѣсти и разумѣнію, крестьянскій вопросъ рѣшали въ духѣ крестьянскихъ желаній, т. е. въ смыслѣ отобранія земли у помѣщиковъ; среди нихъ были и искренніе сторонники общины, какъ и сейчасъ могутъ быть честные поклонники совѣтскихъ колхозовъ. Всякія утопіи возможны и часто почетны. Ненормально было, что такая программа была выставлена не утопистами, что она была принята широчайшей группой «Союзомъ Освобожденія», который ставилъ себѣ одну цѣль: свалить Самодержавіе и установить режимъ политической

---

*) «Освобожденіе», № 17.

с в о б о д ы. Что на-ряду съ введеніемъ демократическаго конституціоннаго строя, съ провозглашеніемъ права, какъ основы порядка, Союзъ Освобожденія поставилъ такую частную мѣру, какъ отобраніе земли у помѣщиковъ, — было зловѣще, какъ демагогія или неискренность. Вѣдь такая программа не только не входила въ понятіе конституціи; она по существу противорѣчила принципамъ, на которыхъ хотѣли строить новую русскую жизнь.

Нужно отдать справедливость «освобожденцамъ»; эту программу они приняли не сразу, не безъ колебанія. Они понимали всю опасность ея. Требованіе новыхъ земель со стороны неумѣлаго крестьянскаго хозяйства, было аналогично требованію новыхъ кредитовъ для разоряющагося торговаго предпріятія; кредиты его не спасутъ. Имъ возражали, что заботы объ интенсификаціи крестьянскаго хозяйства въ свое время придутъ; что положеніе остро, что медлить нельзя, что необходимо дать «передышку», какъ иногда нуженъ кредитъ и для банкрота, чтобы выиграть время. Въ доказательство неотложности аграрной реформы ссылались на аграрные беспорядки, на то, будто мы уже вступили въ полосу революціи и т. д. Но самый главный аргументъ былъ не въ этомъ; его не разъ повторялъ А. А. Мануйловъ, который вмѣстѣ съ Герценштейномъ былъ авторомъ освобожденской программы. «Если мы не сдѣлаемъ крестьянамъ этой уступки, говорилъ онъ всегда, никакая конституція не удержится. Тѣмъ болѣе конечно безъ нея конституціи не добьешься. Намъ нужно на эту мѣру рѣшиться; если бы Самодержавіе было жизнечно, оно бы само ее сдѣлало и себя укрѣпило». Словомъ, если эта реформа и была демагогіей, то демагогіей не обходимою.

Что эта программа оправдывалась не своими достоинствами, а соотвѣтствіемъ крестьянскому настроенію не скрывало Освобожденіе. Въ томъ же № (69-70), гдѣ за подписью Мануйлова, Герценштейна и Петра Долгорукова впервые появилась программа, которая должна была быть предложена созываемому аграрному съѣзду, было указано, что одно сопоставленіе самодержавной и освобожденской программъ дастъ богатый матеріалъ для агитаціи среди крестьянъ. Это безспорно. Бездарность и вредоносность крестьянской политики Самодержавія настоятельно требовала противопоставить ей разумную программу. Въ ней нуждалась Россія; либерализмъ могъ ее

дать, не измѣняя основнымъ своимъ взглядамъ; но такъ какъ выработка ея совпала съ войной противъ Самодержавія, то освободительное движеніе вмѣсто этого просто остановилось на томъ, что ему тактически было болѣе выгодно.

Этотъ грѣхъ былъ тѣмъ больше, что движеніе понимало, что дѣлало. Въ № 67 Освобожденія была напечатана замѣчательная статья Струве, въ которой онъ предсказывалъ Революцію. «Политика Самодержавія, говоритъ Струве, ведетъ къ революціи; Революція въ раздумьи, но ея раздумье на этотъ разъ не можетъ продолжаться долго. Съ Ахеронтомъ городскихъ рабочихъ массъ она соприкоснулась и спаялась въ историческіе январскіе дни. Если этого мало, она подыметъ противъ Самодержавія сельскіе низы. У русской революціи есть для этого магическое слово — «земля». Оно сплотитъ и поведетъ сельскую Россію...» Это страшныя слова, потому что они рисовали положеніе вѣрно. Лозунгъ «земля» былъ грознымъ лозунгомъ, но онъ былъ магическимъ; его Революція могла подхватить и постоянно подхватывала. Если бы «Освободительное движеніе» понимало, чѣмъ ему грозитъ Революція, оно не стало бы такъ легко бросать въ народъ этотъ лозунгъ. Оно дало бы программу, которую не сумѣло дать Самодержавіе. Но въ этотъ моментъ пойти этимъ путемъ значило бы ослабить себя въ борьбѣ съ Самодержавіемъ и «Освободительное движеніе» стало само играть опасную карту земли.

Конечно, какъ движеніе претендовавшее быть государственнымъ оно старалось облечь этотъ демагогическій лозунгъ въ приличную форму. Многие даже искренно думали, будто отчужденіе земли «по справедливой оцѣнкѣ» и дополнительное надѣленіе ею крестьянъ успокоитъ крестьянскую тягу къ землѣ и предупредитъ революцію, ибо произойдетъ въ формѣ законной и мирной. Наивныя люди, которые позднѣе тоже воображали, что можно будетъ упразднить монархію и сохранить при этомъ порядокъ въ странѣ или сломать дисциплину въ войскахъ, увеличивъ этимъ боевыя качества арміи. Такая реформа, какъ отобраніе земель у помѣщиковъ и не столько самес ихъ отобраніе, сколько раздѣленіе отобранныхъ земель на глазахъ у крестьянъ, доступно было только исключительному по силѣ и престижу правитель-

ству. Въ шестидесятыхъ годахъ его могло сдѣлать Само-державіе; да и та реформа была облегчена тѣмъ, что благо личнаго освобожденія компенсировало недостаточность земельныхъ надѣловъ. Чтобы могло произойти новое распредѣленіе земель, не вызвавъ споровъ, поноженщины, мести — нужна была власть, которая бы пользовалась исключительною мощью и довѣріемъ населенія. И эту реформу хотѣли провести послѣ того, какъ престижъ государственной власти, иллюзія ея непобѣдимости были бы въ глазахъ населенія подорваны ея капитуляціей. Реформа подобная той, которую проповѣдывало Освобожденіе, могла быть сдѣлана или исторической властью, или такой жестокой властью, какъ большевистская, которая не жалѣетъ пролитой крови. Но братья за нее либерализму, взявшему курсъ на законность и право и сознательно ослаблявшему аппаратъ правительственной власти въ странѣ, было усшимъ безуміемъ. Программа аграрной реформы оставалась тактическимъ маневромъ, не болѣе. Только соображенія тактики позволяли мириться и съ тѣми противорѣчіями, въ которыхъ «освобожденская» аграрная программа стояла къ либеральному мировоззрѣнію.

Вѣдь она прежде всего была экономически явнымъ регрессомъ. Помѣщичье хозяйство пока давало лучший урожай, чѣмъ крестьянское. Сокращеніе его площади наносило поэтому ущербъ богатству страны, т. е. общему интересу. Въ I-й Государственной Думѣ въ своей полемической рѣчи М. Я. Герценштейнъ заявилъ, что мелкое землевладѣніе можетъ быть продуктивнѣе крупнаго и сослался на примѣры Даніи и Голландіи. Если бы этотъ доводъ для Россіи былъ правиленъ, насильственный переходъ къ мелкому землевладѣнію экономически могъ быть оправданъ. И тогда для этого было бы правильнѣй употребить другіе пріемы; этой цѣли вѣрнѣе служилъ бы прогрессивный земельный налогъ, а не отчужденіе и раздача земель, при которыхъ помѣщичья земля всегда рисковала попасть въ руки худшихъ и ненадежныхъ хозяевъ. Но дѣло не въ этомъ; главное, что для Россіи Герценштейновское утвержденіе еще не было вѣрно, крестьянское мелкое землевладѣніе не было болѣе продуктивнымъ, напротивъ. Настоящей задачей момента должно было быть поэтому достиженіе увеличенія его интенсивности. И такъ какъ были ясны причины, которыя продук-

тивности крестьянскаго хозяйства не давали подняться, надо было устранить эти причины. Въ числѣ ихъ, на первомъ мѣстѣ стояла необезпеченность и неполнота крестьянской собственности, зависимость крестьянъ отъ общины въ области землепользованія или даже владѣнія. Но освобожденская программа, ничего не сдѣлавъ противъ этого зла, принялась въ грандіозныхъ размѣрахъ колебать принципъ собственности, отнимая земли у полноправныхъ владѣльцевъ. Любопытно, что въ этомъ отношеніи аграрная программа въ миниатюрѣ предваряла большевистскую практику; то, что она собиралась сдѣлать съ помещиками, т. е. съ крупными и средними землевладѣльцами въ пользу крестьянъ, т. е. мелкихъ, большевики дѣлаютъ сейчасъ съ кулаками, зажиточными крестьянами въ пользу коллективной «бѣдноты»; Освобожденіе, а позднѣе кадеты, не то изъ тактики, не то изъ сентиментальнаго сочувствія трудящимся ставили ставку на трудовое хозяйство противъ крупнаго, оправдывая эту вредную тактику примѣрами Дании и Голландіи; они клеймили Столыпинскую ставку на сильныхъ. Большевики открыли войну противъ зажиточныхъ крестьянъ, ставятъ ставку на бѣдноту и оправдываютъ ее теоретическими преимуществами индустриализованныхъ коллективовъ землепользованія. Словомъ, въ обоихъ случаяхъ изъ-за доктрины, а въ первомъ случаѣ даже просто изъ тактики, разрушали принципы, на которыхъ стояла реальная жизнь, не стѣсняясь тѣмъ, что это наносило ущербъ національному богатству страны.

Кадетская программа смягчала этотъ послѣдній упрекъ оговоркой, что отчужденіе не коснется образцовыхъ культурныхъ хозяйствъ. Это только показывало глубину нашей наивности. Какъ будто въ моментъ передѣла, разгорѣвшейся жадности, когда поневолѣ оказалось бы столько обойденныхъ и недовольныхъ, можно было рассчитывать на уваженіе къ культурнымъ хозяйствамъ! Образчикъ того, что бы мы получили, мы могли наблюдать въ 1917 г. Шингаревъ провель законъ, по которому земля, которой ея собственникъ не воздѣлывалъ, могла принудительно поступить въ крестьянское пользованіе. Цѣль закона была понятна и выгодна для страны. Правовыхъ устоевъ законъ не колебалъ, такъ какъ во время войны реквизиціи были привычны и даже легальны. Но что получилось въ результатѣ этого закона? Крестьяне стали разрушать экономіи,

умышленно ставить помѣщиковъ въ невозможность для нихъ хозяйство вести, для того, чтобы потомъ въ своихъ интересахъ использовать новый законъ. Можно ли было вообразать, чтобы въ моментъ давно желаннаго общаго передѣла земель крестьяне стали бы относиться иначе къ культурнымъ образцовымъ хозяйствамъ?

Справедливо, что нѣкоторыя земли не приносили дохода или что ихъ иногда эксплуатировали только крестьянской арендой. Такія земли пощады не стоили. Но въ рукахъ государства было могучее средство, которымъ оно могло съ этимъ бороться; — прогрессивный земельный налогъ и законъ объ арендѣ. Вотъ, что тогда было дѣйствительно нужно. Достаточно посмотрѣть, что сдѣлали налоги съ землевладѣніемъ въ Англии, какъ законъ огранилъ квартиронанимателей Франціи, чтобы видѣть, какъ многого можно было бы достигнуть этимъ путемъ, безъ противорѣчій съ основами права, на которыхъ стоялъ социальный строй государства. Надо было только имѣть мужество идти этимъ долгимъ путемъ. Но тактика освободительнаго движенія этому помѣшала; она заставила подчиниться волѣ крестьянъ, которые хотѣли отобрать землю помѣщиковъ. Требуя этого, крестьяне размышляли, конечно, не объ интересахъ всего государства, они поступали, какъ тѣ ручные ткачи, которые когда-то разрушали полезныя для государства машины. Этихъ ткачей можно было жалѣть; надо было имъ помочь пережить экономическій кризисъ; но во имя ихъ воли нельзя было разрушать ткацкія фабрики. Крестьянская тяга къ разрушенію помѣщичьихъ хозяйствъ была явленіемъ того же порядка. Уступать ей было недостойно для государства. Но интересы войны съ Самодержавіемъ освободительное движеніе на это толкнули.

Какъ ни старалось движеніе придать неразумной стихіи принципиальную форму, черезъ нее стихія все же проглядывала, и въ аграрной программѣ сказалась ея реакціонная сущность, не будущій идеаль, а просто наслѣдіе печальнаго прошлаго.

Эта программа, во-первыхъ, снова воскрешала словность. Лозунгъ: «вся земля — крестьянамъ», красивъ и имѣлъ хорошую прессу. На Западѣ ему посчастливилось. Я не разъ слыхалъ отъ французовъ, которые съ самоувѣренностью судили о русскихъ дѣлахъ, будто Россіи необходимы три вещи — республика, федерализмъ и

la terre aux paysans, Если понимать подъ «крестьянами» то, что понимаютъ на Западѣ, т. е. просто социальный классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, которые потому, что они мелкіе являлись и земледѣльцами, этотъ лозунгъ означалъ бы простое предпочтеніе мелкаго землевладѣнія крупному. Въ этомъ нѣтъ ничего необычнаго. При извѣстныхъ условіяхъ въ такой формѣ землевладѣнія есть экономическія преимущества и почти всегда есть политическія; мелкое крестьянство — оплотъ порядка въ странѣ. Преуспѣянія такого мелкаго землевладѣнія государство можетъ добиваться различными способами; покровительствомъ мелкому, налогомъ на крупное, даже крайней мѣрой, польза которой еще не доказана, установленіемъ земельного максимума. Если такъ ставить этотъ вопросъ, онъ остается вопросомъ аграрнымъ, не имѣющимъ связи съ сословностью. Въ Россіи онъ ставился вовсе не такъ; въ Россіи крестьянство было сословіемъ замкнутымъ и строго очерченнымъ. Это сословіе требовало въ свою пользу землю другого сословія. Оно — и это было печальнымъ наслѣдіемъ прошлаго, — себя противопоставало другимъ сословіямъ и даже всему государству. Эти сословные предразсудки, сословная рознь, санкціонировались и поощрялись проектомъ принудительнаго отчужденія. Пусть это явилось законной карой передовому сословію, которое само въ своихъ интересахъ проповѣдывало крестьянскую обособленность. Оно и пожинало теперь то, что посеяло. Но прошлые грѣхи сословія не мѣняли того, что исходная точка реформы лежала въ старыхъ отжившихъ понятіяхъ, а вовсе не въ тѣхъ идеяхъ, къ которымъ освободительное движеніе въ это время стремилось.

Напротивъ этимъ идеямъ «аграрная программа» противорѣчила. Основная идея была въ господствѣ и утвержденіи права, а какое правовое основаніе можно было бы подвести подъ эту реформу? Право есть общая норма, которая для всѣхъ одинакова; въ этой общности ея оправданіе и испытаніе ея жизненности. На какой общей нормѣ можно было построить отбирание земли у однихъ, чтобы ее дать другимъ? Когда большевики стали захватывать фабрики, дома и квартиры, выселять жильцовъ изъ ихъ помѣщеній и уплотнять ихъ рабочими, всѣ поняли, что это несправедливость. Но когда рѣчь шла тогда объ аграрной реформѣ, которая строилась на томъ

же самомъ началѣ, на неуваженіи къ индивидуальному праву, этого не хотѣли замѣчать и признавать. Претензіи «помѣщиковъ» отстоять хозяйства, сохранить свой уголокъ — клеймили какъ «помѣщичьи аппетиты». Правда, тогда утверждали, будто отчужденіе не коснется самихъ усадебъ, остановится тамъ, гдѣ ему укажетъ правительство. Но разъ было бы признано справедливымъ во имя «народной воли», допустить пренебреженіе къ праву собственника, чѣмъ и гдѣ можно было бы остановить примѣненіе этой воли? Большевицкая практика шла по дорогѣ, которую задолго до этого проложила освободительская аграрная идеологія.

Другимъ началомъ либерализма была самодѣятельность личности и свободное общество. Освободительное движеніе справедливо возставало противъ гипертрофіи государственной власти въ Россіи, требовало раскрытченія жизни. А между тѣмъ въ области аграрной программы вмѣсто того, чтобы идти этимъ путемъ только направляя естественное развитіе хозяйства, вмѣсто того, чтобы использовать для его преуспѣянія энергіи и личные интересы, чтобы предоставить землѣ самой находить хозяевъ, поощрять трудъ и умѣлость, карать лѣнивыхъ и неудачливыхъ, освободительская программа предоставила государственной власти раздѣлять отобранныя ею земли между крестьянами. Она предлагала такую неслыханную гипертрофію государственной власти, которая съ идеалами либерализма несомѣстима. Именно съ этой точки зрѣнія неоднократно и краснорѣчиво критиковала нашу аграрную программу Ф. Родичевъ. И опять любопытно, что освободительскій идеалъ былъ развитъ и осуществленъ большевистскою властью, которая стала единственнымъ собственникомъ земли и стала управлять этой національной собственностью по своей системѣ плановаго хозяйства.

Свою программу освободительное движеніе, а позднѣе кадетская партія облекли въ благовидную форму; они сослались на право государства въ экстренныхъ случаяхъ отчуждать частное имущество на общую пользу съ вознагражденіемъ по справедливой оцѣнкѣ. Если, конечно, нельзя отрицать этого права, когда этого требуетъ обща я польза, если въ рядѣ случаевъ этимъ принципомъ можно было разрѣшать даже старые аграрные споры, что признавалъ и Столыпинъ въ своей рѣчи во второй Государ-

ственной Думѣ, то оправдывать этимъ массовое отобрание земель у одного сословія, чтобы отдать ихъ другому для удовлетворенія его воли, при этомъ къ ущербу интересовъ страны, значило превращать право въ злоупотребленіе имъ. Это была игра словами. Честнѣе было не ссылаться на этотъ правовой институтъ, а просто исходить изъ принципа о неограниченныхъ правахъ государственной власти, которая будто бы все можетъ и все смѣть, т. е. принципиально становится на позицію нашего Самодержавія. Потому то аграрную нашу программу я называю отсталой программой. Она могла сложиться лишь въ привычной атмосферѣ государственнаго деспотизма, а не въ понятіяхъ правового режима. Ее и фактически стали осуществлять большевики, показавъ этимъ на практикѣ, къ чему привели наши теоріи.

Союзъ Освобожденія говорилъ о вознагражденіи по «справедливой оцѣнкѣ». Легальное отчужденіе немислимо безъ вознагражденія; только оно и даетъ отчужденію правовую основу. Мы знаемъ, какъ по общему праву это вознагражденіе въ случаѣ «отчужденія» тщательно исчислялось. Но это была лицемѣрная ссылка. Недаромъ, когда рѣчь заходила о вознагражденіи за отобранную землю, это исчисленіе сразу мѣнялось. Помню какъ М. Я. Герценштейнъ всегда заявлялъ, что справедливая оцѣнка будетъ ниже рыночной стоимости. Эту мысль воспроизвелъ позднѣе кадетскій аграрный проектъ. Если государственная власть всемогуща, она можетъ конечно предписать и подобный порядокъ, точно такъ же, какъ можетъ отобрать землю и безъ вознагражденія. Единственно чего государство сдѣлать не можетъ — это превратить въ справедливость то, что по существу несправедливо. Тотъ кто съ помощью государства приобрѣталъ землю по рыночной цѣнѣ и у кого потомъ ее отберутъ по такъ называемой «справедливой» не можетъ считать этого справедливымъ. Когда сейчасъ большевики отнимаютъ хлѣбъ у крестьянъ и платятъ имъ по такой справедливой оцѣнкѣ, которая ниже рыночной, то это всѣхъ возмущаетъ; но они опять-таки осуществляютъ *en grand* только то, что мы сами въ свое время затѣяли.

Грѣхъ аграрной программы былъ не въ этихъ недостаткахъ, которые на практикѣ могли быть исправлены, точно такъ же какъ могли быть исправлены и другія крайности кадетской демократической конституціи и иныя на-

ши теоретическія предположенія. Грѣхъ программы былъ въ томъ, въ чемъ тактически было ея достоинство; въ томъ, что вмѣсто того, чтобы Ахеронтъ успокоивать, она его поощряла, клала свой авторитетъ на его чашку вѣсовъ, придавала ему видимость легальной реформы. А крестьянскій Ахеронтъ былъ настоящимъ, стихійнымъ, не-удержимымъ и остановить его было трудно; всѣ аргументы, которыми можно было бы съ нимъ спорить, были «освободительнымъ движеніемъ» добровольно покинуты. Главное пожеланіе Ахеронта, т. е. отобраніе земель у помѣщиковъ и ихъ отдача крестьянамъ было освободительнымъ движеніемъ принято и провозглашено какъ великая и плодотворная мысль. Споръ шелъ о деталяхъ, о вознагражденіи. А аппетиты крестьянъ все росли по мѣрѣ того, какъ увеличивались шансы, что ихъ мечты будутъ исполнены. Несбыточное становилось возможнымъ, а это окрыляло воображеніе. Стоитъ пересмотрѣть въ № 22 Освобожденія протоколы Крестьянскаго Съѣзда, чтобы понять, какъ преломились въ крестьянскихъ головахъ кадетскія ученія о принудительномъ отчужденіи по «справедливой оцѣнкѣ» и о верховенствѣ «воли народа». «Земля Божій даръ, говорилъ представитель Харьковской губерніи, захваченный помѣщиками, которые вслѣдствіе этого и пользовались нашимъ трудомъ». «Частную собственность необходимо отмѣнить, добавлялъ представитель Черниговской губерніи; если вмѣсто чиновниковъ будутъ править помѣщики, то станетъ еще хуже. Еще больше будетъ грабежъ, если богатымъ будетъ принадлежать власть. Примѣръ — несчастная Англія». А вотъ по вопросу о выкупѣ; представитель Владимірской губерніи заявляетъ: «землю надо взять и отдать крестьянамъ; за что выкупъ? Мой прадѣдъ былъ крѣпостнымъ знаменитаго Пестеля, а онъ отпустилъ на волю своихъ крѣпостныхъ безъ всякаго выкупа». Представитель Курской губерніи заявляетъ: «никакого выкупа за землю не нужно. Будетъ съ того, что Александръ II взялъ большія деньги изъ банка и далъ помѣщикамъ; скорѣе съ помѣщиковъ нужно взять выкупъ за то время, когда они владѣли землей».

Эти «государственные» взгляды, которые высказывались публично въ 905 г. и безъ всякихъ комментариевъ печатались въ Освобожденіи, только крѣпили и усиливались по мѣрѣ того, какъ Ахеронтъ собиралъ свои

силы. Они были страшны тѣмъ, что были совершенно естественны; они соответствовали культурному уровню крестьянской массы, ея правовому сознанию и несправедливости того положенія, въ которомъ эту массу держали. Это настроеніе крестьянства было опасно не для Самодержавія, а для всего государства; для борьбы съ нимъ нужны были энергичныя, отнюдь не репрессивныя, но и не революціонныя мѣры. Историческій долгъ либерализма былъ ихъ предложить. Къ несчастью для освободительнаго движенія главнымъ фронтомъ была тогда война съ Самодержавіемъ. Ведя борьбу съ нимъ, бороться одновременно и съ крестьянскимъ Ахеронтомъ было ему не по силамъ; освободительное движеніе постаралось въ своихъ интересахъ использовать эту стихію. Если не смотрѣть далеко впередъ, не подготавливать условій будущей жизни, а думать лишь о минутной побѣдѣ надъ Самодержавіемъ, такая тактика могла быть признана правильной. Опасность ея обнаружилась только послѣ побѣды. Самодержавіе пало, но стихія тогда разыгралась еще сильнѣе. Справиться съ ней освободительное движеніе не сумѣло, да и не могло, если оно хотѣло оставаться на прежнихъ позиціяхъ и отъ своей программы не отрекаться. Неудача, которая постигла освободительное движеніе послѣ 1905 г., т. е. во время мирныхъ переговоровъ съ побѣжденнымъ врагомъ, объясняется всего больше влияніемъ и властью этой стихіи. Это было самой опасной тактической жертвой, которую либерализмъ приносилъ въ интересахъ побѣды надъ строемъ. Онъ этимъ уступилъ Столыпину не только власть, но и самую заслугу передъ Россіей, а себя обрекалъ на «плачъ на рѣкахъ Вавилонскихъ». Но это было еще не все.

В. Маклаковъ.

О второмъ измѣреніи мышленія

(*Exercitia spiritualia*).

Древніе и блаженныя мужи, которые были лучше насъ и стояли ближе къ Богу.

Платонъ (Филебъ)

I.

Ignava ratio. Но развѣ можетъ разумъ не быть лѣнливимъ? Въ этомъ его сущность, какъ и въ его трусости. Возьмите любой учебникъ философіи и вы сразу убѣдитесь, что разумъ похваляется своей покорностью, прибитостью, трусостью. Разумъ долженъ «рабски» вопрошать «данное» ему, и всякую попытку свободнаго творчества онъ самъ вмѣняетъ себѣ въ величайшее преступленіе. А мы должны, въ свой чередъ, тоже рабски подчиняться тому, что разумъ намъ предлишетъ. И это называть свободой. Вѣдь только тотъ и свободенъ, кто *sola ratione ducitur*. Такъ училъ Спиноза, такъ учили древніе, такъ думаютъ всѣ, которые хотятъ учить или учиться. А такъ какъ почти нѣтъ такихъ, которые не учили и не учились бы, то *ignava ratio* оказывается фактически единственнымъ хозяиномъ и властелиномъ міра.

II.

Двѣ мѣры. На меня сердятся за то будто, что я все объ одномъ и томъ же говорю. И на Сократа за это же сердились. Словно другіе не объ одномъ и томъ же говорятъ. Очевидно, сердятся за что-то иное. Если бы я говорилъ одно и тоже, но привычное, принятое, а потому понятное и пріятное для всѣхъ, на меня бы не сердились. И не казалось бы, что «одно и тоже», т. е. всегда одина-

ково не похожее на то, что хотѣлось бы услышать. Вѣдь вотъ всѣ кругомъ постоянно твердятъ и сколько ужъ столѣтій послѣ Аристотеля, что законъ противорѣчія — непоколебимѣйшій принципъ, что наука есть свободное изслѣдованіе, что однажды бывшее и самъ Богъ не можетъ сдѣлать несбытымъ, что назначеніе человѣка преодолѣть свою самость, что всеединство — высшая идея и т. д. И ничего: никто не сердится, всѣ довольны, всѣмъ представляется, что очень ново. А какъ скажешь, что законъ противорѣчія не есть вовсе и законъ, что самоочевидности обманываютъ, что наука боится свободы, — не только два или три раза не дадутъ повторить — съ перваго же раза злятся. И злятся, нужно думать, потому же, почему злятся спящій, когда его расталкиваютъ. Ему спать хочется, а кто то пристааетъ: проснись. И чего сердятся? Все равно, вѣчно спать нельзя. Не я растолкаю (на это, правду сказать, я не рассчитываю), все равно придетъ часъ и кто-то другой уже не словомъ, а иначе, совсѣмъ иначе, станетъ будить и кому проснуться полагается, тотъ проснется. Чего же, спросятъ, я стараюсь, чего хлопочу? Вотъ то-то и есть, что стараюсь и хлопочу, хоть и знаю, что ничего не добьюсь и, что безъ меня сдѣлаютъ то, чего я сдѣлать не могу. Полная возможность уличить меня въ противорѣчія. И давно бы уличили и обличили, если бы не чувствовали, что такое обличеніе меня не огорчить, а скорѣй порадуется. Вѣдь обличаютъ человѣка лишь затѣмъ, чтобы ему неприятность сдѣлать.

Ш.

Судьба Сократа. Сократа отравили вовсе не за то, что онъ выдумывалъ новыя истины и новыхъ боговъ, а за то, что онъ со своими истинами и богами ко всѣмъ приставалъ. Если бы онъ смирно сидѣлъ дома и писалъ книги, либо преподавалъ въ академіи — его бы не тронули. Оставили же въ покоѣ Платона! Правда, онъ тоже чуть не попался, когда вздумалъ сунуться со своими идеями къ тирану, — но онъ отдѣлался, сравнительно, дешево. А къ Плотину никто и не прикоснулся: даже цари его уважали, потому, конечно, что онъ о распространеніи своей философіи совсѣмъ не заботился и скрывалъ ее отъ непосвященныхъ. Такъ что гегелевское построеніе или

прозрѣніе «судьбы» Сократа совершенно произвольно. Сократъ погибъ не оттого, что столкнулись два порядка идей, а потому, что не умѣлъ или не хотѣлъ держать языкъ за зубами. Истинъ — новыхъ и старыхъ — люди не такъ боятся, какъ проповѣдниковъ истинъ. Ибо истина никого не трогаетъ и не тревожитъ, а проповѣдники народъ неприятный: сами покоя не знаютъ и другимъ покоя не даютъ. Короче — Сократа, какъ онъ и самъ признается въ этомъ (въ Платоновской апології онъ называетъ себя оводомъ) — убили только за то, что онъ отравлялъ жизнь афинянамъ. Если бы онъ будилъ только себя и своихъ друзей, ему бы это простили. И даже повторяли бы за нимъ слова объ *alietine egregorsis* (истинномъ пробужденіи). Въ сущности этимъ и кончилось: какъ только Сократъ умеръ, всѣ стали его прославлять. Знали, что онъ уже не будетъ приставать, — а молчащія истины никого не пугаютъ.

IV.

Интеллектуальная добросовѣстность. Интеллектуальная добросовѣстность привела Спинозу, а вслѣдъ за Спинозой Лейбница, Канта и всѣхъ остальныхъ философовъ новаго времени къ убѣжденію, что въ Библии нѣтъ истины, а есть мораль, что откровеніе — это фантастическая выдумка, а постулаты практическаго разума — цѣнныя и очень полезныя вещи. Стало быть? Стало быть, скажете вы, нужно забыть Библію и воспитывать на Спинозѣ и Кантѣ... Но, что, если бы попытаться заключать по иному и сказать: стало быть, нужно послать къ чорту интеллектуальную добросовѣстность, чтобъ отвязаться отъ кантовскихъ постулатовъ и научиться разговаривать съ Богомъ, какъ разговаривали наши праотцы. Вѣдь интеллектуальная добросовѣстность есть покорность — не за страхъ, а за совѣсть — разуму. Она добродѣтель, если разумъ законный владыка. Но, если онъ преступный захватчикъ? Тогда вѣдь это уже не послушаніе будетъ, а недостойное раболѣпіе. Объ этомъ никто не только говорить, — думать не хочетъ. И какъ еще раздражаются, когда кто-либо объ этомъ рѣчь заводитъ! Самое большее, на что мы идемъ — это на то, чтобы перетолковать Библію и соглашать ее со Спинозой и Кантомъ. Гегель гово-

риль и объ откровеніи, и объ вочеловѣчившемся Богѣ, и объ абсолютной религіи — а его интеллектуальная добросовѣстность внѣ всякихъ сомнѣній. Гегель могъ предать Шеллинга, но разуму онъ служилъ всѣмъ сердцемъ и всей душой.

V.

Умно е зрѣніе. Умозрѣніе, по самому существу своему, есть стремленіе отыскать позади, впереди или надъ живыми существами извѣчно существующія и господствующія надъ мірозданіемъ непоколебимыя начала. Самая «свободная» человѣческая мысль успокаивается въ своихъ исканіяхъ, когда ей кажется или когда, какъ обыкновенно предпочитаютъ говорить, она убѣждается, что вышла за предѣлы индивидуальныхъ измѣнчивыхъ произволовъ и пробралась въ царство неизмѣнной законѣрности. Поэтому, во всѣхъ умозрительныхъ системахъ начинаютъ со свободы, но кончаютъ необходимостью, при чемъ, такъ какъ, вообще говоря, необходимость не пользуется хорошей репутаціей то обычно стараются доказать, что та послѣдняя, высшая необходимость, до которой добиваются посредствомъ умозрѣнія, уже ничѣмъ отъ свободы не отличается, иначе говоря, что разумная свобода и необходимость — одно и то-же. На самомъ дѣлѣ, это совсѣмъ не одно и то-же. Необходимость остается необходимостью, будетъ ли она разумной или неразумной. Обычно вѣдь разумной необходимостью называютъ всякую непреодолимую необходимость. Но послѣднее обстоятельство искусно замалчивается — и не напрасно. Въ глубинѣ человѣческой души живетъ неистребимая потребность и вѣчная мечта — пожить по своей волѣ. А какая это своя воля, разь разумно, да еще и необходимо? Такая-ли своя воля бываетъ? Человѣку-же больше всего на свѣтѣ нужно по своей, хоть по глупой, но по своей волѣ жить. И самыя краснорѣчивыя, самыя убѣдительныя доказательства остаются тщетными. Т. е. можно «привести человека къ молчанію» — даже и доказательствами, хотя, конечно, есть много гораздо болѣе вѣрныхъ способовъ убѣжденія и, какъ учить исторія, «умныя» доказательства не брезговали никогда никакими союзниками — по молчанію вовсе не есть знакъ согласія. Мы часто молчимъ, потому

что сознаемъ бесполезность словъ, да и не всѣ, вѣдь, охотники спорить. Философы, которые поумнѣй, это знаютъ. Оттого они такъ ненавидятъ (они говорятъ, что презираютъ — такъ выходитъ возвышеннѣе) толпу, несмотря на то, что толпа рѣдко имъ возражаетъ. Люди послушаютъ, даже одобряютъ — а потомъ, будто ничего и не слышали. Иной разъ еще хуже бываетъ: повторяютъ, часто повторяютъ, что слышали, но живутъ, дѣйствуютъ по своему: *video meliorem, proborem, deteriora sequor*. Какъ же такъ. и видеть и соглашаться, что свобода и необходимость одно и то же, и что умозрѣнія, поставляющія идеальное и правила надъ дѣйствительностью, возвѣщаютъ истину, а до дѣла дойдетъ, словно никогда на свѣтѣ ни умозрителей, ни идеальныхъ существъ не было. Кто правъ, умозрители, которые ищутъ идеальныхъ началъ, или простые люди, которымъ непосредственное чутье подсказываетъ, что идеальныя начала отъ лукаваго — какъ и всѣ механистическія объясненія мірозданія и жизни?

VI.

Вопрошанія. Намъ кажется, что спрашивать всегда умѣстно, что путь къ истинѣ идетъ черезъ вопросы. Мы спрашиваемъ, какова скорость звука, куда впадаетъ Волга, сколько лѣтъ живетъ воронъ и т. д. безъ конца и, какъ извѣстно, получаемъ на такіе вопросы очень опредѣленные отвѣты и считаемъ эти отвѣты истинами. И сейчасъ же дѣлаемъ заключеніе: на тысячи, миллионы нашихъ вопросовъ мы получили отвѣты, содержащіе въ себѣ истины — значитъ, чтобъ получить истину, нужно спрашивать. Поэтому мы спрашиваемъ — есть-ли Богъ, безсмертна-ли душа, свободна-ли воля (три вопроса, къ которымъ, по Канту, сводится вся метафизика), заранѣе убѣжденные, что и на этотъ разъ, какъ и прежде, если не станемъ спрашивать, у насъ не будетъ истины. Это нашъ разумъ «предвосхитилъ» то, чего онъ еще не видѣлъ, и мы и рады: расширилось наше «знаніе». Очень часто, какъ показываетъ повседневный опытъ, хищенія проходятъ безнаказанно, но не всегда. На этотъ разъ кто-то жестоко наказываетъ — не разумъ, конечно (разумъ достаточно хитеръ или идеаленъ и умѣетъ отклонить отъ себя отвѣтственность), а доврѣчивыхъ и простоватыхъ носителей

разума, людей. Они не получаютъ никакого отвѣта, несмотря на самыя настойчивыя вопрошанія — или получаютъ совсѣмъ не тѣ отвѣты, на которые они рассчитывали. И подѣломъ — зачѣмъ спрашивали! Развѣ можно кому-нибудь или чему-нибудь передать свое право на Бога, на душу, на свободу. А вѣдь, спрашивая, это право мы передаемъ кому-то! И кому? Кто тотъ, кто выманилъ или похитилъ у насъ нашу душу и нашего Бога? И почему онъ (или оно), которому нѣтъ никакого дѣла до насъ, которому ни до чего дѣла нѣтъ, которому все-равно, присвоилъ себѣ право выносить рѣшенія о томъ, что для насъ всего на свѣтѣ важнѣй?

VII.

Unde malum? Спрашиваютъ: откуда зло? Многочисленные, хотя довольно однообразныя теодицеи даютъ отвѣты на этотъ вопросъ, но отвѣты, которые удовлетворяютъ только авторовъ теодицей (и то — удовлетворяютъ-ли?) и любителей занимательнаго чтенія. Остальныхъ теодицей раздражаютъ, и раздраженіе прямо пропорціально той настоятельности, съ какой вопросъ о злѣ у человѣка возникаетъ. И, когда настоятельность вопроса достигаетъ крайней степени, какъ, напримѣръ, у Іова, мысль о теодицеѣ начинаетъ казаться кощунственной. Всякое «объясненіе» его несчастья для Іова лишь умноженіе скорби. Не нужно никакого объясненія, никакихъ отвѣтовъ. Не нужно и утѣшеній. Іовъ проклинаетъ пришедшихъ къ нему друзей и именно за то, что они друзья и, какъ друзья, хотятъ «облегчить» его, — насколько одинъ человѣкъ можетъ облегчить другого. Для Іова хуже всего это «насколько». Если уже нельзя помочь — то и утѣщать не нужно. Иначе говоря: можно спросить (иной разъ, какъ у Іова необходимо спросить): откуда зло? Но отвѣчать на этотъ вопросъ нельзя. И лишь тогда, когда философы поймутъ, что ни на тотъ вопросъ, ни на многіе другіе вопросы нельзя отвѣчать, они узнаютъ, что не всегда вопросы ставятся затѣмъ, чтобы на нихъ давались отвѣты, что есть вопросы, весь смыслъ которыхъ въ томъ, что они не допускаютъ отвѣтовъ, ибо отвѣты ихъ убиваютъ. Невразумительно? А вы — потерпите: и не къ тому человѣку привыкаете.

VIII.

О принуждающей истинѣ. Одинъ спрашиваетъ: какъ возможно знаніе, какъ можетъ быть, чтобъ что-нибудь, что совсѣмъ не то, что мы, вошло въ насъ? Спрашивается и не успокаивается до тѣхъ поръ, пока не докажетъ себѣ или не вообразить, что доказалъ, что познающей и познаваемое, въ концѣ концовъ, вовсе не разное, а одно и то-же и, что, стало быть, невозможнаго не бываетъ. Почему его такъ тревожила мысль, что бываетъ невозможное и почему, наоборотъ, увѣренность въ томъ, что невозможное не бываетъ, ему представляется такой успокаивающей? И, наконецъ, послѣднее: почему онъ такъ дорожитъ своимъ спокойствіемъ, какъ если бы спокойствіе было высшимъ достиженіемъ человѣка? Не берусь за него отвѣчать и склоненъ думать, что онъ и самъ за себя не отвѣтитъ.

У другого — другая тревога. Онъ былъ бы даже радъ узнать, что не только возможное бываетъ, но бываетъ и невозможное. Но дѣйствительность насильственно убѣждаетъ въ противномъ. Не только невозможнаго не бываетъ, но и многое возможное не бываетъ. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, скажемъ, чтобъ люди любили другъ друга. А въ жизни — человѣкъ человѣку волкъ. Тоже нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, чтобъ человѣкъ, какъ нѣкоторые другія животныя, жилъ нѣсколько сотъ лѣтъ. Или даже, чтобъ онъ умиралъ не тогда, когда придетъ неизвѣстно кѣмъ или чѣмъ назначенный срокъ, а когда ему самому вздумается. И еще многое въ такомъ родѣ оканчивается въ дѣйствительности неосуществленнымъ и неосуществимымъ. Неосуществлена и вѣчная тоска людей по абсолютному знанію: все, что мы знаемъ, относительно, и знаемъ мы мало. Послѣдняя истина покрыта непроницаемой тьмой, хотя вполне возможно и даже естественно было бы, чтобъ истина не была скрыта отъ людей, которые ее такъ ищутъ и такъ по ней тоскуютъ.

И вотъ, говорю, бываетъ совсѣмъ другая тревога у гносеолога: отчего то, что есть, не соответствуетъ тому, что мы хотѣли бы, чтобы было? Скажутъ, что это не гносеологическій вопросъ. Въ томъ то и дѣло, что самый что ни есть гносеологическій, въ гораздо большей степени гносеологическій, чѣмъ тотъ, о которомъ у насъ шла

рѣчь въ началѣ. Какъ возможно, что что-то влѣ насъ и на насъ непохожее становится предметомъ нашего знанія, кажется основоположнымъ вопросомъ только потому, что мы суевѣрно убѣждены, что бываетъ только возможное. Но, вѣдь, это чистѣйшій предрассудокъ, не согласующійся даже съ повседневнымъ опытомъ. Повседневный опытъ показываетъ, что если кислородъ соединить въ известныхъ пропорціяхъ съ водородомъ, то получается вода, а если съ азотомъ — воздухъ. Но, вѣдь, это явно невозможная вещь. Съ чего это вдругъ изъ кислорода и водорода быть водѣ? Почему кислородъ не остается себѣ кислородомъ, а водородъ водородомъ? Или почему они не превращаются въ воздухъ? Все тутъ совершенно произвольно, ни на чемъ не основано и, стало быть, по существу совершенно невозможно. Химія есть наука о разлитомъ въ природѣ безконечномъ произволѣ, о томъ, что что угодно происходитъ изъ чего угодно. И только одно ограниченіе: угодно не намъ, которые химію изучаютъ, а кому-то или чему-то, кого мы и по имени назвать не умѣемъ. Ему угодно — а мы принуждены уже, хотимъ или не хотимъ, изучать химію, т. е. узнавать волю его. Но, вѣдь, законенъ вопросъ: почему такъ выходитъ, что онъ (вѣрнѣе оно, если это, какъ всѣ убѣждены, не живое существо) повелѣваетъ, а мы принуждены повиноваться? Иначе: откуда принудительная сила познанія? Отчего изъ кислорода и водорода выходитъ вода, а не хлѣбъ, золото или музыкальная симфонія? Или отчего вода получается отъ соединенія кислорода и водорода, а не звука и свѣта? Откуда эта неумолимая принудительность научной истины или даже просто опытной истины? И почему тѣ люди, которые такъ серьезно обезпокоены, какъ бы въ дѣйствительности не оказалось бы чего-либо невозможнаго, совершенно равнодушны къ тому, что въ дѣйствительности такъ много для насъ совершенно неприемлемаго? Вѣдь куда легче согласиться, что Пигмалионъ оживилъ свою статую, что Иисусъ Навинъ остановилъ солнце и т. д., чѣмъ что аѳиняне отравили Сократа. А межъ тѣмъ, мы принуждены утверждать обратное: Иисусъ Навинъ солнца не остановилъ, Пигмалионъ статуи не оживилъ, а Сократа аѳиняне отравили. Но это еще было бы, такъ сказать, полъ бѣды: противъ рожна не попрешь. Н, почему философы воспѣваютъ и благословляютъ принудительность знанія и требуютъ того же отъ всѣхъ людей

(вѣдь теорія познанія есть не что иное, какъ знаніе, возведенное въ идеаль, знаніе, сравненное съ истиной), почему они, такъ волнующіеся при мысли, что что-либо невозможное найдетъ себѣ осуществленіе въ дѣйствительности, совершенно спокойно принимаютъ принудительность нашего знанія, какъ разумное и должное, — этого постичь нельзя. Вѣдь, если уже о чемъ спрашивать, то именно о томъ, откуда пошла эта принудительность. И, кто знаетъ? Можетъ быть, если бы философы больше дорожили невозможнымъ и принудительность познанія должнымъ образомъ тревожила и оскорбляла ихъ, многія сужденія, сейчасъ представляющіяся всеобщими и необходимыми, и потому для всѣхъ обязательными, оказались бы предѣломъ нелѣпости и бессмыслицы. И всего нелѣпѣе, всего бессмысленнѣе оказалась бы самая идея о принуждающей истинѣ.

IX.

Источникъ метафизическихъ истинъ. *Ipse conditor et creator mundi semel jussit — semper paref*: самъ держитель и творецъ міра однажды приказалъ и всегда повинуется, говоритъ Сенека, какъ всегда повторяя то, что онъ слышалъ отъ другихъ. Но, если бы это было и такъ, если бы точно Богъ одинъ разъ только приказалъ и съ тѣхъ поръ уже лишь повинуется, то все же, насколько важнѣе и для насъ, и для Него то, что онъ однажды приказалъ, чѣмъ то, что онъ всегда повинуется. Сила, смыслъ и значеніе Бога не въ томъ, конечно, что онъ повинуется. Повиноваться можетъ слабое и ничтожное существо, даже бездушные предметы неорганическаго міра. И все же наше знаніе направлено исключительно на изученіе закопомѣрности явленій, словно свободное творческое начало есть что-то предосудительное и постыдное, такъ что и мы и самъ Богъ должны забыть о немъ или хотъ никогда не говорить! Для насъ всѣ истины вытекаютъ изъ *jubere*, даже истины метафизическія. А межъ тѣмъ единственный источникъ метафизическихъ истинъ — это *jubere*, и пока люди не причастятся къ *jubere*, метафизика будетъ имъ казаться невозможной: вѣдь и Кантъ ушелъ отъ метафизики только потому, что онъ смотрѣлъ въ ней столь страшное для него *jubere*, кото-

рое онъ (совершенно, конечно, правильно) перевелъ ненавистнымъ и страшнымъ для всѣхъ словомъ «произволь».

Х.

Абсолютное. Смертный грѣхъ философовъ не въ томъ, что они гонятся за абсолютнымъ, а въ томъ, что, когда они убѣждаются, что абсолютнаго не нашли, они соглашаются признать за абсолютное что бы то ни было изъ сотвореннаго людьми, — науку, государство, мораль, религію и т. п. Конечно, и государство, и наука, и мораль, и религія имѣютъ цѣнность и очень большую цѣнность. Но только пока они не претендуютъ на престоло абсолютнаго. Даже религія, какъ бы возвышенна и глубока она ни была, въ лучшемъ случаѣ есть только сосудъ, хранилище, ризы для абсолютнаго. И нужно умѣть, если не хочешь впасть въ идолопоклонство, отличать святыню отъ ризъ, въ которыя она облачена. Но люди не то что не умѣютъ, не хотятъ этого. Идолы почему-то ближе и понятнѣй имъ, чѣмъ Богъ. Объ этомъ много рассказывается въ св. Писаніи. Даже еврейскій народъ, который имѣлъ призваніе открыть Бога половинѣ человѣческаго рода, соблазнялся идолами и только благодаря неслышаннымъ по напряженію призывамъ пророковъ поднялся на ту высоту, съ которой открывается Вѣчная Истина.

ХІ.

Природа и люди. Люди, говоритъ Спиноза, вообразили себѣ, что они не являются составными элементами или звеньями того единаго, которое именуется природой и хотятъ образовать въ природѣ какъ бы государство въ государствѣ. Не наоборотъ-ли? Не правильнѣе было бы сказать, что люди чувствуютъ себя безправными и бессильными колесиками одной большой машины и забыли о томъ, что міръ созданъ для нихъ?

ХІІ.

О радикальномъ сомнѣніи. И все-таки *deus malignus* обошелъ Декарта! *Cogito ergo sum* нужно было

Декарту для того, чтобъ создать свою теорію о ясности и отчетливости (*clare et distincte*), какъ о признакахъ истины, т. е. теорію доказательствъ. Но вѣдь *cogito ergo sum* ему, въ сущности, ничего не принесло. Онъ только сдѣлалъ видъ, притворился, что сперва усомнился въ собственномъ бытіи, а потомъ вновь убѣдился въ своемъ бытіи, когда пашель тому достаточныя доказательства. И Юмъ совершенно правъ: если бы Декарту удалось осуществить свое «радикальное сомнѣніе», то ему бы потомъ никогда не пришлось бы изъ сомнѣній выпутаться. Если бы онъ усомнился въ бытіи Божіемъ — дѣло было бы навсегда кончено и никакія «доказательства» уже не могли-бы. Декартъ, съ той осторожностью, которая напоминаетъ скорѣй сомнамбулу, чѣмъ философски настроеннаго изслѣдователя, направилъ свои сомнѣнія какъ разъ на ту истину, надъ которой сомнѣніе безсильно. И потомъ торжествуетъ: доказательствами можно преодолѣть самое радикальное сомнѣніе, значитъ въ нашемъ распоряженіи есть средства для добыванія истины. А ему слѣдовало бы иначе разсудить: доказательствъ моего бытія у меня нѣтъ никакихъ, но мнѣ доказательства и не нужно — стало быть истины и очень важныя истины обходятся и безъ доказательствъ. Тогда, можетъ быть, ему не удалось бы стать «отцомъ новой философіи», но зато удалось бы что-то много болѣе значительное, чѣмъ право на мѣсто въ пантеонѣ великихъ людей

ХІІІ.

О чудесныхъ превращеніяхъ. Въ чужомъ глазу сучокъ видимъ, а у себя бревна не различаемъ. Это вѣрно: каждый изъ насъ много разъ могъ убѣдиться, насколько это вѣрно. Но вотъ другой вопросъ: отчего такое мы у другихъ видимъ сучокъ въ глазу, а въ своемъ и бревна не замѣчаемъ? Проще всего объяснить нашимъ несовершенствомъ, нашей ограниченностью. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ мы и несовершенны и ограничены. А все-таки, можетъ быть другое, «лучшее» объясненіе. Можетъ быть сучокъ въ чужомъ глазу есть сучокъ и сучкомъ останется, а въ своемъ глазу намъ дано даже безобразное бревно чудеснымъ образомъ превращать въ полезное, нужное, даже прекрасное. И, наоборотъ, столь же загадочнымъ,

значить, чудеснымъ образомъ сучокъ въ собственномъ глазу вдругъ разрастается въ огромное бревно, какъ объ этомъ тоже въ Св. Писаніи рассказывается (пророкъ Илія). Но о чудесныхъ превращеніяхъ говорятъ неохотно, аь нихъ не вѣрятъ и потому, гдѣ даже они бывають, ихъ не видятъ. А видѣть бы слѣдовало и писаніе слѣдовало бы читать внимательнѣе.

XIV.

Догматизмъ и скептицизмъ. Догматизмъ гораздо ближе къ скептицизму, чѣмъ это кажется намъ, знающимъ изъ исторіи философіи, какъ еще съ древнѣйшихъ временъ напряженно и неустанно враждовали между собой эти школы. Для догматиковъ, какъ и для скептиковъ существеннѣе всего ихъ ерѳіе — воздержаніе. Только, когда скептику надоѣдаетъ распутовывать Гордіевъ узелъ бытія, онъ заявляетъ: мы ничего не знаемъ и знать не можемъ — не стоить и хлопотать. А догматикъ, когда его, какъ Сивку въ поговоркѣ, укатають крутыя горки, говоритъ: я уже все знаю, что надо, примите мое знаніе и удовольствуйтесь имъ. Такъ что — что у умнаго въ головѣ, то у глупаго на языкѣ, если разрѣшается говорить простыми словами; или, по ученому: *explicite* и *implicite*. А что догматики умнѣй скептиковъ, объ этомъ спорить не приходится. Всякое *explicite* по необходимости глуповато: нельзя же въ самомъ дѣлѣ все рассказывать, да ч надобности нѣтъ. Какъ бы всѣ расхохотались, если бы догматикъ, вмѣсто того, чтобы скрывать и замалчивать о томъ, гдѣ течетъ «источникъ», изъ котораго онъ свои истины черпаетъ, сталъ бы всѣхъ водить къ нему! Онъ знаетъ, что его утвержденія произвольны, можетъ быть допустить правомъ на произволъ больше всего на свѣтѣ (напр., Платонъ или Плотинъ), но онъ тоже знаетъ, что оберечь это право можно только въ томъ случаѣ, если самымъ тщательнымъ образомъ скрывать отъ всѣхъ людей то, что для тебя наиболѣе важно и никому объ этомъ не рассказывать. «Самое важное» лежитъ за предѣлами понятнаго и объяснимаго, т. е. за предѣлами допускаемаго языкомъ или словомъ общенія.

XV.

Мінімум метафизики. Сейчас философы охотно хвалятся тѣмъ, что для своихъ системъ они пользуются *minimum*'омъ метафизическихъ допущеній. Очевидно, кантовскія критики сдѣлали свое дѣло. Метафизика не любятъ, ей не вѣрятъ, стыдятся ея и отъ нея бѣгутъ. Когда же убѣжать не удастся, оправдываются тѣмъ, что общались съ ней не по доброй волѣ, а въ силу необходимости и только въ мѣру крайней необходимости. Но, въ самомъ ли дѣлѣ такъ уже неприлично общаться съ метафизикой, точно она была бы особой легкаго поведения? Древние метафизики не стыдились и не избѣгали. «*Minimum* метафизики» показался бы имъ смѣшнымъ и трусливымъ самоограниченіемъ. Да и врядъ ли сама метафизика очень поощряетъ робкихъ и слишкомъ дорожающихъ своей репутацией людей. Платонъ и Плотинъ искали *maximum*'а метафизики и были ея любимцами. Оттого ихъ, хоть и критикуютъ и опровергаютъ, но продолжаютъ слушать и донинѣ...

XVI.

Максимум метафизики. На первый взглядъ познание есть усвоение чего то новаго, раньше неизвѣстнаго. На самомъ дѣлѣ оно не есть простое усвоение. Прежде, чѣмъ усваивать, человѣкъ «готовитъ» то, что потомъ ему подлежитъ усвоить. Такъ что усвояемое состоитъ всегда изъ двухъ элементовъ: даннаго человѣку и созданнаго человѣкомъ. Поэтому ошибочно видѣть въ предметѣ познанія нѣчто «само по себѣ существующее» (*das Ansichseiende*) и еще болѣе ошибочно думать, что такая точка зрѣнія — онтологична. «Само по себѣ существующее», т. е. существующее совершенно независимо отъ познающаго, вовсе не есть «истинно существующее». И, когда насъ стараются убѣдить, что «естественно» (т. е. до всякихъ теорій) человѣкъ противопоставляетъ свое познание независящему отъ него предмету, и естественное познание есть стремленіе «схватить» этотъ предметъ такимъ, какъ онъ самъ по себѣ есть, то «феноменъ» естественнаго познанія «описывается» неправильно. Такъ же неправильно

думать, что «естественное» познание даетъ себѣ отчетъ въ томъ, что создаваемый имъ образъ «предмета» не есть самъ предметъ, а есть только символъ предмета, существующаго независимо отъ сознанія. Ничего похожего даже не снится «естественному сознанію». Если бы не то, что первобытному, но даже современному, непосвященному въ философскія построения, человѣку сказали, что наше представленіе о предметѣ не есть самъ предметъ, а только рядъ условныхъ знаковъ такъ же мало похожихъ на дѣйствительный предметъ, какъ, скажемъ, слово на мысль, которую оно выражаетъ, это открытіе повергло бы его въ удивленіе, а, можетъ быть, и въ ужасъ. И, конечно, такой человѣкъ гораздо легче помирится съ мыслью, что познаваемыя имъ предметы не независимы отъ его познанія, чѣмъ что они совсѣмъ не такіе, какими они его сознанію рисуются. Физика учитъ, что звукъ не есть звукъ, цвѣтъ не есть цвѣтъ, химія говоритъ, что вода не есть вода и т. д. Философія идетъ еще дальше, стараясь снять съ міра покрывало Майи, и стремится поставить на мѣсто міра какъ «истинно сущее», что то на нашъ міръ совсѣмъ не похожее, да и вообще ни на что не похожее. И вотъ, если спросить «естественно» мыслящаго (т. е. не знающаго и не боящагося теоріи) человѣка: гдѣ «истинное бытіе» — въ томъ ли ободранномъ мірѣ, который ему предлагаетъ философія и который она называетъ независимымъ отъ познающаго субъекта, или въ томъ, гдѣ, хотя бы и при его собственномъ участіи, есть и звуки, и краски, и формы и т. д. — онъ, конечно, не колеблясь бы призналъ, что сущность міра оттого, что въ его созиданіи ему самому дано играть творческую роль, нисколько не страдаетъ, но, что, если бы «предметы» познанія существовали независимо и отъ него и отъ кого бы то ни было, но оказались бы такими, какими ихъ изображаетъ философское «воззрѣніе» — то ни отъ «истины», ни отъ «сущаго» ничего бы не осталось. А, если это такъ, то, стало быть теорія познанія, которая хочетъ быть какъ можно менѣе теоріей и проникнуть въ «бытіе», состоитъ не въ томъ, чтобъ спасать или оправдывать независимость того, что она именуется «das Ansichseiende», т. е. ободраннаго міра, а чтобъ принять и научиться видѣть сущность бытія въ томъ мірѣ, который, хотъ и зависитъ или даже и менно потому, что зависитъ отъ субъекта (т. е. отъ живого существа) имѣетъ все то, за что его стоитъ любить

и цѣнить. Истинно сущее опредѣляется въ терминахъ истинно важнаго и истинно цѣннаго. Греки это знали, мы это забыли, до того забыли, что, если и напомнить, все равно не поймемъ, о чемъ рѣчь идетъ. Мы такъ увѣровали въ свое мышленіе и въ то, что наше мышленіе, знающее только одно измѣреніе, есть единственно возможное, что къ философіи древнихъ, чувствовавшихъ еще второе измѣреніе, мы относимся почти какъ къ суевѣрію. Правда, мы того не говоримъ прямо. Мы изучаемъ древнихъ и на словахъ чтимъ ихъ. Но, кто согласится повторить за Платономъ: «блаженные и древніе мужи, которые были лучше насъ и стояли ближе къ Богу»? Думаю, никто. Мы увѣрены, что древніе, пожалуй, еще были блаженными въ своемъ невѣдѣніи, но именно потому были хуже насъ и стояли дальше отъ Бога. Древніе ставили себѣ «практическія задачи» — мы же безкорыстно ищемъ истины. Мы хотимъ, чтобъ и метафизическое мышленіе было научнымъ, а научность прежде всего предполагаетъ готовность отказаться отъ второго измѣренія мышленія и вырастающую изъ такой готовности способность чисто теоретическаго, т. е. пассивнаго, ко всему равнодушнаго, заранѣе со всѣмъ примирившагося, исканія истины. Для насъ истина не только философская, но и метафизическая есть *adaequatio rei et intellectus*: мы должны послушно и безропотно принимать всѣ велѣнія, какъ бы чудовищны они ни были, отъ *res*. Прикажетъ одна «*res*» — мы примемъ, что отравили бѣшеную собаку, прикажетъ другая *res* — мы также примемъ (и приняли), что отравили Сократа. Самый большой грѣхъ въ нашихъ глазахъ — это требовательность и своеволие: введенное въ мышленіе своеволие (какъ повое измѣреніе) закрываетъ, по нашему, отъ человѣка истинную сущность бытія. У грековъ (не у всѣхъ, конечно, — объ этомъ ниже) было иное: они чувствовали, что покорность, готовность все принять закрываетъ отъ насъ истинную сущность. Чтобъ проникнуть въ настоящую дѣйствительность нужно почувствовать себя хозяиномъ міра, научиться повелѣвать, творить. Тамъ, гдѣ мы усматриваемъ преступное и нечестивое своеволие, отсутствіе всякаго «основанія» и гдѣ, по нашему, кончается возможность мышленія — тамъ они видѣли начало метафизической истины. Они говорили, какъ власть имѣющіе, т. е. какъ существа, которымъ своеволие разрѣшено свыше, назначеніе которыхъ претворять своеволие въ истину

и создавать новую дѣйствительность. Для нихъ метафизика не была продолженіемъ науки. Последнее *arhé*, послѣдній источникъ истины они находили за предѣлами знанія и съ принципами, на которыхъ покоится познаніе, онъ не имѣлъ ничего общаго. Намъ кажется это безуміемъ и нелѣпостью. Мы хотимъ, чтобы метафизика была наукой, считаемъ, что греки заблуждались, что они смѣшивали теоретическія заданія съ практическими. Но вопросъ, кто заблуждался: греки, которые вводили въ метафизическое мышленіе своеволие, или мы, которые хотимъ подчинить метафизику идеѣ необходимости. Кто хуже, кто дальше отъ Бога? Такъ или иначе: изъ греческихъ философовъ мы принимаемъ и понимаемъ только Аристотеля и стоиковъ. Все остальное мы отвергли. Оно и естественно: у Аристотеля и стоиковъ мы находимъ *minimum* метафизики, т. е. непостижимаго для насъ своеволія, и *maximum* необходимости (Аристотель былъ увѣренъ, что *ananke ti antitaneison einai* *), т. е. понятнаго намъ порядка и законопослушанія. Но даже Аристотеля и стоиковъ мы исправляемъ и приадаживаемъ къ своимъ нуждамъ, хотя они сами достаточно исправили своихъ предшественниковъ. Платонъ, какъ и Сократъ, стремились прорваться туда, гдѣ дѣлается бытіе и сами принять участіе въ этомъ дѣланіи: такъ они понимали задачи метафизики, которая была для нихъ *melele tanatu* (упражненіемъ въ смерти) и вела ихъ изъ среднихъ поясовъ человѣческаго существованія къ окраинамъ жизни. Аристотель и стоики «такъ далеко» не хотѣли идти. Они принимали необходимость и приспособлялись къ ней. И мы не хотимъ. Мы слишкомъ лѣнны и трусливы, чтобы хотѣть приблизиться къ Богу. Намъ достаточно устроиться на землѣ. Поэтому намъ такъ страшно своеволіе, и такъ мила необходимость. Поэтому мы ободранный наукой міръ считаемъ истинно сущимъ (*minimum* метафизики) и даримъ его правомъ на независимое бытіе, а реальный міръ считаемъ явленіемъ, видимостью и гонимъ его изъ нашей онтологіи.

---

*) Необходимость не поддается убѣжденію.

XVII.

Смысль исторіи. Ищутъ смысла исторіи и находятъ смыслъ исторіи. Но почему такое исторія должна имѣть смыслъ? Объ этомъ не спрашиваютъ. А вѣдь, если бы кто спросилъ, можетъ онъ сперва бы усомнился въ томъ, что исторія должна имѣть смыслъ, а потомъ убѣдился бы, что вовсе исторіи и не полагается имѣть смыслъ, что исторія сама по себѣ, а смыслъ самъ по себѣ. Отъ копѣчной свѣчи Москва сгорѣла, а Распутинъ и Ленинъ — тоже копѣчныя свѣчи — сожгли всю Россію.

XVIII.

Свобода и мышленіе. Наше мышленіе, училъ Кантъ,—превосходный, единственный вожатый по лабиринту бытія, приводитъ насъ подъ конецъ къ областямъ, гдѣ оно само оказывается безпомощнымъ и ни на что не нужнымъ, къ областямъ, гдѣ царитъ уже не законъ противорѣчія, который никогда не обманываетъ и обезпечиваетъ всегда односмысленные отвѣты, а антиноміи, исключаящія возможности какихъ либо отвѣтовъ. Какъ же быть дальше? Кантъ говоритъ: нужно остановиться, ибо тутъ наши интересы кончаются; гдѣ не можетъ быть отвѣтовъ на вопросы, тамъ человѣку нечего искать, нечего дѣлать. Конечно, можно остановиться, и большинство людей останавливаются. Но нужно-ли остановиться? А что, если вовсе не нужно? Если человѣкъ способенъ «персучиться», способенъ такъ себя передѣлать, перевоспитать, чтобъ освободиться отъ потребности имѣть односмысленные отвѣты на всѣ вопросы? И даже почувствовать, что такіе отвѣты — хотя они прежде его очень утѣшали и радовали — были, на самомъ дѣлѣ, проклятіемъ его существованія, той суетой, которой покорилаь тварь не добровольно и отъ которой вся она стонетъ и мучится донинѣ? (Римл. VII, 20 - 22). Кантъ, когда размышлялъ объ отношеніи метафизики къ наукѣ, забылъ о св. Писаніи. Жаль! Если бы вспомнилъ, можетъ быть иначе отвѣтилъ бы на поставленные имъ себѣ вопросы. Можетъ быть, ему не показалось бы, что разъ метафизика не приводитъ ко всеобщимъ и обязательнымъ сужденіямъ, она теряетъ свой

raison d'être. И, пожалуй бы, онъ дошелъ до того, что raison d'être метафизики въ томъ именно и состоитъ, что она возвращаетъ ему его первоначальную свободу, разрывая навсѣгда пути общеобязательности. Кантъ, какъ и тѣ, кто за нимъ шелъ — Фихте, Шеллингъ, Гегель, много и вдохновенно говорили о свободѣ — но, какъ только дѣйствительная свобода представала предъ ними, они приходили въ ужасъ и окаменѣвали, точно это была не свобода, а обвитая змѣями голова Медузы. Ученому никакъ нельзя обойтись безъ общеобязательныхъ сужденій — какъ же метафизикъ отказаться отъ нихъ? Въдъ ни спорить, ни доказывать, ни убѣждать нельзя, разъ нѣтъ принудительной, принуждающей нормы. Даже общеніе между людьми невозможно, если они не покоряются одному, всѣхъ тоже нудящему, началу. Но, безспорно тутъ только одно: наше мышленіе притязаетъ на права, которыя ему не принадлежать. Изъ того, что въ области эмпирическаго идея принуждающей истины является условіемъ возможности знанія, никакъ нельзя дѣлать заключенія, что и въ области метафизической истина принудительна. Такъ же, какъ изъ того, что возможность общенія между людьми въ огромномъ числѣ наблюденныхъ нами случаевъ предполагалъ признаніе одного или нѣсколькихъ исходныхъ принциповъ, не оправдываетъ вывода: общеніе возможно только тогда, когда люди соглашаются признать надъ собой власть или господство одной истины. Совершенно наоборотъ. Такое требованіе часто совершенно исключаетъ возможность общенія. Восточная церковь оторвалась отъ западной изъ-за filioque, и католики фактически совѣмъ и не общаются съ православными и даже ожесточенно враждуютъ съ ними, хотя православіе и католичество только исповѣданія христіанства. Я уже не говорю о пропасти, отдѣляющей христіанъ отъ магометанъ или буддистовъ. Не то, что невозможно общеніе: мнимая потребность поклоняться одной общей истинѣ приводитъ къ вѣчной враждѣ, и Крестовые походы и сейчасъ не кончились. Люди, живущіе рядомъ, ненавидятъ и презираютъ другъ друга и мечтаютъ не о томъ, чтобъ «общаться» межъ собой, а чтобъ покорить себѣ ближняго, заставить его забыть и отречься отъ себя, отъ всего, что ему нужно и важно. Такъ что мы можемъ, конечно, настаивать, что вѣдь нашей истины нѣтъ спасенія. Только никакъ нельзя рассчитывать, что, вооружившись единой истиной, мы найдемъ путь къ

душамъ всѣхъ людей. Наше мышленіе и тутъ обманываетъ насъ иллюзорными общаніями. Наоборотъ, такимъ способомъ всѣ пути закрываются и единство межъ людьми достигается не путемъ общенія, а путемъ истребленія всѣхъ, кто думаетъ, чувствуетъ и хочетъ иначе, чѣмъ мы.

Скажутъ, что опасно предоставлять людямъ «свободу». Мейстеръ Экхардъ училъ, что догматы не нужны тому, кто соприкоснулся съ Богомъ, но для него его свобода оказалась роковой: онъ, незамѣтно для себя, соскочилъ съ высотъ, на которыя ему какъ будто бы удалось взобраться, въ плоскость обычнаго мышленія и выдавалъ за Бога умозрительную идею. Нѣмецкій же идеализмъ, въ значительной степени Экхардомъ питавшійся, совсѣмъ отъ Бога отрекся. Это все такъ. Но, вѣдь, и Экхардъ не удержался на высотѣ, и нѣмецкіе идеалисты вернулись къ позитивизму именно потому, что единая для всѣхъ истина была послѣдней цѣлью ихъ устремленій, и въ свободу они не вѣрили.

XIX.

Авраамъ и Сократъ. Когда Богъ сказалъ Аврааму: покинь свою отчизну и друзей и домъ отца своего и пойдѣ въ страну, которую я укажу тебѣ — Авраамъ послушался и «пошелъ, не зная, куда идетъ». И въ писаніи сказано: Авраамъ повѣрилъ Господу, и это ему вмѣнилось въ праведность. Но, все это — по писанію. А по здравому смыслу выходитъ иначе: человѣкъ, который идетъ, самъ не зная куда, есть человѣкъ пустой и легкомысленный, и вѣра (ни на чемъ неоснованная — вѣра, вѣдь никогда ни на чемъ не основывается, а сама хочетъ обосновывать) никакъ не можетъ быть вмѣнена въ праведность. Въ наукѣ, которая изъ здраваго смысла выросла, господствуетъ такое же убѣжденіе, ясно и отчетливо сформулированное и возведенное въ санъ метода. Наука, вѣдь, оттого и есть наука, что она вѣры не допускаетъ и всегда требуетъ отъ человѣка, чтобъ онъ давалъ себѣ отчетъ въ томъ, что дѣлаетъ и знаетъ, куда онъ идетъ. Научная философія, т. е. философія, ищущая своихъ истинъ тѣми же методами, которыми наука ищетъ своихъ, тоже хочетъ и должна знать, куда она идетъ и куда она ведетъ свою паству. Изъ этого слѣдуетъ, что вѣра отличается отъ знанія прежде всего методомъ своимъ. Вѣрующій идетъ впередъ, не

оглядываясь, ни о чемъ не загадывая, не спрашивая, куда онъ идетъ. Ученый, прежде, чѣмъ сдвинуться съ мѣста, озирается вокругъ себя, спрашиваетъ, опасается: онъ впередъ хочетъ знать, куда онъ придетъ. Какой изъ методовъ приведетъ къ «истинѣ»? Объ этомъ можно спорить — но, несомнѣнно, что въ обѣтованную землю можетъ придти только тотъ, кто, какъ Авраамъ, рѣшился идти, самъ не зная, куда онъ идетъ. И, если философія хочетъ обрѣсти обѣтованную землю (даже Кантъ считалъ, какъ мы помнимъ, что метафизика должна открыть людямъ Бога, бессмертіе и свободу), то ей придется усвоить методъ Авраама, а не Сократа и «учить» людей идти на авось, ничего не предопредѣляя и не предугадывая, не зная даже, куда они идутъ. Возможно-ли, что такая философія есть философія будущаго? Или это есть философія отдаленнаго, навсегда канувшаго въ вѣчность прошлаго — философія (опять вспомнимъ Платона) тѣхъ древнихъ и блаженныхъ людей, которые были лучше насъ и ближе къ Богу?

XX.

П о д м ѣ н а. Человѣку часто случалось ошибаться, думать, что онъ знаетъ, когда онъ не зналъ. Пришлось, чтобъ оберечь себя отъ ошибокъ, искать «критеріевъ» истины. Одинъ изъ наиболѣе несомнѣнныхъ критеріевъ истины, найденныхъ людьми — это согласованность отдѣльныхъ знаній межъ собой, т. е. отсутствіе противорѣчій между ними. Человѣкъ ищетъ и находитъ связи между явленіями и въ существованіи связи видитъ залогъ истины. По-немногу ему начинаетъ казаться, что его задача не въ отысканіи истины, а въ томъ, чтобъ создать вокругъ себя атмосферу согласованности. И согласованность, хотя бы воображаемую, несуществующую, но непременно согласованность онъ готовъ принять за истину. И нѣтъ никакихъ способовъ разубѣдить его, нѣтъ и возможности заставить его припомнить, что когда то онъ и самъ зналъ, что истина съ согласованностью ничего общаго не имѣетъ. Когда Платонъ объ этомъ вспоминаетъ, его упрекаютъ въ дуализмъ, въ мифологичности — иные говорятъ даже о болтовнѣ (Гегель). Въ лучшемъ случаѣ истолковываютъ его на современнѣйшій ладъ — видятъ въ его анамнезисѣ синтетическія сужденія a priori.

XXI.

Учителя и ученики. Разумъ — *judex et princeps omnium*, какъ выразился Ансельмъ Кентерберійскій — кажется, достаточно почета? Нѣтъ, недостаточно: разумъ хочетъ быть творцомъ и единственнымъ творцомъ всего. Нужно полагать, что всѣ попытки борьбы съ разумомъ были попытками борьбы съ его несоразмѣрными претензіями. Разуму мало быть княземъ и судьей, онъ хочетъ, какъ старая вѣдьма въ сказкѣ, чтобъ сама золотая рыбка у него на посылкахъ была. И это не образъ и не преувеличеніе: такъ оно есть на самомъ дѣлѣ. На многихъ притязанія разума производятъ неотразимое впечатлѣніе: если онъ требуетъ себѣ покорности — значитъ имѣетъ на то права. Но иныхъ требованія разума удручаютъ. Въ житіи Авраама Смоленскаго разсказывается, что ученики «унывали» отъ учителей. И о Сергіи Радонежскомъ передаютъ, что онъ отъ учителя «томимъ былъ». Вѣдь учителя только и живутъ отъ милостей разума. Ученики же, которыхъ принуждаютъ покоряться несуществующему всемогуществу, унываютъ и томятся.

XXII

Истина и тайна. «Посвященный» не есть «знающій», — т. е. человѣкъ однажды навсегда овладѣвшій «тайной». Тайной нельзя овладѣть однажды навсегда, какъ овладѣваютъ истиной. Тайна приходитъ и уходитъ: и, когда она уходитъ, посвященный оказывается самымъ ничтожнымъ изъ ничтожныхъ дѣтей міра. Ибо обыкновенныя дѣти міра о своей ничтожности ничего не знаютъ и даже считаютъ себя очень стоящими существами, а «посвященный» знаетъ, и это знаніе дѣлаетъ его среди ничтожныхъ самымъ ничтожнымъ. Такъ свидѣтельствуетъ Пушкинъ. Такъ свидѣтельствуетъ св. Бернардъ Клервосскій: *pro his vero (annis) quos vivendo perdidit, quia perditē vixit, cor contritum et humiliatum, deus, non despicias*. Но люди не вѣрятъ ни Пушкину, ни святымъ. Имъ нужно преклоняться предъ великими людьми и святыми. А тотъ, кто хочетъ преклоняться, долженъ прежде всего научиться «великому искусству» — не видѣть.

XXIII.

Clare et distincte. Циники были убѣждены, что дѣйствительность ищетъ свѣта и свое убѣжденіе безстрашно демонстрировали самыми отвратительными поступками. Хамъ тоже добивался ясности и отчетливости и обернулся на наготу отца своего. Но, вѣдь, всѣ философы были убѣждены, что свѣтъ всегда умѣстенъ, отчего же они называли циниковъ собаками и отворачивались отъ Хама? Что или кто удерживалъ ихъ отъ того, чтобъ, подобно циникамъ и Хаму, все выносить на свѣтъ? Очевидно, не даромъ даже самъ Сократъ искалъ защиты отъ ясности и отчетливости у демона своего: есть истины, которыя не хотятъ быть истинами для всѣхъ; и ихъ добываютъ изъ особаго источника, который уже ни въ прямомъ, ни въ переносномъ смыслѣ, никакъ свѣтомъ назвать нельзя.

XXIV.

Вѣра и доказательства. Гейне рассказываетъ, что, когда онъ былъ мальчикомъ, онъ всегда дразнилъ своего учителя французскаго языка. Тотъ, бывало, спросить: какъ по нѣмецки сказать *la foi*, Гейне отвѣчалъ *der Kredit*. Сейчасъ многіе — и не мальчики, а взрослые, серьезные люди и не въ насмѣшку, а добросовѣстно — отождествляютъ вѣру съ кредитомъ. Имъ кажется, что вѣра есть то-же знаніе, только что доказательства берутся въ кредитъ, подъ словесное обѣщаніе, что они въ свое время будутъ представлены. И никого не убѣдишь, что сущность вѣры и ея величайшая, чудеснѣйшая прерогатива въ томъ, что она въ доказательствахъ не нуждается, что она живетъ «по ту сторону» доказательствъ. Такая привилегія кажется либо *privilegium odiosum*, либо, что еще хуже, плохо скрытымъ невѣріемъ. Ибо истина, къ которой не могутъ быть, посредствомъ доказательствъ, принудительно приведены всѣ — что это за истина?

XXV.

Истина и признаніе. Когда человѣкъ старается убѣдить другихъ въ своей истинѣ, т. е. сдѣлать то, что

ему открылось, обязательнымъ для всѣхъ — онъ обыкновенно думаетъ, что руководствуется высокими побужденіями: любовью къ ближнимъ, желаніемъ просвѣтить темныхъ и заблудившихся и т. д. И теорія познанія и этика его въ этомъ поддерживаютъ: онъ устанавливаютъ, что истина едина и истина есть истина для всѣхъ. Но и теорія познанія съ этикой и человѣколюбивые мудрецы равно плохо различаютъ, откуда приходитъ потребность приведенія всѣхъ къ единой истинѣ. Не ближнихъ хочетъ ободѣлствовать тотъ, кто хлопочетъ о приведеніи всѣхъ къ единой истинѣ. До ближнихъ ему мало дѣла. Но онъ самъ не смѣетъ и не можетъ принять свою истину до тѣхъ поръ, пока не добьется дѣйствительнаго или воображаемаго признанія «всѣхъ». Ибо для него важно не столько имѣть истину, сколько получить общее признаніе. Оттого этика и теорія познанія такъ озабочены тѣмъ, чтобы, по возможности, ограничить права вопрошающихъ. Еще Аристотель называлъ всякую «преувеличенную» пытливость невоспитанностью. Такое соображеніе или, вѣрнѣе, такой отводъ никому бы не показался убѣдительнымъ, если бы для людей признаніе ихъ истины не было бы важнѣе, чѣмъ сама истина.

XXVI.

Тайна матеріи. Аристотелевское опредѣленіе матеріи, какъ *dynamis en*, какъ существующей только въ возможности, сыграло огромную роль въ исторіи развитія наукъ и, пожалуй, до сихъ поръ продолжаетъ направлять все наше мышленіе. Потенціальное бытіе матеріи «естественно» объясняетъ намъ тѣ безконечныя и загадочныя превращенія, которыя мы наблюдаемъ въ мірѣ. Атомистическая теорія, теорія электроновъ, даже чистая энергетика — все это держится на идеѣ, что матерія существуетъ только потенциально или, другими словами, что матерія есть ничто, изъ котораго могутъ создаваться и создаются самыя необыкновенныя вещи. Конечно, ни Аристотель, ни кто бы то ни было изъ его учениковъ и послѣдователей, такого никогда не говорилъ. Мысль о томъ, что изъ «ничто» можетъ произойти что бы то ни было, хотя бы самое малое и незамѣтное, была глубоко противна, прямо невыносима и для самого Аристотеля и для

всѣхъ, кто шель за нимъ — а кто за нимъ не шель? Въ томъ и состояла заслуга Аристотеля, что ему удалось «приручить» и «облагообразить» эту дикую и фантастическую, но изъ всѣхъ поръ бытія выпирающую мысль. Виѣсто того, чтобы сказать — никакой матеріи нѣтъ, а есть капризно, непослушно, самовольно, вопреки всякой разумной очевидности, возникшія и продолжающія возникать вещи, онъ сказалъ: матерія есть нѣчто существующее только въ потенціи. Слово «въ потенціи» проглотило и, повидимому, благополучно переварило и капризь, и своеволие, и даже оскорбленныя самоочевидности. Благодаря магическому заклинанію загадка и тайна сразу перестала быть загадкой, фантастическое превратилось въ естественное. Разъ матерія существуетъ только потенциально, значитъ изъ нея можно что угодно извлечь, ибо въ этомъ именно и смыслъ идеи потенциальности. Загадка, говорю, исчезла, похоронена и — казалось — похоронена на вѣки. Уже нѣтъ надобности и спрашивать, какимъ чудомъ изъ несуществующей матеріи происходятъ всѣ тѣ необыкновенныя вещи, которыми полонъ міръ. И, какъ изъ одной и той же матеріи возникаютъ столь мало одна на другую похожія вещи, какъ, на примѣръ, дорожная пыль или смрадная лужа, съ одной стороны и красавецъ Александръ Македонскій или мудрецъ Сократъ — съ другой. Вѣдь заклинательное слово найдено: матерія имѣетъ только потенциальное бытіе, стало быть заранѣе припасены и обезпечены всѣ отвѣты на всѣ вопросы...

Недаромъ, какъ видимъ, говорятъ, что современное мышленіе всѣмъ обязано Аристотелю. Онъ и въ самомъ дѣлѣ умѣлъ убивать тайну. Но все же тайна не умерла и никогда не умереть — она только притворилась мертвой. И наряду съ «естественнымъ» мышленіемъ, которое удовлетворяется аристотелевскими упрощенными «объясненіями», жила и всегда будетъ жить въ человѣческой душѣ тревога, которая ищетъ и находитъ свои «истины».

XXVII.

Знаніе и клады. Аристотель учитъ, какъ извѣстно, что «случайное» не можетъ быть предметомъ знанія. Для ясности онъ приводитъ такой примѣръ (Мет. 1025—30 и сл. — Бозцій въ книгѣ своей «объ утѣшеніи фило-

софіи» повторяетъ этотъ примѣръ въ началѣ 5-ой книги): человекъ раскапывалъ землю, чтобъ посадить дерево и нашелъ кладъ. Очевидно, что кладъ онъ нашелъ не по необходимости, и тоже очевидно, что такое не бываетъ постоянно. Стало быть, кладъ есть то «случайное», которое не можетъ служить предметомъ изслѣдованія и возбуждать нашу любознательность. Человѣческому разуму, человѣческой пытливости и вращенной разумомъ и пытливостью наукъ тутъ дѣлать нечего. Но вѣдь найдены кладъ, самъ Аристотель намъ сказалъ, что кладъ — какъ будто бы человекъ не полагается просто схватить его въ охапку и побѣжать продавать его на рынокъ. Кладъ, вѣдь, еще разъ скажу, а не дождевой червякъ или истлѣвшій отъ времени чурбанъ. Могло быть и бывало, что такъ же случайно человекъ находилъ кой-что и почище клада. Тоже распакивалъ поле и наткнулся, скажемъ, на источникъ живой воды, или, наоборотъ, взрѣзалъ бы плугомъ зарытый глубоко въ землѣ ящикъ Пандоры и оттуда вырвались бы и разбѣжались по свѣту неисчислимыя бѣды. Тоже случайность! А разъ случайность, стало быть наукъ и мышленію тутъ дѣлать нечего. Нужно «просто» принять — въ первомъ случаѣ выгоды, во второмъ невыгоды и направить вниманіе на то, что бываетъ постоянно и по необходимости или, по крайней мѣрѣ, часто. Ни о ящикѣ Пандоры, ни объ источникѣ живой воды нельзя допытываться; нельзя о нихъ и думать, разъ что мы набрели на нихъ «случайно», т. е. не потому, что «методологически» искали, а потому что какимъ то образомъ наткнулись на нихъ на своемъ пути. Наши исканія должны опредѣляться не важностью и значительностью предмета, а условіями, при которыхъ этотъ предметъ намъ открывается. Открывается правильно и появляется хоть съ нѣкоторымъ постоянствомъ, будемъ искать его. Если же, какъ кладъ въ примѣрѣ Аристотеля (кто толкнулъ Аристотеля говорить о кладѣ, вѣдь онъ могъ вмѣсто клада о камнѣ говорить?!), или ящикъ Пандоры и живая вода въ моихъ примѣрахъ, — предметъ — какой хотите важности и цѣнности — капризно, безъ соблюденія правилъ или даже вопреки правиламъ, разрѣшить себѣ предстать предъ нами, мы его ни за что въ мірѣ не пропустимъ въ ту сокровищницу, въ которой у насъ накапливаются наши истины. А, такъ какъ кладъ всегда отыскиваются «случайно», в теоріи методическаго розысканія и нахождения кладовъ у насъ нѣтъ и

быть не можетъ, то изъ этого дѣлается — совершенно неожиданный, но кажущійся всѣмъ очень убѣдительнымъ — выводъ: кладовъ не бываетъ. Не бываетъ тоже источниковъ живой воды. Такъ рассуждаютъ всѣ. Къ этому рассужденію такъ привыкли, что не замѣчаютъ даже, что оно не удовлетворяетъ требованіямъ элементарной логики. Изъ того, что «клады» находятся людьми «случайно» никакъ не слѣдуетъ, что кладовъ не бываетъ. Изъ этого только можно «вывести», что тотъ, кому дано найти кладъ, долженъ отказаться отъ методическаго исканія и вѣрится случаю. Люди иногда на такое дерзали. Я думаю даже, что съ каждымъ человѣкомъ хоть разъ въ жизни бывало, что онъ случаю начиналъ вѣрить больше чѣмъ разумной необходимости. Но объ этомъ не рассказываютъ. Изъ «случая» не слѣдуетъ теоріи, т. е. того, что для всѣхъ всегда годно. Такъ что, рассказывай не рассказывай, люди будутъ по прежнему искать и находить только то, что бываетъ по необходимости или хотя бы часто, и утверждать, что не только откровенія, но и клады существуютъ лишь въ воображеніи.

XXVIII.

Объ источникахъ «міровоззрѣнія». Появленіе человѣка на землѣ есть нечестивое дерзновеніе. Богъ создалъ человѣка по образу и подобию своему и, создавши, благословилъ его. Если вы примете первое положеніе, вашей философской задачей будетъ катарсисъ (очищеніе), т. е. стремленіе вырвать изъ себя свою, какъ говорятъ обыкновенно, «самость» и раствориться въ «высшей» идеѣ. Основной проблемой вашей будетъ проблема этическая, и онтологія будетъ для васъ чѣмъ-то производнымъ отъ этики. Высшимъ идеаломъ вы будете считать царство разума, доступъ къ которому открытъ всякому, кто готовъ отречься отъ извѣчнаго *jubere* (права повелѣвать) и видѣть назначеніе человѣка въ *pacere* (повиновеніи). Если примете второе — плоды съ дерева познанія добра и зла перестанутъ прельщать васъ, вы начнете стремиться къ тому, что «по ту сторону добра и зла», анамнезисъ (воспоминаніе) о томъ, что видѣлъ вашъ праотецъ, будетъ непрерывно тревожить васъ, торжественныя словословія разуму будутъ казаться вамъ скучными

пѣснями земли, а всѣ наши самоочевидности — стѣнами тюрмы. Платонъ чувствовалъ себя заключеннымъ въ пещеру, Плотинъ стыдился своего тѣла, библейскіе люди стыдились и боялись своего разума. Есть всѣ основанія думать, что Нитше оттого отвернулся отъ христіанства, что современные христіане, воспитанные на Аристотелѣ и стоикахъ, забыли совсѣмъ о начальномъ jubere, и помнятъ только пришедшее послѣ рагеге. Оттого онъ и говорилъ о морали рабовъ и морали господъ. Онъ могъ бы и долженъ былъ бы говорить тоже объ истинѣ господъ (т. е. людей, которымъ дано повелѣвать) и объ истинѣ рабовъ (которыхъ удѣлъ — повиноваться). Также могъ бы я и о Достоевскомъ сказать — но мнѣ никто не повѣритъ. Всѣ убѣждены вѣдь, что Достоевскій написалъ только тѣ нѣсколько десятковъ страницъ, которыя посвящены старцу Зосимѣ, Алешѣ Карамазову и т. д. и еще тѣ статьи «Дневника писателя», въ коихъ онъ излагаетъ своими словами теоріи славянофиловъ, а «Записки изъ подполья», «Сонъ смѣшного человѣка», «Кроткая» и вообще девять десятыхъ того, что напечатано въ полномъ собраніи сочиненій Достоевскаго, написано не имъ, а какимъ то «господиномъ съ ретроградной физиономіей» и только затѣмъ, чтобъ Достоевскій могъ бы должнымъ образомъ посрамить его. Такъ глубоко живетъ въ насъ вѣра въ рагеге (мы это называемъ «естественностью» всего происходящаго), и такъ боимся мы всего, что даже отдаленно напоминаетъ jubere (чудеснаго и сверхъестественнаго).

XXIX.

Измѣнчивость и время. Какія странныя заблужденія бываютъ у великихъ мыслителей! Людей всегда смущала непрочность всего земного: все, что имѣетъ видимое начало — имѣетъ и видимый конецъ. Въ древности уже не было ни одного значительнаго философа, который бы не размышлялъ о неизбѣжной гибели всего рожденнаго. Но всѣ размышлявшіе на эту тему почему то такъ тѣсно связывали идею гибели съ идеей измѣнчивости, что, въ концѣ концовъ, объ эти идеи какъ бы слились въ одну. И то, что измѣняется, стало казаться такимъ же ничтожнымъ и жалкимъ, какъ и то, что осуждено на гибель. Почему? Вообще говоря, способность мѣ-

няться не представляетъ изъ себя ничего дурного. Что за бѣда въ томъ, что Юлій Цезарь былъ сперва отрокомъ, потомъ сталъ юношей, а потомъ мужемъ? Или что хорошаго было бы, если бы онъ, проживши положенное ему число лѣтъ, оставался бы такимъ младенцемъ, какимъ онъ вышелъ изъ утробы матери? Ясно, что способность мѣняться не заключаетъ въ себѣ ничего дурного. Дурно только, что вещи и люди часто мѣняются не такъ, какъ бы намъ хотѣлось. Вино отъ времени когда становится лучшимъ, а когда превращается въ уксусъ. И человекъ мѣняется, мѣняется — и, смотришь, сталъ дряхлымъ, безобразнымъ, беспомощнымъ, нуднымъ старикомъ. Вотъ почему молодые люди ограниченности времени не чувствуютъ, они словно купаются въ его безбрежности, имъ представляется, что не только позади, но и впереди ихъ безконечность: сколько хочешь, столько просишь. Имъ даже обычно кажется, что время течетъ слишкомъ медленно и они погоняютъ его. Они чувствуютъ, что ихъ ждутъ перемены, надѣются, что перемены будутъ къ лучшему и торопятъ время. А старикамъ дѣло представляется иначе: для нихъ время слишкомъ торопится. Каждый новый день сулитъ новое огорченіе и, въ общемъ, всѣ новые дни «звуютъ и къ гробу приближаютъ», какъ «вѣль» на слонѣхъ лѣтъ Державинъ. Но и молодые, и старики, противъ измѣнчивости и противъ теченія времени ничего не имѣютъ. Первыхъ радуется, вторыхъ огорчаетъ не возможность переменъ — а характеръ возможныхъ переменъ. Если бы жизнь была еще болѣе текучей и таила бы въ себѣ возможность еще большихъ неожиданностей, но, если бы перемены и неожиданности не угрожали людямъ всяческими бѣдами, никому бы въ голову не пришло огорчаться текучестью бытія и искать подъ измѣнчивымъ постояннаго. А сейчасъ не только ищутъ, а въ постоянномъ видятъ идеалъ, даже Бога. *Amor erga rem aeternam* вѣдь не Спиноза выдумалъ. *Res aeterna* культивируется въ философіи съ незапамятныхъ временъ. Люди такъ напуганы кроющеюся, по ихъ представленіямъ, подъ измѣнчивостью, возможностью бѣды, что готовы отказаться отъ всего, что измѣняется и, въ концѣ концовъ, **обожествить** то, что всегда остается себѣ равнымъ, что никогда не начиналось и никогда не кончится, хоть это было бы мертвымъ, неодушевленнымъ предметомъ: вѣдь именно мертвое и неодушевленное не мѣняется... А межъ тѣмъ, мо-

жетъ быть всѣ наши страхи напрасны, и, можетъ быть, наше мышленіе, всегда подгоняемое и питающееся страхами, вводитъ насъ въ обманъ. Можетъ быть, наблюдаемая нами въ нашихъ случайныхъ условіяхъ существованія и возведенная нашимъ напуганнымъ мышленіемъ въ санъ апіорной, навѣки нерушимой истины, связь переменъ съ концомъ и гибелью, вовсе не есть законъ или общее правило, которымъ дана власть надъ людьми. Можетъ, при иныхъ условіяхъ — когда люди будутъ повелѣвать надъ законами, а не законы надъ людьми, и когда «мышленіе» человѣческое обрѣтетъ вновь принадлежавшія ему когда-то права — выяснится, что измѣнчивость и текучесть не ведетъ неизбѣжно къ гибели, вообще не ведетъ ни къ чему дурному. И стало быть, *amor erga rem aeternam* не должна считаться, какъ казалось Спинозѣ и его предшественникамъ, единственно возможнымъ отвѣтомъ на задаваемые жизнью вопросы. Но, чтобъ хоть блѣдно вырисовалась возможность такого новаго измѣренія мышленія, нужно рѣшиться отогнать отъ себя привычные страхи и перестать прислушиваться къ всякаго рода *à priori*, нашептываемымъ намъ разумомъ. И тогда «не будетъ для насъ ничего невозможнаго».

XXX.

О пользѣ философіи. Люди такъ мало вѣрятъ въ возможность пріобщиться хотя бы отчасти послѣдней истинѣ, что самая искренняя пытливость и самая добросовѣстная исканія, когда они выходятъ за извѣстные предѣлы, вызываютъ въ нихъ злобу и раздраженіе. До тебя никто ничего не пашель и послѣ тебя никто не пойдетъ: зачѣмъ же искать — тревожиться самому и другихъ лишать душевнаго равновѣсія? Вѣдь всякое исканіе обычно пачинается съ тревоги и кончается потерей равновѣсія. Можно интересоваться и заниматься метафизическими проблемами — но подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ съ ними не связывать свою личную судьбу или судьбу человѣчества. Метафизическія системы должны быть такъ построены, чтобы онѣ не врывались въ жизнь и не колебали заведеннаго жизненнаго порядка. Или еще лучше: чтобъ онѣ освящали и благословляли существующій порядокъ. И когда является человѣкъ, который думаетъ, что мета-

физика можетъ открыть новую истину и пересоздать на иной ладъ жизнь — всѣ, точно одинъ, набрасываются на него. Метафизика, какъ наука, искусство, какъ и религія должна идти на пользу обществу. Безполезная метафизика или безполезная религія — былъ ли случай въ исторіи, чтобъ кто нибудь такъ окрестилъ свои послѣднія чаянія? А, межъ тѣмъ, всѣ ищущіе и искавшіе знаютъ, твердо знаютъ, что метафизика не можетъ быть полезной и что нѣтъ ничего страшнѣе, чѣмъ впасть въ руки Господни. Но объ этомъ рѣдко говорятъ. Даже религія распятаго Бога старается подражать метафизическимъ системамъ и послѣдователи этой религіи, хоть и носятъ крестъ на груди, всегда забываютъ, что съ креста Спаситель міра возопилъ: Господи, отчего ты меня покинулъ? Имъ кажется, что Спасителю міра нужно было дойти до такого отчаянія, но людямъ можно и безъ этого обойтись. Людямъ нужна метафизика, которая утѣшаетъ и устраиваетъ, и религія, которая утѣшаетъ и устраиваетъ. А истина, о которой нельзя знать впередъ, что она принесетъ, и религія, которая ведетъ насъ въ доселѣ неизвѣстныя области, никому не нужна. Тѣмъ болѣе что, еще разъ скажу, мало кто допускаетъ, что метафизика или религія могутъ привести къ чему-либо путному и всѣ требуютъ, чтобъ религія и метафизика были бы явно, ощутительно полезны здѣсь — на отмени время.

XXXI.

Предѣлы власти законовъ тождества и противорѣчія. Когда мы утверждаемъ, что звукъ тяжелъ, вмѣшиваются законы тождества и противорѣчія и накладываютъ свое veto: такого не бываетъ, говорятъ они. Но, когда мы утверждаемъ, что Сократа отравили, оба закона бездѣйствуютъ. Спрашивается: возможна ли такая «дѣйствительность», при которой законы тождества и противорѣчія оставались бы равнодушными и бездѣтельными, когда звуки отяжелѣваютъ и становились бы на дыбы, когда казнятъ праведниковъ? Если возможна, то стало быть эти законы вовсе и не законы, а только исполнительные органы и роль ихъ совсѣмъ не та, какую имъ обычно приписываютъ. Спросить: какъ узнать, возможна или невозможна такая дѣйствительность и дано ли намъ въ такую дѣйствительность проникнуть? То-то и

есть: какъ узнать! Конечно, если станете спрашивать, вамъ скажутъ, что такая дѣйствительность невозможна, что законы тождества и противорѣчія самодержавно хозяйничали, хозяйничаютъ и всегда будутъ хозяйничать въ мірѣ, какъ они хозяйничали до сихъ поръ, что тяжелыхъ звуковъ никогда не будетъ, а праведниковъ всегда будутъ истреблять. Но если вы никого спрашивать не станете? Способны вы такъ осуществить «свободу воли», которую сулятъ вамъ метафизики? Или лучше: хотите вы такой свободы воли? Похоже, что не очень хотите, что «святая необходимость» ближе и милѣе вамъ, и, что, вслѣдъ за Шеллингомъ, вы въ Herrschaft видите источникъ всѣхъ Herrlichkeiten.

XXXII.

Человѣческая истина и божескій обманъ. Декартъ увѣрялъ, что Богъ не можетъ быть обманщикомъ, что заповѣдь «ты не долженъ лгать» и для Него есть заповѣдь нерушимая. Но вѣдь Богъ обманываетъ человѣка — это фактъ. Онъ показываетъ человѣку небо — голубой, твердый, кристалльный сводъ — котораго нѣтъ. Понадобились тысячелѣтія, чтобъ освободиться отъ этого обмана и узнать настоящую истину. И какъ часто Богъ обманываетъ насъ, и какъ трудно намъ отъ этихъ обмановъ освободиться! Правда, если бы Богъ не обманывалъ насъ и ни одинъ человѣкъ не видѣлъ бы хрустальнаго неба, а всѣ знали бы о безконечныхъ пустыхъ или наполненныхъ эфиромъ пространствахъ, если бы никто не слышалъ звуковъ, а всѣ только подсчитывали колебанія воздушныхъ волнъ — врядь-ли люди отъ того много выиграли. Даже, пожалуй, въ концѣ концовъ, пришли въ отчаяніе отъ своихъ истинъ и согласились бы, что Богу позволено паровать имъ самимъ возвыщенную заповѣдь. Или не согласились бы? Истина всего дороже? А то, можетъ быть, вдругъ осѣнила бы ихъ такая мысль: да точно-ли то, что они сами находятъ — есть истина, а то, что Богъ показываетъ — есть ложь? Т. е. что все таки небо — хрустальный сводъ, земля — плоская, звуки сами по себѣ, а движеніе само по себѣ и краски возникаютъ не по законамъ физики, а по волѣ Творца? Можетъ быть, что человѣка еще ждетъ такое «познаніе»? Что онъ откажется отъ

своихъ доказанныхъ истинъ и вернется къ истинамъ недоказуемымъ? И заповѣдь: «ты не долженъ лгать» окажется только условной и временной? Вовсе не лучше умереть, чѣмъ хоть разъ въ жизни солгать, какъ училъ Кантъ, а лучше совсѣмъ и на свѣтъ не родиться, чѣмъ жить въ свѣтъ нашихъ истинъ. Иначе говоря можетъ наступить время (Платонъ много говорилъ объ этомъ — только его не слышали), когда «лучше» преодолѣть и истины, и несомнѣнности, и очевидности наши.

XXXIII.

Возможное. Все что имѣетъ начало, имѣетъ конецъ, все, что рождается — должно умереть: таковъ непреложный законъ бытія. А какъ съ истинами? Вѣдь есть истины, которыхъ когда-то не было и которыя «возникли» во времени. Таковы всѣ истины, констатирующія факты. Въ 400 году до Р. Х. не было истины, что аѳиняне отравили Сократа. Въ 399 году такая истина родилась. Она еще живетъ — хотя ей уже чуть-ли не 2.500 лѣтъ. Но значитъ-ли, что она будетъ всегда жить? Если она, какъ и все, что возникаетъ, должна исчезнуть, т. е. если общій законъ, который мы съ такой увѣренностью примѣняемъ ко всему существующему, не допускаетъ исключенія въ качествѣ априорной истины, то, стало быть, долженъ наступить моментъ, когда истина о Сократѣ умереть, перестанетъ существовать и нашимъ потомкамъ будетъ предоставлена возможность утверждать, что аѳиняне вовсе и не отравляли Сократа, а только «просто» (а то, пожалуй, и не такъ «просто») людямъ пришлось нѣкоторое, хотя очень продолжительное время жить въ иллюзіи, которую они принимали за вѣчную истину, забывъ случайно или умышленно о «законѣ» возникновенія и уничтоженія и его непреложности.

XXXIV.

Docta ignorantia. Мы жалеемся, что не знаемъ, откуда пришли, куда идемъ, что было, что будетъ, что дѣлать, чего избѣгать и т. д., — увѣренные впередъ, что, если бы знали, то было бы лучше. Но, можетъ быть,

было не лучше, а хуже: знаніе связало бы насъ и ограничило. А разъ не знаемъ — значить, ничего не связываетъ. Не исключена даже такая возможность: гдѣ то и когда то наступить полная свобода отъ знанія, т. е. что не намъ придется примѣняться, какъ сейчасъ, къ «данной» дѣйствительности, а дѣйствительность станетъ приспособляться къ намъ и *adaequatio rei et intellectus*, къ которой всегда сводилось и сводится человѣческое знаніе, утратить моментъ принужденія, на мѣсто котораго станетъ свободное человѣческое рѣшеніе. Люди иной разъ такое чувствовали. *Docta ignorantia*, пожалуй, ничего другого не имѣла въ виду, какъ подчиненіе *res — intellectui* и освобожденіе *intellectus*'а отъ всѣхъ узъ, даже отъ «первыхъ началъ». Не мы принуждены приспособляться къ вещамъ, а вещи, по слову или требованію человѣка, готовы мѣнять не только формы, но и сущность свою. Не то, что изъ воска, какъ теперь можно будетъ, по желанію, сдѣлать то шахматную фигуру, то слѣпокъ для печати, а воскъ можно будетъ силой одной мысли превратить въ мраморъ, или золото. Философскій камень можетъ оказаться не бессмысленной мечтой суевѣрныхъ и невѣжественныхъ людей и даже легенда о Пигмалионѣ проберется въ «исторію»... Такое сулитъ намъ *docta ignorantia*, и такое, повидимому, прозрѣвалъ Николай Кузанскій.

XXXV.

Вопросъ. Замѣчали-ли великіе философы у себя самихъ противорѣчія? Или только ихъ преемники эти противорѣчія замѣчали, а имъ казалось, что противорѣчій нѣтъ? Я говорю о Платонѣ, Аристотелѣ, Плотинѣ. Конечно, замѣчали, но нисколько не огорчались: знали, что не въ этомъ дѣло.

XXXVI.

Юродство и кликушество. Мужчины — юродивые, женщины — кликуши никогда не переводились въ Россіи, и, нужно думать, не скоро еще переведутся. Въ странахъ болѣе культурныхъ и устроенныхъ, гдѣ людямъ, сравнительно, легче живется и гдѣ «мысль», — то упоря-

дочивающее начало, безъ котораго существованіе на землѣ такъ мучительно трудно, — раньше, чѣмъ у насъ вошла въ свои права, дикіе вопли на людяхъ или безпріютная и безпризорная жизнь — явленія почти не встрѣчающіяся. Циники, о которыхъ въ исторіи философіи довольно много разсказывается, отошли въ безвозвратное прошлое и почти никого не интересуютъ. А въ Россіи народъ не только чтить, но почему то любить своихъ духовныхъ уродовъ. Будто чувствуетъ, что бессмысленные вопли не совсѣмъ такъ уже ни на что не нужны и жалкое существованіе бездомнаго бродяги не такъ уже отвратительно. И въ самомъ дѣлѣ, придетъ часъ и каждому придется возопить, какъ возопилъ на крестѣ совершеннѣйшій изъ людей: Господи, Господи, отчего ты меня покинулъ! И ужъ навѣрное каждый изъ насъ броситъ накопленные сокровища и пойдетъ, какъ идутъ босые странники, или, какъ по словамъ апостола пошелъ Авраамъ, самъ не зная, куда идетъ.

XXXVII.

Приблудившіяся мысли. Иногда упорно стоятъ предъ вами и не уходятъ мысль, которая ясно пришла откуда то извнѣ и ничѣмъ не связана съ тѣми переживаніями, которыя обычно даютъ матеріалъ для вашихъ мыслей. Но не спѣшите гнать ее, какой бы чуждой и странной она вамъ ни казалась. И не требуйте отъ нея доказательствъ законности ея происхожденія. Если вы не можете отвязаться отъ вкоренившейся привычки провѣрять происхожденіе своихъ мыслей — то, по крайней мѣрѣ допустите, что иной разъ незаконныя дѣти ближе къ родителямъ, чѣмъ законныя. Только не дѣлайте обобщенія: не всѣ незаконныя дѣти близки намъ, а лишь нѣкоторыя. И не всегда тоже, а только иногда блудный сынъ, вернувшійся въ домъ, милѣй того, кто насъ не покидалъ.

XXXVIII.

Факты и теорія. Демонъ Сократа есть «фактъ»? Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно имѣть готовую теорію факта. А люди думаютъ, что «факты» прежде «тео-

ріи». Теорія не признаетъ демона Сократа «фактомъ», не признаетъ и видѣнія ап. Павла на пути въ Дамаскъ фактомъ, потому что фактъ есть установленный фактъ, а какъ факты устанавливаются, то вѣдаетъ теорія. Но Сократъ и ап. Павелъ, несмотря на запреты теоріи, продолжали считать — первый своего демона, а второй явившагося ему Христа дѣйствительными фактами. Имъ даже удалось убедить въ этомъ очень большое число людей, такъ что исторія, которая сохраняетъ только то, что имѣетъ значеніе для очень большого числа людей, оберегла и даже отвела у себя почетное мѣсто и видѣнію Сократа и видѣнію ап. Павла. Кстати, какъ извѣстно, и Сократъ и еще въ большей, несравненно большей степени, ап. Павелъ были очень заинтересованы въ томъ, чтобы открывавшіяся имъ и не признаваемые теоріей факты видѣній, не были преданы забвенію. Но вѣдь не всѣ люди хотятъ и еще меньше кто обладаетъ даромъ навязывать свои видѣнія исторіи! Можетъ быть не только Сократа, но еще кой-кого навѣщаль гений, даже не гений и не полубогъ, а настоящій Богъ. Но онъ молчалъ объ этомъ, а если рассказывалъ, то плохо — недостаточно заразительно. И потомство объ этомъ ничего не узнало. Прогодаль-ли такой человѣкъ? Или лучше: что важнѣе — что Сократъ общался съ демономъ или что многіе люди вѣрили, что Сократу было дано общаться съ высшими существами? «Исторія» безъ колебанія скажетъ вамъ, конечно, что второе важнѣе, что только второе и важно. Но самъ Сократъ и даже ап. Павелъ, несмотря на то, что исторія ихъ такъ высоко оцѣнила и отвела рассказамъ объ ихъ жизни и дѣятельности такъ много мѣста на своихъ страницахъ, вѣрно сказали бы другое. И прибавили-бы — уже къ свѣдѣнію не-историковъ, а философовъ — что теорія факта закрываетъ отъ людей наиболѣе значительную область бытія, и что факты, теоріей не признаваемые, есть наиболѣе важные и значительные факты человѣческой жизни. Это кажется совершенно невѣроятнымъ и безусловно непріемлемымъ, такъ какъ не ладится съ тѣми основоположеніями, на которыхъ строится и держится наше міропониманіе. Поэтому, пока такое міропониманіе намъ нужно, мы принимаемъ только допускаемые теоріей факты. Но, когда оно становится для насъ ненужнымъ или дѣлается помѣхой (это бываетъ — и чаще бываетъ, чѣмъ принято думать), мы начинаемъ принимать факты, не испрашивая предва-

рительнаго разрѣшенія у теоріи. Правда, большей частью намъ не удастся добиться, чтобъ наши ближніе, вмѣстѣ съ нами, эти факты признали: Сократъ и ап. Павелъ, какъ я сказалъ, представляютъ, въ этомъ отношеніи, рѣдкое исключеніе. И тогда мы начинаемъ понемногу привыкать обходиться и безъ признанія ближнихъ. «Вдругъ» намъ открывается ослѣпительная, столь же новая, какъ и неожиданная истина: какъ древніе узнавали боговъ по тому признаку, что они не касались ногами земли, такъ и истину можно отличить по тому, что она не допускаетъ признанія «всѣхъ», что признаніе лишаетъ ее той божественной легкой поступи, которая, правда, свойственна только безсмертнымъ, но которую смертные всегда цѣнили выше всего на свѣтѣ.

XXXIX.

Споры объ истинѣ. Отчего люди столько спорятъ? Когда о житейскихъ дѣлахъ идетъ рѣчь, оно понятно. Не подѣлили чего, и каждая спорящая сторона норовитъ доказать свое, въ расчетъ, что ей больше достанется. Но вѣдь и философы спорятъ, и богословы спорятъ, а вѣдь имъ, какъ будто, дѣлится нечего. Выходитъ, что собственно не спорятъ, а борются. Изъ-за чего? Или, чтобъ бороться нѣтъ вовсе нужды, чтобъ было изъ-за чего бороться? Война есть отецъ и царь всего, училъ еще Гераклитъ: главное --- бороться, а изъ-за чего бороться, это уже дѣло второе. Одинъ скажетъ: человѣкъ есть мѣра всего; ему сейчасъ отвѣтятъ: не человѣкъ, а богъ есть мѣра всего, и — нападутъ на него. Одинъ провозгласитъ: подобосущный, ему въ отвѣтъ скажутъ: единосущный и онять вызовъ на послѣдній и страшный бой и т. д.: вся исторія человѣческой мысли — и философской, и богословской — есть исторія борьбы, и борьбы не на жизнь, а на смерть. Нужно думать, что представленіе объ истинѣ, какъ о томъ, что не выносить противорѣчія, имѣетъ своимъ источникомъ страсть къ борьбѣ. Старые люди — философы и богословы, вѣдь, обычно, старики, — которые не могутъ драться на кулакахъ, выдумали, что истина едина, чтобъ можно было хоть на словахъ драться. А истина вовсе и не «едина» и совсѣмъ не требуетъ, чтобъ люди дрались изъ-за нея.

XL.

Памяти тишайшаго писателя. Лейтмотивъ послѣднихъ произведеній Чехова: «чувствуешь, что люди плохо слышатъ тебя, что нужно бы говорить громче, кричать. А кричать — противно. И говоришь все тише и тише, скоро можно будетъ и совсѣмъ замолкнуть».

XLI.

Еще о законѣ противорѣчія. «Еще» — ибо сколько ни будешь говорить — все мало. Усомниться въ законѣ противорѣчія вовсе не «то-же самое», что отка-заться отъ него. Это было бы «то-же самое», если бы, усомнившись, мы все-таки продолжали признавать его суверенныя права. Но, тѣ, которые, хоть иногда, но чувствовали всѣмъ своимъ существомъ, что власти закона противорѣчія поставлены предѣлы, знаютъ, что это ихъ насколько не обязываетъ отвергать его пользу и значеніе. Они только не соглашаются признать его, какъ хотѣлъ Аристотель, «непоколебимѣйшимъ изъ принциповъ», не соглашаются вѣрить, что онъ всегда и вездѣ умѣстенъ, что онъ является судьей, верховнымъ началомъ надъ человѣкомъ. Онъ не начало, не начальствуетъ, а только выполняетъ извѣстныя предписанія. Поэтому — если требуется — онъ безспоренъ. Но, не самъ по себѣ, не «по своей природѣ»: безспорность ему жалуются кѣмъ то — кто надъ нимъ. Орфей утверждалъ, что Эвридика есть Эвридика и всякая другая женщина не есть Эвридика. И, волей Орфея, въ этомъ случаѣ законъ противорѣчія становится «непоколебимѣйшимъ принципомъ». Ни одна изъ милліоновъ женщинъ, жившихъ до, во время, и послѣ Эвридики не могла быть Эвридикой. Даже адъ или врата адовы не могли преодолѣть воли Орфея и сообщенной имъ закону противорѣчія силы. Но, «Джордано Бруно сожгли на кострѣ» — сужденіе, которое тоже до сихъ поръ стояло подъ охраной закона противорѣчія и не давало пройти утвержденію противоположному: «Джордано Бруно не сожгли на кострѣ», можетъ-ли оно увѣренно рассчитывать, что охрана будетъ у него до скончанія вѣковъ, и что врата адовы его тоже никогда не преодолѣютъ? Или такое, еще

болѣе общее сужденіе: «однажды бывшее не можетъ никогда стать небывшимъ»? Развѣ мы не вольны допустить, что кой-что изъ того, что однажды было и точно никогда не станетъ небывшимъ, а другое станетъ небывшимъ и, что стало быть законъ противорѣчія, во исполненіе повелѣній какого то надъ нимъ стоящаго начала, оберегать навсегда однѣ страницы прошлаго и безслѣдно уничтожить другія. Мы, конечно, вольны сдѣлать такое допущеніе, но не дѣлаемъ его только потому, что «боимся» (наше мышленіе всегда чего нибудь «боится»), что выйдетъ слишкомъ хлопотливо и сложно, что придется перестраивать всю логику нашу или даже (это кажется самымъ страшнымъ) отказаться отъ услугъ готовыхъ критеріевъ — «потерять почву подъ ногами». вмѣсто того чтобъ спрашивать, придется отвѣчать, вмѣсто того, чтобъ повиноваться — повелѣвать. Самимъ выбирать свою Эридику и даже спускаться въ адъ, чтобъ у ада вырвать признаніе своихъ правъ. Для человѣка, простого, обыкновеннаго, смертнаго человѣка — не слишкомъ-ли это много?

XII.

Комментарій. Опять вспомнились слова Оккама: *est articulus fidei quod Deus assumpsit naturam humanam. Non includit contradictionem, Deum assumere naturam asininam. Pari ratione potest assumere lapidem aut lignum.* Въ чемъ сущность мысли Оккама? И отчего она кажется такой вызывающей и неприемлемой? Не только форма, въ которую Оккамъ облекъ свою мысль раздражаетъ людей. Нечего и говорить: форма крайне рѣзкая, оскорбительная для благочестиваго уха. *Deum assumere naturam asininam* — рядомъ поставлены слова, которымъ подобаешь отстоять одно отъ другого подальше — и которыя развѣ что въ словарѣ, гдѣ со смысломъ и значеніемъ порядка, въ какомъ слова разставляются, не считаются, они могутъ оказаться въ столь близкомъ сосѣдствѣ. И все же форма не самое существенное здѣсь, далеко не самое существенное. Оккамъ не изъ тѣхъ, которые любятъ неожиданнымъ оборотомъ рѣчи поразить читателя. Онъ не съ другими, онъ съ собой борется или, если рѣшиться говорить на гегелевскомъ языкѣ, борется съ «духомъ времени». Оккама считаютъ первымъ провозвѣстникомъ раз-

ложеія схоластики, въ немъ видятъ «упадочника». И дѣйствительно, въ немъ можно найти черты, которыми обычно характеризуютъ упадочность. Альбертъ Великій, Тома Аквинскій, Дунсъ Скотъ и др. — все *principes theologiae* — строили огромные, уходившіе въ небеса, соборы мысли — и вдругъ Оккамъ съ его вопросами, подрывающимися подъ самое основаніе величественныхъ и прекрасныхъ зданій самаго творческаго въ духовномъ смыслѣ столѣтія средневѣковья. Это ли не «упадочность»? Вѣдь «упадочность» прежде всего опознается по свойственному ей неудержимому влеченію къ разрушенію: будь что будетъ, только бы не по старому, куда угодно идти — только бы не со своимъ временемъ... *Non includit contradictionem, deum assumere naturam asininam!* Если оно такъ, если точно оккамовское «*non includit contradictionem, Deum assumere naturam asininam*» вѣрно и Богъ можетъ, по своему произволу, воплотиться не только въ презираемое всѣми животное, но въ дерево или камень, зачѣмъ тогда трудились *doctores angelici, subtilissimi* и т. д., зачѣмъ вызывали изъ глубинъ столѣтій тѣни Платона, Аристотеля и Плотина? Зачѣмъ всѣ *Summae*, зачѣмъ гигантскіе соборы, монастыри, университеты, торжественная церковная служба? Все это создавалось людьми только затѣмъ, чтобъ объяснить и сдѣлать приемлемымъ для разума основную догмату христіанскаго вѣроученія. Въ св. Писаніи рассказано, что сынъ Божій сталъ человѣкомъ, былъ причисленъ къ злодѣямъ, подвергся величайшимъ униженіямъ и умеръ позорной смертью, распятый на крестѣ рядомъ съ разбойниками. Въ средніе вѣка никто не сомнѣвался въ правдивости библейскаго повѣствованія и Оккамъ, какъ видно изъ всѣхъ его писаній и даже изъ приведеннаго мною отрывка, начинающагося словами: *est articulus fidei* — тоже не сомнѣвался. Но людямъ мало было «вѣрить». Они еще хотѣли «примирить» свою вѣру съ разумомъ. Они ставили вопросъ: *cur deus homo* — отчего Богъ сталъ человѣкомъ? И не могли успокоиться, пока не подыскивали отвѣта на свой вопросъ. Но что разумѣли они подъ «отвѣтомъ на вопросъ»? То, что мы всегда подъ этимъ разумѣемъ. Отвѣчаетъ тотъ, кто умѣетъ показать, что то, что произошло не могло не произойти и не могло произойти иначе, чѣмъ произошло. Богъ необходимъ о долженъ былъ воплотиться въ человѣка — иначе человѣка невозможно было спасти. Или, чтобъ че-

дѣлѣкъ могъ обожиться, Богъ долженъ былъ вочеловѣчиться. Всѣ отвѣты на вопросъ: *cur deus homo* — при всѣхъ внѣшнемъ разнообразіи ихъ — были вариациями на одну тему: дѣйствительно происшедшее изображалось, какъ происшедшее въ силу естественной необходимости. Пытливость человѣческаго ума только тогда насыщалась, когда ей добывали тотъ нектаръ, который называется объясненіемъ. За этимъ нектаромъ люди шли въ самыя отдаленныя страны, онъ замѣнялъ имъ тотъ философскій камень, о которомъ, забывая сонъ и пищу, мечтали въ своихъ кельяхъ алхимики и подвижники духа. И вдругъ оккамовская «*non includit contradictionem*» и «*pari ratione*» — подкапывающіяся подъ самое основаніе не только средневѣковаго, но и всякаго разумнаго «мысленія»? Ибо, разъ намъ не дано въ дѣйствительномъ усматривать необходимое — какъ «мыслить» тогда? Какъ разуму оправдать не существованіе свое — существованіе въ оправданіи не нуждается — а свои притязанія на первенствующую роль? Предполагалось, вѣдь, что именно разумъ изготавляетъ тотъ божественный напитокъ, который утоляетъ самую ненасытную пытливость — и утоляетъ окончательно: *acquiescentia in se ipso ex Ratione oriri potest, et ea sola acquiescentia, qua ex Ratione oritur, summa est, quae dari potest* (Spinoza, *Eth.* IV, LII). Разумъ подводитъ къ тому предѣлу, за которымъ начинается царство извѣчной необходимости, и у этого предѣла сами собой умолкаютъ и разсѣиваются всѣ вопросы, и человѣкъ обрѣтаетъ тотъ высшій покой, о которомъ онъ всегда мечталъ. *Summae*, соборы, торжественная церковная служба — все дѣлалось, чтобъ обрѣсти этотъ покой. И разумъ — его роль тоже въ томъ состояла, чтобъ успокоить человѣка, залить, погасить живущія въ немъ сомнѣнія и тревоги. Но разумъ можетъ исполнить свое назначеніе, только въ томъ случаѣ, если онъ сольется въ единое съ необходимостью, ибо необходимости, только необходимости дана послѣдняя и окончательная власть надъ всѣмъ, что есть — надъ мертвымъ и живымъ, надъ человѣкомъ и надъ Богомъ. *Cur deus homo*? На этотъ вопросъ можно отвѣтить только тогда, если впередъ признать, что Богу не дано было выбирать, что онъ принужденъ былъ принять образъ человѣка, а не камня или дерева — такъ же, какъ онъ принужденъ былъ вообще воплотить-

ся, и не могъ остаться не воплощеннымъ, если бы и хотѣлъ...

Все средневѣковье, вся сосредоточенная и глубокая духовная работа средневѣковья была направлена на то, чтобы разумно объяснить заключавшуюся въ Св. Писаніи тайну. И такъ устроенъ человѣкъ, что, когда онъ надъ чѣмънибудь много потрудится, ему начинаетъ казаться, что то, къ чему онъ стремился, есть самое главное въ жизни, что и ему и другимъ больше всего на свѣтѣ нужно. Казалось бы, что самое существенно это, что Богъ принять человѣческій образъ, что Богъ открылся, показался, пришелъ къ людямъ. Такъ въ Св. Писаніи и рассказывается. Но «мышленіе» иѣвило не то, что въ Св. Писаніи рассказано, а то, что оно само могло выдумать: оно и Св. Писаніе только потому и приняло, что могло понять и объяснить его, т. е. показать, что библейское повѣствованіе ничуть не оскорбляетъ и не противорѣчитъ тѣмъ принципамъ, которымъ человѣкъ отъ вѣка покорился и провозгласилъ навѣки нерушимыми. Если бы предъ лицомъ этихъ принциповъ оказалось, что Богу вочеловѣчиться не полагается или невозможно, пришлось бы Св. Писаніе отвергнуть. Въ концѣ концовъ оно такъ и вышло. «Доказательства» и «объясненія», придуманныя средневѣковыми философами, оказались вовсе не доказательствами и не объясненіями. Выяснилось, что защитить средствами разума истинныя «откровенія» нѣтъ никакой возможности. Что вообще даже истинныя откровенія нельзя защищать, что онѣ не защитимы. Иначе говоря, приходится выбирать одно изъ двухъ: либо признать, что истинныя откровенія не суть истины, и что Библию наряду съ твореніями Гомера нужно отнести къ области чистой поэзіи — либо... Было и есть еще одно «либо», т. е. была возможность еще одного выхода — по этотъ выходъ казался до такой степени противнымъ всему складу человѣческой природы (можетъ быть не «первой», а «второй» природы — по поговоркѣ привычка вторая натура), что о немъ даже не говорили или говорили только тѣ люди, которые впередъ рѣшились говорить съ тѣмъ, чтобы ихъ не услышали. «Бога не нужно объяснять, и нельзя совсѣмъ оправдывать». Это и хотѣлъ сказать Оккамъ. И этого никто не услышалъ. И если я теперь вспомнилъ о никѣмъ не услышанныхъ словахъ, то вовсе не потому, что надѣюсь обратиться на нихъ вниманіе и проложить имъ путь къ сердцамъ людей. Тутъ

кроется какая то великая и странная загадка. Существуют слова, которые осуждены на то, чтобъ не быть услышанными. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, повидимому кому то или чему то нужно, чтобъ эти слова время отъ времени проносились во всеушышаніе. Древній и таинственный образъ: гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Быть можетъ, не такъ уже бессмысленно и бесполезно, хотъ изрѣдка, напоминать людямъ о тѣхъ «вѣстникахъ истины», голоса которыхъ обладали чудодѣйственной силой превращать людныя мѣста въ пустыни. И еще одно — «можетъ быть» — пожалуй, еще болѣе таинственное. Паскаль, повторяя жившаго до него за 1500 почти лѣтъ Тертуліана, утверждалъ, что на землѣ нѣтъ мѣста для истины, что истина блуждаетъ между людьми, ничѣмъ не узнаваемая и непризнаваемая. То-есть, что истина потому и есть истина, что она превращаетъ однимъ появленіемъ своимъ людные города въ безлюдныя пустыни. Когда истина осѣпляетъ человѣка, онъ сразу чувствуетъ, что «всѣ», «люди», т. е. тѣ, которые превращаютъ пустыню въ населенныя мѣста, обладаютъ даромъ или ничѣмъ не объяснимой силой убивать истину. Оттого Достоевскій, въ минуты просвѣтленія, съ такимъ ужасомъ и отвращеніемъ говорилъ о «всѣмствѣ». Оттого Плотинъ вѣщалъ о «бѣгствѣ единого къ Единому». Оттого всѣ существовавшія и такъ побѣдоносно торжествовавшія «теоріи» познанія были и есть теоріями, скрывавшими отъ насъ истину. Нужно уйти отъ нихъ къ тѣмъ древнимъ и блаженнымъ людямъ, которые по словамъ Платона, были лучше насъ и стояли ближе къ Богу — ихъ же «мышленіе» свободно парило въ томъ измѣреніи, которое намъ становится — и то очень рѣдко — доступнымъ только послѣ тягчайшихъ «*exercitia spiritualia*».

Л. Шестовъ.

О Ближнемъ Востокѣ

IV. Пальмира и Дура.

Историческій очеркъ.

Персидскія царскія караванныя дороги, шедшія изъ Индіи и Ирана въ Палестину, Сирію и М. Азію, создали, какъ и арабо-индійскіе пути, свои караванные города. Съ древнѣйшаго времени процвѣтали Дамаскъ, Хамавъ, Эмеса и Халепъ, всѣ и по сей часъ крупныя торговыя города. Позднѣе возникли Селевкія на Тигрѣ и Пальмира въ сердцѣ пустыни, отдѣляющей долину Евфрата отъ цвѣтущихъ полей, лѣсовъ и гаваней Сиріи и Финикіи. Менѣе значительна и богата, хотя и не менѣе важна исторически Дура.

Объ исторіи древнѣйшихъ караванныхъ городовъ Сиріи говорить трудно. Ни одинъ изъ нихъ не раскопанъ, и ни одинъ раскопанъ быть не можетъ, такъ какъ почти всѣ они и сейчасъ цвѣтущіе торговыя города. Литературныя же данныя и упоминанія въ документахъ, даже для вавилонской и ассирійской эпохи скудны и къ тому же никогда сопоставлены не были, для эпохи же персидской и эллинистической ихъ еще меньше и они по большей части исторически безразличны. Иное — караванные города, возникшіе въ эллинистическое и римское время: соединеніе караваннаго города и большой рѣчной гавани — Селевкія на Тигрѣ, одна изъ крѣпостей — караванныхъ станцій на Евфратѣ — Дура и крупнѣйшій караванный городъ сирійской пустыни римскаго времени — Пальмира. Изъ нихъ для Селевкіи только что началось время систематическихъ раскопокъ, и о ней говорить еще преждевременно. Для Дуры же и Пальмиры матеріалъ имѣется, и матеріалъ обильный. Дура, какъ увидимъ ниже, раскапывается систематически вотъ уже четвертый годъ, Пальмира со своими сказочными колоннадами всегда привлекала вниманіе изслѣдователей, а въ послѣднее время сдѣлалась

*) См. «Совр. Записки» № 41 и 42.

объектомъ болѣе или менѣе систематическаго разслѣдованія какъ со стороны археологическаго управленія Сирии, такъ и со стороны частной датской экспедици. Поэтому какъ исторія, такъ и топографія Дуры и Пальмиры постепенно выясняются и уже теперь можно указать нѣсколько основныхъ фактовъ, формулированіе которыхъ теперь же можетъ облегчить работу дальнѣйшаго изслѣдованія.

Весьма вѣроятно, что съ древнѣйшихъ временъ, какъ я указалъ выше, караваны, шедшіе съ низовьевъ Тигра и Евфрата и изъ Персіи, шли далѣе на сѣверъ и на западъ либо черезъ сирійскую пустыню, либо вверхъ по Евфрату, огибая сирійскую пустыню. Весьма вѣроятно поэтому, что уже въ это древнѣйшее время богатые сѣрные источники на полпути между Евфратомъ и Дамаскомъ и окружавшій ихъ оазисъ были использованы караванами, какъ станція на ихъ пути изъ и въ Дамаскъ, Эмесу или Хамаѳъ. Несомнѣнно, что около источниковъ съ древнѣйшаго времени выросли и храмъ, и деревня, центръ того племени, которое владѣло оазисомъ. Въ Библии эта деревня носитъ имя Тадморъ, позднѣе мѣсто это получило имя Пальмиры. Но Тадморъ-Пальмира въ это время караваннымъ городомъ не сдѣлался. Для этого мало имѣть источникъ и оазисъ. Нужны условія, которыя бы сдѣлали оазисъ мѣстомъ не только остановки каравановъ, но и обмѣна товарами. А этихъ условій не было. Роль биржъ играли болѣе древніе города на краю пустыни — Дамаскъ, Хамаѳъ, Эмеса, и они конечно не допустили бы появленія въ пустынѣ соперницы ихъ торговому вліянію.

Вполнѣ возможно также, что уже съ древнѣйшаго времени на берегахъ Евфрата стояли крѣпости, охранявшія караванный путь вдоль Евфрата. Возможно, что одной изъ нихъ была Дура: очень распространенное имя ассирійскихъ городовъ-крѣпостей (ассирійское «дуру» въ переводѣ «крѣпость», «бургъ»).

Но въ до-эллинистическое время мы мало слышимъ о Тадморѣ-Пальмирѣ и ничего о Дурѣ. Наше первое извѣстіе о Дурѣ восходитъ приблизительно къ 280 г. до Р. Хр., когда одинъ изъ генераловъ Селевка, преемника Александра въ Сирии, основалъ на мѣстѣ Дуры крѣпость и колонію македонскихъ солдатъ съ македонскимъ именемъ Европосъ. Каковъ былъ смыслъ этого основанія? Ясно, что Дура-Европосъ стояла не одна на Евфратѣ, а

была звеномъ длинной цѣни македонскихъ крѣпостей-колоній, охранявшихъ путь вдоль Евфрата и наиболѣе удобные пункты для переправы черезъ Евфратъ. Не надо забывать, что Евфратскій путь имѣлъ колоссальное значеніе для Селевкидовъ, владѣвшихъ Ираномъ съ одной стороны и М. Азіей съ другой. Этотъ путь соединялъ крупнейшій торговый городъ Селевкидовъ въ Вавилоніи — Селевкію на Тигрѣ съ ихъ столицей Антиохіей на Оронтѣ, безъ него невозможна была и связь между центромъ Селевкидской державы — греческими Сиріей и М. Азіей и ея восточными богатѣйшими иранскими сатрапіями. Естественно, что Селевкиды старались не только охранять этотъ путь отъ набѣговъ кочевниковъ, сдѣлать его безопаснымъ, но и заливизовать его, усѣять его греческими крѣпостями и колоніями. Въ свѣтѣ этихъ соображеній станеть понятнымъ и основаніе Дуры и тотъ фактъ, что основатель ея сдѣлалъ ея жителей не только солдатами, но и колонистами-помѣщиками. Откуда онъ взялъ тѣ земли и виноградники, о которыхъ говорятъ документы, найденные въ Дурѣ, земли и виноградники, которыми онъ надѣлилъ колонистовъ, остается и послѣ археологической работы въ Дурѣ неяснымъ. Это могли быть и земли на лѣвомъ берегу Евфрата, и сейчасъ еще орошенные и плодородныя, и земли на правомъ его берегу, гдѣ стоитъ Дура. Сейчасъ мѣстность около Дуры пустыня, но многія данныя говорятъ за то, что это не всегда было такъ и что пустыней стали окрестности Дуры, особенно наносная полоса земли вдоль Евфрата въ силу измѣненія климата — уменьшенія количества дождей, частью въ результатѣ инертности жителей, забросившихъ ирригаціонныя сооруженія отдаленнаго прошлаго.

Какъ бы то ни было, большимъ торговымъ пунктомъ Дура въ это время не была. Несомнѣнно, что главная караванная дорога этого времени шла отъ Евфрата не черезъ сирійскую пустыню въ города на краю ея и оттуда въ Финикію, а много сѣвернѣе — черезъ Алеппо въ долину Оронта и оттуда къ сирійскому побережью или черезъ Алеппо же въ М. Азію. Мы ничего не слышимъ въ это время о Пальмирѣ. Знаемъ мы только, что оно не было временемъ расцвѣта для Дамаска и вѣроятно также для Хамаа и Эмеси. Почему? Вѣдь путь черезъ Сирійскую пустыню къ морю короче и потому дешевле пути черезъ Алеппо. Почему забросили его Селевкиды? Отвѣтъ ясенъ.

Путь этотъ велъ черезъ Дамаскъ въ Финикію, а Финикія въ то время была въ рукахъ враговъ и соперниковъ Селевкидовъ — Птолемеевъ, къ сферѣ вліянія которыхъ принадлежалъ и Дамаскъ. При такихъ условіяхъ естественно, что мы ничего не знаемъ о Пальмирѣ, и что Дура, такъ тѣсно связанная географически съ Пальмирой, была только крѣпостью и земледѣльческой колоніей, пропускавшей мимо себя караваны, но не остававливавшей ихъ на долгое время въ своихъ стѣнахъ.

Таково было положеніе дѣлъ, пока сильно было царство Селевкидовъ, пока въ рукахъ Селевкидовъ были и Месопотамія, и Иранъ. Нѣкоторое измѣненіе внесли, правда, событія конца 3-го и начала 2-го в. до Р. Хр. Въ это время, какъ извѣстно, Антиоху III удалось вырвать изъ рукъ Птолемеевъ Финикію и Палестину. Возможно, что уже въ это время вновь начался обмѣнъ черезъ Сирійскую пустыню и новый расцвѣтъ Дамаска. Но мы мало объ этомъ знаемъ. Не измѣнило положеніе дѣлъ и то, что власть Селевкидовъ въ Палестинѣ была недолговѣчна. Уже при Антиохѣ IV начались въ Палестинѣ постоянныя войны, которыя, затрудняя обмѣнъ съ Петрой, не могли не содѣйствовать еще большому использованию Селевкидами Евфратскаго пути. Но и объ этомъ мы ничего не знаемъ. Гораздо важнѣе было для исторіи Евфратскаго пути возрожденіе Ирана, образованіе и быстрое усиленіе Парѣянскаго царства.

Мы плохо и односторонне освѣдомлены о парѣянскомъ царствѣ. То, что мы знаемъ, идетъ отъ враговъ Парѣи грековъ и позднѣе римлянъ и конечно носить соотвѣтственную окраску. Для грековъ и римлянъ парѣяне были варварами съ легкимъ налетомъ эллинской цивилизаціи и только. Голоса самихъ парѣянъ мы не слышимъ. Монеты ихъ даютъ только хронологію, надписей въ нашихъ рукахъ мало, историческая парѣянская традиція только одинъ разъ отразилась въ нашихъ классическихъ источникахъ — въ трактовкѣ источникомъ Помпея Трога личности и цѣлей Миерадата Великаго. Мало даетъ и археологія. Руинъ парѣянскихъ дворцовъ и крѣпостей имѣется немало. Но всѣ онѣ — за исключеніемъ Гатры — лежатъ надъ руинами болѣе древнихъ поселеній. Поэтому разслѣдователи этихъ руинъ, старающіеся проникнуть какъ можно скорѣе къ болѣе древнимъ слоямъ, смотрятъ на парѣянскій слой, какъ на досадную

помѣху, отдѣляться отъ которой надо какъ можно скорѣе. Только въ самое послѣднее время интересъ къ парѣянамъ и ихъ преемникамъ сассанидскимъ персамъ оживился. Къ парѣянскому слою стали относиться бережнѣе. Поэтому количество археологическаго матеріала начинается возрастать. Напомню работу Андрэ въ Ассурѣ и его тщательную съемку парѣянской крѣпости, напомню также дѣятельность Саррэ и Герцфельда въ Персіи, тщательное собраніе ими того, что имѣется на поверхности земли. Но это только начало. Парѣя все еще остается загадкой.

Но съ фактами считается надо и Парѣю элиминировать изъ исторіи древняго міра нельзя. Читая эллинистическихъ и римскихъ историковъ, особенно Тацита и Кассія Діона, натыкаешься все время на одну и ту же картину: Парѣя слаба и изнемогаетъ во внутреннихъ раздорахъ, Парѣя — страна варваровъ, враговъ эллинской культуры, парѣянскіе цари — настоящіе жестокіе варвары, слабые и трусливые. Но факты говорятъ иное. Парѣя уже въ III вѣкѣ до Р. Хр. способна была объединить часть Ирана и возстановить частично персидскую имперію, традиціи которой были для нея стимуломъ и путеводной звѣздой. Ни одному изъ талантливыхъ царей дома Селевка не удалось сломить Парѣю и вернуть Иранъ подъ свою руку. Наоборотъ Парѣя все растетъ и растетъ. Парѣянской становится часть Индіи, къ Парѣи тянутся всѣ иранскія земли, наконецъ Парѣя движется и на западъ и во II в. вся Месопотамія оказывается въ ея рукахъ. Скажутъ, Селевкиды были слабы и заняты были другимъ. Но то, что не удалось Селевкидамъ, не удалось и римлянамъ: ни Помпею, ни Крассу, ни Антонію. А это все крупныя имена. Удалось ли бы завоеваніе и удержаніе Парѣи въ рукахъ Рима Цезарю, объ этомъ гадать бесполезно. Но всѣ и до и послѣ него, кто пытался завоевать Парѣю, терпѣли неудачи. Объясненіе этому одно. Парѣя была сильной и культурной державой, съ упругой и гибкой структурой, о которой мы такъ плохо освѣдомлены и съ оригинальной, творческой цивилизаціей, даже контуровъ которой мы не знаемъ. Тѣмъ важнѣе тщательное, систематическое изслѣдованіе тѣхъ немногихъ руинъ, которыя способны дать намъ представленіе о Парѣи. Таковыми, какъ увидимъ ниже, являются и Дура и Пальмира. Но объ этомъ ниже.

Я уже упомянулъ о томъ, что Парөія въ концѣ III-го и въ началѣ II в. до Р. Хр. все больше и больше расширялась на западъ. Послѣ отчаянныхъ попытокъ двухъ крупнейшихъ Селевкидовъ Антиоха III и Антиоха IV, перваго путемъ похода въ Парөію, второго путемъ новой еще болѣе основательной эллинизации наиболѣе важныхъ городовъ на Евфратѣ остановить это движеніе парөянъ на западъ, Месопотамія во II в. (около 140 - 130 г. до Р. Хр.) кусокъ за кускомъ переходитъ въ руки парөянъ, съ тѣмъ, чтобы остаться парөянской почтой на два столѣтія. Заняли парөяне когда-то въ это время и Дуру. Когда, мы съ точностью не знаемъ.

Послѣдніе годы владычества Селевкидовъ и первые годы владычества Парөянъ были важнымъ временемъ для Дуры. Я увѣренъ, что въ это время Дура сдѣлалась одной изъ крупнейшихъ пограничныхъ крѣпостей сначала Селевкидской державы, затѣмъ державы Парөянской. Объ этомъ такъ ясно говоритъ исторія укрѣпленій Дуры. Въ III в. до Р. Хр., на мой взглядъ, городской стѣны вокругъ Дуры не существовало или, если она была, то стѣна эта нами еще не найдена. Защищали городъ двѣ крѣпости — по обѣ стороны караванной дороги, шедшей вдоль Евфрата. Одна и сейчасъ высится надъ этой дорогой, это такъ назыв. редутъ; уже въ поздне-эллинистическое время она была застроена частными домами. Другая была позднѣе расширена и превращена въ ту цитадель, которая гордо подымается и сейчасъ надъ Евфратомъ по другую сторону Евфратской караванной дороги. Когда построена была цитадель, мы не знаемъ. Но вѣроятно одновременно съ постройкой той стѣны, которая и по сей часъ еще окружаетъ руины всего города. Такъ похожи одинъ на другой способъ стройки этихъ двухъ памятниковъ. Правда, дата городской стѣны проблематична. Cumont и Renard считаютъ ее ранне-селевкидской. Но надо принять во вниманіе, какъ сильно разнится ея способъ стройки отъ несомнѣнно ранне-селевкидскаго способа стройки редута. Это показываетъ, что окружная стѣна города и цитадель либо поздне-селевкидскія, либо парөянскія. Будущее покажетъ кто правъ, Cumont или я.

Какъ бы то ни было, когда то во II-омъ или въ I-омъ в. до Р. Хр. Дура сдѣлалась оплотомъ парөянскаго царства и занята была сильнымъ парөянскимъ гарнизономъ. Сдѣлалась ли она въ это время и центромъ караванной

торговли? Началось ли уже въ это время и развитіе Пальмиры въ караванный городъ? Это не невозможно, если принять во вниманіе, что въ это время на верхнемъ Евфратѣ положеніе дѣль становится все болѣе и болѣе смутнымъ и запутаннымъ. Озроена съ ея столицей Эдессой становится самостоятельнымъ государствомъ подъ властью династіи Абгаровъ, столь знаменитой въ исторіи ранняго христіанства. Самостоятельной становится и Коммагена съ ея полу-иранской царской семьей и полу-иранской культурой. Въ этихъ условіяхъ и Селевкидамъ и Парянамъ выгоднѣе было сообщаться черезъ пустыню, используя Дуру и Пальмиру.

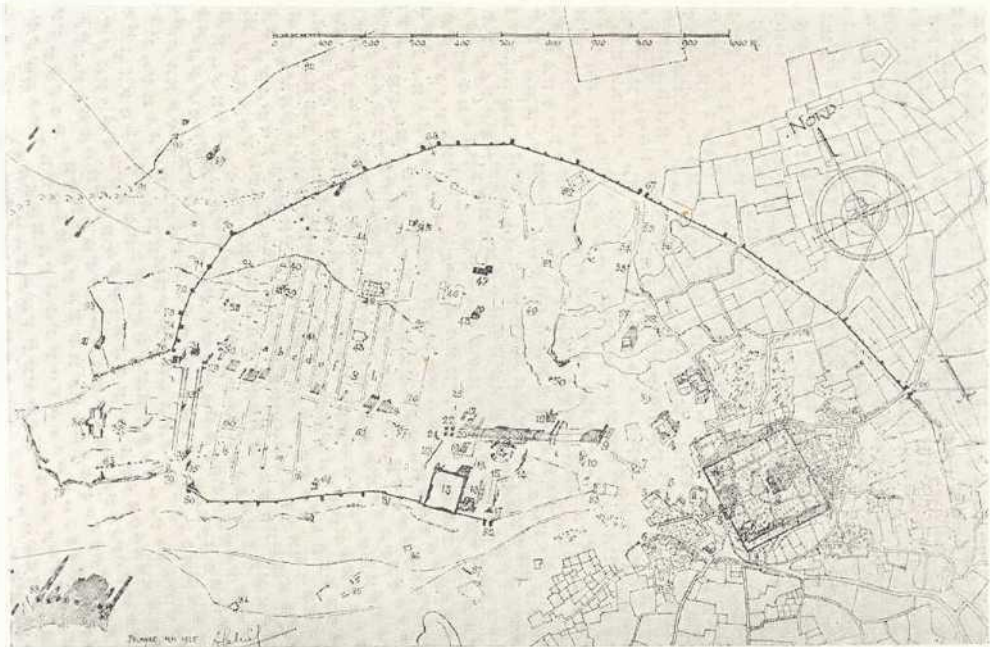
Но временемъ расцвѣта конецъ II-го и начало I в. до Р. Хр. ни для Дуры, ни для Пальмиры не были. Времена были слишкомъ смутны. Война не прекращалась въ это время въ Сиріи. Паряи лихорадочно добивалась завоеванія Сиріи и эллинизмъ отчаянно защищался отъ ея натиска. Эти условія не способствовали процвѣтанію Евфратскаго караваннаго пути. Мы видѣли, какъ его временный закатъ способствовалъ развитію Петры. Несомнѣнно, эллинизмъ не устоялъ бы передъ напоромъ иранизма, если бы на защиту его не выступилъ Римъ, преемникъ Селевкидскихъ традицій въ Сиріи, могучій представитель эллинистическихъ традицій. Римъ, разрушивъ черноморское царство Миѳрадата, положилъ предѣлъ экспансіи иранизма въ М. Азіи. Аннексія Сиріи Помпеемъ имѣла цѣлью поставить крѣпкую плотину противъ сирійской волны иранизма. Извѣстно, къ какимъ долгимъ и кровавымъ войнамъ это привело. Всѣмъ памятенъ Крассъ и Карры, Антоній и его неудачныя попытки завоевать Паряю. Въ эпоху Антонія мы впервые слышимъ о Пальмирѣ. Это уже центръ караванной торговли, достаточно богатый, чтобы раздражить аппетитъ Антонія, но не настолько крупный, чтобы позволить жителямъ всенародно со всѣмъ мужествомъ бѣжать отъ Антонія къ Евфрату, можетъ быть въ Дуру. Въ свѣтъ того, что я сказалъ только что, такое развитіе Пальмиры вполне понятно. Даже анархія не убиваетъ караванной торговли. А въ рамкахъ этой анархіи самымъ безопаснымъ путемъ для немногихъ каравановъ, шедшихъ изъ Паряи въ Сирію, все-таки былъ путь черезъ пустыню, черезъ Пальмиру. Но отъ этого до процвѣтанія еще далеко.

Пораженіе и гибель Красса и неудача Антонія ясно по-

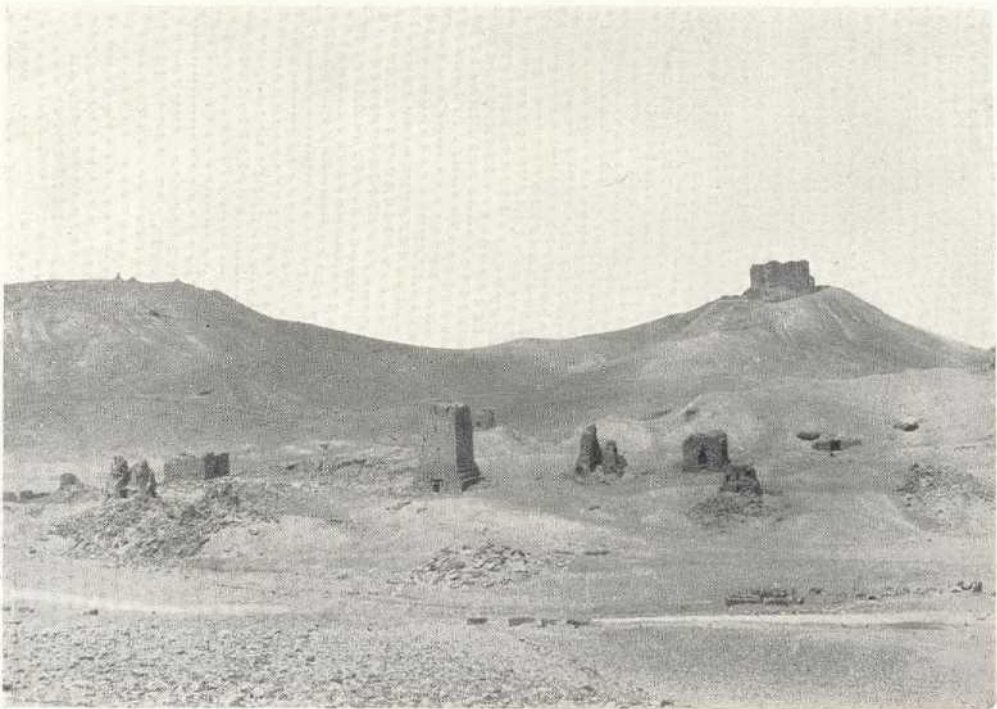
казали всѣмъ, кто имѣлъ глаза, чтобы видѣть, что силой на Евфратѣ ничего кромѣ анархіи не создать. Парѣяне убѣдились, что Сирію имъ Римъ не отдастъ, римлянамъ стало ясно, что завоеваніе Парѣи слишкомъ дорогая и сложная затѣя, не по плечу даже римской имперіи. Между тѣмъ миръ на Евфратѣ нуженъ былъ и Парѣи и Риму. Слишкомъ жизненны были для обоихъ ихъ торговые интересы. Завоевать этотъ миръ разъ навсегда было невозможно. Нуженъ былъ компромиссъ и соглашеніе. Это ясно осознано было Августомъ. Его дипломаты сдѣлали то, чего не сдѣлали генералы республики. Возстановили караванную торговлю на Евфратѣ, возобновили вѣковыя торговыя сношенія между Ираномъ и Сиріей. Монеты Августа, прославляющія возвращеніе парѣянами Крассовскихъ знаменъ и плѣнныхъ, на самомъ дѣлѣ увѣковѣчили установленіе на время рах Романа и на Евфратѣ, а съ нею и возстановленіе Евфратской караванной торговли.

Можетъ быть когда нибудь въ руинахъ Пальмиры найдень будетъ документъ или документы, не менѣ важные, чѣмъ найденный Абамелекъ-Лазаревымъ пальмирскій тарифъ и чѣмъ такіе документы, какъ завѣщаніе Аттала III-го Пергамскаго, документы, подчеркивающіе триумфы римской дипломатіи. Ненайденные пальмирскіе документы, о которыхъ я говорю, это хартія основанія Пальмиры, какъ большого караваннаго города. Врядъ ли документы эти имѣли форму договора между Парѣей и Римомъ. Скорѣе всего это было по существу таможенное соглашеніе между Римомъ и Пальмирой и Парѣей и Пальмирой въ формѣ писемъ, адресованныхъ Пальмирѣ Августомъ или его легатомъ въ Сиріи съ одной стороны и парѣянскимъ царемъ съ другой. Какова бы ни была форма документовъ, смыслъ ихъ ясенъ. Въ результатѣ ихъ Пальмира сдѣлалась нейтральнымъ, полунезависимымъ городомъ, гдѣ обмѣнивались товарами двѣ формально враждебныя другъ другу державы — Парѣянская и Римская. Обѣ державы несомнѣнно гарантировали Пальмирѣ не только свободу, но и безопасность. Обѣ онѣ обязались охранять границы Пальмирской области и безопасность самого города. Обѣ вѣроятно признали ту форму правленія, которую онѣ же продиктовали новому государству.

Результатомъ этого соглашения было головокружительно быстрое развитіе Пальмиры въ одинъ изъ самыхъ

1. Планъ Пальмиры. 1-3. Главный входъ. — 9. Триумфальная арка на колонной улицѣ. — 13. Т. наз. театр. — 18. Караванъ-серай (воспроизведено съ разрѣшенія издательскаго дома P.Grothner, изъ Syria, 1926 табл. XII).

2. Некрополь Пальмиры съ погребальными башнями.

1. Колонная улица Пальмиры.

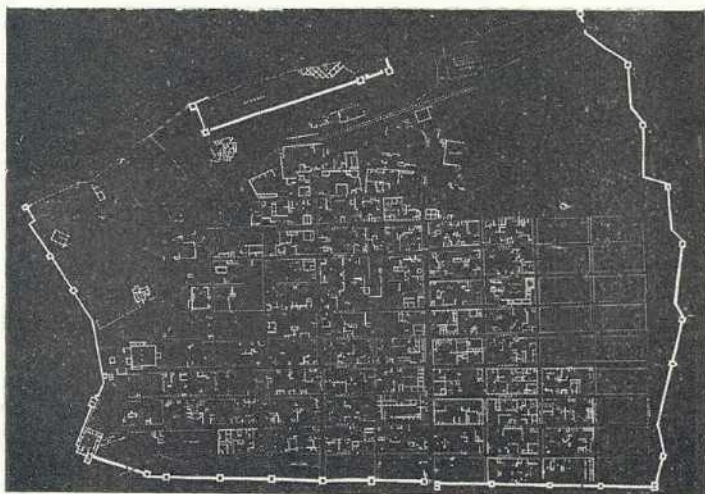
2. Триумфальная арка и на фонѣ руины главнаго храма

1. Перистиль богатого дома.

2. Знатный палмирец — водитель каравановъ и его семья.

1. Планъ Дуры.

2. Воздушная фотографія сѣв. половины города.

богатыхъ, роскошныхъ и изящныхъ городовъ Сиріи. Какъ бы по мановенію волшебнаго жезла кудесника выросъ городъ изъ песковъ пустыни. Старый, вѣроятно небольшой и скромный храмъ деревни Тадморъ превратился уже въ эпоху Августа и Тиберія въ одно изъ самыхъ импозантныхъ святилищъ Сиріи, не менѣе импозантное чѣмъ комплексъ храмовъ Баальбека. Въ руинахъ Пальмирскаго храма и сейчасъ сидятъ уютно цѣлая деревня, мечеть которой пріютилась въ святомъ святыхъ храма *). Караванная дорога, шедшая черезъ деревню, сдѣлалась однимъ изъ самыхъ грандіозныхъ проспектовъ городовъ римской Сиріи съ сотнями колоннъ, окаймлявшими его, съ арками и тетрапиллами его подраздѣлявшими, съ балконами и галереями, выходившими на него. Кусокъ пустыни недалеко отъ источника, гдѣ останавливались караваны, обстроился грандіозными зданіями и сталъ комплексомъ построекъ, гдѣ сосредоточилась торговая и политическая жизнь города. И наконецъ рядомъ съ использованием не очень богатыхъ водою сѣрныхъ источниковъ купцы Пальмиры каптировали всѣ поверхностныя скопленія воды въ районѣ Пальмиры на десятки верстъ въглубь пустыни и провели эту воду въ бурно росшіи городъ.

Какова была конституція города, мы въ точности не знаемъ. Но несомнѣнно, что управленіе Пальмиры, какъ и Петры, лежало въ рукахъ небольшой группы богатыхъ купцовъ, организаторовъ и руководителей каравановъ, ловкихъ дѣльцовъ, искусныхъ дипломатовъ и храбрыхъ генераловъ. Были ли они всѣ членами старѣйшихъ и наиболѣе богатыхъ и знатныхъ родовъ того племени, которое искони владело Пальмирой, мы не знаемъ. Возможно, что въ Пальмирскую аристократію проникли и чужеземцы. Характерно, что намъ извѣстно нѣсколько пароянскихъ семей, но ни одной чисто греческой. Какъ велико было населеніе города, учету не поддается. Думается, однако, что число жителей было не велико. Даже о десяткахъ тысячъ говорить не приходится. Купцы и ихъ челядь врядъ ли были особенно многочисленны.

Типична культура города. Знаемъ о ней мы немало,

---

*) Деревня эта, по послѣднимъ, полученнымъ мною извѣстіямъ, разрушается и освобожденные остатки храма укрѣпляются. Слѣдующимъ актомъ Сирійскаго археологическаго управленія будетъ систематическая раскопка храма.

но изслѣдована она не была никѣмъ. Если пальмирцы и были когда то полукочевыми бедуинами, то бедуинскіе навыки свои они быстро утратили въ своемъ новомъ городѣ. Жили они въ роскошныхъ многоколонныхъ домахъ парѣяно-вавилонскаго типа съ кое-какими греческими вліяніями. Архитектура и домовъ и общественныхъ зданій — греческая, но съ особымъ восточно-сирійскимъ налетомъ, за объясненіемъ котораго надо идти не въ Палестину или Финикію, а въ Парѣю. Такова же и ихъ скульптура, на мой взглядъ, греко-парѣянская. Въ парѣянскомъ характерѣ пальмирской живописи сомнѣній быть не можетъ. Еще болѣе парѣянскими являются одежда пальмирскихъ купцовъ и одежда и драгоценности ихъ женъ. Только ихъ языкъ, письмо и религія остались семитическими, хотя для послѣдней это положеніе требуетъ тщательной провѣрки. Семиты ли дѣйствительно три бога-воителя Пальмиры? Чисто ли семитическимъ являлся пальмирскій культъ и его организація? Все это вопросы, никѣмъ до сихъ поръ тщательно не изслѣдованные.

Во всякомъ случаѣ характерно то, что обликъ Пальмиры ближе къ Парѣи чѣмъ къ Риму. Вліяніе Парѣи въ Пальмирѣ сильнѣе, чѣмъ вліяніе огреченной Сиріи. Парѣянское, а не римское было модой въ Пальмирѣ. Потому ли, что въ Парѣю главнымъ образомъ ходили пальмирскіе караваны, въ Селевкію и Ктесифонъ и еще дальше въ глубь страны, потому ли что немало парѣянь жило въ Пальмирѣ, потому ли, что болѣе близки были по духу парѣяне пальмирцамъ? Кто знаетъ. Но фактъ остается. Пальмира, несомнѣнно, болѣе похожа была на греко-парѣянскіе города Месопотаміи, чѣмъ на греко-семитическіе Сиріи и Палестины.

Что случилось съ Дурой въ это время? Дура, это мы знаемъ точно, осталась парѣянской крѣпостью вплоть до 164-го года по Р. Хр. Въ ней стоялъ сильный парѣянскій гарнизонъ, въ ней жили парѣянскіе губернаторы, вся жизнь Дуры протекала подъ парѣянскимъ контролемъ. Населеніе Дуры осталось македонскимъ и продолжало говорить по гречески, но оно сильно обѣирианилось, такъ же сильно, какъ въ то-же время обѣирианилось населеніе Пантикапей-Керчи на югѣ Россіи. Одновременно дуранцы, конечно, и осемитились, главнымъ образомъ постольку, поскольку женщины Дуры были въ значительной долѣ семитическаго происхожденія. Но культура Ду-

ры была въ то время греко-иранской, а не греко-семитической. Объ этомъ такъ опредѣленно говорятъ костюмы жителей Дуры, мужчинъ и женщинъ, какъ видимъ мы ихъ на фрескахъ храма Бела изданныхъ Брестедомъ и Кюмонъ. Парояно-вавилонскимъ, а не греческимъ и греко-семитическимъ является и искусство Дуры, ся живопись и ся скульптура. И техника, и стиль уже упомянутыхъ фресокъ храма Бела въ основѣ своей вавилоно-иранскіе, съ преобладаніемъ, пожалуй, иранскаго элемента. Загадкой является культъ и религія. Имена боговъ въ Дурѣ греческія. Но кто такая Артемида Дуры? Вавилонская Нанайа, да. Но нѣтъ ли въ ней и кое-чего отъ Астарты и Анаитисъ или синкретизма обѣихъ? Жрецы храма Бела такъ похожи на персидскихъ маговъ! И по существу вавилонская религія этого времени вѣдь почти сдѣлалась официальной религіей этой части Парөи.

Время пароянскаго владычества было временемъ высшего расцвѣта для Дуры. Дура была въ пароянское время не только крупной крѣпостью и караванной станціей, какъ при Селевкидахъ, она сдѣлалась настоящимъ большимъ и богатымъ укрѣпленнымъ караваннымъ городомъ. Весьма вѣроятно, какъ я уже говорилъ, что Дура была пограничной крѣпостью сначала селевкидскаго, затѣмъ пароянскаго царства, чѣмъ объясняется ея военный аспектъ, ся могучія стѣны, ея цитадель. Съ основаніемъ Пальмиры Дура стала однако не только крѣпостью, но и ключемъ къ большой караванной дорогѣ, шедшей отъ Евфрата къ Пальмирѣ. Одинъ взглядъ на карту показываетъ, что ближайшая къ Пальмирѣ переправа черезъ Евфратъ это Дура. Если Дура была, какъ я думаю, къ тому же самой сѣверной крѣпостью пароянъ на Евфратѣ, то естественно, что парояне черезъ нее пускали всѣ пальмирскіе караваны, шедшіе какъ въ Месопотамію, такъ и въ Иранъ, и всѣ караваны, шедшіе оттуда въ Пальмиру. Гарнизонъ Дуры обезпечивалъ безопасность караванныхъ дорогъ на западъ, на югъ и на востокъ и переправу черезъ Евфратъ, и этого было достаточно для того, чтобы всѣ караваны не только шли черезъ Дуру, но и останавливались въ ней на болѣе или менѣе продолжительное время.

Результатомъ было обогащеніе Дуры. Македонскіе помѣщики превратились въ левантинскихъ купцовъ, снабжавшихъ караваны виномъ, масломъ, хлѣбомъ, овощами, зѣлочными животными и т. д. и взиравшихъ съ нихъ за

пробываніе въ ихъ городѣ и за пользованіе имъ разнообразныя сборы наряду съ таможенными сборами, вѣроятно собиравшимися пареянами. Одинъ взглядъ на руины Дуры говоритъ за то, что въ I в. послѣ Р. Хр. Дура была большимъ и богатымъ городомъ съ населеніемъ по меньшей мѣрѣ въ 4 - 5 тысячъ. Но величина города можетъ быть и наслѣдіемъ прошлаго. Характерно однако, что наиболѣе видныя и богатые памятники Дуры, намъ извѣстныя, всѣ восходятъ къ I в. по Р. Хр.: храмы Артемиды и Анаитисъ съ «театрами», храмъ Бела съ его роскошными фресками, говорящими объ украшеніи его на средства одного изъ виднѣйшихъ гражданъ Дуры, всѣ они выстроены были въ I в. по Р. Хр.

Извѣстно, какъ умѣренная, разумно-мирная политика Августа и его преемниковъ на Востокѣ измѣнилась при Траянѣ, въ началѣ II-го в. по Р. Хр. Здѣсь не мѣсто говорить о Траянѣ вообще. Важно однако отмѣтить, что онъ сознательно покончилъ съ политикой компромиссовъ и соглашеній Августа на Востокѣ и отъ дипломатіи перешелъ къ стратегіи, отъ переговоровъ и соглашеній къ завоевательнымъ войнамъ, въ этомъ наслѣдникъ традицій Цезаря и Антонія. Траянъ, вѣроятно, убѣжденъ былъ, что римская имперія достаточно сильна, а Парея достаточно слаба для того, чтобы осуществимы стали планы Цезаря и чтобы весь культурный міръ вновь сдѣлался единымъ, какъ при Александрѣ Великомъ. Исторія его пареянской войны извѣстна только въ контурахъ, да и контуры не вполне ясны. Несомнѣнно однако, что Траяну удалось на время отнять Месопотамію у пареянъ и превратить ее въ римскую провинцію. Взялъ ли онъ и Дуру во время своего похода или она была эвакуирована пареянами безъ боя, намъ неизвѣстно. Послѣднее однако болѣе вѣроятно.

Завоеванія Траяна врядъ ли наполнили сердца пальмирцевъ и дуранцевъ энтузіазмомъ. Постоянная оккупация Месопотаміи римлянами не сулила Пальмирѣ ничего хорошаго. Ея роль посредника между Пареией и Римомъ кончалась, а съ ней и ея самостоятельность, и ея богатство. Пальмирѣ грозила участь превратиться въ одинъ изъ торговыхъ провинціальныхъ городовъ Рима и вѣроятно постепенно обѣднѣть въ безнадежной борьбѣ съ болѣе старыми караванными городами. Политика Траяна была почти безразлична для Петры, она была смертельнымъ ударомъ для Пальмиры.

Но римская провинція Месопотамія просуществовала недолго. Извѣстно, какъ возстанія въ Месопотаміи и внутри римской имперіи не дали Траяну закончить его военную задачу въ Парѣи и какъ вскорѣ послѣ перерыва парѣянскаго похода Траянъ умеръ. Политика его преемника Адріана была возобновленіемъ Августовской традиціи. Месопотамія и съ ней Дура возвращены были парѣянамъ. Пальмира вздохнула свободно. Адріанъ сталъ новымъ ея основателемъ. Недаромъ же пальмирцы стали называть себя съ этого времени «пальмирцами Адріановскими». Какова была политика Адріана въ Пальмирѣ, намъ въ точности неизвѣстно. Но римскимъ провинціальнымъ городомъ Пальмира при немъ не сдѣлалась. Городъ сохранилъ свою автономію. Это показываетъ тотъ фактъ, что взиманіе таможенныхъ пошлинъ въ Пальмирѣ, какъ показываетъ уже упоминавшійся пальмирскій тарифъ, регулируется не римскими прокураторами или легатомъ Сиріи, а Совѣтомъ города Пальмиры, можетъ быть по указаніямъ римской администраціи. Все же создается впечатлѣніе, что послѣ Траяна Пальмира тѣснѣе связалась съ Западомъ, приняла болѣе греческій видъ, чѣмъ раньше. Характерно, что впервые въ это время многіе ея граждане дѣлаются одновременно и римскими гражданами.

При Адріанѣ и его преемникахъ вплоть до смутъ III в. по Р. Хр. Пальмира пережила время своего самаго пышнаго расцвѣта. Большая часть наиболѣе крупныхъ зданій Пальмиры выстроены были въ это время. Большая часть колоннъ большого проспекта поставлены были тогда же. Хотя наиболѣе знаменитыя надгробныя башни Пальмиры и нѣсколько старше, но большинство ихъ несомнѣнно также построено во II в. по Р. Хр. Наконецъ, въ это же время вѣроятно увеличилась и территорія, приписанная Пальмирѣ. По крайней мѣрѣ, съ этого времени Пальмира была въ состояніи поставлять римской арміи отряды своихъ конныхъ лучниковъ. Особенно же характерно, что съ этого времени пальмирцы широко развили свою торговлю. Они не довольствуются ролью посредниковъ между Парѣей и торговыми городами Сиріи. Имъ мало посылать караванъ за караваномъ въ главнѣйшіе торговые города Парѣи. Минуя Дамаскъ и города Финикіи, они основываютъ свои торговыя агентства далеко за предѣлами Востока: на Дунаѣ, въ далекой Дакіи, Италіи, вѣроятно и въ Галліи и Испаніи. Одновременно ихъ купцы появля-

ются en masse и въ Египтѣ. Не удивительно, что и въ столицѣ міра — Римѣ пальмирцы имѣютъ въ это время святилище своихъ боговъ и украшаютъ его статуями и алтарями. Этимъ ростомъ пальмирской торговли, этими далекими торговыми связями, сосредоточеніемъ въ Пальмирѣ большихъ капиталовъ объясняется и то, на первый взглядъ странное явленіе, что и часть петрейскихъ каравановъ идетъ теперь не прямо въ порты Финикіи, а черезъ Бостру сначала въ Пальмиру. Пальмира стала не только караваннымъ городомъ, но и караваннымъ банкомъ.

Только эпизодами въ исторіи развитія Пальмиры были повторныя попытки преемниковъ Адриана возобновить политику Траяна и использовать трудное положеніе парѳянскаго царства, переживавшаго канунъ своей смерти, т. е. вѣрнѣе перехода власти въ руки другой династіи — сассанидской и въ руки другой части иранскаго племени — персовъ. Первой такой попыткой послѣ смерти Траяна былъ походъ брата М. Аврелія Л. Вера. Походъ этотъ былъ первой вполнѣ удачной для Рима войной съ Парѳіей. Удачей этой Римъ обязанъ былъ талантамъ Авидія Кассія, позднѣе неудачнаго претендента на римскій престолъ. Результатомъ его было длительное присоединеніе къ Риму сѣверной Месопотаміи. Съ нею перешла къ Риму и Дура и стала съ 165 г. по Р. Хр. не парѳянской, а римской крѣпостью съ сильнымъ римскимъ гарнизономъ.

Эта перемена подданства въ общемъ положенія Дуры не измѣнила. И при римлянахъ Дура осталась караваннымъ городомъ, хотя весьма вѣроятно, что отнынѣ повторныя войны на Евфратѣ отвлекли часть каравановъ къ другимъ путямъ, напримѣръ Селевкія - Бостра - Пальмира или его вариантамъ.

Со времени Септимія Севера политика завоеваній становится традиціонной на Евфратѣ. Самъ полу-семиць С Северъ создалъ почти чисто семитическую династію. Рядъ энергичныхъ женщинъ — жена Севера Юлія Домна и ея преемницы Юлія Мэза, Юлія Маммея и Юлія Соэміада — играли главную роль въ политикѣ преемниковъ Севера — Каракаллы, Элагабала, Севера Александра. Эллинизованныя семитки, выросшія въ традиціяхъ Селевкидовъ, эти женщины мечтали о римской имперіи съ центромъ на Востокѣ, о римской имперіи, которая возобновила бы восточно-греческую имперію Александра Великаго. Лозунгомъ этихъ женщинъ сдѣлалось завоеваніе Парѳіи. Но.

хотя Парөія и была въ агоніи, осуществить это завоеваніе Северамъ не удалось. Положеніе дѣла осталось тѣмъ же, какимъ оно было при М. Авреліи. Въ рукахъ Рима осталась сѣв. Месопотамія. Присоединить къ ней и южную Северамъ, несмотря на всѣ усилія, не удалось. Послѣ Септимія Севера начинается рядъ неудачъ. Извѣстно, что его наслѣдникъ Каракалла былъ убитъ на походѣ противъ парөянъ своими же солдатами, а Александръ Северъ встрѣтившійся уже съ сассанидами, еле унесъ свои ноги съ Евфрата.

Для Пальмиры эпоха правленія Северовъ была временемъ большихъ переменъ и большихъ новшествъ. Семитическая династія относилась къ Пальмирѣ съ большою симпатіей и большимъ довѣріемъ. Немало пальмирцевъ находить теперь доступъ въ ряды римской имперской аристократіи; еще большее ихъ количество, почти вся пальмирская аристократія, становятся римскими гражданами. Въ это же время Пальмира получаетъ титулъ римской колоніи, такъ же, какъ и Дура и другіе города Сиріи. Значитъ ли это послѣднее, что Пальмира стала римскимъ провинціальнымъ городомъ, потеряла свою свободу и автономію? Отнюдь нѣтъ. Никогда еще Пальмира не была такъ самостоятельна, какъ при Северахъ.

Въ ранне-императорское время Пальмира, несмотря на свою автономію, врядъ ли имѣла свое собственное войско. Врядъ ли сюзерены ея — Римъ и Парөія — потерпѣли бы существованіе по близости ихъ границъ сильнаго военнаго государства. При Северахъ положеніе дѣла измѣнилось. Уже при Септиміи Северѣ, во время сего парөянскаго похода, мы слышимъ о назначеніи генералами Севера пальмирца начальникомъ пальмирской военной полиціи. Позднѣе эта пальмирская милиція превращается въ регулярное войско, въ рядъ пальмирскихъ когортъ подъ командою римскихъ офицеровъ. Одна изъ этихъ когортъ составляла гарнизонъ Дуры при Александрѣ Северѣ и вѣроятно позднѣе. Начальникомъ этой пальмирской арміи былъ вѣроятно, по крайней мѣрѣ во 2-й пол. III в. по Р. Хр., военный губернаторъ Пальмиры, ея прокураторъ, въ большинствѣ случаевъ членъ пальмирской аристократіи, по существу вассальный царекъ. Однимъ изъ такихъ царьковъ во второй половинѣ III в. по Р. Хр. былъ парөянинъ Септимій Вородъ. Такимъ же «прокураторомъ» Рима былъ

и знаменитый Оденаѡъ, мужъ еще болѣе знаменитой Зенобіи, о которой ниже.

Новая организація Пальмиры принесла свои плоды, когда настало для римской имперіи время тяжелыхъ испытаній. Въ эпоху глубокой и длительной соціальной и политической революціи въ римской имперіи, начавшейся послѣ смерти Александра Севера и длившейся болѣе пятидесяти лѣтъ, положеніе Сиріи было критическимъ. Персы были сильны, а Римъ слабъ. Извѣстно, какъ одинъ изъ эфемерныхъ императоровъ этого времени Валеріанъ пытался остановить натискъ Сапора или Шапура, какъ онъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ и какъ волна персовъ разлилась по всей Сиріи. Захлестнула она и Дуру. Наши раскопки показали, что Дура въ это время была взята врагами и все что говорило о римскомъ владычествѣ безжалостно уничтожено.

Римъ былъ безсильнъ помочь Сиріи. Но у Пальмиры и ея губернатора Оденаѡа оказалось достаточно смѣлости и рѣшимости, чтобы отстоять отъ персовъ своими силами свою территорію и отбросить персовъ вновь за Евфратъ. Когда послѣ этого успѣха казалось, что власть Рима никогда болѣе не вернется, жена Оденаѡа, знаменитая Зенобія, рѣшила поставить точки на і. Она объявила себя царицей Пальмиры и тяготѣвшихъ къ ней мѣстностей. Караванная торговля, создавшая Пальмиру, создала теперь и караванную имперію и караванную императрицу. Не случайно то, что въ эту имперію вошелъ и Египетъ. Не забудемъ, что Египетъ уже давно находился въ сферѣ торговаго вліянія Пальмиры.

Но недолговѣчно было караванное царство Зенобіи. Извѣстно, какъ оправилась римская имперія и какъ восстановитель ея единства — императоръ Авреліанъ взялъ и разрушилъ Пальмиру и какъ въ его триумфѣ фигурировала караванная царица Зенобія. Когда то въ это время погибла и Дура. Взялъ ли и ее Авреліанъ и затѣмъ эвакуировалъ, захватили ли ее номады, мы не знаемъ. Знаемъ только, что со второй половины III в. по Р. Хр. прекращаются наши свѣдѣнія и что когда то около этого времени цвѣтущій караванный и военный городъ сталъ частью пустыни. Руиной и частью пустыни видѣлъ ее уже императоръ Юліанъ, прошедшій черезъ Дуру въ своемъ знаменитомъ походѣ, одной изъ послѣднихъ попытокъ воскресить римскую власть на Евфратѣ. Нѣсколько позже Дуры

частью пустыни сдѣлалась и Пальмира. Ее никто не разрушалъ и не убивалъ. Ослабленная Аврелианомъ, она не возродилась. Караванная торговля конечно возродилась. Но пошла она не черезъ Пальмиру. И Пальмира медленно умерла. У караванной торговли свои прихоти. Она создаетъ города, но она же и убиваетъ ихъ.

V. Пальмира и Дюра.

Руины.

Руины Пальмиры вмѣстѣ съ руинами Петры, несомнѣнно, являются самыми романтическими руинами древняго міра. Не сравниться съ ними ни руинамъ М. Азии и Греціи, ни руинамъ Италіи или Африки. Рядъ причудливыхъ фасадовъ гробницъ на фонѣ разноцвѣтныхъ скалъ въ сказочной долинѣ Петры оставляютъ во всякомъ посѣтителѣ незабываемое впечатлѣніе. Такія же сильныя, романтическія въ основѣ своей, переживанія вызываетъ во всякомъ безъ исключенія путешественникѣ и Пальмира. Я читалъ немало описаній Пальмиры и того впечатлѣнія, которое она оставляетъ въ томъ, кто впервые приближается къ ней. Мнѣ казалось, что это риторическій романтический трафаретъ и шаблонъ. Но долженъ сознаться, что, когда послѣ долгой ѣзды по пустынѣ появились на горизонтѣ сначала силуэты Пальмирскихъ погребальныхъ башенъ-мавзолеевъ, а затѣмъ въ дымкѣ песочной завѣсы, поднятой вѣтромъ, столь характерной для Пальмиры, стали вырисовываться туманныя очертанія колоннъ и арокъ города на сѣрозолотистомъ фонѣ пустыни, я испыталъ то же чувство романческаго очарованія, которое испытали и всѣ мои предшественники. Не забудемъ, что современный путешественникъ подъѣзжаетъ къ Пальмирѣ на Фордѣ или Шевролѣ и останавливается въ комфортабельной гостиницѣ, что не способствуетъ романтическому настроенію, тогда какъ еще 20 лѣтъ тому назадъ посѣщеніе Пальмиры возможно было только на верблюдахъ, въ сопровожденіи вооруженной охраны и не безъ опасности. Пальмирскіе шейхи всегда славились своей жадностью и коварствомъ.

Самая романтическая руина древняго міра и извѣстна

сдѣлалась въ самое романтическое время европейской исторіи, въ XVIII в. съ его классицизмомъ и романтической реакціей противъ него. Правда, Пальмиру впервые посѣтилъ англичанинъ Вилліамъ Халифаксъ въ 1691 г., но его рисунки и журналъ его путешествія привлекли вниманіе только специалистовъ-археологовъ. Интересно, что слѣдующее посѣщеніе Пальмиры европейцемъ тѣсно связано съ событіями нашей русской исторіи. Въ штабѣ Карла XII шведскаго во время Полтавскаго его похода находился шведскій архитекторъ Корнелій Лоосъ, позднѣе строитель Штральзундскихъ присутственныхъ мѣстъ. Во время турецкаго плѣненія Карла въ Бендерахъ онъ былъ съ нимъ и рисовалъ для него новыя формы для его солдатъ. Въ то же время въ мартѣ 1710 г. отправился онъ по порученію короля въ путешествіе по Сиріи, Палестинѣ и Египту для зарисовки ихъ памятниковъ. Нѣсколько позже попалъ онъ и въ Пальмиру, гдѣ прожилъ нѣкоторое время и гдѣ зарисовалъ важнѣйшія ея руины. Въ 1711 г. онъ представилъ королю свой отчетъ и рисунки, часть которыхъ погибла во время шведо-турецкихъ боевъ въ Бендерахъ. То, что осталось отъ отчета Лооса и его рисунковъ хранится въ Университетской Библіотекѣ въ Упсалѣ. Миѣ эти рисунки сдѣлались извѣстны благодаря любезности проф. Андерсона (Лундъ). Къ сожалѣнію, отчетъ и рисунки Лооса остались неизданными.

О славѣ Пальмиры впервые рассказалъ по настоящему въ 1753 г. англичанинъ Вудъ, біографія и дѣятельность котораго намъ очень плохо извѣстны, но книга котораго имѣла въ свое время огромный успѣхъ во всемъ культурномъ мірѣ. Подъ вліяніемъ этой книги, не забудемъ этого, французскіе друзья Екатерины называли ея городъ сѣверной Пальмирой и очевидно отождествляли Екатерину съ Зенобіей, какъ отождествляли они ее и съ не менѣе романтической, хотя и менѣе исторической Семирамидой. Не скажу, чтобы это было очень лестно для Екатерины и для русскихъ. Но имя сѣверной Пальмиры за Петербургомъ удержалось. Интересно и то, что книга Вуда осталась классической и по сей часъ. Никто послѣ Вуда не удосужился написать общую книгу о Пальмирѣ. Да и специальныхъ изслѣдованій о Пальмирѣ имѣется немного, хотя Пальмирскія древности, бюсты и статуи ея обитателей, части ея каменной просопографіи имѣются во всѣхъ музеяхъ міра. Одной изъ немногихъ интересныхъ книгъ

о Пальмирѣ является русская книга того же Абамелекъ-Лазарева, которому обязаны мы и одной изъ лучшихъ монографій о Джерашѣ. Онъ же нашель и длиннѣйшій текстъ на пальмирскомъ діалектѣ арамейскаго языка, знаменитый пальмирскій тарифъ, одинъ изъ интереснѣйшихъ документовъ для исторіи Пальмиры, къ сожалѣнію изданный не русскими, а нѣмцами. Камень этотъ стараніями нашего бывшаго археологическаго Института въ Константинополѣ перевезенъ былъ незадолго до войны въ Петербургскій Эрмитажъ. Отмѣчу еще, что въ исторіи разслѣдованія Пальмиры немалую роль играетъ экспедиція пок. акад. Э. И. Успенскаго и Б. В. Фармаковскаго, которой удалось не только перевезти тарифъ въ Петербургъ, но и впервые зарисовать и издать фрески случайно открытой приблизительно въ это время росписной гробницы, которую теперь въ Пальмирѣ показываютъ туристамъ, какъ гробницу Зенобіи. По научному значенію съ этой экспедиціей можетъ конкурировать только недавняя экспедиція извѣстныхъ доминиканцевъ изъ Іерусалима — Jaussen и Savignac.

Только въ самое послѣднее время кончилась для Пальмиры эра археологическихъ экспедицій и налетовъ и болѣе или менѣе основательныхъ съемокъ того, что имѣлось на поверхности, а также эра систематическаго грабежа туристами и торговцами древностей и началось время болѣе систематической, спокойной и длительной работы, эра раскопокъ, а, главное, болѣе или менѣе послѣдовательной охраны и реставраціи руинъ. Этимъ мы обязаны французской Академіи Написей, сирійскому правительству и администраціи французскаго мандата въ Сиріи. Надо сказать, что пришла эта эра своевременно. Съ появленіемъ автомобилей расхищеніе Пальмиры пошло гигантскими шагами. Съ другой стороны и время сдѣлало свое: черезъ десятокъ лѣтъ не осталось бы почти ни одной стоящей колонны и арки въ Пальмирѣ, всѣ были бы на землѣ, какъ лежатъ на землѣ сотни колоннъ, которыя видѣли стоящими Loos и Wood.

Въ задачу этого краткаго очерка не входитъ подробное описаніе руинъ Пальмиры. Это потребовало бы мѣсяцевъ и мѣсяцевъ работы на мѣстѣ и должно было бы сопровождаться раскопками наиболѣе важныхъ комплексовъ зданій. Безполезно, напримѣръ, еще разъ описывать великолѣпный храмъ Пальмиры, въ его

печальномъ современномъ состояніи. Мало толку и въ повтореніи описаній другихъ, еще стоящихъ памятниковъ. Безъ раскопокъ оно будетъ и сейчасъ такъ же мало вразумительно, какъ и въ книгѣ Wood'a. Раскопано же въ послѣднее время только очень немного зданій въ Пальмирѣ: два частныхъ дома, да одно зданіе на главной площади города.

Какъ ни скудно наше знаніе деталей, общія линіи города ясны, яснѣе на скелетѣ города, затаянномъ пескомъ, чѣмъ были бы въ городѣ сплошь раскопанномъ, гдѣ детали затемнили бы главное. Передъ городомъ живыхъ выстроились погребальныя башни и надгробные мавзолеи другихъ типовъ города мертвыхъ. Для историка — это драгоценнѣйшіе памятники. Не только потому, что такъ оригинальна ихъ архитектура, такая не греческая и такъ мало семитическая, не только потому, что такъ великолѣпно сохранилось внутреннее убранство, живописное и скульптурное многихъ изъ нихъ, съ его орнаментальными, реалистически-портретными и религіозными мотивами, но главнымъ образомъ потому, что гробницы подчеркиваютъ линіи доступа къ городу — караванныя дороги, а сотни портретовъ погребенныхъ съ ихъ надписями говорятъ намъ объ исторіи наиболѣе могучихъ и наиболѣе богатыхъ родовъ пальмирской купеческой аристократіи. Какъ тяжело думать о томъ, какъ легко было бы составить настоящую историческую просопографію Пальмиры, если бы большинство этихъ гробницъ не было разграблено арабами и европейцами и бюсты и надписи не были бы разсѣяны безъ указанія мѣста ихъ происхожденія по сотнямъ общественныхъ и частныхъ музеевъ и собраний Европы и Америки.

За городомъ мертвыхъ начинается городъ живыхъ. Какъ долго этотъ городъ былъ открытымъ городомъ, не защищеннымъ стѣнами, или лучше, какъ долго укрѣпленнымъ былъ только главный храмъ его, мы сказать не можемъ. Только тщательное изслѣдованіе стѣнъ города дастъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Но такого изслѣдованія пока еще не сдѣлано. Знаемъ мы только, что нынѣ стоящія стѣны города — поздняго времени, частью времени Зенобія, частью еще болѣе поздняго. Но, какъ и въ Петрѣ и въ Джерашѣ, стѣны не опредѣляютъ главныхъ линій города. Ихъ даетъ караванная торговля. Пальмира — самый типичный караванный городъ древности. Въ Петрѣ караван-

ный характеръ не такъ кристально ясенъ: онъ нѣсколько затемненъ оригинальною топографіей города. Въ Джерашѣ мы все еще ищемъ старый городъ, городъ-крѣпость и все еще гадаемъ о вліяніи его строенія на позднѣйшій караванный городъ. Въ Пальмирѣ линіи караваннаго города сразу бросаются въ глаза.

Всѣ караванныя дороги, шедшія въ Пальмиру съ Запада, сходятся въ городъ въ одну дорогу, въ главную, караванную улицу города, которую первую видитъ путникъ, спускаясь къ городу съ холмовъ пустыни, окаймляющихъ городъ съ запада. Эта улица создала славу Пальмиры въ новое время. И дѣйствительно она импозантна и изящна; интересны ряды колоннъ, арки при скрещиваніи съ поперечными улицами, тетрапилы, наконецъ, знаменитыя коясоли колоннъ, на которыхъ стояли бюсты тѣхъ, кто на свои средства соорудилъ ту или другую колонну главной улицы или группу ихъ. Это соревнованіе всѣхъ пальмирцевъ въ украшеніи улицы показываетъ, что колонный проспектъ Пальмиры не только главная улица города. Это его жизненная артерія, его становой хребетъ. Безъ нея не было бы и Пальмиры.

Прямой линіей бѣжитъ колонный проспектъ Пальмиры съ запада на востокъ. И вдругъ дѣлаетъ тупой уголъ, маскированный и въ то-же время подчеркнутый тройной причудливой аркой, чудомъ иллюзионистической архитектуры. Что случилось съ нашей улицей? По ровной пустыни улица могла бѣжать прямо и дальше. Могла и не могла. Ея дальнѣйшее направленіе продиктовано было «храмомъ», главнымъ храмомъ Пальмиры. Ясно, что тамъ гдѣ возвышаются могучія колонны его периболы, съ ихъ когда то бронзовыми золочеными капителями, искони уже стоялъ храмъ и не могло быть и рѣчи о переносѣ его на другое мѣсто, когда впервые возникъ караванный городъ. Оріентація его продиктована была религіей, а не конфигураціей мѣстности или направленіемъ движенія каравановъ. Въ угоду сму и поворачиваетъ караванная дорога, какъ въ Джерашѣ и Пестрѣ ведутъ подъ прямымъ угломъ могучія дѣстицы къ храму бога, расположенному на вышкѣ, доминирующей надъ городомъ.

Храмъ и караванная дорога, религія и нажива — это главное въ караванномъ городѣ. Религія же давала и защиту, такъ какъ искони храмъ былъ и крѣпостью, куда собиралось все населеніе города во время частыхъ вѣро-

ятно въ раннее время Пальмиры набѣговъ кочевниковъ-бедуиновъ. Третьимъ элементомъ, какъ и въ Петръ, и въ Джерашъ, былъ караванъ-сарай, площадь, гдѣ караваны останавливались и караванщики подготовлялись къ посѣщенію храма. Мѣсто, гдѣ расположился караванъ-сарай Пальмиры извѣстно. Оно подчеркнуто самымъ монументальнымъ тетрапилонъ, опоясывающимъ главную улицу. Площадь, идущая отъ этого тетрапила къ оврагу, никогда цѣликомъ раскопана не была. Окаймляющія ее монументальныя зданія, столь оригинальныя и столь мало понятныя безъ раскопокъ, заслуживаютъ самаго тщательнаго разслѣдованія. Особенно одро — съ могучими стѣнами, окружающими прямоугольную площадь и съ портиками внутри. Думаю, что это типичный караванъ-сарай караваннаго города. Но особенно интересенъ весь комплексъ. Въ ближайшемъ, напримѣръ, сосѣдствѣ съ тетрапилонъ лежитъ раскопанное въ послѣднее время театрообразное зданіе. Архитекторъ Gabriel, раскопавшій его, не сомнѣвается, что это настоящій театръ. Мнѣ это представляется мало вѣроятнымъ. Театрообразныхъ зданій имѣется немало въ городахъ Сиріи. Но театръ въ Сиріи и театръ въ Греціи не одно и то-же. Театры въ Джерашѣ и Амманѣ мнѣ понятны. Города эти населяли греки. Но театръ въ Пальмирѣ, съ ея оригинальнымъ строемъ, съ ея племенами (филы) и родами, съ ея всепроникающей религіей, театръ, гдѣ давали бы трагедіи Еврипида и комедіи Менандра, мнѣ представляется менѣе умѣстнымъ, чѣмъ театръ при дворцѣ парѣянскаго царя, нами засвидѣтельствованный въ разсказѣ о головѣ Красса, какъ бутафоріи въ представленіи Вахханокъ Еврипида передъ свѣтлымъ лицомъ побѣдителя Красса — Ворода. Во всякомъ случаѣ, если въ театрообразномъ зданіи Пальмирскаго караванъ-сарая и давались отъ времени и до времени греческія пьесы, главное его назначеніе было инымъ: въ немъ протекала политическая и религіозная жизнь города, собирались «отцы» города, старѣйшіе шейхи «племени», испытанные водители каравановъ — синодіархи, въ немъ вѣроятно сходились и рядовые члены филъ для вотированія почестей заслуженному караванщику, въ немъ же собирались граждане и для извѣстныхъ религіозныхъ церемоній, плясокъ, гимновъ и жертвоприношеній, для которыхъ главнымъ образомъ строились театры въ не-греческихъ общинахъ Сиріи.

Таковы были главныя линіи города. Такъ же роскошны какъ общественныя зданія и какъ гробницы Пальмиры были частныя дома ея богатѣйшихъ гражданъ. Два изъ нихъ были недавно раскопаны. Они монументальнѣе и роскошнѣе домовъ богатыхъ купцовъ Делоса. Могучій центральный колонный дворъ ихъ — дворъ дворца, а не дома. Комнаты вокругъ него сдѣлали бы честь комнатамъ любого итальянскаго palazzo. И дома этого типа не были исключеніемъ. Большииство колонныхъ, стоящихъ и лежащихъ въ руинахъ Пальмиры, если онѣ не колонны улицъ или почетныя колонны въ честь заслуженныхъ гражданъ, высились въ перистилляхъ или колонныхъ атрияхъ пальмирскихъ частныхъ домовъ. Имѣлись ли рядомъ съ этими palazzi и болѣе скромныя дома мелкой буржуазіи, лавки и помѣщенія помпейскаго типа, покажетъ будущее. Но характерно, что первые открытыя дома Пальмиры — это дворцы ея торговой аристократіи. Эта аристократія, а не масса населенія, опредѣлила и архитектурныя линіи города, и его исторію, и его социально-экономическій строй.

Говоря о домахъ, я употребилъ термины перистиль и атрий. Дѣйствительно ли колонный дворъ пальмирскихъ домовъ греческаго происхожденія? Не берусь разрѣшать этотъ вопросъ. Колонну знаетъ уже отдаленнѣйшая древность Месопотаміи. Уже Вавилону знакомъ колонный дворъ. Рядомъ съ нимъ стоитъ хетскій хиланъ и персидская ападана, и слѣдомъ за ними парѣяскій дворецъ. Гдѣ родоначальники пальмирскаго дома? Пока не разслѣдовано больше парѣянскихъ дворцовъ и городовъ, осторожнѣе будетъ не настаивать на той или другой возможности.

М. Ростовцевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Этическія и религіозныя ученія

Т. Г. Масарика

Задача моей статьи говорить о Масарикѣ не какъ о политикѣ, а какъ о философѣ. Изъ всего тона жизни разсматриваемаго философа становится понятнымъ, что въ центрѣ его философіи стоитъ этика. Важнѣйшія этико-религіозныя ученія Масарика и будутъ предметомъ моей статьи.

Свое этико-соціальное ученіе Масарикъ охотно называетъ гуманизмомъ, потому что цѣль поведенія онъ видитъ въ устроеніи земной жизни человѣка, индивидуальной и соціальной. Свой идеаль онъ нерѣдко противопоставляетъ аскетической морали католичества и вообще того христіанства, которое имѣетъ въ виду только потустороннее бытіе и пренебрежительно относится къ стараніямъ человѣка благополучно устроиться на землѣ. Кто знаетъ лишь эту черту этики Масарика, да слово гуманизмъ, тотъ легко можетъ вообразить, будто это ученіе есть не что иное, какъ гуманизмъ, ведущій начало съ эпохи Возрожденія, тотъ гуманизмъ, который въ процессѣ своего развитія пришелъ къ совершенному отрицанію вообще существованія какого-бы то ни было потусторонняго міра, отринувъ бытіе Бога, признавъ только земное ограниченное бытіе, преходящее во времени и вмѣстѣ съ тѣмъ, логически послѣдовательно ставъ отрицать возможность абсолютныхъ цѣнностей, пришелъ къ аксіологическому и этическому релятивизму, т. е. къ утвержденію, что всѣ цѣнности и соотвѣтствующія имъ нормы поведенія относительны.

Отрицательныя черты такого гуманизма ярко обрисо-

---

*) Речь, произнесенная 6-го марта 1930 г. въ собраніи, устроенномъ русскими общественными организаціями въ Прагѣ для празднованія восьмидесятилѣтія Президента Чехословацкой республики.

ваны и выяснены въ русской литературѣ Достоевскимъ, Вл. Соловьевымъ, о. С. Булгаковымъ, Бердяевымъ. Отъ такого безбожнаго гуманизма и связаннаго съ нимъ этического релятивизма Масарикъ рѣшительно отмежевывается.

Въ одномъ изъ своихъ главныхъ и цѣнныхъ трудовъ «Философскія и социалистическія основанія марксизма» (1899), а также въ книгѣ «*Idealy humanitni*» (1901) Масарикъ, ссылаясь на Достоевскаго, развиваетъ мысль, что отрицаніе Бога заканчивается самообожествленіемъ человѣка. Но поставивъ себя на мѣсто Бога, не сдерживаемый никакими абсолютными нормами, признавшій всѣ цѣности лишь относительными человѣкъ приходитъ къ лозунгу: «все позволено». Не обладая однако творческою силою Бога, онъ подпадаетъ соблазну употребить свою свободу произвола не на дѣло созиданія жизни, а на необузданное разрушеніе, революціонныя насилія и терроръ, не останавливаясь даже и передъ уничтоженіемъ чужой жизни (Id. h., 4 изд., стр. 35).

Подлинно нравственное поведеніе, говоритъ Масарикъ, возможно лишь въ томъ случаѣ, если устройство земной жизни руководится не жаждою удовольствія, не погоней за счастьемъ, а любовью къ объективному и общезначимому совершенству; въ идеалѣ такого совершенства содержится абсолютное мѣрило добра и зла, не классовое, не сословное, не исторически измѣнчивое, а общечеловѣческое, вѣчное. Такое единство идеала понятно лишь въ томъ случаѣ, если мы признаемъ, что каждая человѣческая жизнь и весь міръ есть цѣлое, проникнутое смысломъ; а это убѣжденіе, въ свою очередь, предполагаетъ, что строй міра, самые законы, которымъ подчинено теченіе міровыхъ процессовъ, обусловлены Божественнымъ Провидѣніемъ. И если земля должна погибнуть, то все же стремленіе къ идеальному совершенству не теряетъ значенія: твердое убѣжденіе въ томъ, что міръ и жизнь осмысленны, приводитъ къ постулату безсмертія души («Теорія и практика», 1876).

Человѣкъ занимаетъ въ мірѣ высокое положеніе: онъ призванъ къ сотрудничеству съ Богомъ въ осуществленіи добра, къ синергизму. Эта смѣлая мысль имѣетъ вполне христіанскій характеръ; вспомнимъ, что Діонисій Ареопагитъ высказываетъ ее, употребляя именно глаголъ *sunergein* (сотрудничать) въ примѣненіи къ человѣку и

его отношенію къ божественнымъ началамъ («О божественныхъ именахъ», гл. XI). Въ нашей литературѣ Вл. Соловьевъ развиваетъ ученіе о томъ, что «человѣкъ самостоятельно участвуетъ въ дѣйствіи Божіемъ, или входитъ въ живой совѣтъ съ Богомъ» (IV, 302), какъ любимый и любящій другъ, а не рабъ.

О сотрудничествѣ человѣка съ Богомъ Масарикъ говоритъ, что «оно не только социальное, но и метафизическое». — Въ самомъ дѣлѣ, оно осуществляется тогда, когда человѣкъ разсматриваетъ свое отношеніе къ другимъ людямъ, къ міру и къ Богу *sub specie aeternitatis*, съ точки зрѣнія вѣчности, и, руководясь ею, опредѣляетъ свое поведеніе. Это возможно въ каждый моментъ жизни, такъ какъ поступки во времени могутъ имѣть вѣчное значеніе.

Такимъ образомъ, этика Масарика тѣсно связана съ его религіозными ученіями. «Послѣднее рѣшеніе нравственныхъ проблемъ не можетъ быть дано», говоритъ онъ, «безъ религіи». Въ самомъ дѣлѣ, «нравственность есть отношеніе человѣка къ человѣку, а религія возникаетъ изъ отношенія человѣка къ цѣлому міру и особенно къ Богу» (Id. h., 64 сл.). Если нравственность требуетъ поведенія *sub specie aeternitatis*, имѣющаго въ виду абсолютное добро и подлинный идеалъ совершенства, то ясно, что основныя проблемы этики рѣшаются путемъ включенія человѣческаго поведенія въ мировое цѣлое съ Богомъ во главѣ, т. е. требуютъ религіознаго освѣщенія. (Рѣчь Президента 7-III 1920 г.).

Однако религія, о которой говоритъ Масарикъ, не есть церковная система, основанная на Откровеніи и на авторитетѣ церковныхъ властей. Не отвергая исторической цѣнности такой религіи, онъ считаетъ однако идеаломъ нашего времени религію, основанную на индивидуальномъ разумѣ и личномъ опытѣ. Основное положеніе этой религіи есть убѣжденіе въ существованіи Личнаго Бога, сущность котораго есть любовь, и убѣжденіе въ осмысленности міра, возглавляемаго Божественнымъ Провидѣніемъ. Въ своемъ цѣнномъ изслѣдованіи «Самоубійство какъ массовое социальное явленіе современной цивилизаціи» (1881) Масарикъ говоритъ: «мопотеизмъ вноситъ порядокъ и въ міръ и въ голову каждого человѣка» (стр. 227); онъ даетъ твердую опору во всѣхъ превратностяхъ и тяготахъ жизни. Путемъ анализа статистическихъ данныхъ Масарикъ доказываетъ, что количество

самоубійствъ возрастаетъ параллельно возрастанію невѣрія и упадку религіозности въ странѣ. Теизмъ и вѣра въ личное безсмертіе сформировываютъ личность человѣка, придавая ей высшее достоинство, подобно тому, какъ ароматъ придаетъ особую прелесть цвѣтку; безрелигіознаго человѣка «можно уважать, удивляться ему, но не любить отъ всего сердца» (84).

Только тогда, когда поведеніе человѣка осуществляется *sub specie aeternitatis*, можно достигнуть того, чтобы въ немъ реализовалось правило «*homo homini homo*» (человѣкъ для человѣка есть человѣкъ), а не *lupus*: въ долнѣ вѣчности людей связываетъ другъ съ другомъ любовь. Высшая норма идеальнаго поведенія дана Христомъ въ заповѣди «люби ближняго твоего, какъ самого себя», которой должна быть предпослана заповѣдь религіозная «возлюби Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всю душою твоею и всѣмъ разумніемъ твоимъ» (Литогр. лекціи 1884 г., о практич. философіи, 354 сл.).

Касаясь вопроса о любви, Масарикъ никогда не упускаетъ случая указать, о какой любви онъ говоритъ. Слащавое морализированіе и всякая искусственность претятъ ему; онъ смѣется, напр., надъ сень-симоистами, которые для развитія любви завели платье съ пуговицами сзади, чтобы при застегиваніи братъ всегда долженъ былъ помогать брату и такимъ образомъ упрочивалась любовь. Но, съ другой стороны, Масарикъ отрицательно относится и къ тому романтизму, который жаждетъ геройскихъ дѣлъ, великихъ подвиговъ или стремится къ мученичеству: онъ боится фразы и фантазерства, отвлекающаго отъ исполненія непосредственныхъ обязанностей, именно отъ труда, направленнаго на борьбу со зломъ, особенно со зломъ въ его зародышѣ, раньше, чѣмъ оно приметъ титаническіе размѣры.

Этотъ призывъ къ труду, особенно къ исполненію того, «чего никто не хочетъ дѣлать», не есть проповѣдь мелкихъ дѣлъ: положите въ основу труда, говоритъ Масарикъ, религіозный идеаль совершенства, и онъ защититъ васъ отъ впаденія въ мелочность (Рѣчь 7-III 1920). Образецъ такой дѣятельной любви, ежеминутно просвѣтляющей повседневною жизнью и готовой, въ случаѣ надобности, также на великій подвигъ, онъ находитъ у Достоевскаго въ образѣ Алеши Карамазова, всегда дѣятельнаго.

выносливаго, дѣйствующаго обдуманно и постояннаго въ своей дѣятельности (Филос. и соц. осн. марксизма).

Борьба со зломъ иногда нравственно обязываетъ насъ причинить непріятность ближнему или даже прибѣгнуть къ силѣ. Во время своихъ посѣщеній Л. Н. Толстого въ Ясной Полянѣ Масарикъ бесѣдовалъ съ нимъ объ этой проблемѣ. Толстой какъ-то разсказалъ, что ему пришлось однажды пить изъ одного стакана съ сифилитикомъ. Толстой сдѣлалъ это, чтобы не обижать и не огорчить его. Въ отвѣтъ на это Масарикъ доказывалъ Толстому, что сифилитикъ, невнимательный къ своимъ ближнимъ и не заботящійся о защитѣ ихъ отъ своей болѣзни, заслуживаетъ поученія и причиненія ему нѣкоторой непріятности, --- не вслѣдствіе нелюбви къ нему, а ради блага другихъ людей. Еще рѣзче расходился Масарикъ съ Толстымъ въ вопросѣ о противленіи злу силою. Отпоръ насилію онъ не считаетъ насиліемъ и потому, напр., несмотря на свой пацифизмъ, онъ допускаетъ все-же оборонительную войну; точно такъ же, отрицая творческую силу революціи, онъ допускаетъ тѣмъ не менѣе, что бываютъ случаи, когда революція нравственно оправдана, именно въ той мѣрѣ, поскольку она не идетъ далѣе самозащиты народа противъ насилія. Прислушиваясь къ этимъ разсужденіямъ Масарика, Толстой сказалъ ему: «вы человекъ компромисса». — «А вы, Левъ Николаевичъ, не дѣлаете компромиссовъ?» задалъ ему вопросъ Масарикъ. «Дѣлаю, дѣлаю... со вздохомъ отвѣтилъ Толстой («In memorem», статья о Толстомъ 1910 г.). -- Здѣсь, конечно, встаетъ трудный вопросъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ компромиссомъ въ предосудительномъ смыслѣ этого слова, и гдѣ сталкиваемся съ явленіемъ совершенно иного порядка, именно съ неизбѣжною въ земныхъ условіяхъ неполнотою добра, ведущею къ драматическимъ положеніямъ.

Нравственныя начала должны руководить поведеніемъ человека не только въ индивидуальномъ общеніи, но и въ дѣлѣ социальнаго строительства. Задача нашего времени, по Масарику, заключается въ созиданіи демократическаго государственнаго и общественнаго строя, устанавливающаго равенство, не только политическое, но также экономически-соціальное, и далѣе равенство доступности всѣхъ духовныхъ благъ. «Мы хотимъ», говоритъ Масарикъ, «братства не только въ хлѣбѣ, но и въ правахъ, въ

наукѣ, въ нравственности и религіи» («О клерикализмѣ и социализмѣ», 1907).

Экономически - социальное братство требуетъ глубокихъ измѣненій всего строя общественной жизни; социальный переворотъ, ведущій въ этомъ направленіи, уже насталь, говоритъ Масарикъ, мы живемъ уже въ его потокѣ, но для того, чтобы онъ благополучно привелъ насъ къ высокой цѣли, онъ долженъ совершаться безъ насильствъ, эволюціоннымъ путемъ. «Пока рабочій классъ не можетъ контролировать все производство и организацію его, до тѣхъ поръ невозможны радикальныя экономическія измѣненія» (Poselství, 1920).

Эволюціонный путь медленно ведетъ къ цѣли, однако опираясь на свою религіозную вѣру въ прогрессъ и Провидѣніе, Масарикъ не боится этой медленности. Торопливость революціонныхъ натуръ, желающихъ насильственно облагодѣтельствовать человѣчество, онъ всегда подвергалъ суровому осужденію. Тридцать лѣтъ тому назадъ онъ сказалъ мудрыя слова, цѣнность которыхъ особенно ясна намъ, русскимъ, послѣ пережитаго нами крушенія: «прогрессировать это значитъ преодолевать зло. Преодолевать зло добромъ не особенно трудно; гораздо труднѣе преодолевать добро еще большимъ добромъ». Въ этой борьбѣ за высшее добро «не приходи въ состояніе возбужденія», помни, что ты вѣченъ. «Взвѣшивай все точно»... «чего не успѣешь сдѣлать ты, додѣлаютъ другіе, а если никто не сдѣлаетъ, скажи себѣ, что Господь Богъ позаботится о томъ, что Онъ сотворилъ». «Надежда на жизнь вѣчную есть основа нашей жизненной вѣры» (Id. h., 71 сл.).

Чтобы несокрушимо, какъ скала, стоять въ борьбѣ за добро, избѣгая всякихъ крайностей, — и упадка духа, и истерической торопливости, — нужно выработать въ себѣ твердость, мужество, опредѣленность. Воплощеніе этого идеала Масарикъ находитъ въ Хельчицкомъ. Воспитаніе такого характера возможно не иначе, какъ на основѣ вѣры во всепобѣждающую силу добра; а эта вѣра, въ свою очередь, предполагаетъ убѣжденіе въ томъ, что есть Богъ, Провидѣніе и личное безсмертіе. Именно эти положенія лежатъ въ основѣ всей религіозно-этической системы Масарика. Отдадимъ себѣ теперь отчетъ, въ связи съ какимъ философскимъ направленіемъ и на основѣ какихъ методовъ изслѣдованія возникла эта система. Здѣсь намъ открывается замѣчательная черта всего философствованія Ма-

сарика, которая поставит насъ лицомъ къ лицу съ важною психологическою и методологическою проблемою.

Д-ръ В. Шкрахъ въ своемъ обстоятельномъ изслѣдованіи «*Maşarik et la pensée Française*» *) показываетъ, что Масарикъ исходитъ изъ позитивизма Конта, но далеко выходитъ за его предѣлы. Невыработанность у Конта теоріи знанія, раствореніе психологіи въ біологію, невниманіе къ субъекту, какъ индивидуальному личному бытію, и раствореніе его въ социальномъ цѣломъ — эти стороны позитивизма Конта не удовлетворяютъ Масарика. Въ своемъ «Опытъ конкретной логики» онъ находитъ въ числѣ источниковъ знанія не только чувственный опытъ, но еще и опытъ внутренней, дающій знаніе фактовъ душевной жизни субъекта. Но этого мало, для объясненія такой науки, какъ, напр., математика, онъ устанавливаетъ, кромѣ опыта, еще одинъ факторъ, именно синтетическую творческую дѣятельность духа. Этотъ апіорный моментъ науки допустимъ въ ней лишь постольку, поскольку онъ имѣетъ значеніе для опыта, говоритъ Масарикъ, сходясь въ этомъ отношеніи съ Кантомъ. Такое ученіе объ источникахъ знанія выводитъ за предѣлы какъ французскаго, такъ и англійскаго позитивизма, однако не настолько, чтобы послужить основаніемъ для положительныхъ ученій о ноуменальномъ бытіи и для практической философіи, утверждающей абсолютныя цѣнности и смыслы. Между тѣмъ практическая философія Масарика и его сочиненія на религіозныя темы содержатъ въ себѣ рядъ положеній, рѣшительно направленныхъ противъ этического скептицизма и релятивизма, а также противъ агностицизма.

Самые существенныя пункты изъ этихъ положеній, абсолютность добра и въ связи съ нею безусловность долженствованія, осмысленность міра и человѣческой жизни, личное безсмертіе, бытіе личнаго Бога выступаютъ въ философіи Масарика, какъ тезисы, непосредственно утверждаемые имъ, безъ обоснованія ихъ какою либо сложною цѣпью умозрѣній.

Въ философіи нерѣдко встрѣчается такое непосредственное утвержденіе именно наиболѣе отвѣтственныхъ, принципиальныхъ положеній. Такъ, напр., Кантъ въ «Кри-

*) Въ журналѣ «*La Revue Française de Prague*», 1923-1925, № № 6, 7, 10, 11, 12, 17 и 18.

тикѣ практическаго разума» устанавливаетъ категорическій императивъ, какъ требованіе, предъявляемое ко всякому разумному существу, и всеобщее значеніе его утверждаетъ непосредственно, а priori. «Сознаніе этого основнаго закона», говоритъ Кантъ, «можно назвать фактомъ разума, потому что онъ не можетъ быть добытъ умствованиями изъ предшествующихъ ему данныхъ разума, напр., изъ сознанія свободы (вѣдь оно не дано намъ заранѣе); этотъ законъ самъ собою навязывается намъ, какъ синтетическое положеніе а priori» *).

Найдя этотъ фактъ разума, Кантъ видитъ въ немъ проявленіе «высшей способности желанія», независимой отъ эгоистическихъ потребностей и удовольствій, осуществляющей безкорыстное поведеніе (для насъ важенъ здѣсь признакъ безкорыстія и безусловности долженствованія, а не формалистическій характеръ, приданный Кантомъ категорическому императиву). Исходя изъ этого «основнаго закона», Кантъ строитъ далѣе систему этики и приходитъ къ постулатамъ практическаго разума (свобода воли, безсмертіе души и бытіе Бога), но самъ этотъ основной законъ и его всеобщая значимость есть для него не постулатъ, а первичная данность, отличная отъ всякихъ эмпирическихъ данныхъ, составляющихъ предметъ изслѣдованія критики теоретическаго разума (см. тамъ-же, § 7).

Хотя категорическій императивъ есть норма, а вовсе не законъ природы, все же увѣренность въ томъ, что онъ общезначимъ, содержитъ въ себѣ, кромѣ нормативнаго требованія, еще и знаніе, и притомъ такое знаніе, которое указываетъ на какой то иной источникъ достовѣрности, чѣмъ тѣ, которые лежатъ въ основѣ математики, естествознанія и изслѣдованія фактовъ душевной жизни. Это какой то особенный видъ опыта. Б. Паскаль, философъ, духовная природа котораго была еще глубже, чѣмъ природа Канта, усмотрѣлъ здѣсь особую гносеологическую проблему и нашелъ этотъ своеобразный источникъ опыта въ чувствѣ. Однако онъ не усилъ развить гносеологическое ученіе о чувствѣ, какъ источникѣ знанія. Разработка этой проблемы выпала на долю современной философіи, опирающейся на полувѣковой трудъ множества умовъ, специально посвящавшихъ себя гносеоло-

*) Kant, Krit. der prakt. Vernunft, I, Th., I. B., § 7.

гій. Особенно подвинулъ впередъ рѣшеніе этого вопроса. М. Шелеръ, развившій ученіе о чувствѣ, какъ особой интенціональной дѣятельности сознанія, приобщающей субъекта къ объективнымъ цѣнностямъ; свою теорію онъ назвалъ эмоціональнымъ интуитивизмомъ. Тотъ-же вопросъ о разнообразныхъ видахъ опыта изслѣдуется представителями русскаго интуитивизма. Также и философы, исходящіе изъ германскаго трансцендентальнаго идеализма, но вмѣстѣ съ тѣмъ ориентирующіеся на интуитивизмъ, принялись за разработку ученія о видахъ опыта иныхъ, чѣмъ тотъ на которомъ основывается естествознаніе. Такъ, В. Сеземанъ написалъ цѣнные изслѣдованія о различіи предметнаго и непредметнаго знанія и отличіи естественнонаучнаго опыта отъ опыта этического, эстетическаго, религіознаго и т. п. Точно такъ-же Г. Д. Гурвичъ въ своей книгѣ «Fichtes System der konkreten Ethik» намѣчаетъ особый видъ интуиціи, входящій въ составъ нравственной активности и называетъ его «волезрѣніемъ» (Willensschau). Въ чешской философіи такія изслѣдованія различныхъ видовъ опыта производитъ В. Гоппе. Въ американской — къ этимъ проблемамъ подошелъ гениальный Джемсъ.

Для того, кто слѣдитъ за этими гносеологическими теченіями, загадка сплетенія въ философіи Масарика позитивистическихъ тенденцій съ ученіями этическими и религіозными, выходящими за предѣлы позитивизма, рѣшается слѣдующимъ образомъ. Передъ нами лицо, которое, подчиняясь требованіямъ интеллектуальной совѣсти, стремится въ своихъ теоретическихъ изслѣдованіяхъ къ точности, опредѣленности и рѣзкимъ очертаніямъ границъ, какія достижимы лишь въ установленіи фактовъ реального, т. е. пространственно-временнаго бытія, но съ другой стороны то-же самое лицо, повинующаясь требованіямъ своей совѣсти, какъ нравственнаго фактора, всю свою жизнь отдавало смѣлой борьбѣ противъ всевозможныхъ видовъ несправедливости, и въ этой борьбѣ приобрѣло богатый нравственный опытъ, въ которомъ открывается достоверность существованія абсолютныхъ нормъ, осмысленности міроваго бытія и смысла жизни индивидуальной личности, раскрывающейся въ такой самостоятельной (субстанціальной) глубинѣ своей, которая обезпечиваетъ личное безсмертіе. Углубленіе нравственнаго опыта ведетъ далѣе къ развитію опыта еще болѣе высокаго, рели-

гіознаго, въ которомъ съ достовѣрностью открывается бытіе личнаго Бога и высшая сторона осмысленности міра, именно руководство его Провидѣніемъ.

Кн. С. Н. Трубецкой въ своемъ трактатѣ «Вѣра въ безсмертіе» обосновываетъ мысль, что вмѣстѣ съ ростомъ духовной жизни личности въ ней растутъ также и вѣра въ личное, индивидуальное безсмертіе субъекта; объясняется это развитіемъ интуиціи, постигающей не отдѣльныя функціи, а все нераздѣльное существо, какъ абсолютно цѣнную индивидуальность съ идеальными признаками эстетическими и нравственными (собр. соч., II т., стр. 402-413).

Самъ Масарикъ сознаетъ двусторонность своей философіи, какъ видно изъ словъ, которыми онъ заканчиваетъ свой трактатъ «Blaise Pascal» (1883 г.): «не представлять-ли философія, основанная на половину въ духѣ Паскаля, на половину въ духѣ Юма, того душевнаго строя, который дѣйствительно доставилъ бы удовлетвореніе и чувству и разуму?»

Построить такую философію въ духѣ ученія Канта, который, разграничивая теоретическій и практический разумъ, различаетъ знаніе о феноменахъ и морально обоснованную вѣру въ ноуменальное бытіе Бога, безсмертіе души и свободу воли, нельзя. Въ самомъ дѣлѣ, современныя философскія изслѣдованія неоспоримо выяснили, что, несмотря на высокія достоинства практической философіи Канта, самое главное осталось въ ней неразрѣшеннымъ: этический формализмъ Канта долженъ быть преодоленъ посредствомъ ученія о матеріальныхъ (содержательныхъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ абсолютныхъ цѣностяхъ, опредѣляющихъ нравственное поведеніе; далѣе абстрактная этика (этика общихъ отвлеченныхъ нормъ поведенія) должна быть дополнена этикою конкретной, этикою единственнаго, индивидуальнаго назначенія каждой личности. Выполнить эти задачи можно не иначе, какъ на основѣ гносеологіи, учитывающей многообразіе видовъ опыта и источниковъ достовѣрности.

Масарикъ въ своихъ замѣчаніяхъ объ Аристотелѣ и Платонѣ, Юмѣ и Паскалѣ, а также о Кантѣ, и во всемъ содержаніи своей философіи намѣтилъ эту задачу, однако не осуществилъ теоретической разработки ея. Но въ своей жизни, въ своей борьбѣ за правду онъ далъ

высокій примѣръ практическаго рѣшенія ея: въ важнѣйшихъ жизненныхъ конфликтахъ онъ находилъ, опираясь на учетъ точно опредѣленныхъ фактовъ реальной обстановки, линію поведенія въ направленіи, диктуемомъ абсолютными цѣнностями, нравственными и религіозными.

Н. Лосскій.

Зарубежныя ісканія

Что бы ни говорили о русскомъ зарубежьи его присяжные хулители и ненавистники тамъ и тутъ, какъ бы ни чернили и клеймили — за многое вполне основательно, — политическая эмиграція никогда не переставала пристально вглядываться и внимательно прислушиваться къ происходящему въ Россіи. Часто вниманіе перенапрягалось даже настолько, что глазъ и ухо улавливали мнимое и несуществующее: робкій шопоть принимался за растущій ропоть, а слабые шорохи за гулъ мощнаго движенія. Миражи чаще возникали не отъ того, что люди отворачивались отъ совѣтской прсы, не хотѣли ни знать, ни считаться съ ней, а потому, что слишкомъ легко чаемое и желаемое принимали за реально сущее. Процессамъ оздоровленія Россіи слишкомъ часто придавались преувеличенно-быстрые, чтобы не сказать: «большевицкіе», темпы.

И соотвѣтственно съ такимъ привычнымъ, психологически понятнымъ, но фактически необоснованнымъ «оптимизмомъ» учетъ болѣе трезвый и сдержанный расцѣнивался какъ пессимизмъ скептиковъ и маловѣровъ, утратившихъ былую активность и волей-неволей «попустительствующихъ» существующему въ Россіи режиму.

И сейчасъ еще не всѣ иллюзіи въ этомъ направленіи изжиты. И сейчасъ пессимизмъ объявленъ «болѣзью» и «активизмъ» взбадриваютъ словесными заклинаніями и искусственнымъ приближеніемъ времени и сроковъ паденія большевизма. Не оправдываясь изъ года въ годъ, такіе легкомысленно-оптимистическіе прогнозы все больше теряютъ въ своей внутренней убѣдительности и внѣшней притягательности. Они перестаютъ дѣйствовать. Имъ по просту не вѣрятъ даже тогда, когда они приобрѣтаютъ и болѣе солидный фундаментъ.

«Апокалиптическія» времена, переживаемыя сейчасъ Россіей, — «раскулачиваніе» и обезземеливаніе крестьянъ, обнищаніе города, неминуемый голодъ, — вопросъ ма-

жетъ итти лишь объ его объемѣ и протяженности, -- прекращающіяся гоненія на вѣру, науку, искусство, всеобщій стонъ и раздраженіе дѣлаютъ еще нагляднѣе безчеловѣчность власти, внутреннюю ея непримиримость съ самыми элементарными запросами самыхъ притихшихъ и властепослушныхъ слоевъ населенія. Но свидѣтельствуетъ ли все это о неминуемо близкомъ концѣ режима? Свидѣтельствуемъ ли о близкомъ концѣ то физическое сопротивление, которое тамъ и тутъ встрѣчаетъ совѣтская власть со стороны крестьянъ, уничтожающихъ, особенно на окраинахъ -- въ Приморьи, Туркестанѣ, на Кавказѣ, отчасти на Украинѣ, -- отдѣльныхъ коммунистовъ-чекистовъ или даже цѣлые отряды совѣтскихъ войскъ?

Этого, увы, сказать нельзя!

Въ самомъ общемъ, соціологическомъ смыслѣ совѣтскій режимъ, конечно, обреченъ на гибель, какъ обречена система фашизма или было обречено самодержавіе. Но сказать, что гибель эта наступитъ съ сегодня на завтра или въ ближайшіе мѣсяцы, болѣе чѣмъ неосмотрительно. Снова не оправдавшись, необоснованное предсказаніе скомпрометируетъ лишній разъ не только предсказателей, но и самую вѣру въ осмысленность какихъ-либо политическихъ оцѣнокъ и предвидѣній, -- что врядъ ли включить въ свой активъ и самый беззащитный «активистъ». Какъ о русскомъ самодержавіи Герценъ писалъ, что оно «само собою держится и, при томъ, чортъ знаетъ на чемъ», -- такъ и о большевизмѣ, который даже сдержанные меньшевики теперь сравниваютъ съ «худшими террористическими режимами», можно сказать тѣмъ же словами: большевизмъ самъ собою держится и, при томъ, чортъ знаетъ на чемъ...

Это не значитъ, что царствію его не будетъ конца. Это значить только, что нельзя никакъ быть увѣреннымъ въ томъ, что этотъ конецъ неминуемо наступитъ въ ближайшій срокъ. Нельзя -- политически нецѣлесообразно -- и дѣйствовать такъ, какъ будто бы этотъ конецъ уже обезпеченъ для ближайшаго же времени. Политика зиждется на мужествѣ прежде всего высказать то, что есть. И только послѣ этого открывается поле дѣятельности для проявленія всякаго другого мужества. Открывается одновременно и просторъ для всякаго рода фикцій и мифовъ, обмановъ низкихъ и возвышающихъ, -- въ политикѣ тоже играющихъ, какъ извѣстно, не послѣднюю роль.

Активная политика и безысходный пессимизмъ, конечно, не примиримы другъ съ другомъ. Но и оптимизмъ сентиментальный, покоющійся на безотчетной вѣрѣ въ стихійную побѣду разумнаго, добраго, вѣчнаго компрометируетъ не однихъ только безпечныхъ «активистовъ», но и тѣ объективно-цѣнные цѣли, которыя ставятъ себѣ и другимъ жизнерадостные оптимисты. Надо поддерживать «бодрость и активность», «неослабѣвающую энергію» и «вѣру», — убѣждали другъ друга участники пятилѣтняго юбилея «Возрожденія», не замѣчая, вѣроятно, сходства своихъ «девизовъ» съ щедринскими: «шестувуй впередъ, по временамъ же мужайся и отдыхай!» и «мужайся и отдыхай, по временамъ же шестувуй впередъ!»...

Чтобы «достичь», надо «хотѣть». И «если мы хотимъ дѣйствовать завтра надо умѣть думать сегодня!». Этотъ несложный афоризмъ не утрачиваетъ своей основательности отъ того, что его повторилъ въ своей дижонской рѣчи французскій премьеръ. Для нѣкоторыхъ же круговъ зарубежья этотъ афоризмъ именно потому, что его произвела главная надежда и вождь правой Франціи — Тардье, приобрѣтаетъ, можетъ быть, и большую убѣдительность.

*
**

Что сейчасъ роднитъ — и раздѣляетъ — отдѣльные секторы русской политической эмиграціи, это — в о с п р і я т і е с о б ы т і й въ Россіи. Спокойно-увѣренное, почти самодовольное, на крайнихъ флангахъ русской общественности, и трагическое — преимущественно въ центрѣ. На обоихъ флангахъ ощущается чуть что не удовлетвореніе тѣмъ, что все идетъ такъ, какъ слѣдовало или какъ и предсказывали мудрые провидцы. Медленно, но вѣрно исполняется рѣшенное: если большевизмъ и не перерождается, перерождается революція, — достигаетъ крайнихъ предѣловъ своего вырожденія, по другому варианту; страна возрождается или, по другому варианту, раззоряется окончательно; не сегодня-завтра большевизма не станетъ *), раз-

---

*) «При нынѣшнемъ положеніи въ Россіи революція противъ большевиковъ по чисто политическимъ причинамъ, во имя завоеванія свободы и народовластія, является утопій», — пишетъ «Воля Россіи» въ

въ только эмигранты, казаки и поляки подбросятъ снова сѣхостой въ догорающій пламень большевизма, — опасаются одни, на лѣвомъ флангѣ; развѣ только въ самую послѣднюю минуту «активисты» дрогнуть и, стакнувшись съ колеблющимися «эволюціонистами», снова выручатъ падающій режимъ, — думаютъ и говорятъ другіе, на правомъ флангѣ.

Механическое воспроизведеніе трагической русской дѣйствительности безъ соответствующихъ поправокъ на личную психологію и предпосланные политическіе выводы одинаково присуще, повторяю, и нѣкоторымъ лѣвымъ кругамъ и нѣкоторымъ кругамъ правымъ. И трагическое воспріятіе событій и судебъ Россіи не является исключительнымъ достояніемъ однихъ правыхъ или однихъ только лѣвыхъ. Оно присуще и тѣмъ, и другимъ, несмотря на все различіе въ цѣляхъ и средствахъ борьбы. Разными остаются и тактика тѣхъ и другихъ, и программы. Сближаются, не становясь общими, подсознательныя эмоціи: тревога за Россію, неувѣренность въ ея будущемъ, безпокойство за ея судьбу.

И вновь оживаютъ за рубежомъ, какъ и въ Россіи, настроенія 21 года, — періода стихійныхъ крестьянскихъ возстаній и небывалаго голода, — съ тѣмъ, однако, отличіемъ нынѣшнихъ настроеній и попытокъ политическаго самоопредѣленія и межпартійнаго оформленія отъ прошлыхъ, что нынѣшнія не находятся въ прямой и хронологически непосредственной связи съ постигшей участниковъ этихъ попытокъ неудачей. Время не скажу: вынуло, но во многихъ случаяхъ притупило политическое жало, ранившее прежде тѣ или другіе отряды антибольшевицкаго лагеря. Многие конфликты и контроверзы фактически давно уже перешли изъ области политики въ область

послѣднемъ № 4. «Ни деревня, ни городъ на то сейчасъ неспособны. Такою революцію можетъ вызвать только крахъ большевицкой экономической системы. И когда такой крахъ произойдетъ — а къ этому дѣлу идетъ довольно быстро», то и т. д.

А Викторъ Черновъ въ «Бюллетенѣ» № 1 «Американской Федерации» П. С.-Р. и того увѣреніе и веселіе: «За шумомъ эмигрантскаго празднословія мы часто не слышимъ другихъ, — знаменательныхъ шумовъ. А изъ Россіи не празднословы, но люди мысли и дѣла пишутъ намъ, что и на самомъ дѣлѣ то «идетъ, гудитъ зеленый шумъ, — зеленый шумъ, весенній шумъ, предвѣстникъ половодья».

исторіи. И только реминисценціи и настороженная подозрительность мѣшаютъ порою сближенію болѣе дѣйствительному и дѣйственному. Объ этомъ можно жалѣть. Этого не приходится ни скрывать, ни скидывать вовсе со счетовъ.

Говорящіе одно и то же не всегда говорятъ то же самое... Кому не приходилось убѣждаться въ этомъ на критикѣ, которой подвергались сужденія противниками различныхъ направлений. Сейчасъ можно убѣдиться въ томъ, что и положительное утвержденіе одного и того же далеко не всегда обозначаетъ то же самое!

Отъ 2-го социалистическаго Интернаціонала, который не отказываютъ себѣ въ удовольствіи сближать съ 3-имъ, коммунистическимъ, не только доморощенные публицисты изъ «Возрожденія», но и «самы» Тардые, — и до П. Б. Струве, главной идеологической силы всего праваго фланга русской общественности, отъ Струве и до 2-го Интернаціонала все единодушно сходятся на болѣе всего трудной, положительной формулировкѣ того, что требуется Россіи, что должно неминусемо притти на смѣну большевицкой тираніи.

Народамъ совѣтскаго союза должна быть возвращена свобода, необходимая рабочимъ и крестьянамъ, какъ воздухъ и вода. Свобода слова! Свобода организаціи! Свободные и тайные выборы! Долой смертную казнь и массовые разстрѣлы! Амнистія политическимъ заключеннымъ! — читаемъ мы въ воззваніи, съ которымъ Исполнительный Комитетъ РСИ (рабочаго социалистическаго интернаціонала) обратился «Къ рабочимъ Россіи» 13 мая с. г. Этимъ требованіямъ апплодируетъ и Струве, «не только не социалистъ, но и жестокой критикъ социализма», — какъ онъ любитъ самъ себя аттестовать и афишировать.

Свободы требуютъ почти все безъ исключенія отряды антибольшевицкаго движенія точно преднамѣренно для того, чтобы показать, что одна и та же свобода не есть свобода та же самая!

**

Свобода, свобода совѣсти, слова, печати, союзовъ, собраний и т. д. — наиболѣе общее и вѣчное домогательство всѣхъ угнетенныхъ и обездоленныхъ народовъ, классовъ и людей; оно же и наиболѣе конкретное и реально ощущимое для «всѣхъ временъ и народовъ».

И можно только поражаться, какъ русское зарубежье, по примѣру незабвеннаго пошехонья, такъ долго блуждало въ трехъ соснахъ прежде, чѣмъ притти къ этому самоочевидному требованію, непогашаемому никакими созвучіями времени или «эпохой». Создавая «Возрожденіе», отъ котораго позднѣе онъ оказался отставленъ, Струве пять лѣтъ тому назадъ не находилъ ничего болѣе удачнаго, какъ лозунгъ — Отечество и Собственность. Какъ намъ тогда же приходилось отмѣчать въ «Совр. Зап.», требованіе это было равносильно требованію -- отечества к а к ъ собственности патріархально-вотчинныхъ правителей. Ибо для Струве того времени — «быть патріотомъ значитъ любить свое отечество, какъ собственность, какъ земледѣлецъ любить свою отчизну и вотчину. Быть крестьяниномъ значитъ любить собственность; свою пядь земли, свою отчизну и дѣдину той сильной сыновей любовью, которою всякій настоящій патріотъ любитъ свое отечество».

Такой матеріализованно-вещный патріотизмъ *) былъ, конечно, внутренне чуждъ свободѣ. Онъ и не говорилъ о ней.

Теперь же Струве пишетъ: «Военный кличъ, въ которомъ выражается объединяющая и зажигающая идея нашей борьбы съ совѣтчиной, гласить: свобода... Свобода — это, конечно, если угодно, цѣлая программа, очень содержательная и очень опредѣленная, но въ ней содержательность и опредѣленность являются существенными, а не формальными... Идея свободы лица («лица», а не

*) Эти представленія и сейчасъ еще не изжиты, и собственность приравниваютъ уже не только къ отечеству, но и къ божеству. Какъ разъ въ день празднованія русской культуры въ статьѣ, посвященной «Культурѣ и цивилизации», можно было прочесть — «Надо помнить и знать, что даже символъ цивилизации: «богатый» рожденъ отъ символа культуры: «Богъ». (См. берлинскій «Руль» отъ 8-VI 930).

вещи! — М. В.) приобрѣла въ совѣтской Россіи новый и огромный, всеобъемлющій жизненный смыслъ. И на ней, какъ на программѣ и лозунгѣ, можетъ и должно объединиться Зарубежье, объединиться и внутри себя и съ внутренней Россіей» («Россія и Славянство» № 78).

Струве вторитъ и редакторъ «Россіи и Славянства» К. І. Зайцевъ — «Свобода! Свобода въ самыхъ элементарныхъ, обыденныхъ, житейскихъ, простецкихъ ея проявленіяхъ — вотъ единственный лозунгъ, который доходить до сознанія русскаго народа. Раскрѣпощеніе! Это — единственная общая, объединяющая платформа борьбы съ совѣтской властью. И это начинаютъ сознать всѣ»...

И не только правый П. Б. Струве или «центральный» П. Н. Милюковъ выдвигаютъ требованіе «свободной торговли», но и въ лѣвой «Волѣ Россіи» мы находимъ аналогичный лозунгъ, извлеченный изъ самой Россіи.

Сумѣвшій съѣздить въ Россію и благополучно вернуться В. И. Лебедевъ въ своихъ описаніяхъ виденнаго и слышаннаго пока что рассказалъ мало такого, что не было бы извѣстно и раньше и не совпадало бы, въ частности, съ тѣми взглядами, которые защищались Лебедевымъ и его ближайшими единомышленниками и до его поѣздки въ Россію. Когда, на примѣръ, Лебедевъ передаетъ слова своего квартирохозяина Ивана Яковлевича, питерскаго «рабочаго, какихъ много» — «не для того мы двѣнадцать лѣтъ страдали, чтобы возвращаться къ капитализму», мы твердо знаемъ, что за этимъ не стоило ѣздить изъ Парижа въ Ленинградъ и подвергать себя риску гибели. И безъ того было извѣстно, что этотъ взглядъ широко распространенъ и въ СССР, и за рубежомъ — не только среди коммунистовъ и евразійцевъ, что его усердно пропагандируетъ, въ частности, и «Воля Россіи». Но когда Лебедевъ сообщаетъ при этомъ, что, при всемъ своемъ отталкиваніи отъ капитализма, Иванъ Яковлевичъ все же стоитъ «за свободную торговлю» и «какъ и всѣ, въ повседневной жизни на каждомъ шагѣ обманываетъ правительство, мѣняетъ доллары — ихъ имѣтъ въ Россіи не въ диковинку, — по шести рублей за штуку, и, что, отправляя въ приладожскую деревню муку, онъ получаетъ оттуда великолѣпныхъ сиговъ», — это и въ бытовомъ отношеніи интересно, и политически поучительно...

Конечно, отъ формальнаго совпаденія требованія свободы — будь то «свобода лица», или «свобода торговли» — было бы неправильно умозаключать къ совпаденію и смысловому. Еще Катковъ въ недоброй памяти «Московскихъ Вѣдомостяхъ» скомпрометировалъ, какъ могъ, свободу, сказавъ, что «всякому мила свобода». И сейчасъ нѣтъ такихъ младороссовъ, которые не считали бы себя пионерами «Русскаго (непремѣнно съ заглавной буквы) освободительнаго движенія» и не стали бы доказывать, что нашей націи нужна свобода, свобода быта, свобода творчества». «Эту свободу можетъ дать лишь власть независимая въ своемъ происхожденіи», обезпечившая преемство «генія Наполеона и Муссолини», еще точнѣе — «наслѣдственная монархическая власть» (Ежемѣсячникъ «Младороссъ» за май) *).

Еще нужно быть благодарнымъ младороссамъ за то, что, говоря о свободѣ бытовой, они умалчиваютъ, и тѣмъ самымъ не компрометируютъ, свободы политической, какъ ее — и социализмъ — компрометируютъ, напимѣръ, «національ-соціалисты» въ Германіи, выдвигая лозунгъ: «черезъ социализмъ къ свободѣ!»

Пусть не лицемѣрнымъ и не тактическимъ только будетъ требованіе политической свободы со стороны недавнихъ сторонниковъ и создателей «вождей» царскаго и нецарскаго корня. Одного формальнаго совпаденія въ лозунгахъ еще недостаточно для признанія общности политическихъ путей.

*

**

Виѣшнее сходство съ предкронштадтскими настроеніями въ Россіи вызвало и въ зарубежьи повторное увлеченіе «кронштадтскими лозунгами». Несмотря на самоочевидную противорѣчивость и несоединимость «свободы» и «Совѣтовъ», — «Свободные Совѣты» были выдвинуты не только новыми людьми въ зарубежной демократіи, къ ней примкнувшими недавно, какъ А. А. Пиленко или Г. З. Бесѣдовскій, но и испытанными поборниками демократиче-

---

*) Съ того времени преемника Муссолини уже успѣли обезличить, правда не по линіи кровнаго родства, а свойства: въ порядкѣ назначенія фашистскій совѣтъ опредѣлилъ быть преемникомъ графу Чіано.

скаго режима и свободы, неизмѣнными противниками большевизма.

Этотъ «затертый», по выраженію меньшевицкаго «Соціалистич. Вѣстника», лозунгъ былъ выдвинутъ по соображеніямъ тактическимъ. Въ немъ видѣли единственно возможную «защѣпку для борьбы съ диктатурой», требованіе «созвучное» Россійскимъ настроеніямъ, ибо «лучше очень несовършенная политическая система, но ясная и близкая народу, чѣмъ совершенная система, народу непонятная и далекая». А. Ф. Керенскій заранѣе допускалъ, что «болѣе чѣмъ вѣроятно, что свободные совѣты окажутся совершенно (!) нежизнеспособными», и тѣмъ не менѣе отстаивалъ этотъ нежизнеспособный лозунгъ, считая что «свободные совѣты» могутъ стать «исходной позиціей для наступательнаго боя за свободу» (см. «Дни» № 70).

На собраніяхъ «Дней» и РДО (республиканско-демократическаго объединенія) мнѣ не одинъ разъ приходилось доказывать неприемлемость новаго лозунга по принципиальнымъ, юридическимъ, психологическимъ и инымъ основаніямъ, и тактическую его бесплодность. Приходилось доказывать, что изъ всѣхъ мыслимыхъ утопій «свободные совѣты» представляются едва ли не самой ирреальной и безжизненной, ибо они — величина политически мнимая, только сочетание словъ, а не идей или реальностей. Становясь лицомъ къ Россіи, не надо становиться во фронтъ передъ Совѣтами, даже свободными, тѣмъ болѣе, что на наивность или оплошность со стороны большевиковъ рассчитывать не приходится. Возможность обхода совѣтской власти уже предусмотрѣна властью, и тогда же послѣ кронштадтскаго возстанія требованіе «свободныхъ выборовъ въ Совѣты» было приравнено по контръ-революціонности и наказуемости къ лозунгу прямого сверженія совѣтской власти чрезъ Учредительное Собраніе.

И отъ А. Ф. Керенскаго, и отъ П. Н. Милюкова пришлось выслушать упреки въ доктринерствѣ и недостаточности защищавшихся мною отрицательныхъ лозунговъ: «долой насиліе ВКП!», «долой пятилѣтку!», «долой подконтрольные выборы!»; въ абстрактности и безжизненности положительныхъ формулъ: «да здравствуетъ свобода!», «свобода печати!», «свобода союзовъ!», «свобода собраній!», «свобода выборовъ!», «всяческая свобода!».

Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, и картина радикально

измѣнилась. Вѣсти изъ Россіи заставили и наиболѣе упорныхъ ревнителей «новаго» лозунга убѣдиться въ его устарѣлости и «несозвучности». Въ сознаніи подсовѣтскаго населенія Совѣты воспринимаются какъ филиаль ВКП, какъ форма партійной монополии и угнетенія. Связывать съ постылыми Совѣтами свои надежды на освобожденіе отъ нынѣшней власти вкусившіе отъ этого плода россияне менѣе всего способны. П. Н. Милуковъ, съ присущей ему откровенностью и рѣшительностью, призналъ это публично.

Признали это и недавніе члены ВКП, порвавшіе съ большевиками, очутившіеся за рубежомъ, и нынѣ пытающіеся «переорганизоваться» въ особую политическую и «конспиративную» (!) партію «Воли Народа». (См. «Выписку изъ протокола перваго сѣзда партіи» отъ 4 мая с. г. и «Обращеніе ко всѣмъ російскимъ гражданамъ отъ Исполнительнаго Комитета партіи «Воля Народа»).

По закону движенія политическаго маятника эти «невозвращенцы» такъ же неудержимо откачиваются сейчасъ вправо не только отъ большевицкаго коммунизма, но и отъ социализма и даже элементарной классової борьбы, какъ въ свое время качнулись они влѣво. Можно очень низко расцѣнивать ничѣмъ неоправдываемое высокомеріе, которое нѣкоторые изъ нихъ позволяютъ себѣ проявлять по отношенію къ зарубежнымъ антибольшевицамъ-демократамъ и социалистамъ, — морально-психологически перестроиться съ вчерашняго большевизма на сегодняшній демократизмъ, очевидно, очень трудно. Но въ чемъ этимъ людямъ никакъ нельзя отказать, это — что російскимъ настроеніямъ ихъ психологія менѣе «созвучна», нежели воспріятіе тѣхъ, кто покинулъ Россію десять и больше лѣтъ тому назадъ. И въ этомъ отношеніи очень показательно, что покинувшіе ряды ВКП нынѣшніе члены «Воли Народа» выдвигаютъ въ качествѣ своего требованія не «свободные Совѣты», а «осуществленіе великихъ началъ свободы, этого естественнѣйшаго права всякаго разумнаго существа» и лозунгъ «вчерашняго дня революціи» — Учредительное Собраніе. Они настолько не хотятъ «навязывать освобожденной російской демократіи (со всѣми входящими въ нее національностями) ту или иную форму правленія», что готовы допустить, что Учредительное Собраніе выскажется и за «демократическую совѣтскую форму государственнаго устройства». Но только избран-

ныя всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ «Всенародныя Собранія, по числу республикъ, входящихъ въ СССР», полномочны рѣшать, по ихъ мнѣнію, этотъ вопросъ.

И тотъ же Бесѣдовскій, къ «Волѣ Народа» не примкнувшій, доказывая, что «для народныхъ массъ» лозунгъ Учредительнаго Собранія «непопулярень» и является «скачкомъ въ неизвѣстность», отстаиваетъ только хронологическій приоритетъ «свободныхъ Совѣтовъ» — : «Не Учредительное Собраніе можетъ ввести совѣтскія формы государства, а свободный, демократически избранный съѣздъ Совѣтовъ можетъ вынести постановление о созывѣ Учредительнаго Собранія»... На то, впрочемъ, Бесѣдовскій и отстаиваетъ «синтезъ двухъ революцій, февральской и октябрьской» («Борьба» № № 2 и 4).

Эти мнѣнія не слишкомъ, конечно, авторитетны. Но они достаточно показательны. Настроенія преходящи и лозунги тоже. Чрезмѣрное же увлеченіе легко преходящими настроеніями, какъ и лозунгами, рискуетъ только скомпрометировать и лозунги и тѣхъ, кто ими увлекается. Русскимъ ли политическимъ дѣятелямъ напоминать мудрое слово Ренана: «чтобы оказаться правымъ въ будущемъ необходимо имѣть мужество въ извѣстные сроки быть немоднымъ?!». Русскіе политическіе дѣятели имѣютъ свой собственный достаточно поучительный опытъ. Кто сталъ бы оспаривать, что однимъ изъ осложнившихъ ходъ русской революціи факторовъ было возглавленіе ея какъ разъ тѣми, кто своимъ прошлымъ отношеніемъ къ революціи менѣе всего могли импонировать и внушать довѣріе главному дѣйствующему лицу революціи — народу, массамъ, низамъ?!

Памятуя о безмѣрной подозрительности, которую проявили въ 17-мъ году проведеніе революцію низы къ возглавившимъ не свое дѣло «верхамъ», къ очутившимся у власти выходцамъ изъ «старорежимной», третьейюнской Государственной Думы, — приходится съ особенной осторожностью, по соображеніямъ преходящимъ и тактическимъ, отказываться отъ своего и усваивать чужое и внутренне чуждое. И миновавъ, прошлое вѣдь не теряетъ окончательно своей силы надъ будущимъ, — тяготѣетъ прежде всего бременемъ своихъ воспоминаній. Когда возмущеніе народа смететъ постылые Совѣты, потокъ возму-

щенія можетъ и не задержаться на тѣхъ, кто оставался вѣренъ своей любви къ свободѣ и ненависти къ диктатурѣ, но по тактическимъ соображеніямъ временно и условно принималъ и не свой лозунгъ.

Какъ стратегическій планъ нельзя строить на удачѣ тактическаго маневра, такъ и политику нельзя строить въ расчетъ на «использованіе» плацдарма и позицій противника. Обходящій противника — разсчитывающій на его наивность — всегда рискуетъ быть самъ обойденнымъ. Атакующій же въ лобъ можетъ, конечно, сраженіе проиграть, но за то никакъ не рискуетъ очутиться между двухъ огней: между противникомъ, потерявшимъ пораженіе, и собственными партизанами, одержавшими побѣду, но отъ своихъ вождей отвернувшимися.

**

Когда вмѣсто вещной собственности Струве славитъ теперь свободу лица и догадывается, наконецъ, что «демократія предполагаетъ свободу лица, какъ свое основное условіе»; когда, точно прозрѣвъ, онъ начинаетъ проводить различіе между «демократическимъ социализмомъ и тѣми социалистами (коммунистами), которые проповѣдуютъ и осуществляютъ насильственное и насильническое водвореніе социализма; когда онъ сочувственно ссылается на критику совѣтскихъ порядковъ Миллюковымъ или даже на положительныя построенія Потресова и Керенскаго, — мы можемъ только привѣтствовать этотъ поворотъ, какъ цѣнный не только самъ по себѣ, но и какъ показатель возможнаго оздоровленія русскихъ политическихъ нравовъ и навыковъ въ зарубежьи и, можетъ быть, въ грядущей Россіи.

Слишкомъ долго приходилъ намъ вести борьбу съ «безплоднымъ «социалистическимъ» русскихъ либераловъ и консерваторовъ *), не говоря уже о реакціонерахъ и

---

*) Не такъ далеко время, когда намъ приходилось отмѣчать и оспаривать такіа, напримѣръ, положенія Струве и его единомышленниковъ: «антисоциалистическая проповѣдь является самымъ необходимымъ національнымъ дѣломъ въ Россіи»; «социалистическое» обязательно для каждаго «не только честнаго, но и разумнаго человѣка»; социалисты пытающіеся «скомбинировать социализмъ съ демократіей», — безпардонные «фантазеры» и т. д., и т. д. (Ср. «Совр. Записокъ» № 20).

реставраторахъ, чтобы не оцѣнить по достоинству происшедшаго на нашихъ глазахъ сдвига. Достаточно упорно отстаивали мы необходимость европеизаціи русскихъ политическихъ партій, чтобы имѣть право съ удовлетвореніемъ и сочувствіемъ отнестись сейчасъ къ словамъ ближайшаго единомышленника Струве: «Нужно, чтобы въ зарубежьи создалась другая атмосфера... Практическая работа будетъ облегчена, если хорошимъ тономъ въ зарубежьи будетъ считаться — не поминать старыхъ винъ и не обвинять другъ друга въ гибели Россіи» (А. С. Изгоевъ). Не можемъ мы не согласиться и съ тѣмъ, что «отъ совпаденія отдѣльныхъ высказываній до соглашенія на тему этихъ же высказываній еще большое разстояніе, а отъ подобнаго какъ бы теоретическаго соглашенія еще далеко до какихъ-либо конкретныхъ воплощеній, дѣйственныхъ и практическихъ. Не нужно торопливости. Не нужно внѣшне форсировать то, что можетъ быть результатомъ внутренняго созрѣванія»...

Нынѣшняя эмиграція результатъ гражданской борьбы. Но та же гражданская борьба провела окопы и среди тѣхъ, кто позднѣе очутились одинаково за предѣлами родныхъ рубежей. Рубцы, оставленные гражданской борьбой, не зажили окончательно и по сей день и у тѣхъ эмигрантовъ, кто въ свое время въ Россіи оказались побѣдителями на часъ, и у тѣхъ, кто претерпѣлъ отъ нихъ — и отъ большевиковъ — временное пораженіе. Возникнувъ какъ явленіе политическое, эмиграція не переставала раскалываться по мотивамъ не только политическимъ. Какъ бы высоко ни расцѣнивалъ силу «разложенія» и «политику», вносившіяся въ бытовые и профессиональныя организациі русскаго зарубежья якобы только лѣвыми, нельзя все же забывать, что мы имѣемъ двѣ церковныя организациі, «евлогіанъ» и «антоніевцевъ», безъ того, чтобы Милюковъ вошелъ въ ту или другую; имѣемъ два союза шоферовъ или академиковъ, безъ того, чтобы въ томъ или другомъ состоялъ «одіозный» Керенскій; два союза адвокатовъ въ одномъ Парижѣ, два союза земскихъ дѣятелей и т. д.

«Зарубежная Русь» обречена жить жизнью необычной и несравнимой съ жизнью другихъ народовъ, ибо не можетъ она ни отмѣнить, ни изжить до конца проклятія своего происхожденія — изъ гражданской войны. Это проклятіе особенно остро чувствуется въ области полити-

ческой, но оно даетъ себя знать и во всѣхъ другихъ областяхъ: хозяйственной, бытовой, культурной. Поэтому-то такъ бесплодны всѣ попытки объединить «эмигрантскій народъ», сбить «тучу людской пыли» въ живой и цѣлостный организмъ. Когда К. Р. Кочаровскій, различая три позиціи зарубежной русской общественности: «возвращенцы» (духовно или фактически капитулировавшіе передъ большевизмомъ), «ожидальцы» (пассивно выжидающіе конца большевизма и возможности вернуться въ Россію) и «начинатели», считаетъ первыя двѣ — «ультра-политическими, ибо Россія для нихъ заслонена политическимъ режимомъ», а третью позицію — «историчной и внѣполитичной»*), онъ менѣе всего реаленъ и жизнененъ. Благими пожеланіями печальной дѣйствительности не заклясть, и, какъ бывшаго не сдѣлаешь не бывшимъ, такъ и политической эмиграціи не сдѣлаешь «внѣполитичной».

Неправильна и обычная въ такихъ случаяхъ ссылка на примѣръ другихъ народовъ — евреевъ въ разсѣяніи сущихъ или поляковъ, чеховъ, итальянцевъ, оказывавшихся тоже въ разное время за границами родныхъ рубежей и все же, невзирая на всѣ разногласія и раздоры, находившихъ и общій языкъ, и общіе или согласованные пути борьбы.

Не говоря уже о евреяхъ и пресловутой «еврейской солидарности», которая въ теченіе вѣковъ почти исчерпывалась элементарнымъ желаніемъ не быть физически или экономически истребленными въ качествѣ евреевъ, — этотъ примѣръ неубѣдителенъ и по сравненію съ судьбой другихъ народовъ. Ибо и передъ польской, и передъ чешской, и передъ итальянской эмиграціей время Маццини задача стояла политически гораздо болѣе простая и элементарная. Дѣло шло въ сущности о внѣшнемъ освобожденіи отъ иноземнаго владычества, поддерживавшагося международной комбинаціей. И даже нынѣшняя итальянская эмиграція не идетъ въ сравненіе съ эмиграціей русской по напряженности того сопротивления, которое было оказано диктатурѣ въ Россіи и въ Италіи. По сравненію съ гражданской войной, полыхав-

*) См. отлично написанную брошюру «Что дѣлать русской эмиграціи?». — Статьи З. Н. Гипліусъ и К. Р. Кочаровскаго съ предисловіемъ И. И. Бувакова. — Парижъ. 1930.

шей въ теченіе ряда лѣтъ въ Россіи, въ Италіи, можно сказать, войны и вовсе не было. Потому и нѣтъ — или менѣе ощутимы — въ итальянской эмиграціи и зловредныя послѣдствія не бывшей тамъ — или «малой» — войны противъ диктатуры. Антифашистское движеніе въ Италіи избѣжало междоусобной брани въ своей средѣ, и ему было и естественно, и легко сохранить свое единство и въ эмиграціи.

Иная судьба русской эмиграціи, родившейся подъ знакомъ двойной междоусобицы, — войны противъ большевиковъ и войны въ антибольшевицкомъ лагерѣ, закончившихся всеобщимъ разгромомъ и уходомъ въ изгнаніе. Эта особая судьба кладетъ и свои опредѣленные предѣлы всѣмъ объединительнымъ попыткамъ. Болѣе свободныя въ дѣлѣ благотворительности и элементарно-правовой (полицейской) охраны эмигрантовъ, эти попытки встрѣчаютъ уже серьезныя препятствія при переходѣ въ область профессиональную и культурную и препятствія объективно непреодолимыя въ области политической. И здѣсь, какъ и вездѣ, не пужно поддаваться иллюзіямъ.

**

Съ чрезвычайной сдержанностью относясь къ возможностямъ, «миссіямъ» и «посланничеству» (выраженіе Кочаровскаго) русской эмиграціи — политическому, хозяйственному и проч., мы въ то же время привѣтствуемъ всякое начинаніе, направленное къ тому, чтобы устранить лишнія препоны, извлечь занозы изъ тѣла и души російскихъ изгнанниковъ.

Съ этой точки зрѣнія мы считаемъ весьма полезнымъ и общее освѣженіе политической атмосферы въ эмиграціи и, въ частности, ту работу, которую предприняли по части просвѣщенія своихъ бывшихъ соратниковъ по всякимъ «национальнымъ объединениямъ» П. Б. Струве, съ его ближайшимъ окруженіемъ, и В. Л. Бурцевъ. Хорошо было бы, когда наступитъ, наконецъ, желанный день и падетъ большевицкая тиранія, чтобы зарубежная общественность не оказалась въ томъ состояніи распада и взаимной вражды, «сучьей злобы къ своему бывшему врагу», — но мало изящному, но компетентному свидѣтельству передовика «Возрожденія», — которое длится вотъ уже де-

сять лѣтъ. Не надо все же преувеличивать ни «масштабовъ» заданія, ни «темповъ» его осуществленія. Это постепенно начинаютъ осознать и самые фанатическіе сторонники всякихъ коалицій и объединенія — «всѣхъ, всѣхъ», «всѣхъ», кто только не пріемлетъ большевизма и стоитъ на почвѣ признанія необходимости активнаго преодоленія совѣтской диктатуры. «Непредрѣшенство» явно теряетъ кредитъ въ своей собственной средѣ.

Когда ближайшій сотрудникъ «Возрожденія» Н. С. Тимашевъ при празднованіи гукасовской «пятилѣтки» публично жалуется на отсутствіе идей: «жертвенность изумительна, хуже обстоитъ дѣло со средствами и хуже всего съ идеями. Нужны идеи!.. Однѣхъ отрицательныхъ идей въ родѣ «долой большевиковъ», однѣхъ формальныхъ идей, въ родѣ лозунга возстановленія національной Россіи, — недостаточно», — мы не можемъ не согласиться съ этой самоочевидностью. И когда С. П. Мельгуновъ заявляетъ: «я проповѣдывалъ объединеніе, но разочаровался въ немъ. Разговоры объ объединеніи должны быть построены на чемъ-то реальномъ, иначе они бесполезны.. Нельзя итти въ Россію вмѣстѣ съ тѣми, кто смотритъ только въ прошлое, какъ и съ тѣми, кто кричить «бей жидовъ!» или кто зоветъ насъ подъ знамя императора Кирилла», — мы соглашаемся и съ этимъ недавнимъ фанатикомъ объединенной борьбы съ большевизмомъ, несмотря на то, что разоблаченіе грѣховъ русскихъ социалистовъ-антибольшевиковъ, и въ особенности, съэрровъ сдѣлалось за послѣднее время едва ли не главной задачей анти-большевицкаго активизма Мельгунова.

Мы идемъ только немногимъ дальше Мельгунова, когда полагаемъ, что не только въ Россію нельзя итти вмѣстѣ съ «кирилловцами» и погромщиками, — нельзя съ ними вмѣстѣ итти и куда бы то ни было въ Европѣ.. Больше того. Нельзя даже говорить объ общемъ патріотическомъ и национальномъ дѣлѣ съ людьми, считающими патріотизмъ и национальное дѣло своей групповой монополіей и, подобно предсѣдателю такъ называемаго «Русскаго Национальнаго Комитета» А. В. Карташеву, противопоставляющими и политически, и даже логически: «національное» — «лѣвому». Тѣмъ меньше можно имѣть политически что-либо общее съ тѣми, кто, питаясь остатками отъ былого стола Струве, все еще продолжаютъ сближать социали-

стовъ-демократовъ и враговъ большевиковъ съ «кузенами» — большевиками, или — уже отъ избытка собственнаго «движенія идей», — додумываются до сближенія духовнаго облика героическихъ народовольцевъ съ обликомъ чикагскихъ контрабандистовъ-бутлегеровъ *)...

Съ этими нельзя уже не только что «вмѣстѣ итти», съ ними нельзя даже и «врозь итти и вмѣстѣ бить»...

Мы были и остаемся сторонниками сложенія культурно-общественныхъ и политическихъ силъ. Но въ то же время были и остаемся противниками всякихъ утопическихъ и нереальныхъ заданій, всякихъ мнимыхъ величинъ. Поэтому-то мы были и остаемся противниками образованія въ зарубежьи какого-либо подобія національнаго комитета, который пытался бы представлять Россію или покусался бы говорить отъ ея имени.

Когда десять лѣтъ тому назадъ, послѣ оставленія Крыма и крушенія — въ четвертый разъ! — генеральско-диктаторскаго метода ниспроверженія большевицкой власти, Н. Д. Авксентьевъ останавливался въ «Соврем. Запискахъ» на причинахъ разрыва нѣкогда единаго анти-большевицкаго фронта, онъ находилъ и двѣ такія причины, обусловившія разрывъ. Во-первыхъ, великое озлобленіе противъ того, что раньше вызывало искренній энтузіазмъ — противъ революціи и ея социалистическихъ представителей и защитниковъ; и, во-вторыхъ, — великая социально-политическая слабость несоциалистическихъ, но все же прогрессивныхъ группировокъ, заставившая ихъ искать контрфорсъ и поддержки у чуждыхъ имъ по существу элементовъ военной реакціи. И мертвый схватилъ живого. (См. «Сложеніе Силъ» въ № 2 «Соврем. Запис.»).

Сейчасъ можно съ удовлетвореніемъ констатировать, что «великое озлобленіе» какъ будто бы начинаетъ про-

---

*) Впрочемъ, въ «мирѣ вещей» выдумка П. Муратова была предвосхищена б. генераль-губернаторомъ привислинскаго края Скалономъ. Сей генераль, желая, какъ и Муратовъ, скомпрометировать «политику», высылалъ въ порядкѣ административнаго приказа политическихъ вмѣстѣ съ уголовными — контрабандистами, притондержателями, сутенерами и проч. Такія смѣшанныя «партіи» политиковъ и уголовныхъ мнѣ приходилось самому наблюдать въ нарымскомъ краѣ въ 1910-11 г. г.; приходилось и ощущать послѣдствія — со стороны мѣстнаго населенія, не способнаго, конечно, разбираться, кто «настоящая политика» и кто «подлѣльная», «шпана».

ходить у культурно наиболее цѣнной идеологической верхушки праваго сектора русскаго зарубежья. Въ то же время приходится съ огорченіемъ отмѣтить, что это положительное явленіе не сопровождается ни формальнымъ, ни фактическимъ разрывомъ съ тѣми элементами «военной реакціи *), на которые опирались либеральныя и «либерально-консервативныя» группировки въ моментъ и въ процессѣ взрыва и прорыва ими общихъ рядовъ антибольшевицкаго фронта. Какъ бы далеко ни шла взаимная воля къ «междупартійной амнистіи», не могутъ согласно говорить группы и кадры, тянущіе вспять, не пріемлющіе по-революціонной Россіи, и тѣ, кто революціи хотѣлъ или не хотѣлъ, но принялъ ее не только за страхъ, но и за совѣсть, какъ неотмѣнимый исходный пунктъ для строительства новой Россіи. Какъ ни непримиримо враждебны мы генеральной линіи большевиковъ, не по линіи зарубежныхъ генераловъ видимъ мы путь къ ея преодоленію **)...

Всѣмъ — безъ исключенія — зарубежнымъ группировкамъ предстоитъ пройти свой путь самоорганизации, са-

---

*) Достаточно напомнить, что нынѣшнимъ возглавителемъ «Общевоевскаго союза» является не кто другой, какъ получившій весьма печальную извѣстность во время эвакуации, такъ называемой, Сѣверной области «генераль-губернаторъ» и главнокомандующій сѣвернымъ фронтомъ, фактически бывший диктаторомъ — ген. Е. К. Миллеръ. Миллеръ все еще не удосужился отчитаться передъ общественнымъ мнѣніемъ въ томъ «невѣроятномъ, чудовищномъ предательствѣ, неизвѣстномъ еще въ дѣтствѣ гражданской войны», въ которомъ его публично обвиняетъ одна изъ его жертвъ, д-ръ, а теперь проф. Б. Ф. Соколовъ. Имѣвшій опредѣленно и ярко противобольшевицкую репутацію, осужденный большевиками за возстаніе на Волгѣ, развившій въ Парижѣ энергичную противобольшевицкую пропаганду, Соколовъ былъ переведенъ на слабосильный ледоколъ «Русановъ» и, вмѣстѣ со своимъ секретаремъ прис. повѣр. А. И. Новиковымъ, съ вѣдома Миллера, брошенъ во льдахъ Бѣлаго моря. Въ лучшемъ — фактически осуществившемся — случаѣ, если бы ледоколу удалось выбраться изъ льдовъ, обѣ жертвы предавались въ руки большевиковъ...

Этотъ потрясающій рассказъ напечатанъ въ № 9 «Архива русской революціи», издаваемого І. В. Гессеномъ, еще въ 1923 году!

**) Противопоставленіе «генеральной линіи» линіи генераловъ — отнюдь не «лѣвая» выдумка; оно ведетъ свое происхожденіе отъ правѣйшаго изъ правыхъ проф. Кассо, который неизмѣнно, изъ года въ годъ, начиналъ свою лекцію о земельномъ межеваніи словами: «генеральное межеваніе, господа, не есть межеваніе генераловъ»...

моопредѣленія и внутренней перестройки. Если эти процессы протекуть и завершатся въ общемъ демократическомъ направленіи, если разные слои группировки — тамъ и тутъ — начнутъ, хотя бы не одинаковымъ, но схожимъ образомъ воспринимать русскую дѣйствительность и пути къ возрожденію Россіи, тогда и только тогда создастся основа для совмѣстнаго дѣйствія. До схождения программныхъ и тактическихъ линій совмѣстная политическая работа въ зарубежьи невозможна, иллюзорна и, потому, вредна. Но для того, чтобы такая работа стала возможна въ будущемъ, необходимъ и благотворенъ сдвигъ взаимной психологіи уже сейчасъ.

То, что въ 17-мъ году называлось коалиціей живыхъ силъ, — все еще музыка отдаленнаго будущаго. И неосуществимая въ эмиграціи, — сейчасъ, какъ и прежде, она по прежнему остается нашимъ заданіемъ. Въ прямое противорѣчіе съ «Волей Россіи», пораженіе русской демократіи мы отнюдь не склонны относить на счетъ «коалиціонной тактики русскихъ социалистовъ», а скорѣе на счетъ того, что эта тактика проводилась недостаточно послѣдовательно и не всегда добросовѣстно, чаще всего правыми, иногда же и лѣвыми элементами коалиціи.

И въ этомъ отношеніи наши умонастроенія чрезвычайно близки — и сейчасъ, и въ прошломъ — къ тѣмъ «первомайскимъ размышленіямъ», которымъ въ той же «Воле Россіи» предается Эмиль Вандервельде. Если, по признанію антисоціалистическаго лидера «народной партіи» въ Германіи, невозможно болѣе управлять противъ и даже безъ социалистовъ, то, по признанію главы рабочаго соціалистическаго Интернаціонала, — «мы не можемъ скрывать отъ себя, что въ свою очередь и рабочій классъ не можетъ управлять противъ или безъ буржуазіи»...

М. В. Вишнякъ.

Проблемы будущей Россіи

1. Сегодняшній день.

Не много мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ писались послѣднія главы, но кажется, что между ними и «сегодняшнимъ днемъ» легли годы. Образы «современной» Россіи уже отошли въ исторію. Многое мучительно перечитывать — не потому, что оно оказалось ложью, но потому, что перестало быть правдой. Едва начали проясняться дороги, ведущія въ туманное будущее, — и вотъ опять «занесло тебя снѣгомъ, Россія». Избави Богъ публицисту пророчествовать, а тѣмъ болѣе — о Россіи.

Въ моей (не напечатанной) схемѣ Россія стоитъ на распутии. «Революція загниваетъ», писалъ я. «Или она найдеть вожда, который смѣлой рукой ликвидируетъ коммунистическое иго, или Россія идетъ навстрѣчу новымъ катастрофамъ». Могъ ли я предвидѣть, что страна будетъ поставлена передъ катастрофой сознательной волей полу-безумнаго вождя революціи?

То, что происходитъ въ Россіи, едва поддается разумному объясненію. Но лишній разъ, влекомые рокомъ, мы убѣждаемся, какъ узокъ свѣтлый кругъ историческаго сознанія. Безсознательное, бредовое окружаетъ его со всѣхъ сторонъ, и революція — одинъ изъ люковъ, откуда темныя воды Ахеронта затопляютъ солнечныя нивы земли.

Повидимому, Сталинъ и Троцкій оказались единственными изъ стаи Ленина, которые не пожелали «гнить». Ихъ не прельщало превращеніе въ демократическихъ министровъ или въ національныхъ героевъ революціонной Россіи. Они одни предпочли бы смерть безславію термидора. Троцкій, актеръ революціи, воспитанный на подмосткахъ 1793 года, живетъ ради своего монумента въ социалистической Европѣ. Онъ хочетъ войти въ исторію, какъ вождь второй погибшей коммуны. Сталинъ слишкомъ ограниченъ, чтобы видѣть неизбѣжность гибели. Секретъ,

разоблаченный Бесѣдовскимъ, объясняетъ все: Сталинъ единственный человѣкъ, который вѣрнѣе въ мировую революцію. Мистика большевицкой партіи, традиціи ленинскаго централизма, страхъ открыть кремлевскимъ переворотомъ шлюзы народной стихіи — заставляютъ разумныхъ и желѣзныхъ людей изъ «старой гвардіи» безпрекословно итти за маніакомъ, самымъ желѣзнымъ изъ всѣхъ. Политическая структура революціи въ этомъ отношеніи сходна со структурой самодержавія: онѣ обѣ допускаютъ возможность безумія власти и возлагаютъ на народъ отвѣтственность за ея безуміе.

Сейчасъ въ Россіи происходитъ не завершеніе октябрьской революціи, а новая революція, которая хочет ликвидировать послѣдствія Октября. 1929 - 30 годъ — попытка возстанія противъ крестьянства, освобожденнаго въ 1917-омъ году. Сталинъ понялъ (въ этомъ и только въ этомъ — логика съ нимъ), что крестьянство медленно разлагается, разсасываетъ, обезсиливаетъ партію; что это единственная сила національной Россіи, передъ которой остановился коммунизмъ. Неважно, какими путями онъ пришелъ къ этой безспорной истинѣ. Завѣщанная ему программа троцкистовъ, сопротивление со стороны деревни индустриальной пятилѣткѣ, растущія трудности выкачивания хлѣба у крестьянъ — шагъ за шагомъ привели его къ новой грандіозной задачѣ. Задача эта совсѣмъ просто формулируется такъ: уничтожить около 100 милліоновъ русскаго крестьянства, замѣнивъ его, или уцѣлѣвшій отъ голодной смерти его остатокъ, земельнымъ пролетаріатомъ государственныхъ «хлѣбныхъ фабрикъ». Никогда еще столь дерзкая мысль не воплощалась въ волю государственнаго дѣятеля. *Nic incipit dementia*. Но, можетъ быть, никогда еще ни одинъ правитель не наследовалъ такой сверхчеловѣческой власти. Какъ вождь революціи, Сталинъ возглавляетъ дьявольскую энергію фантастическаго и фанатическаго меньшинства, овладѣвшаго силами великаго народа. Какъ правитель Россіи, Сталинъ является преемникомъ царей московскихъ и императоровъ всероссійскихъ, съ ихъ капиталомъ восточной покорности 150 милліоновъ, не разъ испытаннымъ въ былыхъ революціяхъ съ высоты престола.

Новая революція Сталина есть классическая форма русской революціи сверху, имѣющая формальную аналогію съ революціей Петра и матеріальную — съ революціей

Грознаго. Въ отличіе отъ перваго Октября, ни массовое волненіе, ни самая легкая зыбь не выносятъ наверхъ безумнаго порыва диктатора. Все совершается силою новой опричины: нагнанныхъ изъ города чиновниковъ, красныхъ преторіанцевъ ГПУ, да кое-какихъ подонковъ деревенской голытьбы. И становится страшно: удастся ли? Т. е. не «построить социализмъ», а разрушить всѣ живыя силы крестьянства, обратить его въ рабство, безъ хозяйственной воли, безъ быта, безъ церкви, безъ Россіи. Сейчасъ рѣшается судьба Россіи — быть можетъ, на столѣтія. Если народъ не отстоитъ себя въ этой послѣдней борьбѣ, значитъ, онъ перестаетъ быть субъектомъ исторіи. Онъ можетъ стать германскимъ, американскимъ, магометанскимъ — чистая глина, ожидающая горшечника. Жестокія сомнѣнія закрадываются въ сердце. Что сильнѣе въ душѣ народной: вѣковая инерція покорности, обездушенная съ утратой вѣковой вѣры, или новое, свободное самознаніе, выкованное революціей и нынѣ во имя революціи разрушаемое?

Будемъ вѣрять въ Россію. Иначе стоитъ ли жить?

.....

2. Предпосылки.

Какой смыслъ имѣетъ ставить проблемы завтрашняго дня, когда основная проблема сегодняшняго дня не рѣшена? Но въ томъ то и дѣло, что сегодняшній день требуетъ рѣшенія, превышающаго среднія человѣческія силы. Мы въ эмиграціи не имѣемъ и данныхъ для этого рѣшенія. Къ сожалѣнію, наша позиція по отношенію къ центральной проблемѣ — борьбы съ большевизмомъ — остается, въ существенномъ, выжидательной. Лишь въ очень слабой мѣрѣ мы можемъ пока помочь русскому народу въ его горячечныхъ судорогахъ. Сегодня — царство непредвидѣннаго, стихійнаго, ирраціональнаго. Не намъ отсюда организовать хаосъ.

Но завтрашній день поставитъ передъ Россіей ясныя и четкія задачи, уже сейчасъ воочию зримыя, для рѣшенія которыхъ потребуются организованныя усилія цѣлой націи. Не нужно быть гениемъ, чтобы работать по строитель-

ству новой Россіи. Уже сейчасъ мы можемъ, мы должны воспитывать себя и молодое поколѣніе для этого національнаго дѣла.

И еще одно: экскурсы въ будущее, быть можетъ, не бесполезны и для борьбы сегодняшняго дня. Живучесть большевиковъ, конечно, зависитъ отъ того, что Россія не видитъ людей, которые могутъ смѣнить ихъ. Но еще и отъ того, что Россія не видитъ той ясной программы, во имя которой надо свергать большевиковъ. Туманность послѣ-большевицкаго «завтра» парализуетъ энергію «сегодня». И если намъ не дано знать, кто придетъ послѣ большевиковъ, то мы можемъ гадать о томъ, что придетъ. Здѣсь гадать значить хотѣть, хотѣть значить строить, и это отнимаетъ у гаданія элементъ произвольности и безотвѣтственности. Четко формулировать программу національнаго дѣла, объединить на ней мыслящихъ патріотовъ — это значить нанести фантастической твердынѣ III Интернаціонала очень серьезный ударъ.

Разумѣется, элементъ гипотетичности остается въ этихъ построеніяхъ. Онъ вносится, прежде всего, основной неясностью — въ организациіи власти. Чисто политическіе моменты программы будутъ подвержены наибольшимъ колебаніямъ. Русская національная программа допускаетъ нѣсколько политическихъ вариантовъ. При всемъ желаніи дать большее, и мы можемъ здѣсь предложить лишь одинъ изъ этихъ мыслимыхъ вариантовъ. И мнѣ хотѣлось бы съ самаго начала предотвратить естественныя недоразумѣнія, которые могутъ возникнуть по поводу предлагаемыхъ здѣсь схемъ будущаго. Что это — прогнозы или программы? Желаемая мной или только угадываемая Россія будущаго?

На это слѣдуетъ отвѣтить: ни то, ни другое. Можно было бы легко построить болѣе говорящій сердцу, вѣнчательный образъ Россіи, поднять его, какъ хоругвь, чтобы умирать за него, — зная, что прекрасное никогда не осуществится до конца въ этомъ мірѣ. Но я зову не умирать, а строить, для строителей нуженъ планъ, а не видѣніе. Другими словами, я стараюсь дѣлать поправку на матеріаль, на средства, на силы каменщиковъ. И самая идея зданія дана мнѣ не въ вѣчности, а въ сегодняшнемъ днѣ исторіи. Это одинъ изъ мѣняющихся въ исторіи ликовъ Россіи, который можетъ быть осуществленъ завтра. Онъ минималенъ, мѣряя его сверхвременнымъ мѣриломъ

призванія Россіи. И все же онъ максималенъ, какъ шахматистъ, могущій воплотиться въ нашъ историческій день. Вотъ почему это не прогнозъ, ибо въ прогнозѣ неизбежно считается съ неудачами, съ блужданіями. Мы достаточно искушены опытомъ, чтобы не поддаваться оптимизму. Русская исторія — трагическая вещь. Не было времени, когда бы она катилась по гладкимъ дорогамъ, не сворачивая въ ухабы и трясины. Будетъ ли иначе съ завтрашняго дня? Основная, недоказуемая предпосылка этихъ построений — разумная и честная власть. Можемъ ли мы, пережившіе столько безумныхъ или слѣпыхъ правителей, рассчитывать непременно на удачу? Нельзя быть увѣреннымъ, но позволительно надѣяться. Безумные или корыстные вожди могутъ сильно осложнить работу, заставить насъ колесить, возвращаться назадъ, передѣлывать по нѣскольку разъ историческія заданія Россіи, но имъ не измѣнить ея магистрали. Правда, они могутъ окончательно погубить Россію, каждый по своему, но спасти ее изъ катастрофы большевизма дано для всѣхъ одинаково. Царь изъ дома Романовыхъ, диктаторъ изъ отрезвѣвшихъ большевиковъ или демократическій вождь — должны будутъ вести страну по одному пути, если хотятъ слушать голосъ исторіи. Сбиться съ него, колесить по оврагамъ, увязнуть въ болотѣ — тысяча возможностей, огромный выборъ для фантастовъ и доктринеровъ. Но національная дорога одна.

Чтобы найти ее, нѣтъ надобности читать «по звѣздамъ», по которымъ ориентировались въ сумеркахъ самодержавія звѣздочеты русской интеллигенціи. Нынѣ земля залита яркимъ солнцемъ, беспощаднымъ солнцемъ правды, обнажающимъ всѣ морщины и извилины почвы. Вернемся на землю, съ сыновней любовью приникнемъ къ ней, будемъ слушать голоса земли. Слушать землю и видѣть землю, изучать ее. Почвовѣдніе — самая современная наука въ Россіи.

Отнынѣ русская идея — лишь переводъ на ясный языкъ смертныхъ невнятныхъ шопотовъ Геи, поднимающихся изъ нѣдръ земли. Конецъ гигантомахіи! Развѣнчивается легкомудрая Аѳина, рожденная изъ головы Зевса. Мы возвращаемся къ святилищу Деметры, милостивой, хлѣбообильной Элевсинской царицы.

Въ переводѣ на языкъ прозы, это значитъ: мы объявляемъ беспощадную борьбу доктринерамъ и максимали-

стамъ, чьимъ бы именемъ они ни прикрывались. Всякій максималистъ есть убійца. Мы смотримъ не на восторженные глаза, а на руки, залитыя кровью. Сейчасъ развелось не мало людей, соблазненныхъ легкимъ успѣхомъ большевизма, которые не прочь смѣнить въ сѣдлѣ Сталина и хлестать измученную лошадь по глазамъ и шпорить до кишекъ окровавленные бока, пока она не издохнетъ. Эти люди преступники или сумасшедшіе. Пора перестать сумасшедшимъ (распутинцамъ, ленинцамъ) управлять Россіей. Это первая предпосылка, на которой должны объединиться всѣ.

Наше забвеніе прошлаго, утрата русской традиціи такъ велики, что найдется не мало людей, которые именно безуміе считаютъ національной традиціей Россіи, представляя презрительно разумъ въ удѣлъ мѣщанскому Западу. Историческая память этихъ людей не восходитъ далѣе столѣтъ назадъ. Революція отбрасывала въ прошлое свою тѣнь вплоть до 30-хъ годовъ, и ея призранными зарницами освѣщался сумракъ столѣтія. Намъ не нужно ни звѣздъ, ни зарницъ, ни даже зорь. Уже взошло солнце.

Русскій народъ всегда былъ трезвымъ, мудрымъ народомъ, въ спокойномъ мужествѣ своемъ возлюбившимъ выше всего простоту. Но это значить, что онъ призванъ къ классическому творчеству. Не даромъ онъ создалъ Пушкина. Классическій вѣкъ Россіи только начинается.

Откуда придутъ рабочіе завтрашняго дня, не важно. Въ національной Россіи найдется мѣсто для вчерашнихъ монархистовъ, демократовъ, социалистовъ, но каждому придется принести покаяніе. Внутреннее покаяніе, безпощадный судъ надъ собой, разсѣкающей на двое кровотокающую ткань міросозерцанія. Не измѣна требуется, не смѣна вѣхъ, однихъ на другія. Мы видимъ сейчасъ не мало такихъ обращенныхъ или оборотней, о которыхъ нельзя не сказать: «И было послѣднее зло горше перваго». Передъ судомъ земли, передъ голосомъ исторіи мы должны провѣрить весь наличный составъ нашихъ идей, нашихъ идеаловъ, судомъ русской революціи судить ихъ. Важнѣе переменъ идей перерожденіе духа, при которомъ идеи теряютъ не принадлежащее имъ царственное значеніе. Въ своихъ правахъ возстаиваются опытъ, совѣсть, разумъ и историческая интуиція.

Не много тѣхъ, которые достойны войти въ Землю Обѣтованную — въ поколѣніи, вышедшемъ изъ Египта.

Сколькимъ изъ насъ придется быть ворчливымъ зрителемъ при стройкѣ новой Россіи, путаться подъ ногами рабочихъ, больно ушибаться — и, можетъ быть, оставить обрѣтенную родину для новаго, уже вольнаго изгнанія. Но годы изгнанія, невыносимо долгіе, даны намъ для того, чтобы изгладить память о Египтѣ, чтобы забыть — кому о чеснокѣ, кому о котлахъ съ мясомъ, чтобы стать новыми людьми, Израилемъ.

Наши надежды и расчеты — на тѣхъ, кто остались, на то, что осталось въ Россіи, и на тѣхъ и на то, что родилось по великомъ исходѣ, созрѣло и окрѣпло въ огнѣ революціи, въ неслыханныхъ страданіяхъ утвердило свою правду. Какими же силами, социальными и духовными, располагаетъ будущій архитекторъ?

Социальныя силы — матеріаль стройки:

1. Прежде всего, разумѣется, крестьянство, вѣковѣчный работникъ, державшій Московское царство и Петербургскую имперію, нынѣ — главный врагъ коммунизма, о который долженъ разбиться его девятый валъ.

2. Надъ нимъ, на его упорномъ, но пассивномъ хребтѣ — новая демократія, созданная революціей, предприимчивая, властная, завоевавшая себѣ «командныя высоты» въ арміи, въ управленіи, въ школѣ.

3. Наконецъ, питающаяся изъ этихъ двухъ источниковъ, пока еще слабая, безъ конца истребляемая, но воскресающая и въ будущемъ все растущая, все болѣе опредѣляющая собой народную жизнь «буржуазія», торгово-промышленный классъ.

Духовныя силы — капиталъ строителя:

1. Мощное національное чувство, которымъ сейчасъ живетъ вся Россія минусъ партія — даже не партія, а голловка подпольщиковъ.

2. Хозяйственный голодь, голодь къ разумному, расчетливому, т. е. экономическому труду, разбуженный въ деревнѣ и широкихъ слояхъ города, -- отрицательно обостряемый всякимъ нажимомъ государственнаго социализма.

3. Капиталъ знаній и техническихъ навыковъ, все еще значительный, которымъ располагаютъ недорѣзанные калры старой интеллигенціи.

4. Голодь къ знанію, охватившіи массы, особенно юныя поколѣнія.

5. Возрожденіе религіознаго чувства въ духовной элитѣ, принадлежащей ко всѣмъ классамъ общества.

Капиталь не малый, съ которымъ можно отважиться на грандіозное предпріятіе съ вѣрой въ успѣхъ, съ надеждой преодолѣть препятствія.

Препятствій тоже не мало. Ихъ можно усматривать, какъ въ цѣлыхъ общественныхъ группахъ, такъ и въ духовныхъ болѣзняхъ революціонной Россіи.

1. Национальное возрожденіе Россіи найдетъ своихъ враговъ прежде всего въ идейныхъ элементахъ коммунистической партіи и Комсомола, которые не могутъ быть истреблены и не всѣ оогласятся продать свою шпагу.

2. Въ нѣкоторыхъ слояхъ пролетаріата, который будетъ жалѣть не о матеріальныхъ (не существующихъ), но о моральныхъ завоеваніяхъ революціи: о привилегіяхъ краснаго дворянства.

3. Въ бандитизмъ, который будетъ рекрутироваться изъ голодныхъ, изъ безпризорныхъ, изъ партизанъ гражданской войны: бѣлыхъ крестьянскихъ бандъ настоящаго времени и красныхъ бандъ эпохи контръ-революціи.

4. Въ тѣхъ народахъ Россіи, которые ставятъ или поставятъ своей цѣлью отдѣленіе отъ нея.

Духовныя сопротивленія, быть можетъ, еще болѣе значительны:

1. Имморализмъ, воспитанный гражданской войной, рабствомъ диктатуры и евангеліемъ коммунизма. Имморализмъ гражданскій и политическій — малодушіе, заботность и предательство въ остаткахъ старой Россіи, хищничество, жестокость, разгулъ въ новой демократіи, расшатанность семьи и оголенность пола, особенно въ средѣ молодежи, алкоголизмъ рабочихъ и т. д.

2. Безграничное невѣжество новыхъ хозяевъ жизни.

3. Отчужденность ядами атеистической и марксистской «культуры» всѣхъ новыхъ слоевъ и поколѣній, прикасающихся къ культурѣ вообще.

Препятствія велики, но не непреодолимы. Опираясь на творческія силы новой Россіи, съ помощью Божіей, можно принимать за работу.

3. Хозяйство.

Не политическія проблемы будутъ волновать освобожденную Россію. Политическая горячка революціи и новое рабство, вышедшее изъ ея чѣдръ, надолго убили и въ массахъ и въ интеллигенціи вкусъ къ чистой политикѣ. Россія приметъ всякую власть, которая придетъ на смѣну большевиковъ, не справляясь о ея правовыхъ титулахъ. Единственное, чего она ждетъ отъ правителей, — это выполненіе очередного національнаго дѣла. Теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, содержаніе властвованія доминируетъ надъ формой власти.

Передъ всякой русской властью во всей остротѣ встанутъ двѣ проблемы: хозяйственная и національная. Подъ знакомъ ихъ Россія будетъ жить десятилѣтія. И если вторая, несомнѣнно, сразу же пріобрѣтаетъ грозный характеръ, логически первая ей предшествуетъ. Большевицкая диктатура — прежде всего диктатура социальная, т. е. экономическая. Вся невыносимая тяжесть русской жизни упирается въ экономику ленинизма. Первое — можетъ быть, единственное, — о чемъ томится вся Россія, — это экономическое освобожденіе.

Какъ чистое отрицаніе, какъ раздѣлка государственнаго социализма, какъ возстановленіе собственности, свободы труда и капитала, экономическая задача необычайно проста. Она рѣшается въ декларативномъ порядкѣ. Сама жизнь, сама хозяйственная стихія, бурно освобожденная отъ оковъ, залѣчиваетъ раны коммунизма, быстро повышая уровень благосостоянія. Краткій опытъ съ Нэпомъ въ 1923 году блестяще показалъ это. Вотъ почему, сколько бы ошибокъ ни было совершено въ первый періодъ возстановленія русскаго народнаго хозяйства, какія бы оргіи хищеній и растратъ ни происходили, ничто не задержитъ экономическаго возрожденія Россіи. Однако, лучше заранее предвидѣть эти ошибки и избѣжать ихъ, особенно если онѣ могутъ имѣть опасныя — національныя и социальныя — послѣдствія.

Въ сельскомъ хозяйствѣ есть программныя предпосылки, раздѣляемыя всеми. Это невозможность реставраціи помѣщичьей собственности и необходимость прочнаго закрѣпленія земли за крестьянствомъ. Будущая власть обсудитъ исключенія изъ перваго принципа. Здѣсь встанутъ

вопросы объ усадьбахъ и усадебныхъ земляхъ, о мелкихъ владѣнiяхъ, — наконецъ, о совхозахъ, подъ маской которыхъ паразитируютъ остатки былыхъ экономiй. Нѣтъ никакихъ экономическихъ препятствiй къ частичному возвращенiю бывшихъ владѣльцевъ въ этихъ, строго ограниченныхъ, случаяхъ. Огромное и все перевѣшивающее препятствiе — въ социальномъ самосознанiи крестьянства, которое боится даже тѣни помѣщика. Ни одна разумная власть теперь не рискнула бы подорвать свою популярность этой скромной мѣрой социальнаго обезпеченiя бывшаго владѣльческаго класса. Однако время смягчаетъ старыя раны. Новыя жгутъ больше. Вопросъ о томъ, заставить ли, и черезъ сколько времени, новое рабство колхозовъ забыть о старомъ крѣпостничествѣ.

Серьезнѣе затрудненiе, поставленное самимъ колхознымъ движенiемъ. Въ районахъ, захваченныхъ имъ, — а гдѣ гарантiя, что имъ не будетъ захвачена вся Россiя? — смстены всѣ межи, поставленъ крестъ надъ чернымъ передѣломъ 1917 года. Кому возвращать десоциализированныя земли колхозовъ? Сколько хозяевъ уже разстрѣляно, сколько семействъ вымереть съ голода! Предстоитъ новый передѣлъ — на основѣ наличныхъ хозяйственныхъ силъ и потребностей. Быть можетъ, новый передѣлъ не вездѣ пройдетъ гладко. Но думается, что государству лучше въ него не вмѣшиваться. Лучше санкционировать торопливую, не всегда справедливую крестьянскую дѣлячку, чѣмъ спускаться во львиный ровъ растреноженной, обозленной деревни. Урокъ 1917 года всѣмъ памятенъ.

Вопросъ о формахъ крестьянскаго владѣнiя распадается на два вопроса: по отношенiю къ государству и по отношенiю къ старой общинѣ. Реальное значенiе имѣетъ послѣднiй. Обь общинѣ будетъ еще много споровъ въ новой Россiи. Но было бы опасно, если бы къ рѣшенiю этого стараго вопроса мы подходили съ нашей современной реакцiей на коммунизмъ. И здѣсь лучшая политика — поменьше политики. Чѣмъ больше государство будетъ считаться съ пестротой мѣстныхъ условiй, съ измѣчивостью крестьянскихъ настроенiй, тѣмъ лучше. Общинное и подворное хозяйство могутъ и должны сосуществовать другъ съ другомъ. Жизнь произведетъ свой отборъ. Вѣроятно, опытъ насильственнаго коммунизма необычайно подниметъ идеаль личнаго, собственническаго хозяйства. Но было бы опасно — хотя бы въ формахъ П. А. Столыпина.

на — форсировать этот процесс. Столь же, разумеется, опасно, ради химеры уравнительного обезпеченія, искусственно покровительствовать деревенскому коллективизму.

Вопросъ о націонализациі земли есть, въ сущности, вопросъ о правовомъ титулѣ государственнаго вмѣшательства. Если не на другой день послѣ революціи, то въ будущемъ государственное вмѣшательство въ земельныя отношенія сдѣлается неизбежнымъ. Быть можетъ, придется ограничивать тахішчш земельвладѣнія, во всякомъ случаѣ — организовывать внутреннюю колонизацію, переселенія. Во всѣхъ этихъ мѣропріятіяхъ принципъ верховной собственности государства, въ правовой психологіи народа, облегчаетъ регулированіе земельныхъ отношеній. Но, конечно, современное мощное государство не нуждается въ титулѣ собственности, чтобы обезпечить себѣ свободу аграрнаго законодательства. Въ конечномъ счетѣ, вопросъ о сохраненіи націонализациі земли рѣшится въ зависимости отъ силы психологической, собственнической реакціи на коммунизмъ. Свобода мобилизаціи земли должна быть обезпечена во всякомъ случаѣ, въ любыхъ юридическихъ формахъ.

Все прошлое столѣтіе русская интеллигенція, какъ и крестьянство, были заняты проблемой распредѣленія. Отнынѣ на первый планъ выдвигается производство. Призракъ помѣщичьяго земельного фонда перестаетъ отвлекать хозяйственное воображеніе отъ реальныхъ источниковъ народнаго богатства. Русская аграрная проблема становится проблемой агрономической. Большевики своими судорожными, часто карикатурными жестами намѣчаютъ будущее русскаго хозяйства. Интенсификація земледѣлія, съ одной стороны, съ другой — на широкихъ просторахъ степной полосы — продвигеніе машинъ, грандіозныя оросительныя предпріятія, государственная селекція, опыты новыхъ культуръ — словомъ, полная раціонализациія сельскаго хозяйства. Приходится смиренно сознаться, что Микла Селяниновичъ никогда не умѣлъ хозяйничать, и русское земледѣліе было непроизводительной растратой человѣческой рабочей силы. Революція уничтожила психологическія препятствія къ раціональному хозяйству (традиціонализмъ быта, этика равенства, социальная зависть) и освободила скованныя хозяйственныя силы народа.

Технической переворотъ въ земледѣліи, вѣроятно, «освободитъ» также большое число занятыхъ на землѣ рукъ.

Аграрное перенаселение и сейчас становится весьма грозной проблемой России. Ея решение дается лишь въ общей системѣ народнаго хозяйства, т. е. въ развитіи его индустриальнаго сектора.

Вопросы, связанные съ индустріей, являются гораздо болѣе сложными, сравнительно съ аграрными. Национализация фабрикъ означаетъ совсѣмъ не то, что национализация земли. Это дѣйствительное государственное хозяйство, не имѣющее въ себѣ ничего утопическаго и связанное съ весьма старыми традиціями русскаго меркантилизма. Бѣда лишь въ томъ, что главная масса этой государственной продукціи бездоходна и питается паразитически за счетъ крестьянскаго и частнаго труда. Необходимость ея денационализации принадлежитъ къ общепризнаннымъ положеніямъ, даже въ социалистическомъ лагерѣ. Но, во-первыхъ, нельзя утверждать, чтобы рѣшительно все государственное хозяйство было бездоходно, или чтобы бездоходное нынѣ, подъ надзоромъ ВСНХ, оно не могло давать дохода при иной, болѣе хозяйственной системѣ. Это голословное утверждение опровергается всѣмъ нашимъ прошлымъ. Если дорожить экономической мощью русскаго государства, его вліяніемъ на общую хозяйственную жизнь страны, то нельзя, увлекаясь духомъ анти-коммунистической реакціи, раздѣлывать все сдѣланное, разбазарить, раздарить или продать съ торговъ все государственное достояніе Россіи. Здѣсь національный интересъ ограничиваетъ чисто экономическую логику. Тщательное изученіе работы каждаго предприятия, каждой отрасли должно опредѣлить ихъ судьбу. Какъ общій принципъ, государство отдаетъ лишь то, съ чѣмъ оно само не въ силахъ справиться. Конечно, это будетъ львиная доля захваченнаго, но отсюда далеко еще до принципа общей денационализации. Именно какъ принципъ, ея не допустить русское народное сознаніе. Широкія массы въ Россіи, несомнѣнно, рассматриваютъ национализацию промышленности, какъ положительное завоеваніе революціи. Балансъ государственнаго хозяйства имъ неизвѣстенъ, но государство понятнѣе, дороже капитала или частнаго предпринимательства.

Во-вторыхъ, денационализация предприятий ни въ коемъ случаѣ не означаетъ ихъ реституціи, какъ акта возстановленія справедливости. Не можетъ быть и рѣчи о возвращеніи «украденнаго». Государство не воруетъ, и конфи-

скаціи революціоннаго правительства въ такой же мѣрѣ легальны, какъ, скажемъ, захватъ удѣльныхъ и боярскихъ вотчинъ московскимъ великимъ княземъ. Реституція одной категоріи собственности (промышленной), при невозможности реституціи собственности земельной, денежной или движимой, ощущалась бы, какъ новая несправедливость. Вся Россія потеряла такъ много, ея жертвы — прежде всего кровью — такъ несоизмѣримо съ матеріальными убытками, что предъявленіе счетовъ націи было бы актомъ національно позорнымъ.

Но, конечно, денационализація не можетъ вылиться въ продажу съ публичнаго торга. Промышленное или торговое предприятие есть личное, творческое дѣло. Сплошь и рядомъ оно не способно пережить своего творца. Во всякомъ случаѣ, оно требуетъ глубокаго знанія, личной связи, иногда жертвенной, организатора съ созданнымъ имъ дѣломъ. Столько путей сбыта, сколько кредитныхъ возможностей держится исключительно на личномъ вліяніи. Россія помнитъ и гордится родами многихъ талантливѣйшихъ организаторовъ, безъ которыхъ едва ли удастся возстановить разрушенное.

Бѣда лишь въ томъ, что, въ большинствѣ случаевъ, ихъ представители лишены капиталовъ и своими силами не смогутъ поднять бездоходнаго дѣла. Приливъ капиталовъ возможенъ лишь изъ-за границы. Государству предстоитъ найти сложные пути, чтобы осуществить сотрудничество русской инициативы и организаціи съ международнымъ капиталомъ. Въ охранительной національной политики, русская промышленность и торговля будутъ захвачены иностранцами. Россіи грозитъ участь колониальной страны. Многие считаютъ это неизбѣжнымъ. Мы этого не думаемъ. Нерастроченная государственная мощь огромной страны можетъ лечь внушительно на чашку вѣсовъ, перевѣсивъ и бѣдность и техническую отсталость. Тяга иностраннаго капитала въ Россію велика; даже большевикамъ удастся эксплуатировать неосторожныхъ концессионеровъ. Национальная Россія можетъ обезпечить западнымъ капиталистамъ солидную прибыль, и въ то же время сохранить за собой руководство народнымъ хозяйствомъ. Въ формахъ ли смѣшанныхъ русско-иностранныхъ обществъ подъ государственнымъ контролемъ, или иначе — это дѣло специалистовъ. Была бы лишь воля отстоять національное достояніе. Не съ чисто хозяйственной, но съ на-

ціональної точки зрѣнія, ліберальна економічна політика була бь вь Россіи опасна. Даже переходь оть государственной монополіи вѣншей торговли требуеть постепенности. Государство должно сохранить вь своихь рукахь значительныя возможности хозяйственного регулирования. Это «завоеваніе революціи» переживеть большевиковъ — отнюдь не по доктринерски-соціалистическимъ мотивамъ. Оно обуславливается современной слабостью, чтобы не сказать больше, русскаго промышленнаго класса. Его малосиліе вь прошломъ объясняеть протекціонистскую политику имперіи. Его разгромъ вь революціи дѣлаеть разумный протекціонизмъ неизбѣжнымъ.

Есть и другая сфера индустріальныхъ отношеній, вь которой государственное вмѣшательство необходимо. Это область отношеній между трудомъ и капиталомъ, весьма острыхъ и чувствительныхъ вь послѣ-революціонную эпоху. Несомнѣнно, со стороны освобожденнаго капитала, какъ и крестьянства и всего общества вь цѣломъ, будеть оказываться огромное давленіе на рабочій классъ: слишкомъ естественно желаніе раздавить, унижить вчерашняго «диктатора». Съ другой стороны, диктаторъ этотъ не скоро позабудетъ хмель своего призрачнаго царствованія. Не вь матеріальныхъ утратахъ дѣло; самая грубая капиталистическая эксплоатація, конечно, обеспечить рабочему высшій уровень жизни, нежели коммунистическая. Особенно при благоприятной индустріальной конъюнктурѣ, которая открывается вь эпоху хозяйственного возстановленія. Но обостренное, избалованное классовое самосознаніе будеть чрезвычайно чутко ко всякому моральному и политическому униженію. Вѣроятно, рабочій встрѣтитъ безъ особаго энтузіазма паденіе коммунистической власти. Какъ ни тяжела сейчасъ его жизнь, онъ опасается худшаго оть контръ-революціи. Вотъ почему государство должно облегчить ему трудность переходнаго времени. Отмѣнивъ пролетарское дворянство, государство не должно допускать новаго крѣпостничества на фабрикахъ. Хорошо, если бы оказалось возможнымъ сохранить большевистскій Кодексъ законовъ о трудѣ. Освобожденная Россія должна показать своему мятежному сыну, что для нея нѣтъ пасынковъ. Какъ многое для русскаго будущаго зависить оть этихъ первыхъ лѣтъ! Удастся ли направить рабочее движеніе, законную профессиональную и политическую акцію рабочаго класса по національному руслу, — или рус-

скій рабочій черезъ одно поколѣніе снова вернется въ лоно III (или IV) Интернаціонала? Англійскій или французскій путь откроется для него, зависить въ значительной мѣрѣ отъ нашего поколѣнія. Сейчасъ есть шансъ, и шансъ не малый: свѣжая память коммунистическаго рая. Современное поколѣніе рабочихъ ни за что не пожелаетъ вернуться въ него. Ну, а слѣдующее? Историческая память такъ коротка. Скоро революція окрасится въ легендарные, героическіе цвѣта великихъ воспоминаній. Тяжесть жизни, невыносимая атмосфера злобы, тоски и предательства уйдетъ въ безвозвратное. Останется яркій лозунгъ, красный флагъ, серпъ и молотъ. Палачамъ 1793 года Франція черезъ столѣтіе воздвигаетъ памятники. Она начала героизировать ихъ уже черезъ 40 лѣтъ.

Нельзя забывать, что изолированное существованіе націи уже невозможно. Сейчасъ красная Москва оказываетъ огромное воздѣйствіе на сознание европейскаго пролетаріата. Въ будущемъ это соотношеніе измѣнится въ обратную сторону. Несомнѣнно, что послѣвоенная Европа все болѣе зависить въ своей политической жизни отъ рабочихъ партій и ихъ вождей. Соціальный вопросъ не то, что поставленъ, а уже практически рѣшается. Быть можетъ, будущій историкъ назоветъ наше время эпохой социализаціи. У Россіи свои пути, но два столѣтія тѣснѣйшей общей жизни съ Западомъ не могутъ окончиться полнымъ духовнымъ разрывомъ.

Будемъ ковать желѣзо, пока горячо. Роль государства въ воспитаніи рабочаго класса весьма ограничена. Главнѣе выпадаетъ на долю интеллигенціи. Это мы должны приобщить красныхъ варваровъ къ русской національной культурѣ, показать имъ, что они не безродные, что они вступаютъ въ наслѣдство великихъ отцовъ. Что Россія — имъ, и они — Россіи. Но, разумѣется, эта проповѣдь будетъ дѣйствена лишь въ томъ случаѣ, если одновременно удастся удовлетворить матеріальныя потребности, обезпечить необходимый досугъ для духовной работы. Если рабочій не будетъ чувствовать себя паріемъ въ новой Россіи.

Какъ ни важенъ въ Россіи рабочій вопросъ, нужно помнить, что есть вопросъ еще болѣе важный — не о рабочемъ, а о предпринимателѣ: о воссозданіи и развитіи класса предпринимателей, безъ которыхъ немислимо экономическое — думая и культурное — возрожденіе Россіи.

И здѣсь, какъ въ сельскомъ хозяйствѣ, проблема производства доминируетъ надъ распредѣленіемъ. Россія поставлена исторіей передъ необходимостью предѣльнаго напряженія своихъ производительныхъ силъ. Наше время подобно петровскому. Большевизмъ безконечно углубилъ экономическій ровъ между Россіей и Западомъ, образовавшійся въ XIX вѣкѣ. Засыпать эту пропасть необходимо во что бы то ни стало. Иначе Россія должна отказаться отъ великодержавства — уйти въ Азію, примириться съ положеніемъ колониальной страны.

Чуткость большевиковъ (впрочемъ, связанная съ ихъ доктриной) сказалась въ обостренномъ вниманіи къ проблемамъ техники и индустріи. Разрушители русской промышленности, они мечтаютъ продолжать дѣло Витте, окарикатуривъ его до сталинской пятилѣтки. Возвращаясь къ реальной политикѣ, будемъ говорить лучше о «пятидесятилѣткѣ». Въ такихъ границахъ времени индустриализация Россіи перестаетъ быть химерой. Разумѣется, мы не помышляемъ о превращеніи русскаго мужика въ фабричнаго рабочаго, Россіи — въ Англію. Естественныя условія и богатство страны, все наше прошлое — предопредѣляютъ аграрный типъ Россіи. Но Россія можетъ и должна перерабатывать свое сырье. Россія можетъ добиться экономической независимости отъ Запада. Россія должна обезпечить снабженіе своей арміи на случай войны. По природѣ, по географическому размаху Россіи, она призвана стать независимымъ хозяйственнымъ міромъ. Экономическая автарнія, которая является вредной утопійей для мелкихъ государствъ, для Россіи вполне достижима. Америка — хозяйственный организмъ наиболѣе близкій Россіи, несмотря на полярную разницу хозяйственной психологіи.

Но хозяйственная психологія не есть разъ навсегда данная величина. Въ какихъ-то трудно опредѣлимыхъ границахъ національнаго типа, она допускаетъ широкую амплитуду колебаній. Германія начала XX вѣка кажется, по сравненію съ началомъ XIX, совершенно иной страной.

Экономическое несчастье Россіи — въ томъ, что она не знала развитого, организованнаго городского ремесла, сколько-нибудь вліятельнаго въ народной жизни. Национальное русское ремесло — кустарное, подсобное при крестьянскомъ хозяйствѣ. Въ новомъ русскомъ городѣ XVIII-XIX вѣка, какъ въ Польшѣ, нѣмецъ и еврей — наиболѣе

замѣтные представители ремесленного труда. Вотъ почему молодой русской капитализмъ не можетъ воспользоваться вѣковыми навыками технической школы, профессиональной этики, корпоративнаго самосознанія. Эксплуататорскій и спекулятивный характеръ — болѣзнь его молодости. Однако, не слѣдуетъ впадать въ панику по этому поводу. Русский капиталъ имѣетъ глубокие, если не ремесленные, то торговые корни. На торговлѣ строилась жизнь вѣчевыхъ республикъ, — новгородскія земли половина Руси. Великорусскій типъ, въ наибольшей чистотѣ сохранившійся въ верхнемъ и среднемъ Поволжьѣ (ярославецъ, костромичъ) — типъ не столько пахаря, сколько бойкаго промышленника и торговца. Не чуждый, а почвенный, глубоко національный характеръ носитъ поэтому промышленный подъемъ Поволжья, московскаго района, Сибири послѣднихъ десятилѣтій. И большевистская деревня все время выдѣляетъ изъ себя торговую и предпринимательскую аристократію.

Дворянское презрѣніе къ торговлѣ, интеллигентское гнушаніе ею, несомнѣнно, являлись сильными психологическими тормазомъ, отвлекавшимъ отъ производительнаго труда самыхъ даровитыхъ сыновъ крестьянства. Этотъ тормазъ святъ. Болѣе того, марксизмъ въ Россіи развилъ особый паѳосъ техники, свойственный крупно-капиталистическому міру. Ленинизмъ практически воспитываетъ въ Россіи работниковъ капиталистическаго накопленія. Огромный интересъ къ хозяйственнымъ и техническимъ проблемамъ, которыми живетъ сейчасъ русская молодежь — драгоцѣнный залогъ хозяйственнаго возрожденія Россіи. Изъ соединенія техническаго романтизма новой интеллигенции со стихійной экономической энергіей деревни рождается токъ высокаго напряженія, та атмосфера, въ которой сложится типъ новаго національнаго предпринимателя.

Рожденіе новаго класса, а главное, его моральное и духовное воспитаніе требуютъ опредѣленныхъ творческихъ усилій національной мысли. Нельзя предоставить стихіи выработку новаго господина русской жизни, успокоившись на томъ, что процессъ «первоначальнаго накопленія» всегда жестокое и грязное дѣло. Если русскому капитализму не хватало до сихъ поръ моральной дисциплины, то одной изъ причинъ этого являлось отсутствіе моральнаго «зеркала», кодекса чести, выработаннаго, напр., за-

паднымъ средневѣковымъ купцомъ. Русская интеллигенція отказывалась понять разницу между торговлей и спекуляціей, между эксплуатаціей и предпринимательствомъ. Что удивительнаго, если сами представители торговли и промышленности легко теряли сознание этой разницы? За дворянскія столѣтія Имперіи, при упадкѣ сословнаго сознанія купечества, и народъ отвыкъ видѣть въ немъ передовую силу земли, какой оно выступало нѣкогда на земскихъ соборахъ. И народъ приучился видѣть въ хозяйственномъ организаторѣ кулака, толстосума, міроѣда. Отсюда популярность объявленнаго большевиками похода на «буржуя». Отсюда трудность усвоенія буржуазной экономической азбуки даже въ жестокой школѣ коммунизма. Народъ, въ общемъ, готовъ признать элементарный, мелкій капиталъ, еще не оторвавшійся отъ трудовой основы, но пониманіе функций крупнаго капитала ему еще не доступно. Здѣсь необходима большая работа экономическаго просвѣщенія. И не только экономическаго. Пора, наконецъ, исправить историческую несправедливость и подвергнуть переоцѣнкѣ моральное значеніе хозяйства. Замѣчательно, что почвенная русская литература любила останавливаться на купеческомъ бытѣ — именно, какъ бытѣ народномъ: Лѣсковъ, Мельниковъ, Маминъ-Сибирякъ. И большая, дворянская литература, томясь по положительномъ героѣ, искала его въ надуманныхъ Штольцахъ и Соломиныхъ. Литературная надуманность ихъ ни чуть не говоритъ противъ національности этого духовнаго склада. Конечно, новая Россія возродитъ его не въ патриархальномъ кафтанѣ 17-го вѣка, а въ костюмѣ американскаго покроя. Духовный типъ, сложившійся на кальвинистическихъ дрожжахъ, пересадить на православную почву — довольно сложная задача. Но она разрѣшима, въ порядкѣ не стилизаціи, а творческаго усилія. Можно прибавить, что на русской почвѣ этизація капиталистическаго предпринимательства естественнѣе и легче, чѣмъ на почвѣ католической, романской Европы.

Возражаютъ: «Съ вашей реставраціей капитализма вы опоздали. На Западѣ онъ уже духовно обезкровленъ. Западъ живетъ уже подъ знакомъ социализма». Согласимся для Запада. Но развѣ это не общій, печальный законъ новѣйшей русской жизни, что ей приходится дважды проходить основныя фазы европейской исторіи: первый разъ отраженно, синхронистически, второй — внутренно и оп-

ганически — столѣтіемъ позже? Революція затянулась въ Россіи отъ Радищева до Ленина. Романтизмъ, едва отразившійся на Жуковскомъ, полнѣе всего звучитъ въ А. Бѣломъ и Блокѣ. Даже національное возрожденіе, слишкомъ слабо намѣченное послѣ 1812 года (считая и Погодина и славянофиловъ), по настоящему расцвѣтаетъ лишь къ 20 вѣку. Если нашему поколѣнію выпало дѣло Дантоновъ и братьевъ Гриммъ одновременно, то почему бы не дать и новаго изданія Адама Смита?

Разумѣтся, съ поправками на социализмъ и вѣковой опытъ Европы. Разумѣтся, не въ столь побѣдномъ и анти-христіанскомъ стилѣ, какъ въ классической Англій временъ Диккенса. Будемъ стараться найти здѣсь свое русское слово. Вѣдь, и національная идея утратила на Западѣ большую долю своего творческаго смысла. И парламентаризмъ порядкомъ поизносился. Русское творчество — въ томъ, чтобы брать не послѣднее слово уже дряхлѣющей идеи, а ея глубокое историческое содержаніе: найти для нея формы, соответствующія духу времени и духу націи.

4. Національная проблема.

Узелъ хозяйственныхъ вопросовъ развязывается въ Россіи самою жизнью. Онъ будетъ разрѣшенъ даже при самомъ пассивномъ отношеніи общества и власти. Плохо разрѣшенъ, но разрѣшенъ. Ибо главное условіе его рѣшенія — свобода. Не то съ проблемой національностей.

При насильственномъ сверженіи большевицкой диктатуры Россію, несомнѣнно, ждетъ взрывъ національныхъ возстаній. Рядъ народностей потребуютъ отдѣленія отъ Россіи, и свой счетъ коммунистамъ превратятъ въ счетъ русскому народу. Первая же русская національная власть должна будетъ начать съ собиранія Россіи. При медленномъ изживаніи диктатуры ростъ или оформленіе сепаратистскихъ стремленій будетъ сопровождать каждый поворотъ развивающагося пресса. Слишкомъ много накопилось подъ этимъ прессомъ задушенныхъ національныхъ силъ. Освобожденіе ихъ является угрозой самому бытію Россіи.

Русскіе патріоты имѣютъ основаніе съ тревогою смотрѣть на будущее. Быть можетъ, революція еще не дала

намъ испить до дна чаши національнаго униженія. На этотъ разъ вопросъ ставится о томъ, будетъ ли существовать Россія, какъ имперія, какъ государственный союзъ народовъ, или она вернется къ исходному племенному единству въ старо-московскихъ границахъ Великороссіи.

Многіе не видятъ опасности, не вѣрятъ въ нее. Я могу указать симптомы. Самый тревожный — мистически значительный — забвеніе имени Россіи. Всѣ знаютъ, что прикрывающія ее четыре буквы СССР не содержатъ и намека на ея имя, что эта государственная формація мыслима въ любой части свѣта: въ Восточной Азіи, въ Южной Америкѣ. Въ Зарубежьи, которое призвано хранить память о Россіи, возникаютъ течения, группы, которыя стираютъ ея имя: не Россія, а «Союзъ народовъ Восточной Европы»; не Россія, а «Евразія». Одни интернационалисты, которымъ ничего не говорятъ русскія національныя традиціи; другіе вчерашніе патриоты, которые отрекаются отъ самаго существеннаго завѣта этой традиціи — отъ противостоянія Исламу, отъ противленія Чингизь-хану, — чтобы создать совершенно новую, вымышленную страну своихъ грезъ. О чемъ говорить эти факты? О томъ, что Россія становится географическимъ и этнографическимъ про странствомъ, безсодержательнымъ, какъ бы пустымъ, которое можетъ быть заполнено любой государственной формой. Въ обоихъ случаяхъ Россія мыслится національной пустыней, многообъщающей областью для основанія государственныхъ утопій.

Можно отмахнуться отъ этихъ симптомовъ, усматривая въ нихъ лишь новыя болѣзни интеллигентской мысли, — къ тому же не проникшія въ Россію. Но никто не станетъ отрицать угрожающаго значенія сепаратизмовъ, раздирающихъ тѣло Россіи. За одиннадцать лѣтъ революціи зародились, развились, окрѣпли десятки національныхъ сознаний въ ея разслабѣвшемъ тѣлѣ. Иныя изъ нихъ приобрѣли уже грозную силу. Каждый маленькій народенъ, вчера полудикій, выдѣляетъ слой полунинтеллигенціи, которая уже гонитъ отъ себя своихъ русскихъ учителей. Подъ покровомъ интернаціональнаго коммунизма, въ рядахъ самой коммунистической партіи складываются кадры націоналистовъ, стремящихся разнести въ куски историческое тѣло Россіи. Казанскимъ татарамъ, конечно, уйти некуда. Они могутъ лишь мечтать о Казани, какъ столицѣ Евразіи (хотя и здѣсь уже появились адепты пантураниз-

ма). Но Украина, Грузія (въ лицѣ ихъ интеллигенціи) рвутся къ независимости. Азербейджанъ и Казакстанъ тяготѣютъ къ азіатскимъ центрамъ Ислама.

Съ дальняго востока наступаетъ Японія, вскорѣ начнетъ наступать Китай. И тутъ мы съ изумленіемъ узнаемъ, что сибиряки, чистокровные великороссы-сибиряки, тоже имѣютъ зубъ противъ Россіи, тоже мечтаютъ о Сибирской Республикѣ — легкой добычѣ Японіи. Революція, укрьпивъ національное самосознаніе всѣхъ народовъ, объявила контръ-революционными лишь національные чувства господствовавшей вчера народности. Многие съ удивленіемъ узнаютъ сейчасъ, что великороссовъ въ СССР числится всего 54%. И это слабое большинство сейчасъ же становится меньшинствомъ, когда мы мысленно прилагаемъ къ Россіи оторвавшіяся отъ нея западныя области. Мы какъ-то проморгали тотъ фактъ, что величайшая имперія Европы и Азіи строилась національнымъ меньшинствомъ, которое свою культуру и свою государственную волю налагало на цѣлый разноплеменный материкъ. Мы говоримъ со справедливою гордостью, что эта гегемонія Россіи почти для всѣхъ (впрочемъ, не западныхъ) ея народовъ была счастливой судьбой, что она дала имъ возможность приобщиться къ всечеловѣческой культурѣ, какой являлась культура русская. Но подроставшія дѣти, усыновленные нами, не хотѣли знать вскормившей ихъ школы, и тянулись кто куда — къ западу и къ востоку, къ Польшѣ, Турціи или къ интернаціональному геометрическому мѣсту — т. е. къ духовному небытію.

Поразительно: среди столькихъ шумныхъ, крикливыхъ голосовъ одинъ великороссъ не подаетъ признаковъ жизни. Онъ жалуется на все: на голодъ, безправіе, тьму, только одного не въдаетъ, къ одному глухъ: къ опасности, угрожающей его національному бытію.

Вдумываясь въ причину этого страннаго омертвѣнія, мы начинаемъ отдавать себѣ отчетъ въ томъ, насколько глубоко корень болѣзни. Въ ней одинаково повинны три главнѣйшія силы, составлявшія русское общество въ эпоху имперіи: такъ называемый народъ, такъ называемая интеллигенція и власть. Для интеллигенціи русской, т. е. для господствовавшего западнаго крыла, національная идея была отвратительна своей исторической связью съ самодержавной властью. Все національное отзывалось реакціей, вызывало ассоціаціи насилія или оффиціальной

джи. Для цѣлыхъ поколѣній «патріотъ» было бранное слово. Вопросы общественной справедливости заглушали смыслъ національной жизни. Национальная мысль стала монополіей правыхъ партій, поддерживаемыхъ правительствомъ. Но что сдѣлали съ ней наследники славянофиловъ? Русская національная идея, вдохновлявшая нѣкогда Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ, Достоевскаго, въ послѣднія десятилѣтія необычайно огрубѣла. Элигоны славянофильства совершенно забыли о положительномъ, творческомъ ея содержаніи. Они были загипнотизированы голой силой, за которой упустили нравственную идею. Национализмъ русскій выражался, главнымъ образомъ, въ безцѣльной травлѣ малыхъ народностей, въ ущемленіи ихъ законныхъ духовныхъ потребностей, создавая Россіи все новыхъ и новыхъ враговъ. И, наконецъ, народъ — народъ, который столько вѣковъ съ героическимъ терпѣніемъ держалъ на своей спинѣ тяжесть имперіи, вдругъ отказался защищать ее. Если нужно назвать одинъ фактъ, — одинъ, но о с н о в н о й, изъ многихъ слагаемыхъ русской революціи, — то вотъ онъ: на третій годъ міровой войны, русскій народъ потерялъ силы и терпѣніе и отказался защищать Россію. Не только потерялъ пониманіе цѣли войны (едва ли онъ понималъ ихъ и раньше), но потерялъ сознание нужности Россіи. Ему уже ничего не жаль: ни Бѣлороссіи, ни Украины, ни Кавказа. Пусть берутъ, дѣляютъ, кто хочетъ. «Мы рязанскіе». Таковъ итогъ вѣкового вывѣтриванія національнаго сознанія. Несомнѣнно, что въ Московской Руси народъ національнымъ сознаніемъ обладалъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ хотя бы его историческія пѣсни. Онъ ясно ощущаетъ и тѣло русской земли и ея враговъ. Ея историческія судьбы, слившіяся для него съ религіознымъ призваніемъ, были ясны и понятны. Въ Петровской имперіи народъ уже не понимаетъ ничего. Самые географическіе предѣлы ея стали недоступны его воображенію. А международная политика, ея сложность, чуждость ея задачъ прекрасно выразились въ одной солдатской пѣснѣ XVIII вѣка:

Пишетъ, пишетъ король Прусскій
Государынѣ Французской
Мекленбургское письмо...

Крѣпостное рабство, воздвигшее стѣну между народомъ и государствомъ, замѣнившее для народа національный долгъ частнымъ хозяйственнымъ игомъ, завершившее разложеніе политическаго сознанія. Уже крестьянскіе бунты въ Отечественную войну 1812 года были грознымъ предвѣстникомъ. Религіозная идея православнаго царя могла подвигнуть народъ на величайшія жертвы, на чудеса пассивнаго героизма. Но государственный смыслъ этихъ жертвъ былъ ему недоступенъ. Паденіе царской идеи повлекло за собой паденіе идеи русской. Русскій народъ распался, распылился на зернышки деревенскихъ мірковъ, изъ которыхъ чужая сила, властная и жестокая, могла строить любое государство, въ своемъ стилѣ и вкусѣ.

Къ этимъ разлагающимъ силамъ присоединилось медленное дѣйствіе одного историческаго явленія, протекавшаго помимо сознанія и воли людей, и почти ускользнувшего отъ нашего вниманія. Я имѣю въ виду отливъ силъ, матеріальныхъ и духовныхъ, отъ великорусскаго центра на окраины Имперіи. За XIX вѣкъ росли и богатѣли, наполнялись пришлымъ населеніемъ Новороссія, Кавказъ, Сибирь. И вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянство центральныхъ губерній раззорялось, выраждалось духовно и заставляло экономистовъ говорить объ «оскудѣніи центра». Великороссія хирѣла, отдавая свою кровь окраинамъ, которая воображаютъ теперь, что она ихъ эксплуатировала. Самое тревожное заключалось въ томъ, что параллельно съ хозяйственнымъ процессомъ шелъ отливъ и духовныхъ силъ отъ старыхъ центровъ русской жизни. Легче всего слѣдить за этимъ явленіемъ по литературѣ. Если составить литературную карту Россіи, отмѣчая на ней родины писателей или мѣста дѣйствія ихъ произведеній (романовъ), то мы поразимся, какъ слабо будетъ представленъ на этой картѣ русскій сѣверъ, все Замосковье — тотъ край, что создалъ великорусское государство, что хранить въ себѣ живую память «Святой Руси».

Русская классическая литература 19 в. — литература черноземнаго края, лишь съ 16-17 вѣковъ отвоеваннаго у степныхъ кочевниковъ. Тамбовскія, Пензенскія, Орловскія поля для насъ стали самыми русскими въ Россіи. Но какъ бѣдны эти мѣста историческими воспоминаніями! Это деревянная, соломенная Русь, въ ней ежегодные пожары сметають скудную память о прошломъ. Здѣсь всего скорѣе исчезаютъ старые обычаи, пѣсни, костюмы. Здѣсь нѣтъ

этнографического сопротивления разлагающим модамъ городской цивилизаціи. Съ начала 20 вѣка литература русская бросаетъ и черноземный край, оскудѣвшій вмѣстѣ съ упадкомъ дворянскаго землевладѣнія. Выдвигается Новороссійская окраина, Крымъ, Кавказъ, нижнее Поволжье. Одесса создаетъ цѣлую литературную школу.

До сихъ поръ мы говорили объ опасностяхъ. Что можно противопоставить имъ, кромѣ нашей вѣры въ Россію? Есть объективные факты, точки опоры для нашей національной работы — правда, не болѣе, чѣмъ точки опоры, ибо безъ работы, скажу больше — безъ подвига — Россіи намъ не спасти.

Вотъ эти всѣмъ извѣстные факты. Россія не Австрія и не старая Турція, гдѣ малая численно нація командовала надъ чужероднымъ большинствомъ. И если Россія, съ культурнымъ ростомъ малыхъ народностей, не можетъ быть національнымъ монолитомъ, подобнымъ Франціи или Германіи, то у великороссовъ есть все же гораздо болѣе мощный этнической базисъ, чѣмъ у австрійскихъ нѣмцевъ. Во-вторыхъ, эта народность не только не уступаетъ культурно другимъ, подвластнымъ (случай Турціи), но является носителемъ единственной великой культуры на территоріи государства. Остальныя культуры, переживающія сейчасъ эру шовинистическаго угара — говоря совершенно объективно — являются явлениями провинціального порядка, въ большинствѣ случаевъ и вызванными къ жизни оплодотворяющимъ воздѣйствіемъ культуры русской. Въ-третьихъ, національная политика старой Россіи тяжкая для западныхъ, культурныхъ (нынѣ оторвавшихся) ея окраинъ, — для Польши, для Финляндіи, — была, въ общемъ, справедлива, благотѣльна на Востоку. Востокъ легко примирился съ властью Бѣлаго царя, который не ломалъ насильственно его старины, не оскорблялъ его вѣры и давалъ ему мѣсто въ просторномъ русскомъ домѣ. (Изъ оставшихся въ Россіи народовъ прямая ненависть къ великороссамъ встрѣчается только у нашихъ кровныхъ братьевъ — малороссовъ или украинцевъ, — и это самый болѣзненный вопросъ новой Россіи).

Въ-четвертыхъ, большинство народовъ, населяющихъ Россію, какъ островки въ русскомъ морѣ, не могутъ существовать отдѣльно отъ нея; другіе, отдѣлившись, неминуемо погибнуть, поглощенные сосѣдями. Тамъ, гдѣ,

какъ на Кавказѣ, живутъ десятки племенъ, раздраемыхъ взаимной враждой, только справедливая рука суперъ-арбитра можетъ предотвратить кровавый взрывъ, въ которомъ неминуемо погибнуть всѣ ростки новой национальной жизни. Что касается Украины, то для нея роковымъ является сосѣдство Польши, съ которой ее связываютъ вѣковыя историческія цѣпи. Украинѣ объективно придется выбрать между Польшей и Россіей, и отчасти отъ насъ зависеть, чтобы выборъ былъ сдѣланъ не противъ старой общей родины. И, наконецъ, въ-пятыхъ, за насъ дѣйствуютъ еще старыя экономическія связи, создающія изъ бывшей Имперіи, изъ нынѣшней СССР, единый хозяйственный организмъ. Разрывъ его, конечно, возможенъ (примѣръ: та же Австрія), но мучителенъ для всѣхъ участниковъ хозяйственнаго общенія. Силы экономической инерціи дѣйствуютъ въ пользу Россіи.

Сумѣемъ ли мы воспользоваться этими благоприятными шансами, это зависитъ уже отъ насъ, т. е., прежде всего отъ новыхъ поколѣній, которыя вступаютъ въ жизнь тамъ въ Советской Россіи и, въ меньшей степени, здѣсь, въ изгнаніи.

Удачное рѣшеніе русской проблемы предполагаетъ два ряда условій: политическихъ и моральныхъ.

Созданіе гибкихъ и твердыхъ юридическихъ формъ, которыя выразили бы одновременно единство и многоплеменность Россіи, является трудной, но вполне разрѣшимой задачей. Одну изъ объективныхъ трудностей ея составляетъ чрезвычайное различіе культурныхъ уровней народовъ Россіи, которое не допускаетъ равенства ихъ политическихъ состояній. Въ этомъ фактѣ должны найти свое ограниченіе всѣ доктринерскія попытки построения Россіи, какъ законченной и симметричной федераціи (конфедераціи). Въ Державѣ Россійской мыслимы всѣ отгѣнки взаимоотношеній, начиная отъ областного самоуправленія, національной автономіи, кончая чисто федеративной связью. Не въ конституціяхъ Европы — скорѣе въ системѣ Римской Имперіи, въ эпоху ея многовѣкового созданія — можетъ найти свои аналогіи современная Россія. Одно несомнѣнно. Двухъ или трехвѣковая эра бюрократическаго централизма миновала. Если мы хотимъ сохранить имперію, то должны перестать смотрѣть на нее, какъ на Русь. Россія, Русь, Великороссія не совпадающія, а кон-

центрическія величины, каждая изъ которыхъ должна получить свои идейныя (и территоріальныя) границы.

Структура СССР является черновымъ наброскомъ будущей карты Россіи. Уже нельзя отказаться отъ ея основного принципа: національнаго построения Россіи. Но за предѣлами этнографической карты, въ самой системѣ большевицкаго децентрализма какъ и большевицкаго централизма все остается спорнымъ. Эта система дразнить малые народы несбыточно-декларативной независимостью, на дѣлѣ осуществляя диктатуру Москвы. Возможно ли дальнѣйшее функционированіе этой системы при устраненіи нелегальной диктатуры партіи, — это большой вопросъ. Съ другой стороны, большевики, ревнивые къ военнымъ и финансовымъ основамъ своей власти, совершенно не заинтересованы въ защитѣ русской культуры. Они предадутъ ее на каждомъ шагу, вознаграждая приманкой русофобства ограбленныя и терроризированныя окраины. Національная Россія не можетъ допустить подавленія русской культуры въ своихъ рубежахъ (государственный языкъ, школа), но она, можетъ быть, сумѣетъ шире провести предѣлы экономическаго самоуправленія. Въ одномъ, но самомъ важномъ пунктѣ система СССР не пригодна для Россіи. Въ ней нѣтъ мѣста Руси, какъ единству трехъ основныхъ племенъ русскаго народа. Великороссія просто приравнена къ Руси цѣною отрыва отъ послѣдней (въ самостоятельныя націи) Украины и Бѣлороссіи. И въ этомъ заложены корни тяжкихъ конфликтовъ.

Дѣйствительно, проблема Украины является самой трудной въ ряду національныхъ проблемъ будущей Россіи. Не разрѣшить ее значитъ погибнуть, — т. е. перестать быть Россіей. Мы присутствуемъ при бурномъ и чрезвычайно опасномъ для насъ процессѣ: зарожденіи новаго украинскаго сознанія, въ сущности, новой націи. Она еще не родилась окончательно, и ея судьбы еще не опредѣлены. Убить ее невозможно, но можно работать надъ тѣмъ, чтобы ея самосознаніе утверждало себя, какъ особую форму русскаго самосознанія. Южно-русское (малорусское) племя было первымъ создателемъ русскаго государства, заложило основы нашей національной культуры и само себя всегда именовало русскимъ (до конца 19 вѣка). Настаивая на этомъ, мы, русскіе, правильнѣе выражаемъ историческую идею украинофильства, чѣмъ современные самостоятели, предающіе свой народъ и его традицію его

историческимъ врагамъ. Ближе мы, несомнѣнно, и къ національному сознанию народныхъ массъ Украины, чѣмъ полонофильскіе или германофильскіе круги ея интеллигенціи. И однако, мы, въ качествѣ великороссовъ, грѣшимъ невѣжествомъ и невниманіемъ къ южно-русской традиціи, за Москвою теряемъ истинное ощущеніе Руси, а въ настоящемъ просто не дооцѣниваемъ грознаго факта украинскаго отталкиванія отъ насъ.

Въ этомъ мощномъ анти-московскомъ историческомъ потокѣ мы обязаны различать два теченія: вмѣщающееся и не вмѣщающееся въ границы Руси. Съ послѣднимъ борьба до конца. Первое подлежитъ національной рецепціи. Въ Державѣ Россійской малороссъ не можетъ быть обиженъ или униженъ въ своемъ національномъ сознаніи передъ татаринномъ или грузинномъ. Напротивъ, его національное самоутвержденіе, съ его символами, и съ исторической памятью (Мазепа!), должно быть воспринято державнымъ сознаніемъ той націи (русской), которой принадлежитъ, волею судьбы, культурная гегемонія въ Имперіи.

Въ отличіе отъ грозной остроты украинскаго вопроса, вопросъ еврейскій, по нашему разумѣнію, не имѣетъ рокового значенія для Россіи. Съ отдѣленіемъ Польши, % еврейскаго населенія въ Россіи чрезвычайно понизился и не превышаетъ національнаго еврейскаго коэффиціента странъ Западной Европы. Современная острота еврейскаго вопроса въ Россіи заключается въ неестественномъ удушеніи русской буржуазіи и русской интеллигенціи. Поэтому еврейскій вопросъ (для Россіи) разрѣшается въ обще-русскомъ хозяйственномъ и культурномъ возрожденіи. Разумѣется, еврейскій вопросъ для евреевъ сохраняетъ всю свою мучительность. Это вѣчный вопросъ о смыслѣ и возможности еврейскаго національнаго сознанія и еврейской культуры въ предѣлахъ христіанскаго міра. Вопросъ, имѣющій огромную историческую и религіозную глубину, но выходящій совершенно изъ границъ послѣ-революціоннаго устройства Россіи.

Не будемъ останавливаться здѣсь на конкретныхъ юридическихъ формахъ національнаго строительства Россіи. Эта тема чрезвычайно трудная и отвѣтственная. Лишь опытъ жизни, связанный съ тяжкими ошибками и суровымъ раскаяніемъ, можетъ воплотить въ дѣйствительность чаемое свободное единство Россіи. Здѣсь я коснусь лишь

духовной стороны нашей работы, — той, которая по преимуществу выпадает на долю интеллигенции. Говоря кратко: эта задача в томъ, чтобы будить въ себѣ, растить и осмыслять, прояснять національное сознание.

Наша эпоха уже не знаетъ безсознательно-органической стихии народа. Эти источники культуры почти изсякли, эта «земля» перепахана и выпажана. И русскій народъ вступилъ въ полосу рационализма, вѣрнѣе въ книжку, въ печатное слово, формируетъ (или уродуетъ) свой обликъ съ дѣтскихъ лѣтъ въ школѣ, въ обстановкѣ искусственной культуры. Оттого такъ безмѣрно вырастаетъ влияние интеллигенции (даже низшей по качеству, даже журналистики); отъ того-то удаются и воплощаются въ историческую жизнь новые, «умышленные», созданные интеллигенціей народы. Интеллигенція творитъ эти народы, такъ сказать, «по памяти»: собирая, оживляя давно умершія историческія воспоминанія, воскрешая этнографическій бытъ. Если школа и газета, съ одной стороны, оказываются проводниками нивелирующей, разлагающей, космополитической культуры, то онѣ же могутъ служить и уже служить орудіемъ культуры творческой, національной. Мы должны лишь выйти изъ своей безопасности и взять примѣръ съ кипучей и страстной работы малыхъ народовъ, работы ихъ интеллигенціи, изъ ничего, или почти изъ ничего, кующей національныя традиціи. Наша традиція богата и славна, но она заплылилась, потускнѣла въ сознаніи послѣднихъ поколѣній. Для однихъ затмилась обаяніемъ Запада, для другихъ — официальнымъ и ложнымъ образомъ Россіи, для котораго въ искусствѣ — и не только въ искусствѣ — типиченъ псевдо-русскій стиль Александра III. Мы должны изучать Россію, любовно вглядываться въ ея черты, вырывать ея въ землѣ закопанные клады.

Наше національное сознание должно быть сложнымъ, въ соотвѣтствіи со сложной проблематикой новой Россіи (примитивъ губителенъ!). Это сознание должно быть одновременно великорусскимъ, русскимъ и россійскимъ.

Я говорю здѣсь, обращаясь, преимущественно къ великороссамъ. Для малороссовъ или украинцевъ, не потерявшихъ сознания своей русскости, эта формула получить слѣдующій видъ: малорусское, русское, россійское.

Послѣ всего, сказаннаго выше, ясна повелительная необходимость оживленія, воскрешенія Великороссіи. Вся-

кій взглядъ въ прошлое Россіи, всякое паломничество въ историю приводитъ насъ въ Великороссію, на ея сѣверъ, гдѣ и понынѣ бѣлѣютъ стѣны великихъ монастырей, хранящихъ дивной красоты росписи, богословское «умозрѣніе въ краскахъ», гдѣ въ лѣсной глуши сохраняются и старинная утварь и старинныя повѣрья и даже былинная поэзія. Старые города (Угличъ, Вологда), древніе монастыри (Кирилловъ, Ферапонтовъ) должны стать національными музеями, центрами научно-художественныхъ экскурсій для всей Россіи. Работа изученія святой древности, ведущаяся и въ большевицкой Россіи, должна продолжаться съ неослабвующей ревностью, вовлекая, захватывая своимъ энтузіазмомъ всѣ народы Россіи. Пусть русскій сѣверъ станетъ «страной святыхъ чудесъ», священной землей, подобно древней Греціи или средневѣковой Италиі, зовущей пилигримовъ со всѣхъ концовъ міра. Для русскихъ и христіанъ эта земля чудесъ вдвойнѣ священна: почти каждая волость ея хранитъ память о подвижникѣ, спасавшемся въ лѣсномъ безмолвіи, о воинѣ Сергіевской рати, молитвами державшей и спасавшей страдальческую Русь

Но русскій Сѣверъ не только музей, не только священное кладбище. По счастью, жизнь не покинула его. Его населеніе, — не многочисленное, — крѣпко, трудолюбиво и зажиточно. Предъ нимъ большія экономическія возможности. Бѣлое море и его промыслы обѣщаютъ возрожденіе цѣлому краю при научномъ использованіи его богатствъ. Московскій промышленный районъ (здѣсь Ярославль, Кострома) устоялъ въ испытаніи революціи. На этой землѣ «святая Русь», сѣдая старина бокъ-о-бокъ сосѣдитъ съ современными мануфактурами, рабочіе поселки — съ обителями учениковъ преп. Сергія, своимъ сосѣдствомъ вызывая часто ощущение болѣзненного противорѣчія, но вмѣстѣ съ тѣмъ конкретно ставя передъ нами насущную задачу нашего будущаго: одухотвореніе технической природы современности.

Отъ великорусскаго — къ русскому. Это, прежде всего, проблема Украины. Ея судьба во многомъ зависитъ отъ того, будемъ ли мы (т. е. великороссы) сознавать ея близость или отталкиваться отъ нея, какъ отъ чего-то чужого. Въ послѣднемъ случаѣ, мы неизбежно ее потеряемъ. Мы должны признать и непрестанно ощущать своимъ не только кіевскія лѣтописи и мозаики кіевскихъ церквей, но и украинское барокко, столь привившееся въ Мо-

сквѣ, и кіевскую Академію, воспитавшую русскую церковь, и Шевченко за то, что у него есть общаго съ Гоголемъ, и украинскую пѣсню, младшую сестру пѣсни великорусской. Эта задача — привить малорусскія традиции въ общерусскую культуру — прежде всего выпадаетъ на долю южно-русскихъ уроженцевъ, сохранившихъ вѣрность Россіи и любовь къ Украинѣ. Отдавая свои творческія силы Велико-россіи, мы должны удѣлить и Малой (древней матери нашей) Россіи частицу сердца и пониманія ея особаго культурно-историческаго пути. Въ борьбѣ съ политическимъ самостійничествомъ, въ оборонѣ русской идеи и русскаго дѣла на Украинѣ нельзя смѣшивать русское дѣло съ великорусскимъ и глушить ростки тоже русской (т. е. малорусской) культуры. Та же самая русская идея на сѣверѣ требуетъ отъ насъ нѣкотораго суженія, крайнѣдческаго, областническаго углубленія, на югѣ — расширения, выхода за границу привычныхъ намъ великорусскихъ формъ.

Въ охранѣ единства Великой и Малой Россіи одной изъ самыхъ прочныхъ связей между ними была и остается вѣра. Пусть разъединяетъ языкъ, разъединяетъ память и имя Москвы — соединяютъ Кіевскія святыни и монастыри сѣверной Руси. До тѣхъ поръ, пока не сдѣланъ непоправимый шагъ, и народъ малорусскій не свергнутъ въ унию или другую форму католицизирующаго христіанства, мы не утратимъ нашего братства. Разрываемые націоналистическими (и въ то же время вульгарно-западническими) потоками идей, мы должны соединиться въ религіозномъ возрожденіи. И сейчасъ подлинно живыя религіозныя силы Украины отъ Русской церкви себя не отдѣляютъ.

Отъ русскаго — къ россійскому. Россія не Русь, но союзъ народовъ, объединившихся вокругъ Руси. И народы эти уже не безгласны, но стремятся заглушить другъ друга гуломъ нестройныхъ голосовъ. Для многихъ изъ насъ это все еще непривычно, мы съ этимъ не можемъ примириться. Если не примиримся, — т. е. съ многоголосностью, а не съ нестройностью, — то и останемся въ одной Велико-россіи, т. е. Россіи существовать не будетъ. Мы должны показать міру (послѣ крушенія столькихъ имперій), что задача имперіи, т. е. сверхнаціональнаго государства, — разрѣшима. Болѣе того — когда міръ, уставъ отъ кроваваго хаоса мелко-племенной черезполосицы, встоскуется о единствѣ, какъ предпосылкѣ великой культуры, Рос-

сія должна дать образецъ, форму мирнаго сотрудничест-
ва народовъ, не подъ гнетомъ, а подъ водительствомъ ве-
ликой націи. Задача политиковъ — найти гибкія, но твер-
дыя формы этой связи, обеспечивающія каждой народно-
сти свободу развитія въ мѣру силъ и зрѣлости. Задача
культурныхъ работниковъ, каждаго русскаго, въ томъ,
чтобы расширить свое русское сознание (безъ ущерба для
его «русскости») въ сознание російское. Это значить, вос-
кресить въ немъ, въ какой-то мѣрѣ, духовный обликъ
всѣхъ народовъ Россіи. То, что въ нихъ цѣнно, что вѣчно,
что можетъ найти мѣсто въ системѣ вселенской культу-
ры. Всякое дѣло, творимое малымъ народомъ, какъ бы
скромно оно ни было, всякое малое слово должны вло-
жить въ русскую славу, въ дѣло Россіи. Въ нашъ вѣкъ
національныя самолюбія значать порою больше націо-
нальныхъ интересовъ. Пусть каждый маленькій народъ,
т. е. его интеллигенція, не только не чувствуетъ униженія
отъ соприкосновенія съ національнымъ сознаниемъ рус-
скаго (великоросса), но и находитъ у него помощь и со-
дѣйствіе своему національно-культурному дѣлу. Было бы
вреднѣйшей ошибкой презрительно отмахнуться отъ
этихъ шовинистическихъ интеллигенцій и черезъ головы
ихъ разговаривать съ народомъ. Многие думаютъ у насъ
сыграть на экономическихъ интересахъ массъ противъ
«искусственныхъ» національныхъ претензій интеллигенціи.
Рано или поздно народъ весь будетъ интеллигенціей, и
презрѣніе къ его духовнымъ потребностямъ отомститъ за
себя. Въ титулѣ московскихъ царей и императоровъ все-
россійскихъ развертывался длинный свитокъ народовъ,
подвластныхъ ихъ державѣ. Многоплеменность, много-
звучность Россіи не умаляла, но повышала ея славу. На-
ціональное сознание новыхъ народовъ Европы въ этомъ
отношеніи не раздѣляетъ гордости монарховъ, но Россія
не можетъ равняться съ Франціей или Германіей; у нея
особое призваніе, Россія — не нація, но цѣлый міръ. Не
разрѣшивъ своего призванія, сверхнаціональнаго, матери-
коваго, она погибнетъ, какъ Россія.

Духовнымъ притяженіемъ для народовъ была и оста-
нется русская культура. Черезъ нее они пріобщаются къ
міровой цивилизаціи. Такъ это было въ Петербургскій пе-
ріодъ Имперіи, такъ это должно остаться. Если юношест-
во малыхъ народовъ Россіи будетъ учиться не въ Москвѣ,
не въ Петербургѣ, а въ Парижѣ и въ Берлинѣ, оно не оста-

нется съ нами. На русскую интеллигенцію ложится тяжкая отвѣтственность: не сдать своихъ культурныхъ высотъ, итти неустанно, безъ отдыха, все къ новымъ и новымъ достижениямъ. Уже не только для себя, для удовлетворенія культурной жажды или профессиональныхъ интересовъ, но и для національнаго дѣла Россіи. Здѣсь неважна сама по себѣ культурная отрасль, профессія — Россіи нужны ученые и техники, учителя и воины. Для всѣхъ одинъ законъ: квалификація, ея непрерывный ростъ въ трудѣ и подвижничествѣ. Если великороссы составляютъ 54% Россіи, то русская интеллигенція должна выполнять не 54%, а гораздо болѣе общероссійской культурной работы, чтобы сохранить за собой безспорное водительство.

Такъ національная проблема Россіи упирается въ проблему культурную. Но это не отнимаетъ у нея ея специфическаго своеобразія. Ключъ къ ея рѣшенію заложенъ въ дальнѣйшемъ развитіи русскаго національнаго сознанія. Сумѣетъ ли оно расшириться въ сознаніе Россійское и углубиться въ великорусское, оставшись русскимъ? Двѣ опасности угрожаютъ бытію Россіи. Съ одной стороны, шовинизмъ и политическая темнота господствующаго народа. Чтобы Россію не разнесли на части центробѣжныя силы, она должна имѣть живой, мощный, культурно царствующій центръ, — великорусское сердце своего тѣла, — и волю русскаго народа во что бы то ни стало отстоять свое и имперское единство. Но великороссы, утратившіи сознаніе своихъ силъ и возможностей, объявившіи войну чужеплеменной половинѣ Россіи, рискуютъ погибнуть подъ ея развалинами. Трудно сказать, что губительнѣе: національная *mania grandiosa* или національный *Minderwertigkeitscomplex*. Противъ обѣихъ болѣзней одно лѣкарство: разумная культура русскаго національнаго сознанія.

Г. Федотовъ.

«Генеральная линия»

«Дѣйствовать подобнымъ образомъ (грабительски его обирать) по отношенію къ среднему крестьянству будетъ такимъ идиотизмомъ, такимъ тупоуміемъ и такой гибелью дѣла, что сознательно такъ работать могутъ только провокаторы» (изъ рѣчи Ленина о среднемъ крестьянствѣ на 8 съѣздѣ коммунистической партіи въ 1919 г.).

Если Сталинъ является фактическимъ убійцей Нэпа, то подстрекателемъ къ этому убійству былъ, несомнѣнно, Троцкій.

Покуда жилъ Ленинъ, вся коммунистическая партія жила и руководствовалась его нэповскими завѣтами. А завѣты эти были ясны и опредѣленны.

«Крестьянство формой отношеній, которыя у насъ установились, недовольно, говорилъ Ленинъ на X историческомъ съѣздѣ коммунистической партіи; оно этой формы не желаетъ и такъ дальше существовать не будетъ... Мы съ этимъ должны считаться, и мы достаточно трезвые политики, чтобы сказать: давайте пересматривать».

И, пересматривая, Ленинъ поучалъ съѣздъ слѣдующимъ образомъ:

«Дѣло переработки мелкаго земледѣльца, переработки всей его психологіи и навыковъ, — это дѣло, требующее поколѣній... Мы должны, поэтому, постараться удовлетворить требованія крестьянъ, которымъ нужны 2 вещи: извѣстная свобода оборота и продукты. Что такое свобода оборота? Это свобода торговли, а свобода торговли — это назадъ къ капитализму».

Такъ былъ упраздненъ «военный коммунизмъ» и такъ родился Нэпъ.

Это была не реформа, а настоящая революція, ибо Нэпъ означалъ рѣшительный отказъ отъ мысли строить въ Россіи «соціализмъ» въ пожарномъ порядкѣ.

Этотъ завѣтъ Ленинъ со свойственной ему рѣшительностью выразилъ въ одной изъ своихъ рѣчей на IV конгрессѣ Коминтерна въ 1922 г.

«Закончивъ счастливо гражданскую войну, говорилъ онъ, мы очутились передъ опаснымъ политическимъ кризисомъ. Крестьянство оказалось противъ насъ, рабочіе тоже были нами не довольны. Выяснилось, что немедленный переходъ къ социализму въ Россіи невозможенъ».

Цѣнные въ высшей степени руководящія указанія далъ Ленинъ еще на VIII съѣздѣ коммунистической партіи. «Тутъ насиліемъ ничего не создать... дѣйствовать здѣсь насиліемъ, значитъ погубить дѣло... Задача сводится здѣсь не къ экспроприаціи средняго крестьянства, а къ тому, чтобы учесть особенныя условія жизни крестьянъ, къ тому, чтобы учиться у крестьянъ способамъ перехода къ лучшему строю и не смѣть командовать» *).

Такимъ образомъ намѣченная Ленинымъ послѣ провозглашенія Нэпа генеральная линія была ясна.

Это былъ рѣшительный отказъ отъ коммунистическаго экспериментаторства, и поворотъ къ капитализму «всерьезъ и надолго». Это было восстановление свободной торговли со всѣми вытекающими изъ этого послѣдствіями; это, наконецъ, было суровое осужденіе всякаго насилія надъ крестьянствомъ и запрещеніе командовать надъ деревней.

Допуская развитіе капитализма, Ленинская генеральная линія ставила только одно условіе: стараться его ввести въ русло государственнаго капитализма **).

Для Сталина эта генеральная линія была вначалѣ «святой библией», а потому первые годы Нэпа ознаменовались весьма быстрымъ развитіемъ частно-капиталистическихъ отношеній. Значительно была раскрѣпощена мелкая и средняя промышленность, воскресла частная торговля и, самое важное, крестьяне получили возможность спокойнѣе работать, такъ какъ продразверстка была отмѣнена,

---

*) Изъ стенографическихъ отчетовъ VIII и X съѣздовъ коммунистической партіи.

**) Ленинъ, «О продовольственномъ налогѣ. Москва, 1921 г. стр. 75.

комбѣды упразднены и продовольственный налогъ остав-
лялъ крестьянству свободу распоряжаться «излишками».

Какъ это и предвидѣлъ Ленинъ, сквозь щелку продо-
вольственного налога и свободы оборота незримыми путя-
ми трижды проклятый коммунистами капитализмъ сталъ
снова проникать во всѣ поры народнаго хозяйства Россіи.
Но своеобразіе этого процесса заключалось въ томъ, что
надъ всѣми частно-капиталистическими отношеніями стра-
ны господствовалъ одинъ крупный капиталистъ — совѣт-
ская, вѣрнѣе, коммунистическая власть, располагавшая всей
мощью государственнаго принудительнаго аппарата.

Этотъ крупный капиталистъ оставилъ за собою самыя
важныя экономическія командія высоты — крупную про-
мышленность, транспортъ, внѣшнюю торговлю и важнѣй-
шія отрасли внутренней торговли — и съ этихъ высотъ
руководилъ всей хозяйственной жизнью Россіи.

При такихъ условіяхъ коммунистическая власть стала
вытаскивать великую страну изъ той пропасти, въ кото-
рую она же сама ее сбросила.

И это восхождение изъ бездны оказалось безмѣрно
труднымъ и мучительнымъ.

Съ наибольшими трудностями возстанавливались ка-
зенныя отрасли хозяйства.

Тому было много причинъ.

Какъ колоссальны ни были, по свидѣтельству
члена ВСНХ, инженера Долгова, запасы, доставшіеся боль-
шевикамъ въ наслѣдство отъ дореволюціонной Россіи,
процессъ возобновленія работъ на фабрикахъ и заводахъ
совершался крайне мучительно. Низкая степень квалифи-
каціи рабочихъ (масса опытныхъ рабочихъ погибла или
сдѣлалась инвалидами во время міровой и гражданской
войны), неудовлетворительный и недостаточный техниче-
скій персоналъ, изношенность машинъ, перебои въ достав-
кѣ топлива и сырья, безхозяйственность и бюрократизмъ
сильнѣйшимъ образомъ тормозили работу по восстанов-
ленію важнѣйшихъ отраслей крупной промышленности.
Ко всему этому присоединялось критическое финансовое
положеніе совѣтской власти. Обнищавшая страна не мог-
ла дать большевистскому правительству тѣхъ огромныхъ
средствъ, въ которыхъ оно нуждалось.

Россія послѣ введенія Нэпа оживала, но «накопленіе»
новыхъ капиталовъ въ частной торговлѣ и промышлен-
ности шло очень медленно. Что же касается казеннаго сек-

тора хозяйства, то онъ не только не приносилъ прибыли въ первые годы Нэпа, но непрестанно требовалъ все новыхъ и новыхъ капитальныхъ вложеній.

Развернувшаяся при такихъ тяжелыхъ условіяхъ въ 1923 г. троцкистская оппозиція имѣла роковыя послѣдствія для развитія Нэпа.

Пророкъ перманентной революціи, Троцкій принялъ Нэпъ, скрѣпя сердце.

Послѣ смерти Ленина онъ уже не считалъ нужнымъ замалчивать своего глубокого неудовольствія и Нэпомъ, и союзомъ съ крестьянствомъ.

Не теряя надежды на скорое наступленіе міровой революціи и помня утвержденіе Маркса, что социализмъ побѣдитъ лишь въ странахъ съ высоко развитой индустріей и многочисленнымъ пролетаріатомъ, онъ сталъ требовать отъ коммунистической партіи ускоренія темпа индустриализаціи Россіи, хотя бы цѣной жестокаго нажима на деревню.

Такое требованіе находилось въ глубокомъ противорѣчій съ Ленинской генеральной линіей, и встрѣтило жестокой отпоръ со стороны Сталина и его единомышленниковъ. Сталинъ справедливо усмотрѣлъ въ оппозиціи Троцкаго измѣну Ленину и, опираясь на Ленинскій авторитетъ, сумѣлъ скомпрометировать Троцкаго въ глазахъ партіи и убрать его съ своего пути.

Но психологія періода военного коммунизма и надежды на скорое осуществленіе социализма не были еще изжиты значительной частью партійцевъ и рабочихъ. Троцкизмъ былъ популяренъ въ массахъ, и, чтобы парализовать его вліяніе на экстремистскіе элементы, Сталинъ самъ взялъ курсъ на усиленную индустриализацію. И такъ какъ взятый темпъ ни въ какой мѣрѣ не соответствовалъ ресурсамъ страны, то Сталину осталось одно: подъ разными формами ущемлять Нэпъ. Это было серьезное отступленіе отъ Ленинской генеральной линіи, и гибельныя послѣдствія этого отступленія оказались неисчислимы.

Нэпу, успѣвшему стать основнымъ устоемъ хозяйственной жизни Россіи, былъ нанесенъ сокрушительный ударъ...

Не случайность, такимъ образомъ, тотъ фактъ, что именно въ 1923 г. коммунистическая власть стала жестоко расправляться съ «частниками» по линіи торговли и про-

мышленности и что въ 1924 - 25 г. политбюро стало замѣтно нажимать на деревню.

Эти мѣры, однако, не были въ состояніи избавить казенное хозяйство вообще и казенную промышленность въ частности отъ глубокихъ кризисовъ, которые оно переживало съ перваго дня Нэпа до настоящаго времени.

И самымъ грознымъ показателемъ этихъ непрестанныхъ кризисовъ являлся непрекращавшійся въ совѣтской Россіи жестокой товарный голодъ.

Спустя 5 лѣтъ послѣ введенія Нэпа Квирингъ писалъ: «на лицо не только острый недостатокъ потребительскихъ товаровъ, мы переживаемъ острый недостатокъ топлива, сырья, фабрикатовъ и издѣлій для самой промышленности, транспорта и строительства» *).

О товарномъ голодѣ говорилъ съ отчаяніемъ Дзержинскій на I-омъ всероссійскомъ съѣздѣ отдѣловъ экономіи труда. «Мы исчерпали, говорилъ онъ, основной капиталъ, который намъ достался отъ буржуазіи. Онъ въ значительной степени изношенъ, и его необходимо переоборудовать. Мы испытываемъ величайшій товарный голодъ. У насъ исчерпанъ запасъ квалифицированной рабочей силы»...

Рыковъ на конференціи коммунистической партіи 1926 года вскрываетъ причины непрерывнаго кризиса казенной промышленности.

«Наша техническая отсталость, жаловался онъ, сквозитъ изъ всѣхъ поръ нашего хозяйственнаго организма. Бывали случаи, когда заказывали за границей уже давно устарѣвшія машины. У насъ часто не умѣютъ составлять спецификаціи чертежей; не могутъ использовать ввозимыхъ машинъ... Мы не умѣемъ построить сами ни одной хорошей электрической турбины, мы не можемъ ни проектировать, ни строить цѣлаго ряда другихъ машинъ, безъ которыхъ индустриализація страны совершенно невозможна» **).

И эти жалобы на техническую отсталость, преступную небрежность, неумѣлость, безхозяйственность и бюрократизмъ, наблюдаемая во всѣхъ областяхъ государственна-

*) Квирингъ: «Товарный голодъ и перспективы промышленности», стр. 27.

***) «Извѣстія» отъ 30 октября 1926 г.

го хозяйства, составляют лейтъ-мотивъ самыхъ отвѣтственныхъ рѣчей коммунистическихъ лидеровъ въ 1926 г., какъ и въ 1927, 1928, 1929 и 1930 г. г.

Такъ, напримѣръ, на V всероссійскомъ сѣздѣ совѣтовъ, имѣвшемъ мѣсто въ маѣ 1929 г., томъ самомъ сѣздѣ, на которомъ была одобрена знаменитая «пятилѣтка», Рыковъ жалуется на огромную культурную отсталость Россіи почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, что и въ 1926 г. «Элементы этой отсталости, говоритъ онъ, каждый имѣетъ передъ своими глазами. Въ промышленности она выражается въ томъ, что мы часто не умѣемъ и не знаемъ, какъ запроектировать или построить заводъ. Въ сельскомъ хозяйствѣ элементарная неграмотность мѣшаетъ распространенію агрономическихъ знаній, въ управленіи царитъ бюрократизмъ» *).

Неудивительно, что ни государственная промышленность, ни транспортъ, ни внѣшняя торговля не только не давали тѣхъ громадныхъ прибылей, которыхъ отъ нихъ ожидала коммунистическая власть, но часто сами себя не окупали. Между тѣмъ темпъ индустриализаціи и капитальнаго строительства все повышался, а это требовало все большихъ и большихъ средствъ со стороны. И эти средства совѣтская власть извлекала изъ мизерныхъ доходовъ городского и, главнымъ образомъ, сельскаго населенія всѣми мѣрами и способами и, прежде всего, при помощи весьма жестокой налоговой системы.

Насколько жестока была эта система, можно судить по тому, что уже въ 1925 — 26 г. экономистъ Яковлевъ, нѣкій Наркомземъ, находилъ установленныя нормы налога непосильными для крестьянства. Онъ писалъ: «мы подошли къ границѣ возможнаго изъятія изъ крестьянскаго хозяйства, а частью уже перешли эту границу» **).

Но налоги были только частью тѣхъ ресурсовъ, которые совѣтское правительство извлекало изъ деревни для своихъ надобностей и, главнымъ образомъ, для своей «индустриализаціи».

Огромныя потери несло крестьянство, вынужденное продавать правительству свои продукты по принудительнымъ, крайне низкимъ цѣнамъ, и колоссальныя суммы оно

*) «Экономическая Жизнь» отъ 15 мая 1929 г.

**) Б. Раскинъ. О темпѣ нашего хозяйственнаго развитія. «Ленинградская Правда» № 14 за 1927 г.

переплачивало за промышленные изделия, цены на которые казна устанавливала в 3 - 4 раза больше дорогих, чем до войны.

Сверх этих поборов были еще займы: индустриализации, крестьянские, которые формально были добровольными, а фактически размещались среди населения всякими насильственными способами.

Наконец, для подкрепления своих ресурсов советская власть прибегала к усиленной эмиссии, которая постепенно обезценивала стабилизированный в 1923 - 24 г. новый советский денежный знак — червонец, в результате чего цены на сельскохозяйственные продукты еще больше понизились, равно как значительно уменьшилась реальная ценность заработной платы рабочих.

До 1925 - 26 г. все эти меры, в достаточной степени истощая ресурсы основной крестьянской массы, все же оставляли ей некоторую возможность вести свое хозяйство. Незначительная часть крестьянства, пользуясь восстановленным в 1923 - 24 г. правом брать землю в аренду и нанимать сельскохозяйственных рабочих, даже расширяла свою посевную площадь и стала вводить у себя более усовершенствованные способы обработки земли.

Но чрезмерный нажим на деревню и, особенно, на важнейшие ее слои медленно подтачивал основы крестьянского сельского хозяйства.

В деревне все быстрее совершался процесс дробления хозяйств, «самообдвигания», который имел своим результатом систематическое уменьшение количества товарного хлеба.

Когда же прогрессия сельскохозяйственного налога стала особенно крутой, — крестьяне до последней степени сократили продажу своего хлеба, и большевистская власть очутилась перед несбываемым хлебным кризисом, который грозил сорвать весь намеченный экспортный план и лишить города необходимого им хлеба.

Словом, непосильный для страны темп индустриализации, и безжалостное выкачивание из деревни всех ее ресурсов завели коммунистическую власть в тупик.

Тогда Сталин, чтобы спасти свою паразитическую индустриализацию, рвался на отчаянное средство. Он выбросил за борт Ленинскую генеральную линию и всю его теорию о союзе с крестьянством, и пошел походом на деревню.

Подъ видомъ «борьбы съ кулакомъ» началась жестокая расправа со всѣмъ крестьянствомъ.

Конфисковывали «хлѣбные излишки», запрещали всякую внутри-деревенскую куплю-продажу хлѣба, прибѣгали къ жестокимъ обыскамъ съ цѣлью «выявленія излишковъ», посылали заградительные отряды, сажали крестьянъ тысячами въ тюрьму «за сокрытие хлѣбныхъ запасовъ». Словомъ, Нэпъ былъ упраздненъ, и надъ деревенской Россіей снова нависли кошмары 1919 - 1920 г. г., которые казались исчезнувшими навсегда...

Необходимый хлѣбъ былъ собранъ, но крестьянство реагировало на Сталинскій грабежъ очень остро. Не только вспыхнули во многихъ мѣстахъ крестьянскія волненія, но деревня стала рѣзко сокращать свою посѣвную площадь, а крѣпкіе мужики отказывались отъ арендуемыхъ ими земель и даже стали усиленно продавать лучшія сельско-хозяйственныя машины и скоть.

Это было грозное предостереженіе, которое не на шутку испугало правящіе верхи...

Подъ давленіемъ болѣе умѣренной части политбюро Сталинъ вынужденъ былъ отступить. И это отступленіе было зафиксировано въ резолюціи объединеннаго пленума ЦК ВКП и ЦКК, состоявшагося въ юльѣ 1928 г. и объявившаго всѣ совершенныя надъ крестьянами насилія «перегибами и извращеніями», съ которыми «предписывалась «безпощадная борьба», такъ какъ эти извращенія нарушаютъ основы экономической связи между городомъ и деревней и грозятъ ослабленіемъ союза рабочаго класса съ основными массами средняцкаго крестьянства».

Вслѣдъ за этимъ зигзагомъ посыпался дождь рѣчей и статей, въ которыхъ съ истинно-большевистской наглостью доказывалось, что партія, т. е. Сталинъ, остается вѣрной Нэпу, что большевистское правительство только и думаетъ объ укрѣпленіи индивидуальныхъ крестьянскихъ хозяйствъ и о поднятіи ихъ благосостоянія и т. д., и т. д.

Въ дѣйствительности-же то было со стороны политбюро только военной хитростью, такъ какъ, завѣряя всѣхъ, всѣхъ, что Нэпъ будетъ неприкосновененъ, Сталинъ въ тиши готовилъ новый, еще болѣе тяжелый ударъ Нэпу.

Уже созданная Сталинымъ теорія о возможности построения социализма въ одной странѣ находилась въ коренномъ противорѣчьи съ основами ленинизма. Тотъ ле-

низмъ, который объявилъ, что немедленный переходъ къ социализму въ Россіи невозможенъ, считалъ высшимъ достиженіемъ для коммунистической власти переводъ возродившагося послѣ Нэпа капитализма въ русло государственнаго капитализма. Но Сталинъ возомнилъ себя призваннымъ осуществить въ Россіи социализмъ въ полицейскомъ порядкѣ, и въ этой его маніи лежитъ причина его полнаго и глубокаго разрыва съ Ленинской генеральной линіей.

Съ 1925 - 26 до 1928 г. онъ разрушалъ ее частями.

Онъ шелъ противъ этой линіи, когда драконовскими мѣрами вытѣснялъ частныхъ торговцевъ изъ всѣхъ ихъ позицій. Онъ нарушалъ ее кореннымъ образомъ принудительными хлѣбозаготовками.

Ущемленіемъ Ленинской генеральной линіи былъ изданный въ 1928 г. новый земельный законъ, въ силу коего зажиточные крестьяне были лишены избирательныхъ правъ и переведены на положеніе паріевъ.

Въ вопіющемъ противорѣчій съ Ленинской генеральной линіей находилась также безчеловѣчная травля спеццовъ, которая является характернѣйшей чертой сталинской политики послѣднихъ лѣтъ.

Но самымъ полнымъ и рѣшительнымъ отрицаніемъ Ленинской генеральной линіи являлся разработанный при благословеніи Сталина пятилѣтній планъ развитія народнаго хозяйства СССР.

Фантастическіе темпы индустриализаціи, астрономическіе бюджеты, расчеты на неслыханные темпы расширенія посѣвной площади зерновыхъ хлѣбовъ и повышенія урожайности, всѣ эти ударныя проблемы пятилѣтки показываютъ съ очевидностью, что Сталинъ и послушное ему окруженіе потеряли всякое чутье дѣйствительности, что они забыли или старались забыть предостерегающій голось Ленина, послѣ своего страшнаго коммунистическаго опыта познавшаго, что «партія, ставящая себѣ экономически невозможныя задачи, неминуемо должна потерпѣть полный крахъ» *).

Всякій здравомыслящій человекъ, да и многіе коммунистическіе лидеры отлично знали, что пятилѣтній планъ былъ разработанъ въ моментъ, когда все народное хозяйство СССР переживало глубочайшій кризисъ, что состоя-

*) Ленинъ. О продовольственномъ налогѣ. Стр. 43.

ніе казенной промышленности было совершенно неудовлетворительно и что крестьянское сельское хозяйство быстро разрушалось и деградировало.

Самъ Рыковъ констатировалъ эти факты въ декабрѣ 1928 г., т. е. тогда, когда покорный Сталину аппаратъ уже приступилъ къ реализаціи пятилѣтки.

«Мы вложили огромные капиталы, говорилъ Рыковъ, въ индустрію, но не видимъ ни для страны, ни для рабочихъ результатовъ, которыхъ мы ожидали. Слишкомъ много рабочихъ не выходитъ на работу (прогулы), слишкомъ дорого стоитъ наша продукція и очень плохи качества этой продукціи. Что же касается сельскаго хозяйства, то затрудненія въ этой отрасли производства гораздо серьезнѣе, нежели 2 - 3 года тому назадъ и мы стоимъ передъ опасностью полнаго отрыва промышленности отъ ея сырьевой базы» *).

Казалось бы, что совѣтская дѣйствительность не давала никакихъ основаній для построенія перспективныхъ плановъ даже гораздо меньшаго масштаба, нежели тотъ, который былъ намѣченъ Сталинымъ, Кржижановскимъ и др.

Но не такого мнѣнія былъ Сталинъ. Потерпѣвъ въ 1928 г. поражение при попыткѣ однимъ махомъ упразднить Нэлъ, онъ рѣшилъ обойти крестьянство съ другой стороны.

Его бредовой идеей, а можетъ быть азіатской фантазіей стало — избавить государственное хозяйство отъ нестерпимой зависимости его отъ индивидуальныхъ крестьянскихъ хозяйствъ. И основной смыслъ пятилѣтки заключался въ томъ, чтобы цѣной раззоренія этихъ хозяйствъ создать коллективистическій секторъ сельскаго хозяйства, всецѣло подчиненный коммунистической власти.

Сталину захотѣлось, чтобы этотъ «соціалистическій секторъ» сельскаго хозяйства въ кратчайшій срокъ обезпечилъ хлѣбозаготовителямъ необходимое для прокормленія рабочихъ и красной арміи количество хлѣба, чтобы хватило зерна для экспорта и чтобы, наконецъ, запасами колхозовъ и совхозовъ вся промышленность была въ достаточной степени снабжена необходимымъ ей сырьемъ.

И съ этого момента генеральная линія партіи начинается

---

*) «Экономическая Жизнь» отъ 12 декабря 1928 г.

дѣлать такіе загибы и зигзаги, что никто за ней угнаться уже не былъ въ состояніи. Ни одинъ, даже самый вліятельный лидеръ партіи, не былъ гарантированъ отъ того, что Сталинъ не сегодня, такъ завтра не пришлетъ ему либо праваго, либо лѣваго уклона. Терроризируя всѣхъ съ нимъ несогласныхъ, Сталинъ въ короткое время добился того, что генеральная линія партіи и его воля слились. Придерживался генеральной линіи партіи лишь тотъ, кто безпрекословно и слѣпо исполнялъ его, Сталина, велѣнія. Такъ сломилъ онъ Рыкова, Бухарина и Томскаго и такъ онъ приручилъ огромное число видныхъ троцкистовъ.

Чтобы цифры и живые факты не изобличали всего безумія пятилѣтки, было разгромлено Центральное Статистическое Управление и на мѣсто прежнихъ руководителей посажены преданные Сталину клеветы. Чтобы Народный Комиссаріатъ Земледѣлія ненарокомъ не напоминалъ Сталину, что коммунистическая партія съ Ленинымъ во главѣ клялась всемирно оказывать помощь индивидуальному среднему и бѣдняцкому крестьянскому хозяйству, — была разогнана вся руководящая верхушка этого комиссаріата — и замѣнена 100 процентными приверженцами пятилѣтки.

Печальный опытъ уже существовавшихъ колхозовъ и совхозовъ ни въ малѣйшей степени не смущалъ Сталина. Ему захотѣлось сколотить какъ можно большее число колхозовъ, чтобы трудами многомилліонной арміи прикрѣпленныхъ къ нимъ батраковъ произвести необходимое для правящихъ классовъ количество хлѣба и нужное для промышленности количество сырья.

Вопросъ о томъ, осуществима ли его затѣя, Сталина отнюдь не беспокоилъ. Какъ азіатскій сатрапъ, онъ ставилъ свою фантазію превыше всего.

Но какъ заставить крестьянъ идти въ колхозы?

Если нѣкоторая часть бѣдняковъ охотно объединялась въ колхозы, разсматривая ихъ какъ благотворительныя предпріятія, если крѣпкіе крестьяне иногда образовывали колхозы, чтобы избавиться отъ преслѣдованій коммунистическаго начальства и сохранить избирательное право и всѣ сопряженные съ нимъ привилегіи, то подавляющая масса середнякаго и бѣдняцкаго крестьянства относилась къ колхозному движенію опредѣленно отрицательно.

Какъ же однако создавать коллективныя хозяйства безъ

крестьянъ? На этотъ вопросъ Сталинская генеральная линия дала весьма простой отвѣтъ: надо сдѣлать жизнь крестьянъ до такой степени нестерпимой, чтобы они съ отчаянія сами просились въ колхозы. И сталинскій аппаратъ принялся выполнять директиву «вождя».

Дѣлалось это по разбойничьи откровенно. Данъ былъ лозунгъ: уничтожать тѣ крѣпкія крестьянскія хозяйства, владѣльцы которыхъ особенно враждебно относились къ колхозамъ, и разорить тѣхъ крестьянъ, которые обнаруживаютъ упорное нежеланіе коллективизироваться. На антиколхозниковъ накладывали непосильные налоги, сельскохозяйственный, индивидуальный и другіе, и такъ какъ крестьяне оказывались не въ состояніи уплатить колоссальныхъ суммъ, на нихъ наложенныхъ, то ихъ заставляли продавать свой скотъ, сельскохозяйственныя орудія и прочее имущество для покрытія недоимки. Когда же и суммъ, вырученныхъ отъ продажи имущества не хватало, — а это случалось очень часто, такъ какъ имущество продавалось за безцѣнокъ, у недоимщиковъ конфисковывали дома, принадлежавшія имъ земли а самихъ съ семьями высылали изъ района.

Такъ, по предписанію изъ центра, т. е. изъ Сталинской канцеляріи, было поступлено съ менонитами и другими нѣмецкими колонистами, и такая же участь постигла многіе десятки тысячъ русскихъ крестьянъ.

Тогда, чтобы спастись отъ полного раззоренія, голода, ссылки и разстрѣловъ, крестьяне ринулись сотнями тысячъ въ колхозы...

Сталинъ достигъ своей цѣли. За одну зиму 1928 - 29 г. площадь коллективизированной земли поднялась съ 1.380 тысячъ гектаровъ до 4.400 тысячъ гектаровъ, т. е. болѣе чѣмъ утроилась.

Но вызванное террористическими мѣрами колхозное движеніе опрокинуло всѣ правительственные расчеты и потребовало колоссальныхъ расходовъ, которые во много разъ превысили намѣченныя смѣтныя ассигнованія.

При страшно напряженномъ состояніи совѣтскихъ финансовъ и при полной неподготовленности совѣтскаго аппарата для организаціи и землеустройства огромнаго количества вновь возникшихъ коллективныхъ хозяйствъ, — коммунистическая верхушка стала передъ альтернативой: или отказаться отъ скоропалительной коллективизаціи,

или найти героическое средство какъ-нибудь снабдить колхозы всѣмъ необходимымъ.

И это героическое средство было найдено.

Сталинъ со своей камарильей рѣшилъ экономически уничтожить все зажиточное крестьянство и не малую часть средняго крестьянства, чтобы его добромъ, — имуществомъ, домами и землями снабдить насильственнымъ путемъ созданные колхозы.

Тогда же Сталина осѣнила мысль за одно съ уничтоженіемъ зажиточнаго крестьянства провести въ кратчайшій срокъ по всему совѣтскому союзу сплошную коллективизацію сельскаго хозяйства, превративъ всѣхъ крестьянъ въ государственныхъ крѣпостныхъ.

Съ этого момента война Сталинской диктатуры съ деревней вступила въ наиболѣе драматическую свою фазу.

Началась неслыханная по своей жестокости такъ называемая «ликвидация кулачества, какъ класса», и поразившая весь мѣръ насильственная коллективизация русской деревни. Какъ это происходило, извѣстно всѣмъ. Комсомольскія и рабочія бригады наводнили деревни и стали по большевистски расправляться съ кулаками, причемъ въ «кулаки» зачисляли, кого хотѣли: за чистую избу, за пару сапогъ, за хорошую корову, за «громкое горло», т. е. за самостоятельное мнѣніе, и, особенно, за критику сталинской коллективизации.

Процедура ликвидации была до нельзя проста.

У кулака отбирали его землю, домъ, конфисковали все его имущество, а самого его съ семьей высылали изъ района. Строптивыхъ крестьянъ отправляли въ Сибирь или на принудительныя работы, тѣхъ же, кто активно выступилъ противъ насильственной коллективизации, разстрѣливали на мѣстѣ, согласно секретному циркуляру ЦК ВКП.

Большевики не были-бы большевиками, если бы они поды свой всероссійскій грабежъ не подвели теоретическаго и идеологическаго основанія. «Коммунизмъ», писалъ авторъ передовицы «Ленинградской Правды» отъ 18 января 1930 г., означаетъ не только общественное производство въ промышленности, но и построение крупнаго социалистическаго земледѣлія. Мелкое товарное производство служить питательной почвой для роста капитализма. И пока сельское хозяйство строилось на базѣ индивидуальнаго мелко-буржуазнаго крестьянскаго хозяйства, постоянно оставалась угроза существованію пролетарской дик-

татуры, оставалась открытой возможность реставраціи капитализма въ совѣтской странѣ. База капитализма была шире, чѣмъ база растущаго социализма. Сейчасъ такому положенію вещей наступаетъ конецъ. Пролетарская диктатура вступила въ рѣшительную схватку съ кулакомъ. На очередь, благодаря огромнымъ завоеваніямъ рабочаго класса, поставленъ вопросъ о ликвидаціи кулачества какъ класса, объ уничтоженіи капиталистическаго сектора въ городѣ и деревнѣ.

Такимъ образомъ насильственная сплошная коллективизація идеологически и тактически вытекала изъ поставленной сталинскимъ центромъ задачи: положить однимъ ударомъ конецъ всѣмъ частно-капиталистическимъ отношеніямъ, сохранившимся въ совѣтской странѣ.

И Сталинская генеральная линія, все время официальна отождествлявшаяся партійной головкой съ Ленинской, предстала въ оголенномъ видѣ, какъ полная ей противоположность.

Отъ Нэпа съ его свободой оборота, съ его примиреніемъ съ капитализмомъ, съ его поощреніемъ зажиточнаго крестьянскаго хозяйства путемъ предоставленія ему права арендовать земли у бѣдняковъ и пользоваться наемнымъ трудомъ до попытки насильственнаго уничтоженія всего индивидуальнаго крестьянскаго сельскаго хозяйства — таковъ длинный, кровавый путь, который продѣлалъ Сталинъ съ 1923 г. по 1930 г., убивъ попутно живой духъ коммунистической партіи и ея вождей и превративъ обожествленный нѣкогда Ленинизмъ въ груду развалинъ.

И какимъ «мелкимъ буржуемъ» и «подкулачникомъ» кажется Ленинъ съ его проповѣдью тѣснаго союза съ крестьянствомъ въ сравненіи со Сталинымъ, бѣгущимъ черезъ десятки тысячъ крестьянскихъ труповъ семимильными шагами къ тамерлановскому социализму!

Сигналь былъ данъ, и десятки тысячъ покорныхъ Сталину людей повели ликвидацію кулачества и сплошную коллективизацію въ такомъ бѣшеномъ темпѣ, что въ центрѣ пришли въ неистовый восторгъ отъ достигнутыхъ успѣховъ.

Какъ гласили данныя Народнаго Комиссаріата Земледѣлія, къ 1-му марта 1930 г. уже 55% всѣхъ крестьянскихъ индивидуальныхъ хозяйствъ были коллективизированы. Крестьянскій скотъ былъ къ этому времени коллективи-

зировавъ на 3/4. Всего земли отошло подь колхозы 87,9 миллионовоу десятинау. Въ середину марта совѣтская преса уже говорила о 58% коллективизированныхъ хозяйствъ и выражала надежду, что къ весеннему сѣву этотъ процентъ достигнетъ 70. Были энтузиасты, которые увѣрили, что къ началу 1931 г. на всемъ пространствѣ Совѣтскаго Союза не останется ни одного индивидуальнаго крестьянскаго хозяйства...

Параллельно съ безумной коллективизаціей шло закрѣпощеніе крестьянъ. Специальнымъ декретомъ рабочіе въ совхозахъ были прикрѣплены къ мѣсту своей работы. Членамъ колхозовъ было воспрещено уходить на посторонніе заработки по ихъ усмотрѣнію. Только коммунистическому начальству было предоставлено право посылать ихъ на работы, куда ему вздумается или куда прикажетъ центръ. Тѣ колхозники, которые будутъ посланы на казенныя работы, будутъ получать только половину своего скуднаго заработка, вторая же половина будетъ отчисляться въ пользу колхоза и т. д... *).

Какъ реагировало крестьянство на этотъ организованный Сталинымъ всероссійскій разбой?.. Нѣтъ сомнѣній, что нѣкоторая часть бѣдняковъ и батраковъ встрѣтила съ удовлетвореніемъ это чудовищное раззореніе зажиточныхъ и середняцкихъ хозяйствъ, но подавляющая часть крестьянской массы усмотрѣла въ новомъ походѣ на деревню опредѣленное намѣреніе коммунистической власти истребить ихъ физически и разорить до тла. И на нашествіе злого непріятели она отвѣтила непримѣрнымъ низовымъ терроромъ и цѣлымъ рядомъ актовъ, свидѣтельствовавшихъ, что отчаяніе крестьянъ и ихъ ненависть къ насильникамъ дошла до высшаго предѣла...

Въ Москвѣ официально подтверждали, что на Кавказѣ и въ Крыму крестьяне оказывали вооруженное сопротивленіе лицамъ, производившимъ насильственную коллективизацію. Убивали хлѣбозаготовителей, поджигали колхозы, устраивали желѣзнодорожныя крушенія. Кулаки и середняки убивали массами свой скотъ, ломали сельскохозяйственныя машины, жгли, топили и портили сѣмена, чтобы все это не досталось колхозамъ. Во многихъ мѣстахъ крестьяне за безцѣнокъ продавали все свое имущество и уходили въ другіе районы. Въ цѣломъ рядѣ об-

*) «Экономическая Жизнь» отъ 17 января 1930 г.

ластей снова возникли партизанские отряды изъ крестьянъ, которые вели беспощадную борьбу съ коммунистическими бригадами и отрядами ГПУ.

Словомъ, русское крестьянство забурлило, какъ грозное море. Въ воздухъ, насыщенномъ кровью и ненавистью, пронеслось дыханіе бури, которая грозила смести какъ былинку самого Сталина съ его генеральнымъ штабомъ и всѣми его отрядами особаго назначенія... Заволновалась красная армія...

И смертельно напуганный диктаторъ отступилъ...

Генеральная линия Сталина дѣлаетъ крутой поворотъ направо.

Диктаторъ заставилъ Центральный Комитетъ Коммунистической партіи выпустить специальное обращеніе, въ которомъ съ негодованіемъ говорилось о насиліяхъ, совершенныхъ коммунистами надъ крестьянами. Насильственная коллективизация объявляется тяжкимъ преступленіемъ противъ «генеральной линіи». Жестокими карами грозитъ Центральный Комитетъ всѣмъ партійцамъ, допустившимъ «перегибы и извращенія». Принципъ добровольности при образованіи колхозовъ провозглашается обязательнымъ. Предписывается въ спѣшномъ порядкѣ пересмотрѣть листы «ликвидированныхъ» крестьянъ и исправить всѣ допущенныя ошибки, равно какъ возстановить въ правахъ всѣхъ членовъ семействъ красноармейцевъ и краснофлотцевъ и т. д., и т. д.

За этимъ манифестомъ Центр. Комитета Коммунистической партіи (отъ 15 марта 1930 г.) посыпался градъ декретовъ, предоставляющихъ и колхозникамъ, и индивидуальнымъ крестьянскимъ хозяйствамъ всевозможныя льготы и послабленія...

Но было уже поздно... Хаосъ, въ который сталинская ликвидация кулачества и насильственная коллективизация ввергли всю деревенскую Россію, достигъ такихъ размѣровъ, что только чудо въ состояніи спасти ее отъ неминуемой катастрофы.

Сталинъ отступилъ... Но у него не оказалось ни мужества, ни прямоты Ленина, чтобы откровенно сознаться въ совершенныхъ имъ ошибкахъ. Напротивъ, всѣми способами: и демагогіей, и застращиваніемъ и просто шуллерскими приѣмами онъ самъ и цѣлая армія его прислужниковъ старались убѣдить и партійныя массы и все населеніе Россіи, что, ликвидируя кулаковъ и вводя крестьянъ въ кол-

хозы, Центральный Комитетъ партіи ни на іоту не погрѣшили противъ Ленинской генеральной линіи. Если, молъ, на мѣстахъ и были допущены насилія надъ крестьянами, то это была вина мѣстныхъ головотяповъ, это были «извращенія и перегибы», за которыя партія безпощадно покарастъ виновныхъ...

Такая лживая политика никого не обманула и вызвала еще большій взрывъ негодованія не только среди раззоренныхъ крестьянъ, но и среди тѣхъ самыхъ мѣстныхъ партійцевъ, которыхъ Сталинъ съ такой легкостью предалъ. Крестьяне поняли неискренность Сталинскаго отступленія и готовились къ дальнѣйшей борьбѣ, а многіе мѣстные коммунисты, добросовѣстно выполнявшіе директивы Политбюро, рѣшительно отказались подчиниться манифесту Центральнаго Комитета отъ 15 марта 1930 г. и продолжали по прежнему раскулачивать крестьянъ и звѣрскими мѣрами загонять ихъ въ колхозы. А такъ какъ «перегибы и извращенія» продолжались не только въ мартѣ и апрѣлѣ, но и въ маѣ и іюнѣ, то многіе истолковали такое неслыханное ослушаніе низового аппарата, какъ доказательство двойной игры Сталина, который официальные громилъ партійцевъ за «перегибы», а секретно требовалъ отъ нихъ продолженія грабежа крестьянъ.

Неудивительно, что озлобленіе крестьянства противъ власти Сталина за послѣдніе мѣсяцы не только не утихло, но даже усилилось и нашло даже громкій откликъ какъ въ партійныхъ низахъ, такъ и въ коммунистическихъ верхахъ.

Совѣтскія газеты, конечно, не печатаютъ ни статей, ни рѣчей тѣхъ коммунистовъ, которые осмѣливаются критиковать генеральную линію Сталина. Но, судя по тѣмъ бѣшеннымъ нападкамъ, которымъ подвергаются въ послѣднее время въ совѣтской печати «уклонисты» всѣхъ оттѣнковъ, можно прійти къ заключенію, что никогда еще Сталину не грозила столь большая опасность со стороны оппозиціи, какъ въ настоящій моментъ.

Наживъ себѣ массу враговъ внутрипартійнымъ терроромъ и надѣлавъ массу преступныхъ ошибокъ, Сталинъ чувствуетъ, что его престижъ подорванъ, что противники его имѣютъ не мало шансовъ вырвать власть изъ его рукъ. Страшный провалъ весенней посѣвной кампаніи и надвигающийся голодъ — это оружіе, которымъ оппозиція можетъ его разбить на голову. И онъ напрягаетъ всѣ силы и

пускаетъ въ ходъ всѣ средства, чтобы не дать осмѣльшей оппозиціи возможности объединиться, и старается разгромить ее по частямъ до XVI сѣзда партіи.

Формально бой идетъ вокругъ генеральной линии партіи, но въ дѣйствительности борьба, и отчаянная борьба, ведется за власть.

И никогда еще большевистская казенная пресса не доходила до такого безстыдства, такъ нагло не лгала, какъ въ послѣднее время.

Чего хочетъ оппозиція?

Судя по сообщеніямъ совѣтскихъ газетъ, требованія и правой, и лѣвой оппозиціи довольно схожи.

Одинъ изъ правыхъ оппозиціонеровъ, кандидатъ въ члены партіи, Дмитріевъ произнесъ въ собраніи партійной ячейки на фабрикѣ имени Балакирева въ Москвѣ большую рѣчь, въ которой указалъ на необходимость «снизить темпы индустриализаціи и сократить строительство тяжелой индустрии за счетъ увеличенія легкой». На аграрномъ фронтѣ ораторъ требовалъ «свободнаго развитія индивидуальнаго хозяйства, отказа отъ проводимой политики ликвидаціи кулачества, какъ класса, отказа отъ нажима на кулака». Дмитріевъ закончилъ свою рѣчь утвержденіемъ о «полномъ отрывѣ партіи отъ рабочихъ массъ» («Правда» отъ 4 июня 1930 г.). Коммунистъ Гурьевъ, директоръ Караваннаго Зерносовхоза въ Оренбургскомъ округѣ, подалъ заявленіе о выходѣ изъ партіи и о сложеніи имъ съ себя обязанностей директора совхоза. Свой уходъ онъ мотивировалъ тѣмъ, что, раздѣляя идеалы партіи, онъ не согласенъ съ ея приемами и тактикой. По его мнѣнію, партія своими усиленными темпами коллективизаціи допускаетъ «рѣзкое потрясеніе хозяйства». «Проводить социалистическое переустройство крестьянскаго хозяйства нужно не увлекательными постановленіями, не агиткой и не навязываніемъ, а реальной хозяйственной политикой черезъ кооперацію, медленно, но вѣрно *).

По утвержденію нѣкогого Н. Березина, оппозиція требуетъ «выравниванія всего хода хозяйственнаго развитія на такъ называемыя узкія мѣста». Однимъ изъ такихъ мѣстъ оппозиціи считаетъ недостатокъ техническихъ кадровъ и квалифицированной рабочей силы. Весь ростъ промышленности идетъ за счетъ притока изъ деревни крестьянскихъ

*) «Правда» отъ 30 мая 1930 г.

сыновей, никакого понятія не имѣющихъ о той работѣ, которую имъ придется дѣлать на фабрикѣ, за счетъ «красныхъ инженеровъ» — молодежи, только что закончившей учебное заведеніе и обладающей крайне недостаточнымъ запасомъ техническихъ знаній и совершенно лишенной практическаго опыта, и наконецъ за счетъ «красныхъ директоровъ» — выдвиженцевъ изъ числа рабочихъ, не имѣющихъ никакихъ техническихъ знаній. Сейчасъ хотятъ всѣмъ этимъ кадрамъ дать въ 3 мѣсяца тѣ знанія, которыя инженеры приобрѣтаютъ въ теченіе десятковъ лѣтъ упорной и напряженной работы» *). Ясно, что проблема о кадрахъ не можетъ быть разрѣшена.

По сообщенію «Комсомольской правды» отъ 11 іюня с. г. комсомолецъ Красновъ пошелъ въ своихъ требованіяхъ и обвиненіяхъ Центральнаго Комитета Коммунистической партіи гораздо дальше. Онъ говорилъ на собраніи рабочихъ фабрики Балакирева въ Москвѣ: «Я не согласенъ съ линіей партіи въ области индустриализаціи и развитія сельскаго хозяйства. Высокіе темпы индустриализаціи намъ не подь силу. Надо приостановить строительную горячку, задержать развитіе тяжелой индустрии, бросить средства на строительство легкой промышленности, считаться съ сегодняшнимъ днемъ. Крестьянъ продолжаютъ загонять въ колхозы путемъ лишенія ихъ необходимыхъ товаровъ. Перегибы въ отношеніи коллективизаціи допущены не только мѣстными организаціями, но и Центральнымъ Комитетомъ партіи. И въ настоящее время продолжаютъ раскулачивать середняковъ и зажимать бѣдняковъ. Надо помочь крестьянину возстановить индивидуальное хозяйство. Рабочимъ за границей гораздо лучше. У насъ повышаютъ цѣны на товары широкаго потребленія и понижаютъ заработную плату. Кругомъ провалы, прорывы, недочеты. Партія уже начинатьъ сдавать свои позиціи».

Какъ видно изъ этихъ отрывочныхъ сообщеній, правая оппозиція достаточно рѣзко подчеркиваетъ свое отрицательное отношеніе къ генеральной линіи Сталина и недвусмысленно требуетъ возстановленія Нэпа.

Но характернѣе всего то, что и троцкисты почти единодушны съ правыми оппортунистами въ цѣломъ рядѣ своихъ требованій. По утвержденію Ярославскаго програм-

---

*) «Правда» отъ 7 мая 1930 г.

ма Трoцкаго предлагаетъ: «1) задержать дальнѣйшую коллективизацію и приостановить раскулачиваніе, 2) отбросить лозунгъ «пятилѣтка въ 4 года», 3) прекратить авантюристскую шумиху «красныхъ дней» и «ликвидировать теорію социализма въ одной странѣ».

Вѣрно ли утвержденіе Ярославскаго или оно обычная демогогическая ложь, но въ совѣтской прессѣ идетъ такая яростная травля «уклонистовъ», какой не знали даже въ самые бурные періоды борьбы Сталина съ Троцкизмомъ.

Эта яростная полемика съ оппозиціей, дѣйствующей гдѣ-то за кулисами, является убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ того, что оппозиція въ послѣдніе мѣсяцы значительно окрѣпла и что одними мѣрами административнаго воздѣйствія — арестами и высылками — съ нею справиться нельзя было.

Осталось въ запасѣ старое, испытанное уже средство, дискредитировать ее въ глазахъ партійной массы, — благо вся печать и весь партійный аппаратъ находится въ рукахъ Сталина.

Тѣмъ временемъ идетъ лихорадочная подготовка къ XVI съѣзду коммунистической партіи и изготовляются доклады, которые должны будутъ посрамить и заставить замолчать противниковъ Сталина, если бы таковые, несмотря на всѣ принятые мѣры предосторожности, случайно попали на съѣздъ.

Изъ докладчиковъ особенно поражаютъ своей наглостью Яковлевъ и Куйбышевъ.

Только полной атрофіей какого-бы то ни было моральнаго чувства и отсутствіемъ какого-бы то ни было сознанія отвѣтственности передъ раззореннымъ Сталинской политикой народомъ можно объяснить появленіе на свѣтъ Божій докладовъ Яковлева и Куйбышева. И если для всей читающей Россіи нужны были официальные документы, устанавливающіе безспорную лживость и безчеловѣчную жестокость Сталинской генеральной линіи, то лучшихъ и болѣе убѣдительныхъ документовъ, чѣмъ доклады Яковлева и Куйбышева нельзя было придумать.

Можно было-бы написать цѣлые томы въ опроверженіе хвастливаго вранья и фальсифицированныхъ цифръ, которыми полны оба доклада, но для выясненія ихъ сущности достаточно остановиться только на нѣсколькихъ моментахъ.

Тезисы доклада Н. Яковлева о «Колхозномъ движеніи и подъёмѣ сельскаго хозяйства», одобренные Политбюро ЦК ВКП 18 мая 1930 г. начинаются такимъ торжественнымъ вступленіемъ.

«Истекшіе со времени XV съѣзда 2½ года были періодомъ величайшаго перелома въ развитіи сельскаго хозяйства СССР.

Этотъ переломъ характеризуется тѣмъ, что на 1 мая 1930 года въ основныхъ зерновыхъ районахъ производящихъ областей коллективизація охватила 40 - 50% крестьянскихъ хозяйствъ вмѣсто 2 - 3% хозяйствъ 1928 г., а посѣвная площадь колхозовъ по СССР съ 1,5 мил. гектаровъ весной 1928 г. поднимается, какъ это и предусматривалось рѣшеніемъ ЦК ВКП отъ 5 января 1930 г. примѣрно до 30 - 35 мил. гектаровъ весной 1930 г., не считая озимаго клина. Въ результатѣ этого колхозы вмѣстѣ съ совхозами уже въ настоящемъ году дадутъ основную часть товарной зерновой продукціи... Такимъ образомъ партія разрѣшаетъ на дѣлѣ основную и труднѣйшую проблему сельскаго хозяйства — зерновую проблему».

«Всемирно историческое значеніе происшедшаго перелома въ развитіи СССР заключается, по словамъ Яковлева, въ томъ, что значительная часть середняцкой массы въ важнѣйшихъ зерновыхъ районахъ, вслѣдъ за бѣдняками, поняли преимущество крупнаго общественнаго хозяйства, объединившись добровольно въ колхозы и проводя съѣвъ на коллективныхъ поляхъ, и повернула на социалистическій путь».

Такъ красочно пишетъ Яковлевъ исторію насильственнаго превращенія многихъ миллионныхъ единоличныхъ крестьянскихъ хозяйствъ въ колхозы, а самихъ крестьянъ въ государственныхъ крѣпостныхъ.

Вѣрны ли приводимыя имъ цифры, никто этого знать не можетъ, такъ какъ статистика СССР превратилась въ служанку Сталина, и Сталинъ самъ творитъ статистику по своему усмотрѣнію. Во всякомъ случаѣ цифры настолько эластичны, что скользятъ между 40 и 50%, что составляетъ внушительную разницу въ 2½ миллиона хозяйствъ.

Но самое замѣчательное въ интродукціи яковлевскихъ тезисовъ это то, что рѣшеніе ЦК отъ 5 января 1930 г. пред-

усмотрѣло и предрѣшило, какихъ размѣровъ достигнетъ коллективизированный секторъ сельскаго хозяйства къ половинѣ мая. Этотъ даръ предвидѣнія ЦКъ былъ бы поразителенъ, если бы онъ не наводилъ на мысль, что крестьянъ гнали въ колхозы по опредѣленному плану и если бы исчисления сталинскихъ статистиковъ не претерпѣли сильной пертурбаціи за періодъ времени между 15 марта и половиной мая. Еще въ половинѣ марта совѣтскіе экономисты считали, что къ весенней посѣвной кампаніи % коллективизированныхъ хозяйствъ достигнетъ 70, такъ какъ онъ въ началѣ этого мѣсяца составлялъ уже 58%, и вдругъ оказывается, что въ маѣ, когда сѣвъ приходилъ къ концу, этотъ % упалъ до 40, а можетъ быть и до 30 или 20, кто это знаетъ?...

Чудеса Сталинской коллективизаціи на этомъ не кончаются, и самое главное изъ его чудесъ — это то, что середняцкая масса, искони органически связанная и привязанная къ единоличному хозяйству внезапно поняла преимущество крупнаго общественнаго хозяйства и вадомъ повалила добровольно въ колхозы...

Яковлеву и Сталину очень хочется, чтобы предстоящій съѣздъ партіи повѣрилъ въ это чудо, — но, этого не будетъ. Съѣздъ изъ страха передъ сталинскими скорпіонами вѣрнѣ всего одобритъ всѣ тезисы и Яковлева, и Куйбышева, и многихъ другихъ «вождей», но делегаты съѣзда разѣдутся въ полной увѣренности, что такого чуда не было и не могло быть. И убѣдить ихъ въ этомъ самъ Яковлевъ описываемой имъ въ тезисахъ картиной ужасовъ и безобразій, которые творились коммунистами на мѣстахъ, чтобы загнать бѣдняковъ и середняковъ въ колхозы.

Картина эта такъ безжалостно изобличаетъ всю ложь первой части тезисовъ Яковлева, что ее стоитъ воспроизвести цѣликомъ.

«Ошибки и извращенія линіи партіи, говорится въ тезисахъ, выражались въ примѣненіи мѣръ принужденія и насилія въ отношеніи середняковъ и бѣдняковъ при построеніи колхозовъ, въ обобществленіи у членовъ артелей мелкаго скота и коровъ, имѣющихъ потребительское значеніе; въ перенесеніи на незерновые районы темповъ коллективизаціи, оправдавшихъ себя на опытѣ и предусмотрѣнныхъ рѣшеніями ЦКъ только въ отношеніи зерновыхъ районовъ, въ скоро-

спѣдстви созданія коммунъ безъ соотвѣтствующей материальной и организаціонной подготовки; въ созданіи подъ видомъ колхозовъ - гигантовъ безжизненно бюрократическихъ организацій, построенныхъ на началахъ командованія; въ задержкѣ предназначенныхъ правительствомъ для колхозовъ кредитовъ и лишеніи колхозниковъ предоставленныхъ правительствомъ льготъ; въ грубомъ администрированіи по отношенію къ колхозамъ и колхозникамъ и замѣнѣ выборности назначенствомъ и командованіемъ сверху; въ затираніи середняка и неиспользованіи его хозяйственного опыта; въ перенесеніи на середняка мѣръ борьбы, направленныхъ противъ кулака (раскулачиваніе, лишеніе избирательныхъ правъ и т. д.) *).

И вотъ, когда делегаты съѣзда все это узнаютъ, а также услышать, что «ошибки и извращенія» имѣли распространеніе по всему Совѣтскому Союзу, и что онѣ совершались безнаказанно въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, то для нихъ истинная причина бурнаго роста колхозовъ станетъ вполне ясна. Они поймутъ, что середняцкія массы пошли въ колхозы потому, что коммунисты на мѣстахъ предлагали имъ на выборъ: или лишиться всего и быть сосланными въ Сибирь или на принудительныя работы или пойти въ колхозъ. Они поймутъ, что вступленіе крестьянъ въ колхозы, за немногими исключеніями, было такъ же добровольно, какъ добровольно люди идутъ на каторгу или на висѣлицу.

Пойметъ и страна всю внутреннюю цѣнность доклада Яковлева, послѣ многомѣсячнаго всероссійскаго грабежа, организованнаго Сталинымъ въ деревнѣ, вдругъ заговорившаго ласково о середнякѣ и бѣднякѣ и сулящаго колхозамъ и свободу самодѣятельности, и свободу самоуправленія, и прочія хорошія вещи...

Въ такихъ же безстыдно-лживыхъ и наглыхъ тонахъ, какъ докладъ Яковлева, составленъ докладъ Куйбышеву о состояніи казенной промышленности.

Куйбышевъ захлебывается отъ восторга, описывая голловокружительные успѣхи всѣхъ отраслей промышленности; онъ приводитъ цифры, свидѣтельствующія, что пятилѣтній планъ за истекшіе два года не только выполненъ, но превзойденъ, онъ, наконецъ, съ торжествомъ заявляетъ, что «въ текущемъ году довоенные раз-

*) «Ленинградская Правда» отъ 19 мая 1930 г

мѣры производства цензовой промышленности будутъ превзойдены вдвое».

Но верхомъ цинизма и хлестаковщины является конецъ Куйбышевскихъ тезисовъ.

«Битой, говорится въ нихъ, оказалась ставка мировой буржуазіи на финансовый срывъ пятилѣтки. Битой оказалась ставка на нашу культурную отсталость и недостатокъ кадровъ. Битыми оказались надежды, на то, что костлявая рука голода сорветъ выполнение плана. Битыми оказались надежды на разрывъ союза пролетаріата со середнякомъ».

И это пишется тогда, когда кризисъ свирѣствуетъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности, когда по официальнымъ даннымъ планъ промышленности не былъ выполненъ ни въ прошломъ, ни въ этомъ году; когда при звѣрской эксплуатаціи рабочихъ себѣстоимость промышленныхъ издѣлій никакъ не удается понизить; когда качество товаровъ катастрофически ухудшается и бракъ достигаетъ баснословныхъ размѣровъ; когда товарный голодъ обострился до небывалой степени и въ городахъ нельзя достать самыхъ необходимыхъ предметовъ питанія; когда газеты изо дня въ день вопятъ объ остромъ недостаткѣ технического персонала и квалифицированныхъ рабочихъ, когда всюду прорывы, провалы, угрозы катастрофъ; когда, наконецъ, весенняя посѣвная кампанія совершенно сорвана, и Россія уже вступила въ полосу голода...

Такая злостная ложь, какъ докладъ Куйбышева, это высшее выраженіе того гнилостного разложенія, до котораго дошла Сталинская диктатура.

Разоривъ Россію и поставивъ все русское крестьянство на дыбы, Сталинъ спѣшитъ снова укрыться подъ сѣнь Ленинизма. Мало того, такой столпъ коммунистической партіи, какъ Угаровъ, пытается въ обширномъ фельетонѣ доказать, что Нэпъ до сихъ поръ цѣль и невредимъ, и никто на него и не думалъ покушаться. «Нэпъ, пишетъ онъ, явился основой длительного экономическаго сотрудничества, добровольнаго соглашенія между пролетаріатомъ и среднимъ крестьянствомъ». «Источникъ Нэпа — мелкое товарное производство, — особенно въ земледѣліи, а потому, покуда существуетъ мелкое товарное производство, — существуетъ Нэпъ»... «Отмѣнить Нэпъ такъ же бессмысленно, какъ отмѣнить мелкое товарное производство. Всѣ эксперименты подобнаго рода обречены за-

ранѣе на неудачу» *). Такъ Угаровъ пытается воскресить убитый Сталинымъ Нэпъ. Запоздалыми софизмами онъ старается обойти правыхъ уклонистовъ съ тыла, — это одинъ изъ маневровъ, при помощи котораго Сталинъ надѣется обезоружить оппозицію, и который весьма показателенъ въ томъ отношеніи, что лишній разъ вскрываетъ макіавелистическую стратегію Сталина, готоваго клясться убитымъ имъ Нэпомъ, лишь бы удержать власть въ своихъ рукахъ.

Нѣтъ почти никакого сомнѣнія, что Сталину удастся такъ подтасовать съѣздъ, что его генеральная линія будетъ признана самой настоящей Ленинской генеральной линіей и онъ будетъ снова избранъ генеральнымъ секретаремъ партіи, т. е. оставленъ диктаторомъ и на будущее время.

Но рѣшеніе такого съѣзда въ настоящіе трагическіе дни Россіи едва ли можетъ имѣть серьезное политическое значеніе.

Участь Сталинской диктатуры и коммунистической диктатуры вообще едва ли будетъ рѣшена поднятіемъ рукъ въ залахъ дома совѣтовъ. Ее рѣшитъ высшій судья Россіи — русскій народъ.

М. Кроль.

---

*) «Ленинградская Правда» отъ 16 мая 1930 г.

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ

Лирика Вячеслава Иванова

Лирика и драматическое действие являются синонимами поэзии, впрочем двумя ее основными обликами. Современная критика давно уже отказалась от классификации «видов» и «жанров» литературы, поняла, что невозможно дать определение роману, поэмы или повести. Упорствуют лишь одни формалисты, но дух поэзии ускользает от них, как античный Протей от слишком ярых своих обожателей. Стремясь охватить форму, овладеть ее тайной, критики этой школы видят в руках своих лишь песчинки да ракушки, да горькую морскую пѣну; божество же — неуловимо, пребывая единым во всех своих ликах. И это идеальное единство выражается либо действием, передающим ритм явлений, раскрывающим извѣстный театр жизни, либо лирической, страстной волной.

Приходится часто читать и слышать о том, что Вячеслав Иванов — большой мастер, в совершенстве владеющий формой (как будто форму можно механически отделить от содержания), что философские его домыслы хоть и туманны, но чрезвычайно значительны; все признают также, что в истории литературы

он сыграл выдающуюся роль, как вождь русских символистов. Но мнѣнія эти, столь распространенныя, не имѣют прямого отношенія къ исторіи поэзии. «Заслуги» вождя и учителя — все же заслуги преходящія, философскія построения не улучшаютъ плохихъ стиховъ и не украшаютъ хорошихъ. Кроме того, слѣдуетъ замѣтить, что самое понятие — философская поэзия не очень ясно и не вполне убѣдительно. Надлежитъ еще выяснить, что именно понимается подъ философіей (логика, психологія и нѣкое, всеобъемлющее, любознательное?).

Не въ этомъ значительность Вячеслава Иванова. Подобныя мнѣнія возникли изъ непониманія произведеній этого замѣчательнаго лирика, непониманія, слобреннаго холодной почтительностью и благонамѣреннымъ равнодушіемъ.

Лирика Вячеслава Иванова, преобладающая въ его творествѣ надъ началомъ драматическимъ (даже въ «Прометѣѣ» и «Танталѣ»), принадлежитъ не только замкнутому періоду русскаго символизма, но и вѣчнымъ анналамъ искусства. Она исполнена космическимъ эротизмомъ, преобразующимъ міръ, будищимъ древній хаосъ. Силу эту, вѣчно действу-

ющую въ мѣрѣ, эллины называли Діонисомъ, сопредстольнымъ братомъ Аполлона.

Діониса видѣній Вячеслава Иванова принимали часто за нѣкое абстрактное построеніе, за эрудіціонную прихоть эллиниста. Забыто было свидѣтельство Блока (въ статьѣ о символизмѣ), говорившаго о томъ, что онъ видѣлъ такъ же ясно, какъ и явленія «реального» міра, зарницу, вспыхивающую надъ бровями бога-Вакха, постигшаго поэта —

Полу-отрокъ, полу-птица.
Надъ бровями тучъ зарница
Зыблеть гусклякый персѣйгъ.

«Многіе держатъ тирсъ, но не многіе одержимы Богомъ», — писать апостоль Павелъ, перефразируя гомерическій гимнъ. Одержимость Діонисомъ Вячеслава Иванова — подлинна. И трагична. «Лирика — не развлеченіе, не времяпровожденіе, какъ-то сказать поэтъ одному изъ своихъ друзей, тотъ, кто испыталъ лирическое волненіе, знаетъ, что оно иссушаетъ всѣ силы, преслѣдуетъ, испепеляетъ». Вспомнимъ послѣдніе стихи его «Призванія Вакха» —

Демонъ зла, иль небожитель,
Дѣлитъ онъ мою обитель,
Клювомъ грудь мою клюетъ.
Сердце таетъ, воскресаетъ.
Алый ключъ — лѣтъ, лѣтъ.

Вакхическое начало ощущается въ глубинахъ нашего духа. И духъ нашъ воспринимаетъ подъ его знакомъ стихійную жизнь внѣ своего внутренняго міра. Логика не знаетъ что съ нимъ дѣлать, философія въ немъ не нуждается, но поэзія — мертва безъ его при-

сутствія. Объ этомъ душевномъ состояніи нельзя говорить, облекающая свою мысль аллегоріей, гдѣ дважды два — четыре, о немъ повѣствуютъ символы, столь же вѣчные, сколь и сама поэзія. Символы пріоткрываютъ сущность Діониса, приближающіе насъ къ сокровенному, страшному смыслу его явленій. Скрытныи ужасъ раскопанной стихіи ощущать до Вячеслава Иванова въ русской литературѣ лишь Тютчевъ —

О, бурь уснувшихъ не буди,
Подъ ними хаосъ шевелится.

И вотъ, не только человѣчскій духъ, вся природа кажется поэту исполненной тайными извѣчными силами. Въ мистическомъ экстазѣ сливается онъ съ ними —

И съ вами, кущи дремныя,
Туманные луга, —
Вы, темные, поемные
Парные берега, —

Я слить ночной любовію,
Истомой вѣтерка,
Какъ будто дымной кровію
Моей бѣжить рѣка!

И, рѣя огнесклонами
Мерцающихъ быстринъ,
Я—звѣздный сѣвъ надъ лонами
Желающихъ низинъ!

И, полнь дремой безсонною,
Какъ будто сталь я самъ
Женою темнолонною,
Отверстой небесамъ.

Весь міръ полнится вѣщими голосами, едва слышными человѣческому уху. Кажется, что поэза преслѣдуютъ видѣнья діонисійскихъ празднествъ, чья цѣль — облегчить доступъ въ этотъ міръ

душамъ умершихъ. Всюду слышится мусикійскій вѣщій шорохъ, и если мы порой перестаемъ воспринимать таинственные голоса, то лишь потому, что —

Наше сердце глухо
 Наши персты грубы,
 И забыли губы
 Дуновенье духа.

Но стоитъ только вслушаться въ явленія, насъ окружающія и мы постигаемъ ихъ зовы —

Шелестъ роцъ умельныхъ,
 Рокоть вслнъ унылыхъ —
 Все доносить милыхъ
 Шопоть замогильный.

Подобно тому какъ самъ Діонисъ въ античныхъ мистеріяхъ былъ одновременно богомъ и жертвою (чьи символы — быкъ и двуострая сѣкира), поэтъ, имъ одержимый, получаетъ въ удѣлъ весь міръ и міромъ приносится въ жертву. Въ лунной балладѣ (изъ *Cor Ardens'a*) поэтъ ощущаетъ себя жрецомъ храма Діаны близъ Рима. Латинское преданіе о жрецѣ озера Немн, убивающемъ своего предшественника, чтобы самому пасть отъ меча того, кому суждено его наследовать, Вячеславъ Ивановъ претворилъ въ мнѣ о художникѣ — жрецѣ и жертвѣ.

Тотъ, кого преслѣдуетъ Діонисъ, всегда взволнованъ, ощущая міръ во всей его полнотѣ, во всей его трагической торжественности. Онъ испытываетъ не только радость, но и ужасъ, прозрѣвая сокровенный ликъ. Въ экзистенциальныхъ строфахъ «Менады» чувствуется, что еще не много и смерть поразитъ дерзающего —

...Такъ и ты, встрѣчая бога,
 Сердце, стань...
 Сердце, стань...
 У послѣдняго порога,
 Сердце, стань...
 Сердце, стань...

Поэтъ бѣжитъ предъ Діонисомъ — «какъ тѣнь коня предъ колесницей», но сама гибель сладка, но сама гибель — перерожденіе. Боль экстаза переходитъ въ восторгъ—

И вотъ — на крутизнѣ стою,
 Пустынный дубъ, широкошум-
 ный;
 Полу-сожженъ, дремлю, пою,
 Цѣлуюсь съ молніей безумной

Діонисъ — безжалостенъ, но безъ его сошествія творчество, казалось, — невозможно. И тѣмъ удивительнѣе было для знатоковъ и любителей поэзіи Вячеслава Иванова его «отреченіе» отъ боговъ древней Греціи, написанное послѣ того какъ въ Баку, въ 1923 году, появилось большое его изслѣдованіе — «Діонисъ и Прадіонисійство», — надъ которымъ онъ работалъ около тридцати лѣтъ.

«Отреченіе» это дошло до насъ въ списокѣ. Кажется, порой, что вернулись мы къ среднимъ вѣкамъ, когда стихи поэтовъ распространялись въ рукописныхъ изданіяхъ. Я беру на себя смѣлость писать о неизданныхъ произведеніяхъ автора, скрывающагося въ италійской глуши, и даже привести въ моей статьѣ нѣкоторыя новыя его стихотворенія, безъ которыхъ намъ не были бы понятны пути его творчества.

Итакъ, поэтъ діонисійскихъ восторговъ, ученый, проникшій въ тайны античныхъ мистерій, написалъ покаянную пѣснь — Пали-

нодію, уединясь въ предгорьяхъ
новой Фиваиды —

И твой гимедскій медь ужель
меня пресытилъ?

Изъ рощи миртовой кто твой
кумиръ похитилъ?

Иль въ вѣщемъ ужасѣ я самъ
его разбилъ?

Ужели я тебя, Эллада, разлю-
билъ?

Но, духомъ обнищавъ, твоей не
зналъ я ласки;

И жутки стали мнѣ души не-
движной маски,

И тѣлъ надменныхъ свѣтъ, и
думъ эвклидовъ строй.

Когда-жъ, въ урочный часъ, ра-
зымчивой игрой

Подземныхъ флейтъ оживъ, ли-
чины полой очи

Мятежною тоской неукротимей
ночи,

Какъ встарь, исполнились, — я
слышала съ неба зовъ:

«Покинь, служитель, храмъ ук-
рашенный бѣсовъ».

И я бѣжалъ, и тѣмъ въ пред-
горьяхъ Фиваиды

Молчанья дикій медь и жесткая
акриды.

И въ отвѣтъ на terror Anti-
quis, на разымчивую игру діони-
сійскихъ флейтъ, въ душѣ поэта
прозвучало — Ave Roma! Слава
Риму, спасающему своей строгой
стройностью отъ вакхическаго мя-
тежа, отъ мистическихъ оргій Во-
стока. Потряслись основы гума-
низма и европейской культуры
(вспомнимъ «Переписку изъ двухъ
угловъ»), но катастрофы свидѣ-
тельствуютъ о полномъ временъ,
о грядущемъ торжествѣ Града Бо-
жьяго. Въ уединенъ избранные
возвѣщаютъ — De Civitate Dei.
Вячеславъ Ивановъ пишетъ

римскіе сонеты. Всѣ пути ведутъ
въ Римъ. Одинъ изъ его титуловъ
— Regina Viarum. Напрасно по-
этъ думалъ нѣкогда, что возмо-
жно избѣжать егѣ чаръ, отвергнуть
имъ возвѣщенные истины. Онъ
снова возвратился въ Вѣчный Го-
родъ. Въ одномъ изъ сонетовъ
такъ обращается онъ къ знамени-
тому источнику Треви —

О, сколько разъ, бѣглець не-
вольный Рима,

Съ молитвой о возвратѣ въ
часъ потребный

Я за плечо бросалъ въ тебя мо-
неты!

Свершились договорные обѣты:
Счастливаго, какъ днесъ, фон-
танъ волшебный,

Ты возвращалъ святынямъ пи-
лигрима.

И въ то время какъ продолжа-
ются «ристанья на мировомъ ип-
подромѣ» и за осью ломается ось
у предѣльной меты, среди всѣхъ
потрясеній и всѣхъ пожарницъ
одинъ Римъ пребываетъ велича-
вымъ зрителемъ. Уже не первую
катастрофу видитъ онъ. Рушилась
Троя, нынѣ пылаетъ Россія. Въ
Римѣ, по свидѣтельству Виргилія,
возродилась Троя, въ немъ — за-
логъ будущихъ обновленій. До-
стигнутому поворотной меты, от-
крывается новый путь въ столя-
цу христіанскаго міра —

Вновь арокъ древнихъ вѣрный
паллигримъ.

Въ мой поздній часъ вечернимъ
Ave Roma,

Привѣтствую, какъ сводъ род-
ного дома,

Тебя, скитаній пристань, вѣчный
Римъ.

Мы Трою предковъ пламени дари́мъ;
Дробятся оси колесницъ межъ грома
И фури́й мірового ипподрома:
Ты, царь путей, глядишь, какъ мы горимъ.

И ты пылалъ — и возставалъ
изъ пепла,
И памятливая голубизна
Твоихъ небесъ глубокихъ не ослѣпла.

И помнить въ ласкѣхъ золотого сна,
Твой вратарь, кипарисъ, какъ
Троя крѣпла,
Когда лежала Троя сожжена.

Тамъ, гдѣ нѣкогда Гоголь со-
здавалъ свою кошмарную поэму о
Россіи, гдѣ Александръ Ивановъ
зарисовывалъ видѣнія, его мучи-
вшія, средь узкихъ улицъ и про-
сторныхъ площадей царственнаго
Града, Вячеславъ Ивановъ пере-
живалъ новыя откровенія, претво-
ряя ихъ въ стихи — совершенные,
ясные, слегка печальные, какъ спо-
койные римскіе вечера. Преходя-
щіе земные образы, памятники
древности и сама природа показались
поэту неизмѣнными, вѣчными.
Барокковые фонтаны и тяжело-
вѣсные монументы поздняго Ре-
нессанса перестали свидѣтельство-
вать о прихотахъ Seicento и Set-
tescento, слились съ классической
старинною, приобрѣли въ его гла-
захъ античную торжественность.
Фонтанамъ Рима посвящены нѣ-
сколько сонетовъ этого цикла, гдѣ
ясность сочетается съ умиротво-
рительной меланхоліей. —

Одинъ изъ этихъ сонетовъ —
И Tritone — кажется, наиболѣе
сильно передаетъ душевное
это расположеніе —

Двухстворку на хвостахъ клу-
бокъ дельфиній
Разверстой вынесъ; въ ней рас-
теть Тритонъ,
Трубить въ улитку; но не зыч-
ный тонъ,
Струя лучомъ прозвезаетъ воз-
духъ синий.

Средь зноя вить, зовущихъ об-
лакъ виній,
Какъ зелень мха на демонѣ хи-
тонъ!
Съ природой схожъ рѣзца ста-
ринный сонъ
Стихійною причудливостью ли-
пій.

Бернины, — снова нашъ — тво-
ей игрой
Я веселюсь, отъ Четырехъ Фон-
тановъ
Бредя на Пянчю памятной го-
рой,

Гдѣ въ келью Гоголя входилъ
Ивановъ,
Гдѣ Гираниз огненной иглой
Пѣлъ Рима грусть и зодчество
Титановъ.

Царственность Рима, понстинъ
— въ изобильѣ воды. Это полно-
водье ощущается какъ избытокъ
жизненныхъ силъ, какъ пре-
избытокъ благодати. И всѣмъ фон-
танамъ Града счастливый и груст-
ный поэтъ слагаетъ раздѣренный
гимнъ, чей восторгъ стѣсненъ ро-
манской стройностью сонета —

Пѣлъ Пиндаръ лебедь: «Нѣтъ
подъ солнцемъ блага
Воды милѣй». Бѣжитъ по жи-
ламъ Рима,
Склоняемъ акведуковъ съ
горъ гонима,
Издравле родниковъ счастли-
выхъ влага.

То пещеть звонко въ кладязь
саркофага;

То бьетъ въ лазурь столбомъ и
вдаль, дробима,

Прохладу зыблетъ; то, неукро-
тима,

Потоки рушить съ мраморнаго
прага.

Ея журчаньемъ узкій переулочъ
Волшебно оживленъ; и хорово-
ды

Окрестъ нея ведутъ морскіе бо-
ги.

Рѣзецъ собралъ ихъ. Сонные
чертоги

Пустынню внемлютъ, какъ игра-
ютъ воды,

И сладостно во мглѣ ихъ го-
лось гулокъ.

На ряду съ вакхическими от-
кровеніями, въ лирикѣ Вячеслава
Иванова ощущалось всегда иное,
торжественно-умиротворенное на-
чало. Порой даже казалось, что въ
величавомъ этомъ ладѣ — вся его
поэзія. Вспомнимъ стихотвореніе
изъ *Cor Ardens'a*, посвященное
Валерію Брюсову (*Mi fur le Segri
amiche*. — *Int: XXV, 4*).

Ужъ я топчу верховный снѣгъ
Алмазной дѣвственной пустыни.
Подъ синью траурной святыни;
Ты, въ знойной мглѣ, гдѣ духъ
пылыи,
Сбираешь яды горькихъ нѣгъ.

Непріятіе міра, люциферическія
устремленія Брюсова Вячеславъ
Ивановъ ощущалъ какъ низшія
ступени духовной лѣстницы, неми-
нуемая, но и преодолимая. Все-
же, его величавое совершенство,
его алмазная пустыня, подъ синью
траурной святыни не были радост-
ны. Самъ поэтъ въ тѣ времена, ко-

нечно, не согласился бы съ этимъ
домысломъ и указалъ бы на слѣ-
дующую строфу того-же стихо-
творенія —

И я былъ рабъ въ узлахъ змии,
И въ корчахъ звалъ клеймо
укуса;

Но огнь послѣдняго искуса
Заклялъ, и солнцемъ Эммауса
Озолотились дни мои.

Надлежитъ также привести за-
мѣчательное его стихотвореніе
«Путь въ Эммаусъ»; но какъ по-
нять страшное это обращеніе къ
Брюсову —

Какъ День, ты повой мукой мо-
лодь;

Какъ Ночь, стара моя печаль.

И пусть «въ отрѣшенный хо-
лодъ крестилась дышущая сталь»
его души, онъ былъ тогда еще
самъ во власти праматери Ночи,
прадіонисійскаго божества, требу-
ющаго человѣческихъ жертвъ.

Въ гениальной трагедіи «Тан-
талъ», до сихъ поръ не понятой
и не оцѣненной, поэтъ вообрази-
лъ судьбу полубога, достигша-
го предѣльнаго благополучія, до-
ступнаго земнороднымъ... и пре-
сытвишагося. Въ первомъ дѣйст-
віи мы видимъ царя Тантала на
титаническомъ престолѣ, высѣчен-
номъ въ дикой скалѣ. Онъ ви-
дитъ — у ногъ его простираются
его обширныя владѣнія. Охвачен-
ный скорбью всеобладанія, жалу-
ется онъ божественнымъ нич-
фамъ —

Отъ Зевса, дѣвы, зачала мени
Плуту

И — первенецъ — я на сосцахъ
Обильной спалъ.

Зовусь: Избытокъ; и слышу: Бо-
гачество.
Безсмертнѣмъ я содружникъ. И
какой бы даръ
Измыслилъ мнѣ Кроносъ? Не-
божителей
Блаженнѣй, дѣвы, Танталъ... и
печальнѣе.

Чего бѣ алкалъ я, тѣмъ я сытъ.
За чѣмъ бы длань
Простеръ, — на лонѣ. И наречъ
безсилень духъ,
Чего, незрячій, волить въ не-
сказанной тѣмѣ —
Отъ исполненья гладень, отъ
избытка тощъ,
Нищъ — невозможнѣмъ, совер-
шеннѣмъ — пресыщенъ.

Оскорбленный преизбыточностью небожителей Танталъ хочетъ стать солнцемъ, не получать отъ боговъ, озарять ихъ. Въ богоборческомъ бунтѣ увлекаетъ онъ своихъ свойственниковъ: царей Иксиона и Сизифа. Но боги низвергаютъ мятежниковъ въ Тартаръ. Въ послѣднемъ дѣйствиі раскрывается: «темное видѣніе висящаго во воздухъ Тантала. Обѣими руками онъ поддерживаетъ нижній край огромной погужшей сферы»

Танталъ, гдѣ твое солнце? гдѣ...
Темной окаментѣвъ громадой
Повисло тяжко,
Тебя подавивъ, твое темное
солнце

И рухнуть грозитъ
На тебя твое мертвое солнце...

Тогда надъ первомученниками античнаго ада — Танталомъ, Сизифомъ, Иксиономъ — слышится вѣщій, безсвязный шопотъ судьбы: —

Изъ солнца—солнце. Горе солн-
цу! Богъ боговъ
Родилъ. Померкъ родившій...
Я была твоей.

Полнота обладанія всѣми сокровищами міра показала се поэту трагически несовершенной —

Отъ исполненья гладень, отъ
избытка тощъ,
Нищъ — невозможнѣмъ, совер-
шеннѣмъ — пресыщенъ.

Со временемъ Вячеслава Иванова перестало удовлетворять горделивое сознанье того, что онъ достигъ классическихъ вершинъ искусства, что горизонтъ его раздвинуть, что онъ видитъ дали, недоступныя его сверстникамъ, будь то Брюсовъ или иные посвященные, собирающіе «яды горькихъ нѣтъ» въ тѣснинахъ русскаго модернизма. Онъ отвергъ также путь богоборческаго, нитшеанскаго бунта, понявъ, что человекъ не можетъ стать солнцемъ, сколь ни стремился бы онъ къ полнотѣ, и сколь близко отъ нея ни былъ. Оставалось единое приближеніе— вакховъ буйный хмѣль, восторгъ мусикійскаго самозабвенья.

И вотъ, уже послѣ войны и революціи, подъ авзонійскими небесами, поэтъ обрѣлъ вождѣльную солнечную ясность, ибо исполнились сроки и отступили искушенія. И если онъ въ своей Палинодіи отказался отъ діонисовыхъ танцествъ, онъ не отвергъ Аполлона (стихи: «и тѣль надменныхъ свѣтъ и думъ эвклидовъ строй» — отражаютъ сиянье не дневногъ бога, но вечернягъ Люцифера). Въ совершеннѣйшемъ стихотвореніи римскаго цикла—Monte Pincio—умиротворенность и ясность его

духа нашли себѣ полное выраж-
ніе —

Пью медленно медвяный солн-
ца свѣтъ,
Густѣющій, какъ доду звонъ
прошальный;
И свѣтель духъ печалью без-
печальной,
Весь полнота, какой названья
нѣтъ.

Не медомъ ли воскресшихъ,
полныхъ лѣтъ
Онъ напоенъ сей кубокъ Дня
вѣчный?
Не Вѣчность ли свой перстень
обручальный
Простерла Дню за гранью зри-
мыхъ метъ?

Зеркальному подобна морю сла-
ва
Огнистаго небснаго расплава,
Гдѣ таетъ дискъ и тонетъ ис-
полинъ.

Ослѣпшими перстами лучъ ощу-
паль
Верхъ пинія, и глазъ потухъ.
Одинъ
На золотѣ круглѣтъ синій ку-
поль.

Полнота отнылѣ ощущается по-
этомъ какъ даръ вѣчности, какъ
достояніе свободы, исключющей
всякое богоборчество. Въ рав-
немъ своемъ стихотвореніи, по-
священномъ Владимиру Соловье-
ву, поэтъ внемлетъ голосу самой
Красоты (божества платоническа-
го міра), вѣщающей

«Радостно по цвѣтоносной Гей,
Я иду, не вѣдай-куда;
Я служу съ улыбкой Адрастеѣ,
Благосклонно - дѣвственно - чу-
жда.

Я ношу кольцо,
И мое лицо

Кроткій лучъ таинственнаго Даг.

Нынѣ сама вѣчность простерла
свой обручальный перстень пре-
ходящему дню поэта. Красота бо-
лѣе не нуждается въ кольцѣ Ад-
растен. И даже тогда, когда скры-
вается дневной Аполлонъ, на зо-
лотѣ вечерняго неба круглѣтъ
символь вѣчности — синій куполь
св. Петра.

Не станемъ оспаривать или за-
щищать католическія умонастрое-
нія Вячеслава Иванова. Критикъ
долженъ возстановить внутренний
міръ поэта, единственный, непо-
вторимый. И онъ вправѣ отложить
всѣ инья попеченія.

Лишь у глубоко второстепен-
ныхъ авторовъ первая книга —
лучшая. «Война и Миръ» зрѣлѣе
«Казаковъ», «Буря» — совершен-
нѣйшее произведение Шекспира,
послѣднія трагедіи Корнеля, не-
понятны вѣкомъ, оклеветанны
степеннымъ Буало, открываютъ
намъ тайны творчества француз-
скаго поэта полтѣе, чѣмъ его по-
дражательный «Сидъ». Путь Вя-
чеслава Иванова — путь совер-
шенствования и восхождения. Пер-
вая книга поэта — «Кормчія звѣ-
ды» уступаетъ во многомъ *Сог*
Ardens'у, «Прозрачности» и «Нѣ-
жной Тайнѣ», ибо въ раннихъ
стихахъ Вячеслава Иванова мыслъ
не всегда претворена въ фантаз-
мы, не всегда оправдана лириче-
скимъ волненіемъ. Но съ тѣхъ
поръ какъ отшельника сѣверной
Башни постигъ неистовый Діо-
нисъ — до ясныхъ римскихъ от-
кровеній, Аморгъ — поводырь по
этовъ — велъ его, какъ пѣкогда
Петрарку — «del pensier al pen-
sier e del monte al monte».

Къ сожалѣнню, произведенія Вячеслава Иванова послѣдняго періода намъ почти что недоступны. Мнѣ случилось ознакомиться, по рукописи, до меня случайно дошедшей, съ замѣчательнымъ его лирическимъ цикломъ — «Человѣкъ», свидѣтельствующемъ о единствѣ людского рода, о древнемъ и новомъ Адамѣ-Кадмонѣ, но я не смѣю говорить подробнѣе

объ этой поэмѣ, столь важной для пониманія духовнаго пути поэта, руководствуясь лишь первоначальнымъ, поверхностнымъ впечатлѣніемъ. Появленія въ печати новыхъ стихотвореній Вячеслава Иванова мы ожидаемъ съ понятнымъ нетерпѣніемъ.

17 Илья Голенищевъ-Кутузовъ.

Кризисъ совѣтской философіи

1.

Кризисъ совѣтской философіи? Можно ли говорить о «кризисѣ» псевдо-культурнаго явленія? Объ «упадкѣ» или «разложеніи» псевдо-бытія? Вѣдь, какъ мы имѣли случай показать*), «совѣтская философія» есть именно такое «псевдо-бытіе», отдѣльные теченія совѣтской философіи доводятся даже до отрицанія за философіей права на существованіе, большинство совѣтскихъ философовъ во всякомъ случаѣ отрицали наличность какого-либо самостоятельнаго объекта философскаго изслѣдованія. Болѣе того — не только тенденціи отдѣльныхъ — болѣе или менѣе вліятельныхъ — теченій совѣтской философіи являются по существу антифилософскими, но и самый «стиль» работы совѣтскихъ философовъ глубоко враждебенъ для

всякой истинной философіи основанному нафосу — духу свободнаго исканія, являющемуся предпосылкой возможности философіи вообще. Философская совѣтская литература должна была быть признана въ значительной своей части антифилософскою именно потому, что свою основную задачу она видѣла огунодь не въ исканіи правды, а, считая, что правда уже въ готовомъ, завершенномъ, законченномъ видѣ дана чь произведенійхъ «основоположниковъ марксизма», свою задачу ограничивала комментированіемъ этихъ произведеній. «Гранитные устои» философской теоріи принимались данными напередъ, и, такимъ образомъ, основная философская работа, задача всякой «*prima philosophia*» — отданіе себѣ «послѣдняго отчета» чь предпосылкахъ философіи, работа ихъ критическаго разсмотрѣнія и провѣрки — напередъ объявлялась ненужною и даже зловред-

*) «Совѣтская философія». «Современныя Записки». 1927, кн. 33, стр. 481 - 501.

люю — «контрреволюционную», «буржуазную». Для основного истинно-философского переживания — для сомнѣнія, изъ котораго только и можетъ вырасти окончательная увѣренность, — въ совѣтской философіи нѣтъ мѣста. Аргументы теоретические замѣняются сплошь и рядомъ аргументами *ad hominem*. Въмѣсто мыслей и идей, — передъ совѣтскимъ типичнымъ философомъ — авторы, мѣсто анализа мыслей и идей занимаетъ изобличеніе авторовъ въ тѣхъ или иныхъ политическихъ прегрѣшеніяхъ, въ политической или соціальной вредности — или даже только безполезности, — мѣсто сомнѣнія, какъ методическаго принципа, занимаетъ **подозрѣніе**.

Но уже въ первые годы монополярнаго положенія совѣтской философіи обнаружилось, что съ какой-то роковой необходимостью изъ той самой примитивной и элементарной проблематики, которая только и допускалась въ предѣлахъ совѣтской философіи, вырастали одни за другими разногласія и контрверзы. Однако, эти разногласія и контрверзы приняли серьезные размѣры впервые тогда, когда образовалось какое-то — съ бору да съ сосенки собранное — философское поколѣніе, когда оказалось на лицо многообразіе личностей, такъ или иначе пришедшихъ въ соприкосновеніе съ той или иной — хотя бы и урѣзанной и обѣденной — философскою проблематикой. Пока всѣ задачи «философской» работы сводились къ «обличенію» буржуазной философіи, до тѣхъ поръ дѣло обстоило просто, — надо было найти какія-то — хо-

тя бы и весьма случайныя и побочныя, по отношенію къ философскому содержанію очень часто совершенно постороннія, подчасъ измышленные — указанія на неблагонадежность и буржуазность авторовъ критикуемыхъ теорій. Такъ, Гусерль опровергался его — мнимымъ! — католицизмомъ, или католицизмомъ нѣкоторыхъ его учениковъ, философія Дриша оказывалась легко сокрушимой благодаря увлеченію Дриша оккультизмомъ, увлеченію, которое ни въ какомъ отношеніи не приходится къ его философскимъ теоріямъ и т. д. Но когда оказалось необходимымъ выступить съ какими-то положительными построениями или по тому или иному поводу что-нибудь положительно утверждать, когда по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ представителей совѣтской философіи подошли къ какимъ-то философскимъ объективнымъ реальностямъ (которыхъ, собственно говоря, имъ полагалось бы не замѣчать, не видѣть, игнорировать), началось то, что я называю «Кризисомъ совѣтской философіи». Сквозь псевдо-бытіе совѣтской философіи, сквозь словесный покровъ комментариевъ къ философски незначительнымъ и незапаучимъ произведеніямъ «классиковъ марксизма» начали пробиваться новыя философскіе побѣги, мертвый жезлъ марксизма (или даже псевдо-марксизма) — правда, робко и нерѣшительно — зазеленѣлъ.

Трагедія — или, вѣрнѣе, трагикомедія — совѣтской философіи именно въ томъ, что то, что при другихъ обстоятельствахъ и въ иныхъ условіяхъ оказалось бы расцвѣтомъ и пробужденіемъ,

здесь воспринимается под знаком кризиса и разложения.

Достаточно развернуть новейшие издания советской философии, чтобы увидѣть, что зачинается какой-то новый періодъ развитія советской философіи. Можетъ быть, неясны перспективы дальнѣйшаго движенія (о нихъ — нѣсколько словъ позже), но выступаетъ цѣлый рядъ такихъ явленій, которыя указываютъ и на полное разложение «традицій» и на какія-то пробивающіяся новыя настроенія и устремленія.

Мы остановимся подробнѣе на лежащихъ передъ нами стенографическихъ протоколахъ двухъ дискуссій, дискуссій, которыя проведены въ чисто - коммунистической средѣ, людьми, не сомнѣвающимися въ своей марксистской «ортодоксій» и — слѣдовательно — въ правѣ на монопольное представительство философіи вообще. И вотъ между «ортодоксами», между — какъ на подборъ — «диалектическими материалистами» полемика достигаетъ максимальныхъ степеней остроты. Эта полемика — часто еще въ ставшемъ традиціоннымъ въ советской философіи стилѣ письма запорожцевъ турецкому султану (русскому читателю, вѣрно, болѣе памятно традиціонное обращеніе героевъ русскаго былиннаго эпоса къ врагамъ — «ужъ ты, гой еси, собака-Калинь-царь!»), — письмо запорожцевъ въ тѣхъ же тонахъ, но детализованнѣе), но часто въ ней просвѣчиваютъ и серьезные разногласія, разногласія основывающіяся на томъ «существовѣ дѣла», существовѣ проблемъ, до котораго какъ-то дорабатывается ищущая мысль, несмотря на поставленныя ей препоны — въ видѣ «незыбле-

мыхъ основъ», всякое уклоненіе отъ которыхъ политически не совсемъ безопасно.

Первая изъ упомянутыхъ двухъ дискуссій происходила въ концѣ 28-го или началѣ 29-го года въ харьковскомъ «Институтѣ Марксизма-Ленинизма», вторая — на «всесоюзной конференціи Марксистско-Ленинскихъ Научныхъ учрежденій» въ Москвѣ въ апрѣлѣ 1929-го года. Самый стиль преній различенъ: въ Харьковѣ — глубокая провинція, въ которой повѣяло какимъ-то «новымъ духомъ», и стала возможною, благодаря этому, жестокая и непримиримая руготня между донныѣ авторитетнымъ руководителемъ Института и его выучениками, — столкновение цѣликомъ личнаго и случайнаго характера, показательное для современнаго кризиса, пожалуй, главнымъ образомъ, самимъ фактомъ своей возможности обнаруживая, что чувство незыблемости устоевъ нарушено, что пробудилось сознание необходимости самостоятельной работы и самостоятельнаго мышленія. Московская дискуссія (въ которой, кстати, принимали участіе и харьковцы, но на весьма второстепенныхъ роляхъ) показываетъ большее, — кризисъ имѣетъ не только субъективный, но и объективный характеръ; подъ маской марксизма и въ формахъ официально-принятой философской фразеологіи пробиваются на поверхность самыя неожиданныя и смѣлая отъ марксизма далекія ученія и точки зрѣнія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ советскихъ философовъ издѣвался надъ «парламентомъ миѣній» въ «буржуазной» философіи. Теперѣ «парламентъ миѣній», несмотря

на полное сокрушение буржуазной философии, возродился, — в недрах самой советской философской ортодоксии.

2.

Весь стиль харьковской полемики своеобразен и показатель. В «Більшовику України» появилась в 28 году «статья» одного из сотрудников харьковского Института Марксизма-Ленинизма П. Демчука (в достаточной мере безграмотныя писания этого автора периодически украшают собою страницы органов печати Советской Украины), направленная против руководителя Института С. Ю. Семковского. Слово «статья» я позволяю себе взять в кавычки, так как гораздо правильнее было бы в данном случае слово «доносъ», как явствует из самого заглавия этого произведения: «Какъ проф. Семковский ликвидируетъ діалектичскій матеріалізмъ». С Семковскій послѣ появленія статьи прочелъ в Институтѣ докладъ, долженствовавший быть отвѣтомъ на статью Демчука. Докладъ сопровождался обширной дискуссіей, воспроизведенной въ сборникѣ «Войствующій матеріалізмъ», вышедшемъ по украински въ Харьковѣ весной 1929 года*). Напечатаны однако, только стенографически-записанныя возраженія Семковскому его «обвинителей», только рѣчи, въ которыхъ, по выраженію одного изъ ораторовъ, «крыли»

Семковского. Самаго же сообщенія Семковского «редакція сборника не могла помѣстить, такъ какъ... оно не стенографировалось, поэтому помѣщается по порядку только выступленія всѣхъ говорившихъ товарищей». Методъ обычный во фракціонной борьбѣ внутри коммунистической партіи! Таковы способы борьбы съ инакомыслящими, перенесенные въ советскую «науку», конечно, изъ советской «общественности»! Затыканіе рта, лишніе права на печатное слово—это, конечно, очень легкой и безопасный для нападающихъ методъ борьбы!

А вотъ каковъ стиль полемики, овѣянной обычною въ советской общественной жизни атмосферою подозрѣнія и доношительства. «Лінія Семковского», — который самъ — прибавимъ — продолжаетъ считать себя марксистомъ и позже выступалъ не безъ успѣха въ московской дискуссіи, т. е. продолжаетъ считаться марксистомъ и «руководящими установленіями» — «лінія Семковского» «это лінія на идейное обезруженіе пролетаріата, это лінія капитуляціи на милость буржуазной положительной науки». Семковскій не выступаетъ «противъ представителей буржуазной философіи на Украинѣ суущихъ». Мало того — онъ ихъ поддерживаетъ — «въ предисловіи къ своей книгѣ «Діалектичскій матеріалізмъ и принципъ относительности» т. Семковскій «считаетъ пріятнымъ долгомъ выразить благодарность товарищамъ по работѣ Филиппову, Рудаеву». Между тѣмъ — «Рудаевъ аристотеліанецъ, Гуссерліанецъ», «Филипповъ обнаружилъ себя черносотеннымъ

*) Дальнѣйшія цитаты изъ Сборника «Войновичий матеріалістъ». Харьков. 1929. Томъ I, въ моемъ переводѣ съ украинскаго.

философомъ въ послѣдней статьѣ «Про душу и тѣло». «Можно ли себя представить, что, скажемъ, Ленинъ въ своей книгѣ «Революція и государство» выразилъ бы благодарность «товарищамъ по работѣ» — Милокову, Чернову?? Или можно себя представить, чтобы т. Деборинъ выражалъ благодарность «товарищамъ по работѣ» — Лосскому, Шлету. А т. Семковскій это дѣлаетъ». Въ официальныхъ планахъ украинскаго Института Марксизма - Ленинизма, «составленныхъ самимъ Семковскимъ», «въ порядкѣ разработки проблемъ діалектическаго матеріализма—значится докладъ кантіанца Филиппова». Одно изъ выступлений Семковскаго произвело впечатлѣніе, что онъ «подобно Филиппову считалъ ненаучными» замѣтки Энгельса въ «діалектикѣ природы». Выступилъ въ дискуссіи даже одинъ, очевидно, «преданный безъ лести» фізіологъ, который — по собственному признанію — «стоитъ далеко отъ философскаго фронта», но «пожелалъ только упомянуть два факта, мнѣ лично извѣстныхъ — факта, относящихся къ характеристикѣ позицій Семковскаго». Изъ этихъ «двухъ фактовъ» одинъ, однако, быть изложенъ ораторомъ совершенно непонятно (если судить по стенографическому отчету), а другой сводится къ признанію Семковскимъ «своеобразія сознанія» и «возможности вліянія психики на свою основу». «Я не знаю другихъ фактовъ, я не могу слѣдить за работою Семковскаго, но эти два пункта даютъ основаніе взять подъ подозрѣніе позицію проф. Семковскаго».

Нѣкоторые изъ оппонентовъ

обнаружили большое демагогическое искусство въ возраженіяхъ этого стіля. Такъ — утверждалъ одинъ ораторъ — «Семковскій приписываетъ себя заслугу основанія и поднятія престижа Марксистскаго Института... Но самъ проф. Семковскій прекрасно понимаетъ, что основателемъ Института является октябрьская революція и наша партія; она же и создала ему престижъ. Я надѣюсь, что тов. Семковскій въ своемъ заключительномъ словѣ исправитъ эту свою очевидную ошибку». «Исправиль» - ли ее Семковскій, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, такъ какъ для его заключительнаго слова въ сборникѣ также не нашлось мѣста. — Неудивительно, что въ преніяхъ выступали, такъ сказать, «свидѣтели» то того, то иного преступленія Семковскаго, слышавшіе собственными ушами, какъ онъ дѣлалъ то или иное инкриминируемое ему высказываніе, — вообще дискуссія принимала по временамъ характеръ судебного разбирательства: «всѣмъ извѣстно, что т. Семковскій и до 1928 года считалъ, что случайность можно понимать только, какъ субъективную категорію». «Я самъ работаю подъ непосредственнымъ руководствомъ Семковскаго — съ осени 1922 года и категорически заявляю, ...что еще до 1928 года — т. Семковскій рѣшительно боролся за то, что діалектической матеріализмъ — можетъ признавать только субъективную категорію случайности... Другой ораторъ считаетъ нужнымъ намекнуть на меньшевистское прошлое Семковскаго: «Я думаю, что этотъ фактъ, — что тов. Семковскій не понимаетъ вопроса объ объективномъ значеніи слу-

чайности — этотъ фактъ самъ по себѣ не является случайнымъ: онъ, конечно, вытекаетъ изъ той позиціи, на которой тов. Семковскій стоялъ въ продолженіе 30 лѣтъ. — Вся меньшевистская политическая стратегія и тактика не могла не наложить своей печати, не могла не найти теоретическаго оправданія въ меньшевистскомъ пониманіи марксистской методологіи. — Основной грѣхъ меньшевизма — недооценка, непониманіе роли субъективнаго фактора. Большевики, а также и троцкисты — не удѣляютъ надлежащаго мѣста личности въ динамикѣ историческаго развитія партіи, класса...» — Надо кстати замѣтить, что и самъ Семковскій не уклонился отъ подмѣны вопроса о правильности защищаемыхъ имъ мнѣній вопросомъ о своей политической благонадежности. Въ своемъ докладѣ онъ не ограничился только теоретическими соображеніями, но присоединилъ къ нимъ «протоколъ бюро каедръ^{*)}», въ которомъ отмѣчено, что будто бы при каедрѣ за все время ея существованія не было никакихъ расхожденій — ни въ словесныхъ выступленіяхъ, ни въ печатныхъ трудахъ — между руководителями каедръ, т. Семковскимъ и другими работниками каедръ». Эта замѣна спора по со-

^{*)} «Институтъ Марксизма - Ленинизма» входитъ въ сѣть существующихъ на Совѣтской Украинѣ такъ называемыхъ научно-исследовательскихъ каедръ. Рѣчь идетъ, очевидно, о постановленіи президіума Института. Выступили противъ Семковскаго, главнымъ образомъ, сотрудники Института, т. е. работники той же «каедръ».

держанію основныхъ вопросовъ философіи ссылкой на вынесенныя «соотвѣствующими инстанціями» резолюціи — очаровательно! — Одинъ изъ ораторовъ — другой вопросъ, имѣлъ ли онъ къ этому основаніе — утверждалъ, однако, что «этотъ протоколъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей».

3.

Мы ошибемся, однако, если подумаемъ, что все существо дискуссіи ограничивалось личными и фракціонными политическими разногласіями и бранью. Несмотря на всю философскую наивность большинства ораторовъ, въ нѣкоторыхъ рѣчахъ пробиваются очень существенныя темы. Начъ все равно, дѣйствительно ли сърьборъ загорѣлся изъ-за того только, что прѣхавшій изъ Москвы тов. Голикманъ «открылъ глаза» нѣкоторымъ изъ учениковъ Семковскаго на болѣе сложную и привлекательную проблематику философіи Гегеля, на «Науку Логики Гегеля, какъ на систематическое изложеніе, правда, въ идеалистическомъ видѣ, всѣхъ категорій діалектической логики». Ученики Семковскаго съ удивленіемъ обнаружили, что ихъ учитель «не далъ намъ знанія категорій діалектической логики. Не далъ потому, что и у него самого не было этого знанія». «Подчеркиваю» — говоритъ другой ораторъ — «что діалектика занимаетъ у тов. Семковскаго мало мѣста, но и качество этой діалектики мы должны подчеркнуть. Эта діалектика очень поверхностна. Но и такая діалектика занимаетъ у тов.

Семковского очень мало мѣста. Семковский — утверждаетъ третій ораторъ — «не говоритъ про діалектику. Онъ ее замалчиваетъ; для него діалектика не существуетъ».

«Діалектика», о которой говорить ораторы, не есть только діалектика Маркса-Энгельса. Нѣтъ! Притягательную силу имѣетъ именно діалектика — плохо ли, хорошо ли понятого Гегеля. «Семковский — аргументируетъ тѣмъ, что Гегеля не стоитъ уже изучать, такъ какъ марксизмъ вообразилъ въ себя все то, что было цѣннымъ у Гегеля. — Такое отношеніе къ Гегелю невѣрно и можетъ привести ко многимъ недоразумѣніямъ». Семковский же нападаетъ именно на «подмѣну» Маркса Гегелемъ, его безпокоитъ, что «у насъ начинается развиваться какое-то младо-гегельянство».

Плохо ли, хорошо ли понята діалектика Гегеля, но она ведетъ во всякомъ случаѣ къ ряду выводовъ, которыхъ нельзя бы было, казалось, ожидать отъ «діалектическихъ матеріалистовъ», судя по той формѣ «діалектическаго матеріализма», которая до послѣдняго времени выступала, какъ «ортодоксальная», которая нашла выраженіе, напр., въ работахъ Птешанова, у Л. Аксельродъ, у Бухарина. Остріе недовольства устремлено противъ позитивизма, эмпиризма, механическаго матеріализма. У Семковского, молъ, «есть моментъ суверенности специальной науки надъ философійю; она...подчиняетъ философію наукъ. Это вызываетъ опасность позитивизма, хотя формально тутъ тов Семковский противъ позитивизма» «Семковский только говоритъ про гегемонное положеніе философій»

— «Есть два типа философь...типъ эмпирика и рационалиста. Эмпирикъ — рабъ фактовъ, рационалистъ — рабъ схемы. Первый плыветъ безъ вѣтримъ и руля на волнахъ опыта, второй стремится втиснуть въ Прокрустово ложе своей схемы живую жизнь. Рационалистъ выше эмпирика, такъ какъ онъ принципиальный человекъ...» Цитируется Энгельсъ — «эмпирикъ до такой степени втянулся въ привычный ему эмпирической опытъ, что онъ представляетъ себя все еще находящимся въ сферѣ чувственности, опыта, даже и тогда, когда передъ нимъ абстракцій...» — Такъ же рѣзки нападки противъ механическаго матеріализма. И тутъ не обошлось безъ вліянія недавно изданныхъ замѣтокъ Энгельса къ «діалектикѣ природы», откуда одинъ изъ ораторовъ цитировать даже такое, напр., мѣсто: «матерія какъ таковая — чистое порожденіе мысли и абстракцій».

И какого большаго свидѣтельства пробужденія самосознанія нужно, какъ признаніе одного изъ молодыхъ совѣтскихъ философовъ, что за 4 года работы въ Институтѣ Марксизма «изъ меня вышелъ не научный работникъ, а посредственный пропагандистъ».

Нужно сказать, что этотъ неожиданный психологическій сдвигъ, это «развязываніе мысли», такъ безудержная многоголосица сдѣлалась возможною, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ двухъ публикацій, доселѣ неизвѣстныхъ произведеній «классиковъ марксизма», произведеній, которыя неожиданно оказались проводника-

ми влияния классической философии немецкого идеализма. Я имѣю въ виду «Диалектику природы» Энгельса (изданную уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ во II-омъ томѣ «Архива Маркса-Энгельса». Москва, 1925) и замѣтки Ленина при чтеніи «Науки Логики» Гегеля (изданныя въ IX-мъ томѣ «Ленинского Сборника». Москва, 1928 г.). «Диалектика природы» Энгельса состоитъ изъ набросковъ натурфилософическаго характера чисто примитивнаго позитивистическаго псевдо-гегельянства «Анти-Дюринга», изъ котораго до сихъ поръ черпалась высшая философская премудрость дептями красной философіи «Диалектика природы» переносить насъ въ атмосферу, правда, эпигононскаго, но чистаго гегельянства. — въ произведеніяхъ Гегеля — обширная энциклопедія диалектики — читаемъ мы, напр., въ «Диалектикѣ природы». Однако, еще поразительнѣе замѣтки Ленина только недавно извлеченныя изъ-подъ слуда. Писаны онѣ лѣтъ 15 тому назадъ при чтеніи «Науки Логики» Гегеля и — надо сказать — совершенно неожиданно — представляютъ огромный философскій шагъ впередъ въ сравненіи съ наивною и просто скучною книгою Ленина объ эмпириокритицизмѣ. Наибольше примѣчательно въ замѣткахъ Ленина, что имъ — въ противоположность марксистской традиціи — схвачено въ диалектикѣ дѣйствительно существеннѣйшее ея ядро. Продумываніе ряда мыслей, набросанныхъ Ленинымъ, до конца должно бы было привести къ взрыву «диалектическаго материализма». Но пока эти замѣтки никѣмъ послѣдовательно не продуманы, до

тѣхъ поръ онѣ служатъ только стимуломъ къ изученію самого Гегеля и на этомъ пути приводятъ къ тѣмъ настроеніямъ, которыми мы видѣли въ Харьковѣ и которыя съ гораздо большею остротою прорвались въ Москвѣ.

4

О «большей остротѣ» прорыва новыхъ настроеній въ Москвѣ (на «всесоюзной конференціи Марксистско-Ленинскихъ научныхъ учреждений») мы говорили не по тому, чтобы въ Москвѣ взаимная рзютія и грязня достигла болѣе высокой ступени, чѣмъ въ Харьковѣ. Наоборотъ! За сравнительно немногочисленными исключениями и «срывами» въ стиль, очевидно, прочно укоренившійся на почвѣ «совѣтской общественности», въ силѣ намековъ на политическую неблагонадежность противниковъ, а то и прямыхъ доносовъ, споры вѣдуться въ плоскости «дѣловой» и содержательной.

О «кризисѣ» говорили въ Москвѣ открыто. Во вступительной рѣчи Деборинъ прямо признавалъ: «мы вступили въ такую «странную» полосу, когда основныя положенія марксизма для цѣлаго ряда товарищей стали «проблематическими» и «дискуссионными»*). Какъ остроумно замѣтилъ одинъ изъ участниковъ въ дискуссіи «кризисъ» не оставилъ незатронутымъ и самого Деборина: «вы не

*) Цитаты изъ «Трудовъ второй всесоюзной конференціи марксистско-ленинскихъ научныхъ учреждений». Вып. I Современныя проблемы философіи марксизма. Изд. 2-ое. Москва. 1929.

найдете ни одного человека, который бы не отличил Деборина, как он есть сейчас, от того Деборина, который писал свое «Введение в философию диалектического материализма» — в 1913 - 14 г. г. Сам Деборин пытался к объяснению кризиса причлечь и какая-то внешняя причина. Хотя идеализма, как организованного и влиятельного течения у нас (в СССР. — П. П.) не существует, но «отсюда еще вовсе не следует, что мы не должны придавать значения выступлениям «воинных стрелков», т. е. отдельных представителей и главарей из этого лагеря». Несмотря на отсутствие влиятельной идеалистической философии в СССР, «в последние годы замечается возрождение идеализма (и даже мистицизма) в естественно-научных дисциплинах». «Эта волна идет к нам отчасти (!) из Западной Европы». — Однако, и Деборин вынужден признаться **внутренний** характер кризиса советской философии, несводимой ни к деятельности зловерных «самых реакционных представителей нашей страны» (имеется в виду Лосев), ни к влиянию «буржуазного Запада».

Самым опасным врагом «диалектического материализма» оказался враг внутренний, самую советскую философию выкормленный и вспоенный «механизм», «вульгарный материализм», но также и позитивизм и эмпиризм. «Раскройте «Подъ знаменем марксизма», раскройте «Вестник Комкадемии», прочтите философские статьи, которые там пишут деборинцы, и вы увидите, что 90% всего материала посвящено исключительно критике

механистического материализма». «Против «механистов» — направлено — 95% всего, что пишется по философским вопросам деборинцами. А против идеалистов ничего не пишется». Один из механистов жалуется: «ваша тактика сводилась к борьбе с религией, не к борьбе с идеализмом, а главным образом к борьбе с нами. Об идеалистах вы даёте самые лёгкие рецензии». Это признают и сами «деборинцы». — «Количество статей, обращённых против идеалистов, за последние годы несколько снизилось, потому что нам нужно было бороться с вами, с механистами». «В настоящее время нам приходится бороться с другими направлениями и с вами (механистами) в первую очередь» — констатирует Деборин.

Еще показательнее борьба с «позитивизмом». Это по существу антифилософское направление играет, напр., немалую роль в «философских» частях едва ли не основного в СССР руководства «исторического материализма», написанного Бухариным. Но сейчас нападки на позитивизм, на «вульгарный эволюционизм» (тоже камешек в огороде Бухарина) занимают одно из первых мест в внутренней полемике, разрывающей ряды представителей советской философии, — к позитивизму, мол, скатываются те из механистов, которые «стоят на почве голых фактов», обнаруживая несказуемый страх перед теоретической мыслью, «убьёная» «огонь теории, огонь теоретической мысли». С сочувствием цитируется Юзь — «мы выбрались из дремучего лѣ-

са безразличія, къ которому позитивизмъ сводилъ міровую дѣятельность».

Въ связи съ борьбой противъ позитивизма стоитъ борьба противъ «ползучаго эмпиризма». Характеренъ уже самый терминъ. Характерно и то, что противникамъ эмпиризма приходится уже бороться противъ той позиции, которую эмпиризмъ — конечно, подъ давленіемъ со вѣстныхъ философовъ старой (т. е. 1920 - 28 г. г.) формации — успѣлъ занять, напр., въ школьномъ преподаваніи. «Намъ угрожаетъ въ области математики — ползучій эмпиризмъ. Этотъ «математическій» ползучій эмпиризмъ нашель себѣ пристанище и въ нашихъ совѣтскихъ органахъ. Если просмотрѣть тѣ тезисы, которые выдвинула методическая секція Главноцвса Наркомпроса РСФСР къ предстоящей конференціи педагоговъ - математиковъ, то мы увидимъ тамъ попытки подмѣнить теорію эмпиризмомъ, утвержденія въ томъ (?!), что логическое развитіе математики (напримѣръ, геометріи) не нужно и что оно можетъ быть замѣнено соотвѣствующими экспериментами». Одинъ изъ ораторовъ напомнилъ слова Энгельса, что «эмпирическое презрѣніе къ діалектикѣ показывается тѣмъ, что нѣкоторые изъ самыхъ трезвыхъ эмпириковъ становятся жертвою самаго дикаго изъ вѣсхъ суевѣрій — современнаго спиритизма». Съ точки зрѣнія «ползучихъ эмпириковъ... существуютъ лишь такъ наз. точныя науки, а всѣ остальныя науки — низшаго достоинства». Выраженіе «ползучій эмпиризмъ» попало даже въ резолюцію съѣзда.

Нападки на «вульгарный материализмъ» материалистовъ діалектическихъ — не новы, мы встрѣтимъ ихъ еще у Энгельса. Но сейчасъ нѣкоторые формулировки идутъ гораздо дальше обычнаго — «мы противъ отождествленія психическаго съ физическимъ, противъ вульгарнаго материализма». Одинъ изъ механистовъ ядовито цитируетъ такія строки одного изъ деборинцевъ — «вовсе не слѣдуетъ всюду совать протяженность. Вовсе не обязательно настаивать на атрибути протяженности для діалектическаго материалиста». «Другіе же ученики Деборина настаиваютъ на атрибути мышленія. Но что получится изъ матеріи, если отъ нея отнять протяженность и оставить мышленіе? Получится движущееся мышленіе, т. е. духъ». Это рассужденіе, правда, довольно наивно. Гораздо существеннѣе тотъ фактъ, что потерпѣла неожиданное крушеніе (вѣроятно, въ связи съ изученіемъ подлинныхъ сочиненій Гегеля и замѣтокъ Ленина) одна изъ основныхъ доселѣ формулировокъ «материалистической діалектики», къ которой нѣкоторые писатели склонны были сводить едва ли не весь діалектический методъ. «Количество переходитъ въ качество». Это положеніе, конечно, можетъ быть положено въ основу механистическаго міропониманія. У Гегеля самого оно появляется лишь какъ второстепенное и вспомогательное положеніе и говоритъ, собственно, о возвращеніи количественныхъ опредѣленій въ доно качества, ибо количественныя опредѣленія, съ точки зрѣнія Гегеля покоятся на качественныхъ и изъ

нихъ вырастаютъ*). — Теперь какимъ-то образомъ увидѣли не аутентичность, неоднородность до сихъ поръ всѣми «діалектическими материалистами» неустанно повторявшейся формулы — «количество переходитъ въ качество». («Дальше гегелевскихъ количества и качества», — Ыдко замѣчаетъ по адресу діалектическихъ материалистовъ въ одномъ мѣстѣ Лосевъ: «никуда вѣдь сунуться не смѣте и не умѣете»). Эта традиционная формула внезапно объявлена неважной и несущественной. «Понятно...», почему первый законъ (переходъ количества въ качество) не считается у деборинцевъ основнымъ закономъ. Вѣдь они допускаютъ возможность также качественныхъ измѣненій, которая вообще не обуславливается измѣненіями количественными». «Проблема качества» говоритъ самъ Деборинъ: «имѣетъ огромное, актуальное значеніе. Механисты легко расправляются съ качествомъ, объявляя его просто видимостью и сводя къ количеству». «Мы поставили проблему», говоритъ одинъ изъ «деборинцевъ»: «со отношеніи и связи между высшими и низшими формами движенія, подчеркивая необходимость изученія генезиса формъ, тогда какъ механисты выдвинули метафизическое положеніе «качества уже даны» и сводили задачу науки къ анализу и разложенію «уже данныхъ» качествъ. Механисты не поняли и устранили проблему но-

*) См. объ этомъ мою рецензію на книгу В. Асмуса: «Діалектический материализмъ и логика» въ «Современныхъ Запискахъ» кн. 29, 1926, стр. 509 - 516.

воображенія». Въ этихъ — правда, довольно неуклюжихъ, формулировкахъ дано то же отрицаніе основоположности чисто-количественныхъ опредѣленій. А такое отрицаніе есть первый шагъ къ весьма существеннымъ выводамъ.

Конечно, будутъ ли сдѣланы эти выводы, будутъ ли развиты эти мысли — мысли о непространственныхъ и количественно - нехарактеризуемыхъ формахъ бытія — зависитъ отъ многихъ причинъ. Вѣдь послѣдовательное развитіе этихъ мыслей съ неизбежностью должно привести къ отрицанію материализма (если со словомъ «матерія» вообще связывать какой-либо смыслъ). Но именно поэтому послѣдовательному мышленію въ этомъ вопросѣ легко могутъ помѣшать какія-нибудь совершенно постороннія обстоятельства: въ первую очередь вѣщная традиція словесныхъ именований, — отказъ отъ самого понятія матеріи трудно, такъ какъ придется тогда перестать именовать себя «материалистами». Что **внутренній** разрывъ съ традиціей полный и рѣзкій являю, — объ этомъ свидѣлствуетъ, напр., отношеніе «деборинцевъ» къ основателю русской традиціи «діалектического материализма» — къ Плеханову (къ слову сказать, бывшему «крестнымъ отцомъ» перваго произведенія Деборина, снабдившаго Деборинское «Введеніе въ философію діалектическаго материализма» въ 1914 г. весьма лестнымъ предисловіемъ). О Плехановѣ въ дискуссіи говорилось не очень много и не очень для его памяти лестнаго. «У Плеханова было воспріятіе діалектики въ извѣстной мѣрѣ черезъ

призму Чернышевскаго и Фейербаха». «Возьмемъ теперь «Основные вопросы марксизма» Плеханова. Какъ и въ другихъ своихъ произведенияхъ, Плехановъ тутъ обнаруживаетъ очень простое понимание тезисовъ Маркса о Фейербахѣ». «Плеханову думалось, что онъ ушелъ впередъ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ долѣлывалъ... «регрессивный метаморфозъ». «Плехановъ не понималъ тезисовъ Маркса о Фейербахѣ во всей ихъ глубинѣ. Гносеологию Маркса Плехановъ въ своемъ сознании перекрывалъ узкой, простой, сенсуалистически - рационалистической гносеологией Фейербаха». Современные марксистскіе писатели упрекаются въ «рабскомъ подражаніи слабымъ сторонамъ плехановскихъ взглядовъ», злокозненные механизмы объявляются «представителями нанкудшихъ механистическихъ тенденцій Плеханова».

5.

Конечно, кризисъ былъ бы не кризисомъ, а простымъ крушеніемъ, распадомъ, если бы не могли указать какихъ-то исходныхъ къ какимъ-то новымъ позиціямъ, къ новымъ точкамъ зрѣнія.

Индивидуальные «уклоны», какъ извѣстно, бывали и раньше. Сейчасъ, правда, кажется, меньше стало слышно о попыткахъ «соединенія» марксизма съ Фрейдомъ и, можетъ быть, только во фракціонномъ азартѣ представители разныхъ теченій упрекаютъ другъ друга въ увлеченіи Кантомъ или, напр., витализмомъ. Гораздо существеннѣе другое, — а именно, что на различныхъ пу-

тяхъ въ сознание совѣтскихъ философовъ прокрадываются идеи, вдохновленные, очевидно, главнымъ образомъ реалистической позиціей Гегеля. Въ современной совѣтской философіи съ удивленіемъ приходится отмѣчать появленіе такихъ проблемъ и такихъ отвѣтовъ на нихъ, «которые многимъ кажутся схоластическими». Въ одной (и въ иныхъ отношеніяхъ любопытной) статьѣ, напечатанной въ «Вѣстникѣ Коммунистической Академіи» анонимной (!), авторъ прямо признаетъ, что «схоластическій реализмъ формально совпадаетъ съ марксизмомъ», «такія вещи печатаются въ «Вѣстникѣ Коммунистической Академіи» даже безъ редакторскаго примѣчанія». Конечно, является полнымъ «отходомъ» отъ традиціонной позиціи русскихъ марксистовъ утвержденіе, что «общее существуетъ въ единичномъ объективно, а не только въ головѣ чловѣка» и, конечно, правы тѣ, кто «расцѣпляетъ» такую точку зрѣнія, какъ «схоластическій реализмъ»*) и родственную «аристотелизму» позицію. «Объективная реальность понятія, которое трактуется не какъ отраженіе общихъ свойствъ вещей, а какъ имѣющее самостоятельное существованіе — это то самое, на что нападалъ Марксъ, когда критиковалъ идеалистическую сторону гегельянства». Дѣйствительно, признаніе объективности бытія «общаго», а не только «единичнаго» и «эмпирически - конкретнаго» есть первый шагъ съ неизбѣжно-

*) На родство марксизма съ средневѣковымъ реализмомъ указывалъ уже П. Б. Струве въ I томѣ «Хозяйства и цѣны».

стью ведущей къ признанію реальности идеальнаго бытія. Сдѣлаютъ ли дальнѣйшіе шаги тѣ изъ совѣтскихъ философовъ, кто сдѣлали этотъ первый, зависить только отъ того, сумѣютъ ли они быть послѣдовательными, преодолеютъ ли они «трусость мышленія», коренящуюся въ ихъ традиціяхъ. Нѣкоторые симптомы того, что послѣдовательности теперь не такъ боятся, какъ то было до сихъ поръ, мы можемъ найти еще въ рядѣ пунктовъ, которые, однако, всё, какъ вокругъ центра, сгруппированы около той же проблемы реальности общаго. Такъ одинъ авторъ (въ упомянутой статьѣ въ «Вѣстникѣ Комм. Академіи») трактуетъ — спиновское интуитивное познаніе, которое было чистымъ мистическимъ познаніемъ, — какъ познаніе диалектическаго материализма. До сознанія совѣтскихъ философовъ дошла и проблема «структуры» черезъ Gestaltpsychologie. Традиціонный для маокизма детерминизмъ и признаніе причинности единственнѣмъ типомъ связи въ реальномъ мірѣ также преодолевается подъ вліяніемъ главнымъ образомъ Гегеля, отчасти — Ленина, въ этомъ пунктѣ совершенно правильно пониманаго Гегеля. Ленинъ пишетъ («Ленинскій Сборникъ», т. IX) — «всесторонность и всеобъемлющій характеръ міровой связи лишь односторонне, отрывочно и неполно выражается каузальностью». «Когда читаешь Гегеля о каузальности, то кажется на первый взглядъ страннымъ, почему онъ такъ сравнительно мало останавливается на этой излюбленной кантіанцами темѣ. Почему? Да потому, что для него каузальность

есть лишь одно изъ опредѣленій универсальной связи, которую онъ гораздо глубже и всестороннѣе охватилъ уже раньше, во всемъ своемъ изложеніи, всегда и съ самаго начала подчеркивая эту связь, взаимопереходы, и т. д. и т. д.» «Каузальность, обычно нами понимаемая есть лишь малая частичка всемірной связи. Деборинъ пытается нѣсколько ограничить значеніе утвержденій Ленина, подмѣняя отрицаніе всеобъемлющей роли причинности вообще утверженіемъ множественности формъ причинности: «наука открываетъ все болѣе сложные типы закономерностей. «Кризисъ» причинности вовсе не означаетъ отрицанія причинности вообще, а только лишь старой е. формы. Неправильно было бы думать, что существуетъ лишь одинъ видъ причинности, одна лишь форма связи въ видѣ механической причинности. Поэтому мы полагаемъ, что въ формѣ «статической закономерности» раскрываются болѣе сложные, чѣмъ обычные, типы связей, болѣе сложные закономерности, которые требуютъ серьезнаго изученія и экспериментальнаго изслѣдованія». Во всякомъ случаѣ, разрушена идея о полномъ однообразіи и, такъ сказать, «однотактности» міра, открытъ путь къ признанію многообразія формъ бытія. Не удивительно, что въ рѣчи одного изъ наибѣйшихъ и упорнѣйшихъ «механистовъ» — Тимирязева-сына встрѣчаемъ прямо паническій вопль о помощи чловѣка, у котораго изъ-подъ ногъ уходитъ единственный устой его мировоззрѣнія — вѣра во всеобщую причинность. Тимирязевъ цитируетъ одну статью Дебори-

на, который — слѣдя Гегелю — настаиваетъ на объективномъ значеніи категоріи случайности. «А что отсюда выходитъ?» восклицаетъ Тимирязевъ: «Все, что способствуетъ развитію социализма — индустриализация, подведеніе высшей технической базы подъ индустрію и сельское хозяйство, строительство колхозовъ и совхозовъ, — словомъ все, что способствуетъ развитію социализма — это оказывается, случайно! (смѣхъ). Нѣтъ, товарищи, тутъ не до смѣха».

До какихъ границъ доходить разбродъ въ настроеніяхъ, покрываетъ тотъ фактъ, что съ разныхъ точекъ зрѣнія и различныя лица подходятъ къ религиознымъ проблемамъ. Въ «полемиическомъ азартѣ» спорящіе выискиваютъ другъ у друга «уклоны», ведущіе къ религии. Въ не разъ цитированной анонимной статьѣ въ «Вѣстн. Комм. Академіи» (замѣчанія одного изъ ораторовъ позволяютъ только догадываться, что авторъ ея — видный коммунистъ) «доказывается» «тріединство Божіе» и статья заканчивается цитатою изъ державинской оды «Богъ!» Деборинъ выискалъ въ работахъ одного изъ «механистовъ» такую цитату — «развѣ можетъ материалистъ утверждать, что имѣются представленія, не соответствующія объективному положенію вещей? Конечно, не можетъ. — Представленіе Бога соответствуетъ объективнымъ процессамъ. Смѣшно думать, что мысли, напр., объ ангелахъ, чертяхъ и богахъ появились сами по себѣ. Имѣются объективные процессы, которые соответствуютъ нашимъ представленіямъ. Но если здѣсь — больше полемиическаго

азарта, чѣмъ истины, то гораздо основательнѣе, напр., утверженіе, что, исходя изъ «реализма» понятій, слѣдуетъ признать правильность онтологическаго доказательства бытія Божія. Представительница старой традиціи — Л. Аксельродъ-Ортодоксъ въ этомъ именно и обвиняетъ «деборинцевъ» — «деборинцы идутъ быстрымъ шагомъ къ теодицеѣ, выражаясь проще — къ поповщинѣ». Ихъ «главное положеніе, гласящее, что «общія понятія, создаваемые нашимъ мышленіемъ, представляютъ лишь отраженіе того общаго, что есть въ самихъ вещахъ» — является основаніемъ онтологическаго доказательства бытія Божія, во всѣхъ моментахъ этого пресловутаго доказательства».

6.

Мы снова могли бы указать на «Диалектику Природы» Энгельса и на замѣтки Ленина, какъ на основу очень и очень многого — почти всего, что пишется и говорится теперь и что такъ расходится со всѣмъ тѣмъ, что писалось и говорилось еще совсемъ недавно.

«Диалектика природы» Энгельса — мало примѣчательное явленіе. Старый гегельянецъ даетъ рядъ весьма и весьма мало оригинальныхъ формулъ гегельянской логики и натурфилософіи. Во всякомъ случаѣ, это — гегельянство — въ противоположность тому псевдо-гегельянскому недоразумѣнію, какое подносилось читателямъ представителями диалектическаго материализма, — съ легкой руки того же Энгельса, до не-

льза вульгаризовавшаго марксизмъ въ «Л. Фейербахъ» и «Алти-Дюрингъ».

Интереснѣе — и имѣли несомнѣнно значительно большее вліяніе — замѣтки Ленина къ логикѣ Гегеля. Для самаго «стиля» совѣтской философіи, разумѣется, очень характерно, что оказалось достаточнымъ, чтобы Ленинъ, читая Гегеля, кое-что въ діалектикѣ Гегеля правильно понялъ и оцѣнилъ, чтобы сразу же оказались «устарѣвшими» всѣ традиціонныя формулы отъ Плеханова до... Деборина, разумѣется, — Деборина 1923 - 24 г. г. — до опубликованія замѣтокъ Ленина.

А Ленинъ, дѣйствительно, многое правильно понялъ въ діалектикѣ Гегеля. Достаточно отмѣтить нѣсколько моментовъ. Ленинъ обратилъ вниманіе на ученіе о конкретномъ понятіи (въ противоположность общему абстрактному понятію), Ленинъ восторгался главой объ «абсолютной идеѣ», дѣйствительно, центральной въ «Наукаъ Логики» Гегеля (и къ слову сказать, — заключительной, — Ленинъ не ограничился чтеніемъ первыхъ десятковъ страницъ «Логики»). Но болѣе всего заслуживаетъ вниманія, что въ основѣ діалектики Гегеля Ленинъ совершенно правильно усмотрѣлъ принципъ единства противоположностей. Перечисляя 16-ть «элементовъ діалектики», Ленинъ ставитъ пресловутый — и съ легкой руки вульгаризаторовъ (а иногда даже и по видимости «серьезныхъ» писателей) считавшійся едва ли не главнымъ устоемъ діалектики — принципъ «перехода количества въ качество» на 15-мъ, предпоследнемъ мѣстѣ въ этомъ списокѣ, вмѣстѣ съ — также вуль-

гаризаторами излюбленного — «борьбой содержанія съ формой», да еще замѣчаетъ, что оба эти послѣднихъ въ списокъ принципа — только «частные случаи» «9-го принципа діалектики» — «перехода каждаго опредѣленія въ каждое другое»... Неудивительно, что мы теперь ото всѣхъ, кланяющихся именемъ Ленина, слышимъ о «конкретномъ понятіи», о «единствѣ противоположностей». Болѣе удивительно то, что отдѣльные лица высказываютъ совершенно правильное и глубокое пониманіе «единства противоположностей», какъ **въвременнаго** и **въпространственнаго** единства (т. е. по существу **идеальнаго** единства противоположностей), въ противовѣсть тому примитивному пониманію, которое упраздняло самую проблему, объявляя единство противоположностей **борьбой въвнѣшнихъ, въвнѣположныхъ силъ**, т. е. объявляя «противоположности» **въвнѣположными** (во времени и пространствѣ) моментами, т. е. сводя все «чудо діалектики» въ вульгарнѣйшему и банальнѣйшему утвержденію, что содержаніе діалектики, молъ, только въ томъ, что здѣсь одно, а тамъ другое, что сейчасъ одно, а потомъ будетъ другое (такъ понимаетъ діалектику, напр., Бухаринъ въ своемъ «Историческомъ материализмѣ») *). Теперь за такое пониманіе діалектики зло высмѣиваютъ «механистовъ», сводящихъ де «единство противоположностей» къ противоположно - направленнымъ силамъ, противорѣчіе — къ противодѣйствию, подмѣняяю-

*) См. мою цитированную выше рецензію на книгу В. Асмуса въ «Совр. Зап.», кн. 29.

щихъ единство противоположностей безсодержательнымъ «яли, или, или», и даже Каутскаго, который, молъ, «тоже стоитъ на точкѣ зрѣнія противорѣчій, но не внутреннихъ, а внешнихъ». Въ отвѣтъ на это механисты пытаются робко замѣтить съ мѣста — «а мы на точкѣ зрѣнія внутреннихъ стоимъ» и вообще, «не желая «отстать отъ вѣка» утверждаютъ, что и для нихъ «не только гегельянство, не только шеллингианство, но даже идеализмъ Фихте гораздо ближе, гораздо цѣннѣе, чѣмъ формы мышления Ламеттри, Гольбаха и даже Дидро» или принять почему-то связываемый съ диалектикой «нормогенезисъ» Берга.

Въ качествѣ примѣра широты взгляда и терпимости къ чужимъ мнѣніямъ служить неожиданно «самъ» Ленинъ, о которомъ недавно сообщалось («Красный Огонекъ», февраль, 1929), какъ онъ, просмотрѣвъ уже во время революціи книгу И. А. Ильина о Гегелѣ, былъ такъ ею увлеченъ, что не только ставилъ ее въ примѣръ «нашимъ», но и настоялъ на освобожденіи арестованнаго Ильина (что, впрочемъ, не помогло И. А. Ильину быть вторично арестованнымъ и высланнымъ за границу).

Существенно, конечно, одно — «единство противоположностей» возможно только и исключительно, какъ внѣвременное и внѣпространственное единство. А разъ реальность такого единства будетъ допущена, то допуснется тѣмъ самымъ возможность идеальнаго бытія. Поэтому ученіе о «единствѣ внутреннихъ противорѣчій» — если только оно серьез-

но и до послѣдней глубины будетъ продумано — взорветъ всю систему мысли «диалектическаго материализма». Хватитъ ли силъ у представителей официальной философіи на такую послѣдовательность, — въ этомъ можно, конечно, сомнѣваться.

Однако, Богъ въстаетъ! Можетъ быть, показателемъ уже фактъ, что среди на новыхъ позиціяхъ стоящихъ адептовъ коммунистической философіи мы встрѣчаемъ по большей части все новыя имена (и нѣтъ нѣкоторыхъ старыхъ, къ которымъ мы привыкли), можетъ быть, меньше связанныхъ традиціями и собственнымъ прошлымъ. И среди коммунистическихъ философскихъ публикацій послѣдняго времени можно отмѣтить нѣсколько, какъ будто, дѣйствительно отъ традиціи личной и отъ традиціи течения совершенно свободныхъ. Мы укажемъ здѣсь только на одну публикацію — «Марксизмъ и философія языка. Основныя проблемы социологическаго метода въ наукѣ о языкѣ» В. Н. Волошинова (Ленинградъ, 1929). — Это примѣръ публикации, въ которой марксистскіе исходные пункты автора преодолеваются внутренней необходимостью развитія мысли. Марксистскими остаются, въ конечномъ счетѣ, только нѣкоторыя детали терминологіи. По внутреннему содержанию передъ нами «онтологическая» философія языка, созвучная (мы сравнимъ здѣсь только интенціи, а не «калибръ» и объективную цѣнность работъ) другимъ русскимъ попыткамъ «онтологизма» въ философіи языка — отъ А. Ф. Лосева до о. С. Булгакова. <—

7.

Мы не хотим высказывать слишком оптимистических предсказаний! Достаточно и в московской дискуссии ногъ и настроений таких привычных и таких безнадежных! Уже самая задача дискуссии — «принять... определенныя рѣшения» по вопросамъ, по которымъ «в течение почти пяти лѣтъ (!) шла дискуссия», раскрываетъ передъ нами съ достаточной яркостью тотъ фактъ, что стремленіе къ «насажденію единомыслия» все еще является господствующимъ. Достаточно рельефно выступаетъ это стремленіе и въ принятой конференціей резолюціи, — вѣроятно, первой въ мірѣ попыткой «резолюціей» разрѣшить философскіе споры и затрудненія!

Стремленіе къ «введенію единомыслия» проявляется и въ утвержденіяхъ того или иного типа, что между представителями его «нѣтъ никакихъ разногласій». Стремленіемъ къ введенію единомыслия сверху, если понадобится принудительнымъ путемъ, объясняются и тѣ особенности «стиля» полемики, которая въ Москвѣ въ Харьковѣ, но отнюдь не отсутствовали и тутъ. Тутъ и споры о томъ, кто можетъ себя съ большимъ правомъ назвать «диалектическимъ материалистомъ», и возмущеніе тѣмъ, что «здѣсь нѣкоторые товарищи, кажется, желаютъ критиковать Ленина», и доносикъ на то, что «нѣкоторые товарищи изъ школы Деборина провозглашаютъ, что — ученіе Энгельса необходимо подвергнуть ревизіи», и попытки убѣдить слушателей, что «дискуссия закон-

чена», и жалобы на то, что теоретически-инакомыслящіе «мѣшаютъ... разрабатывать теорію», «ограничиваютъ время на дискуссии и диспуты», и обвиненія противниковъ то въ «справомъ», то въ «лѣвомъ» «уклонѣ». Любопытны и жалобы «механистовъ» на примѣняемые въ борьбѣ съ ними методы — «въ вузахъ сейчасъ не даютъ фактически дѣлать докладовъ тѣмъ, которые выступаютъ противъ деборинцевъ; деборинцы на самой конференціи, желая создать видимость «окончательной побѣды» надъ механистами, вмѣсто споровъ съ самими механистами, «побаловались дискуссіей съ тов. Окунемъ». «Мы, рассказываетъ одинъ изъ механистовъ, — заявили, что этого Окуня мы никогда и не считали своимъ. Мы знаемъ, что онъ большой путаникъ. Они этого Окуня взяли и якобы провели дискуссію съ нимъ», — очевидно, по рецептамъ обычныхъ въ СССР «показательныхъ процессовъ».

Но два новыхъ элемента въ сознаниіе совѣтскихъ философовъ все же пропикли. Это — сознаниіе недостаточности своей научной подготовки, и, съ другой стороны, духъ безпокойства, наивно выраженный, напр., въ такихъ цитируемыхъ однимъ изъ ораторовъ словахъ одного аспиранта, «серьезнаго (?) научнаго работника»: «раньше какъ-то было спокойнѣе, считалъ себя марксистомъ, диалектическимъ материалистомъ, а теперь этого недостаточно, — надо еще знать, кто такіе механисты, кто такіе диалектики, нужно знать различіе этихъ точекъ зрѣнія и т. д., и т. д.». Въ этомъ безпомощномъ «и т. д., и т. д.» звучитъ угроза той безконечной проблематики, безъ со-

знанія которой невозможно не только философское творчество, но даже и простое понимание переданнаго философской традиціи. Самый тотъ фактъ, что вступленіе въ сознаніе этой безконечной проблематики ощущается не какъ «благодать», не какъ начало творческаго пути, а какъ угроза, какъ разрушеніе счастливаго спокойствія и беззаботности философской «безвопросности» — уже это показываетъ, что передъ совѣтской философіей сейчасъ — два пути. Не только путь творческаго обновленія, черезъ послѣдовательное до конца продумываніе проблемъ и недоумѣній, выросшихъ уже изъ первыхъ попытокъ отъ повторенія дужить готовыхъ формулъ перейти къ ознакомленію съ философской

традиціей, и дѣйствительному соприкосновенію со сферою философской реальности, но и путь возврата къ антифилософскому «успокоенію» — оба эти пути открыты передъ нынѣ «волюющими въ пустынь». По какому изъ этихъ путей они пойдутъ, мы не знаемъ. Весь строй совѣтской «общественности», совѣтской партійной и политической жизни говоритъ за то, что второй путь — путь безнадежный и бесплодный — гораздо болѣе вѣроятенъ, чѣмъ путь творческаго изживанія кризиса и выхода изъ него къ новымъ философскимъ перспективамъ. Окончательное омертвѣніе или возрожденіе ожидаетъ въ ближайшемъ будущемъ совѣтскую философію — покажетъ только само это будущее.

П. Прокофьевъ.

Памяти Фридриха Нансена

Фридрихъ Нансенъ былъ однимъ изъ боговѣщныхъ подвижниковъ, рождающихся рѣдко даже на сказочныхъ раздольяхъ сѣверныхъ странъ, гдѣ о лѣтнюю пору солнце не сходитъ съ небосклона и гдѣ зимою ночь заволакиваетъ жизнь. Тамъ возможны были берсереры, тамъ долженъ былъ родиться Фридрихъ Нансенъ.

Дѣтство, отрочество его протекли въ обыденной обстановкѣ, но уже съ раннихъ лѣтъ онъ обнаружилъ влеченіе къ приключеніямъ,

*) Отъ древне сѣвернаго Nafne; родъ ведетъ начало отъ конца XVI стол.

Amor et deliciae generis humani.

къ морской стихіи, къ ея сокровенному бытію... Его влекло къ научнымъ изслѣдованіямъ, къ разгадкѣ неизвѣстнаго, — отнюдь не съ цѣлью пріобрѣтенія славы, вѣшнихъ устѣховъ.

Въ статьяхъ, посвященныхъ памяти Нансена, пространно упоминалось о его достиженіяхъ по пересѣченію на лыжахъ Гренландіи, о его знаменитомъ путешествіи къ сѣверному полюсу и возвращеніи въ Норвегію послѣ трехлѣтней «пропажи безъ вѣсти».

Легко представить себѣ воисторгъ, который вызвало преодоленіе Нансеномъ невѣроятныхъ трудностей: на лицо были доказательства дѣйствительной гениаль-

ности, не только проявление уда-
чи. Въ особенности торжествовали
норвежцы: народъ понялъ чутъ-
емъ, что въ Нансенъ онъ имѣлъ
не только удачливаго удальца, но
еще болѣе неустрашимаго вождя,
способнаго вывести его изъ бѣ-
ды, оградить его честь, независи-
мость. Ожиданія оправдались уже
въ 1905 г., когда назрѣлъ кризисъ
разрыва уніи со Швеціею. Воору-
женное столкновение едва ли бы-
ло мыслимо: на сторонѣ Швеции
былъ перевѣсъ сухопутныхъ силъ,
Норвегіи принадлежало господст-
во на морѣ. Но были возможны
столкновения, чреватая тяжелыми
потерями, которыя не имѣли бы
оправданія, ибо не разрѣшили бы
спора. Нансенъ предпринялъ кам-
панію въ европейской печати; ис-
полнялъ порученія довѣрительна-
го свойства; велъ переговоры съ
Англіею, и даже нерасположенныя
къ нему лица признавали едино-
гласно, что въ дѣлѣ признанія не-
зависимости Норвегіи Нансенъ сы-
гралъ «выдающуюся и благодѣ-
тельную для страны роль». Въ
Норвегіи было не мало привер-
женцевъ республиканскаго строя,
и Нансенъ зналъ, что избраніе его
въ президенты республики обе-
печено въ случаѣ установленія
этого строя; тѣмъ не менѣе его
усиліями, главнымъ образомъ, на
престолѣ былъ избранъ зять Эд-
арда VII — датскій принцъ Карлъ.
— Въ великую войну Нансену
вновь пришлось послужить своему
народу: Норвегіи угрожало очу-
титься безъ продовольствія, вѣ-
ля, сырья. Въ іюль 1917 г. онъ от-
правился въ Сѣв. Ам Штаты и въ
іюль 1918 заключилъ выгодное
для страны соглашеніе.

Годы между обоями выступле-
ніями были посвящены научн. и

работѣ. Въ 1913 г. онъ осущест-
вилъ попытку связать морскимъ
путемъ Зап. Европу съ Сибирью
— по Ледовитому океану, къ
устью Енисея. Попытка была не-
успѣшна, но практическихъ ре-
зультатовъ не дала, по причинѣ
недостаточнаго оборудованія ста-
цій для разгрузки и нагрузки су-
довъ и слишкомъ краткаго благо-
пріятнаго для плаванія времени.

Позднѣе слава и довѣріе, кото-
рыя Нансенъ приобрѣлъ на роди-
нѣ, распространились и на область
международныхъ сношеній.

Въ маѣ 1920 г., послѣ того, что
усилія ряда международныхъ бла-
готворительныхъ учрежденій по
водворенію военнопленныхъ на
родину оказались тщетными, Со-
вѣтъ Лиги Націй — отъ имени со-
юзниковъ — обратился къ Нансе-
ну съ просьбою распутать Гор-
діевъ узелъ. Нансенъ, никогда не
отказывавшійся отъ послышной по-
мощи обращающимся къ нему и
сочетавшій въ себѣ порывы ми-
стическаго идеализма со строго ра-
ціональнымъ реализмомъ, горячо
взялся за осуществленіе возло-
женной на него задачи: отыскать
суда — о существованіи ихъ забы-
ли, — подобралъ составъ предан-
ныхъ помощниковъ и отправился
въ Москву. Тутъ ему пришлось ча-
сто толкнуться на неожиданное пре-
пятствіе: Чичеринъ заявилъ, что
большевики не признаютъ суще-
ствования Лиги Націй и слѣдова-
тельно ея уполномоченнаго, какъ
такового. Нансенъ предложилъ ве-
сти переговоры отъ имени каж-
дой изъ заинтересованныхъ
странъ, но въ то же время по-
требовалъ экстренный лоѣздъ, ко-
торый доставилъ бы его обратно
къ границѣ, если бы черезъ 2 ча-
са его предложеніе не было при-

нято. Чичеринъ уступилъ, и къ 1922 г. свыше 400.000 военнопленныхъ было водворено по домамъ. Благодаря своимъ организаторскимъ способностямъ, одинъ человекъ осуществилъ то, чего не смогли добиться ни благотворительныя общества, ни стоявшія за ними правительства.

Не забыть вклада Нансена въ борьбу съ голодомъ въ Россіи: путешествіе его на Волгу, личное обслѣдование пораженныхъ мѣстностей, тѣсное сотрудничество со страждущими, больными; возвращеніе въ Европу, усилія получить отъ Лиги Націй и отъ правительстваъ ссуду на помощь гибнущимъ отъ голода. Всюду — отказъ. Не падая духомъ, онъ объѣзжаетъ различные города, читаетъ доклады, «горбomъ» добываетъ деньги. Весь этотъ годъ общительный, жизнерадостный человекъ былъ мраченъ и поглощенъ видѣннымъ на Волгѣ: его преслѣдовали картины человѣческаго горя, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ.

Многіе ставили ему въ вину сотрудничество съ большевиками; но тутъ сказался практический складъ его ума: трудно было бы что-либо осуществить въ странѣ противъ воли управляющихъ ею. Сотрудниченію съ большевиками Нансенъ приписывалъ успѣхъ дѣятельности своей организаціи: все, что посылалось, достигало цѣли, потеря не было вовсе. Но за то, какъ только большевики возобновили вывозъ хлѣба за границу, оправдывая его географическими, экономическими соображеніями, Нансенъ немедленно прекратилъ работу въ Россіи.

М. А. Осоргинъ упоминалъ недавно въ «Посл. Нов.» о создан-

номъ для борьбы съ голодомъ Общественномъ Комитетѣ, разогнанномъ большевиками, члены руководителя коего были приговорены къ смертной казни; лишь своевременное вмѣшательство Нансена и Хувера спасло имъ жизнь...

Много пришлось слышать пересудовъ относительно «Нансеновскихъ помѣстій». Ларчикъ, впрочемъ, открывался просто: Нансенъ приписалъ посѣщавшій Россію голодовки низкому уровню у насъ крестьянскаго земледѣлія и рѣшилъ направить усилія къ обученію крестьянъ болѣе совершенному веденію хозяйства, между прочимъ, при помощи и нѣмъ такъ горячо прославляемыхъ у насъ тракторовъ. Въ его распоряженіе были предоставлены дая имѣнія; никакихъ личныхъ выгодъ онъ не искалъ; были бы доходы, они пошли бы на увеличеніе числа показательныхъ хозяйствъ. Попытка не удалась. Опасаясь чужеземной конкуренціи, совѣтская администрація ставила всюду палки въ колеса, убытки поглотили бывшія въ распоряженіи Нансена средства; хозяйства пришлось свернуть, а имѣнія были возвращены совѣтской власти. Ибо не было человека болѣе безсребреннаго: когда Нансенъ передалъ на бѣженское дѣло полученную Нобелевскую премію 6.000 долл., близкій другъ его датчанинъ Г. сталъ упрекать его въ легкомысліи и недостаточномъ попеченіи о самѣхъ и подарилъ ему чекъ на сумму равную Нобелевской преміи. Нансенъ этотъ чекъ отдалъ туда же, что первый.

Въ ту пору, когда Нансенъ горѣлъ желаніемъ помочь нашимъ страждущимъ на Поволжѣ братьямъ, произошла крымская эвакуа-

ація, съ ея катастрофическими послѣдствіями. Опять, какъ въ вопросѣ о военнопленныхъ, послѣ всѣхъ неудачныхъ попытокъ международныхъ учреждений разрѣшить задачу, Совѣтъ Лиги Націй обратился къ Нансену съ просьбой заняться устройствомъ судьбы бѣженцевъ. Поглощенный работою на пользу голодающихъ, Нансенъ дважды отклонялъ предложеніе Совѣта и принялъ его лишь когда убѣдился, что у Совѣта дѣйствительно не было чловѣка, которому онъ могъ бы довѣрить это дѣло.

Работа Нансена на пользу бѣженцевъ достаточно извѣстна: созданіе удостовѣреній о личности (такъ наз. нансеновскихъ паспортовъ), послѣ недавняго ихъ усовершенствованія значительно облегчающихъ бѣженцамъ возможность передвиженія; образованіе оборотнаго фонда для выдачи ссудъ и пособій, путемъ умѣренного обложенія болѣе обезпеченныхъ бѣженцевъ въ пользу менѣе обезпеченныхъ, разработка проблемы личнаго стагута и т. д. Наряду съ помощью русскимъ бѣженцамъ, была оказана помощь армянамъ (въ частности — разселеніе ихъ въ Сирію). Менѣе хлопотливымъ оказалось устройство малоазіатскихъ бѣженцевъ въ Грецію, гдѣ Нансенъ могъ работать въ тѣсномъ сотрудничествѣ съ правительствомъ. Хотѣлось бы отмѣтить разницу въ отношеніи «колекаемыхъ» къ своему Верховному Комиссару. Въ то время какъ армяне, греки никогда не упускали подходящаго случая, дабы выразить ему горячую благодарность (пришлое услышать такое цѣлостное выраженіе изъ устъ греческаго правительственнаго де-

легата: *le Dr Nansen, saint patron des réfugiés*), — мы высказывались по адресу Нансена и устно и печатно крайне сдержанно и даже отрицательно. Правда, съ постепеннымъ облегченіемъ нашего положенія, если не стала увеличиваться правильная оцѣнка того, что Нансеномъ было сдѣлано для бѣженцевъ, хотя Нансенъ оставался тѣмъ, что всегда былъ, то, по крайней мѣрѣ, стало нѣсколько смягчаться наше отношеніе къ нему, которое онъ болѣзненно ощущалъ. Одною изъ причинъ прискорбнаго недоразумѣнія былъ несомнѣнно вопросъ о ренатраціи. Для Нансена она была логическимъ установленіемъ факта: что людямъ — естественно жить на родинѣ. Но Нансенъ быстро понялъ, что сложившіяся условія исключали въ данномъ случаѣ эту возможность и убѣдился въ непримѣнимости такой мѣры рѣшенія бѣженскаго вопроса.

Если въ области гуманитарной правительства охотно обращались за помощью къ Нансену, то въ политической сферѣ тѣ же государственные люди опасались его вмѣшательства въ сложные вопросы международнаго общенія. Достаточно упомянуть: о полетѣ его изъ Женевы къ рейхсканцлеру Марксу, съ цѣлью склонить Германію выставить кандидатуру въ члены Лиги Націй. Общее положеніе не было достаточно подготовлено, старанія Нансена не увѣчались успѣхомъ и только возстановили противъ него политическихъ дѣятелей франкофильскаго толка; затѣмъ объ инцидентѣ съ о. Корфу, — поведеніе Италіи взорвало чувства чловѣка, всегда и всюду боровшагося

съ насиліемъ и несправедливостью. Нансенъ не побоялся выступить въ качествѣ прокурора, но голосъ его въ тотъ день не изшелъ въ Salle de la Réformation отклика и, посреди рѣчи, предсѣдатель собранія рѣшился прервать борца за справедливость.

Естественно возникаетъ вопросъ: какъ же могъ Нансенъ имѣть сношенія съ большевиками, разъ онъ не выносилъ насилій, произвола? Правда, о близости отношений мы были болѣе освѣдомлены большевиками нежели самимъ полярнымъ изслѣдователемъ. Быть можетъ, сначала, въ силу безграничной вѣры въ человѣка, онъ считалъ терроръ явленіемъ переходящимъ, которое смѣнится нормальнымъ образомъ правленія; однако вскорѣ жестокость, лживость и несоответствіе поведенія правителей Россіи съ провозглашаемыми принципами открыли глаза гуманнѣйшему изъ людей и ему приходилось не разъ бороться съ отвращеніемъ къ насильникамъ и палачамъ, ради оказанія помощи, будь-то для того, чтобы накормить голоднаго, спасти людей осужденныхъ на смерть или чтобы оградить безопасность тѣхъ, кто не могли выносить изгнанія и стремились на родину.

Этому гражданину міра, всѣхъ людей считавшему своими братьями, чуждо было все низменное: зависть, злословіе, злорадство. Многогранность его личности поражала: въ ней соединились убѣжденіе въ существованіи въ каждомъ человѣкѣ искры божьей и въ то же время непреодолимая непереносимость ко всему, что нарушало это предвзятое мнѣніе, къ несправедливости людской, къ себялюбію, къ корысти. Желѣзная во-

ля, несокрушимое мужество и въ то же время дѣтская робость, застенчивость. Глубокой мистицизмъ, не умѣшавшійся въ обрядностяхъ церкви, безредѣльный идеализмъ и самый холодный разумъ — все это гармонически сочеталось въ исключительномъ человѣкѣ. Духовно очаровательный образъ Нансена съ неподобною улыбкою привлекалъ къ себѣ каждого, противъ обаянія его нельзя было устоять. Природа надѣлила его рѣдкими дарами ученаго, тонкаго художника, писателя, оставившаго рядъ цѣннѣйшихъ трудовъ, три изъ коихъ посвящены описанію его путешествій по Россіи.

Всегда живой, дѣятельный человѣкъ ушелъ, когда сердце отказалось служить ему. Судьба оградила его отъ одряхлѣнія, на которое состояніе здоровья обрекло его: онъ заснулъ мирно, не подозревая, что не могъ продолжать жить, какъ привыкъ...

Страна почтила его по заслугамъ: она слеза прощаніе съ величайшимъ изъ своихъ сыновъ съ празднованіемъ національнаго дня. Скорбь разлуки: двѣ минуты всеобщаго молчанія, три надгробныя рѣчи передъ университетомъ, безмолвные проводы въ крематорій и снова возобновилось въ городѣ, утопавшемъ въ флагахъ, обычное для 17 мая веселіе.

Тѣ, кто знали и, слѣдовательно, любили его, будутъ не столь оплакивать его уходъ, сколь благодарить его память за все, что онъ далъ человѣчеству, — и судьбу за праведника, оставившаго столь свѣтлый по себѣ слѣдъ.

К. Гулькевичъ.

Женева, іюнь 1930 г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ

Алексій Толстой. Петръ I. Издательство «Петрополисъ», Берлинъ, 1930 годъ.

Понятіе совѣтской литературы чрезвычайно неопредѣленно: въ его основу кладутъ то признакъ географической, то признакъ политической. Первое совершенно незаконно: нельзя же намъ въ самоцѣ дѣлѣ считать совѣтскими писателями Короленко или Сологуба, — по понятнымъ причинамъ называю только умершихъ. Второй признакъ ясенъ и умѣстенъ, однако порою приходится дѣлать очень серьезную поправку на условія совѣтской каторги: «либо не пиши вовсе, либо пиши такъ, чтобы тебя могли считать нашимъ». Иногда условіе сгивается и въ еще болѣе острой формѣ. Академикова Павловыхъ въ мірѣ вообще немного. Какъ бы то ни было, среди тѣхъ писателей, которыхъ съ большимъ или меньшимъ правомъ (часто, впрочемъ, съ правомъ полнымъ и несомнѣннымъ) называютъ совѣтскими, и въ старшемъ и въ младшемъ поколѣніи, безспорно есть немало талантливыхъ и даже очень талантливыхъ людей. Достаточно назвать столь несходныхъ между собой писателей, какъ Замятинъ, Эренбургъ, Зощенко, Булгаковъ, Шкловскій, Гуль, Пильнякъ, Маріенгофъ, Савичъ, Фединъ, — многихъ я навѣрное пропускаю въ этомъ случайномъ спискѣ.

Объ огромномъ талантѣ А. Н. Толстого не приходится и говорить. Я думаю, что, если бѣ онъ родился тогда, когда ему слѣдовало родиться, т. е. лѣтъ сто тому назадъ, ему принадлежало бы одно изъ первыхъ мѣстъ въ классической русской литературѣ. Талантъ и достоинства его цѣликомъ отъ Бога, недостатки въ значительной мѣрѣ отъ быта. Въ современной же литературѣ авторъ «Хожденія по мукамъ» и «Дѣтства Никиты» составилъ себѣ большое имя и со своими недостатками.

Новый романъ Алексія Толстого посвященъ царю Петру. Всякому ясны необычныя трудности, связанныя съ этимъ замысломъ, — недаромъ передъ нимъ отступилъ когда-то самъ Л. Н. Толстой. Очень сложна фигура героя, очень трудно проникнуть въ духъ, въ бытъ эпохи, еще труднѣе справиться со стилистическими препятствіями: мы хорошо знаемъ, какъ тогда писали, но знаемъ гораздо хуже, какъ тогда говорили.

Въ настоящей замѣткѣ мы можемъ только отмѣтить появленіе новаго большого произведенія А. Н. Толстого, — критическую статью пока дать невозможно: вышелъ лишь первый томъ «Петра I»; въ немъ еще не закончена даже пора борьбы съ царевной Софьей. Петра Великаго въ романѣ еще нѣтъ. Опъ, вѣроятно, будетъ.

Тонъ книги черный: въ мрачномъ — чрезмерно мрачномъ — видѣ показаны и люди, и эпоха. Правда, очень трудно ждать отъ современныхъ русскихъ писателей (о чемъ бы они ни говорили) особой жизнерадостности и «свѣтлыхъ тоновъ». Едва ли Толстой поставилъ себѣ задачей «развѣнчаніе» огромной исторической фигуры. Важныхъ историческихъ промаховъ (кромя указанного) въ романѣ, кажется, нѣтъ. Мелкіе промахи попадаются (такъ, напр., на стр. 83 говорится объ австрийской имперіи, — такой въ 17 вѣкѣ не было). Но мелкихъ ошибокъ не избѣжать. Очень интересны стилистическіе приемы «Петра I». О нихъ, какъ и объ его художественныхъ достоинствахъ и недостаткахъ, можно будетъ высказаться лишь по выходѣ остальныхъ томовъ романа, принадлежащаго одному изъ самыхъ талантливыхъ русскихъ писателей нашего времени.

М. Алдановъ.

О. Савичъ. Воображаемый Собесѣдникъ. Романъ Изд. Петрополисъ, Берлинъ.

«Въ департаментъ.. но лучше не называть, въ какомъ департаментѣ. Ничего нѣтъ сердитѣ всякаго рода департаментовъ...» Такъ начинается гоголевская «Шинель», и слова эти вѣрны теперь болѣе чѣмъ когда-либо. Советскіе департаменты рѣшительно обидѣлись на книгу О. Савича. Говорятъ, что она запрещена въ Россіи, или даже объявлена контръ-революціонной. Между тѣмъ советскій «департаментъ», въ данномъ случаѣ «Главный распредѣлитель губернскаго суконнаго треста» изображенъ, хотя и съ ироніей, но той, которую принято называть мягкой. Даже о Завѣдующемъ Трестомъ, товарищѣ Майкерскомъ, какъ о гоголевскомъ «значительномъ лицѣ» изъ «Шинели» можно сказать, что «состраданіе было ему не чуждо: его сердцу были доступны многія добрыя движенія, несмотря на то, что чинъ весьма часто мѣшалъ имъ обнаружиться». О. Савичъ много мягче Гоголя, и если на него обидѣлись, то, значитъ, у нынѣшнихъ властителей очень чувствительная кожа. Но, можетъ быть, Савича нѣсколько скромно прометировали единодушныя похвалы эмигрантской критики. Тѣмъ, кто не понимаютъ много отношенія къ искусству, кромя классоваго, такія похвалы могли внушить сильные подозрѣнія.

Эти подозрѣнія несправедливы: «Воображаемый Собесѣдникъ» чуждъ какой бы то ни было тенденціи. Это просто очень человѣчная книга о трагедіи человѣка. Въ ней разсказывается о неожидан-

номъ быть чиповника, всегда покорно несшаго тяготы жизни и довольнаго своимъ жребиемъ и маленькимъ счастьемъ. Правда, жизнь, противъ которой онъ взбунтовался, — жизнь совѣтская. Но по существу это не имѣетъ значенія. Съ обезличеннымъ служащимъ какого банка могло бы произойти то же самое. Совѣтская жизнь и быть изображены умѣло и съ большимъ знаньемъ. Но не въ нихъ центр тяжести романа, и не для нихъ нужны всѣ ресурсы авторской убедительности, а для изображенія самого бунта того средняго человѣка, котораго авторъ, обновляя добрую старую традицію Правдинныхъ и Простаковыхъ, назвалъ для наглядности, Петромъ Петровичемъ Обыденнымъ, бунта противъ своей **обыденной** жизни.

Впрочемъ, европейскій «Обыденный» едва ли бы взбунтовался, или точнѣе, подобнаго бунта не придумалъ бы европейскій авторъ и не только потому, что въ Россіи личность болѣе подавлена, чѣмъ на западѣ. У западныхъ писателей нѣтъ традицій русской литературы, традицій духовнаго бунта, которая ярче всего выразилъ Достоевскій. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ, какъ на Западѣ замѣтно вліяніе Достоевскаго и тамъ касаются темъ, близкихъ къ темѣ О. Савича. Какойнибудь Салавентъ Дюгамеля, или героя Эммануэля Бова, одинокіе и душевноболѣзненные люди, — родные братья Савичевского героя.

Какъ бы желая подтвердить извѣстный парадоксъ, что вся русская литература вышла изъ «Шинели» Гоголя, авторъ отсюда взялъ эпиграфъ къ своему роману. Но «Воображаемый Собесѣдникъ» въ гораздо большей мѣрѣ обязанъ своимъ существованіемъ Достоевскому. Геніальный рассказъ Гоголя исполненъ жалости къ подавленному, маленькому человѣку. Но въ немъ — протестъ противъ **соціальной несправедливости**. Къ тому же Акакій Акакіевичъ — исключительно маленький и исключительно пострадавшій человѣкъ. Савичъ же беретъ не маленькаго, а обыкновеннаго человѣка, ставитъ его въ обыкновенныя и даже скорѣе благополучныя условія и, можетъ быть, для того, чтобы устранить всякую мысль о **соціальномъ протестѣ**, такъ добродушно описываетъ совѣтскій чиновничій бытъ. Онъ хочетъ дать свою тему въ чистомъ, безпримѣсномъ видѣ.

У Достоевскаго О. Савичъ взялъ свой методъ; изъ нѣсколькой искривленной, сдвинутой душевной предпосылки, съ своеобразной логикой развивается душевная трагедія. Его романъ — это скверный анекдотъ, печальный рассказъ о томъ, какъ чиновнику Обыденному вдругъ надоѣла его благополучная жизнь, какъ онъ совершилъ ненужную, безпричинную почти мистическую растрату, и, увидѣвъ ложь всей жизни, протестовалъ противъ нея — правдивостью и уже не смогъ приспособиться къ ней.

Романъ Савича задуманъ смѣло и разработанъ съ большою внутренней логикой. Въ немъ много правдиваго, человѣчнаго, хорошаго. Не все, разумѣется, удалось автору; заданіе его трудно. Порою, онъ срывается, схематизируетъ... Не удалась ему одна изъ главныхъ фигуръ романа, таинственный актеръ Черкесь, вызвавшій героя рома-

на на бунтъ ;очень ужъ ясно для чего онъ нуженъ автору. Но не останавливаясь на недостаткахъ, хочется отмѣтить талантливую книгу и автора, не боищагося «подражать» Достоевскому и разрабатывающаго одну изъ основныхъ темъ русской литературы: тему верховной цѣнности личности, ея права все судить и ниспровергать. Въ этомъ, неполитическомъ смыслѣ, романъ Слвича, дѣйствительно, контръ-революціонеръ, какъ и вся русская литература.

М. Цетлингъ.

А. Высоцкій. Суббота и Воскресенье. Романъ. 1930 г.

Если правда, что каждый можетъ написать одинъ романъ и вмѣстѣ въ него опытъ своей жизни, то по первому роману трудно судить о талантѣ и литературномъ будущемъ писателя. Мы не осмѣлимся утверждать, что романъ А. Высоцкаго автобиографиченъ, для этого у насъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ. Но крикъ имѣетъ право высказать, что романъ производитъ впечатлѣніе автобиографическаго: это не сужденіе о реальномъ фактѣ и личности автора, а только о литературномъ явленіи. А. Высоцкій рассказываетъ объ идеалистически настроенномъ подросткѣ-евреѣ, невѣроятными усилиями добившемся образованія и о его столкновеньяхъ съ русскою жизнью. Суббота и Воскресенье — это, повидимому, еврейство и Россія.

Автобиографическій характеръ романа косвенно подтверждается тѣмъ, что авторъ сводитъ въ повѣствованіе реальный эпизодъ: посылку имъ своей сказки писателю Гребенщикову, на которую Гребенщиковъ отозвался телеграммой и сочувственнымъ письмомъ. Обладая даромъ изобразительности, немного условной, А. Высоцкій любитъ нѣкоторую преувеличенность въ своихъ образахъ, что роднитъ его съ Гребенщиковымъ, а также и съ общимъ ихъ учителемъ — Горькимъ. Но въ то время какъ Сибирь и Алтай въ романахъ Гребенщикова своей ширью и просторомъ даютъ великолѣпный фонъ для всякихъ добрыхъ молодыхъ, людей большихъ страстей и силы, — еврейское захолустье западнаго края для этого совсѣмъ не благопріятно. Между тѣмъ многое у Высоцкаго преувеличено и условно: мажъ его героя слишкомъ уродлива, сестра слишкомъ красива, братъ слишкомъ силенъ, учитель слишкомъ самоотверженъ, экстерны трогательны, а русскіе офицеры жестоки. Вѣроятно, отчасти это объясняется тѣмъ, что въ романъ претворены воспоминанія юности, видящей все сквозь увеличительныя стекла. Лучше всего описанъ бытъ еврейскихъ экстерновъ, своеобразный и немного смѣшной героизмъ этихъ голодныхъ мальчиковъ, ищущихъ знанья. Образъ такого еврейскаго полунтelligента есть и у Чехова, въ рассказѣ «Перекати-Поле» — исторія бѣднаго еврейскаго мальчика, котораго просвѣщаютъ «студенты». И чеховскій еврей тоже проникнутъ благоговѣніемъ къ своимъ просвѣтителямъ. «Вы слышали про Грумахера? — спрашиваетъ онъ съ восторгомъ. — Не слышали!.. Писалъ очень умныя статьи въ харьков-

скихъ газетахъ»... Точно также у Высоцкаго руководитель юношей, нѣкій Куцый, «очень развитой, даже въ газетахъ пишетъ, въ «Русскомъ Богатствѣ» напечатанъ его рассказъ». Но Чеховъ смотритъ, какъ зоркій наблюдатель, со стороны и видитъ только смѣшное въ своемъ еврей. Высоцкій видитъ не смѣшное, а трогательное въ этихъ юношахъ, которые съ уваженіемъ называютъ всѣхъ окончившихъ шесть классовъ гимназіи «мусью». Быть экстерновъ описанъ въ романѣ живо и правдиво. Но способенъ ли онъ заинтересовать теле-решняго читателя?

Чеховскій еврей крестился и очутился въ монастырѣ, эти экстерны всѣ пошли въ революцію: время было другое! Въ революціи они столкнулись съ русскимъ самодержавіемъ. Тюрмы, ссылки, погромы въ годы самодержавія, въ военное время — выселенія и казни по обвиненію въ шпіонажѣ, въ дни колчаковщины — офицерскій терроръ, вотъ картина Россіи въ этомъ романѣ. Въ то время, какъ евреи описаны изнутри, съ сочувствіемъ и любовью, русскіе даны чисто внѣшне. Мы не сомнѣваемся въ добросовѣстности автора. Книга его субъективно правдива, онъ писалъ о томъ, что видѣлъ, лишь слегка преувеличивая по свойству своего дарованья. Но внѣшняя правда порой хуже злѣйшей лжи! Если бы русскій авторъ такъ описалъ свои столкновенія съ евреями-комиссарами въ нынѣшней Россіи, его справедливо обвинили бы въ антисемитизмѣ. «Суббота и Воскресенье» можетъ вызвать обвиненіе во враждѣ ко всему русскому. Его тема можетъ быть понята какъ столкновеніе еврея-идеалиста съ русской, жестокой стихіей. Читатель можетъ забыть, какъ это, вѣроятно, забылъ и авторъ, что самый этотъ идеализмъ тоже продуктъ русской культуры.

М. Цетлинъ.

Catalogue des Périodiques Slaves des Bibliothèques de Paris par
Boris Unbegann.

Громадный трудъ, произведенный г. Унбегауномъ долженъ быть отмѣченъ съ благодарностью. Онъ будетъ чрезвычайно полезенъ для всѣхъ работающих въ Парижѣ по вопросамъ, связаннымъ съ Россіей. Г. Унбегаунъ далъ полный каталогъ періодическихъ изданій (газетъ, журналовъ, сборниковъ и альманаховъ), находящихся въ парижскихъ общественныхъ библіотекахъ. Рядомъ съ каждымъ названіемъ отмѣчено въ какой библіотекѣ можно его получить. Къ сожалѣнію, большинство этихъ изданій очень разрознены. Помощь этого каталога часто дастъ возможность найти тотъ или иной номеръ газеты и журнала, если не въ одной, то въ другой изъ парижскихъ библіотекъ. Каталогъ этотъ, освѣщающій всѣ углы и залежи этихъ библіотекъ, явится важнымъ пособіемъ въ работѣ для многихъ русскихъ ученыхъ, литераторовъ и студентовъ, вынужденныхъ работать въ неблагоприятныхъ условіяхъ эмиграціи.

Изъ каталога г. Унбегауна видно, что труднѣе всего достать въ Парижѣ номера старыхъ газетъ. Только Musée de la Guerre облада-

есть недурной коллекціей газетъ за время войны. Журналами богаче всего Тургеневская Библіотека, а наиболѣ полная коллекція историческихъ журналовъ находится въ Институтѣ Восточныхъ Языковъ. Этотъ каталогъ долженъ напомнить лицамъ, обладающимъ разрозненными номерами или коллекціями старыхъ журналовъ о томъ, какъ важно было бы, чтобы они отдали ихъ въ одно изъ парижскихъ книгохранилищъ. Отдѣльная книжка журнала можетъ ииогда пополнить цѣнную коллекцію и это явится лучшею формою благодарности составителю за его большой и тщательный трудъ.

М. Цетлингъ.

Ф. Ф. Давиденко. — Оторванный. Повѣсть. Харбинь, 1930. — Вилла Вѣчное Спокойствіе. Романъ. Харбинь, 1930.

Несмотря на то, что романъ «Вилла Вѣчное Спокойствіе» служить какъ бы продолженіемъ повѣсти «Оторванный», — трудно повѣрить, что обѣ книги написаны однимъ авторомъ.

«Оторванный» — авторъ самъ признаетъ это во введеніи — есть автобіографія; но читается она какъ хорошая повѣсть. Деревенскій мальчикъ Петя, здоровый, способный, изъ малорусской семьи. Хорошо описаны дѣтскіе годы, — радости, шалости, побои отца и матери, раннее участіе въ семейныхъ неурядицахъ. Мать — добрая женщина, отецъ — человекъ грубый, самодуръ и неудачникъ. Справивъ себѣ сапоги изъ старыхъ отцовскихъ, мальчикъ поступаетъ въ школу и кончаетъ ее. О дальнѣйшемъ ученіи и думать нечего — нужно помогать родителямъ. Несчастье, раззорившее семью (украли лошадей) вынуждаетъ мальчика итти въ батраки. Очень ярко и живо описана батрацкая жизнь; это въ книгѣ лучшія страницы. Менѣе реаленъ, но все-таки правдивъ первый романъ — съ дочерью хозяина, маленькаго помѣщика. Но отецъ Петра хочетъ поправить свои дѣла, женивши сына на деревенской дѣвушкѣ, за которой даютъ приданное — въ покрытие дѣвичьяго грѣха. Послѣ долгой борьбы Петръ сдался — женился на ней — но тою же ночью убѣжалъ изъ дому и отправился работать въ шахты. Затѣмъ — призывъ на военную службу. Ему удается попасть со своей частью на Дальній Востокъ. Въ короткое время онъ дѣлаетъ доступную ему карьеру, много учится, получаетъ свой первый чинъ по службѣ гражданской, сдаетъ экзамены на аттестатъ зрѣлости и кончаетъ Восточный Институтъ. Когда то онъ мечталъ, какъ станетъ образованнымъ и женится на Асѣ, своей первой любви; но она умерла раньше, чѣмъ первая мечта его осуществилась.

Повѣсть — какъ и должна быть повѣсть; ея сюжетъ — жизнь. Книга написана просто, хорошо, съ отличными бытовыми страницами и безъ попытокъ украсить сложнымъ вымысломъ и безъ того содержательныхъ страницъ.

Вторая книга — опытъ романа. Тотъ же Петръ Катажокъ, но уже не рассказывающій о себѣ отъ перваго лица, а сдѣланный герой романа и приключеній изъ эпохи гражданской войны. Въ интересать автора и во вниманіе къ первой его книгѣ — не будемъ передавать

содержанія второй. Отмѣтимъ только интересное явленіе: у автора хватило таланта на простое и безхитрое повѣствованіе о своей жизни, но не оказалось удачи въ художественномъ вымыслѣ. Мальчикъ и юноша Петя были развитѣ своихъ сверстниковъ и выше своей деревенской среды; герой романа Петръ Катажокъ, военный чиновникъ, затѣмъ предсѣдатель съѣзда крестьянскихъ начальниковъ, путешественникъ и образованный человекъ, — во всѣхъ своихъ чувствахъ, словахъ, поведеніи, мысляхъ остался военнымъ писаремъ. Попытка ввести въ романъ поэзію, въ видѣ спасенной изъ волнъ дѣвочки полукитайки, на которой въ заключеніе герой женится, какъ и другая попытка — нарисовать штрихами эпоху гражданской войны, — оба эти уже чисто писательскіе приемы оказались совершенно неудачными. Всего неудачнѣе стиль произведенія, дѣланный, повторяющій худшіе образцы «дамской» литературы, съ соответствующимъ количествомъ лишнихъ прилагательныхъ и преувеличенными чувствами въ маленькихъ провинціальныхъ переживаніяхъ.

Очевидно авторъ ошибся; ему не слѣдовало покидать путь простое и правдиваго повѣствованія; вымыслъ, интрига, романтическая канва и идейныя украшенія — не въ его стилѣ и не по его дарованію. Но если романъ «Вилла» есть литературная ошибка, то тѣмъ болѣе хочется подчеркнуть несомнѣнныя достоинства повѣсти «Оторванный», ради которой только и стоило обратить вниманіе на новаго русскаго дальневосточнаго писателя.

Мих. Осоргинъ.

Кнутъ Гамсунъ. Бродяги (Landstykere). Романъ. Переводъ съ рукописи М. Потѣвковой Москва. Гос. Изд. 1928.

Эту книгу никто вѣроятно не назоветъ гениальной или необыкновенной. Мнѣ пришлось даже прочесть гдѣ-то, что Гамсунъ въ ней «слепѣваетъ свои старые мотивы», повторяетъ самого себя. Замѣчаніе не лишено основанія! Поэтому «Бродяги» читаются безъ волненія или напряженія. И только закрывая романъ на послѣдней страницѣ, разставаясь съ нимъ, понимаешь и чувствуешь, какой удивительный поэтъ Гамсунъ, какой это удивительный человекъ.

Лѣтъ тридцать тому назадъ вся читающая Россія чуть ли не бредила Гамсуномъ — авторомъ «Пана» и «Викторіи». Все, что онъ писалъ и печаталъ послѣ, неизмѣнно вызывало разочарованіе. «Не то!» — согласно повторяли критики и читатели. Мало по малу имя Гамсуна потеряло притягательную силу, извѣстность его погаснѣла. Стали говорить о томъ, что Гамсунъ «выдохся». Но въ дѣйствительности романы его становились чище и глубже, правдивѣе и яснѣе, — и только съ перваго впечатлѣнія они казались менѣе увлекательными. Какъ всякій истинный поэтъ, Гамсунъ «выдохнуться» не могъ: выдыхаются только литературные ремесленники и, кромѣ нѣсколькихъ рѣдчайшихъ исключеній, не бывало случая, чтобы поэтъ «исписался». Это заблужденіе современниковъ, постоянно повторяющееся, и постоянно отвергаемое потомствомъ. «Скудѣетъ въ жилахъ кровь, но

въ сердцѣ не скудѣть нѣжность». Скудѣть съ годами творчество количественно, но не качественно: отпадаютъ иллюзіи, разсѣиваются обманы, перестаетъ интересоваться литературщина въ литературѣ, но если была въ творествѣ безсмертная сущность, то старости она не боится.

Старческой романъ Гамсуна прекрасенъ. Если и есть въ немъ длинноты, повторенія, неясности, то ихъ у Гамсуна невозможно считать недостатками: жизненная сила его такъ неподдѣльна, что, кажется, это и въ романѣ длится, повторяется, сбивается сама жизнь. На гамсуновскомъ уровнѣ творческой свободы художникъ можетъ позволить себѣ роскошь не заботиться о формѣ, и самая эта возможность есть признакъ величайшаго формальнаго совершенства.

Глухой норвежскій сѣверъ. Деревушка Полень, гдѣ все благополучное связано съ гѣмъ, хорошъ ли былъ уловъ рыбы. Нищета, скука, безконечныя зимнія ночи, безконечныя лѣтніе дни. Въ деревнѣ живутъ два пріятели — Эдевартъ и Августъ. Эдевартъ — простоватъ, скромнень и совсѣмъ юнъ. Августъ — человекъ бывалый, хвастунъ, непосѣда. Съ малыхъ лѣтъ Эдевартъ принужденъ искать заработка, — вся семья на его плечахъ. Рыбная ловля даетъ плохой доходъ, и Эдевартъ съ Августомъ бродятъ по Норвегіи, торгуя разной мелочью, работая гдѣ случится, то богатѣя, то разоряясь, наблюдая миръ и людей.. Въ этихъ скитаніяхъ, въ смѣнѣ удачъ и невзгодъ да еще въ картинахъ деревенскаго существованія протекаетъ весь романъ. Но вплетается въ его мѣрное и неторопливое теченіе любовный эпизодъ, который все оживляетъ.

Однажды Эдевартъ, блуждая съ товаромъ по фьордамъ, пристаетъ у пустыннаго берега. Женщина въ грубой рубахѣ и грубой короткой юбкѣ зоветъ его на помощь. У нея на скалахъ заблудилась коза Эдевартъ козу спасаетъ, потомъ заходитъ къ женщинѣ выпить чашку кофе. Ее зовутъ Ловизе Магрете. Ея мужъ въ Америкѣ, она живетъ здѣсь одна съ маленькой дочерью... Эдевартъ остается у Ловизе недолго, но не можетъ больше о ней забыть. Оказывается, она солгала про мужа въ Америкѣ. Мужъ ея пьяница, буянъ, онъ сейчасъ въ тюрьмѣ. Ей трудно живется. Если бы ей дѣйствительно покинуть Норвегію, поселиться въ Америкѣ, — тамъ, говорятъ, всѣ богаты и счастливы. Но гдѣ же взять деньги на переѣздъ? Ловизе плачетъ, хитрить и добивается того, что Эдевартъ отдаетъ ей весь свой заработокъ за годъ. Опять нищета, борьба за каждый грошъ, возвращеніе въ Полень... Неожиданно, на имя Эдеварта приходитъ письмо — случай рѣдкій. Это пишетъ Ловизе изъ Нью-Йорка. Она довольна судьбой, но ей всегдѣмъ грустно, ей вспоминается Эдевартъ. Залыкаясь отъ волненія Эдевартъ пишетъ отвѣтъ. Нѣтъ, не пишетъ, — диктуетъ сестрѣ, «короткое, сухое письмо, безъ нѣжностей, пожалуйста». Ловизе возвращается. Она располнѣла, чуть-чуть постарѣла, стала одѣваться по городскому. Эдевартъ думаетъ, что она вернулась навсегда. Но Ловизе нигдѣ не ужиться долго. Ее опять тянетъ въ Аме-

рику. Что же, значить, надо разстаться! Да и пора Эдеварту прекратить блавство, остепениться, жениться, как всё его сверстники. Не цѣлый же вѣкъ думать о Ловизе! Но проходят мѣсяцы, и опять получается на имя Эдеварта письмо изъ Нью-Йорка, все тотъ же желтый конвертикъ, изъ крѣпкой бумаги. Эдевартъ исчезаетъ изъ Полена какъ разъ въ то время, когда родные его считаютъ, что онъ окончательно образумился. На этомъ романъ обрывается.

Гамсуновскіе герои живутъ не думая. Мысль въ ихъ существованіи занимаетъ незначительное мѣсто. Это ихъ наиболѣе характерная черта.

Сама по себѣ эта писательская особенность Гамсуна не является, конечно, его достоинствомъ. Но именно благодаря ей онъ играетъ въ современной литературѣ роль какъ бы «очистительную». Да такую образъ его и во всей современной культурѣ, отсюда и обаяніе его. Съ Гамсуномъ все какъ будто возвращается на свое мѣсто, исчезаютъ въ мірѣ домыслы, суетныя выдумки, — и опять остаются въ мірѣ только человѣкъ и природа. Грѣхи и ошибки цивилизаціи не судятся въ романахъ Гамсуна, о нихъ тамъ даже и рѣчи нѣтъ, — но сами собой они въ этихъ романахъ отгнѣняются. Послѣ десятка современныхъ книгъ, — хотя бы и талантливыхъ, и оригинальныхъ, — прочесть книгу Гамсуна — это приблизительно тоже, что изъ Парижа или Лондона уѣхать въ горы: истина и священная, въ основахъ своихъ, необходима «всемірной столицности» не уничтожается. Но оглядываясь на нее и спокойно, свободно о ней думая, видишь, какъ много недостойнаго мы обычно за нее прилимаемъ. Есть въ провинціальности Гамсуна настоящая мудрость, а въ «Бродягахъ» ее больше и она глубже, чѣмъ во всѣхъ предыдущихъ его книгахъ

Георгій Адамовичъ.

Андрей Бѣлый. Ритмъ какъ діалектика. Москва, 1929.

Поскольку всякая жизнь подчиняется ритму и поскольку діалектика есть законъ жизни, ритмъ есть діалектика. Утверждая это, Бѣлый не говоритъ ничего новаго. Свое положеніе о діалектичности ритма онъ не развиваетъ философски. Центръ тяжести его книги въ другомъ. Авторъ занимается ритмомъ въ поэзіи и притомъ постольку, поскольку ритмъ является — въ чемъ авторъ глубоко правъ — ключемъ къ пониманію внутренняго, скрытаго смысла поэгического произведенія. Возьмемъ двѣ одинаковыхъ со стороны размѣра строчки одного и того же стихотворенія: Я помню чудное мгновенье... Какъ мимолетное видѣнье. Если читать ихъ, считаясь съ ихъ смысломъ, онѣ будутъ звучать для насъ по разному: въ первой три удара, во второй — два. Въ границахъ каждаго даннаго размѣра число возможныхъ ритмическихъ варіацій ограничено, и въ сколько-нибудь длинномъ стихотвореніи ритмическія повторенія неизбежны. Если повтореніе наступаетъ скоро, мы его воспринимаемъ отчетливо. Въ про-

тивномъ случаѣ повтореніе воспринимается не такъ ясно. Эти отгѣнки воспріятія повтореній поддаются числовому выраженію. Можно составить ритмическую кривую сколь угодно длиннаго стихотворенія. Такая кривая позволяетъ индивидуализировать его съ точки зрѣнія ритмики. (Извѣстно, что для изученія музыкальныхъ произведеній этотъ приѣмъ примѣняется уже давно). Вычисленія, необходимыя для составленія подобныхъ кривыхъ, очень сложны. Авторъ, по его словамъ, 17 лѣтъ провелъ надъ этой работой, постепенно уточняя и уточняя свои приѣмы. Повѣримъ ему, что его кривая «Мѣднаго Всадника», составленная на основаніи сложнѣйшихъ вычисленій, таблицы которыхъ онъ даетъ, безукоризненно точна. Вглядываясь въ нее, убѣждаемся, что ея строеніе вполне подтверждаетъ то, что можетъ замѣтить каждый, кто станетъ читать пушкинскую поэму, внимательно вслушиваясь (пусть и молча) въ нее. Ритмически она двойится: тема Петербурга, Петра, Всадника, «сдержанности» — ритмъ монотонный, съ частыми повтореніями и притомъ послушный размѣру; тема Евгенія, Навожденія, бунта, «безумія» — ритмъ необыкновенно разнообразный, «ломающійся», бурный, порывистый. У Бѣлаго великолѣпно показана эта борьба двухъ ритмическихъ тенденцій, соответствующая борьбѣ словесной символики (замѣчательнъ у него анализъ многосмысленныхъ «ключевыхъ» словъ поэмы). И все же его общее истолкованіе М. Всадника, несмотря на всю тонкость и все богатство наблюдений и сопоставленій (этому посвящена большая часть книги) испорчено его «научнымъ» догматизмомъ. Онъ исходитъ изъ положенія, принимаемаго имъ за аксіому, что чѣмъ напряженнѣе, работаетъ вдохновеніе, тѣмъ напряженнѣе, разнообразнѣе, богаче ритмъ. Затѣмъ справляется со своею кривою и утверждаетъ: вступленіе къ М. Всаднику живо и фальшиво; «люблю тебя, Петра творенье и т. д.» — это для отвода глазъ, для цензуры и т. под. И то же самое онъ утверждаетъ и обо всѣхъ мѣстахъ, гдѣ возвеличенъ Всадникъ. «Петръ» — это только «шифръ», онъ думалъ не о Петрѣ, а о Николаѣ. Связь М. Всадника съ личными переживаніями Пушкина показана Бѣлымъ очень убѣдительно. Въ частности, превосходно выяснено отношеніе темы М. Всадника къ раздумьямъ Пушкина о декабристахъ. (Надо, однако, сказать, что объ этомъ есть очень обстоятельная статья Благого въ «Печать и Революція» за 1926 г., о которой Бѣлый не упоминаетъ). Но это еще не доказываетъ, что больше половины М. Всадника Пушкинъ написалъ, кривя душой. «Кривая» не врѣтъ, доказываетъ Бѣлый, потому что она выведена «научно». Но не врѣтъ и стихи, равныхъ которымъ по силѣ и красотѣ немного найдется въ мировой поэзіи. Языкъ кривой и языкъ Пушкина (Бѣлый даетъ подробную сладку всѣхъ мѣстъ изъ писемъ Пушкина, гдѣ онъ говоритъ о своей нелюбви къ Петербургу). Бѣлый понялъ черезчуръ упрощенно. Можно любить ненавѣдя, и ненавидѣть любя. Бѣлому (NB диалектику!) это не пришло въ голову. Если-бы Пушкинъ не видѣлъ, не чувствовалъ красоты Петербурга и «Всадника» и, стало быть, и ихъ собственной правды, то не было-бы и трагедіи; Мѣдный Всадникъ былъ

бы аллегорией съ либеральнымъ «направленіемъ» — и не больш. Такое же непониманіе діалектики душевной жизни поэта Бѣлый проявляетъ и въ своемъ анализѣ «Я помню чудное мгновенье». Кривая ритма, обнаруживающая его замираніе къ концу стихотворенія, тѣмъ самымъ удостовѣряетъ, что вдохновеніе измѣнило поэту, когда онъ заговорилъ объ «ангеличности» А. П. Кернъ: «онъ аллегориченъ, пишетъ Бѣлый, рисуя не бывшее въ дѣйствительности пробужденіе души; было — желаніе лишь обладанія. Кривая ритма удличила текстъ: Пушкинъ-правдивецъ сказалъ нѣтъ Пушкину-аллегористу: ...врешь, братъ: не божество, а женщина тебя волнуешь». Жаль, что «Пушкинъ-правдивецъ» обратился къ «Пушкину-аллегористу» въ тонѣ, въ какомъ съ Пушкинымъ бесѣдовалъ И. А. Хлестаковъ: Ну, что, братъ Пушкинъ... Для людей, не находящихся съ Пушкинымъ «на дружеской ногѣ», допустимо и другое объясненіе явленія, отмѣченнаго Бѣлымъ: убываніе напряженности ритма въ послѣднихъ строфахъ — оттого, что смыслъ требуетъ этого: «земная» любовь преобразилась въ «небесную», вождельніе претворилось во вдохновеніе, въ созерцаніе «чистой» Красоты, Идеи. Въ «Я помню чудное мгновенье» поэтъ — не впервые и не въ послѣдній разъ — подходит къ **проблѣмѣ Мадонны**. Ея разработка проходитъ черезъ всю поэзію Пушкина. Бѣлый (и это — послѣ Достоевскаго!) этого не понялъ, не замѣтилъ.

П. Бицилли.

О Достоевскомъ. Сборникъ статей подъ ред. А. Бема. Т. I. Прага, 1929. Стр. 162.

Сборникъ этотъ составился изъ работъ руководимаго А. Бемомъ семинарія по изученію Достоевскаго при Русскомъ Народномъ Университетѣ въ Прагѣ. Статьи, въ немъ помѣщенные, составляютъ только часть докладовъ, обсужденныхъ въ семинаріи, но и въ этомъ своемъ видѣ сборникъ представляетъ выдающийся интересъ для всякаго занимающагося Достоевскимъ. Въ особенности удачна первая статья «Къ проблемѣ двойника», написанная Д. И. Чижевскимъ. Простѣйшая роль идеи двойника въ творчествѣ Достоевскаго, авторъ даетъ тонкій анализъ образовъ Голядкина, Версилова, Ставрогина и Ивана Карамазова. Философскій смыслъ идеи двойничества тѣсно связанъ, по мнѣнію автора, съ проблемой рациональной этики. Отвлеченное добро ведетъ къ «утратѣ своего онтологическаго мѣста» (Голядкинъ), къ «раздвоенію чувствъ и воли» (Версиловъ), къ «холодному равнодушію» Ставрогина и къ «соединенной гордости» Ивана. Особенно удался автору анализъ Ставрогина и Ивана Карамазова. Отвлеченная любовь Ивана къ дальнему, къ «общечеловѣку», безлюбовный характеръ его отношенія къ людямъ, его гордость, «брезгливость» и презрѣніе, въ основѣ которыхъ лѣжитъ «осужденіе» другихъ, — все это проявленія отвлеченнаго добра, воплощеннаго въ

образъ Ивана и ведущаго къ утратѣ имъ своего онтологическаго я*). Преодоленіе двойничества отвлеченнаго добра — въ любви къ ближнему, въ живомъ, конкретномъ добрѣ, представителями котораго являются Алеша и Зосима. За исключеніемъ неубѣдительныхъ замѣчаній автора о сльдѣ, толкуемомъ имъ какъ то же «презрѣніе» и «отвращеніе» къ людямъ, статья его полна цѣнныхъ сопоставленій, къ новому осмысливающимъ многія стороны страдающихъ двойничествомъ героевъ Достоевскаго.

Совсѣмъ иной характеръ носить посвященная «Двойнику» же статья Н. Е. Осипова. Въ своемъ анализѣ образа Голядкина авторъ остается преимущественно въ психіатрической плоскости, показывая, что Достоевскій далъ въ «Двойникѣ» исключительное по вѣрности дѣйствительности и яркости описаніе душевнаго состоянія больного паранойей. Въ дальнѣйшемъ Н. Осиповъ примѣняетъ психоаналитическій методъ истолкованія. Выводы, къ которымъ онъ приходитъ («либидо у Голядкина распределено такъ: сильный нарциссизмъ, значительная гомосексуальность, слабая гетеросексуальность») не убѣждаютъ насъ въ плодотворности психоаналитическаго метода въ истолкованіи смысла художественныхъ произведеній.

То же самое впечатлѣніе получается и при чтеніи обширной статьи А. Бема «Драматизация бреда», посвященной анализу «Хозяйки» Достоевскаго. По мнѣнію Бема, «нѣтъ другого произведенія, къ которому можно такъ легко примѣнить ученіе Фрейда объ эдиповомъ комплексѣ». Между тѣмъ выводы самого Бема, къ которымъ онъ приходитъ съ помощью психоанализа, чрезвычайно бѣдны и легко могли бы быть получены съ помощью простаго здраваго смысла. Гораздо цѣннѣе въ изслѣдованіи Бема полученное имъ безъ всякаго психоанализа истолкованіе «Хозяйки» какъ «драматизации бреда» и доказательство вліянія Гоголя (Катерина изъ «Страшной мести») на

---

*) Въ своей характеристикѣ Ивана авторъ такимъ образомъ въ существенномъ вполнѣ совпадаетъ съ толкованіемъ образа Ивана, которое мы пытались дать въ своей статьѣ о Братьяхъ Карамазовыхъ на страницахъ этого журнала (кн. 35). Поэтому намъ нѣсколько непонятно замѣчаніе автора: «Гессенъ совершенно напрасно связываетъ этический рационализмъ Ивана именно съ Кантомъ. Достоевскій имѣлъ въ виду этический рационализмъ въ самомъ общемъ пониманіи этого слова, какъ онъ былъ данъ, напр., въ русскомъ просвѣщенствѣ всѣхъ толковъ» (стр. 30). Последнее опредѣленно невѣрно, ибо Д. въ своей записной книжкѣ подчеркиваетъ, что въ образѣ Ивана онъ достигъ глубины изображенія, которая «не силась» русскимъ просвѣщенцамъ. А, во-вторыхъ, самъ Чижевскій въ своихъ размышленіяхъ по поводу Ивана говоритъ не столько о «русскихъ просвѣщенцахъ», сколько объ этикѣ Канта и (опять таки въ полномъ согласіи съ нами) о «вѣчномъ повтореніи» Ницше, правильно указывая, что «въ нѣкоторыхъ мѣстахъ («Братьевъ Карамазовыхъ») слышна даже отзвукъ того отвѣта, который далъ Шиллеръ Канту».

«Хозяйку». Очень интересно указание Бема, что уже в «Хозяйкѣ» Достоевскій высказалъ въ зародышѣ основную идею «Легенды о Великомъ Инквизиторѣ» о «страшномъ дарѣ свободы». Указание это, развитое имъ въ цѣлую заключительную главу, Бемъ почему то озглавливаетъ марксистскимъ терминомъ «идейная надстройка». Попытка соединить въ одно цѣлое методъ «влияній», психоаналитический методъ и философское истолкованіе идейнаго содержанія разсказа опредѣленно не удалась автору. Въ результатѣ излишняя растянутость изложенія, которая отчасти только возмѣщается разсыпанными въ статьѣ интересными соображеніями и сопоставленіями автора, перѣдко весьма удачно разъясняющими мало понятый до сихъ поръ разсказъ Достоевскаго.

Какъ всегда интересны изобилующіе удачными цитатами сопоставленія въ статьѣ **И. И. Лапшина** «Какъ сложилась легенда о Великомъ Инквизиторѣ?» Саггіна Вигана, Кантъ, Штраусъ, Монтэнь, Рихардъ Вагнеръ — между ними и образомъ Христа въ «Легендѣ» авторъ находитъ рядъ «схоженій». Такъ какъ однако самъ онъ не настаиваетъ на влияніи упомянутыхъ авторовъ на Достоевскаго, то слѣдуетъ признать, что заглавіе статьи не соответствуетъ ея содержанию. Во второй своей статьѣ «Образованіе типа Крафта въ Подросткѣ» Лапшинъ убѣдительно показываетъ, что оригиналомъ для образа Крафта Достоевскому послужило реальное лицо — мировой судья Крамеръ, о необычномъ самоубійствѣ котораго повѣствуетъ Кони въ III томѣ своихъ Воспоминаній.

Очень тщательно слѣлана небольшая работа **Р. Плетнева** о мотивѣ «земли» въ творествѣ Достоевскаго. Связь «почвенничества» Достоевскаго съ народными вѣрованіями и преданіями о Богородицѣ вполне убѣдительно показана авторомъ, и слѣдуетъ пожелать, чтобы авторъ, обнаруживающій прекрасное знаніе Достоевскаго и литературы о немъ, расширилъ тему своей работы, занявшись общимъ вопросомъ о влияніи русской народной традиціи на Достоевскаго, имѣющимъ большое значеніе для уясненія творчества «поэта Петербурга».

Важную тему о взаимоотношеніи Гоголя и Достоевскаго затрагиваетъ **В. В. Зѣнковскій**, показывающій, что подколъ отъ Достоевскаго къ Гоголю способенъ пролить новый свѣтъ на творчество Гоголя. Это бесспорно вѣрно, но, къ сожалѣнію, самъ авторъ не даетъ настоящаго анализа, ограничиваясь въ своей статьѣ лишь нѣсколькими иллюстраціями.

С. I. Гессенъ.

«Московский Университетъ 1755 - 1930». Юбилейный Сборникъ. Изда-
ніе Парижскаго и Пражскаго Комитетовъ въ ознаменованіе 175-
лѣтія Московскаго Университета, подъ редакціей профессоровъ
В. Б. Ельяшенича, А. А. Кизеветтера и М. М. Новикова. 466 стр.
Издательство «Современныхъ Записокъ». Цѣна 50 франковъ.

Когда осенью 1929 г. въ Парижъ и въ Прагъ образовались Коми-
тетъ съ опредѣленной задачей — организациі здѣсь, за рубежомъ,
чествованія 175-лѣтія Московскаго Университета, многіе отнеслись къ
этому скептически: что можно сдѣлать здѣсь, кромѣ банкетовъ или
широкихъ собраний? Вѣдь зарубежье не обладаетъ тѣми старинными
и фундаментальными библиотеками, гдѣ можно найти матеріалы по
исторіи Университета или же для характеристики эпохъ, положив-
шихъ свой слѣдъ на эту исторію. Трудно, поэтому, было ожидать,
чтобы Комитетамъ удалось ознаменовать почти двухвѣковую жизнь
этого цѣннѣйшаго русскаго учрежденія, какими либо трудами о немъ.
И все же мысль о такомъ трудѣ зародилась и выполнена. Издавъ
Юбилейный Сборникъ, книга-памятка о дорогомъ и близкомъ каждо-
му образованному человѣку учрежденіи, воспитавшемъ много поко-
лѣній русскихъ дѣятелей на почвѣ культуры и служенія обществу.
Эту книгу - памятку нельзя назвать иначе какъ увлекательной. На-
чипая съ исторіи Университета, написанной проф. А. А. Кизеветте-
ромъ, и кончая воспоминаніями объ отдѣльныхъ эпизодахъ и лицахъ,
— участникахъ этой исторіи, — все написано живыми, яркими кра-
сками, и читается съ захватывающимъ интересомъ. Проф. Кизевет-
теръ даетъ читателю сжатый, насыщенный фактами, очеркъ исторіи
Московскаго Университета, — отъ указа императрицы Елизаветы Пет-
ровны 12 января 1755 г. и до декретовъ коммунистической власти. Ко-
нечно, всякому русскому человѣку важно и интересно знать, какъ
создавалось, какъ жило и работало учрежденіе, формировавшее для
культурной работы въ странѣ кадры специалистовъ, ученыхъ и про-
сто образованныхъ людей. Но не только эта блестяще построенная
фактическая исторія развитія Московскаго Университета дѣлаетъ
статью проф. Кизеветтера притягательной. Каждая страница этой ис-
торіи отвѣчаетъ на обвиненіе, постоянно бросаемое теперешними хо-
зяевами Россіи старымъ русскимъ университетамъ: это — **кастовыя**
учрежденія, ничѣмъ не связанныя съ массами. Этой причиной оправ-
дывалось неоднократно и разрушеніе этихъ, вѣками создаваемыхъ раз-
садниковъ науки. Изъ очерка проф. Кизеветтера читатель узнаетъ, съ
какой настойчивостью и съ давнихъ поръ боролись дѣятели универ-
ситета за эту «связь съ массами». Ломоносовъ горячо отстаиваетъ
принципъ всеословности университетовъ. При самомъ основаніи
Моск. Унив. въ 1755 г. людямъ податныхъ сословій было уже пре-
доставлено право вступать въ число студентовъ. Не допускались лишь
крѣпостные; это ограниченіе пало лишь съ отмѣной самаго институ-
та крѣпостного права. Правда, отъ права до его фактическаго осу-
ществленія — дистанція огромнаго размѣра. Но вѣдь и сейчасъ при
всѣхъ стараніяхъ власти, рабочимъ и крестьянамъ вовсе не такъ лег-

хо пробиться къ научной работѣ. Этому мѣшаетъ и отсутствіе надлежащей тренировки, привычки къ умственному труду, и матеріальная необеспеченность, и вообще низкій уровень культуры всей жизни. Для достиженія этой цѣли, — доступности широкимъ массамъ **кравовъ науки**, — недостаточно простого открытія дверей этихъ учреждений для всѣхъ желающихъ. Нужно еще преобразование всей жизни страны и, въ частности, условий существованія широкихъ массъ, выдѣляющихся изъ нѣдръ своихъ слушателей университетовъ. **Исторія Московскаго Университета** служитъ яркой иллюстраціей того, какъ широко понимали свою общественную задачу «старые кастовые профессора». Они вовсе не замыкались въ лабораторіяхъ и аудиторіяхъ; напротивъ, они шли часто впереди отсталой жизни лѣниваго русскаго общества и будили въ немъ духовные интересы. Такія дѣтша Московскаго Университета, какъ Юридическое Общество, Общество имени А. И. Чупрова, Студенческое Историко-Философское об-во, возникшее по инициативѣ проф. С. Н. Трубецкаго, далеко не по «кастовому» принципу и при широкомъ участіи общественныхъ силъ, разрабатывали вопросы общественнаго дѣланія. И самыя вопросы эти, говорить проф. Кизеветтеръ, являлись «соединительнымъ мостомъ между научной теоріей и животрепещущими интересами текущей жизни». А когда въ 900 г. г. затрепетала, забурлила сама эта жизнь, «въ Москвѣ и въ другихъ универ. городахъ образовалась большая и сплоченная группа профессоровъ, убѣжденных въ томъ, что жизнь университетовъ можетъ войти въ норму лишь при преобразованіи всего государственнаго порядка на основахъ закономѣрности. Развѣ могли-бы поставить такую задачу члены замкнутой касты, не связанные съ процессами широкаго общественнаго движенія?

Нечего, конечно, говорить о значеніи Моск. Унив. въ его основномъ дѣлѣ — въ созданіи кадровъ научныхъ дѣятелей. Проф. Кизеветтеръ даетъ исторію превращенія Моск. Унив. изъ полуиностраннаго учрежденія въ первую эпоху своего существованія за отсутствіемъ русскихъ ученыхъ въ колыбель русской науки. Уже въ 30 и 40 годахъ XIX ст. «во главѣ университета стояла цѣлая фаланга русскихъ ученыхъ, по научной подготовкѣ не уступавшихъ своимъ западно-европейскимъ собратьямъ, а по блеску своихъ талантовъ достойно выражавшихъ великую даровитость русскаго народа. Во второй половинѣ XIX ст и въ началѣ XX в. мы встрѣчаемъ на кафедрахъ Московскаго Университета уже и такихъ ученыхъ, которые выступаютъ создателями цѣлыхъ отраслей науки и тѣмъ получаютъ право на мѣсто въ первомъ ряду дѣятелей міровой науки. Служеніе наукѣ Московскій Университетъ никогда не отдѣлялъ отъ служенія текущимъ потребностямъ общества».

Самодержавіе не разъ посягало на свободу русскихъ университетовъ, — этихъ создателей русской науки. Периодъ Кассо былъ поистинѣ разрушителенъ и для Московскаго Университета. Лишь при Временномъ Правительствѣ была восстановлена университетская автономія, а добытая Февральской революціей свобода предвѣщала бле-

стящую будущность и русской наукъ. Этимъ надеждамъ осуществиться было не дано. Юбилейный Сборникъ даетъ мѣсто двумъ скорбнымъ статьямъ: проф. М. М. Новикова — «Московский Университетъ въ періодъ большевистскаго режима» и проф. В. Стратонова — «Потеря Московскимъ Университетомъ свободы». Эти статьи воспроизводятъ исторію борьбы профессоровъ и поддерживавшихъ ихъ студентовъ противъ пагубной ломки всего университетскаго строя — во имя чего? На этотъ вопросъ никогда не смогутъ отвѣтить тѣ дѣятели октябрьской революціи, въ руки которыхъ попала судьба высшихъ учебныхъ заведеній. Въ статьяхъ - воспоминаніяхъ проф. Новикова и Стратонова чрезвычайно объективно, почти протокольно воспроизведена картина жизни Университета во времена военного коммунизма. Это — цѣнный вкладъ въ будущую исторію. Оба автора были высланы изъ Россіи осенью 1922 г. и потому на этой датѣ оканчивается ихъ описаніе. Было-бы въ высшей степени желательно получить продолженіе драмы университетовъ за послѣднія семь лѣтъ отъ участниковъ ея, покинувшихъ Россію позднѣе высланныхъ въ 1922 г. ученыхъ. Въ своей статьѣ проф. Новиковъ вспоминаетъ характерный разговоръ съ краснымъ проф. М. Н. Покровскимъ, на обязанности и, конечно, на совѣсти котораго лежало полное уничтоженіе свободы науки и автономіи университетовъ. Проф. Новикову, какъ и другимъ членамъ академической семьи, приходилось перѣдко хлопотать за арестованныхъ профессоровъ, студентовъ или служащихъ Университета. «Въ одно изъ такихъ посѣщеній я упрекнулъ М. Н. Покровскаго въ несправедливости и излишней жестокости по отношенію къ лояльнымъ гражданамъ. На это онъ мнѣ отвѣтилъ: «Вы, какъ біологъ, должны знать, сколько крови и грязи бываетъ при рожденіи человѣка. А мы рожаемъ цѣлый новый міръ». Мнѣ пришлось замѣтить, что современная біологія требуетъ отъ всѣхъ присутствующихъ при рожденіи ребенка безукоризненной чистоты рукъ». Этотъ замѣчательный отвѣтъ проф. Новикова, вѣроятно, очень больно ударила любителя «крови и грязи» при рожденіи новаго міра: разговоръ былъ круто повернуть въ другую сторону.

Въ Сборникѣ богатый отдѣлъ воспоминаній. Каждый изъ авторовъ писалъ только одно отрывокъ, иногда — нѣсколько портретовъ. Но въ цѣломъ — необычайная связанность, всюду печать эпохи, цѣлостность организма. Вотъ статья П. Н. Милюкова — «Мои студенческіе годы» и другая, живо и художественно записанная, статья Ив. Хераскова — О студенческомъ движеніи Московскаго Университета. Рассказываютъ о личномъ, о пережитомъ и видѣнномъ. Но вскрытъ — въ обѣихъ статьяхъ — фокусъ, тонъ предреволюціонной эпохи: даже похороны борца противъ революціи, князя С. Н. Трубецкаго, превращаются въ революціонную демонстрацію... Красные цвѣты, красныя ленты и дружное пѣніе революціонно-похороннаго гимна: «Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой». И нѣтъ различія: академи-сты, конституціоналисты и политики — одинаково «причислили — ка-

ждый по своему — Трубечкого къ лицу навшихъ въ борьбѣ роковой». Тонъ эпохи...

Въ блестящихъ воспоминаніяхъ В. А. Маклакова талантъ автора нашелъ неизмѣримо болѣе яркое выраженіе, чѣмъ въ ранѣе напечатанныхъ его статьяхъ. Фигуры покойныхъ профессоровъ Ключевскаго и Виноградова оживаютъ подъ его перомъ во всей сложности ихъ психологіи на фонѣ русской жизни.

А вотъ рядъ прекрасныхъ портретовъ профессоровъ и врачей медицинскаго факультета Московскаго Университета 90-хъ г. г. — въ статьѣ С. Абрамова. Не забыты даже микроцефалка Марфуша, — гордость клиники проф. Корсакова и служитель анатомическаго театра Иванъ («Жанъ»), безъ котораго не могъ обходиться проф. Зерновъ. Живая Москва — въ сценѣ съ пьянькимъ Жаномъ: поскользнувшись, разсыпалъ мертвыхъ младенцевъ, которыхъ несъ онъ попросту, въ мѣшки, изъ Воспитательнаго дома въ анатомическую аудиторію.

Богатая фактами статья проф. С. В. Завадскаго — «по воспоминаніямъ трехъ поколѣній». Статьи Н. И. Астрова, д-ра Н. Е. Осипова, выдержки изъ архива покойнаго М. М. Ковалевскаго — все интересно, все образно, все — по косточкамъ — восстанавливаетъ духъ, стремленія, достижения и неудачи въ жизни Московскаго Университета и окружавшей его общественной среды.

Нельзя не указать и еще на одну особенность Сборника: высокоцѣнную сдержанность тона тѣхъ авторовъ, на долю которыхъ вышло описание насилій, совершавшихся надъ Университетомъ и русской наукой октябрьскими революціонерами. Эта простота и сдержанность, быть можетъ, нарочитая сдержанность скрытаго гнѣва, съ особой силой подчеркиваетъ стремленіе оградить юбилейный памятникъ хранителю русской культуры, Московскому Университету, отъ грубыхъ крайностей русской гражданской войны. Во всемъ обширномъ Сборникѣ лишь И. П. Алексипскій не удержался отъ квалификаціи большевистскаго дѣйства надъ Университетомъ, — какъ захвата его «разнуздавшимся хамствомъ». Было бы правильнѣе со стороны редакціи устранить и эту единственную несдержанность при слѣдующемъ переизданіи Сборника.

А въ итогѣ — цѣннѣйшій подарокъ всѣмъ русскимъ людямъ, въ душахъ которыхъ горитъ живой интересъ къ отдаленному и недавнему прошлому своей родины.

Внѣшне книга издана прекрасно, а для зарубежья даже роскошно; бумага, форматъ, шрифтъ, обложка и фотографія Университета, — все гармонируетъ съ задачей ознаменованія юбилейной даты важнѣйшаго изъ культурныхъ учреждений Россіи.

Ек. Кускова.

П. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Томъ третій. Націонализмъ и европеизмъ. Юбилейное изданіе. Изд-во «Современныя Записки». Парижъ, 1930. Стр. 507.

Рекомендовать «Очерки по исторіи русской культуры» читателю нѣтъ надобности. Слишкомъ общеизвѣстны выдающіяся достоинства этой замѣчательной книги, являющейся однимъ изъ перлювъ нашей исторической литературы. Чрезвычайно широкій охватъ вопросовъ русскаго прошлаго, соединенный съ тщательнымъ и глубокимъ ихъ изученіемъ, отчетливость и стройность вытекающихъ изъ этого изученія общихъ построеній автора, изящество и ясность его изложенія, вовсе не покупающаяся притомъ цѣною его упрощенія, все это при первомъ же появленіи въ свѣтъ данной работы П. Н. Милюкова привлекло къ ней большое вниманіе и обезпечило ей прочный успѣхъ. Съ тѣхъ поръ втеченіе ряда лѣтъ немалая часть русской молодежи при помощи «Очерковъ по исторіи русской культуры» училась осмысливать прошлое родной страны и въ свѣтъ этого прошлаго разбираться въ ея настоящемъ. И новое, совпавшее съ 70-лѣтнимъ юбилеемъ ея автора, изданіе этой книги, въ послѣдніе годы исчезнувшей было съ книжнаго рынка, является въ настоящій моментъ какъ нельзя болѣе своевременнымъ. Сейчас, когда рушилась старая русская государственность и распался старый социальный порядокъ, когда Россія переживаетъ невѣроятно мучительный и тяжелый кризисъ, сейчасъ особое значеніе приобретаетъ книга, авторъ которой, опираясь на громадный матеріалъ и руководясь ясной и послѣдовательной мыслью, пытается прослѣдить пути русскаго прошлаго — въдъ въ этихъ путяхъ въ значительной мѣрѣ скрыты и заложены русскаго будущаго.

Тотъ третій томъ, съ котораго начато настоящее изданіе «Очерковъ», органически связанъ, конечно, съ двумя первыми ихъ томами, но вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно этимъ первымъ томамъ, представляетъ изъ себя и самостоятельное цѣлое. Исторія русскаго національнаго самосознанія — таково содержаніе, вложенное П. Н. Милюковымъ въ данный томъ. Изложеніе этой исторіи авторъ начинаетъ съ конца XV вѣка, съ момента окончательнаго образованія на мѣстѣ ряда сѣверо-восточныхъ княжествъ единогодержавнаго Московскаго государства. Отмѣтивъ существовавшія къ этому моменту въ московскомъ обществѣ идеологическія теченія, онъ указываетъ, какъ среди нихъ приобрѣло перевѣсъ націоналистическое міровоззрѣніе, получившее загѣмъ — въ XVI - XVII в. в. — окончательную формулировку подъ влияніемъ ударовъ критики, появлявшейся благодаря все учащавшимся встрѣчамъ москвичей съ иностранцами. Послѣдніе годы XVII-го и начала XVIII вѣка явились — указываетъ далѣе онъ — временемъ официальной побѣды критическихъ взглядовъ. Старая идеология оказалась слишкомъ слабой, чтобы отстоять свое господство въ жизни безъ поддержки отступившейся отъ нея власти, вступившей на путь реформъ, но эти реформы далеко не сразу повели къ созданію новаго, сколько-нибудь цѣльнаго и послѣдовательнаго міровоззрѣнія. Довольно долго старые навыки мысли и старые взгляды полу-механи-

чески соединялись въ жизни съ новыми порядками и новыми возрѣніями, не проникавшими черезчуръ глубоко. Только во второй половинѣ XVIII вѣка сложились среди образованной части русскаго общества болѣе послѣдовательныя идеологическія течения, исходившія изъ новыхъ взглядовъ на міръ и человѣка, на государство и общество, теченія, подвергавшія принципиальной критикѣ современную имъ русскую дѣйствительность и стремившіяся къ болѣе или менѣе глубокой ея реформѣ. Но къ этому времени стоявшая ранѣе во главѣ реформаторскихъ начинаній власть, испуганная ростомъ критическихъ элементовъ, рѣшительно отошла отъ нихъ. И конецъ XVIII столѣтія явился моментомъ рѣзкаго столкновенія между передовыми элементами русскаго общества и государственной властью, — точнѣе говоря, начала гоненія на первые со стороны послѣдней.

До этого момента доводилъ изложеніе исторіи русскаго самосознанія П. Н. Милюковъ въ предыдущихъ изданіяхъ своей книги. На этомъ же моментѣ останавливается и теперь третій томъ «Очерковъ», — изложеніе дальнѣйшихъ моментовъ должно быть дано въ слѣдующемъ, четвертомъ томѣ, который авторъ обѣщаетъ выпустить въ скоромъ времени. Но и содержаніе третьяго тома не является простымъ повтореніемъ предыдущихъ изданій. Авторъ, прежде всего, расширилъ свое введеніе къ этому тому, обосновывающее ту общую схему, въ которую онъ укладываетъ излагаемые имъ здѣсь историческіе процессы. Мѣстами, далѣе, онъ, основываясь на вновь появившихся въ послѣдніе годы спеціальныхъ работахъ, значительно дополняетъ и расширяетъ и самое изложеніе этихъ процессовъ. Такъ, существенныя дополненія сдѣланы имъ на тѣхъ страницахъ его книги, на которыхъ говорится о Крижаничѣ, Н. И. Новиковѣ, Радищевѣ. Менѣе значительныя дополненія внесены и въ нѣкоторыя другія мѣста книги. Всѣ такія дополненія являются однако-же лишь частичными, въ общемъ же изложеніе автора сохранило прежній характеръ.

При всѣхъ достоинствахъ этого изложенія, при всемъ его блескѣ и глубинѣ не все въ немъ представляется одинаково безспорнымъ. Начать съ самаго заглавія, поставленнаго авторомъ надъ данною частью «Очерковъ», заглавія, которое должно охватить основное ея содержаніе. Въ предыдущихъ изданіяхъ такимъ заглавіемъ было: «націонализмъ и общественное мнѣніе». Сейчасъ П. Н. Милюковъ самъ признаетъ неудачность такого заглавія (націонализмъ вѣдъ является однимъ изъ видовъ общественного мнѣнія) и замѣнилъ его другимъ: «націонализмъ и европеизмъ». Но и это новое заглавіе, думается, не вполне удачно. Оно не покрываетъ собою вполне всѣ теченія русской общественной мысли и, если въ данномъ томѣ «Очерковъ» авторъ могъ свести исторію развитія и борьбы этихъ теченій къ развитію націонализма и европеизма, то въ дальнѣйшемъ, при переходѣ къ болѣе позднимъ временамъ, ему едва-ли уже удастся сдѣлать это безъ насилія надъ своимъ матеріаломъ. И было бы, пожалуй, правильнѣе взять для заглавія даннаго отдѣла книги болѣе общіе терминны.

Вряд-ли вполнѣ правильно поступаетъ авторъ и тогда, когда начальнымъ пунктомъ своего изложенія исторіи русскаго самосознанія онъ беретъ конецъ XV вѣка. Самъ П. Н. Милюковъ, правда, весьма рѣшительно отстаиваетъ правильность такого построенія. «Непрерывную исторію русскаго національнаго самосознанія — категорически утверждаетъ онъ — слѣдуетъ начинать не съ элементовъ самосознанія и критики, присущихъ «удѣльно-вѣчевому» періоду русской исторіи, а съ конца XV вѣка, т. е. съ момента, къ которому эти старые элементы совершенно переродились». Дѣло въ томъ, что «каждый общественный строй создаетъ свое общественное самосознаніе, совершенно отъ него неотдѣлимое и вмѣстѣ съ нимъ измѣняющееся». Соціальный строй сѣверо-восточныхъ русскихъ земель, объединенныхъ московскимъ государствомъ, и создать то самосознаніе, съ котораго можно начинать непрерывную исторію русскаго самосознанія.

Едва-ли однако приведенный аргументъ вполнѣ разрѣшаетъ данный вопросъ. Начать съ того, что Московское государство къ концу XV вѣка объединяло не только сѣверо-восточныя, но и сѣверо-западныя земли — въ его составъ входили вѣдь и земли новгородскія. И самому же П. Н. Милюкову, когда онъ говоритъ о религіозномъ сознаниіи этой поры, приходится указывать на вліянія, шедшія въ этой области изъ Новгорода въ Москву. Уже одно это обстоятельство указываетъ, что начальный моментъ изслѣдованія нельзя ни ограничить русскимъ сѣверо-востокомъ, ни пріурочить къ концу XV столѣтія. Съ другой стороны, и на самомъ сѣверо-востоку не всѣ элементы удѣльнаго періода совершенно переродились къ концу XV вѣка, ибо и соціальный строй этого послѣдняго столѣтія не такъ ужъ сильно отличался отъ порядковъ предыдущаго вѣка. Въ частности, боярская оппозиція XV - XVI в. в. была явленіемъ, корни котораго уходили въ удѣльные порядки, и, борясь съ этой оппозиціей, Иванъ Грозный въ значительной мѣрѣ боролся съ удѣльной старинной. Этому нисколько не мѣшало то, что въ XVI в. данная оппозиція осложнилась новыми идеологическими построениями. Въ дальнѣйшемъ эти построения такъ же отошли въ область прошлаго, какъ и предшествовавшее имъ понятіе «вольныхъ слугъ», но въ свое время и то, и другое было моментами развитія русскаго общественнаго самосознанія. Нельзя, наконецъ, забывать и того, что въ этомъ самосознаніи задолго до образованія Московскаго государства сложилась и выросла идея единаго русскаго народа, то единой русскаго земли, — идея, которой позже воспользовались московскіе политики. П. Н. Милюковъ оставляетъ этотъ фактъ въ сторонѣ. Онъ какъ будто даже склоненъ думать, что притязанія Ивана III, какъ на свою «отчину», на русскія земли, находившіяся подъ властью великаго князя литовскаго и короля польскаго, были внушены своего рода подсказками со стороны римскаго папы и случайно захватившаго въ Россію нѣмца Николая Поппеля. Но, конечно, это не такъ: въ Москвѣ XV столѣтія и безъ всякихъ подсказокъ со стороны знали и помнили старыхъ суздальскихъ князей съ ихъ претензіями владѣть и распорядиться Киевомъ.

Въ данномъ случаѣ, думается, П. Н. Милюковъ безъ нужды чрезмерно заостряетъ свои положенія, тѣмъ самымъ подставляя ихъ подъ законные удары критики. Подобное же чрезмерное заостреніе своихъ положеній и выводовъ допускаетъ онъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Ограничусь однимъ только примѣромъ.

На страницахъ третьяго тома «Очерковъ» П. Н. Милюковъ даетъ чрезвычайно яркую характеристику реформы и личности Петра Великаго. Въ этой характеристикѣ много убѣдительнаго и безспорнаго. Но наряду съ этимъ въ ней есть и явные преувеличенія. Авторъ чересчуръ ужъ полагается на отзывы современныхъ Петру иностранцевъ, главнымъ образомъ, Юля и Фокеродта, — отзывы, порою невольно заставляющіе вспомнить знаменитый откликъ Суворова на подобные же отзывы о немъ самомъ: «помилуй Богъ, все счастье да счастье, надо же немного и ума». Въ частности, не останавливаясь передъ расхожденіемъ съ мнѣніями военныхъ историковъ, П. Н. Милюковъ весьма рѣшительно отрицаетъ значительность личной роли Петра въ ходѣ военныхъ операций за время Сѣверной войны. «Пораженіе арміи Карла XII, какъ и пораженіе великой арміи Наполеона, — говоритъ онъ — есть, главнымъ образомъ, дѣло ихъ самихъ и русской природы». Въ дѣйствительности однако довольно трудно согласиться съ такимъ утверженіемъ. Малорусская зима сама по себѣ едва-ли была особенно страшна для шведовъ Карла XII. Дѣло было не столько въ «русской природѣ», сколько въ той обстановкѣ, въ какой шведскимъ войскамъ приходилось считаться съ нею, обстановка же эта была въ значительной мѣрѣ создана дѣятельностью Петра. Подготовкой Полтавской побѣды надъ Карломъ, ея, по выраженію Петра, «начальнымъ днемъ», было, между прочимъ, пораженіе Левенгаупта при Лѣсной, нѣмѣченное и осуществленное Петромъ. Конечно, это пораженіе стало возможнымъ благодаря ошибкѣ Карла. Но вѣдь искусство борьбы въ весьма большой своей части и заключается въ умѣнь пользоваться ошибками противника. Въ виду этого приведенное утверженіе П. Н. Милюкова необходимо, по меньшей мѣрѣ, смягчить. Нѣсколько смягчить, думается, надо и не менѣ рѣшительные по своему критическому тону отзывы его о гражданской дѣятельности Петра.

Отмѣчая эти пункты возможнаго разногласія съ П. Н. Милюковымъ, я хотѣлъ бы однако тутъ же добавить, что и тому читателю его книги, который не во всемъ согласится съ ней, она во всякомъ случаѣ существенно поможетъ углубить свое знакомство съ русскимъ прошлымъ, въ частности, и съ тѣми сторонами послѣдняго, во взглядѣ на которыя онъ разоидется съ авторомъ «Очерковъ по исторіи русской культуры». И съ горячимъ нетерпѣніемъ приходится ожидать выхода обѣщаннаго четвертаго тома «Очерковъ», который долженъ завершить собою эту исключительную по своему значенію работу.

В. Мякотинъ.

Проф. С. В. Бахрушинъ. Очерки по исторіи колонизаціи Сибири въ XVI и XVII в. в. Москва Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. стр. 193.

Эта книга прекраснаго знатока исторіи Сибири проф. С. В. Бахрушина представляетъ крупный научный интересъ. Она состоитъ изъ трехъ очерковъ: въ первомъ разсматриваются лѣтописные источники и ученые труды по исторіи Сибири; второй очеркъ содержитъ изслѣдованіе о тѣхъ путяхъ, по которымъ въ XVI и XVII ст. продвигалась русская колонизація изъ Европейской Россіи за Уралъ и далѣе вглубь Сибири вплоть до ея восточныхъ окраинъ; третій очеркъ посвященъ изображенію самаго процесса продвиженія русскихъ колонизаторовъ по этимъ путямъ.

Въ первомъ очеркѣ мы находимъ новый совершенно самостоятельный пересмотръ вопроса о Сибирскомъ лѣтописаніи. Начало этого лѣтописанія относится къ XVII ст. и отъ первой половины XVII в. до насъ дошли три произведенія, въ которыхъ описывается завоеваніе Ермакомъ Кучумова царства. Это — 1) синодикъ, составленный въ 20-хъ г. г. XVII ст. по распоряженію Тобольскаго архіепископа Кипріяна для поминаванія Ермака и его сподвижниковъ и сопровождаемый украшеннымъ литературностью описаніемъ похода Ермака; 2) повѣсть о походѣ Ермака, составленная въ 1636 г. архіепископскимъ подьячимъ Есиповымъ и получившая въ нашей литературѣ названіе Есиповской лѣтописи и 3) повѣсть «О взятіи Сибирскія земли», т. е. о томъ же походѣ Ермака, проникнутая явнымъ стремленіемъ возвеличить роль Строгановыхъ въ исторіи присоединенія Кучумова царства къ Московскому государству и потому, съ легкой руки Карамзина, именуемая Строгановскою лѣтописью.

Всѣ писатели, доселѣ занимавшіеся исторіей Сибирскаго лѣтописанія, сходились въ признаніи того, что авторъ и Есиповской и Строгановской лѣтописей пользовались Синодикомъ Кипріяна, какъ первоисточникомъ, но по вопросу о взаимоотношеніи этихъ двухъ лѣтописей между собою мнѣнія ученыхъ расходились. Одни изслѣдователи полагали, что Строгановская лѣтопись древнѣе Есиповской и послужила однимъ изъ источниковъ для послѣдней. Другіе старались доказать прямо обратное соотношеніе между двумя названными лѣтописями.

Теперь С. В. Бахрушинъ, опираясь на самостоятельно произведенный имъ анализъ всѣхъ этихъ текстовъ, выдвигаетъ совершенно новую теорію: онъ утверждаетъ, что и Синодикъ, и обѣ лѣтописи составлены независимо другъ отъ друга, но на основаніи общаго всѣмъ имъ до насъ не дошедшаго протографа, каковымъ, быть можетъ, слѣдуетъ признать «Написаніе», доставленное ермаковскими казаками Кипріяну, когда тотъ задумалъ составить свой Синодикъ. Кажется, что эта конструкція вполне подкрѣпляется приведенными у Бахрушина наблюденіями надъ текстомъ сравниваемыхъ имъ произведеній и составляетъ важный шагъ въ дѣлѣ изученія Сибирскаго лѣтописанія.

Въ концѣ XVII в. тобольскій боярскій сынъ Семень Ремезовъ,

— человекъ просвѣщенный и имѣвшій большое рвеніе къ историческимъ трудамъ, — составилъ «Исторію Сибирскую», которой въ нашей литературѣ присвоено наименованіе «Ремезовской лѣтописи». Ремезовъ пользовался Есиповской лѣтописью, перерабатывая ее устарѣвшій слогъ и широко добавляя ее текстъ заимствованными изъ другихъ источниковъ письменныхъ и устныхъ. Разбирая это произведеніе Ремезова, Бахрушинъ особенно подробно останавливается на томъ, какъ Ремезовъ пользовался собранными имъ народными сибирскими преданіями. Далѣе, интересныя замѣчанія находимъ у Бахрушина и о другихъ Сибирскихъ лѣтописяхъ, — Кунгурской, вставленной въ «Исторію» Ремезова; «Описанія повые земли Сибирскаго государства», послужившаго однимъ изъ источниковъ для сочиненія голландца Витзена «О сѣверной и восточной Татаріи» и о рядѣ такъ называемыхъ «городскихъ Сибирскихъ лѣтописей».

Итакъ, весь этотъ очеркъ имѣетъ значеніе важнаго самостоятельнаго изслѣдованія, вносящаго новое освѣщеніе въ изученіе Сибирскаго лѣтописанія. Анализъ лѣтописныхъ текстовъ оживленъ у Бахрушина яркими характеристиками самихъ авторовъ этихъ лѣтописныхъ произведеній. Владыка Киприанъ, — энергичный, властный, съ папистскими замашками во вкусѣ Никона или этотъ Тобольскій сынъ боярскій Ремезовъ, — настоящий историкъ — изслѣдователь въ дунѣ, роющійся въ архивахъ, собирающій народныя сказанія, составитель первой общей карты Сибири и авторъ «Исторіи Сибирской», — эти замѣчательныя фигуры, выпукло обрисованныя Бахрушинымъ, лишній разъ указываютъ на неосновательность обычныхъ скороспѣлыхъ сужденій о томъ, что все русское общество до Петра Великаго якобы было цѣликомъ объято мракомъ невѣжества.

Далѣе Бахрушинъ даетъ обзоръ научныхъ работъ по исторіи Сибири въ XVIII, XIX и XX стол. Тутъ находимъ очень вѣрную оцѣнку разныхъ изслѣдователей. По справедливости высоко поставлена изслѣдовательская дѣятельность Миллера, этого отца Сибирской научной историографіи; «Исторія Сибири» Фишера столь же справедливо признана легковѣсною компиляціей такъ же, какъ и позднѣйшія работы Андріевича.

Извѣстный трудъ Словцова Бахрушинъ характеризуетъ, какъ первый опытъ перехода отъ изложенія внѣшнихъ фактовъ исторіи Сибири къ изученію внутреннихъ процессовъ Сибирской жизни въ историческомъ ихъ развитіи. Фигура самого Словцова, этого умнаго дилетанта-энтузіаста въ области историческихъ разысканій, обрисована Бахрушинымъ очень живо. А составленное Словцовымъ «Историческое Обзорніе Сибири», вышедшее въ свѣтъ въ 1838 - 1844 г. г., правильно охарактеризовано, какъ почтенное для своего времени сочиненіе, обнаруживающее въ его авторѣ предчувствіе серьезной постановки научныхъ вопросовъ въ соединеніи съ неподготовленностью автора къ осуществленію его собственныхъ заданій.

Изъ числа научныхъ работъ второй половины XIX ст. и начала XX ст. Бахрушинъ правильно выдвигаетъ труды Буцинскаго (съ суще-

ственными впрочемъ оговорками), Оглобина, Головачева, Огородникова и столь же правильно отрицаетъ всякую научную цѣнность за «Чтениями по исторіи Сибири» Н. Фирсова.

Слѣдующій затѣмъ очеркъ тѣхъ путей, по которымъ русское населеніе двигалось изъ Европейской Россіи за Уралъ и далѣе по самой Сибири, надлежитъ признать чрезвычайно цѣннымъ пріобрѣтеніемъ исторической науки. Пользуясь всей совокупностью ранѣе добытыхъ фактовъ, Бахрушинъ обогащаетъ свое изложеніе и многими новыми существенными деталями, извлеченными имъ изъ документовъ Сибирскаго Приказа, надъ изученіемъ которыхъ Бахрушинъ трудился уже длинный рядъ лѣтъ. Въ результатъ пути въ Сибирь и по Сибири въ XVI - XVII ст. изображены въ разбираемой книгѣ съ величайшей отчетливостью и точностью. Здѣсь очерчены составъ каждаго пути, способы передвиженія, характеръ шедшаго по немъ движенія и его значеніе политическое и экономическое. Сначала авторъ изслѣдуетъ такимъ порядкомъ пути изъ Европейской Россіи за Уралъ къ бассейну Оби. Здѣсь имъ, можно сказать, монографически изучены древнѣйшіе пути: 1) Печорскій «черезкаменный», проложенный новгородцами и затѣмъ усвоенный и Москвою, служившій колонизаціонной дорогой въ теченіе всего XVII ст. и закрытый при Петрѣ Великомъ; на основаніи дѣлопроизводства сибирскихъ таможенъ Бахрушинъ подробно очерчиваетъ экономическое значеніе этого пути; 2) морской путь по Ледовитому океану, изученіе котораго раскрываетъ яркія картины удивительной предприимчивости древнерусскихъ мореходовъ. Затѣмъ, авторъ переходитъ къ изученію путей за Уралъ чрезъ Прикамье, которые стали выдвигаться и получать все большее значеніе послѣ паденія Казанскаго ханства. Здѣсь авторъ дѣлаетъ подробный экскурсъ въ исторію колонизаціонной дѣятельности Строгановыхъ — и затѣмъ поочередно изучаетъ пути за Уралъ чрезъ Чусовую, чрезъ Верхотурье, черезъ Кунгуръ.

Слѣдующая глава посвящена подробному разсмотрѣнію путей съ Оби на Енисей, съ Енисея на Лену, съ Лены на крайній сѣверо-востокъ Сибири и на Амуръ. Въ сущности разсмотрѣніе всѣхъ этихъ путей даетъ и картину послѣдовательныхъ этаповъ продвиженія въ Сибирь русской колонизаціи въ теченіе XVII - XIX столѣтій.

Но затѣмъ авторъ даетъ особый очеркъ, содержащій общій обзоръ колонизаціоннаго движенія по разсмотрѣннымъ имъ выше путямъ. Къ концу XVI столѣтія русскіе постепенно осваиваютъ бассейнъ Оби и этотъ первый этапъ продвиженія русскихъ въ Сибирь характеризуется тѣмъ, что всѣмъ движеніемъ руководитъ изъ Москвы правительственная власть, а мѣстные воеводы лишь выполняютъ московскія инструкціи. Послѣ того, какъ организованная Строгановыми экспедиція Ермака привела къ неожиданному для самихъ устроителей ея результату: — распаденію Кучумова царства, Московское правительство беретъ въ свои руки окончательное завоеваніе бассейна Оби и въ теченіе 80 и 90 г. г. XVI в. выполняетъ эту задачу. Но затѣмъ начинается и безостановочно развивается безудержное самочинное

устремление русских колонистов все далѣе вглубь Сибири. Впередѣ идутъ промышленники, охотящіеся за соболемъ. За ними слѣдуютъ самоочинныя партіи служилыхъ людей, которые основываютъ на своемъ пути военные посты и начинаютъ собирать съ мѣстныхъ инородцевъ ясаки на государя и «поклонные соболи» въ свою собственную пользу. Московская власть только санкціонируетъ уже готовые результаты этихъ подвиженій и устраиваетъ управление на вновь освоенныхъ земляхъ. Такимъ порядкомъ къ началу 20-хъ г. г. XVII в. осваивается бассейнъ Енисея, и тотчасъ же начинается движеніе на Лену. Въ 20-хъ годахъ XVII в. русскіе уже на Ленѣ, а въ 30-хъ годахъ русскіе промышленныя экспедиціи и идущія за ними партіи служилыхъ людей уже обошли всѣ громадныя пространства на востокъ отъ Лены до Восточнаго океана. Въ 40-хъ годахъ Якутскіе воеводы открываютъ движеніе къ Амуру. Въ 1649 и 1651 г. послѣдовали знаменитыя экспедиціи пашеннаго крестьянина-устюжанина Хабарова, который въ 1652 г. поклонился царю новопріобрѣтенной Дауріей, словно новый Ермакъ. Въ послѣдующія десятилѣтія Московская власть закрѣпляетъ и расширяетъ пріобрѣтенія Хабарова и на этой почвѣ сталкивается съ Китаемъ. Продолжительныя столкновения съ Китаемъ пока что закончились Нерчинскимъ договоромъ 1689 г., по которому Амуръ остался за Китаемъ, и граница Московскаго государства прошла по рѣкамъ Аргуня и Горбицѣ и по Яблонову и Становому хребтамъ. Всѣ эти пріобрѣтенія XVII в. послѣдовательно наносились въ Сибирскомъ Приказѣ на чертежи, а въ концѣ XVII ст. изъ этихъ чертежей была составлена общая карта Сибири. Таковы послѣдовательные этапы колонизаціоннаго процесса до начала XVIII ст. Каждый изъ этихъ этаповъ авторъ разсматриваетъ очень подробно и даетъ массу колоритнаго фактическаго матеріала, бросающаго яркій свѣтъ на удивительные колонизаціонныя таланты великорусскаго племени. Этотъ бѣглый очеркъ о содержаніи книги Бахрушина даетъ, намъ, кажется, достаточное понятіе о научной цѣнности разсмотрѣннаго труда. Авторъ общаетъ рядъ дальнѣйшихъ выпусковъ своихъ Очерковъ, въ которые войдутъ изслѣдованія о сибирскихъ инородцахъ XVI-XVII столѣтій, о русской колонизаціи (торги и промыслы, пашня, церковь, пути сообщенія, управленіе и финансы Сибири въ XVI - XVI в. в.). Эрудиція и изслѣдовательскій талантъ автора служатъ порукою въ томъ, что каждый изъ этихъ выпусковъ представитъ огромный интересъ. Только вотъ... авторъ въ предисловіи сообщаетъ, что напечатанный первый выпускъ его Очерковъ, ему пришлось печатать въ теченіе четырехъ лѣтъ! Пожелаемъ отъ души, чтобы авторъ получилъ возможность вести печатаніе дальнѣйшихъ выпусковъ болѣе нормальнымъ темпомъ.

А. Кизеветтеръ.

Законъ и судъ. Вѣстникъ русскаго юридическаго общества въ Латвіи.
№ № 1 - 8 (май 1929 — февраль 1930 г.). Рига.

Восемь тетрадей, по 16 - 20 страницъ, форматомъ своимъ напоминающія старшему поколѣнію нашей эмиграціи еженедѣльнику «Право». На зеленой обложкѣ привычная русскому глазу эмблема закона, увѣнчанная уже не короною, а птицею мудрости, совою, очертанія которой даютъ, однако, почти тождественное съ прежнимъ зрительное впечатлѣніе.

Русское общество въ Латвіи выступило съ начинаніемъ, исполненнымъ мужественной вѣры. Вѣры въ то, что русское право, хоть и замѣненное на родинѣ совѣтскою политикою, но живущее въ Эстоніи, Латвіи, Литвѣ и отчасти въ Польшѣ, попрежнему нуждается и въ практическомъ истолкованіи и въ теоретическомъ углубленіи Вѣры и въ то, что на почвѣ работы надъ правомъ желательно и возможно русско-латвійское, русско-эстонское, русско-литовское, даже русско-польское сотрудничество. Пусть новое «Право» оказалось не болѣе, какъ ежемѣсячникомъ, и то несовсѣмъ (только 10 номеровъ въ годъ), пусть его тетрадки теперь не такъ объемисты, — лиха бѣда начать, а начало «Закона и суда» очень удачно: обѣщаніе редакціи говорить «не вороватымъ фальцетомъ уголивости, а груднымъ голосомъ уваженія къ истинѣ» выполнено безукоризненно.

Всѣ вышедшіе номера неизмѣнно возглавляются «Дневникомъ юриста» О. О. Грузенберга. Авторъ со свойственнымъ ему блескомъ словеснаго дара и юридической мысли откидается на злобу дня далеко не злободневными сужденіями. Поборникъ началъ, на которыхъ воздвигнуты судебные уставы 1864 г., онъ загорается огнемъ подлиннаго моральнаго пафоса, согрѣвающего и освѣщающаго изнутри каждый доводъ, говоритъ ли онъ о ненарушимости профессиональной тайны, или о границахъ и средствахъ судебного изслѣдованія и о предсѣдательской этикѣ, или же о дорогомъ для подавляющаго большинства русскихъ судебныхъ работниковъ институтѣ присяжныхъ засѣдателей. И въ крупныхъ вопросахъ, и въ сравнительно пространныхъ замѣткахъ, и въ юридическихъ сужденіяхъ и въ воспоминаніяхъ и характеристикахъ — всюду О. О. Грузенбергъ даетъ «Дневникъ» не только «юриста»; но и общественного дѣятеля, которому богатая жизненная провѣрка принциповъ опытомъ и опыта принципами позволяетъ видѣть вдаль и вширь. Даже и тогда, когда съ авторомъ не соглашаешься, нельзя не любоваться его умѣнемъ подать свою мысль.

Выходя въ Латвіи, журналъ естественно посвящаетъ преимущественное вниманіе мѣстному праву. Не только печатаемые въ приложенияхъ законы и инструкции, не только справочные отдѣлы («Законодательная лѣтопись», «Судебная практика», «Хроника») почти сплошь латвійскіе, но Латвію (и лимитрофы по соседству съ ней) обслуживаютъ также многія статьи. Тѣмъ не менѣе страницы журнала гостепріимно раскрыты статьямъ о «законѣ и судѣ» въ разныхъ странахъ зап. Европы и въ Соединенныхъ Штатахъ сѣв. Америки, даже о совѣтской

России. Есть и статьи, посвященные деятельности Лиги Наций, затрагивающие общеєвропейские вопросы права, поднимающиеся къ вершинамъ общей теоріи и философіи права.

Въ короткой рецензіи нѣтъ возможности, да и надобности дать исчерпывающее изложеніе всего предлагаемаго «Закономъ и судомъ» содержанія. Проходя молчаніемъ справочные отдѣлы журнала, составляемые очень интересно, и статьи чисто-информационнаго и комментаторскаго порядка, изъ которыхъ не одна заслуживала бы признательнаго отзыва, прежде всего упомянемъ двѣ статьи М. В. Вишняка по острому меньшинственному вопросу: «Новая держава» и «О международной защитѣ меньшинствъ», кратко (по сравненію со своею обстоятельностью), но выразительно свидѣтельствующія, какъ трудно даже воплоти назрѣвшимъ потребностямъ настоящаго пребывать изподъ кирпичей прошлаго. Не менѣе, пожалуй, важный вопросъ затронуть въ статьяхъ В. Н. Новикова: «О свободѣ печати во Франціи» и «Положеніе печати въ Италіи», но авторъ, видимо, сочувствующій и проекту Ж. Валуа о синдикальной организаціи французскаго газетнаго дѣла и уже осуществленной государственной регуляровкѣ періодической прессы во владѣніяхъ фашистовъ, идетъ, къ сожалѣнію, мимо многочисленныхъ грозныхъ опасностей, которыми чреваты такіа мѣры. Насущныхъ вопросовъ широкаго значенія коснулись А. А. Гольденвейзеръ и Е. М. Кулишеръ. Первый въ «Письмахъ изъ Берлина» живо изложилъ недавній парламентскій препирательство въ Германіи вокругъ вопроса о смертной казни, а оба они, Е. М. Кулишеръ въ статьѣ «Инфляціонная собственность въ германской судебной практикѣ» и А. А. Гольденвейзеръ въ третьемъ «Письмѣ изъ Берлина» разсказываютъ о вліяніи валютныхъ потрясеній на гражданское право.

Остальныя статьи журнала предназначены для значительно болѣе узкаго круга лицъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ правовѣдѣнію, и здѣсь мы вынуждены ограничиться только перечисленіемъ нѣкоторыхъ авторовъ. Вопросамъ судоустройства и судопроизводства посвящены статьи С. А. Бѣлякина, С. К. Гогеля, И. М. Тютрюмова, А. Н. Лазаренко. Вниманіе цивилиста привлекаютъ статьи того же И. М. Тютрюмова, В. И. Сипайскаго, В. М. Кацнельсона, Р. В. Фреймана, Б. И. Элькина, В. Б. Ельяшевича. Изъ авторовъ, ставящихъ вопросы уголовнаго права, назовемъ П. Н. Якоби, Н. С. Тимашева. Наконецъ, нельзя не назвать статьи М. Лазерсона о русской философіи права.

Удастся ли окрѣпнуть и упрочиться новому русскому юридическому журналу въ тяжелыхъ условіяхъ современности, кто можетъ предсказать? Но помочь ему не однимъ словомъ, а также и дѣломъ — обязанность, думается, cadaго русскаго зарубежнаго юриста.

Сергій Завадскій.

In the Land of communist dictatorship. (Labour and social conditions in Soviet Russia To day) by Anatole V. Baikalov.

Книга эта написана человекомъ, лучшие годы свои отдавшимъ рабочему движенію въ Россіи. Марксистъ по убѣжденіямъ, А. В. Байкаловъ принадлежалъ къ с. д. партіи большевиковъ вплоть до 1917 г. Для него этотъ годъ сталъ годомъ пересмотра не только тактики, но и идеологии. А. Байкаловъ, какъ и нѣкоторые другіе его товарищи по партіи, почувствовали въ линіи поведенія руководящихъ центровъ партіи большевиковъ большую опасность для судьбы рабочаго класса. Онъ имѣлъ мужество продумать свои сомнѣнія до логическаго вывода, и вышелъ изъ партіи.

Уже эта краткая біографическая справка даетъ основаніе ожидать, что въ «Странѣ Коммунистической Диктатуры» вниманіе Байкалова будетъ привлечено положеніемъ рабочаго класса главнѣйшимъ образомъ. И дѣйствительно, за небольшими исключеніями вся книга является обслѣдованіемъ того, насколько при коммунистической диктатурѣ претворились въ жизнь идеалы, насколько удовлетворены духовные и матеріальные интересы одного класса — именно рабочаго.

Это суженіе поля зрѣнія автора имѣло однако два благихъ слѣдствія. Во-первыхъ, оно дало ему возможность, несмотря на небольшое относительно количество страницъ (280), представить исчерпывающей матеріалъ. И, во-вторыхъ, оно придало книгѣ особую цѣнность. Книга эта написана такъ, что рабочій находитъ въ ней отвѣты на рядъ жизненныхъ для него, чисто практическихъ вопросовъ. И несомнѣнно, что книга Байкалова сдѣлаетъ много въ смыслѣ такого изживанія большевизма въ средѣ англійскаго рабочаго класса.

Глава за главой, объективно и съ постояннымъ указаніемъ на совѣтскіе источники показываетъ авторъ англійскому рабочему, что получили русскіе рабочіе въ результатѣ установленія въ Россіи режима «диктатуры пролетариата». Обслѣдованію подвергнуты всѣ стороны жизни рабочаго, борьба за улучшеніе которыхъ и составляетъ существо рабочаго движенія въ капиталистическихъ странахъ.

Первыя же страницы книги вскрываютъ истинное существо главнѣйшей фикціи коммунистической практики. Фактическимъ носителемъ диктатуры является въ Россіи вовсе не пролетариатъ. Во время большевицкаго переворота партія насчитывала 45 - 50 тыс. человекъ. Регистрація по классовой принадлежности въ то время не велась, но съ полной несомнѣнностью можно сказать, что большинство партіи состояло изъ интеллигентовъ, рекрутировавшихся изъ самыхъ разнородныхъ классовъ. Перепись партіи въ 1922 г. даетъ изъ общаго количества членовъ въ 514.529 только 90 900 человекъ или 17,6% рабочихъ, дѣйствительно занятыхъ въ индустріи или транспортѣ. Длѣе мы видимъ рядъ безуспѣшныхъ попытокъ обратить большевицкую партію въ пролетарскую не только по имени, но и по существу. XIII-ая конференція (1925 г.) настаивала на доведеніи процента рабочихъ въ партіи до уровня не ниже 50%. Однако перепись 1927 г. дала только 36,7% рабочихъ, а перепись 1928 г. — 40,8%. Въ послѣд-

нее время наблюдается в рабочей среде тенденция к выходу из коммунистической партии. Вряд ли потому удастся дойти до 50%, несмотря на самые энергичные меры набрать в партию как можно больше так называемых «выдвиженцев».

Неутомимы цифры и богатый фактический материал, приводимый в книге, освещают различные стороны жизни рабочего. В настоящей заметке мы можем привести только немногие яркие свидетельства.

Начнем с рабочего дня. Оказывается, что возвышенная коммунистической властью сорока четырех часовая (в среднем) неделя это тоже фикция. На самом деле 7 час. 20 мин. работы в день это минимальный и притом редкий предел. Зачастую рабочий день доходит до 13 час. в сутки, а число рабочих дней в неделю до 7. Вводимая же в последнее время система 7 часового рабочего дня принесла с собою на практике резкое ухудшение в условиях труда. Так по крайней мере об этом свидетельствует медико-санитарный съезд в Петроград (1928 г.).

Реальная заработная плата достигала в 1928 - 29 экономическом году только 86% довоенной (1913 - 14 г.). Фактически она была еще на много ниже, благодаря взимаемым с рабочего различным т. н. «добровольным» пожертвованиям».

Число безработных выросло в середине 1929 г. до внушительной величины в 3.000.000 человек. Санитарные условия на фабриках по истине ужасны. Охрана трудящегося поставлена так безобразно, что число несчастных случаев на советских фабриках и заводах уже в 1924 г. превосходило в 17 раз соответствующия числа в Германии и в 14 раз в С. Ш. А.

Число это быстро растет. В 1927 - 28 г. оно дошло до 213 несчастных случаев на 1.000 рабочих в РСФСР и до 339 на Украине.

Не лучше обстоит дело с жилищными условиями. При 4,1 кв. ярда на человека (Урал), 5,2 (Северн. Кавказ индустриальный рабочий) и 3,6 кв. ярда (Северн. Кавказ железнодорожный рабочий) жилищной площади (считая в том числе кухни, коридоры и т. д.) — отсутствие элементарных санитарных удобств. Вновь сооружаемые коммунистической властью дома для рабочих бывают в этих отношениях часто настолько плохи, что рабочие категорически отказываются переселяться в них (Владимирская губ.).

Естественно, что при таких санитарных условиях на заводах и дома состояние здоровья русского рабочего больше чем неудовлетворительно. Весною 1928 г. были подвергнуты в Москве медицинскому освидетельствованию 16.000 молодых рабочих в возрасте до 18 лет. Из них оказалось больных 61,5%. В том числе: малокровие 18,5%, туберкулез — 15,5%, болезни сердца — 9,5%, нервная заболванья — 8,5% и т. д.

Такова материальная сторона существования рабочего в результате 12 лет коммунистической диктатуры.

Можетъ быть однако рабочій, ставши организаторомъ и хозяиномъ индустриальнаго производства, испытываетъ радости хозяйственнаго творчества? Быть можетъ, рабочій настолько счастливъ своимъ привилегированнымъ положеніемъ въ государствѣ, что передъ этимъ душевнымъ настроеніемъ всѣ физическія невзгоды — ничто?

Отвѣтъ на эти вопросы мы также находимъ въ книгѣ Байкалова.

Стремленіе дать рабочимъ участіе въ управленіи заводскимъ производствомъ наблюдалось только въ первые годы коммунистической диктатуры. Въ дальнѣйшемъ это участіе все больше и больше сводится на нѣтъ, а въ 1928 г. видный совѣтскій писатель А. Гольцманъ спрашиваетъ въ своей статьѣ въ «Трудѣ»: «Участвуютъ ли рабочіе СССР въ управленіи промышленностью?» — и отвѣчаетъ: «На этотъ вопросъ отвѣтъ долженъ быть такой: очень незначительно; если угодно, они не участвуютъ въ немъ совсѣмъ». Большевики стараются, конечно, соблюсти видимость. При помощи чисто декоративнаго института — «экономическое совѣщаніе» — они пытаются создать фикцію. Въ дѣйствительности же однако рабочій совершенно безсиленъ повліять въ смыслѣ улучшенія хода дѣла на своемъ предпріятіи даже тогда, когда онъ ясно видитъ, что дѣло валится въ пропастъ и когда онъ искренне хотѣлъ бы помочь. Отсюда апатія среди лучшихъ и цѣлнѣйшихъ рабочихъ. Мрачное ожиданіе неизбежнаго крушенія.

Коммунистическая теорія государственнаго управленія промышленностью создала знаменитый «треугольникъ» изъ заводскаго комитета, заводской администраціи и коммунистической заводской ячейки. Всѣ эти три института въ конечномъ счетѣ зависятъ отъ коммунистической партіи. Теоретически они должны уравновѣшивать и взаимно контролировать другъ друга, ибо съ одной стороны они охраняютъ права рабочаго, съ другой управляютъ производствомъ и наблюдаютъ за исполненіемъ рабочимъ его обязанностей, наконецъ, съ третьей являются «окомъ партіи». Практически же этотъ треугольникъ обычно образуетъ «объединенный фронтъ» — терминъ снятаго нынче съ работы быш. председателя профессиональных союзовъ Томскаго. И рабочій оказывается внутри створовъ треугольника, какъ въ тискахъ, изъ которыхъ нѣтъ возможности вырваться. Ни о какой свободѣ въ смыслѣ демократическихъ парламентскихъ странъ тутъ ужъ не приходится и думать. Рабочій попадаетъ въ безысходную чисто рабскую зависимость.

Книга Байкалова написана о судьбахъ одного класса — рабочаго. И за всѣмъ тѣмъ въ результатъ чтенія ея встаетъ горькій вопросъ: если тотъ классъ, въ жертву интересамъ котораго коммунистическая диктатура принесла всѣ остальные классы, оказался въ такомъ мрачномъ тупикѣ, то зачѣмъ же все это море слезъ и крови, порабощеніе человеческой личности, наконецъ, разрушеніе искусства, науки, самого государства?

М. Брайкевичъ.

Arthur Feller. Das Experiment des Bolschevismus. Frankfurt a/M. 1929. S. 270.

Появившаяся в концѣ 1929 г. небольшая книга одного изъ редакторовъ газеты «Frankfurter Zeitung» Артура Фейлера подъ заглавиемъ: «Большевистскій Экспериментъ», имѣла въ Германіи большой успѣхъ. И надо признать, что успѣхъ этотъ заслуженный.

Книга является результатомъ поѣздки, совершенной авторомъ въ мартѣ по июнь 1929 г. Авторъ обнаружилъ въ своей книгѣ совершенно исключительную наблюдательность, умѣние уловить самыя существенныя черты столь запутанной и для иностранца весьма загадочной русской дѣйствительности и въ нѣсколькихъ характеристич. фактахъ и картинахъ ее отобразить. Столь обычныя у иностранцевъ, впервые посѣщающихъ Россію, ошибки или даже прямо пелѣности въ книгѣ Фейлера совершенно не встрѣчаются. Онъ сумѣлъ кратко резюмировать всю проблематику русской революціи.

Но, что должно быть выѣнено въ особую заслугу Фейлеру, такъ это тотъ фактъ, что, принадлежая къ тѣмъ радикальнымъ кругамъ германской интеллигенціи, которые одержимы, какъ Фейлеръ самъ выражается, «павосоми революціи», революціи, какъ таковой, онъ сумѣлъ сохранить строгую объективность при характеристикѣ русской дѣйствительности.

Какъ Фейлеръ самъ пишетъ въ предисловіи, его впечатлѣнія о русской дѣйствительности «потрясающи». Картина, которую онъ рисуетъ, весьма неблагоприятна.

«Соціализмъ есть богатство, такъ гласитъ ученіе. Но, въ настоящее время», пишетъ Фейлеръ, «русскіе люди живутъ въ бѣдности, терпятъ лишения, а мѣстами прямо голодаютъ». Всѣ блага, какъ выражается авторъ, «спрягаются въ будущемъ времени».

Даже въ положеніи рабочаго класса, во имя интересовъ котораго совершена революція и воздвигнутъ режимъ диктатуры, много проблематичнаго. Онъ сносно вознаграждается, но «съ конца 1927 г., съ тѣхъ поръ, какъ Сталинъ сдѣлалъ поворотъ налѣво, его положеніе опять ухудшилось» Рабочій классъ въ результатѣ революціи имѣетъ несомнѣнно рядъ завоеваній: сокращеніе рабочаго дня, хорошо устроенные клубы, новыя возможности достиженія образованія и т. т. Но съ вопросомъ демократизаціи управления производствомъ дѣло обстоитъ очень неясно. Существуютъ нѣкоторыя демократическія формы, но все это въ рамкахъ диктатуры, и всѣ важныя дѣла въ сущности рѣшаются коммунистическая ячейка.

Положеніе другихъ классовъ, конечно, хуже. У крестьянства Фейлеръ констатируетъ упадокъ духа (Entmutigung), ибо оно чувствуетъ, что его работа безплодна.

Если такъ обстоятъ съ богатствомъ, то со свободой обстоитъ еще хуже. «Совѣтское правительство», пишетъ Фейлеръ (стр. 195), «навязало формы жизни, хозяйства, бытія и мышленія народу въ 150 милліоновъ душъ, безграничной странѣ съ 80%-ми крестьянъ; ничего подобнаго свѣтъ еще не видѣлъ». «Само населеніе живетъ подъ

такимъ режимомъ шпіонажа и доносительства, что почти никто никому не вѣрять, что часто даже коммунисты другъ другу не вѣрятъ; вся страна пребываетъ въ атмосферѣ страха и запуганности, какъ-бы подъ вѣчнымъ невыносимымъ гнетомъ» (стр. 215).

Съ содроганіемъ описываетъ Фейлеръ судьбу «бывшихъ людей», которымъ оставлены только двѣ дороги: нищенство или самоубійство, но которымъ даже не разрѣшено покинуть страну. И съ ужасомъ отмѣчаетъ авторъ, что эти гоненія распространяются и на дѣтей, и на внуковъ «бывшихъ людей».

Давленіе диктатуры отражается соответствующимъ образомъ и въ духовной жизни. «Уровень мышленія, которое лишено духовнаго тренія, снижается... Вмѣстѣ со свободой мысли падаетъ и ея полетъ» (стр. 268).

Мѣстами, чтобы смятчить удручающее впечатлѣніе, авторъ замѣчаетъ, что все-таки не слѣдуетъ сравнивать теперешней Россіи съ Западомъ, а надо ее сравнивать со старой Россіей. Тогда, быть можетъ, положеніе было немногимъ лучше. Но дореволюціонной Россіи Фейлеръ не знаетъ.

Несмотря на мрачную картину русской дѣйствительности, Фейлеръ не потерялъ вѣры въ большевистскую революцію. Можетъ ли быть социализмъ осуществленъ? Да, отвѣчаетъ Фейлеръ, если у населенія хватитъ терпѣнія, хватитъ вѣры въ теченіе достаточно долгаго времени, или если можно съ помощью пасивиственныхъ мѣръ «заставить населеніе, если не вѣрять, то терпѣть».

И въ отношеніи диктатуры Фейлеръ настроенъ оптимистично. Ея опасности ему ясны, и сами коммунисты ему говорили, что они не прочь навсегда сохранить этотъ институтъ. Но самъ Фейлеръ считаетъ ее лишь временной необходимостью, онъ вѣрять, что она изменится. (Внутренней связи между социалистическимъ строительствомъ большевиковъ и режимомъ диктатуры онъ не усматриваетъ).

Въ чемъ, однако, Фейлеръ сомпѣвается, такъ это въ томъ, чтобы большевистскій социализмъ даже послѣ его полнаго воплощенія въ дѣйствительности въ отношеніи производительности труда стоялъ выше, чѣмъ капитализмъ. Но, по его мнѣнію, это совсѣмъ не необходимо. Массы совсѣмъ не настроены такъ материалистично, какъ это полагаетъ марксизмъ. Социализмъ для нихъ «вѣчное евангеліе угнетенныхъ, евангеліе справедливости, свободы и чедовѣческаго достоинства» (стр. 261). Фейлеръ ставитъ вопросъ: «развѣ не предпочтительнѣе согласиться на матеріально болѣе скромную жизнь, если только она является болѣе достойной..» (стр. 262).

Въ чемъ-же выражается эта болѣе достойная жизнь? Фейлеръ въ сущности въ состояніи привести лишь одно преимущество новаго строя: «здѣсь у отдѣльныхъ лицъ или классовъ нѣтъ власти, связанной съ обладаніемъ капиталомъ». Но вѣдь Фейлеру должно было-бы извѣстно, что въ новомъ строѣ могущество властвующей политической партіи вырастаетъ неимовѣрно и выражается въ такихъ грубыхъ формахъ, которыя въ условіяхъ такъ наз буржуазнаго госу-

дарства немыслимы, ибо последнее строится на основахъ права. Но это возраженіе для Фейлера не имѣетъ силы, ибо онъ не хочетъ видѣть того, что въ самой основѣ большевизма лежитъ режимъ диктатуры.

Однако, въ заключеніе Фейлеръ пытается формулировать идеаль большевизма не въ отрицательной, а въ положительной формѣ. Это идеаль «коллективизація человѣка». Индивидуальности больше нѣтъ, — «существуетъ только масса».

При всей его симпатіи къ революціи у Фейлера, какъ у европейца, дрожь проходитъ по кожѣ отъ этого идеала. Дѣйствительно, какое отношеніе можетъ имѣть этотъ стадный человѣкъ къ тому, что мы именуемъ человѣческимъ достоинствомъ? Для стаднаго человѣка важно одно, — чтобы его ясли были полны; свобода ему не нужна, и ударъ диктаторскаго бича онъ можетъ воспріять только какъ боль, но не какъ униженіе несуществующаго у него человѣческаго достоинства.

Фейлеръ полагаетъ, что Европа недооцениваетъ той угрозы, которую для нея представляетъ большевизмъ. Намъ представляется, что эта угроза состоитъ главнымъ образомъ въ той китайской стѣнѣ, которой большевики сумѣли отгородить Россію отъ всего міра, и которая даетъ имъ возможность разрисовывать передъ рабочимъ классомъ Запада и передъ его радикальной интеллигенціей картины совѣтскаго рая. Въ тотъ моментъ когда Западъ узнаетъ, какова жизнь въ Совѣтской Россіи, ея обаяніе смѣнится отвращеніемъ. Съ этой точки зрѣнія нельзя не привѣтствовать появленія книги Фейлера и пожелать ей широкаго распространенія. То, что она написана принципиальнымъ поклонникомъ революціи, вообще, и большевистской, въ частности, даже увеличиваетъ ея значеніе.

П. Бруцкусъ.

Б. Вышеславцевъ. Сердце въ христіанской и индійской мистикѣ. Парижъ, 1929. Стр. 78.

Брошюра Вышеславцева затрагиваетъ крайне существенную тему. Въ христіанской, главнымъ образомъ мистической, литературѣ вся психологическая жизнь человѣка обычно разсматривается, какъ поверхность надъ нѣкою глубиною, «бездною», какъ опредѣляемъ и порождаемая этою глубиною. Эта «бездна» часто получаетъ названіе «сердца». Судьбы человѣка рѣшаются на этой послѣдней глубинѣ его существа. Именно тамъ опредѣляется человѣкъ къ добру или злу, избираетъ путь божескій или сатанинскій. Въ проблемѣ «сердца», какъ убѣдительно показываетъ Вышеславцевъ, заложена вся проблематика человѣческой свободы. Ибо послѣдняя и глубочайшая свобода есть свобода самоопредѣленія «сердца». Послѣдняя сущность свободы — именно въ опредѣленіи себя къ добру или злу.

Б. Вышеславцевъ набрасываетъ въ рядѣ очерковъ нѣсколько отдѣльныхъ отрывковъ изъ исторіи ученія о «сердцѣ» — въ Библии

(вряд ли удачно при этомъ полное слiаніе изложенія ученія о «сердцѣ» въ Вѣтхомъ и Новомъ Завѣтѣ), въ индiйской мистикѣ (ярко намѣчено различіе буддiйскаго и христiанскаго ученія о сердцѣ), у отцовъ церкви, культъ сердца Иисуса въ католицизмѣ. Вторая половина брошюры посвящена анализу проблемы свободы въ связи съ «философiей сердца». Здѣсь наиболѣе существенно утверждаемое авторомъ единство «свободы» и «свѣта» (знанія) въ «сердцѣ». Здѣсь «Философiя сердца» неожиданно соприкасается съ ученіями нѣмецкаго идеализма (позднiй Фихте) и современной нѣмецкой философiи (Максъ Шелеръ).

Тема поднята авторомъ огромная и въ послѣднее время крайне «заброшенная». Самъ авторъ, впрочемъ, пожалуй, еще нѣсколько прувеличиваетъ эту «заброшенность»: кромѣ В. В. Зыньковского (упоминаемаго авторомъ) тему сердца встрѣчаемъ въ исторiи русской религіозной мысли не разъ, правда, не всегда въ достаточно-ясной формѣ — отъ Вл. Соловьева и до о. С. Булгакова. П. Д. Юркевичъ, вѣроятно, — черезъ Соловьева — оказалъ въ этомъ пунктѣ рѣшающее вліяніе на русскую мысль. Авторъ, по какому-то недоразумѣнію, упоминаетъ о Юркевичѣ, однако, хочетъ ограничить содержаніе его статьи «Сердце и его значеніе въ духовной жизни человѣка» только «постановкой вопроса и собраніемъ цитатъ». Между тѣмъ, для Юркевича «сердце» — тема основная, разработанная имъ весьма своеобразно, какъ и значительно позже у М. Шелера, съ рѣшительнымъ подчеркиваніемъ «эмоціональных» элементовъ жизни «сердца», и опредѣляющая собою цѣлый рядъ основныхъ понятій философiи Юркевича (ср. «Идею», Педагогическіе труды). На Украинѣ «философiя сердца» значительно старше. Она восходитъ не только къ Сквородѣ, у котораго занимаетъ исключительно-центральное мѣсто (о Сквородѣ авторъ даже не упоминаетъ), но, пожалуй, даже и къ Кириллу Транквилиону Ставровецкому (на переломѣ XVI - XVII в. в.).

Авторъ какъ будто склоненъ ограничить исторію темы «сердца» на Западѣ культомъ «сердца Иисуса», да еще, пожалуй, учениемъ мастера Екгарта о «искоркѣ». Это послѣднее ученіе находитъ, однако, отзвукъ и въ позднѣйшей нѣмецкой мистикѣ — у Таулера, В. Вейгеля, Я. Беме, Ангела Салесія. А въ средневѣковой философiи «философiя сердца» была представлена въ самыхъ различныхъ формахъ. У Фомы Аквинскаго также находимъ слова о «душевной искоркѣ» (*scintilla animae*), подобныя же ученія встрѣтимъ и у викторинна Рихарда (*intimus menti sinus*), да уже у Петра Ломбардскаго (*superior scintilla rationis*). А въ античной философiи эти мысли намѣчены у Прокла въ ученіи о «вершинѣ души» и еще раньше у Филона Александрiйскаго въ ученіи о «душѣ души», у котораго возможна и связь съ Вѣтхимъ Завѣтомъ. — Все многообразіе ученій о сердцѣ можно сгруппировать около двухъ «полюсовъ» — на одной сторонѣ понимающія сердце какъ «транспсихическое» начало, на другой — какъ эмоціональная сторона психики или по крайней мѣрѣ, какъ по преимуществу связанное съ эмоціональною сферою психическое бытіе («эмоціоналистическая» философiя сердца развита, напр., Юркевичемъ, Ку-

лишемъ, Зѣньковскимъ, «транспсихическая» — напр., Сквородю, Гоголемъ).

Возможно, что авторъ и не хотѣлъ дать полной исторіи «философіи сердца». Но вслѣдствіе неполноты его очерка, осталась внѣ разсмотрѣнія и одна изъ существеннѣйшихъ связанныхъ съ философіей сердца проблемъ — вопросъ о конфессіональныхъ различіяхъ въ философіи сердца (можно ли говорить о различіяхъ католическаго, протестантскаго и православнаго ученія о сердцѣ и каковы эти различія?).

Надо надѣяться, что авторъ вернется къ проблемамъ «философіи сердца», проблемамъ, какъ сказано, «заброшеннымъ» теоретической философіей, но, пожалуй, еще болѣе исторіей философіи.

Дж. Чижевскій.

G. D. H. Cole. The Next Ten Years in British Social and Economic Policy. Macmillan and Co, London. 1929. Стр 459.

Новая книга Дж. Коля представляетъ въ двоякомъ отношеніи выдающийся интересъ: извѣстный лидеръ гильдейскаго социализма (см. подробное изложеніе и разборъ его ученія въ нашей статьѣ въ кн. 29 «Совр. Зап.») рѣшительно отходитъ въ ней отъ своей первоначальной точки зрѣнія, и, во-вторыхъ, книга Коля даетъ исчерпывающій анализъ конкретныхъ, чисто практическихъ задачъ, стоящихъ передъ Рабочимъ (правильнѣе — Трудовымъ) правительствомъ Великобританіи. «Я вполне сознаю, говоритъ Коля, что въ этой книгѣ я въ значительной мѣрѣ отказываюсь отъ того, что говорилъ раньше». Основаніе къ этой перемѣнѣ собственныхъ взглядовъ Коля усматриваетъ какъ въ измѣненіи объективной экономической обстановки послѣ войны, такъ и въ сознаніи имъ утопізма своихъ прежнихъ воззрѣній. Предпосылкой до-военнаго социализма было «благополучіе капитализма» и социализація, принимаемая какъ націонализація, имѣла въ виду передачу въ публичную собственность предприятия, «работавшаго на полномъ ходу». Нынѣ положеніе измѣнилось: промышленность, подлежащая социализаціи, тяжело больна, и рѣчь идетъ въ первую очередь о томъ, чтобы возвратитъ ей здоровье. Предлагающій націонализацію долженъ прежде всего показать, что націонализація повлечетъ за собою ростъ производительности и сохраненіе за рабочими реальной (т. е. окупающей себя) работы. Такъ обстоятъ дѣло одинаково въ угольной и во всякой другой промышленности въ Англіи. Это измѣненіе объективной обстановки усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что социалистическая партія въ Великобританіи стала нынѣ правительственной партіей, что возлагаетъ на нее отвѣтственность за состояніе промышленности и рынка труда. Соотвѣтственно этому Коля исходитъ въ своей книгѣ не изъ отвлеченнаго идеала наилучшаго экономического строя, а изъ конкретнаго анализа современнаго состоянія британской торговли и промышленности, и въ центрѣ его положительной программы стоитъ проблема борьбы

съ безработицей и возстановленія промышленности, откуда уже вытекають мѣропріятія по проведенію рационализаціи промышленности, ея финансированія, обезпеченія рынка и т. д. Вопросы социализма, рабочаго контроля, реорганизациі банковской системы, налогового обложенія, вѣтшей экономической политики разрываются въ связи и соотвѣтственно съ основной проблемой возстановленія промышленности, такъ же, какъ и цѣлый рядъ другихъ связанныхъ съ ними вопросовъ, какъ напр., земледѣльческая политика, реформа мѣстнаго управленія и школьной системы. Все это придаетъ книгѣ Коля до чрезвычайности конкретный характеръ, почему даже несогласные съ его точкой зрѣнія и мѣрами, имъ предлагаемыми, прочтуть съ интересомъ его книгу, представляющую превосходный обзоръ современнаго экономического, политическаго и культурно-общественнаго состоянія Англїи.

Субъективные мотивы, побудившіе Коля къ измѣненію имъ своихъ взглядовъ, тѣсно связаны съ этимъ поворотомъ социалистической политики въ Англїи въ направленїи конкретности и практицизма. Утопизмъ гильдейскаго социализма проявлялся, но его мѣткою, въ особенности въ двухъ пунктахъ: съ одной стороны, въ немъ слишкомъ еще сильна была романтическая и типично интеллигентская (Рескинъ) мечта объ одухотворенїи всякаго труда въ хозяйствѣ, о превращенїи его въ творческій трудъ, интересный самъ по себѣ, подобно тому, какъ «мой собственный трудъ интересуетъ меня», «составляя одно съ завѣтнымъ ядромъ моей личности». Но такая организація труда невозможна: исключить механическій трудъ изъ хозяйственной жизни пемыслимо, да и большая часть людей совсѣмъ не стремится и неспособна связать свой повседневный трудъ съ глубочайшими интересами своего я, предпочитая удовлетворять послѣдніе внѣ труда. Самъ уже отчасти сознавая это, гильдеизмъ думалъ найти замѣну личной заинтересованности трудомъ въ крайнемъ развитїи хозяйственнаго самоуправленія, полагая, что активное участіе каждаго работающаго въ управленїи промышленностью можетъ возбудить интересъ его къ труду, который самъ по себѣ лишенъ внутренняго интереса. Отсюда взглядъ гильдеизма на самоуправленіе не только какъ на средство и даже на благо въ себѣ, а какъ на абсолютное и безусловное благо, — взглядъ, составляющій вторую утопическую черту гильдеизма. Демократія, «умножающая безъ нужды комитеты и представительные органы и полагающая, что всякое дѣло дѣлается лучше тогда, когда множество народу занято тѣмъ, что можетъ быть сдѣлано однимъ человѣкомъ», — такая демократія заранѣе обречена на неудачу. Средній человѣкъ не стремится совсѣмъ управлять. «Великая сила консерватизма заключается какъ разъ въ томъ, что онъ не дѣлаетъ ошибки, предполагая, что человѣкъ есть только и исключительно политическое животное». Если сейчасъ, когда рѣчь идетъ о борьбѣ съ капитализмомъ, рабочіе могутъ еще быть длительно заинтересованы въ выборахъ и самоуправленїи, то «по упраздненїи капитализма они почіють на лаврахъ и предоставятъ управленіе промышлен-

ностью тѣмъ, чьи вкусы и способности лежать въ этомъ направленіи». Подлинная демократія «заключается не въ томъ, что всѣ управляютъ или даже назначаютъ делегатовъ для управленія, но въ томъ, что ею обезпечиваются дѣйствительныя средства, гарантирующія такое управленіе, которое отвѣчаетъ нуждамъ управляющихъ». Поэтому самоуправленіе можетъ и должно быть введено въ хозяйственную жизнь лишь въ мѣру, исключаящую возможность «утопленія демократіей» и обезпечивающую дѣйствительное активное участіе въ немъ большинства рабочихъ.

Какъ же самъ Коль понимаетъ теперь социализацию? Конечно, не какъ «простое распространеніе политической власти государства на промышленность и передачу управленія послѣдней государственнымъ департаментамъ съ подчиненіемъ ихъ государственному служащимъ». Какъ разъ заслуга гильдейскаго социализма заключается въ томъ, что онъ «убилъ и окончательно похоронилъ это коллективистическое воззрѣніе». Только коммунисты защищаютъ еще нынѣ это «допотопное» понятіе социализации. Всѣ же социалисты «признаютъ теперь, что ростъ социализации означаетъ развитіе совершенно новой техники общественнаго управленія и контроля надъ промышленностью». Технику эту совсѣмъ не предполагаетъ націонализация всѣхъ промышленныхъ предприятий, означая лишь «подчиненіе всей системы промышленности, какъ цѣлаго, дѣйствительному общественному контролю, пользуясь для достиженія этой цѣли разнообразными средствами соотвѣтственно специальнымъ особенностямъ различныхъ формъ промышленныхъ предприятий». Однимъ изъ такихъ средствъ, применимымъ въ особенности по отношенію къ крупной промышленности, требующей широко идущей рационализаци и стандартизации производства, является «подчиненіе ея особой комиссіи специалистовъ, отвѣтственной передъ парламентомъ въ вопросахъ высшей политики, но надѣленной широкими административными полномочіями». При этомъ нѣкоторыя предприятия или концерны предприятий перейдутъ въ собственность государства или общественныхъ органовъ управленія, иные будутъ подчинены только общему контролю парламентской комиссіи, иные — только пользоваться помощью центральныхъ органовъ промышленности — въ видѣ ссудъ или капитальныхъ вложеній и т. д. Всѣ отдѣльныя комиссіи, въ цѣляхъ координированія ихъ дѣйствій, должны быть подчинены двумъ центральнымъ органамъ: Совѣту національнаго инвестированія и Комиссіи по регулированію физической энергіи и по транспорту. «Рабочее правительство можетъ рѣшить социализировать ту или иную промышленность; но основаніе для этого рѣшенія будетъ частное, а не общее. Оно будетъ социализировать не ради принципа социализированія, а потому, что въ силу специальныхъ условій даннаго частнаго случая социализация данной вѣтви промышленности желательна въ общественномъ интересѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ будетъ имѣть мѣсто «максимальная социализация», вознагражденіе нынѣшнимъ собственникамъ должно быть выплачено «не посредствомъ выпуска specialнаго займа, а посредствомъ выпуска

въ пользу собственниковъ государственныхъ боновъ, предоставляющихъ право участія въ доходахъ социализированнаго предпріятія, или даже съ оставленіемъ собственникамъ ихъ права собственности на капиталъ, но съ лишеніемъ акціонеровъ права распоряженія имъ». Реформа налога на наслѣдства автоматически съ теченіемъ времени усилятъ роль государства и органовъ общественнаго самоуправленія какъ акціонеровъ крупной промышленности, для чего необходимо предоставить право уплачивать налогъ на наслѣдства бонами и акціями предпріятій. Въ вопросѣ о налогѣ на наслѣдства Коля примыкаетъ къ извѣстной «схемѣ Риньяно», исправленной согласно предложеніямъ Дальтона и имѣющей своей задачей «переводъ наслѣдственной собственности въ руки общества въ теченіе трехъ поколѣній». «То, чего хочетъ социализмъ, есть не налогъ на наслѣдства, а упраздненіе наслѣдства въ его теперешней формѣ. Онъ не желаетъ упраздненія частной собственности; но онъ желаетъ сдѣлать ее безвредной посредствомъ рѣзкаго ограниченія ея объема и посредствомъ воспрепятствованія ея собственникамъ использовать ее для властвованія надъ трудомъ другихъ и надъ жизненными средствами производства».

Такимъ образомъ социализмъ въ пониманіи Коля не означаетъ какого-нибудь однообразнаго порядка собственности. При социализмѣ «будетъ широкое поле дѣятельности для гильдій, для кооперативныхъ товариществъ различнаго типа, для чрезвычайнаго расширенія муниципальныхъ предпріятій, даже для продолженія формъ частной предпримчивости», лишенныхъ посредствомъ общественнаго регулированія своихъ зловредныхъ социальныхъ и экономическихъ послѣдствій. Цель социализма есть не установленіе однообразія, а регулированіе многообразія экономической предпримчивости на новыхъ началахъ, предназначенныхъ отвѣчать социальнымъ нуждамъ двадцатаго вѣка... Однообразіе мертвить. Социализмъ ищетъ не ограниченія возможностей инициативы, а чрезвычайнаго расширенія ихъ путемъ упраздненія тѣхъ препятствій, которыя нынѣ стоятъ на пути частной предпримчивости — въ силу крайняго неравенства въ распредѣленіи богатствъ и мертвой руки капитализма, выдающаго въ инициативѣ привилегію одного класса». «Съ развитіемъ социализма формы «соціализации» стремятся, повидимому, ко все большему и большему многообразію, и многообразіе это есть источникъ силы». При этомъ Коля правильно считаетъ, что, отказавшись отъ системы гильдейскаго социализма, онъ остался вѣренъ его идеѣ. Эта послѣдняя сводилась къ двумъ основнымъ началамъ: функциональному принципу и принципу демократическаго контроля надъ хозяйствомъ. Оба эти принципа, составляющіе существо той «новой техники вѣдренія общества въ промышленность», противопоставить которую коллективизму и было исторической заслугой гильдензма, воплотить сохраняются въ предлагаемой нынѣ Колею системѣ управленія промышленностью посредствомъ ответственныхъ передъ парламентомъ, но автономныхъ комиссій экспертовъ. Послѣдняя только освобождается отъ того «злоупотребленія формами представительства», которое было глав-

ной ошибкой въ пониманіи гильдеизмомъ демократіи. Да позволено мнѣ будетъ здѣсь отмѣтить, что критика Колямъ своей прежней точки зрѣнія во многомъ совпадаетъ съ критикой гильдеизма, предложенной мною три года тому назадъ на страницахъ этого журнала (кн. 29 - 31), а новое пониманіе имъ социализаціи очень приближается къ тому, которое я пытался развить тамъ-же подъ названіемъ «инволюціи собственности».

За недостаткомъ мѣста я принужденъ ограничиться здѣсь общей характеристикой новой точки зрѣнія Коля и не могу уже войти въ разсмотрѣніе крайне интересныхъ деталей, касающихся предлагаемыхъ ею мѣропріятій по борьбѣ съ безработицей, возстановленію промышленности, расширенію рынка, такъ же какъ вытекающихъ изъ нея реформы парламента, мѣстнаго управленія (на началахъ регионализма) или системы образованія. Всѣ эти реформы идутъ въ направленіи «деволюціи государства», такъ что и здѣсь Коль остается вѣрнѣе основной идеѣ гильдеизма, хотя и предоставляетъ государству большую роль, чѣмъ та, которая оставалась ему въ гильдейской системѣ. Повторяю, содержаніе книги — не изложеніе отвлеченнаго наилучшаго строя, а характеристика ближайшихъ 10-ти лѣтъ политики Рабочаго правительства. Эта сторона книги, тѣсно связанная съ характеристикой современнаго политическаго и экономическаго положенія Англій, заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія. Для всякаго, интересующагося этимъ послѣднимъ вопросомъ, книга Коля будетъ служить надежнымъ и незамѣнимымъ источникомъ.

С. I. Гессенъ.

Samuel Northrup Harper. Civic Training in Soviet Russia. The University of Chicago Press. Chicago, 1929. Стр. 401+XVI.

Книга эта, принадлежащая перу извѣстнаго знатока Россіи, профессора русской исторіи и литературы Чикагскаго Университета, рѣзко выдѣляется изъ обширной литературы о Сов. Россіи, наводняющей сейчасъ иностранннй книжный рынокъ. С. Гарперъ неоднократно бывалъ въ Россіи, еще начиная съ 1904 года, видѣлъ Россію во время войны (1915 - 1916), во время Временнаго Правительства (лѣто 1917 г.) и, наконецъ, провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ теченіе лѣта и осени 1926 г. Эти личныя впечатлѣнія, обогащенные бесѣдами со старыми и новыми знакомыми, прекрасно дополняются у Гарпера совершенно исключительнымъ знаніемъ литературы вопроса, какъ русской, такъ и иностранной. Вполнѣ понятно, что онъ видѣлъ въ Россіи не только показную сторону, но и подлинную реальность.

Посвященная «гражданскому воспитанію въ Сов. Россіи» книга Гарпера есть одинъ изъ томовъ издаваемой Чикагскимъ Университетомъ подъ редакціей Чарлза Мерриама серіи «Studies in the Making of Citizens»), книга Гарпера значительно шире своего заглавія. Въ ней 16 главъ (Гражданство въ Совѣтскомъ Союзѣ, Коммун. Партія, Комсомоль, Піонеры, Пресса, Сов. Государство, Проф. Союзы, Кооперативное движеніе, Совѣтская общественность, Музеи и экскурсіи,

Праздники и кампаніи, Общее образование, Политич. просвѣщеніе, Литература, искусство и театр, Радио, кино и музыка, Интернационализм и национализм), дающихъ почти что исчерпывающую картину общественной жизни Сов. Россіи (совѣзмъ не касается авторъ только высшей школы и науки, церковной жизни, а также экономическихъ вопросовъ). Особенность книги — ея рѣдкая объективность. Гарперъ начинаеть всегда съ официальныхъ данныхъ и официальной версіи, но тотчасъ же дополняетъ послѣднюю данными, взятыми изъ дѣйствительности (совѣтская пресса или личные впечатлѣнія), а часто также приводитъ сужденія лишь, скептически относящихся къ совѣтскому режиму (оппозиционеровъ-коммунистовъ, спецовъ и эмигрантовъ). Въ связи со строго выдержанной безстрастностью изложенія объективность эта иногда даже раздражаетъ русскаго читателя, не могущаго безстрастно относиться къ тому, что происходитъ на его родинѣ. Но иностранцу, теряющемуся въ хаосѣ противорѣчивыхъ отзывовъ, то неумѣренно восторженныхъ, то столь же безусловно отрицательныхъ, книга Гарпера можетъ внушить въ особенной степени довѣріе, необходимое для получения реального знанія объ этомъ для него столь непонятной странѣ. Русскій же читатель найдетъ въ книгѣ Чикагскаго профессора не только множество новыхъ фактовъ, но и единственную въ своемъ родѣ свѣдку всего самого существеннаго изъ области политической и общественной жизни Сов. Россіи. Изучивъ внимательно книгу Гарпера, мы не нашли въ ней ни одного недоразумѣнія и ни одной ошибки. И если въ рядѣ случаевъ можетъ показаться, что отдѣльные факты отрицательнаго характера авторомъ недостаточно подчеркнуты, то все же общая картина, имъ нарисованная, отличается рѣдкой полнотой и объективностью.

Спеціальная тема книги — характеристика методовъ воспитанія совѣтскаго гражданина, т. е. въ сущности тѣхъ методовъ, съ помощью которыхъ совѣтская власть пытается привлечь на свою сторону населеніе и придать своему господству, основанному на завоеваніи, характеръ народнаго признанія. Безпристрастно изложивъ эти методы и весь аппаратъ одухотворенія диктатуры, самъ Гарперъ воздерживается отъ какого-бы то ни было общаго вывода, ссылаясь на то, что «опредѣлить реальную дѣйственность этихъ методовъ можно будетъ лишь тогда, когда молодое поколѣніе эпохи Революціи вступитъ въ активную жизнь». Однако, выводы эти напрашиваются сами собою, и не будучи связаны объѣтомъ объективности, наложеннымъ на себя авторомъ, мы отмѣтимъ здѣсь нѣкоторые изъ нихъ.

Одинъ изъ самыхъ интересныхъ фактовъ, отмѣчаемыхъ Гарперомъ, это утомленность населенія официальной идеологіей, и притомъ именно рабочаго и крестьянскаго населенія, къ которому въ первую очередь обращается пропаганда политпросвѣта. За 10 лѣтъ своего непрерывнаго воздѣйствія она не только не привила трудовому населенію Россіи «классовой сознательности», но, говоря по просту, осточертѣла. Такъ, напр., даже совѣтскіе фильмы, вызывающіе такой посторѣ у западной буржуазной публики, не только не вызываютъ

у московской публики энтузиазма, но принимаются ею болѣе чѣмъ холодно. Буржуазный Фербэнксъ, по свидѣтельству автора, имѣеть въ Москвѣ гораздо болѣе успѣхъ, чѣмъ даже тѣ революціонныя фильмы (напр., «Потемкинъ» и «Револьверъ и Крестъ»), которые въ техническомъ отношеніи сдѣланы «превосходно». Даже рабочіе-члены коммунистической партіи испытываютъ, по свидѣтельству автора, утомленіе отъ навязываемой имъ «политграмоты». Поэтому и численно незначительные успѣхи «политпросвѣщенія» качественно особенно мизерны. Крестьяне-партійцы опредѣленно «избѣгаютъ партійныхъ школъ», требуя вмѣсто политграмоты, безраздѣльно господствующей въ нихъ, освѣщенія болѣе конкретныхъ проблемъ, какъ «улучшеніе методовъ земледѣлія или кооперативное движеніе». Немудрено, что пивная, церковь и сектантское собраніе успѣшно конкурируютъ съ совѣтскимъ клубомъ. То же самое касается и «массовой активности» населенія, «организованной до чрезвычайности бѣдно». «Демонстраціи и политическія кампаніи какъ двѣ капли воды похожи одна на другую». Замѣчательно при этомъ, что всѣ эти недостатки вполнѣ сознаются правящими кругами, пытающимися разгрузить политпросвѣщеніе отъ пропаганды и ввести въ него начала настоящаго знанія. Но попытки всѣ эти остаются тщетными. Очевидно, въ самомъ существѣ идеологіи коммунизма есть что то, что не позволяетъ ей быть болѣе чѣмъ предметомъ простаго механическаго навязыванія. Конечно, здѣсь сказывается и простая усталость коммунизмомъ и революціонными лозунгами, но очевидно, что и по существу коммунизмъ не способенъ изъ фактора пропаганды переродиться въ факторъ образованія.

Къ книгѣ Гарпера приложена превосходно составленная библиографія русской литературы, касающейся обсуждаемыхъ въ текстѣ вопросовъ, и полный списокъ литературы о Сов. Россіи на англійскомъ языкѣ

С. І. Гессель.

СПИСОКЪ НОВЫХЪ КНИГЪ, ПОСТУПИВШИХЪ ДЛЯ ОТЗЫВА ВЪ РЕД. «СОВРЕМЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ».

- Le Monde Slave**, № 1, 2. — 1930.
- J. M. Lubin** : Zur Charakteristik und zur Quellenanalyse von Pestels «Государственная Правда». — Hamburg. 1930.
- Georges Duménil** : Légendes sur les Nartes suivies de cinq notes mythologiques. — Paris. 1930.
- L. Nolde** : Treue. — Berlin.
- Tourguénev** : Nouveaux Poèmes en Prose. — Editions de la Pléiade. — Paris.
- Michael Gorlin** : Märchen und Städte. — Berlin.
- Heinz Zucker** : Poet von heute. — Berlin.
- Философски Преглед**, под ред. Проф. Д. Михалчева. — № 1 и № 2. — София. 1930.
- Н. Бѣлоцвѣтовъ** : Дикій Медь. — Стихи. — Берлинъ. 1930.
- Гражданская война на Волгѣ въ 1918 г.** — Сборникъ 1-й. — Прага. 1930.
- Социалистический Вестник**: № 6-7, 8, 9, 10, 11 и 12. — Берлинъ
- П. Н. Милоковъ** : Сборникъ матеріаловъ по чествованію его семидесятилѣтія 1859-1929. — Парижъ.
- Проф. М. Лазерсонъ** : Общая теорія права. — Введеніе въ изученіе права. — Рига. 1930.
- Н. Устряловъ** : На новомъ этапѣ. — Харбинъ. 1930.
- Л. Стоддардъ** : Бунтъ противъ цивилизацій. — Харбинъ 1930.
- Карпатскій Свѣтъ**: № 3-4. — Ужгородъ. 1930 г.
- С. Масловъ** : На революціонной работѣ въ Россіи. — Бѣлградъ. 1930.
- Вестник Союза Русскихъ Просветительныхъ и Благотворительныхъ Обществъ в Эстоніи**: № 4. — Таллин (Ревель). 1930 г.
- Вѣстникъ Крестьянской Россіи**: № 5. — Прага.
- Пасха Свѣтлая**. — Москва. Апрель. 1930.
- А. Сѣдыхъ (Я. Цвибак)** : «Тамъ, гдѣ была Россія». — Изд. Я. Поволочкаго. Парижъ. 1930.
- Студенческій Бюлетень**: № 10. — Парижъ.
- Union des Avocats Russes en France**. — Paris.
- Ильязд** : Восхищеніе. — Романъ. — Сорокъ Первый Градусъ.
- Ф. Ф. Даниленко** : Огорченный. — Повѣсть. — 1930.
- Ф. Ф. Даниленко** : Вилла вѣчное спокойствіе. — Романъ. — 1930.
- М. А. Курчинскій** : Соединенные Штаты Европы. — Экономическія и политическія перспективы этой идеи. — Юрьевъ. 1930.
- Н. А. Распоповъ (А. Стромовъ)** : Когда говорить Азія... (Предисловіе А. И. Куприна). — Парижъ. 1930.
- Н. А. Распоповъ (А. Стромовъ)** : Томи. — Романъ. — Парижъ. 1930.
- Бюлетень Экономическаго Кабинета проф. С. Н. Прокоповича**: № 79. Май. 1930.
- Карпатскій Свѣтъ**: № 5-6. — 1930.
- Архивъ Русской Революціи**. — Т. XX.

- Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ:** Вып. 1 и 2. — Бѣлградъ. 1930.
- День Русскаго Просвѣщенія.** — Июль. 1930.
- С. Х. Лебедевъ:** Въ грозные годы... — Пѣсни и думы 1914-1930 годовъ. — Двинскъ. 1930 г.
- С. Комаровъ:** Вѣчный танецъ. — Романъ. — Парижъ. 1930.
- Бюллетень Американской федерации:** Партия Соціалистовъ-революціонеровъ. — Июнь 1930.
- Рубежъ:** Еженед. литературно-художеств. журналъ. — №№ 21 и 22.
- Научно-литературный сборникъ галицко-русской матицы.** — Годъ изд. LXV. — Подъ ред. В. Р. Ваврика. — Львовъ. 1930.
- Перекрестокъ:** Сборникъ стиховъ. — Парижъ. 1930.
- Кирилль Христовъ :** Чета на Балкана. — Епическа поема. — Софія. 1930 г.
- Б. Э. Нольде:** Далекое и Близкое. — Историческіе очерки. — Издат. «Современныя Записки».
- И. И. Венсовичъ:** Покуривая трубку... Рифмованный блокнотъ. — Харбинь. 1930.
- Стефанія Лютыкъ (Витольдова):** Жизнь — борьба. — Романъ. — Рига. 1930.

Семинарій имени Н. П. Кондакова въ Прагѣ

17 февраля сего года исполнилось пять лѣтъ со дня смерти академика Никодима Павловича Кондакова, одного изъ самыхъ большихъ ученыхъ нашей эпохи въ области археологій, исторіи искусства и византиновѣдѣнія, оказавшаго своими работами глубокое и длительное вліяніе на развитіе не только русской, но и всемірной науки.

По смерти Кондакова, группа лицъ изъ числа его учениковъ, друзей и почитателей, чувствуя свою нравственную обязанность передъ памятью Н. П. Кондакова, не прекращать своего научнаго общенія, образовала дружеско-научное объединеніе — семинарій имени Н. П. Кондакова (*Seminarium Kondakovianum*). Своей основной задачей этотъ Семинарій поставилъ сохраненіе и дальнѣйшее развитіе той традиціи въ исторіи изученія культурнаго прошлаго Россіи, основателемъ которой былъ покойный академикъ Кондаковъ.

Въ развитіе этой своей цѣли, Семинарій организовалъ періодическія еженедѣльные ученныя собранія, на которыхъ обсуждались, совмѣсто критиковались и разбирались результаты научныхъ работъ участниковъ (что до нѣкоторой степени замѣняло контроль и руководство покойнаго ученаго и дало возможность закончить образова-

ніе его ученикамъ, бывшимъ въ моментъ его смерти еще студентами университета), а также реферировались библиографическія новости. Кругъ научныхъ интересовъ Семинарія — это дисциплины, надъ которыми работали Кондаковъ: археологія, исторія искусствъ, византиновѣдѣніе и соприкасающіяся съ ними, какъ древне-русская исторія, исторія кочевниковъ и т. п.

Въ составъ Семинарія вошли кн. Н. Г. Яшвилъ, Т. Н. Родзянко, проф. А. П. Калитинскій, проф. Г. В. Вернадскій, Н. П. Толль, Н. М. Бѣляевъ, М. А. Андреева, Г. А. Острогорскій, Д. А. Расовскій, Н. В. Вернадская, Л. П. Кондрацкая, В. Н. Лосскій. Руководство занятіями взяли на себя профессора А. П. Калитинскій и Г. В. Вернадскій (последній въ 1927 г. перѣхалъ въ Нью-Гавенъ въ С. А. С. Ш).

Въ теченіе перваго года состоялось 15 засѣданій; въ итогѣ, накопившійся матеріалъ далъ возможность, при матеріальной поддержкѣ друзей покойнаго Кондакова — Ch. K. Crane и J. O. Crane, приступить къ печатанію особаго сборника, посвященнаго памяти Н. П. Кондакова. Сталъ вопросъ о необходимости создать постоянный периодическій органъ для помѣщенія результатовъ научныхъ изысканій въ области изученія Византіи, исторіи искусствъ и древне-русской культуры. Семинарій им. Кондакова и взялъ на себя эту миссію, печатая съ 1927 г. выпускать свой ежегодникъ «Seminarium Kondakovianum. Recueil d'études».

Въ 1-омъ томѣ этого ежегодника приняли участіе 23 русскихъ ученыхъ, изъ коихъ 12 — изъ Россіи, и одинъ западно-европейскій. О значительности этого изданія можно судить по отзывамъ о немъ западно-европейской критики. Такъ, проф. Гельсингфорскаго университета, извѣстный археологъ Талльгрень, написалъ объ изданіяхъ Семинарія: «За послѣднія 10 лѣтъ, какъ на самую значительную и лучшую работу по изученію древностей Восточной Европы, слѣдуетъ безспорно указать на пражскій «Seminarium Kondakovianum» (E. S. A. томъ III, стр. 193).

Въ слѣдующемъ 1928 году, второй томъ своего ежегодника Семинарій рѣшилъ посвятить памяти умершаго 10 лѣтъ тому назадъ академика Як. Ив. Смирнова, одного изъ любимѣйшихъ и самыхъ блестящихъ старшихъ учениковъ Кондакова. Почтить память его на родинѣ, въ Россіи, не было возможнымъ въ настоящее время, и Семинарій взялъ на себя инициативу этого дѣла; кромѣ русскихъ приняли участіе въ этомъ сборникѣ также французскіе, чешскіе, сербскіе, нѣмецкіе, австрійскіе и венгерскіе ученые. Матеріала собралось такъ много, что его пришлось разбить на два тома:

Первый томъ этого Смирновскаго Сборника, упомянутый ежегодникъ 1928 г., заключаетъ въ себѣ статьи 28 авторовъ, изъ коихъ 15 было изъ Россіи. Последніе, вскорѣ по выходѣ Сборника, какъ извѣстно, заплатились за свое сотрудничество въ «Seminarium Kondakovianum», а совѣтская власть категорически запретила дальнѣйшее ихъ сотрудничество въ этомъ учрежденіи.

Въ 1930 г. появился третій ежегодникъ, за 1929 г., съ участіемъ

какъ иностранныхъ (нѣмецкаго, чешскаго, сербскаго) ученыхъ, такъ и русскихъ — изъ Франціи, Германіи, Англии, С. А. С. Ш., Чехословакии, Югославіи. Онъ представляетъ собою второй томъ Смирновскаго Сборника.

Въ настоящее время готовится IV-й ежегодникъ, долженствующій быть юбилейнымъ — 5-лѣтія Семинарія, и будетъ посвященъ памяти учителя — акад. Н. П. Кондакова.

Кромѣ упомянутыхъ ежегодниковъ, заключающихъ въ себѣ наибольшія — въ 1 - 2 листа статьи по разнообразнымъ вопросамъ исторіи и культуры Византіи, археологіи и исторіи искусства вообще, Семинарій издаетъ одновременно еще двѣ спеціальныя серіи — «Зографику» по исторіи иконописи, другую — «Скифику» по кочевниково-вѣдѣнію.

Главной задачей предпринятой серіи «Зографика» является представленіе возможности изучать матерьялъ касающійся иконописи; поэтому особое вниманіе въ этой серіи обращено на воспроизведеніе памятниковъ, текстъ же является пособіемъ для публикуемаго памятника и долженъ носить по большей части характеръ фактической Редактированіе этой серіи Семинарій поручилъ Н. М. Бѣляеву. Въ 1928 году былъ выпущенъ 1-ый номеръ «Зографики», посвященный древнѣйшему памятнику русской иконописи въ Россіи — Владимірской иконой Божьей Матери. Текстъ написанъ проф. А. И. Анисимовымъ. Одновременно съ русскимъ изданіемъ этой монографіи, выпущено и англійское: «Our Lady of Vladimir by prof. A. J. Anisimov», translated by Princess N. G. Jaschwill and T. N. Rodzianko. Prague, 1928. Въ настоящее время готовятся къ печати дальнѣйшіе выпуски этой серіи: «Христосъ во гробѣ» Н. М. Бѣляева и «Икона Спаса въ Соборѣ Лаон» — профессора Страсбургскаго университета А. Н. Грабара.

Другая серія — «Скифика», преслѣдуетъ изданіе отдѣльныхъ работъ, посвященныхъ исторіи, археологіи, и этнографіи кочевниковъ; причѣмъ упомянутая серія ставитъ себѣ цѣлью печатаніе работъ не только касающихся кочевниковъ юга Россіи, но вообще всего европейско-азиатскаго кочевническаго міра отъ Паннопской низменности до границъ Китая.

Весной 1929 г. появился первый выпускъ «Скифики» съ работой русскаго ученаго, которому принадлежитъ по праву первое мѣсто въ области изученія археологіи скифскаго міра — проф. Мих. Ив. Ростовцева: «Срединная Азія, Россія, Китай и звѣривый стиль». Книга снабжена 11-ю фототипическими таблицами, текстъ же напечатанъ одновременно на русскомъ и французскомъ языкахъ. Осенью того же года вышла вторая книга этой серіи, съ работой мадыарскаго ученаго, хранителя отдѣленія эпохи переселенія народовъ Будапештскаго Национальнаго Музея — д-ра Н. Фетиха, посвященная недавно произведеннымъ раскопкамъ предполагаемыхъ аварскихъ древностей на территоріи Венгріи — «Bronzeguss und Nomadenkunst auf Grund der ungarländischen Denkmäler (стр. 96+XVII таблицъ), съ приложеніемъ

емъ статьи L. Bartucz'a, *Über die anthropologischen Ergebnisse der Ausgrabungen von Mosuszentjános, Ungarn*. Подготавливаются къ печати рядъ другихъ монографій для данной серіи.

Кромѣ этихъ періодическихъ и неперіодическихъ изданій Семинарій поставилъ себѣ цѣлью издавать и отдѣльные самостоятельные труды въ области византиновѣдѣнія и исторіи искусствъ. И прежде всего заботою Семинарія было издавать еще не опубликованные труды акад. Н. П. Кондакова, оставшіеся послѣ его смерти.

Въ 1928 г. Семинарій приступилъ къ изданію большого изслѣдованія Н. П. Кондакова «Русская Икона». Изданіе состоитъ изъ двухъ большихъ атласовъ таблицъ и двухъ томовъ текста, принадлежащихъ перу Н. П. Кондакова. Къ 28 октября 1928 г. Семинарій выпустилъ Альбомъ 65-ти иконъ въ краскахъ. Альбомъ изготовленъ типографіей «Унія» въ Прагѣ и представляетъ первый томъ задуманнаго изданія. Краткій текстъ къ нему, въ видѣ описанія иконъ, напечатанъ на русскомъ, чешскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. Этотъ альбомъ Семинарій посвятилъ чешскому народу ко дню 10-ти лѣтія его освобожденія въ знакъ благодарности народу за разностороннюю помощь его сбереженію русской культуры въ тяжелые переживаемые ею годы. Несмотря на высокую цѣну — альбомъ этого стоитъ 50 амер. долларовъ — изданіе быстро разошлось въ Европѣ и Америкѣ и нынѣ оно почти распродано. Въ 1929 г. изданъ былъ 2-ой альбомъ «Русской Иконы», состоящій изъ 136-ти фототипическихъ (черныхъ) таблицъ. Теперь находится въ печати первый томъ текста Н. П. Кондакова.

Желая почтить память скончавшейся въ 1928 г. въ Парижѣ извѣстной дѣятельницы русскаго просвѣщенія — кн. М. К. Тенишевой, основательницы Смоленскаго Музея ея имени, Семинарій издалъ посмертное сочиненіе княгини «Эмаль и ипкрстація». (Прага, 1930. Стр. 116+XL табл.). Въ этомъ изданіи приняли участіе ближайшій другъ покойной, кн. Е. К. Святополкъ-Четвертинская, художникъ Н. К. Рерихъ, написавшіе статьи памяти кн. М. К. Тенишевой и художникъ И. И. Билибинъ, нарисовавшій обложку.

Къ этому же ряду отдѣльныхъ изданій относится недавно выпущенная Семинаріемъ (мартъ 1930) по чешски книга о «Византийскихъ эмаляхъ Завишева Креста въ Вышнемъ Бродѣ», посвященная Президенту Т. Г. Масарику къ его 80-лѣтію. На 10-ти красочныхъ таблицахъ воспроизводятся эмалевые медальоны XI - XII в. в., находящіеся на крестѣ, хранящемся теперь въ одномъ изъ монастырей южной Чехіи. Чешскій текстъ написанъ проф. Карлова Университета д-ромъ К. Хитиломъ; это изданіе выпущено также и по-англійски, въ переводѣ проф. Кембриджскаго университета И. Е. Миннса.

Наконецъ, членомъ Семинарія, Н. П. Толлемъ, былъ изданъ каталогъ «Коптскихъ тканей Художественно-Промышленнаго Музея въ Прагѣ» (Прага, 1928, стр. 43, табл. XI).

Но работа Семинарія за 5 лѣтъ своего существованія не ограничивалась однако его издательскою дѣятельностью. Какъ уже было

упомянуто выше, Семинарій организоваль постоянныя ученныя засѣданія своихъ членовъ и гостей, а также устраивалъ торжественныя публичныя собранія съ участіемъ какъ мѣстныхъ русскихъ и чешскихъ ученыхъ (акад. В. А. Францевъ, проф. Н. Л. Окуневъ, проф. д-ръ Л. Нидерле, проф. д-ръ М. Вейнгартъ), такъ и прѣзжавшихъ изъ другихъ странъ (проф. С. Г. Елисѣевъ изъ Парижа, пр. доц. Г. А. Острогорскій изъ Бреслава, д-ръ Ф. Феттихъ изъ Будапешта).

Для успѣшности занятій своихъ членовъ, Семинарій посылала ихъ въ научныя командировки за границу для занятій въ библіотекахъ, осмотра музеевъ и памятниковъ старины. Такимъ образомъ были посылаемы сотрудники Семинарія въ Германію, Францію, Англію, Бельгію, Югославію, Болгарію, Грецію, Венгрію, Австрію и въ различныя мѣста Чехословакіи.

При Семинаріи была устроена библіотека, быстро увеличивающаяся благодаря вливу въ нее библіотекъ покойнаго акад. Н. П. Кондакова и кн. М. К. Тенишевой, а также благодаря наладившемуся обмѣну своими изданіями съ различными европейскими, азіатскими и американскими научными учрежденіями. Въ настоящее время библіотека насчитываетъ болѣе двухъ тысячъ номеровъ спеціальной литературы по исторіи искусствъ, археологіи и византиновѣдѣнію.

Наконецъ, Семинарій принимаетъ участіе въ международныхъ ученыхъ сѣздахъ. Въ 1927 г. — въ II Византологическомъ конгрессѣ въ Бѣлградѣ, и во II сѣздѣ Славянскихъ этнографовъ и географовъ въ Польшѣ, и въ 1928 году въ международномъ конгрессѣ народного искусства въ Прагѣ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ“

И. А. БУНИНЬ. — ИЗБРАННЫЕ СТИХИ.

Изъ отзывовъ печати:

Исторія русской литературы почти не знаетъ примѣровъ такого непрерывнаго подъема, какъ у Бунина. Это сказывается и въ книгѣ его стиховъ, полной самаго неподдѣльнаго, высокаго искусства...

М. Алдановъ.

Читая и перечитывая эту новую книгу нашего великаго писателя, я впервые понялъ, какое огромное явленіе — Бунинъ-поэтъ...

К. Зайцевъ.

Стихи Бунина — лучшее, что создано русской музой за нѣсколько послѣднихъ десятилѣтій... Поэта, равнаго ему, не было со временъ Тютчева...

В. Сиринъ.

Чѣмъ пристальнѣе вчитываешься въ стихи Бунина, тѣмъ больше ощущаешь ихъ пронзительную лиричность и глубокую философичность... нѣкій неустанно вращающійся трагическій кругъ... высокую религиозность Бунинской музыки, отъ простаго, временнаго такъ легко и просто поднимающейся къ великому, вѣчному...

Ф. Степунъ.

Съ радостью припадаешь къ этому источнику чистой, тонкой, чудесной красоты, полной вѣщаго, таинственнаго смысла...

П. Пильскій.

М. А. АЛДАНОВЪ. — КЛЮЧЪ. Романъ.

Изъ отзывовъ печати:

«Маскировка сюжета есть одинъ изъ тончайшихъ и самыхъ изящныхъ художественныхъ приемовъ; она чрезвычайно трудна, потому что рискованна, — и вслѣдствіе этого рѣдка. Къ такой маскировкѣ прибѣгъ Алдановъ... Разгадка дана самимъ авторомъ уже очень давно... Тутъ, конечно, со стороны Алданова снова «приемъ» — и на мой взглядъ совершенно очаровательный. Прибавлю даже, что по структурѣ онъ напоминаетъ нѣкоторые изъ приемовъ, которыми Пушкинъ «для себя» тайно связывалъ инныя изъ своихъ произведеній».

Вл. Ходасевичъ.

«Ключъ» не только прекрасный романъ. Это и существенный вкладъ въ литературу о Россіи и о русской революціи. Я не могу сейчасъ останавливаться на изкоженіи и истолкованіи алдановской

историсофии. Она очень интересна.. Въ воспроизведеніи Петербурга наканунѣ катастрофы, и въ его конкретностяхъ, и въ его символическомъ величіи, Алдановъ проявилъ огромную зоркость и чуткость.. Замыселъ автора великъ и труденъ».

Кир. Зайцевъ.

«Сюжетная загадка отошла на второй планъ, затмеваемая и загнѣваемая громадною развертывающеюся картиною быта, настроеній, общаго возбужденія, зловѣщимъ смысломъ окружившихъ и приближившихся событій.. Не все ли равно, кто убилъ Фишера?... Главное въ другомъ, — эпоха, ея герои, открывшаяся пропасть».

П. Пильский.

«Мнѣ и по своимъ художественнымъ достоинствамъ «Ключъ» представляется самымъ значительнымъ произведеніемъ Алданова».

Г. Адамовичъ.

«М. А. Алдановъ своимъ новымъ романомъ даетъ образчикъ того, какъ можно и должно облекать динамику романа плотью и кровью»
А. Кизеветтеръ.

Ф. СТЕПУНЪ. — НИКОЛАЙ ПЕРЕСЛѢГИНЪ. Романъ.

Изъ отзывовъ печати:

Русское открытое сердце и зоркость глаза соединяются у Степуна съ высокою духовностью мыслителя европейскаго масштаба.

Karl Frisch «Frankfurter Zeitung».

Нѣтъ книги, въ которой о любви были бы сказаны болѣе тонкія и значительныя истины.

F. Seger «Münchener Zeitung».

Блестящая вещь: она вся сверкаетъ оригинальными, глубокими и остроумными мыслями.

Karl Noetzel «Münchener neueste Nachrichten».

Нѣтъ сомнѣній, что «Николай Переслѣгинъ» созданіе очень духовнаго и глубоко аристократическаго таланта.

Ю. И. Айхенвальдъ.

«Николай Переслѣгинъ» самое прекрасное, что когда-либо было написано о любви. При этомъ дѣйствіе романа развивается съ такою напряженностью, что отъ книги нельзя оторваться.

Karl Fischer «Schacht».

Б. К. ЗАЙЦЕВЪ. — АННА. Романъ.

Изъ отзывовъ печати:

Это вещь замѣчательная. «Анна» самое своеобразное и мастерское изъ всего, что написалъ Зайцевъ.

Г. Адамовичъ.

Прочитавъ «Анну», мы убѣждаемся, что все, что мы знали до сихъ поръ о Зайцевѣ, было лишь предверіемъ Зайцева. Въ будущее его ведетъ дверь и на этой двери написано: «Анна».

П. Мураговъ.

Одна изъ лучшихъ русскихъ повѣстей послѣднихъ лѣтъ.

М. Л. Гофманъ.

Въ своей внутренней душевной собранности, соединяя въ ней огненную любовь, волю и великую нѣжность, Анна рѣшительная, ясная, смѣлая, какъ-то естественно становится въ рядъ былыхъ образовъ русской женщины, перекликается съ тургеневскими дѣвушками.

Петръ Пильскій.

Всѣ лица романа тонко и четко выписанные психологическіе портреты. Автору можно высказать много лестнаго по поводу и отдѣльныхъ характеровъ и общей бытовой картины.

Кирилль Зайцевъ.

В. ЗЕНЗИНОВЪ. — БЕЗПРИЗОРНЫЕ.

Изъ отзывовъ печати:

Какъ ни остро воспринималъ я весь ужасъ разсказовъ о безпризорности, — грозность этого явленія не вполнѣ была мнѣ известна. Къ такому сознанию пришелъ я лишь теперь, прочитавъ книгу В. Зензинова.

Вл. Ходасевичъ.

Книгу нельзя назвать иначе, какъ «лѣтописью національной скорби».

И. Демидовъ.

Наконецъ-то появилась книга, потребность въ которой уже давно и остро ощущалась.

А. Маклецовъ.

Съ какимъ-то душевнымъ вниманіемъ (это больше, чѣмъ «изученіе») подошелъ къ вопросу авторъ. И нельзя оторваться отъ этой страшной книги, начавъ ее читать.

Е. Кускова.

М. В. ВИШНЯКЪ

ПРАВО МЕНЬШИНСТВЪ

Цѣна 10 франковъ

Главный складъ изданія въ кн. дѣлѣ «РОДНИКЪ».
Librairie «LA SOURCE», 106, rue de la Tour, Paris (XVI)

Из-во „Современныя Записки“

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

- И. А. Бунинъ: Жизнь Арсеньева (Романъ).
И. А. Бунинъ: Избранные стихи.
Б. К. Зайцевъ: Анна (Романъ).
М. А. Алдановъ: Ключъ (Романъ).
Ф. А. Степунъ: Николай Переслѣгинъ (Романъ).
Георгій Песковъ: Памяти Твоей.
Гал. Кузнецова: Утро (Разказы).
Т. И. Полнеръ: Л. Толстой и его жена.
Левъ Шестовъ: На вѣсахъ Юва.
В. А. Маклаковъ: Левъ Толстой.
В. М. Зензиновъ: Безпризорные.
П. Н. Милюковъ: Очерки по ист. русск. культуры ч. III.
Сборникъ, посвященный 175-лѣттю Московскаго у—та.
Б. Э. Нольде: Далекое и Близкое.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

- П. Н. Милюковъ: Очерки по ист. рус. культуры ч. I, II и IV.
И. С. Шмелевъ: Солдаты (Романъ).
М. А. Осоргинъ: Повѣсть о сестрѣ.
В. В. Сиричь: Соглядатай.
Ф. И. Шаляпинъ: Воспоминанія.
О. О. Грузенбергъ: Мои воспоминанія.
О. О. Грузенбергъ: Мои рѣчи.
В. А. Маклаковъ: Изъ прошлаго.
В. Ф. Ходасевичъ: Люди символизма.
М. И. Ростовцевъ: О Ближнемъ Востокѣ.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ БЮГРАФИИ:

- И. А. Бунинъ: М. Ю. Лермонтовъ.
Б. К. Зайцевъ: И. С. Тургеневъ.
М. А. Алдановъ: Александръ I.
В. Ф. Ходасевичъ: А. С. Пушкинъ.
В. Ф. Ходасевичъ: Г. Р. Державинъ.
М. О. Цетлинъ: Декабристы.

Заказы принимаются въ конторѣ издательства: „Annales Contemporaines“, 106, Rue de la Tour, PARIS (XVIe) и на складѣ : Fremden-Buchhandlung H. Sachs. A. G. BERLIN S. W. 48, Hedemannstr. 6. — „Москва“, 9, Rue Dupuytren, PARIS (VIe).

Общественно-политический и литературный журналъ

10-я годъ
изданія

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ

10-я годъ
изданія

основанный Н. Д. Авксентьевымъ, И. И. Бунаковымъ, М. В. Вишнякомъ,
А. И. Гукскимъ (†), В. В. Рудневымъ.

Въ вышедшихъ по настоящее время книжкахъ «Современныхъ Записокъ» напечатаны беллетристическія произведенія: Леонида Андреева, М. А. Алданова, К. Д. Бальмонта, И. А. Бунина, Андрея Бѣлаго, Б. П. Вышеславцева, Ал. Гефтера, Г. Д. Гребенщикова, Д. С. Мережковского, Б. К. Зайцева, Е. И. Замятина, П. К. Иванова, Л. А. Матусевича, С. Р. Минцлова, Георгія Пескова, А. М. Ремизова, Н. Я. Рощина, Ив. Соколова - Микитова, С. Соколя - Слободского, Ф. А. Степуна, Ильи Сургучева, гр. А. Н. Толстого, Софій Федорченко, Е. Н. Чирикова, Ив. С. Шмелева, С. С. Юшкевича. — Стихотворенія: Г. Адамовича, Амари, К. Д. Бальмонта, Н. Н. Берберовой, И. А. Бунина, Максимиліана Волошина, А. Герцыкъ, З. Гиппиусъ, Вячеслава Иванова, Г. Иванова, Н. Краиневской, Д. Кнута, Галины Кузнецовой, А. Ладинскаго, Сергѣя Маковского, А. Несмѣлова, Мих. Осоргина, Н. Оцуца, В. Познера, Б. Поплавскаго, В. Сирина, П. С. Соловьевой (Allegro), Ф. Сологуба, Тэффи, В. Ходасевича, Марины Цвѣтаевой. — Дневники и воспоминанія: Е. К. Брешковской, О. О. Грузенберга, Ел. Джанумовой, К. Ельцевой, В. М. Зензинова, А. Ф. Керенскаго, В. Г. Короленко, В. А. Маклакова, кн. В. Оболенскаго, Т. И. Полнера, И. Е. Рѣпина, Льва Толстого, В. Ф. Ходасевича, М. И. Цвѣтаевой, М. В. Щербакоева. — Статьи по вопросамъ литературы, искусства, философск., политич., экономич. и социальнымъ: С. Абрамова, Н. Д. Авксентьева, М. А. Алданова, П. Н. Апостола, А. А. Аргунова, А. Байкалова, К. Д. Бальмонта, А. А. Бема, Н. А. Бердяева, П. М. Бицилли, Е. Богданова, М. В. Брайкевича, В. Брейшвейта, Б. Бруцкуса, И. И. Бунакова, В. Вейдле, проф. П. Г. Виноградова, М. В. Вишняка, В. Водозозова, кн. С. М. Волконскаго, Н. Ганца, М. О. Гершензона, С. I. Гессена, Б. Гефдингга, М. Л. Гофмана, М. Л. Гошиллера, К. К. Грюнвальда, А. И. Гукковского (А. Сѣверова), Г. Д. Гурвича, Ю. Н. Данилова, Юрія Данилова, Ю. Делевскаго, И. Демидова, Донео, С. П. Жаба, С. О. Загорскаго, В. В. Зѣньковскаго, Ст. Ивановича, С. А. Иванова, Л. П. Карсавина, С. И. Карцевскаго, К. Р. Качоровскаго, А. Ф. Керенскаго, А. А. Кизеветтера, С. А. Кобякова, А. А. Кофранскаго, В. Г. Короленко, С. А. Корфа, Ант Крайняго, Е. Д. Кусковой, В. Ладыженскаго, М. Лазерсона, З. Ленскаго, А. А. Леонтьева, Г. Ловикаго, Н. О. Лосскаго, С. В. Лурье, Г. М. Лунца, В. А. Маклакова, А. Н. Мандельштама, С. И. Метальникова, П. Н. Милюкова, Н. М. Минскаго, Б. С. Миркина - Гелевича, А. М. Михельсона, П. П. Муратова, В. А. Мякотина, В. М., Л. Неманова, барона Б. Э. Нольде, А. С. Орлова, М. А. Осоргина, Н. Ф. Мельниковой - Папоушекъ, А. Б. Петрищева, С. Л. Полякова - Литовцева, П. Прокофьева, Л. М. Пумпянскаго, А. В. Пѣшехонова, Ф. И. Родичева, М. И. Ростовцева, В. В. Руднева, С. Д. Сазонова, Ю. Сазоновой, Д. Святополкъ - Мирскаго, М. Л. Слонима, Б. Ф. Соколова, Д. М. Соколычева, С. М. Соловейчика, П. А. Сорокина, Ф. А. Степуна, В. И. Талина, Н. С. Тимашева, С. П. Тюрина, А. Н. Ульянова, Г. Я. Флоровскаго, А. А. Чупрова, И. М. Хераскова, М. О. Цетлина, Б. Г. Шацкаго, Л. И. Шестова, Б. Ф. Шлецера, Ив. Якушева и др.

Цѣна отдѣльнаго номера 25 франковъ.

Адресъ Редакціи и Конторы:

106, Rue de la Tour, PARIS (XVI*) — Téléphone: Trocadéro 31-66

Imp. Union, 13, rue Méchain.

Le gérant: Chalt.